
МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛЬМАНАХ
INTERNATIONAL ALMANAC
ГУМАНИТАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
HUMANITY SPACE
Том 4, No 5
Volume 4, No 5
ISSN 2226-0773
2015
Том 4, No 5
Volume 4, No 5
МОСКВА-ЯВНЕ
MOSCOW-YAVNE
http://www.humanityspace.com
http://www.humanityspace.net
http://www.humanityspace.ru
http://www.гуманитарноепространство.рф
ISSN 2226-0773
9 772226 077005

ISSN 2226-0773

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛЬМАНАХ
INTERNATIONAL ALMANAC

ГУМАНИТАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
HUMANITY SPACE

Том 4, No 5
Volume 4, No 5

МОСКВА-ЯВНЕ
MOSCOW-YAVNE
2015

Гуманитарное пространство. ***Международный альманах*** **ТОМ 4, No 5, 2015**

Humanity space. ***International almanac*** **VOLUME 4, No 5, 2015**

Главный редактор / Chief Editor: **М.А. Лазарев / M.A. Lazarev**
Дизайн обложки / Cover Design: **М.А. Лазарев / M.A. Lazarev**
E-mail: **humanityspace@gmail.com**
Научный редактор / Scientific Editor: **В.П. Подвойский / V.P. Podvoysky**
E-mail: **9036167488@mail.ru**
Литературный редактор / Literary Editor: **О.В. Стукалова / O.V. Stukalova**
E-mail: **chif599@gmail.com**

Веб-сайт / Website: **http://www.humanityspace.com**
http://www.humanityspace.net
http://www.humanityspace.ru
http://www.гуманитарноепространство.рф

Издательство / Publishers:
Высшая Школа Консалтинга / Higher School Consulting
Россия, Москва, Товарищенский пер., 19, оф. 19
Tovarishchensky side street, 19, office 19, Moscow, Russia

Напечатано / Printed by:
АЕГ Груп Дизайн и Печать / AEG Group Design & Printing
123056, Москва, Грузинский Вал, 11
Gruzinsky Val, 11, Moscow 123056 Russia

Официальный представитель / Official representative:
1. Чеховский механико-технологический техникум молочной промышленности
142322, Московская обл., Чеховский район, п. Новый Быт, ул. Новая, д. 4
Chekhov Mechanics and Technology College Dairy Industry
Novaya str., 4, Novyy Byt, Chekhov distr., Moscow reg., 142322, Russian
2. Музыкальный обозреватель, бул. Дуани, 35-11, Явне, Израиль, 81 551
Musical reviewer, sd. Duani, 35-11, Yavne, Israel, 81 551

Дата выпуска / Date of issue: **16.11.2015**
Реестр / Register: **ISSN 2226-0773**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
EDITORIAL BOARD

Сёке Каталин / Szoke Katalin [Венгрия / Hungary]
кандидат филологических наук, доцент [Ph.D. (Philology), assistant professor]
Института Славистики Сегедского университета
Institute of Slavic Studies of the University of Szeged
Стукалова Ольга Вадимовна / Stukalova Olga Vadimovna
доктор педагогических наук, доцент [Ph.D. (Pedagogy), assistant professor]
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт художественного образования и культурологии» Российской Академии Образования
Federal State Budget Research Institution of the Russian Academy of Education
«Institute of Art Education and Culture»
Темиров Таймураз Владимирович / Temirov Taymuraz Vladimirovich
доктор психологических наук, профессор (Dr.Sc.(Psychology), Professor)
Государственное образовательное учреждение среднего профессионального образования Московской области «Чеховский механико-технологический техникум молочной промышленности»
State educational institution of secondary vocational education in the Moscow Region "Chekhov Mechanics and Technology College Dairy Industry"
Табачникова Ольга Марковна / Tabachnikova Olga Markovna
[Великобритания: Бат / United Kingdom: Bath]
кандидат физико-математических наук, кандидат филологических наук
[Ph.D. (Physico-Mathematical), Ph.D. (Philology)]
Университет г. Бат, Великобритания
University of Bath, United Kingdom
Щербакова Анна Иосифовна / Shcherbakov Anna Iosifovna
доктор педагогических наук, доктор культорологии, профессор [Dr.Sc.(Pedagogy), Ph.D.(Culturology), Professor]
Российский Государственный Социальный Университет
действующей член Международной академии наук педагогического образования
Russian State Social University
member of the International Academy of Science Teacher Education

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 614-622

Канадский Златоуст, архиепископ Арсений (Чаговцов)

А.Б. Ефимов[1], Р.Ю. Чакаев[2]

[1-2]Негосударственное образовательное учреждение Высшего профессионального образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»
Миссионерский факультет
109651, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
[1-2]Private educational institution of higher education “Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities”
Missionary faculty
Ilovayskaya str. 9, building 2, Moscow 109651 Russia
e-mail: missioner_pstgu@mail.ru[1], rus71rus@mail.ru[2]

Ключевые слова: Архиепископ, Харьков, монашество, Американская православная миссия.
Key words: Archbishop, Kharkov, monasticism, the American Orthodox mission.
Резюме: Отец Арсений (Чаговцов), будучи в Америке, создает первый православный монастырь, его статьи издаются в православном вестнике Америки, он борется с униатами и сектантами. Прекрасный проповедник, он организует школу для детей. В Канаде первым же делом отец Арсений замыслил монастырский проект. За блестящие проповеди, статьи и речи, его прозвали канадским Златоустом.
Abstract: Father Arseny, being in America creates the first Orthodox monastery, his articles were published in the Orthodox journal America, he fights with the Uniates and sectarians. The father is a wonderful preacher, organizing school for children. In Canada, the first thing the father Arseny has just fomented a monastic project. He was nicknamed the Canadian Chrysostom.
[Efimov A.B.[1], Chakaev R.Yu.[2] The Canadian Chrysostom, Archbishop Arseny (Chagovcov)**]**

Один из выдающихся миссионеров первой половины двадцатого века архиепископ Арсений (Чаговцов) родился 10 марта 1866 года в Харьковской губернии в семье псаломщика Льва Чаговца, рано осиротел и как старший из пяти детей был направлен на учебу в Харьковское Духовное училище, а затем в Харьковскую семинарию (Fr. John Hainsworth “Archbishop Arseny: A Vita in Process: 1-2.).

В 1885 году Андрей женился на православной девице Параскеве, а в следующем, 1886 году, у них в семье родился сын - будущий священномученик Дионисий (†1937).

По семейным обстоятельствам, 29 марта 1887 года, Высокопреосвященнейшим архиепископом Харьковским Амвросием (Ключаревым) Андрей Чаговец (оригинальный малороссийский вариант фамилии) рукоположен в диакона, а в 1890 году 7-го мая - во священника и определён к Рождество-Богородичной церкви слободы Дергачи. С 18 апреля 1891 года состоял законоучителем в местной церковно-приходской школе.

Семейное счастье не продлилось долго: супруга отца Андрея отошла ко Господу, и в ноябре 1900 года отец Андрей пишет прошение на имя архиепископа Амвросия о принятии иночества и 23 числа того же месяца получает разрешение. Отец Андрей принимает монашество с именем Арсений, в честь преподобного Арсения Коневского и его определяют в число братии Куряжского Преображенского монастыря Харьковской губернии.

В это время епископ Северо-Американский Тихон (Беллавин), впоследствии Патриарх Московский и всея Руси, набирал священников для нужд Православной Церкви в Америке. Отец Арсений, будучи прирожденным проповедником, откликается на этот призыв. Согласно прошению архиепископа Тихона, в ноябре 1902 года иеромонах Арсений назначен Священным Синодом в Американскую православную Миссию.

В январе 1903 года иеромонах Арсений прибыл в США. Резолюцией епископа Тихона он назначается настоятелем православного прихода в городе Вест Трой, штат Нью-Йорк. В 1904 году отца Арсения переводят настоятелем в Мэйфилд, штат Пенсильвания, где он стал вторым православным настоятелем этого прихода, возвратившегося из унии. Видя горение в вере, иеромонах Арсений вносит в приходскую жизнь мысль о создании первого на американском континенте монастыря. Его предложение увенчалось успехом, и он нашёл среди прихожан людей, которые жертвуют землю под монастырь и строят на ней часовню. Владыка Тихон поддержал намерения иеромонаха Арсения. При монастыре создается также сиротский приют.

С конца 19 в. в США издается журнал «Американский православный вестник». Отец Арсений деятельно участвует в

данном периодическом издании. С самого приезда в Америку его статьи печатаются практически в каждом номере, откуда и мы знаем достаточно подробно о его служении на различных приходах и в монастыре. В печати, отец Арсений посвящает свои силы миссионерской деятельности, в том числе среди униатов и сектантов. Ему приходится сталкиваться с многочисленными кознями как со стороны ксёндзов, так и со стороны рядовых униатов. Униатские священники шлют с амвона проклятия в адрес православных, угрожают свой пастве адом в случае перехода в православие, стараются всячески очернить православную веру. Отец Арсений обличает униатское нечестие в том числе и с богословской точки зрения (АПВ. № 16, 1904: 314-316).

Немало сектантов присутствует в среде североамериканских эмигрантов. В основном это штундисты - сектанты протестантского толка. Отец Арсений также обличает их происки, характеризуя данную секту как социально опасную (АПВ. № 12, 1904: 227-230).

Не обходит вниманием батюшка и либералов, пытавшихся злорадствовать по поводу тяжкого положения России в русско-японской войне 1904-1905 гг. (Ardan, 1904: 4). В своих статьях он обращается и к русскому духовенству по поводу помощи раненым и пленным.

Отдельного внимания заслуживают взаимоотношения отца Арсения со святителем Тихоном (Беллавиным). Несомненно, отец Арсений (Чаговцов) являлся одной из самых выдающихся личностей в окружении владыки Тихона. Талантливый проповедник и активный хозяйственник, литературный деятель и пламенный миссионер. Создание первого православного монастыря уже выделяло его из числа американских православных пастырей, а обширная деятельность, развернутая на приходах, вместе с проповедническим талантом, несомненно ставили его в первых рядах православного священства в Америке.

Самое первое письмо владыке Тихону отец Арсений написал еще из России в ноябре 1902 года после получения согласия на принятие его в Алеутскую и Северо-Американскую епархию. В нем он испрашивал благословения на апостольскую

деятельность на Северо-Американском континенте, а также совета и инструкций по поводу дальнейших действий (Письмо иеромонаха Арсения епископу Тихону от 1 ноября 1902 г.).

Прошел лишь год с момента пребывания отца Арсения на Северо-Американском континенте, а он уже спешит поделиться с владыкой Тихоном радостью от плодов своих трудов и высылает Владыке фотокарточку детей из организованной им школы в городе Троя, обучающихся чтению, письму и молитве (Письмо иеромонаха Арсения архиепископу Тихону от 28 февраля 1904 г).

13-14 марта 1904 г. стало временем посещения прихода в г. Троя владыкой Тихоном. В 7 часов вечера отец Арсений в сопровождении двух человек отправился на железнодорожную станцию для встречи архипастыря. Поезд следовал из Нью-Йорка. Владыку сопровождали протоиерей А. Хотовицкий и диакон Антоний. Уже в восемь часов Владыка подъезжал к храму, где его встречали хлебом-солью. После торжественного богослужения Владыка отдыхал в доме священника, а ранним утром паства собралась для встречи своего архипастыря под реющими на ветру русскими флагами. К храму съехалось множество русских из других мест. После литургии представители прихода собрались в доме священника для беседы о делах приходской общины. Затем Владыка направился в школу на встречу с детьми. В конце дня была отслужена вечерня, а затем паства проводила Владыку со спутниками до кареты, отбывающей до железнодорожной станции. Оттуда им предстояло следовать в Нью-Йорк (АПВ. № 7, 1904: 125-129).

Через год о. Арсений вновь описывает прибытие владыки Тихона в сопровождении настоятеля Олдфоржского православного храма о. Илии Клопотовского и настоятеля храма в Сиэттле о. Владимира Александрова. Заметка содержит и фотографию с одной из литургий, проводившихся владыкой Тихоном с 24 по 29 мая (АПВ. № 12, 1905: 234-237).

Отец Арсений сопровождает владыку Тихона в поездках на далёкие фермы на лошадях. Больше уделяется описаниям природы того края, тому, с какой радостью и благодарностью принимали владыку Тихона «русины». Вот как он описывает обстановку внутри церкви Свт. Николая, в которой владыка

Тихон служил молебен: «Не залита была часовня светом от десяти горевших свечей, не виднелись богатыя люстры и паникадила, хоругви и кресты, не устлана была коврами часовня, что делается и в беднейших храмах при встречах архиереев, но зато души всех преисполнены были светом неизглаголанной радости, и особая торжественность чувствовалась среди убогой обстановки» (АПВ. № 13, 1905: 248-251).

По совершению молебнов, обсуждений с прихожанами возможности создания русской православной общины, владыка Тихон отбывает в Скрэнтон, Пенсильвания, а затем в Нью-Йорк «… и прочие города и веси для благовестия Христова и обозрения засеянных нив духовных» (АПВ. № 13, 1905: 248-251).

О. Арсений пишет о службах в день Ангела архипастыря владыки Тихона 13 августа. О. Арсений совершает моление о его здравии в стенах зарождающейся Свято-Тихоновской обители, при сослужении о. Илии Клопотовскаго и о. Алексия Богуславского. Теперь этот день является еще и престольным праздником обители. Днём ранее священники совершают всенощную в стенах приюта. В тот же день приветственную телеграмму прислал о. А. Хотовицкий. Вместе с сиротами монастырская братия послала своему архипастырю поздравительную телеграмму (АПВ. №17, 1905: 333-336).

В одном из своих последних писем владыке отец Арсений трогательно прощается с Владыкой в связи с переводом его в Ярославскую и Ростовскую епархию и надеется на личную встречу.

Владыку с отцом Арсением связывали дружеские взаимоотношения, хотя во время богослужений, и в личных письмах, несомненно, отцом Арсением соблюдалась необходимая субординация.

В июне 1908 года после сдачи по описи монастырского, приютского и приходского имущества архиепископом Платоном (Рождественским), который был прислан в Америку на место владыки Тихона, игумен Арсений назначен благочинным и управляющим Миссии в Канаде с центром в Свято-Троицком храме города Виннипега. Когда он прибыл в

Виннипег, то увидел, что зарождающийся административный центр миссии не только не имеет здания, но даже священник прихода живет в частных домах. По ходатайству игумена Арсения прихожане приобрели земельный участок, граничивший с церковным, и в 1910 на нем был выстроен двухэтажный дом, служащий жилищем для священника и квартирами-келиями для монахов и студентов. В замыслах отца Арсения был монастырский проект и открытие богословской семинарии, как это было потом в г. Эдмонтон, однако эти проекты не были завершены.

12 июля 1909 года игумен Арсений возведён в сан архимандрита преосвященным Рафаилом (Хававини), епископом Бруклинским (Письмо иеромонаха Арсения архиепископу Тихону от 28 февраля 1907 г.). Служение отца Арсения в Канаде также требовало множества сил, так как города в провинции Альберта находятся на большом расстоянии друга от друга, и, в связи с ухудшением здоровья отца Арсения, все это требовало неимоверных усилий. Кроме того, климатические условия были другими, нежели в Пенсильвании, расположенной южнее. В 1910 архимандрит Арсений подал прошению епископу Платону освободить его от обязанностей по Миссии в связи со слабым состоянием здоровья (Detailed Timeline Vita of Archbishop Arseny: 18 - Послужный список архимандрита Арсения за 1911 год).

Уже 6 июля 1910 года возвратился в Россию и был назначен на место нового служения в Святогорскую Успенскую пустынь Изюмского уезда Харьковской губернии. В 1913 году указом Священного Синода он становится епархиальным миссионером (A Century of Faith, 2002: 21-23). Архимандрит Арсений занялся искоренением в Харьковской губернии различных сект протестантского и иного происхождения: баптистов, евангелистов, скопцов. Одним из миссионерских мероприятий того времени, организованных отцом Арсением, стал многокилометровый Крестный ход в Белгород, прекрасно организованный (Церковные известия, Харьковские губернские ведомости. № 104, 1913: 2).

В 1913 году, в ноябре месяце, Священным Синодом батюшка был назначен наместником первоклассного Свято-

Григорьевского Бизюкова монастыря Херсонско-Одесской епархии, а 25 августа - начальником Пастырско-Миссионерской Семинарии при этом монастыре. В этой должности архимандрит Арсений пребыл до 1917 года. Под его руководством монастырем организовывалась помощь фронту во время Первой Мировой войны (Detailed Timeline Vita of Archbishop Arseny.: 26 - Харьковские Епархиальные Ведомости, февраль 1915 года).

В 1917 году, в феврале месяце, по Высочайшему повелению, отец Арсений был назначен проповедником в армии. В 1918 году, архимандрит Арсений становится протопресвитером армии всея Украины, а затем председателем Комиссии по сбору средств на нужды Белой Армии (Дело № 035607). Батюшка оказался в плену у красных и чуть не погиб, но чудом спасся, потом попал в Сербию, где поступил в монастырь.

Отца Арсения назначают приходским священником, и он служит до 1923 года на сербском приходе Миляновцы в Македонии. С 1923 по 1924 год - он является наместником македонского монастыря Тресковец. С 1924 по май 1926 года - занимает должность настоятеля монастыря Святого Архангела в Марковом Граде, и в тоже время, состоит законоучителем в Сербской гимназии города Прилепа, Южная Сербия (Указ из Архиерейского Синода Русской Православной Церкви заграницей Его Высокопреосвященству Преосвященнейшему Платону, Митрополиту Северо-Американскому от 27 мая 1926 года).

К тому времени, информация о местопребывании отца Арсения дошла до канадской паствы. По ее просьбе митрополит Платон отправил запрос Сербской Церкви о возвращении архимандрита Арсения в Канадскую епархию. 24 мая 1926 года архимандрит Арсений по просьбе митрополита Платона и канадской паствы был хиротонисан во епископа Виннипегского в Белграде. В 1926 Митрополит Платон назначил Преосвященнейшего Арсения епископом Канады с резиденцией в Виннипеге. Активное служение владыки Арсения в Канаде приводит в ярость униатов и сектантов, которые доходят до покушения на его жизнь. После попытки покушения в 1936 году был переведен на Детройтскую и Кливлендскую кафедру, но до

конца жизни остается гражданином Канады (Detailed Timeline Vita of Archbishop Arseny: 52). В 1937 году, на 71 году жизни, Владыка просит благословения уйти на покой по болезни. Его освобождают от Детройтской кафедры, но поручают устройство пастырской школы при Свято-Тихоновском монастыре (Detailed Timeline Vita of Archbishop Arseny: 47 - Указ Собора Епископов 15 Октября 1937 года. Нью Йорк). В августе 1938 года Собором Северо-Американской Митрополии, учитывая заслуги епископа Арсения в деле укрепления Православия на американском континенте, было решено возвести его сан архиепископа. Осенью 1938 года архиепископ Арсений, с благословения Священного Синода, в кратчайшие сроки основал Свято-Тихоновскую пастырскую школу (позднее - семинария). При семинарии издается журнал «Тихоновец», а с 13 августа 1939 года при монастыре открывается «дом духовенства» для священнослужителей на покое. В 1941 году Владыка самостоятельно разрабатывает чертежи и смету на постройку нового здания для детского приюта (Detailed Timeline Vita of Archbishop Arseny: 52).

4 октября 1945 года на восьмидесятом году жизни архиепископ Арсений отошел ко Господу в больнице Мозес Тейлор города Скрэнтон, штат Пенсильвания.

Еще при жизни владыку Арсения за красноречие прозвали «Канадским Златоустом». Им было много сделано для введения английского языка в православное богослужение. В настоящее время архиепископ Арсений (Чаговцов) является местночтимым святым Канадской епархии. В Канаде, по благословению архиепископа Оттавского Серафима (Сторхейма) ему составлены службы, написаны иконы, житие, установлен день памяти - 21 сентября / 4 октября. Священный Синод Православной Церкви в Америке создал комиссию для расследования возможности причисления архиепископа Арсения к лику святых.

ЛИТЕРАТУРА

Арсений, иеромонах. Врачу, исцелися сам! («Еще о штунде на разумение «Свободе»). - АПВ. № 16 (15-28 августа 1904 г.): 314-316.

Арсений, иеромонах. Еще про штунду («По поводу статьи в «Свободе» под

таким же заглавием»). - АПВ. № 12 (15-28 июня 1904 г.): 227-230.

Арсений, иеромонах. Посещение его Преосвященством, Преосвященнейшим Тихоном, епископом Алеутским и Северо-Американским, православного прихода в г. Троя, штат Нью-Йорк. - АПВ. № 7 (1-14 апреля 1904 г.): 125-129.

Арсений, иеромонах. «Пребывание в Мэйфилде, штат Пенсильвания, и посещение Симпсоно-Олифантской церквей». - АПВ. № 12 (15-28 июня 1905 г.): 234-237.

Арсений, иеромонах. Пребывание в Мэйфилде, штат Пенсильвания, и посещение Симпсоно-Олифантской церквей. (Окончание). - АПВ. № 13 (1-14 июля 1905 г.): 248-251.

Арсений, иеромонах. Из дневника миссионера. - АПВ. №17 (1-14 сентября 1905 г.): 333-336.

Дело № 035607 по обвинению Цобиева Сергея Александровича и других, т. 1. Архив Службы Безопасности Украины по Харьковской области.

К предстоящему Крестному ходу. - Церковные известия, Харьковские губернские ведомости. № 104 (4 мая 1913 г.): 2.

Новый епархиальный миссионер. - Церковные известия, Харьковские губернские ведомости. №18 (18 января 1913 г.): 2.

Письмо иеромонаха Арсения епископу Тихону от 1 ноября 1902 г. - The Library of Congress, Records of the Alaskan Russian Church, Containers H1, reel 359 of 376, feet 94.

Письмо иеромонаха Арсения архиепископу Тихону от 28 февраля 1904 г. -The Library of Congress, Records of the Alaskan Russian Church, Containers H1, reel 359 of 376, feet 94.

Письмо иеромонаха Арсения архиепископу Тихону от 28 февраля 1907 г. - The Library of Congress, Records of the Alaskan Russian Church, Containers H1, reel 359 of 376, feet 94.

Указ из Архиерейского Синода Русской Православной Церкви заграницей Его Высокопреосвященству Преосвященнейшему Платону, Митрополиту Северо-Американскому от 27 мая 1926 года. - Журнал Архиерейского Синода РПЦЗ подлинный №55 14/27 мая 1926 г. ф. Р6343, дело 81, уровень 1, ГАРФ

A Century of Faith: St. Barbara's Russian Orthodox Cathedral (1902 - 2002). Edmonton: Alberta, 2002. xiii, 169 p.

Ardan J. 1904. Уваги. «Червоный Хрест - а Русины» - Свобода. Vol. 12. № 18 (5 May 1904): 1-8.

Detailed Timeline Vita of Archbishop Arseny. The Canonization Committee of the Orthodox Church in Canada. - URL: http://www.cjoc.ca/pdf/Timeline.pdf

Получена / Received: 10.10.2015
Принята / Accepted: 20.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 623-637

О Сергее Николаевиче Дурылине, священнике, писателе и человеке

Г.Б. Ефимов

Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша Российской Академии Наук
125047, г. Москва, Миусская пл., д.4
The Keldysh Institute of Applied Mathematics of the Russian Academy of Sciences
Miusskaya area, 4, Moscow 125047 Russia
e-mail: efimov@keldysh.ru

Ключевые слова: Дурылин, св. прав. Алексей Мечёв, М.В. Нестеров, история XX века, история церкви XX века.
Key words: Durylin, st. Alexey Mečov, M.V. Nesterov, history of the 20th century, the history of the Church of the twentieth century.
Резюме: Имя Сергея Николаевича Дурылина, писателя, философа и критика, известного деятеля серебряного века и советского литературоведа звучит в наши дни все чаще - в статьях и исследованиях. Выходят все новые его труды: художественные произведения, статьи, письма, в том числе впервые выходящие в свет. В статье краткий рассказ о нем по семейным преданиям и новым данным соединен с воспоминаниями давних лет.
Abstract: The name Sergey Durylin, writer, philosopher and critic, a prominent figure of the silver age and the Soviet literary critic sounds these days more-articles and research. Go all new works: fiction, articles, letters, including, for the first time facing the light. In the article a brief story about it on family legends and new data is connected to memories long years.
[Efimov G.B. About Sergey Nikolaevich Durylin, priest, writer and man**]**

В начале 2001 года, первого года нового века неожиданно узнал я от брата Николая, что вышла книжечка старых очерков Сергея Николаевича Дурылина. И, что удивительно, с большим хвалебным биографическим очерком, в котором он назван тайным священником, а не расстригой. Достал книжку, порадовался, удивился - ведь составитель тот, кто должен был бы его клеймить, да и клеймил прежде, в примечаниях к воспоминаниям об отце Алексее Мечеве и др. Прочел и воспоминания разных лиц о Сергее Николаевиче, в том числе те, на основании которых было изменено отношение к нему (о. Сергия Сидорова, С.О. Фуделя, Е. Крашенинниковой).

Великий пост, Пасха, Пятидесятница были окрашены светло - памятью давних детских и юношеских лет и радостью неожиданно восстановленной справедливости. Недавние

торжества массовой канонизации юбилейного года оставили смутное чувство - среди прославленных мучеников не было многих имен, ключевых для той героической эпохи подвига веры и страшных гонений. Ум находил объяснения в сложности прошлых и наших дней, в нашем недостоинстве и неготовности, а сердце томилось. А тут, как бы усилием прославленных и еще не прославленных святых, и среди них великого старца Алексея Мечева - радость, такая неожиданная.

Сергея Николаевича я помню с детства. В военные и первые послевоенные годы не видал, но слышал о нем часто. На нашей даче, на соседнем заброшенном участке (хозяин его пропал то ли на войне, то ли в лагере) были на опушке несколько пенечков. Туда нас, малышей уводила бабушка, чтобы не мешались у взрослых под ногами, и рассказывала истории из своей жизни. О своем детстве, о том, как пришла к вере, о годах революции и церковных гонениях, о пламенной вере среди них. О множестве чудесных событий: «Сколько я видела чудесного; для кого-то это «случай», но «случай» - бог дураков». Место этих рассказов так и называлось у нас «пни Карена» по имени одного маленького мальчика из ее историй.

Среди рассказов особо звучала «Маросейка», знаменитый храм Николы в Клениках, прославленный старцем отцом Алексеем Мечевым, канонизированным Церковью в юбилейном 2000-м году. (Немало «маро-сейских», прихожан давно закрытого храма, верно сохранявших с ним духовную связь и тесно сплоченных друг с другом встречали мы в те годы и позже). Часто звучало и имя Сергея Николаевича Дурылина[1], в прошлом отца Сергия, одного из священников прихода, гнезда отца Алексея.

Знали мы, что сейчас он живёт под Москвой в Болшево по Ярославской дороге, по пути и на нашу дачу. Каждую неделю, круглый год мы ездили на субботы и воскресенья на «43-й километр» на дачу, там был наш настоящий «родной дом». И, глядя сразу после станции Мытищи на пути, уходящие вправо, в сторону Болшева, или на выемку с путями оттуда - вспоминали, что там есть родное место, там живет Сергей Николаевич. Хотя сами мы туда попали позже. Вообще-то, мы редко где-нибудь бывали, особенно летом. Даже поездка на

станцию Правда, рядом с 43-м, к Елене Васильевне Гениевой осталась в детской памяти как событие.

В детстве, на старой квартире на первом этаже в Телеграфном, д. 13 (до 1951-го года, когда дом надстроили, и мы переехали выше), год или два с Болшевым была регулярная связь. Раз в неделю приходил старичок с двумя бидонами через плечо и наливал полтора литра молока - для детей и дедушки с бабушкой (так было в то время: бидоны в мешках, жестяная мерная кружка, молоко наливали в нее и обратно в бидон, размешивая сливки). Позже, уже в наше время, я сделал из этого вывод, что в центре Москвы тогда с молоком было плохо, ведь муку и яйца выдавали три раза в год (к Пасхе, к 1-му мая и 7-му ноября), мы отстаивали часовые очереди за ними. Вероятно, в «коммерческих» магазинах все было (тогда тоже хватало неравенства), но это была помощь из Болшева нашей многодетной семье, и вместе с нами Алексей Осипович развозил молоко еще многим и многим. (Помощь была взаимной - в реализации молока «ведерной» коровы помогала друзьям наша тетушка). В те голодные годы многих настораживала атмосфера достатка и благополучия на даче в Болшево. Она казалась знаком отчуждения от общей скудости и беды, не-со-страданием (что нередко и бывало). Так звучит в воспоминаниях В.С. Бобринской, дочери старинного друга Сергея Николаевича (Сидоров, 1999). Но кроме возможности достатка и способа помогать другим, думаю, в этом был своеобразный вызов нищете, навязанной народу, утверждение права на достойные условия жизни и работы.

Мы почти не бывали в Болшеве. Маме ехать с нами, детьми - целая история, тем более что на нашей даче полно дел, большая семья, хозяйство, заботы. Впервые я попал туда в 9-м классе летом 1954 года. Мы приехали с мамой. Основательность дома, всего стиля жизни оставили яркое впечатление. Терраса с овальными по верху окнами, выход в сад с высокими пирамидами туи по бокам крыльца. Во всём - что-то от дворянских усадьб, старинных, знакомых по книгам, но уже не существовавших в жизни. Приехали поговорить о выборе специальности: меня интересовала история, а не математика, хотя с ней было всё в порядке. Но из бабушкиных рассказов о

советской жизни, из сравнения книг современных и старых, из библиотеки Елены Алексеевны Ефимовой, папиной тётушки и маминой учительницей, - я понимал, что заниматься гуманитарными науками трудно и неприятно. Я так и сказал Сергею Николаевичу. Он стал возражать (возможно, и обиделся немного, ведь он-то занимался именно этим[2]). «Ну, конечно, изучать Николая I или Александра II трудно. А вот Иваном Грозным заниматься можно». Через год, поступая в Университет, в Актовом зале на Моховой я с завистью смотрел на многочисленных ребят у стола истфака, но подал заявление на мехмат, в коридоре, где в одиночестве сидел его представитель. Не жалею - всю жизнь смог заниматься историей в своё удовольствие, а не как обязательной работой, хотя заниматься ею стало свободнее и интереснее, чем в то страшное сталинское время.

Потом довелось побывать в Болшево, уже без Сергея Николаевича, в дни его памяти. Помнится, мы возвращались оттуда с тетушкой Магдалиной Александрровной, литературоведом, и она недовольно сказала, что Ирине Алексеевне (вдове С.Н.) предложил свои услуги по разбору архива Зильберштейн (литературовед, потом ставший знаменитым публикацией эмигрантских архивов). «Ирина Алексеевна отказалась - ведь ему нужно платить или отдать часть материалов. Она рассчитывает на нас с Сергеем Михайловичем Голицыным (известным детским писателем, много общавшимся с С.Н.). Но это же огромная, непосильная работа». Так из замечательного архива Сергея Николаевича было опубликовано тогда немногое[3]. С помощью А.А. Сидорова, известного искусствоведа и старинного знакомого, в ЖЗЛ вышла толстенная биография М.В. Нестерова (Дурылина, 2006). Сергей Николаевич был близким другом художника, написал первую в советское время книгу о нем. Издание биографии потребовало немалых купюр (хотя и с ними она удивляла - отражением духового мира и тематики художника), и вышла она не скоро после кончины Сергея Николаевича.

Много вечеров в Доме Ученых и ЦДРИ (центральном доме работников искусств) связано в памяти с Сергеем Николаевичем. Он открывал их вступительным словом вечера

по случаю памятных дат, а после в концертной программе выступали артисты, часто его любимого Малого театра. Сергей Николаевич был рыцарем и знатоком классики, патриотом Малого театра, там его любили. Нам посылались пригласительные билеты, и я часто бывал с кем-нибудь из взрослых. Гайдебурова, Гоголеву, Шатрову, Турчанинову и даже кого-то из династии Рыжовых слышал я в этих концертах. Также как и пение Обуховой, Нарцова - друзей Нестерова и С.Н. В Доме Ученых все было по-домашнему в одной из гостиных. В ЦДРИ - масштабнее и параднее; на юбилее Нестерова я побывал там без С.Н., благодаря Ирине Алексеевне.

Сергей Николаевич, при его эрудиции мог с равным успехом выступать в связи с памятными датами многих писателей, художников, артистов. Теперь ясно, как велик был список тех, о ком он мог бы еще рассказывать, но чьи имена были тогда под запретом. Он был знакомым или исследователем К.Леонтьева, Н.Бердяева, о. Павла Флоренского и о.Сергия Булгакова, Андрея Белого, В.В. Розанова, Оптиной пустыни и многого-многого другого, о чем большинство тогда не подозревали, о чем и сказать было нельзя[4]. М.В. Базилевский, мой кузен, вспомнил, как в свой последний визит в Болшево (С.Н. был нездоров) он стал читать ему только что вышедшую «За далью даль» Твардовского, и как не раз усмехнулся Сергей Николаевич - на первые публичные сетования о недавнем прошлом.

На вечерах этих были услышаны в концертном исполнении многие кусочки классики. Однажды Дмитрий Журавлев прочел «Осень» из Евгения Онегина так, что запомнились все интонации, и я, выучив, стал читать, ему подражая. А как-то нас позвали в маленькую комнатку в коммунальной квартире на Маросейке (там жила Александра Алексеевна с мужем, младшая сестра Ирины Алексеевны) - смотреть по крошечному телевизору тех лет «Правду хорошо, а счастье лучше» А.Н. Островского из Малого театра со старой Рыжовой в роли няни. Состав был блестящий, играли Турчанинова, сын Рыжовой, Шатрова - купеческую дочь (и в последней сцене поправила уже слепую старушку-няню на выход в нужную сторону).

Певец Малого театра, Сергей Николаевич особенно чтил Марию Николаевну Ермолову, посвятил ей большую книгу[5]. Его восторг подкреплялся для нас рассказами бабушки о лучших ролях великой актрисы. О ее Жанне д'Арк, потрясающей сцене ее смерти в пьесе Шиллера - раскрывающих величие человека, его устремленность к высокому. Ее вдохновение вышним, героический идеализм во взгляде на жизнь, на людей, на искусство - были настоящей проповедью. Языком культуры Мария Николаевна прославляла Бога и звала к Нему, и это ее служение имело корнем глубокую веру.

С Сергеем Николаевичем, отцом Сергием наша семья познакомилась на Маросейке, у отца Алексея Мечева. После увлечения народничеством, толстовством С.Н. пришел к Церкви. Был секретарем Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева, где собирались Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Эрн, В. Свентицкий, П. Флоренский. Был в кружке М. Новоселова. В начале революции стал священником (целибатом, что не было принято в старое время) и служил сперва на Маросейке[6]. Там о. Сергий вел занятия с детьми, и мама с сестрами занимались у него, как и их двоюродные Воскресенские. Позже бабушка организовала группу домашнего обучения для старших дочерей (мамы и тети Маги) и нескольких знакомых девочек, так как школа совсем разваливалась, и в ней начались антирелигиозные страсти. Сергей Николаевич вел в группе литературу, покоряя своих питомцев и прививая любовь к великой русской классике.

В те годы отец Сергий читал, например, лекции по аскетизму, об Оптиной пустыне и ее старцах (Дурылин, 2000, Фомин, 1997). В Болшево, в его музее хранится адрес, написанный каллиграфическим почерком на красивом узком листочке, в таком же узорном конверте - благодарность слушателей лекций, среди которых о. Константин Равинский и его супруга. Отец Сергий полюбил и уважал нашего дедушку Александра Нерсесовича, невзирая на его армяно-григорианство (к чему многие маросейские относились сурово). Однажды на Пасху дедушка по просьбе о. Сергия написал пасхальное Евангелие по-армянски русскими буквами и тот его прочел среди других, читаемых на разных языках. На службе оказалась

знакомая армянка, она была очень утешена чтением на родном языке, и рассказала нашим.

С Маросейки отец Сергий перешел служить в часовню Боголюбской иконы Богоматери у Варварских ворот, служил там с о. Петром, из солдат; и с ним побратался по древнерусскому обычаю и обряду. Однажды, после праздника, к ним нагрянули с обыском. О. Петр не растерялся и убежал по Китайгородской стене, захватив с собой всю праздничную выручку. О. Сергия арестовали и обвинили, что он так подстроил, чтоб утаить деньги от изъятия[7]. С.Н. переживал «предательство» о. Петра (он уехал под Киев к отцу Сергию Сидорову, кажется, после войны служил где-то в провинции).

После тюрьмы, где он, вместе с другими, в том числе будущим еп. Афанасием Сахаровым, составили и впервые служили службу Русским святым (Дурылин, 2000)[8], отца Сергия отправили в ссылку в Челябинск. Для заботы о нем, ему в помощь отец Алексей направил молодую энергичную прихожанку Ирину Алексеевну Комисарову. На всю жизнь. Наши очень беспокоились, как он, такой беспомощный, близорукий, почти слепой доедет в теплушке с уголовниками. Узнали место и время отправления, пробрались туда на запасные пути, передали в окошечко припасы на дорогу. А он, близоруко выглядывая в окошечко из-под крыши, крестил их. Бог помог, все обошлось благополучно. Всю дорогу Сергей Николаевич читал своим спутникам Лермонтова, Некрасова, и они его в обиду не давали, «носили на руках». В ссылке он сразу включился в какие-то исследования. Есть небольшая книжечка того времени о Сурикове и местных корнях его творчества, из ссылки, в Томске - он всюду неустанно работал. Там они с Ириной Алексеевной отпевали расстрелянных, тела которых плыли по реке (Крашенинникова, 1999).

После возвращения были еще две ссылки: в Томске и в Киржаче. Из нее С.Н. прислал на серебряную свадьбу бабушки с дедушкой шутливую пьесу в стихах. Власти, Луначарский, к которым обращались знавшие С.Н. деятели культуры, требовал отказа от священства, прекращения служения[9]. Атмосфера гонений на Церковь все сгущалась, после 29-го года, на волне коллективизации шло массовое закрытие храмов. К гонениям и

обновленческому расколу добавилось разделение на «поминающих», признающих патриаршего местоблюстителя митр. Сергия и «непоминающих». Внутри Церкви кипели страсти, извне - разгул воинствующего безбожия. Многие близкие оказались в тюрьмах и ссылках. Закрывались самые стойкие храмы, среди них храм отца Алексея (уже покойного) на Маросейке. Моральные проблемы переплетались с бытовыми. Сергей Николаевич с гимназических лет привык зарабатывать и помогать другим. Кругом было полно нуждающихся, а ему приходилось принимать помощь от тех, кто сам находился в стеснении и нужде. Он воспринимал это тяжело.

К периоду ссылок, «тяжелых дум»[10] относятся грустные и очень яркие заметки «В своем углу» (Дурылина, 2006). В них Сергей Николаевич, бесприютный, больной, неприкаянный - смотрит на разгром Церкви, культуры, судьбы близких людей. Вспоминает и размышляет о дорогих ему вещах и лицах в «тягостных раздумьях о судьбах Родины». О писателях, их прозрениях и поворотах жизни, среди которых близкий ему и высоко ценимый Василий Васильевич Розанов - тонкий, умевший уловить неуловимое, мятущийся, противоречивый, - так созвучный самому Сергею Николаевичу[11].

После третьей ссылки Сергей Николаевич не вернулся к церковному служению и не ушел в подполье. Он обратился вновь к культурной деятельности, от которой резко отошел в свое время при принятии сана. Одной из первых его работ была инсценировка «Анны Карениной» для старейшего русского театра в Ярославле. Текст был составлен полностью по Толстому, с помощью ножниц, удачнее, чем тот, что шел во МХАТе. На эти деньги перед войной был построен дом в Болшево («мне его построила Анна Каренина»). Жизнь встала на твердые рельсы.

Внешне Сергей Николаевич выполнил условия власти: отошёл от служения в церкви, перешел в мир культуры. Среди тех, кто сохранял веру, многие воспринимали его отход болезненно: был тут немалый соблазн для нестойких - вместо того, чтобы страдать (явно или неявно), идти против течения, легче было стать «как все». Думаю, не последнюю роль пример

Сергея Николаевича сыграл в отходе от церкви моих тётушек - мягком у одной и более решительном у другой, тети Зины, моей крёстной. Среди маросейских он считался предателем, одно упоминание о нём вызвало целую бурю. В доказательство, что он снял сан, а не просто ушёл в частную жизнь, приводили его отношение с Ириной Алексеевной, хозяйкой болшевского дома. Активно, как жена, она помогала Сергею Николаевичу (Крашенинникова, 1999, Фомин, 1997).

Семья наша отношения с Сергеем Николаевичем сохранила. Для этого было немало оснований - понимание его израненной души, терпимость бабушки и любовь, связывающая с ним. В 84-м году, в годовщину памяти С.Н. нам с тетей Зиной показали в Болшевском музее фотографию трех девочек Нерсесовых, которую он называл «мои три сестры». Когда родился мой двоюродный брат (названный Сергием), тетя Зина часто и подолгу бывала с ним в Болошеве, бывал там и старший наш кузен Миша. Сергей Николаевич иногда после позднего вечера в Доме ученых приезжал к нам на Телеграфный переночевать.

Однажды, помнится, летом или весной, я почему-то остался дома. Все были на работе, по делам или в школе. Сергей Николаевич тоже был один, задержался, не уехал утром в Болшево. Потом вдруг появился о. Стефан (Сергей Алексеевич Никитин, священник, позже епископ), тогда уже служивший открыто, и они долго, часа два говорили наедине в комнате у бабушки. Скорее всего, это была не просто встреча друзей, а еще последняя исповедь. Андрей Борисович, мой брат, говорил, что владыка Стефан всегда поминал С.Н. как священника (об этом есть и у С.О. Фуделя). Говорят, Чаша его домашней церкви передана сейчас в музей Духовной Академии.

Совсем незадолго до смерти Сергея Николаевича мы были на его вечере. Он был очень усталым, плохо выглядел. Вернувшись домой, и ложась спать в бабушкиной комнате, мы с нею поговорили о том, что никто не вечен и надо спешить с ним общаться. А через несколько дней поздно вечером позвонили из Болшева и сообщили о его кончине.

Спустя много лет мы с мамой решили, что надо собрать и сохранить сведения о нем - на будущее, чтобы память о нем не

была бы искажена. Вспоминали разные подробности: например, что гражданский советский брак (если он и был с И.А.) не считался многими верующими в довоенные и первые послевоенные годы всерьез. Мама при случае расспросила Ирину Алексеевну. Она ответила, что, умирая, Сергей Николаевич завещал отпевать его или как мирянина или как священника, - на ее усмотрение. Что в Киеве его отпели заочно как священника (там его очень любили, были верные друзья), а в Москве как мирянина. Из наших, как мне помнится, никто не был на отпевании (оно прошло «потихоньку»), а только на гражданской панихиде в ЦДРИ. Еще И.А. сказала о себе, что она монахиня (мне тогда это было так странно, образ монахини был совсем иным - не деловым, активным, внешне светским, как она[12]).

Много лет спустя вышла книга С.Н. о жизни Михаила Васильевича Нестерова в серии ЖЗЛ (Торопова, 2014). Сперва мне она показалась уж очень бегло читаемой, как бы легковесной. Особенно после прозы М. Булгакова или о. Павла Флоренского. Но потом впечатление переменилось - кажущаяся легкость, текучесть языка и повествования помогала обходить острые моменты в жизни художника и страны, о которых написать в те годы было нельзя. И так в книге удивительно много по тому времени «не положенного» - о религиозной живописи, о картинах по Мельникову-Печерскому, о народной вере. И репродукции с этих нестеровских картин вышли в книге одновременно с большой монографии о художнике, впервые в советское время.

Сергей Николаевич и М.В. Нестеров были большими друзьями долгие годы. Бурные времена тяжких испытаний в революцию, гонений на Церковь, горение веры тех лет укрепили их дружбу. Где-то между ссылками Нестеров написал портрет Сергея Николаевича как священника, с названием «Тяжелые думы». Думы о судьбах Церкви и России, о множестве бед и жертв вокруг. Картину эту в Болшеве никому не показывали, теперь она, говорят, в музее Духовной Академии в Лавре, а ее копия в болшевском музее. Репродукцию ее я впервые увидал сравнительно недавно.

Михаил Васильевич говорил: «Сергей Николаевич теперь

- это осколки разбитой прекрасной вазы». И, действительно, уже в Болшево у него мог случиться сердечный приступ от одного вида человека в форме в их тихом переулке. Нестеров в предреволюционные годы был самым знаменитым церковным и религиозным живописцем после Васнецова. Он сохранил верность своим идеалам и в новых условиях стал писать портреты людей культуры, во многом людей «старого времени». Отбор его был строг, и это было позицией, своего рода манифестацией. Из людей нового духа - только портрет О.Ю. Шмидта, организатора экспедиций по Ледовитому океану, и тот неудачный. Не очень удачен и первый портрет великого физиолога И.П. Павлова, на заказ; второй, знаменитый его портрет написан, когда они близко познакомились и подружились. Портреты как бы дали вторую молодость и новую славу Нестерову. Но он отказался от персональной выставки в Третьяковкой галерее, так как на ней не могли быть выставлены его картины цикла о Сергии Радонежском. Сергей Николаевич в военные годы выпустил книгу о портретах Нестерова. Это тоже было событием, как и самые портреты, - выбор художника, галерея замечательных лиц русской культуры - ученых, художников, артистов, - продолжавших классические традиции, а не отрицавших ее, как бывало модно до войны[13]. Вместе с мастерством, показывающим убедительно, как она жива и могуча. И Сергей Николаевич служил ей, берег и лелеял, не жалел сил на ее проповедь и прославление.

Последняя религиозная картина Михаила Васильевича «Святая Русь» хранилась, говорят, намотанная на вал, у Игоря Ильинского, когда-то тоже ученика С.Н. (учеником С.Н. был и К. Пигарев, литературовед, правнук Тютчева, хранитель усадьбы Мураново). Нестеров завещал отдать картину только в Третьяковку или в Русский музей, а пока это не стало возможным, была проблема даже с ее хранением. Теперь она украшает Третьяковку и на ней в крестном ходе - Достоевский, Гаршин, славянофилы, Владимир Соловьев и Лев Толстой в стороне, отдельно от шествия. Благодаря Ирине Алексеевне, мне довелось попасть на экскурсию в квартиру Михаила Васильевича на Арбате и в мастерскую его ученика Павла Корина (при посещении его Обуховой). Слушать рассказ автора

об истории создания тоже знаменитой и тоже долго сокрытой картины «Русь уходящая».

Теперь стало известно, что Сергей Николаевич не только не снял сан, но и продолжал тайно служить в своем Болшево. Сергей Николаевич Чернышев, сын любимого его ученика, погибшего в ссылке, в детстве подолгу бывал в их доме. В связи с выходом последней книги о С.Н. (Дурылин, 2000) мы вспоминали о нем, и Чернышев рассказал, как однажды С.Н. показывал ему в кабинете спрятанный на двери, между двумя занавесками Антиминс со словами: «тебе это трогать нельзя, а мне можно». Случайно мальчик попал и в «ванную комнату», всегда закрытую, которая оказалась моленной, полной икон (чем вызвал переполох у взрослых, строгий наказ никому не проговориться о ней). Слухи об отказе от служения и о браке с Ириной Алексеевной служили для «легализации» жизни. После долгих лет осуждения - в кругах, знавших его, в церковных и светских изданиях последних двенадцати лет, - правда о его священстве восстанавливается. «Нет ничего тайного, что не стало бы явным» - это мы узнали в последние годы. И в данном случае, слава Богу, тайна хранила светлое, а не темное.

На московском Даниловском кладбище, недалеко от храма, если выйти из него направо - его могила рядом с могилой любимой матери. На памятнике, с фотографией и белым крестом надпись «писатель, доктор филологических наук». Теперь, слава Богу, можно по праву добавить «священник». Сергей Николаевич, отец Сергий Дурылин был русским интеллигентом старого закала из лучших рядов этого особого «ордена» с их идеализмом, жаждой справедливости, энтузиазмом, горячей любовью к народу[14] и равнодушием к «прозе жизни», неприспособленностью. Непримиримо, по-юношески он проходил в первых ее рядах - от народничества к идеализму и к Церкви. Категорически «убрал с полки Пушкина» ради полноты жизни веры. Жизнь сурово учила его. Но ему удалось, с помощью Божьей, не утонуть в волнах «моря житейского» физически или морально, как случилось со многими и многими в эти бурные времена. Вернувшись к труду на ниве великой русской культуры, он сумел незаметно соединить с ним - и служение Богу и помощь людям.

Г.Б. Ефимов / G.B. Efimov

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В январе 2004 г. в Библиотеке русского Зарубежья прошла конференция «Сергей Николаевич Дурылин и его время» в память 50-летия со дня его кончины (27.9.1886-14.12.1954). Большая, с десятками докладов, выставкой, поездкой в дом-музей в Болшево, теперь город Королев. По ее материалам - большая часть примечаний. О снятии сана С.Н. - примечания стр.667-68 в книге «Пастырь добрый» об о. Алексее, в примечаниях книги «Воспоминаний о Сабуровых и Мансуровых» (М.. 2001) и других.
2. На оправдание (в форме доноса - в разгар компании гонений «космополитов» в 1949 году) одного из сотрудников Института, где работал С.Н.: «что ж вы держите бывшего попа Дурылина», - ему ответили в партбюро или НКВД (что мало различалось в те дни) - «Знаем, но вы-то сами были видным деятелем партии кадетов». Картинка времени и нравов.
3. С.Н. был прирожденным и увлеченным архивистом. Его архив уникален. Много сил он тратил на сохранение архивов других, - например, М. Морозовой, меценатки издательства «Путь», Н.Н. Перцова. В Оптиной пустыни он находит иеромонаха, собиравшего воспоминания и памятные вещи старцев. Жалуется на невнимание многих к сбережению памяти прошлого (Сидоров, 1999). Однако в огромном архиве А.А. Сидорова не сохранилось ничего, связанного с С.Н. - все было уничтожено, - такова судьба архивов XX века. Их дружба «умерла» в двадцатые годы. В 26 г. о. Сергий крестит ребенка первой жены А.А. Сидорова.
4. Б. Пастернак в своих Воспоминаниях отметил, что С.Н. был первым, кто оценил и поддержал его, как поэта. Сравнивает С.Н. с «неистовым Виссарионом», Белинским - тоже беззаветным рыцарем литературы русской. Список трудов С.Н. содержит более 800 названий - книги, статьи, доклады на самые разные темы. Например, огромная статья «Русские у Гете» в томе «Литературного наследия» 1939 года, посвященного Гете. Вместе с И.Э. Грабарем они чуть ли не вдвоем выполняли план Института всемирной литературы Академии наук.
5. С.Н. Дурылин. Мария Николаевна Ермолова. М. Другая книга С.Н. о великой украинской актрисе М. Зеньковецкой, «украинской Ермоловой», как ее называли.
6. Сергей Николаевич оставил прекрасные воспоминания об отце Алексее Мечеве («О. Алексей Мечев. Воспоминания» Париж и переиздания, с.15-26; «Пастырь добрый» с.145-155.). Он написал об о. Алексее, как его сослужитель в алтаре. Текст С.Н. лег и в основу Воспоминаний епископа Арсения Жадановского.
7. На конференции был доклад по следственному делу С.Н. 1922 г., после ареста в Боголюбской часовне. После окончания гражданской войны взялись за Церковь. Делу о. Сергия придавали большое значение. Требовали снятия сана, либо - ссылки в Хиву (где он не выжил бы).

Многочисленные ходатайства за него - профессоров, людей искусства, партийных деятелей (Калинина, Енукидзе и других, через друзей и знакомых) вызвали злобную реакцию руководителей ЧК: «разобраться и наказать тех, кто ходатайствует». В то же время готовили высылку несоветских гуманитариев, знаменитый «философский пароход».

8. В одной камере во Владимирской тюрьме (не Централе, где были уголовники) с о. Сергием были архиеп. Никандр Феноменов и Корнилий Соболев, епископы Фаддей Успенский, Василий Зуммер и другие, иеромонах Афанасий Сахаров, священники (многие из них - мученики и исповедники, ныне прославленные). На основе материалов Сахарова была составлена служба Русским святым, праздник которых был учрежден на Соборе 1917-18 года. С.Н. составил в каноне тропари святым Калужским (близким ему по родовым корням) и Тамбовским, светилен Софии Премудрости Божьей (Спасителю). В ночь на 28 октября сонм епископов и священников впервые служил эту службу в камере 17 тюрьмы. Реакцией на службу было ужесточение режима в тюрьме и новые репрессии в отношении духовенства вне ее.
9. Еще в первый арест известный деятель «пролетарской культуры» тех лет Фриче формулировал требование так: «либо снимет сан, либо - пуля».
10. «Тяжелые думы» - так назван Нестеровым портрет о. Сергия этих лет. Он в рясе, но уже в то время не служил. Тогда же (книга Дурылина С.Н. «В своем углу») записаны горькие раздумья о церкви, ее судьбах и роли в 20 в. И трогательные воспоминания «В родном углу» о родителях: отце, которого он потерял в детстве, и матери (Дурылина, 2006 и, частично, в Дурылин, 2000). Замечательные образы скромности, мужества, самоотверженной любви и горячей веры.
11. С.Н.Дурылин, пожалуй, единственный, кто принимал В.В. Розанова целиком, «а не до некой границы» (из доклада на конференции). Зарисовки «В своем углу» содержат блестящие «листочки» о последних днях Розанова в Сергиевом посаде. И признания в любви к нему.
12. Облик Ирины Алексеевны напоминал скорее советских общественниц - стахановок, председательниц колхоза. Для природной ее энергии и хозяйственности открылось обширное поле деятельности. Быть может, тут была и нарочитость, - так ей легче было «вписаться» в окружающее, стать «веком», охраняющим Сергея Николаевича, как «зеницу ока». Под ее прикрытием он получил условия для творчества и жизни, возможность помогать людям.
13. Современный исследователь находит эту книгу «Нестеров портретист» (М. 1942) более удивительной, чем биография ЖЗЛ: «куда смотрела цензура». Метод С.Н. - не прямые оценки, а намек через сравнение - с другими портретами, с привычным образом героя (Льва Толстого, например).
14. В дружеском многолетнем со-трудничестве, синергии С.Н. и И.А. (благословленном отцом Алексеем: «берегите его, он нужен людям») получило воплощение тяга Сергея Николаевича к народу, столь

важная и естественная для русского интеллигента его эпохи, тем более для христианского интеллигента-славянофила, каким он был.

ЛИТЕРАТУРА

Дурылин С.Н. 2000. Русь прикровенная. Пред. С.Фомина. М.: ПаломникЪ. 335 с.

Дурылина С.Н. 2006. В своем углу: к 120-летию С.Н. Дурылина, 1886-1954. М.: Молодая гвардия. 878, [1] с., [16] л. ил., портр.: ил.

Крашенинникова Е.А. 1999. Храмы и пастыри. - Альфа и Омега М. № 3(21): 258-279.

Сидоров С.А. 1999. Записки священника Сергия Сидорова: С прил. его жизнеописания, сост. дочерью, В.С. Бобринской. М.: Православ. Свято-Тихонов. Богослов. Ин-т. 296 с.: 11 л. портр. - (Русское духовенство в годы гонений).

Торопова В.Н. 2014. Сергей Дурылин. Самостояние. Москва: Молодая гвардия, 2014. - 348, [1] с., [16] л. ил., портр.: факс. - (Жизнь замечательных людей: серия биографий. осн. в 1890 г. Ф. Павленковым и продолж. в 1933 г. М. Горьким. Малая серия; вып. 73). - Список трудов С.Н. Дурылина: 336-343. - Краткая библиография: 344-347.

Фомин С.В. 1997. «Пастырь добрый». Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева. Сост. С.В. Фомин. М.: «Паломник». 782 с.

Фудель С.И. 2002. Воспоминания. Сочинения: в 3-х тт. Т.1. М.: Русский путь. 646 с.

Получена / Received: 18.10.2015
Принята / Accepted: 25.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 638-644

Современное дидактическое сопровождение уроков искусства в начальной школе

Л.Л. Алексеева

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования»
119121, г. Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп. 1
Federal State Budget Research Institution «Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education»
Pogodinskaya str. 8, building 1, Moscow 119121 Russia
e-mail: ihoraodirect@mail.ru

Ключевые слова: школа, общее образование, искусство, урок, современные технологии, учебник-навигатор, традиционный учебник, электронный учебник.
Key words: school, general education, art, lesson, modern technologies, handbook-navigator, traditional tutorial, electronic textbook.
Резюме: В статье рассматриваются современные средства обучения на уроках искусства в начальной школе. На примере учебного предмета «Музыка» автор анализирует образовательные возможности традиционного и электронного учебника; размышляет о необходимости применения учебника-навигатора на уроках; излагает преимущества и риски новейшего дидактического сопровождения для школы XXI века.
Abstract: The article deals with the modern training facilities at the Arts lessons in elementary school. For example, for «Music» as a subject, the author examines the educational opportunities of traditional and electronic textbooks; reflects on the need for a handbook-navigator in the classroom; outlines the benefits and risks of the latest didactic support for 21st century schools.
[**Alekseeva A.A.** Modern didactic support at the Art lessons in elementary schoo]

Необходимость применения в современной общеобразовательной школе дидактического сопровождения на основе новейших информационно-коммуникационных технологий несомненна. Для растущего человека, первоклассника - школьника - выпускника, информационно-коммуникационные технологии являются не просто научной дисциплиной, отдельным уроком, а органичной и неотъемлемой частью всей его реальной - виртуальной жизни. В этой ситуации существования самых разных информационных объектов, их создания, сохранения, поиска и применения, взаимодействия и

т.п., особое значение для современной, и тем более будущей школы, имеют электронные образовательные ресурсы. «Искусство» в данном случае как предметная область, часть системы основных элементов научного знания в средней школе также может и должна соответствовать требованиям настоящего времени. И в этом смысле у отечественного образования накоплен немалый потенциал и есть определённые положительные стороны.

Показательным и далеко не единственным примером современного электронного издания по музыке может быть инновационный учебно-методический комплект (УМК) «Электронное музыкальное творчество» для учащихся 5 - 9-х классов авторов И.М. Красильникова и Д.А. Семеновой. Информация об этом комплекте размещена на сайте «Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов» (URL: http://school-collection.edu.ru). Здесь же в помощь учителю предлагается не только информационно-демонстрационная версия комплекта, но и методика музыкального обучения на основе цифрового инструментария, инструкции для работы в программах «Анвил-студия» и «Аудасити», ресурсы курса.

Очень интересен и перспективен опыт К. Ю. Плотникова, представившего на сайте Педагогического сообщества учителей Иркутской области (кафедра информатики и ИКТ Института повышения квалификации работников образования) «Электронный учебник по музыке: опыт разработки и внедрения в свете целостной педагогики» (URL: http://www.irkpedagog.ru/index/plotnikov/0-70). Автор раскрывает сущность своей учебной программы для учащихся 1 - 7-х классов «Практика и история музицирования», представляет серию учебных плакатов и Малую энциклопедию мировой музыки, описывает приемы создания электронного учебника, затрагивает некоторые моменты экранного дизайна, останавливается на специфике внедрения и намечает перспективы развития данного электронного ресурса.

Напомним, что в настоящее время наличие электронной формы любого учебника является обязательным. Это обусловлено Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 сентября 2013 г. N 1047 «Об

утверждении Порядка формирования федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования». С его появлением ситуация в плане разработки и внедрения в широкую педагогическую практику электронных учебников, в том числе и по искусству, изменилась кардинальным образом.

Для примера приведём без сокращений один из пунктов этого Приказа, который имеет особое значение в контексте рассматриваемого вопроса:

«3. В федеральный перечень учебников включаются учебники, рекомендованные Научно-методическим советом по учебникам, создаваемым Министерством образования и науки Российской Федерации (далее - Совет), на основании положительных экспертных заключений по результатам научной, педагогической, общественной, этнокультурной и региональной экспертиз и отвечающие следующим требованиям:

а) принадлежащие к завершенной предметной линии учебников, представляющей собой совокупность учебников, обеспечивающей преемственность изучения учебного предмета или предметной области на соответствующем уровне общего образования, построенной на единой методической и дидактической основе, отвечающей единым психолого-педагогическим подходам, использующей общую структуру изложения материала и имеющей единое художественно-эстетическое оформление;

б) представленные в печатной форме, полученные печатанием или тиснением, полиграфически самостоятельно оформленные, имеющие электронное приложение, являющееся их составной частью.

Наличие электронного приложения, дополняющего учебник и представляющего собой структурированную совокупность электронных образовательных ресурсов, предназначенных для применения в образовательной деятельности совместно с учебником, обязательно до 1 января 2015 года. С 1 января 2015 года представляется наряду с

учебником в печатной форме учебник в электронной форме» (URL: http://www.rg.ru/2013/11/01/uchebniki-dok.html).

Очевидно, что в Федеральный перечень учебников 2015 / 2016 гг., рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, вошли только учебные издания для школы с электронным приложением как составной частью завершенной предметной линии учебников. И с 2015 года обучение в системе общего образования детей, в том числе и по искусству, возможно только при наличии электронного учебника. Следовательно, разработка и внедрение таких учебников имеет (или подразумевает) системный, широкомасштабный характер.

Оставляя за рамками рассмотрения данной статьи существующую сегодня многозначность понятия «электронный учебник», отметим следующее. В настоящее время существуют электронные версии, и/или электронные приложения к учебникам по искусству, к примеру, по музыке. Как правило, это аналог, эквивалент уже существующего печатного издания, и это само по себе является воплощением идеи информатизации российского образования в целом. На сегодняшний день понятно, что такой учебник тоже должен включать учебные тексты, разъясняющие содержание, сущность самого предмета, иметь высокохудожественные иллюстрации, видеофрагменты исполнения музыки и т.п., а также специальные материалы для самостоятельной работы ученика и проверки музыкальных знаний, умений и навыков. Очевидна острая необходимость соответствующего электронного методического пособия для учителя, а в ряде случаев, и своеобразных электронных «репетиторов» для углубленного изучения предмета музыкально одарёнными детьми (например, «помощник», «педагог-музыкант» и т.п.).

Другое дело, что «переложение» печатного издания в электронное издание требует полноценного, глубокого перевоплощения, своеобразного воссоединения традиций (печати) и новаций (ИКТ). При этом бесспорна необходимость сохранения в электронном учебнике эстетического оформления, логики и системности в изложении материала, разъяснений в

отношении специфики содержания общего музыкального образования, наличия различных иллюстративных, графических и т.п. материалов, а также учёта возрастных и психологических особенностей обучающихся, включения специфических и весьма непростых для данного вида представления материалов учебно-творческих заданий именно по музыке. Очевидно, что в скором времени появятся учебники, изначально разработанные как электронные, и тогда будет возможность оценить и сравнить качество учебной книги в ее разных видах - электронное издание, трансформированное из печатного, и сугубо электронное издание, созданное на основе принципиально иного способа отображения информации (цифровой дисплей).

На наш взгляд, и бумажное, и электронное издание могут и должны дополнять друг друга, с той лишь разницей, что последнее в силу своей специфики будет носить всё же более практико-ориентированный, творческий характер. На сегодняшний день очевидны и возможные риски применения электронных учебников по музыке в образовательном процессе начальной школы. Это связано главным образом с проблемами художественного восприятия текста и других графических, иллюстративных материалов на цифровом дисплее, достижения планируемых результатов по музыке, оценки качества образования в начальной и основной школе, воплощения разнообразных видов музыкально-творческой деятельности на основе ИКТ, самой возможности формирования на такой «электронно-печатной» основе музыкальной культуры как части общей духовной культуры школьников и др.

Есть и еще одна чрезвычайно важная сторона электронных учебников по искусству, и по музыке в том числе. Это тестирование, причем не только как оценка знаний и умений, но и одна из форм оценки (измерения, роста и др.) возможных и необходимых *творческих достижений* школьников, без которых урок искусства нельзя назвать таковым. Тесты, без которых электронная форма учебника по музыке (и не только) в настоящее время вряд ли возможна, конечно, не исключить. С заданиями типа - «Выберите один (или два) правильных (или неправильных) варианта ответа», «Соотнесите…» (применительно к предмету предлагается

соотнести звучание двух и более музыкальных фрагментов в исполнении разных музыкальных инструментов, голосов и т.д.)», «Вставьте пропущенное слово…», «Рассмотрите…» (в этом случае фрагменты нотных текстов) и т.п., - в принципе все ясно. Проверить некий набор знаний по предмету можно, хотя и достаточно трудоемко в случае сравнения музыкальных фрагментов, определения каких-либо их особенностей, поскольку это требует записи музыки и соответственного технического оформления.

Вместе с тем, видится необходимым и наличие таких заданий, которые хотя бы в некоторой степени приближали учителя к пониманию творческих успехов растущего человека. Например, таких как сочинять и придумывать мелодии (интонации, темы), импровизировать в движении, звучании голоса, игре на элементарных детских музыкальных инструментах и др. В какой-то мере это можно восполнить при помощи широко известных флэш игр «Музыкальный конструктор» и т.п., записей собственных музыкальных сочинений на любые электронные носители, экспериментов с сочинением на любом электронном музыкальном инструменте на основе готовых шаблонов, аранжировок известных песен, танцев и т.п. Очевидно, насколько это сложно как в плане разработки содержания, в данном случае для учащихся начальной школы, так и при техническом воплощении замыслов.

Учебник-навигатор - это еще одна современная и весьма перспективная практика разработки электронных обучающих ресурсов (Сивоглазов, Плешаков, 2015). Достоинства такого учебника на уроках физики, биологии, химии, т.е. предметной области «Естественно-научные предметы», очевидна и бесспорна. Насколько это применимо к предметной области «Искусство» сказать трудно. По большому счету искусство не может и не должно иметь сугубо прикладное значение и выполнять только лишь функции оформления, развлечения, фона и т.д. А избежать этого в силу стандартных схем, структур, последовательных заданных действий и «шагов», на наш взгляд, крайне сложно. И если кому-то удастся совместить творчество и «нетворчество», широкая образовательная практика от этого

только выиграет.

Безусловно, разработка электронных образовательных ресурсов, и в первую очередь электронных учебников по искусству, в том числе и музыке, является одним из самых перспективных направлений, связанных с созданием новейшего дидактического сопровождения для школы XXI века. Однако, традиционный школьный учебник проверен временем, с его помощью в нашей стране получили общее образование миллионы россиян. Искусство на примере двух учебных предметов («Музыка», «Изобразительное искусство») оснащено в полном соответствии с современными требованиями к реализации учебно-воспитательного процесса. Учебники-навигаторы и электронные учебники по всем школьным предметам только лишь входят в широкую образовательную практику, и хочется верить, что в ближайшее время будет найдено то самое оптимальное соотношение традиций и новаций на основе незыблемого, вечного принципа - «обучение с увлечением».

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева А.А. 2013. О взаимосвязи пространства и времени в искусстве. - Гуманитарное пространство. Международный Альманах. Том. 2. № 1: 17-22

Алексеева А.А. 2015. Творческое развитие учащейся молодёжи: к проблеме опытно-экспериментального исследования. - Гуманитарное пространство. Международный Альманах. Том. 4. № 2: 98-105.

Сивоглазов, В. И., Плешаков, А. А. 2015. Биология. 5 класс: учебник - навигатор (+CD). М.: Дрофа, 2015. 176 с.

Получена / Received: 15.10.2015
Принята / Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 645-651

Воспитание эмпатии молодежи в учреждениях культуры на основе компетентностного подхода

Д.Б. Андреева

Московский Государственный Университет Культуры
141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная д.7
Moscow State University of Culture
Library str. 7 , Khimki, Moscow Region 141406 Russia
e-mail: mgukidissov@mail.ru

Ключевые слова: воспитание, эмпатия, молодежь, учреждения культуры, компетентностный подход.
Key words: education, empathy, youth, cultural institutions, the competence approach.
Резюме: В статье рассматривается воспитание эмпатии молодежи в учреждениях культуры на основе компетентностного подхода. Духовно-нравственные проблемы современного общества объективно отрицательно влияют на воспитание эмпатии молодежи. Современная социальная действительность требует огромного внимания государства по нравственному воспитанию молодежи. В этой связи велика потребность общества в таких личностях, которые обладают эмпатическими качествами.
Abstract: The article discusses the education of the youth of empathy in cultural institutions on the basis of competence approach. Spiritual and moral problems of modern society objectively adversely affect the education of the youth of empathy. Contemporary social reality requires a great deal of attention of the state on the moral education of youth. In this regard, great public demand for such individuals that have empathic qualities.
[**Andreeva D.B.** Education empathy youth in cultural institutions on the basis of the competency approach]

Кризис духовной жизни общества, потеря прежни идеалов и ценностных ориентаций, что отразилось на состоянии эмпатии молодежи.

Все это требует новых ценностных ориентаций, мировоззренческих подходов к воспитанию эмпатии у молодежи. Поэтому в условиях развития гражданского общества в нашей стране изменяется значение учреждений культуры. В сложившихся условиях воспитания эмпатии в деятельности учреждений культуры становится приоритетным направлением.

Реальная действительность показывает, что границы таких понятий, как знания, умения, практический опыт в

деятельности учреждения культуры по воспитанию эмпатии у молодежи опирается на практический опыт, где существенными показателями компетентности специалистов учреждений культуры становится гуманизм. Поэтому необходимо выстроить систему, обеспечивающую во всех подразделениях учреждений культуры и всех культурно-досуговых программах идею воспитанию эмпатии у молодежи.

Высокий уровень саморегуляции, эмпатийной воспитанности в учреждениях культуры возможен только при оптимальных организационно-педагогических условиях. В профессиональном образовании специалистов учреждений культуры этому вопросу не уделяется никакого внимания. Поэтому по воспитанию молодежи у них быть не может.

Возникают противоречия между:

- потребностью общества в воспитании эмпатии молодежи в учреждениях культуры и отсутствием этого процесса на практике;

- необходимостью создания организационно-педагогических условий воспитания эмпатии у молодежи в учреждениях культуры и отсутствием организационно-педагогических условий на практике.

Отсюда проблема исследования состоит в том, что эмпатия проявляется в процессе общения - «специалист учреждения культуры - посетитель или постоянный участник творческого коллектива» и определяется гуманистической направленностью. Своевременное внимание к молодому человеку на практике усиливается творческим нравственным и патриотическим развитием.

Реализация эмпатийной составляющей развития личности молодого человека является составной структурой содержания деятельности учреждения культуры, обеспечивает направленность молодежи на социально-личностное становление, а также повышение статуса учебного заведения.

В научной литературе проблемам воспитания эмпатии посвящены многие научные исследования. Особую заинтересованность в этом вопросе проявляют философы и ученые-психологи. В педагогике вопросы воспитания эмпатии на основе компетенций молодежи требуют специального

исследования.

Это объясняется, прежде всего, тем, что в связи с происходящими социальными преобразованиями в обществе система учреждений культуры находится в поиске современных педагогических концепций содержательно-технологического обеспечения учебно-воспитательного процесса, в творческих коллективах, занятиях в любительских объединениях и клубах по интересам.

Такие исследователи, как Е.А. Акчурина, С.Б. Борисенко, Т.П. Гаврилова, Л.П. Стрелкова, О.В. Солнцева и другие утверждают, что проблема воспитания эмпатии в рамках компетентностного подхода не подвергалась широкому научно-педагогическому анализу.

В ряде научных трудов эмпатия как личностное качество представлена как результат интенсивного воспитания у Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, К.К. Платонова и других ученых.

Сегодня требования к подготовке компетентного специалиста для учреждений культуры продекларированы в нормативно-государственных документах: в Национальной Доктрине образования в Российской Федерации, Стратегии модернизации содержания общего образования, декларациях о присоединении к Копенгагенскому и Болонскому процессам, в Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года, Стратегии модернизации содержания общего образования, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования (ФГОС СПО) третьего поколения построены на компетентностной основе. Наличие у выпускника практического опыта - это принципиально новая составляющая результата образования, нашедшая отражение в ФГОС СПО.

Анализ работ по проблеме компетенции и компетентности (В.И. Байденко, Г.Э. Белицкая, Л.И. Берестова, В.А. Болотова, Н.А. Гришанова, И.А. Зимняя, Н.В. Кузьмина, В.Н. Куницина, А.К.Маркова, Л.А.Петровская, Дж. Равен, Ю.Г. Татур, Р. Уайт, А.В. Хуторской и др.) позволил определить

основные этапы становления компетентностного подхода в образовании. Еще в 60-е и 70-е годы XX века была введена в научный аппарат категория «компетенция», что и послужило предпосылкой разграничения понятий компетенция/компетентность. Затем с 1970 по 1990 годы использование категории компетенция/компетентность в теории и практике обучения стало расширяться и появляются «социальные компетенции/компетентности». В этот период выделяются компетентности и компетенции для различных видов деятельности. А уже в 1984 году Дж. Равен раскрыл компетентность как специфическую способность, необходимую для эффективного выполнения конкретного действия в конкретной предметной области и включающую узкоспециальные знания, особого рода предметные навыки, способы мышления, а также понимание ответственности за свои действия. По мнению Дж. Равена, готовность предполагает также желание и согласие что-либо сделать, т.е. включает и аспекты мотивированности личности (сформированного внутреннего побуждения) к выполнению работы. Именно поэтому Дж. Равен назвал компетенции «мотивированными способностями».

Затем начиная с 1990 года по 2001 год понятия «компетентность», «компетенции» активно используются в образовании и связаны с появлением работ А.К. Марковой (1996). В работе «Психология профессионализма» А.К. Маркова различает разные виды профессиональной компетентности: специальную, социальную, личностную и индивидуальную. Данные компетентности, по мнению ученого, означают зрелость человека в социальной деятельности, в общении, в становлении личности, его индивидуальности.

Существенный вклад в осмысление понятий «компетенция» и «компетентность», «компетентностный подход» внесли отечественные педагоги. Ю.В. Фролов и Д.А. Махотин понимали под «компетентностью» интегрированную характеристику качеств личности как результат подготовки специалистов, бакалавров и магистров для выполнения деятельности в различных направлениях (компетенциях). Ю.Н. Емельянов интерпретирует понятие

«компетентности» как степень сформированности общественно-практического опыта субъекта; Л.И. Анцыферова как адекватность реализации должностных требований. Л.П. Урванцев, Н.В. Яковлев рассматривают уровень обучаемости специальным и индивидуальным формам активности. В.И. Байденко, Н.Ю. Ботвинева, Э.Ф. Зеер, И.А.Зимняя, И.Ф. Игропуло, Ю.Г. Татур указывают такие социально-личностные качества, лежащие в основе компетенций, как обучаемость, организованность, самостоятельность, ответственность, самоконтроль, самопланирование, потребность в реализации своего личностного потенциала, которые позволяют профессионалам, в том числе и учреждениям культуры, заниматься вопросами воспитания эмпатии у молодежи.

Проведенный автором статьи анализ теоретического материала, посвященного истории развития компетентностного подхода в подготовке специалистов учреждений культуры позволил внести уточнения в такие понятия как «подготовленность», «образованность», «общая культура», «воспитанность», «компетенция», «компетентность». Компетентностный подход в образовании конкретизируется в ФГОС СПО третьего поколения, определяющих основную цель образования в формировании компетенций, т.е. качеств и способностей личности к активной деятельности, в том числе, к творческому профессиональному труду. Целью компетентностного подхода в образовании является поднятие статуса студента вуза культуры и искусств.

Изучение научных категорий «компетенция» и «компетентность» позволило автору статьи предложить определение этих понятий по отношению к области формирования общих компетенций студентов вуов культуры и искусств как интегративное качество, включающее морально-волевую характеристику личности, выражающую степень готовности студентов к реализации своих знаний, умений, навыков, владение элементами эмпатии, этики при осуществлении профессиональной деятельности.

Автором статьи изучен феномен воспитания эмпатии у молодежи. Эмпатия может воспитываться при условии общей

положительной психологической установки у молодежи. Предпосылками для воспитания эмпатии у молодежи в учреждения культуры являются развитие эмоциональной идентификации, качество восприятия эмоционального конфликта (личностная рефлексия), стабильность альтруистических форм поведения (С.Б. Борисенко, В.А. Якунин). Проявление эмпатии у молодежи тесно связано с определенным уровнем развития нравственного сознания.

Процесс восприятия одним молодым человеком другого выступает как обязательная составная часть общения в учреждениях культуры и составляет то, что называют перцепцией. Молодой человек вступает в общение с другим молодым человеком и по общению также воспринимается как личность. На основе внешней стороны поведения обычно люди, по мнению С.Л. Рубинштейна, «читают» друг друга. Поэтому эмпатия - это способность эмоционально воспринимать другого молодого человека, проникнуть в его внутренний мир, принять его со всеми его мыслями и чувствами. Способность к эмоциональному отражению у разных людей неодинакова.

Воспитание эмпатии у молодежи в учреждениях культуры имеет свою специфику, которая состоит в том, что деятельность специалиста учреждения культуры связана с целью воспитания его эмпатийной зрелости. Действенность и результативность обращения специалиста к постоянному посетителю зависит не только от характера обращения, от предыдущих взаимодействий с ним, но и от того, что С.Л. Рубинштейн называл «внутренними условиями». Успех понимающего общения зависит от способности специалиста к эмпатии.

Исследователь Н.В. Кузьмина рассматривает воспитание эмпатии как одну из составляющих педагогического процесса: это понятие входит в структуру педагогических способностей и создает особую эмоциональную атмосферу, способствующую гармоничному развитию личности молодого человека.

Духовно-нравственные проблемы современного общества объективно отрицательно влияют на воспитание эмпатии молодежи. Современная социальная действительность требует огромного внимания государства по нравственному воспитанию

молодежи. В этой связи велика потребность общества в таких личностях, которые обладают эмпатическими качествами.

Перед учреждениями культуры встала задача с учетом специфики культутрно-досуговой деятельности. Сегодня с ярко выраженной гуманистической доминантой в структуре личности молодежи регулярно посещающей учреждения культуры всего 38-45% .

Гуманистическая ориентация молодежи проявляется в различных аспектах его жизнедеятельности, в основе которой, наряду с другими личностными образованиями, лежит эмпатийно-рефлексивная составляющая.

Таким образом, уровень общих компетенций воспитания эмпатии у молодого человека зависит от уровня развития когнитивного, эмоционально-перцептивного и деятельностно-поведенческого компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

Жарков А.Д. 2015. Социально-культурная деятельность как специализированная область общественной практики. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 298-304.

Жарков А.Д. 2015. Воспитание общепланитарного сознания личности в условиях социально-культурной деятельности. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 305-309.

Получена / Received: 13.09.2015
Принята / Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 652-657

Духовно - нравственные ценности современного педагога

И.Н. Бойко

Московский Государственный Областной Университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А
Moscow State Regional University
Radio str. 10A, Moscow 105005 Russia; e-mail: office@mgou.ru

Ключевые слова: духовно-нравственные качества, учитель, принципы, профессионализм.
Key words: spiritually-moral qualities, teacher, principles, and professionalism.
Резюме: В данной статье раскрывается роль духовно-нравственных качеств учителя в профессиональной деятельности. Определены и охарактеризованы требования предъявляемые к педагогу, обозначены дидактические принципы в выше указанном направлении.
Abstract: This article reveals the role of spiritual and moral qualities of teachers in professional activities. Identified and characterized the requirements to the teacher marked didactic principles in the above mentioned direction.
[Boyko I.N. Spiritual - moral values of the modern teacher**]**

Нравственная культура всегда входила в перечень профессионально-значимых качеств личности учителя, отражала приоритетность воспитательных задач, что являлось характерной особенностью отечественной педагогической школы. Среди перечня качеств важнейшее место принадлежит нравственным чувствам. Базовым среди них является качество любви к детям**.** Данное качество проявляется в комплексе профессиональных умений нравственного действия (поведения): умение сотрудничать с детьми на уроке и во внеурочной деятельности, испытывать радость общения, быть мужественным и бескорыстным в отстаивании детских интересов, терпимым в многократных ответах на детские вопросы и реакции на их поступки, чутким в умении опрашивать не «подлавливая» и не наказывая, уравновешенным в общении как с «легкими» так и с «трудными» учениками, совестливым и справедливым (Сухомлинский, 1979: 31).

На педагога возложена ответственная миссия: не только обучать (развивать интеллектуальные способности, закладывать определенные знания), но и воспитывать новое поколение. Поэтому важной составляющей профессиональной культуры

современного педагога, является его нравственность. Именно культура и высокая нравственность делают педагога личностью. Учитель участвует в процессе воспроизводства нравственного сознания личности не только индивидуально, но и через педагогический и ученический коллективы, через родительскую общественность. В данном случае он выступает как концентрированный носитель общественной морали. Сейчас говорить об этической стороне профессиональной культуры педагога как никогда актуально, так как успешно решать сложные задачи, поставленные реформой общеобразовательной и профессиональной школы, может лишь тот учитель, который олицетворяет собой образец высоконравственной личности.

В.А. Сухомлинский подчеркивал, что учитель становится воспитателем, лишь овладев тончайшим инструментом воспитания - наукой о нравственности, этикой. Без знания теории морали сегодня не может быть полноценной профессиональная подготовка учителя (Москвина, 2015).

Чтобы соответствовать данным требованиям, учитель должен владеть профессиональными знаниями, профессиональными способностями, педагогической этикой и педагогической техникой. Современного учителя характеризует широта мировоззрения, свободное изложение сути происходящих явлений, повышение своего профессионального уровня, стремление заинтересовать учащихся научно-технической и практической деятельностью, использовать новые педагогические технологии. Кроме того, призван соблюдать педагогическую этику, с уважением и вниманием относиться к воспитанникам владеть знаниями в области общей культуры, литературы и искусства.

В педагогической деятельности учителя-наставника важное место занимают его нравственные качества, в особенности они важны в духовно-просвещенческом воспитании. Усвоив общечеловеческие и национально-нравственные ценности, педагог может применять их в собственной деятельности, соотнося с общепринятыми нравственными нормами и критериями. В процессе проведения учебных занятий, воспитательной работы, в повседневном общении нравственные убеждения, ставшие лычными

качествами наставника, оказывают положительное воздействие на учеников, так как в основе педагогической этики учителя лежат гуманизм, любовь к Родине, национальное достоинство, справедливость, доброта, чувство долга и ответственности, искренность, правдивость, требовательность (Кинжаева, 2013).

В этом понятии концентрируются представления о совокупности требований и моральных предписаний, предъявляемых обществом к личности учителя, к выполнению профессиональных обязанностей: осуществлять определённые трудовые функции, преимущественно интеллектуальные, правильно строить взаимоотношения с учащимися, их родителями, коллегами по работе, глубоко осознавать свой отношение к выбранной профессии, ученическому и педагогическому коллективу и обществу в целом. Основой профессионального педагогического долга являются объективные и актуальные потребности общества в обучении и воспитании подрастающих поколений. В профессиональной деятельности педагога запрограммирована необходимость творческого отношения к своему труду, особая требовательность к себе, стремление к пополнению профессиональных знаний и повышению педагогического мастерства, необходимость уважительного и требовательного отношения к учащимся и их родителям, умение разрешать сложные коллизии и конфликты школьной жизни.

Наконец, педагогический авторитет учителя - это его моральный статус в коллективе учащихся и коллег, это своеобразная форма дисциплины, при помощи которой авторитетный и уважаемый учитель регулирует поведение воспитуемых, влияет на их убеждения. Уровень его определяется глубиной знаний, эрудицией, мастерством, отношением к работе и т.д. Педагогический авторитет основывается на принципе единства требования и доверия к личности воспитуемого. Авторитет педагога зависит от всего комплекса его личных и профессиональных качеств, нравственного достоинства; это духовная власть над сознанием учащихся. «Действительный авторитет основывается на вашей гражданской деятельности, - указывал А.С. Макаренко, - на вашем гражданском чувстве, на вашем знании жизни ребенка,

вашей помощи ему и на вашей ответственности за его воспитание». Доброжелательность и искренность - неотъемлемые черты авторитетного педагога (Лаврентьева, Нечаева, 2010).

Весьма желательны для педагога такие качества, как наличие чувства юмора; дополнительные возможности воздействия на школьников получает учитель, имеющий способности и умения в какой-либо области: технике, спорте, музыке, живописи и т.д.

Учителю необходимы: терпение, выдержка, настойчивость, оптимизм, гуманистическая направленность (человечность, доброта, отзывчивость, уважение к людям).

Качество, которое объединяет все названные качества, активизирует их развитие - профессиональная педагогическая направленность. Это совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих личность на педагогическую деятельность.

Отсутствие или слабое развитие какого-либо профессионально значимого качества может быть компенсировано сильным развитием другого, кроме того, недостаточные качества можно и должно развивать.

Успешность педагогического взаимодействия зависит от уровня коммуникативной культуры педагога, основу которой составляют общительность (устойчивое стремление к контактам с людьми, умение быстро установить контакты) и уровень нравственной воспитанности педагога (проявление такта, внимание к мнению и предложению другой стороны, уважение позиции друг друга, сопереживание, сочувствие) (Шевченко, 2010).

В.А. Сухомлинский, отвечая на вопрос «Что значит хороший учитель?». Во-первых, это «человек, который любит детей, находит радость в общении с ними, верит в то, что каждый ребенок может стать хорошим человеком, умеет дружить с детьми, принимает близко к сердцу детские радости и горести, знает душу ребенка». Во-вторых, это «человек, хорошо знающий науку, на основе которой построен преподаваемый им предмет, влюбленный в нее, знающий ее горизонты - новейшие открытия, исследования, достижения». В-третьих, это «человек, знающий психологию и педагогику, понимающий и

чувствующий, что без знания науки о воспитании работать с детьми невозможно» (Сластенин, 1993: 51).

В 2007 и 2008 гг. в посланиях Президента России Федеральному собранию Российской Федерации было подчеркнуто:

«Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности - это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность… и общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны, служит основой нашей повседневной жизни, фундаментом для экономических и политических отношений».

1. Образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества, его сплочении перед лицом внешних и внутренних вызовов, в укреплении социальной солидарности, в повышении уровня доверия человека к жизни в России, к согражданам, обществу, государству, настоящему и будущему своей страны. Ценности личности формируются в семье, неформальных сообществах, трудовых, армейских и других коллективах, в сфере массовой информации, искусства, отдыха и т. д. Но наиболее системно, последовательно и глубоко духовно нравственное развитие и воспитание личности происходит в сфере общего образования, где развитие и воспитание обеспечено всем укладом школьной жизни. Именно в школе должна быть сосредоточена не только интеллектуальная, но и гражданская, духовная и культурная жизнь детей. Отношение к школе как единственному социальному институту, через который проходят все граждане России, является индикатором ценностного и морально - нравственного состояния общества и государства (Доклад Владыки Алексия, архиепископа Костромского и Галичского, на Кирилло-Мефодиевских чтениях 27 марта 2010 г.).

Таким образом, профессионально-личностное развитие учителя представляет собой непрерывный процесс ценностно-смыслового самоопределения относительно собственной деятельности, способа ее осуществления и самореализации. Основными критериями профессионально-личностного развития выступают уровни сформированного методологического, рефлексивного, проектного и коммуникативного компонентов профессионально-педагогической культуры учителя (Сластенин,1993).

ЛИТЕРАТУРА

Доклад Владыки Алексия, архиепископа Костромского и Галичского, на Кирилло-Мефодиевских чтениях 27 марта 2010 г.

Кинжаева Г.С. 2013. Требования к личности педагога-наставника в процессе духовно-просвещенческого воспитания студентов. - В сб. Педагогическое мастерство: материалы III международной научной конференции (г. Москва, июнь 2013 г.). М.: Буки-Веди: 12-14.

Лаврентьева Н.Б., Нечаева А.В. 2010. Педагогическая этика: Учебное пособие. Барнаул: Изд-во АлтГТУ. 155 с

Москвина А.С. 2013. Трудовая деятельность с малых лет. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 2. № 4: 575-582.

Москвина А.С., Сафонов А.Н. 2015. Психолого-педагогические аспекты полового воспитания в системе образования. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 1: 43-50.

Сластенин В.А. 1993. Профессиональная культура учителя. М. 269 с.

Сластенин В.А. 2008. Профессионализм учителя как явление педагогической культуры. - Педагогическое образование и наука. № 12: 4-15.

Сухомлинский В.А. 1979. Павлышская средняя школа: обобщение опыта учеб.-воспитат. работы в сел. сред. школе. 2-е изд. М. : Просвещение. - 396 с.

Шевченко Л.Л. 2010. Учитель. Педагогические условия воспитания нравственной культуры в учебно-воспитательном процессе вуза. Монография. М., Издательство МГОУ. 186 с.

Получена / Received: 26.10.2015
Принята / Accepted: 01.11.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 658-666

Педагогические условия воспитания исторической памяти у молодежи в учреждениях культуры

Е.Д. Бочкарева

Московский Государственный Университет Культуры
141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная д.7
Moscow State University of Culture
Library str. 7 , Khimki, Moscow Region 141406 Russia
e-mail: mgukidissov@mail.ru

Ключевые слова: педагогические условия, воспитание, историческая память, молодежь, учреждения культуры.
Key words: pedagogical conditions, education, historical memory, youth, cultural institutions.
Резюме: В статье рассматриваются педагогические условия воспитания исторической памяти у молодежи в учреждениях культуры. В деятельности учреждения культуры заключены широкие воспитательные возможности на основе использования исторически-культурных ценностей, накопленных обществом. Полноценная реализация воспитательного потенциала деятельности учреждения культуры по воспитанию исторической памяти у молодежи обусловлена педагогически целесообразной организацией культурно-досуговой деятельности, где акцент делается на духовно-культурный, творческий, интеллектуальный и исторически развивающий компоненты.
Abstract: The article examines the pedagogical conditions of education of the historical memory of the youth in cultural institutions. The activities of cultural institutions signed the broad educational opportunities through the use of historical and cultural heritage accumulated by society. Full implementation of the educational potential of the activities of cultural institutions of education of the historical memory of the youth due pedagogically appropriate organization of cultural and leisure activities, where the emphasis is on the spiritual, cultural, artistic, intellectual and historical developmental components.
[**Bochkareva E.D.** Pedagogical conditions of education of the historical memory of the youth in cultural institutions]

Педагогические условия воспитания исторической памяти у молодежи в учреждениях культуры относятся к числу актуальных проблем педагогической науке. Авторы считают, что состояние у молодежи не отвечает требованиям общества. Сегодня государству нужны здоровые, мужественные, смелые, инициативные, дисциплинированные, грамотные люди, которые были бы готовы учиться, работать на его благо и в случае

необходимости встать на его защиту(Величковский, 1990: 60).

Эту задачу в современном обществе можно выполнять, если обеспечен процесс исторической памяти у молодежи. Здесь важнейшая составляющая процесса воспитания исторической памяти - развитие патриотических чувств. Без наличия этого компонента нельзя говорить о воспитании исторической памяти.

Поскольку нравственные идеалы разрушились, ощущается духовный застой, экономические проблемы, безответственность - всё это захлестнуло общество и может превратить молодежь в людей, утративших историческую память.

Перед нашим обществом встала опасность потери исторической памяти, именно поэтому особую роль приобретает деятельность учреждений культуры. Сегодня у молодого поколения воспитывается нравственность, гражданственность, обострённое чувство сопричастности и ответственности за всё происходящее (Величковский, 1990: 72), что является главной задачей деятельности учреждения культуры.

Поэтому главным педагогическим условием воспитательной исторической памяти у молодежи в учреждении культуры является необходимость быть участником истории, понимать свое значение в современной жизни, оставить о себе добрую память. Историческая память - необходимое условие нравственной жизни, духовной оседлости, национальной идентичности, привязанности к родным местам, к семье.

Своевременность исследования деятельности учреждений культуры как совокупности педагогических условий определяется острыми проблемами, которые переживает данный социальный институт, логикой развития педагогики досуга, а также креативным потенциалом социально-культурной деятельности. Реализация педагогических ресурсов деятельности учреждения культуры чрезвычайно актуальна в трансформации истории российского общества, а также в контексте современных тенденций развития педагогического знания.

Сложившиеся противоречия между значительным педагогическим потенциалом деятельности учреждений культуры и мерой его востребованности в структуре досуговой

деятельности современной молодежи показывает уровень содержания досуга и историко-культурной среды. Специалисты социально-культурной деятельности ориентируются на примитивные потребности большинства молодежи или наоборот, их задачей является повышение запросов и интересов молодежи в сфере досуга, проводимого с использованием современных возможностей воспитания исторической памяти.

При этом следует отметить, что процесс социализации молодежи проходит по-разному и зависит от: совокупности факторов; педагогических условий субкультуры молодежи; истории рода; степени, в которой молодежь удается оказывать влияние на социум; материальное благополучие семьи и.т.д.

Однако, наряду с этим и учреждения культуры и средства массовой информации должны всячески содействовать осуществлению процесса воспитания исторической памяти: от различного рода творческих и документальных форм фиксации исторической памяти до непосредственной организации разнообразных конкурсов, праздников, путешествий в историю и т. д.

Поэтому автор статьи считает что воспитание - это механизм обеспечения сохранения исторической памяти у молодежи как часть патриотического.

Процесс воспитания исторической памяти у молодежи в учреждениях культуры не означает механического повторения и воспроизведения прошлого, он отражает сложность, неоднозначность человеческих отношений, изменение духовных ценностей и личных позиций, влияние субъективных мнений.

Целью исторической памяти является воспитание у молодежи гуманизма, патриотизма, уважительного отношения к пожилым, ветеранам войны; воспитание исторической памяти, памяти о павших защитниках Отечества; воспитание воли, мужества, стойкости, сострадания, честности и благородства; изучение истории своего края; эстетическое воспитание, подготовка к защите Родины.

Однако сами исторические события не воспитывают, если их преподносить «сухо». Поэтому необходимо использовать такие формы деятельности учреждений культуры, которые формируют у молодежи чувство гордости за свой народ,

преданность, сострадание, честь и достоинство.

Сегодня наиболее популярными в деятельности учреждений культуры стали такие формы воспитания исторической памяти молодежи как:

- воспитание детей, молодежи на примерах мужества, героизма земляков-Героев Советского Союза и Кавалеров орденов Славы, ветеранов и участников Великой Отечественной войны, трудового фронта.

- создание и активизация деятельности музеев, или уголков Боевой Славы нашего народа;

- участие молодежи в поисково-исследовательской, краеведческой деятельности, военно-патриотической направленности;

- установление, мест гибели, захоронения павших в Великой Отечественной войне;

- поиск и захоронение останков «без вести павших» солдат;

- оказание благотворительной помощи ветеранам войны и труда (тимуровская работа);

- взаимодействие с ветеранскими организациями;

- проведение совместных акций с Советами Ветеранов, Комитетом солдатских матерей, РВК, РОСТО - ДОСААФ, музеями;

- создание электронной версии Книги Память.

Одними из наиболее популярных форм в воспитании исторической памяти являются олимпиады, посвященные важнейшим событиям истории интеллектуальные встречи (сборы, вечера), посвященные знаменательным датам истории России, встречи, сборы.

Сегодня политики многих стран мира стали заниматься переписыванием истории, переоценкой прошлого, свержением кумиров, когда ирония и насмешка разрывают хрупкую нить исторической памяти, изменяют энергетический потенциал культуры, в результате чего великие «отцы» становятся забытыми «дедами», новые памятники противоречат прежним ценностным ориентирам, мемориалы бесхозными, книги ненужными.

Поэтому деятельность учреждений культуры по

воспитанию исторической памяти у молодежи в педагогических условиях направлена на: смену экспозиций в музеях, восстановление стертых цензурой имен на картинах и фотографиях, возрождение старых памятников и т.д. Историки и писатели вносят вклад в возвращение исторической памяти в более полном объеме. Литературные произведения, фильмы передают современникам представления о трагических страницах российской истории.

В связи с этим большое воспитательное значение приобретает устная история, закрепленная в воспоминаниях участников событий. Их достоверность создает особый эмоциональный канал сопричастности с прошлым. Памятники как тексты истории являются информационным и духовным ресурсом цивилизации, говорящим или молчащим свидетелем перемен и противоречивых мнений.

Поскольку историческая память у молодежи живет активной жизнью, она не только воссоздает образы прошлого, но и вызывает широкий спектр эмоций - восхищения и поклонения, скорби и страдания, пренебрежения и скептицизма, то это необходимо учитывать в деятельности учреждения культуры при создании оптимальных педагогических условий. Прав А.Д Жарков, что «историческую память можно представить как набор передаваемых из поколения в поколение исторически сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно социального опыта, непосредственно в отношении народа. Также она является видом коллективной (или социальной) памяти. Мы выяснили, что историческая память проявляется в привычках, быту, культуре, отношении к другим народам, поколения, политических предпочтениях, стремлении к независимости и. т.д., может содержать цивилизационные архетипы, свойственные только этому данному этносу (Жарков, 2012: 178).

Традиционная историческая наука отдает безусловный приоритет письменным историческим источникам, уровень доверия к устным свидетельствам в ней существенно ниже. При этом, как правило, ссылаются и на допустимые погрешности в памяти, и на присутствующее подчас стремление представить прошлое в выгодном для себя свете. Однако под влиянием

субъективистской критики, показавшей, что любой письменный текст (в том числе первичный источник) также является интерпретацией, чертой современной историографии стало широкое использование устных свидетельств.

Устную историю можно рассматривать как один из главнейших средств функционирования исторической памяти у молодежи в учреждениях культуры. Здесь важно то, что развитие устной истории рассматривается как преимущественно история «высокой» политики и усиливавшийся интерес к повседневности, понимание, что история - это не только сильные мира сего, но и те, о ком было принято говорить как о «молчаливом большинстве».

Теория воспитания исторической памяти у молодежи в учреждениях культуры динамично развивается. Ее прикладной характер находит выражение в ряде существующих практик в ходе обучения истории. Принимая во внимание тезис о необходимости создания педагогических условий можно рассматривать концепцию исторической памяти А.Д. Жаркова как технологий и других способов педагогической деятельности учреждений культуры.

Определяя поисково-исследовательские задачи, специалисты учреждений культуры создают педагогические условия осваивания общественно-исторического опыта молодежи.

В архивах, музеях, встречах, переписках с интересными людьми, беседах с непосредственными участниками и очевидцами событий - все эти формы деятельности учреждения культуры по воспитанию исторической памяти воспитывают уважение к историческому прошлому, осознание собственной значимости, сопричастности к делам своего народа. Поэтому эти педагогические условия создают атмосферу постоянного поиска, радость собственного открытия, способствуют воспитанию творческой инициативы молодежи, их самостоятельности.

Представители старшего поколения охотно участвуют в деятельности учреждений культуры, становятся постоянными активистами. Они передают свой жизненный опыт и знания подрастающему поколению, делятся не только

воспоминаниями, но и историческими экспонатами, которые составляют основу различных исторических фондов.

Сегодня у молодежи более популярен зрительный образ, чем образ литературный. Но, соединив художественную ценность кинопроизведений, информативность видеоряда с литературными ценностями и живым словом можно получить уникальный результат.

В практику работы библиотек находящихся в учреждениях культуры смело входят комплексные формы: видеопоказы - параллельно с чтением и обсуждением, слайд - рассказы, используются медийные и интерактивные возможности электронных носителей.

Библиотекам целесообразнее функционировать по целевым программам, активно использовать проектные методы, реализовывать проекты, выходящие за узкие рамки профессиональной деятельности, активно сотрудничать с другими учреждениями, а также общественными организациями и объединениями. Это позволяет сделать воспитание исторической памяти молодежи в учреждениях культуры плановым, системным, постоянным и одним из приоритетных направлений деятельности.

Способствовать продвижению военно-исторических знаний деятельностью учреждений культуры становиться педагогическим условием воспитания исторической памяти.

Воспитание исторической памяти - это подготовка цикла различных культурно-досуговых программ, связанных главной темой и в определенной системе. Основное требование - это соединение педагогических условий и формы культурно-досуговых программ.

Молодежь нуждается в героических примерах, романтических идеалах, знании истории Отечества и родного края. Инструментами воздействия на историческое сознание молодежи можно считать совместно формируемую силами всех библиотек головной библиотеки района (поселения); экспозиционную деятельность; комплексные массовые мероприятия; встречи с творческой интеллигенцией; организацию межпоколенческого общения; любительские объединения, клубы по интересам (Историческая память, 2002).

Е.Д. Бочкарева / E.D. Bochkareva

Сущность педагогических условий деятельности учреждения культуры в процессе воспитания исторической памяти определяется тем, что они прежде всего, необходимый и неотъемлемый элемент образа молодежи и является пространством для удовлетворения духовных потребностей в творческом самовыражении, духовно-культурном росте, интеллектуальном и физическом самосовершенствовании, выполнении широкого круга социальных ролей, тем самым рассматривается как наиболее благоприятное воспитательное поле.

В деятельности учреждения культуры заключены широкие воспитательные возможности на основе использования исторически-культурных ценностей, накопленных обществом. Полноценная реализация воспитательного потенциала деятельности учреждения культуры по воспитанию исторической памяти у молодежи обусловлена педагогически целесообразной организацией культурно-досуговой деятельности, где акцент делается на духовно-культурный, творческий, интеллектуальный и исторически развивающий компоненты.

С педагогической точки зрения, деятельность учреждения культуры рассматривается как: условия для духовного общения, где молодежи предоставляется возможность свободного выбора общественно и личностно значимых социальных ролей; сфера, в которой полноценно раскрываются их естественные потребности в свободе и независимости, активной деятельности и самовыражении; деятельность, развивающая возможности, их творческие способности в наиболее целесообразном применении.

Отметим, что социально-культурное пространство учреждений культуры является ареной серьезной борьбы различных, нередко - антагонистических идей, относительно необходимых, допустимых и приемлемых форм и методов историко-просветительской деятельности. Это развитие в деятельности учреждений культуры патриотических, военно-патриотических, военно-спортивных клубов, клубов будущих воинов.

Таким образом, любовь к родному краю, знание его

истории - основа, на которой может осуществляться рост духовной культуры молодого человека и всего социума, где находится учреждение культуры. Тогда воспитание исторической памяти у молодежи в учреждениях культуры лучше других отраслей знания способствует воспитанию патриотизма, любви к родному краю, формированию общественного сознания. Поэтому учреждения культуры обязаны пропагандировать роль исторического прошлого нашего многонационального и многоконфессионального народа.

Воспитание исторической памяти населения России будет эффективным с помощью традиционных форм деятельности учреждений культуры, ярких запоминающихся программ для широкой социальной и возрастной категории, приуроченных к государственным праздникам и памятным датам.

ЛИТЕРАТУРА

Величковский Б.М. 1990. Автоматизмы памяти. Сс. 54-79. - В кн. Исследование памяти. Под редакцией Н.Н. Коржа. М.: Наука. 215 с.

Историческая память: преемственность и трансформации: ("Круглый стол"). Материал подготовила А.И. Афанасьева. - Социологические исследования. 2002. № 8: 76-85.

Жарков А.Д 2012. Теория, методика и организация социально-культурной деятельности. М.: МГУКИ. 456 с.

Жарков А.Д. 2015. Социально-культурная деятельность как специализированная область общественной практики. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 298-304.

Жарков А.Д. 2015. Воспитание общепланитарного сознания личности в условиях социально-культурной деятельности. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 305-309.

Жарков А.Д. 2015. Развитие теории социально-культурной деятельности - важнейшая задача вузов культуры и искусств. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 310-318.

Получена / Received: 09.09.2015
Принята / Accepted: 20.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 667-675

Концептуальные подходы к понятию «историческая память молодежи»

Е.Д. Бочкарева

Московский Государственный Университет Культуры
141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная д.7
Moscow State University of Culture
Library str. 7 , Khimki, Moscow Region 141406 Russia
e-mail: mgukidissov@mail.ru

Ключевые слова: слова: концептуальные подходы, историческая память, молодежь.
Key words: conceptual approaches, the historical memory of youth.
Резюме: В статье рассматриваются концептуальные подходы к понятию «историческая память молодежи». Историческая память является основой социально-культурного процесса сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности учреждений культуры. Историческая память молодежи выступает в виде сложного и многогранного духовного образования, фиксирующего состояние устойчивости и изменчивости в общественном развитии и обеспечивающего преемственность, связь времен и поколений, что в целом является основой для правильной ориентации в будущее.
Abstract: The article discusses conceptual approaches to the concept of "historical memory of youth." Historical memory is the basis of the socio-cultural process of preservation and reproduction of past experience of the people, the country, the state to its possible use in the activities of cultural institutions. The historical memory of the youth appears as a complex and multifaceted spiritual formation, the fixing state of stability and variability in social development and to ensure the continuity of the connection of times and generations that, in general, is the basis for the correct orientation for the future.
[**Bochkareva E.D.** Conceptual approaches to the concept of "historical memory of youth"]

В сфере внимания концептуальных подходов по понятию историческая память заслуживает внимания «коммуникативная память», включающая воспоминания трех-четырех поколений или «культурная память», соединяющая современность с давним прошлым. Есть еще понятие - память «мягкая» (личная, субъективная, запечатленная в дневниках и воспоминаниях) - и память «жесткая» (закрепленная в форме разнообразных «мест памяти», музейных экспозиций, календаря официальных памятных дат, мемориалов и церемониалов).

Анализ основных концептуальных подходов исторической памяти, показывает, что главные вопросы, на которые обращают внимание: какими методами ведется поиск и каким может быть результат.

Большой интерес к проблемам исторической памяти проявляли такие авторы, как М. Хальбвакс, П. Нора, Я. Ассманн, П. Рикер, Ю.М. Лотман и многие другие. Вскоре были созданы научные школы и научные направления по изучению понятия исторической памяти. Одно из таких направлений этого понятия стала «история исторической культуры», представленная в исследованиях Российского общества интеллектуальной историей. Одним из научных направлений стало изучение истории «живой» социальной памяти. Здесь стоит отметить, что целые проекты издательства «Новое литературное обозрение» были посвящены изучению исторической памяти. Постепенно эта проблема стала рассматриваться в диссертационных исследованиях.

Автор статьи согласна с М.В. Соколовой, в том числе «с естественным уходом людей современников исторических событий историческая память меняется, приобретает новые оттенки, становится менее достоверной и более насыщенной «реальностями» дня сегодняшнего. То есть историческая память со временем ещё больше политически и идеологически актуализируется» (Соколова, 2008: 13).

На наш взгляд, историческая память основывается на историческом сознании и относится к числу тех событий жизни общества, которые отраженны в социально-культурной деятельности, содержание которых определяется мировоззрением каждого молодого человека.

Наше общество, а внутри него молодежь и ее отдельные социальные группы не только формируют присущие исключительно им типы исторического сознания и исторической памяти, но и обнаруживают разную степень осмысления прошлого. В частности взгляд на прошлое как на процесс развития, важный для понимания современности, характерная среда российских традиций, преемственность с которыми осознает современная историческая наука.

История нашей страны отразила возрастающий интерес в

общественном сознании к различным формам исторической памяти, отношение к традициям и реальным событиям прошлого, истории искусства и науки, политики и религии, техники и повседневности, памятникам и биографиям, сохраненным письмам, дневникам, фотографиям, записным книжкам и любимым вещам. Ученые называют такие знаки памяти культурными символами, отразившими в самосознании и ментальности народа духовные ценности и коллективные представления исторической эпохи.

Социально-культурная деятельность концентрирует в себе подавляющее большинство сведений о прошлых состояниях исторической памяти, отношения людей к своей истории, с точки зрения эффективности.

Ю.М Лотман считает, что: «Механизмы памяти культуры обладают исключительной реконструирующей силой. Это приводит к парадоксальному положению: из памяти культуры можно извлечь больше, чем в нее внесено. Эта способность ретроспективно наращивать память говорит о принципиально ином ее устройстве, чем то, которым до сих пор наделяются искусственные интеллектуальные устройства» (Лотман, 2000: 568).

Согласны, что изучение органически связанных со структурой памяти культуры механизмов ее полезного и целенаправленного забывания может дать исключительно много для общей теории социально-культурной деятельности.

На примере культуры как интеллектуального устройства мы убеждаемся, что в ходе проведения эксперимента в учреждения культуры историческая память есть подвижное хранение информации с механизмом, активного моделирования, сознания повернутого в прошлое.

Возможно, этим объясняется интерес исследователей к образам прошлого, ибо здесь язык исторической памяти сам становится образным, метафоричным в высокой степени. Стратегия описания мира памяти с помощью пространственных метафор восходит к классическому исследованию Пьера Нора о «местах памяти» (Нора, 1999).

Значит, память молодежи является неотъемлемым аспектом в формировании ценностных ориентиров личности,

особенностей морально-этического и философского понимания мира, основой формирования мировоззрения.

Проблема исторической памяти привлекала и продолжает привлекать к себе пристальное внимание со стороны представителей разных наук - философии, психологии, истории, социологии. Интерес к вопросам, связанным с исторической памятью, имеется весьма продолжительное время.

Философия является одной из древнейших областей интеллектуальной деятельности человека, первыми к вопросу о памяти обратились именно философы. Размышления о природе памяти встречаются у античных мыслителей - Платона, Аристотеля (посвятившего ей специальную работу «О памяти и воспоминании») и Плотина. В более позднее время к проблемам памяти обращался также Августин.

В работах одного из основоположников французской социологии Э. Дюркгейма и его последователей, память рассматривалась как элемент системы коллективных представлений, в которых «как бы сконцентрировалась весьма своеобразная умственная жизнь, бесконечно более богатая и более сложная, чем умственная жизнь индивида» (Дюркгейм, 1991: 42).

Это получило свое развитие в трудах современных социологов. Американские ученые Г. Шуман и Ж. Скотт использовали для характеристики феномена памяти определение «коллективная память поколений», понимая под ним «коллективное восприятие и коллективные оценки, значимые для формирования будущего поколения, а также членов данного поколения» (Шуман, 1992: 47).

Анализ показывает, что опыт предшествующих поколений во многом определяет ход исторического развития. При этом историческая память, по мнению Гумилева, связана с зафиксированной памятью о прошлом (ведущая роль принадлежит артефактам культуры: летописям, сооружениям, предметам быта, эпосу, фольклору, историческим преданиям). Для того, чтобы история стала учителем жизни, необходимо желание общества использовать исторический опыт, применять его в социальной практике (Гумилев, 2003: 317).

А. И. Ракитов подчеркивает связь между историческими

фактами и их социальной актуализацией, утверждая тем самым, что «социально-историческая память человечества, выступающая как знание о прошлом, дает множество образцов социально-значимого поведения. Поступки исторических персонажей, различные исторические ситуации, типы разрешения определенных конфликтов, ведущих к укреплению данного общественного строя, данной этнической общности, социальной группы или организации, со временем становясь эталонами, дают обоснование нормам предпочтительного, санкционированного обществом поведения» (Разгебаева, 2001: 10).

В современный период при анализе феномена историческая память преимущественно используется информационный подход, базирующийся на использовании в описании объекта методологических принципов теории информации. В связи с этим Э.В. Соколов указывает, что для усвоения памяти необходимы два условия: наличие знаковых систем и «определенного метода упорядочения ... информации по ее ценности и содержанию».

И далее «наиболее употребительными знаковыми системами являются разговорные языки. Методы их организации: предание, мнение авторитетного лица, система верований, логически и семантически разработанная система знаний, т. е. научное мировоззрение» (Соколова, 1972: 126).

Следовательно истори́ческую па́мять можно рассматривать как совокупность передаваемых из поколения в поколение исторической информации мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно социального опыта, непосредственно связанного с деяниями народа.

Проблема взаимоотношений между поколениями - это вопрос не только о взаимоотношении отцов и детей, молодежи и старшего поколения. Чтобы по-настоящему оценить историческую память народа, необходимо рассматривать не только вертикальные связи, но и горизонтально-вертикальные, то есть сопоставлять, анализировать проблемы исторической памяти и исторического сознания молодежи.

Проблема исторической памяти сегодня, особенно острая,

в связи с празднованием победы советского народа в Великой Отечественной войне, когда идет о тотальном искажении истории многими странами участниками этого процесса. Поэтому необходимо изучение исторической памяти с позиции правдивого отражения событий, фактов, образов прошлого. Этот подход основан на том, что память по сути своей образна: именно образы событий и персонажей прошлого, созданные в произведениях художественной культуры, являются основой обыденных представлений о прошлом. Мобилизующий, интегрирующий потенциал образного восприятия прошлого осознавался всеми учеными, а феномен «социального заказа» на художественную трактовку событий прошлого в «нужном» ключе существовал, вероятно, со времен древнейших цивилизаций.

Отсюда интерес к памятным местам, связан именно с таким особым соотношением молодежи к нашей истории. Это поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще. В принципе всегда достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения. Чувство непрерывности находит свое убежище в местах памяти.

Взгляд на историческую память, как на социально-культурный подход может вносить определенную коррекцию в понимание смысла истории. Это связано с тем, что современная задача изучения исторической памяти посредством социально-культурной деятельности может носить событийный характер.

Еще важнее исследование возможного исторического значения событий, происходящих в настоящем в деятельности учреждения культуры, сегодня нужна история становления, прогностическая история, а не описательная.

Воспитание исторической памяти у молодежи - объективный процесс, как результат самоорганизации социальной психики. А вот социальная память - это самый глубокий феномен общественного сознания, от которого в огромной мере зависит жизнедеятельность молодежи. Здесь возможно определить насколько развито историческое сознание молодежи, посещающей учреждения культуры, не только в смысле знания истории, но и понимания личной причастности к

ней, уважения к истории своего народа, но и народами всех стран.

Память вообще представляет собой процессы организации и сохранения прошлого опыта, делающие возможным его повторное использование в деятельности учреждений культуры. Это сложный механизм исторической памяти - социальной памяти, который фиксирует осмысленные события истории страны, региона, социума. Здесь осмысление берется из того факта, что каждый раз новое поколение, личность молодого человека заново осмысливает историю, выбирает из нее то, что для нее имеет значение сегодня и отодвигает на второй план то, что не так важно на данный момент.

Поэтому историческую память определяют как одну из основ национального самосознания, и выражается она в знании народом своей истории и своих героев, в верном восприятии прошлого своей страны. Сохранение традиций не является помехой для общественного развития, наоборот оно представляет собой основание для патриотизма и общественного совершенствования. Народ, утративший историческую память, самобытность, теряет вместе с этим социально-культурную значимость, которую он исторически занимал в мировой цивилизации.

Историческая память - часть общественного сознания, а потому она не только культурная, но и социальная. И хранителями (субъектами) ее выступают социальные общности: семья, нации, государство. Отдельный же член общества, очевидно, не может быть рассмотрен как полноценный носитель всей совокупности фактов, включенной в историческую память.

В то же время, подлинная историческая память молодежи не может существовать без личной исторической памяти, без знания того, что связано с личной судьбой конкретного молодого человека, историей его семьи, предшественников, которые функционировали в истории. Это означает, что молодой человек не может в полной мере ощутить себя гражданином страны, если он не только не знает важнейшие события, вехи ее истории, но и родословную своей семьи, историю своего города, села, края, в котором родился

или живет. Без памяти нет личности, молодого человека.

Поэтому историческая память является основой социально-культурного процесса сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности учреждений культуры. Историческая память - это устойчивая система представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании молодежи.

Мы согласны с профессором А.Д Жарковым в том, что « Историческая память тогда представляет собой общественную структуру, когда ее главным смыслом является актуализация исторического опыта в культуре через структуры повседневности. Как и любая система, историческая память представляет с собой достаточно сложное образование, что обусловлено как ее функциями, так и элементами, ее составляющими» (Жарков, 2012: 174)

Историческая память молодежи обладает все же удивительной особенностью удерживать в сознании основные исторические события прошлого вплоть до превращения исторического знания в различные формы мировоззренческого восприятия прошлого опыта, его фиксации в легендах, сказках, преданиях, как единый технологический процесс.

Таким образом, историческая память молодежи выступает в виде сложного и многогранного духовного образования, фиксирующего состояние устойчивости и изменчивости в общественном развитии и обеспечивающего преемственность, связь времен и поколений, что в целом является основой для правильной ориентации в будущее. Способность исторической памяти воспроизводить прошлое и увязывать его с будущим является фундаментальным свойством молодого человека.

Она представляет собой один из ключевых механизмов соединения людей этническими связями, обеспечивая идентичность исторических предков, общие воспоминания, коллективные гордость и унижения, радость и сожаления, связанные с тем, что случилось в прошлом.

Историческая память не может отражать прошлое абсолютно бесстрастно. Возникающие акценты в восприятии прошлого формируются под влиянием, прежде всего,

меняющихся политических и нравственных и психологических установок.

Историческая память, её элементы и состояние являются относительно новыми объектами педагогических исследований в социально-культурной деятельности, и позволяют принимать более взвешенные, обоснованные решения в деятельности учреждений культуры по патриотическому воспитанию молодежи.

Поэтому мы опирались на научную концепцию А.Д Жаркова о ценностно-ориентированом, активно-деятельностном подходе к целостному технологическому процессу в учреждениях культуры (Жарков, 2009: 156) в работе с молодежью по воспитанию исторической памяти.

ЛИТЕРАТУРА

Гумилев Л.Н. 2003. Искусство и этнос: собрание сочинений в 12-ти тт. Т. 9. СПб.

Дюркгейм Э. 1991. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука. 575 с.

Жарков А.Д. 2009. Теория и технология культурно-досуговой деятельности. М.: МГИК. 480 с.

Жарков А.Д .2012. Теория, методика и организация социально-культурная деятельность М.: МГУКИ. 456 с.

Жаркова А.А. 2013. Педагогическая регуляция развития личности в условиях социально-культурной деятельности. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 2. № 4: 523-534.

Лазарев М.А. 2013. К вопросу о соотношении философского и образного познания мира. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Т. 2. №. 4: 666-674.

Лотман Ю. М. 2000. Семиосфера. С.-Петербург: Искусство-СПБ. 704 с.

Нора П. 1999. Проблематика мест памяти. Франция-память. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С . 17-50.

Разбегаева Л.П. 2001. Ценностные основание гуманитарного образования: теория и практика. Монография. Волгоград: Перемена. 289 с.

Соколова М.В. 2008. Что такое историческая память. - Преподавание истории в школе. № 6: 37-44.

Соколов Э.В. 1972. Культура и личность. Л.: Наука. 228 с.

Шуман Г., Скотт Ж. 1992. Коллективная память поколений. - Социологические исследования. № 2: 47-60.

Получена / Received: 09.09.2015
Принята / Accepted: 20.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 676-680

Воспитательный потенциал медийного литературного творчества

О.Н. Брянцева

Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы "Школа № 2099"
125171, г. Москва, 3-я Радиаторская улица д. 8а
State budget educational institution of Moscow "School № 2099
3 rd Radiatorskaya str., 8a, Moscow 125171 Russia
e-mail: oksabryan@yandex.ru

Ключевые слова: воспитательный потенциал, деятельностный подход, нравственное воспитание, медийное творчество, литературное творчество, нравственность и литература, воспитание старшеклассников.
Key words: educational potential, activity approach, moral education, media creativity, creative writing, ethics and literature, education of high school students.
Резюме: В условиях информационного общества каждое следующее поколение российских школьников оказывается гораздо более «осведомлённым», чем его предшественники, во всём, что связано с ИКТ. Перед педагогическим сообществом стоят задачи активного использования медиапространства для организации воспитательной работы. Деятельностный подход, совместное творчество и сотворчество, в том числе и в медиапространстве - таковы, по мнению автора статьи, основные направления воспитания старшеклассников через творчество.
Abstract: In the information society each generation of Russian students is much more "knowledgeable" than their predecessors, in all that is related to ICT. Before teaching community are faced problems of active use of media space for the organization of educational work. Activity approach, collective creativity and co-creation, including in the media - are, according to the author, the main directions of education of high school students through creativity.
[**Bryantseva O.N.** Educational potential of media literary creativity]

Увлечение ИКТ, свойственное современному образованию, ставшее одним из ведущих его направлений, таит в себе немало опасностей, прежде всего связанных со сверхтехнологизацией, сменой личностного отношения к учащимся на субъект-объектное. Однако нельзя не учитывать и то, что каждое новое поколение российских школьников становится намного информационно грамотнее предыдущего, что способствует всё большему взаимному отдалению детей и взрослых, учащихся и педагогов. Поэтому так важно найти такие способы общения, которые помогли бы преодолеть не

только существующие, надуманные и действительные, барьеры между поколениями, но и между отдельными возрастными группами детей и подростков.

Одним из наиболее действенных методов по сближению детей и учителей является творчество. Креативный педагог создаёт творческую атмосферу, а в результате возникает некое подобие силового - «креативное поле». И сразу же меняется отношение к занятиям: ведь у такого учителя и дети с удовольствием занимаются творчеством. Однако насыщение и даже перенасыщение информацией способствует всё более широкому распространению чувства одиночества, снижению глубины коммуникативного общения, когда оперирование информацией подменяет её обработку и вдумчивое осмысление. Появляется всё большем замкнутых, закрытых для постороннего воздействия детей и подростков. И здесь на помощь учителю, прежде всего словеснику, могут прийти новые - медийные технологии, благодаря которым замкнутые, застенчивые ученики смогут раскрыть свои творческие способности. Медиасреда предоставляет уникальные возможности для познания мира, на которые очень быстро откликается современный подросток (Поль, 2015). Однако по приказу, по должности, невозможно стать помощником в виртуальном путешествии. Для этого от самого педагога требуются недюжинные творческие и медийные способности.

Очень важно суметь грамотно и в доступной форме показать собственные творческие достижения, так как демонстрация результата собственного труда может оказаться хорошей мотивацией для ребёнка. Например, если учитель сам пишет стихи, то на уроке имеет место чтение каких-либо из них, в зависимости от цели и темы урока, а еще свой сайт или страничка в интернете, где можно поделиться своим творчеством. Сегодняшние воспитанники зачастую любят свой компьютер как друга, как советчика и поэтому им общаться с интернетом намного проще. Это обязательно подтолкнёт ученика к проявлению творческой деятельности: он либо продемонстрирует то, чем он уже владеет, либо легко включается в задание творческого характера. Можно начинать с малого: коллективное сочинение стихотворения, посвящённого

какому-либо событию. При этом строки записываются на доске, редактирование происходит по ходу детских предложений (здесь и далее примеры из практики автора):

Новый год к нам идёт
Под ночной звездой,
Счастье людям принесёт
В праздник золотой…
Золотой наряд на ёлке,
А под ёлкой - снег…
Нам иголочки не колки…
Слышен детский смех…

Творчество учителя-поэта помогает при изучении темы «Скороговорки»… Это несложный жанр детского стихосложения. Вот ещё пример скороговорки, сочинённой самым, пожалуй, застенчивым учеником:

Карту клада дал мне дед,
Я искал его шесть лет.
Вот до места я дошёл,
Только клада не нашёл…

Звучит как детская считалочка. Однако её сочинил ученик, которого по жизни считали безынициативным тихоней. А в этой считалке он проявляет некоторую дерзость. И для данного ученика это оказывается прорывом в его учёбе, появляется заинтересованность в изучении данного предмета. С этого может начаться его движение в направлении филологического профиля, с подобного художественного события может и «открыться» одарённый ребёнок, над выявлением и развитием которого на протяжении длительного времени «бьётся» педагогическая наука.

Стихосложение, которым владеет сам учитель, может помочь ему в процессе воспитания детей. После прочтения сюжетных стихов для детей непременно окажется тот, кто захочет тоже попробовать собственные возможности. Здесь важно задать детям нужную тему, например, сочинить стихотворение о маме…

Кукла

Всё хожу и думаю…
И тут, и там смотрю,

Что же своей мамочке
Любимой подарю…
Радость, ласку нежную,
Тепло, любовь дарю…
А может быть, надумаю
И куклу подарю…

В детском стихотворении звучит большая любовь и искренность в отношении своих близких людей, в данном случае - любовь к матери…

Демонстрация собственного опыта в живописи мотивирует детей к выполнению творческих заданий, связанных с культурой рисования. В детских рисунках могут выявиться не только способности ничем не отличающихся учеников, но и душевное их состояние, степень их уверенности и комфорта (Селиванова, 2009). Благодаря этому создаются необходимые условия и для создания уютной обстановки, и для развития одарённости (Жуковицкая, 2012), и для формирования и развития позитивных ценностей у детей и подростков.

Дети - очень чистые, благодарные души. Наградой за свой труд учитель может прочитать на доске в последний учебный день в году сочинённые ребятами строки:

Посвящение любимым учителям!
Скоро мы уйдём из школы
На лето целое, увы…
И орфографии, и слову
Учить не будете нас Вы
Решение примеров
Учить теперь не Вам,
Ведь летом все мы отдыхаем…
Сегодня дружно восклицаем:
- Учителя! Спасибо Вам!

Использование Интернет-пространства, создание собственных страничек в социальных сетях, организация «ликбеза» для школьников по бесплатным и качественным, т.е. выверенным текстам, позволит значительно расширить аудиторию для передачи творческого опыта педагога, будет способствовать формированию креативной атмосферы в образовательной среде, развитию одарённости и активному

развитию коммуникативных процессов. В ненавязчивой обстановке, в творческой атмосфере будет происходить реализовываться деятельностный подход в обучении.

Таким образом, благодаря развитию литературного творчества, в том числе и в медийной среде, будет происходить творческое воспитание учащихся. В развитии медийного литературного творчества кроется одно из важнейших направлений развития российской педагогики.

ЛИТЕРАТУРА

Брянцева О.Н. 2015. Литература и нравственное воспитание (история и практика). Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 4: 425-432

Жуковицкая Н.Н. 2012. Одаренный ребёнок в образовательной системе: управление процессом сопровождения: учебно-методическое пособие. СПб: Ленинградский обл. ин-т развития образования.

Поль Д.В. 2015. ИКТ и блогосфера. Феномен «литературы путешествий». - Вестник Гуманитарного института. - № 1: 38-41.

Селиванова Т.В. 2009. От книги до компьютера: художественная коммуникация. Программа. Методические рекомендации. Под ред. Л.В. Школяр. М.: Просвещение, 2009.

Получена / Received: 15.09.2015
Принята / Accepted: 09.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 681-687

Непрерывное дополнительное образование в становлении и развитии профильной школы

Е.П. Быкова

Академия акварели и изящных искусств Сергея Андрияки
117133, г. Москва, ул. Академика Варги, 15
Academy of Fine Arts and watercolors by Sergey Andriaka
Akademika Vragi str., 15, Moscow 117133 Russian; e-mail: 16-12-1977@mail.ru

Ключевые слова: непрерывное дополнительное образование, профильная школа, предпрофильная подготовка, высшая школа, художественное образование.
Key words: continuous further education, profile school, preprofile preparation, high school, art education.
Резюме: В условиях активного развития телекоммуникаций и формирования уже не только общероссийского, но и мирового медиапространства наблюдается всё возрастающая взаимозависимость между профильным и непрерывным дополнительным образованием. Как показывает опыт Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки, активно действующая при вузе система непрерывного дополнительного образования становится основным центром по организации профильного художественного образования Москвы.
Abstract: In terms of active development of telecommunications and the formation of not only nationwide, but also the global media space there is ever-increasing interdependence between profile and continuous further education. As shows the experience of the Academy of Fine Arts and watercolors of S. Andriaka, active system of continuous further education in the university becomes a major center for organization of profile art education of Moscow.
[Bykova E.P. The continuous further education in the development of the profile school**]**

Непрерывность дополнительного образования - явление столь же закономерное, как и всё возрастающая профилизация старшей школы. Если первое сопряжено с необходимостью постоянного стимулирования интеллектуальной и творческой деятельности человека в условиях стремительного устаревания знания (отсюда и образование в течение всей жизни как ведущий императив поведения), то второе - с появлением глобальной конкуренции и необходимости неустанного повышения конкурентоспособности человека и общества. «Совместить» обе закономерности, соединить два этих процесса

в рамках единого целого - одна из важнейших и актуальнейших задач российского образования.

Несмотря на сходность многих процессов, протекающих в мировом образовательном пространстве, у каждой из национальных систем есть свои, безусловные и вполне объективные, отличия. Для России это - опережающий характер развития столичного образования. Москва и Санкт-Петербург - не просто ведущие центры, это ещё и в некотором роде апробационные площадки по верификации педагогического опыта и его внедрению в образовательную практику. Подобное исключительное положение - вполне закономерный результат сверхконцентрации научно-педагогических кадров, наличия ведущих учебно- и научно-методических центров. Отсюда и особая значимость московско-питерского опыта в развитии российского образования. И в начале XXI столетия это ещё более очевидно, чем всего лишь два - три десятилетия назад.

На протяжении многих десятилетий российское художественное образование подпитывалось российскими регионами, провинцией. Однако значительное оскудение русской глубинки, упадок и забвение многих художественных промыслов на рубеже XX-XXI вв. превратили столичные центры с развитой системой профессионального художественного образования в те немногочисленные, а потому особо значимые островки сохранения и сбережения национальной художественной традиции. Поэтому в настоящее время высшие учебные заведения (Строгановская академия (университет), Академия акварели и изящных искусств Сергея Андрияки, Высшая школа национальных искусств и ремёсел и др.) являются наиболее авторитетными хранителями национальных художественных традиций в самом широком смысле слова (как академических, так и народных). Здесь сложились художественные школы преподавания, здесь сформировались коллекции, в которых представлена история развития и направлений, и школ, и даже промыслов. И здесь же существуют устойчивые традиции осмысления художественного опыта прошлого, как с позиций методологических, так и с точки зрения отображения национально-культурного кода (менталитета). Всё это и придаёт

особый статус художественным вузам; и не в силу неких нормативных документов, а по сути - по причине объективных процессов развития общества и государства.

В условиях смены образовательной парадигмы высшая школа превращается в координатора и инициатора происходящих изменений, а модернизация высшего образования становится важнейшим фактором успешности развития всего общества (Жураковский, 2013). В то же время разработка и формирование модели современной школы на основе системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина - В.В. Давыдова в рамках новой образовательной парадигмы, требует системной перестройки всего педагогического образования (Рубцов, 2013). Применительно к художественному образованию это означает: ориентацию на художественные вузы, как наиболее авторитетные центры сосредоточения и профессионального сообщества, и представленности социально-, культурно- и даже цивилизационно-значимых артефактов, представляющих, подтверждающих и определяющих развитие национальных художественных стилей и традиций. Реализация подобной преобразовательной миссии вуза предполагала бы и самое активное взаимодействие с основной школой, и организацию (и координацию) дополнительного образования. Прежде всего, это означает деятельность в направлении профилизации (художественной) старшей школы, протекающей как во вполне привычной и потому традиционной для российского образования совместной профориентационной деятельности (Берникова, 2015), так и через выполнение функций ресурсного центра.

Вуз как ресурсный центр, территориальный или по направлению деятельности, данная идея не нова, однако современность наполняет её принципиально новым содержанием. Медиасреда значительно расширяет коммуникативное пространство, позволяя решать и узкопрофессиональные, и учебно-воспитательные задачи (Бондаренко, 2014). В то же время медиапространство, медиаресурс дают возможность эффективного и широкого применения сетевых технологий. В педагогике накоплен значительный опыт по организации и использованию сетевого

взаимодействия, где вуз выступает в качестве координатора и организатора (Бордовский, 2013).

В том, что именно в подобной модели взаимодействия (вуз - образовательные организации) таится огромный педагогический потенциал убеждает и деятельность ФГБОУ ВО Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки, в частности сложившаяся в Академии система непрерывного дополнительного образования. Важнейший методологический принцип Академии - от мастера к ученику, основанный на традициях классической системы преподавания искусства, реализуется на всех уровнях образовательного процесса, в том числе и в дополнительном образовании. Обучение построено на том, что искусство открыто каждому, а потому любой учащийся, любой интересующийся искусством человек может получить основы профессиональных знаний.

Непрерывная система дополнительного художественного образования в Академии живописи и изящных искусств Сергея Андрияки основывается на: единой идеологии и методологии построения всего образовательного процесса, преемственности между всеми этапами обучения, открытости образования. Обучающиеся старшего дошкольного и младшего школьного возраста, на начальном этапе обучения, могут успешно продолжать профессиональное художественное образование в более старшем возрасте; наиболее одарённые дети получают подготовку к дальнейшему продолжению образования в этой сфере. На всех занятиях также реализуется важнейший методологический принцип Академии - от мастера к ученику; обучение предполагает постоянное посещение музея и выставочных залов Академии на переменах, в сотрудничестве разных видов искусства.

Гибкость системы непрерывного дополнительного образования, открытость различным инновациям при чётком целеполагании, обеспеченном ориентацией на классические образцы и принципы преподавания искусства создают оптимальные условия для взаимодействия со старшеклассниками, избравшими художественный профиль. Академия Сергея Андрияки является участником целого ряда образовательных проектов Департамента образования г.

Москвы, в том числе и прямо связанных с профилизацией. В рамках подобного сотрудничества организуются пробные уроки и мастер-классы для педагогов города Москвы, Академия является базой для проведения олимпиады по изобразительному искусству для учащихся 5-11 классов. Дополнительное образование, охватывающее детей и подростков различных возрастных групп, позволяет не только подготовить обучающихся к продолжению занятий в высшем профессиональном образовании - в Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки, но и значительно расширить кругозор, активизировать творческий потенциал.

Открытость образовательного процесса, свойственная Академии, позволяет широко использовать отечественный и международный опыт. При поддержке московских и федеральных органов власти организуются передвижные выставки, благодаря которым посетители выставок знакомятся с достижениями Академии, не только как зрители в рамках обычной профориентационной деятельности, но и как участники мастер-классов, пробных уроков.

Интернационализация образования, как одна из тенденций начала XXI столетия, заставляет пересматривать многие, из, казалось бы, незыблемых норм организации учебно-воспитательного процесса. В средней школе зарубежные УМК на-равных спорят с отечественными, и в ряде случаев выглядят, несомненно, более предпочтительными. Например, учебники издательства «Cambridge» при изучении иностранного (английского) языка (Панфёрова, 2002). В области художественного образования тоже происходит постоянный обмен. Иногда получается даже так, что то, что «приходит» с Запада как инновация, на самом деле являлось российской разработкой, когда-то забытой или по тем или иным причинам отвергнутой. Одной из таких «инноваций», широко распространённых на Западе и активно распространяемых в России, является проведение занятий по искусству в музее, который благодаря медиатехнологиям превращается в по-настоящему открытое пространство приобщения к искусству. Однако это ведь одна из новаций русской (советской) педагогики 20-х гг., идеях А.В. Бакушинского (1925). В

соединении великих научных открытий российских педагогов с современной образовательной практикой видится одно из важнейших направлений развития непрерывного дополнительного образования в Академии Сергея Андрияки. В Академии через музейно-выставочный комплекс происходит постепенное приобщение детей и подростков к классическому искусству. И если в высшей школе давно стало нормой проведение занятий в вузовском музее, то в дополнительном образовании обязательно организуются экскурсии в музей и посещение выставок. Кроме того, отдельные занятия по истории искусств проводятся в музее или выставочных залах.

Благодаря сотрудничеству с Ассоциацией педагогов изобразительного искусства происходит знакомство учителей общеобразовательных школ, школ искусства и организаций дополнительного образования с передовым опытом преподавания искусства в Академии; организуются мастер-классы народного художника РФ, ректора Академии С.Н. Андрияки, проходятся курсы повышения квалификации для педагогов всех видов и типов образовательных учреждений. Создаются условия для широкого привлечения к деятельности Академии одарённых старшеклассников, для которых приобщение к традициям Академии будет происходить через систему непрерывного дополнительного образования. В роли главного координатора подобного рода деятельности выступает Центр дополнительного художественного образования при факультете повышения квалификации и дополнительного образования Академии.

Открытость образования, его всеобщность придают системе взаимодействия высшей и средней школы (Академия - школы -общественные организации) многовекторный характер, а ориентация на потенциальных заказчиков при обучении студентов, будущих художников широкого профиля, сообщают Академии основательность и устойчивость, превращают Академию акварели и изящных искусств Сергея Андрияки в признанного лидера в своей сфере.

Благодаря созданной в Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки уникальной системы непрерывного дополнительного образования, направленной как на решение

узкопрофессиональных, так и общеразвивающих задач, сложилась высокоэффективная система взаимодействия вуза и образовательных организаций, нацеленная на реализацию художественного профиля в старшей школе. В развитии и совершенствовании данной системы, организованной по сетевому принципу, видится одно из условий успешности развития всего российского художественного образования.

ЛИТЕРАТУРА

Бакушинский А.В. 1925. Художественное творчество и воспитание. Опыт исследования на материале пространственных искусств. М.: Новая Москва. 250 с.

Берникова О.В. 2015. Дополнительное образование как условие профессионального самоопределения и формирования социально-полноценной личности. - Вестник МГУКИ. № 1: 176-182.

Бондаренко Е.А. 2014. Мир мультимедиа коммуникаций в аспекте диалога культур. - В сб. Диалог культур России - Востока - Запада в образовательной среде: Сборник научных трудов. Составители Э.И. Иванова, Т.Г. Мельник, Д.В. Поль, О.В. Юдушкина. М.: ФГНУ ИХО РАО. Выпуск 5: 25-28.

Бордовский Г.А. 2013. Профессиональная подготовка педагогов в современном вузе. - В сб. «Наука и профессиональное образование»: к 70-летию Российской академии образования: коллективная монография. Под ред. И.П. Смирнова, Е.В. Ткаченко, С.Н. Чистяковой. М.: Экон-информ: 49-57.

Жураковский В.М. 2013. Модернизация российского высшего образования: проблемы и пути решения. - В сб. «Наука и профессиональное образование»: к 70-летию Российской академии образования: коллективная монография. Под ред. И.П. Смирнова, Е.В. Ткаченко, С.Н. Чистяковой. М.: Экон-информ: 148-159.

Панфёрова Г.С. 2002. Обучение межкультурной коммуникации на уроках английского языка на основе зарубежных учебных комплексов. - В сб. Межкультурная коммуникация и формирование толерантной личности (диагностика установок толерантности). - Материалы научно-методической конференции. - Москва - Казань. Под ред. В.Ф. Габдулхакова, Ф.Ф. Харисова. Казань: АПСН: 77-79.

Рубцов В.В. 2013. Разработка и формирование модели современной школы на основе системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина - В.В. Давыдова (2013-2017). - В сб. «Наука и профессиональное образование»: к 70-летию Российской академии образования: коллективная монография. Под ред. И.П. Смирнова, Е.В. Ткаченко, С.Н. Чистяковой. М.: Экон-информ: 58-69.

Получена / Received: 20.09.2015
Принята / Accepted: 09.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 688-696

Эффективные формы развития коммуникативной компетентности в образовательном процессе юридического вуза

С.В. Гузеева

Московский Государственный Юридический Университет
имени О.Е. Кутафина
125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
Kutafin Moscow State Law University
Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, Moscow 125993 Russia
e-mail: msal@msal.ru

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, психологические особенности, студенческий возраст, смысложизненные ценности, мотивационный компонент, этапы проведения дискуссии.
Key words: comminicative competence, psychological features, student age, lifetime values, motivational component, stages of discussion.
Резюме: Автор статьи выделяет компоненты формирования коммуникативной компетентности будущих юристов (мотивационный, ценностный, содержательный, эмоциональный, волевой, рефлексивный). В статье рассмотрены возможности использования педагогического потенциала такой формы занятия, как дискуссия. Рассмотрены психологические и педагогические особенности организации и проведения дискуссии. Выделены этапы организации дискуссии, определены задачи, стоящие перед медиаторами такого вида общения.
Abstract: The author distinguishes the components of communicative competence formation necessary for future lawyers (motivational, value, informative, emotional, volitional, reflective). Possibilities of using the pedagogical potential of such class format as discussion are considered. Psychological and pedagogical features of organizing and conducting a discussion are examined. Stages of a discussion are highlighted and aims for mediators of such form of communication are determined.
[Guzeeva S.V. Efficient formats of communicative competence development in educational process of a law school**]**

Представления о коммуникативной компетентности основываются на теоретических положениях о системе внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определённом круге ситуаций личностного взаимодействия.

Формирование коммуникативной компетентности студентов, проходящих подготовку в юридическом вузе, имеет ряд особенностей.

С точки зрения современного исследователя, коммуникативная компетентность юриста представляет собой «совокупность профессионально обусловленных и личностно значимых ценностей, знаний, умений и качеств личности юриста, обеспечивающих эффективное профессиональное общение, овладение высшим уровнем профессиональной деятельности и наиболее полную самореализацию в ней» (Жуков, 2009).

Таким образом, в формировании коммуникативной компетентности юристов необходимо учитывать различные компоненты: мотивационный, ценностный, содержательный, эмоциональный, волевой, рефлексивный. Соответственно, выбор форм занятий по формированию коммуникативной компетентности тесно взаимосвязан с этими компонентами.

Так, например, в рамках мотивационного компонента педагогическая работа направлена на формирование устойчивых мотивов, регулирующих профессиональное общение будущего юриста, его стремление к достижению высоких результатов в общении с самыми различными участниками.

Ценностный компонент включает работу по формированию профессиональных и смысложизненных ценностей, идеалов, понимание миссии профессии юриста; а также - стремление к самореализации.

Содержательный компонент предполагает освоение знаний о сущности процесса общения юриста с различными участниками профессионального взаимодействия. При этом особенно важно, чтобы освоенные теоретические позиции получили затем реализацию в практике.

Эмоциональный компонент предполагает сформированность следующих качеств: эмпатию, адекватную самооценку. Волевой компонент основан на формировании гражданственности, ответственности, навыков саморегуляции и др.

Рефлексивный компонент в структуре коммуникативной компетентности юриста включает умения осмысливать свою позицию и проявления в сфере профессионального общения.

Среди многообразных форм занятий можно выделить несколько наиболее эффективных, включающих совокупность

сразу всех компонентов коммуникативной компетентности.

Такие занятия, во-первых, имеют практикоориентированную направленность.

Во-вторых, на таких занятиях необходимо интегрировать различные виды заданий.

В-третьих, на занятиях важно создавать особую развивающую среду, в которой все студенты имеют возможность свободно и развернуто общаться, высказываться по различным вопросам, делиться собственным мнением.

Всеми необходимыми качествами обладают такие формы занятий, как деловые игры и дискуссии. В этих формах учебного процесса студенты-будущие юристы способны осваивать необходимые знания, получают импульс к самовыражению и главное - на этих занятиях общение происходит как естественных процесс.

В то же время дискуссии имеют определенные рамки и направляют общение на профессиональные темы.

Следовательно, в дискуссиях социальное переходит в личностное и личностное становится социальным, так происходит обмен индивидуальными ценностно-мировоззренческими различиями, развиваются навыки формулирования своей идеи, аргументации собственной точки зрения, навыки социального взаимодействия, умение подчиняться общим правилам и, в то же время, отстаивать свое мнение.

Таким образом, тематически структурированное и направляемое общение студентов в форме дискуссии - это и канал информации, и «специфический вид деятельности» (Волков, 2006: 62), и «специфический вид межличностных отношений» (Волков, 2006: 63), и «специфический вид эмоционального контакта» (Кон, 1989: 129).

Важно подчеркнуть, что многие выдающиеся исследователи, например, М.С. Каган считает общение ведущей деятельностью студенческого возраста. Кроме того, студенты являются той социальной группой, которая наиболее активно включена в процесс обучения.

Анализируя возможности педагогического сопровождения и организации дискуссии на занятиях в

юридическом вузе, следует подчеркнуть, что психология общения в студенческом возрасте строится на основе двух потребностей: обособления и аффилиации, т.е. потребности в принадлежности, включенности в какую-то группу (Кон, 1989: 129), поэтому во время организации дискуссии от преподавателя требуются такт, учет сильных и слабых сторон каждого студента, опора на их личностные характеристики для достижения максимального положительного эффекта от коммуникативной деятельности. Важным является и включение заданий, в которых студенты смогут найти те элементы, в которых они ярче всего могут проявить свою индивидуальность, кроме того, темы дискуссий должны быть актуальны, близки возрасту.

По мнению И.С. Кона, спонтанность, эмоциональное тепло, спасение от скуки и признание собственной значимости - все эти качества создают особую раскрепощенную атмосферу, в которой раскрываются студенты.

Дискуссии требуют также и проблематизации вопросов, возможности их многогранной интерпретации.

Отметим, что некоторые сложности в организации дискуссий для студентов вызывает тот факт, что огромное значение для них имеет мнение его однокурсников. Довольно часто в дискуссиях некоторые студенты проявляют реакцию самоутверждения. Это осложняет ритм общения и создает напряжение, мешающее свободным высказываниям всех участников дискуссии.

При организации дискуссии важно учитывать и тот факт, что существуют различные стили общения, в том числе - и в гендерном аспекте. Например, мужской стиль, традиционно ориентированный на поддержание статуса, обязывает скрывать свои слабости и подчеркивать достижения и высокие притязания.

Женский стиль рассчитан на уменьшение социального расстояния и установления психологической близости с другими. (Кон, 1989: 133). Наш педагогический опыт показывает, что студенты бывают очень ранимыми и остро реагируют на замечания своих однокурсников.

В подобного рода ситуациях необходима быстрая реакция

преподавателя, который должен остановить конфликт и выступить в качестве психолога-консультанта. Необходима кропотливая работа со стороны преподавателя по такой организации учебной деятельности, которая учитывает характеристики личности того или иного студента, чтобы добиться наиболее эффективного результата обсуждения той или иной проблемы на дискуссии, а также тщательно продуманная система поощрения усилий и мотивации.

Достаточные трудности в образовательный и воспитательный процесс юридического вуза вносит и существование социального расслоения между студентами, некой иерархии, основанной на статусе студента и т.д.

Чем бы ни определялся статус студента в коллективе, он оказывает сильнейшее влияние на его поведение и самосознание. Студенты стремятся, чтобы их считали взрослыми, признавали их оригинальность. Отсюда их стремление обратить на себя внимание любыми путями.

Автор статьи считает необходимым направить данную энергию студентов таким образом, чтобы яркие проявления индивидуальности демонстрировались в дискуссии с позитивных сторон. Однако следует помнить, что традиционно единообразие в обществе тщательно поддерживается, и тому, кто рискует бросить ему вызов, приходится выдерживать нелегкую борьбу.

Поэтому целесообразно донести до студентов информацию о том, что подлинный специалист в области юрисдикции должен воспитывать в себе такие качества, как целеустремленность, способность противостоять общественному мнению, иметь веру в себя и желание довести начатое дело до конца.

Необходимо учитывать тот факт, что педагог своей авторитетной и развитой личностью также в состоянии положительно влиять на студентов. Это объясняется возникновением характерных для данного возраста проблем самосознания и самоопределения, которые не могут быть решены в одиночку, у сверстников же недостаточно жизненного опыта для результативной помощи.

Вместе с тем общение со сверстниками также

сохраняется, причем студенты отдают предпочтение моральным качествам личности по сравнению с волевыми. Данный факт создает благоприятную почву для формирования моральных установок студентов, которые раскрываются в процессе проведения дискуссий и дебатов и формирования выводов, ценностных и жизненных ориентиров.

Все психологи указывают на ценнейшее психологическое приобретение студенческого возраста - открытие своего внутреннего мира. Обретая способность погружаться в себя и наслаждаться своими переживаниями, человек в этом возрасте открывает целый мир новых чувств, красоту природы, звуки музыки, ощущение собственного тела.

Студенческий возраст особенно чувствителен к «внутренним» психологическим проблемам.

Студентов волнует психологическое содержание происходящего действия, действительность и не так много значит "внешний" событийный контекст. Студент воспринимает и осмысливает свои эмоции уже не как производные от каких-то внешних событий, а как состояния своего собственного «я». Даже безличная информация нередко стимулирует молодого человека к размышлению о себе и своих проблемах.

Трудность заключается в том, что студенческий возраст, создавая внутренние условия, благоприятные для того, чтобы человек начал задумываться для чего он живет, не дает средств, достаточных для ее решения. Хорошо известно, что проблема смысла жизни не только мировоззренческая, но и вполне практическая. Ответ на нее содержится как внутри человека, так и вне его - в мире, где раскрываются его способности, в его деятельности, в чувстве социальной ответственности. А ведь это и образует тот дефицит, который весьма болезненно ощущается в студенческом возрасте.

Однако, несмотря на все субъективные трудности, эти искания содержат в себе высокий позитивный потенциал: в поиске смысла жизни вырабатывается мировоззрение, расширяется система ценностей, формируется тот нравственный стержень, который помогает справиться с первыми житейскими неурядицами, студенты начинают лучше понимать окружающий мир и самих себя, становятся в действительности самими собой.

Все это также необходимо учитывать при организации и проведении дискуссий: ставящаяся в центр обсуждения проблема должна гармонично затрагивать вопросы внутреннего становления и в то же время направлять личность будущих юристов вовне, обращать их к проблемам гражданского общества и т.д.

Основной потребностью студента является стремление занять определенное место в обществе. Студентами достаточно глубоко осознается значимость профессиональной готовности, происходит согласование представлений о «Себе-профессионале» с представлениями о профессии, а также понимание собственной роли в достижении успеха, приобретении профессиональных умений и построении своего будущего,

Специфика состоит в качественных особенностях той системы отношений, которая складывается в данном возрасте между студентом и обществом. Необходимо принять во внимание тот факт, что с каждым последующим возрастным этапом расширяется круг общения человека.

Кроме того, меняются также его содержание и средства. В студенческом возрасте человек выходит на общение с обществом и миром человеческой культуры напрямую.

Большинство исследователей подчеркивает также, что для достижения высокого уровня профессиональной подготовки студентов необходимо обеспечить возможность получения глубоких фундаментальных знаний и в то же время повысить качество обучения на основе использования инновационных педагогических методов и технологий развития творческих способностей, стремления к непрерывному самообразованию.

Все это акцентирует внимание на том, что важнейшим направлением организации и проведения дискуссий является развитие у студентов коммуникативных качеств, которые в совокупности представляют собой особую позицию, проявляющуюся в потребности взаимодействия с другими субъектами, в целостности и индивидуальности, творческом потенциале человека и его способности поддерживать продуктивный характер коммуникации.

Рассмотрим основные этапы организации дискуссии на

занятиях в юридическом вузе.

I этап включает:

- определение темы дискуссии (тема должна быть проблематизирована и учитывать все выше описанные качества);

- выбор медиатора (ведущего). Иногда (особенно на первом курсе) в роли ведущего может выступать преподаватель. Задачи медиатора: следить за регламентом, обобщать высказанные мнения и представления; стимулировать участников для развития новых идей или для того, чтобы по-новому взглянуть на старые.

Медиатор также может предложить (если дискуссия затухает) обсудить пример конкретной ситуации или проблемы, иллюстрирующие обсуждаемую на дискуссию проблематику.

II этап.

Здесь происходит непосредственно обсуждение выдвинутой для дискуссии проблематики, моделирование ситуаций и др.

Отметим, что в дискуссию могут быть включены презентации, демонстрация кинофильмов, кроме того, перед дискуссией может пройти этап ознакомления с тем или иным документом, книгой и т.д.

Дискуссия может быть организована и как обсуждение того или иного выступления/доклада.

Регламент дискуссии обговаривается заранее: он может быть жестким или свободным, неформальным. Кроме того, дискуссия может быть организована на основе групповой работы. Затем представитель каждой группы докладывает всем вынесенное группой решение.

Существует ряд продуктивных приемов организации и проведения дискуссии. Прежде всего, дискуссию надо планировать - это задача организаторов и медиатора.

Кроме того, нужно использовать приемы поддержки активности участников, стремиться к логике выстраивания мнений, для этого можно использовать наводящие вопросы, которые приготовлены заранее.

Безусловно, следует избегать вопросов, ответы на которые очевидны.

Хорошим приемом продуктивной дискуссии является подведение промежуточных итогов, которое предупреждает нежелательные повторения и «подталкивает» обсуждение к конструктивным выводам.

Для подведения итого дискуссии очень важна наглядность. Поэтому основные появляющиеся идеи можно записывать на специальных приспособлениях - флипчатах, досках и проч. Наглядная запись способствует анализу идей.

В конце дискуссии очень важно провести небольшой опрос участников. Необходимо узнать у них первые впечатления, понять, что нового они извлекли для себя из обсуждения.

III этап - самый сложный и одновременно самый важный. Это этап отсроченных результатов дискуссии. Он предполагает анкетирование участников через месяц-полтора. Именно отсроченные результаты показывают уровень продуктивности дискуссии, ее влияние на самоизменение, на понимание проблемы и др.

Таким образом, организация и проведение дискуссии как одной из эффективных форм становления коммуникативной компетентности студентов обладают значительным педагогическим потенциалом. Участие в дискуссии стимулирует развитие мотивационной сферы личности, рост коммуникативных навыков, готовности к аргументированным и выразительным высказываниям, способности к конструктивному диалогу. Все это необходимо для повышения профессионального уровня будущих юристов.

ЛИТЕРАТУРА

Волков Б.С. 2006. Психология юности и молодости. М.: Академический Проект: Трикста. 256 с.

Жуков Д.Д. 2009. Коммуникативная компетентность юриста: компоненты, критерии и уровни проявления. - Молодой ученый. №9: 108-110.

Каган М.С. Системность и целостность. [Электронный ресурс]. - URL: http://psylib.org.ua

Кон И.С. 1989. Психология ранней юности. М.: Просвещение. 255 с.

Получена / Received: 19.10.2015
Принята / Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 697-703

Актуальные педагогические проблемы дополнительного художественного образования

И.В. Жгенти

Московской государственной академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки
117133 г. Москва, ул. Академика Варги, д. 15
Moscow State Academy of Fine Arts and watercolors by Sergey Andriaka
Akademika Vargi str. 15, Moscow 117133 Russia
e-mail: inga13579@gmail.com

Ключевые слова: дополнительное художественное образование, педагогические концепции, педагог дополнительного образования, эстетическая среда, гуманитарное образование, модернизация образования, Жан-Жак Руссо, Абрахам Маслоу, Константин Ушинский.
Key words: supplementary art education, pedagogical concepts, teacher of additional education, aesthetic environment, liberal education, modernization of education, Jean-Jacques Rousseau, Abraham Maslow, Konstantin Ushinsky.
Резюме: Автор рассматривает особенности современного дополнительного образования. Показаны основные проблемы и перспективы развития этого направления. Выделена роль педагогического потенциала искусства.
Abstract: The author examines the features of a modern supplementary education. The basic problems and prospects of development of this direction are shown. There are highlighted the pedagogical potential of art.
[**Zhgenti I.V.** Current pedagogical problems of supplementary art education]

Жизнь в современном обществе неразрывно связана с тотальной компьютеризацией. И все же очевидно, что информационные технологии не могут дать социального и духовного прогресса без научного и культурного основания. Именно поэтому важным аспектом современного мира является слияние гуманитарной подготовки и новых информационных технологий, причем с приоритетом гуманитаризации, так как именно в условиях гуманитарного развития закладываются основы личности.

На современном этапе развития образования все большее внимание на федеральном и региональном уровнях уделяется углублению гуманитарного образования: расширение преподавания цикла предметов художественного образования и воспитания учащихся. Однако на практическом уровне, на примере школьной программы, предметы художественного

цикла все также остаются в меньшинстве, по сравнению с точными науками.

В отличие от школы, в учреждении дополнительного образования детей нет стандартов и строгих критериев для системы оценок, отсутствуют типовые программы: педагоги самостоятельно определяют цели и задачи, выбирают формы учебных и вне учебных занятий. Очевидно, что личностные, профессиональные качества педагога определяют эффективность воспитательного процесса и являются одним из важнейших факторов развития гуманистических идей воспитания растущей личности. Гуманистическая психология понимает личность как сложную, индивидуальную цельность, неповторимость и высшую ценность, которая обладает иерархией потребностей в безопасности, любви, уважении и признании. Высшей потребностью личности является потребность в самоактуализации - реализации своих возможностей.

Не случайно психологи особое внимание уделяют процессу воспитания. Так, Алексей Николаевич Леонтьев (1903-1979), советский философ и педагог писал: «Можно сказать, что каждый отдельный человек учиться быть человеком. Чтобы жить в обществе ему недостаточно того, что ему дала природа при рождении. Он должен овладеть тем, что было достигнуто в процессе исторического развития человеческого общества» (Леонтьев, 1965).

Задача педагога состоит не в том, чтобы заставлять ребенка читать, писать, изучать науки, а в том, чтобы создать условия для самостоятельной активной познавательной деятельности учеников, для развития в них мотивации к учению. Искусство воспитания, как писал французский философ Жан-Жак Руссо (1712-1778), состоит в пробуждении природных сил ребенка и его самодеятельности - «в воспитании надо идти от природы ребенка, не подавляя его естественного развития» (Руссо, 1912).

Модернизация современной российской системы образования поставила перед педагогической наукой ряд серьезных задач, ориентированных на воспитание гуманного, творческого, готового к диалогу с окружающим миром

человека. Как показывают исследования, особую роль в этом направлении играет искусство. Художественное образование детей становится необходимой частью общего развития человека и позволяет человеку понять самого себя, развить неизвестные ему ранее способности и, что самое главное, прививает желание самосовершенствоваться.

Дополнительное художественное образование в современной России является культурно обусловленным социально-педагогическим явлением. Важнейшие ценностные установки личности могут и должны формироваться не только в семье и школе, но и в той уникальной образовательной и эстетической среде, которую создают учреждения дополнительного художественного образования.

Воспитание в системе дополнительного художественного образования России органично связано с такими основаниями воспитания, как художественно-эстетические каноны, нравственные нормы, толерантность, терпимость, и, самое главное, - формирование собственного мировоззрения. Это, несомненно, способствует воспитанию личности, готовой участвовать в диалоге культур, бережно относящейся к богатствам цивилизации, к собственной национальной культуре.

Художественно-эстетическое направление - самое массовое и популярное в системе дополнительного образования детей и занимает одно из ведущих мест. Так, в учреждениях дополнительного образования детей системы Минобразования России,по данным статистики и мониторинга экономики образования, сегодня занимаются около 8 млн. человек, из них 2,6 млн. (32.5 %) составляет художественная направленность.

Проблемы дополнительного художественного образования требуют комплексного решения, интегративного подхода, целью которого стала бы выработка единой политики в сфере духовного, художественного и эстетического воспитания подрастающего поколения, решения проблем занятости, культурного досуга семей, детей, и подростков.

В настоящее время многие исследователи констатируют активный процесс преобразования педагогической теории. Этому способствуют такие факторы, как рост требований к объему знаний, умений и навыков, которые должны усваивать

учащиеся, новые исследования о природе детства, практический опыт ряда учебных заведений России. Значительно расширилась карта международных контактов, способствующих расширению психолого-педагогических представлений о различных подходах к образованию и воспитанию. Но все эти изменения должны рассматриваться в свете педагогических концепций, созданных в отечественной и зарубежной науке.

Задача дополнительного образования - создать условия поиска учеником самого себя, обнаружение им смысла и способа своего существования в сложном мире, свойств своей неповторимой личности. Задача учителя - разъяснять этику человека, важность морального выбора, поиска и определения себя и своей жизни. Учитель не должен давать ответы и оказывать влияние на выбор ценностей учеников. Основной метод в дополнительном образовании - это диалог, обсуждение проблем, ситуаций, в которых ученики устанавливают «свою» истину и формируют «свое» знание. Очень важно подвести ученика к познанию через интуицию, озарение, искусство, а не путем логики, науки. Занятия в условиях дополнительного художественного образования предлагают ребенку такой способ познания мира, общества и самих себя, который исключал бы отчужденность от предмета, развивал бы в нем чувство сопричастности к происходящему.

Основными задачами учебного процесса стали вопросы решения актуальных художественных задач с помощью взрослого посредника, способного организовать и руководить контактом ребёнка с миром прекрасного. Формирование принципов и методов целенаправленного художественного воспитания подрастающего поколения связано, с одной стороны, с процессами определения и осознания родовой, видовой, жанровой и социальной дифференциации искусств, с утверждением места художника в обществе, с другой - с определением общих принципов популяризации художественных знаний.

В работе педагога в области дополнительного художественного образования наиболее актуальной сегодня является система взаимодействия педагога и ученика, основанная на принципе уважения к личностным проявлениям.

Целью является развитие природных способностей каждого ребенка и укрепление веры в собственные силы: принцип активизации творческого потенциала, расширение культурного самосознания, принцип опоры на положительное в личности ребенка, учитывая возрастные и индивидуальные особенности, принцип воспитания в коллективе и через коллектив.

Благодаря популяризации дополнительного образования в последние годы ситуация меняется к лучшему. Дополнительное образование многообразно, разнонаправлено, наиболее вариативно. Ребенку предоставляется возможность выбрать то, что близко его природе, помогает удовлетворить интересы, помогает в профессиональном самоопределении. За счет большой вариативности и наличия большого выбора программ, в системе дополнительного образования в полной мере можно использовать личностный подход. Но методики и технологии имеют свои особенности: здесь создаются ситуации, когда школьнику нужно самому извлечь знания, найти свой собственный путь. Учитель, погружая свою аудиторию в пространство эмоций и фантазий, становится для учеников более интересным и авторитетным. Образное преподавание позволяет проникать сквозь поверхность сознания, вглубь вещей и явлений. Оно ведет учеников к сопереживанию и расширению мира чувств. То, что усвоено через образ и то, что затронуло наши чувства, усваивается лучше всего. Знания, полученные таким путем, открывают мир и находят свое место в нем.

От учителя оно требует живой духовной проработки и творческой образной подачи материала. По словам великого русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского, наглядное обучение - «это такое ученье, которое строится не на отвлеченных представлениях и словах, а на конкретных образах, непосредственно воспринятых ребенком… дитя, если можно так выразиться, мыслит формами, красками, звуками, ощущениями вообще, и тот напрасно и вредно насиловал бы детскую природу, кто захотел бы заставить ее мыслить иначе» (Ушинский, 1974)

Совмещая научный и художественный подход к явлениям действительности, учитель старается дополнить физическую

картину мира поэтическим или художественным изображением. Участие в педагогическом процессе родителей и братьев, сестер особенно важно в процессе гармоничного развития и образования. У ученика не возникает ощущение изолированности, он и самые значимые для него люди включены в педагогический и творческий процесс.

Изменения в общественной и экономической сфере жизни постоянно приводят к смене приоритетов в области образования. В современном обществе наиболее востребованы люди с активной жизненной позицией, умеющие анализировать, способные самосовершенствоваться, осваивать новые технологии. Поэтому образовательные концепции и программы должны не только осуществлять задачу передачи традиций, культуры, знаний и навыков, но и ставить перед собой цель развития мыслящей, рефлексирующей личности («Концепция развития дополнительного образования детей» - Распоряжение Правительства РФ от 04.09.2014 № 1726-р).

Таким образом, дополнительные образовательные программы нового поколения должны содержать разные уровни сложности и позволять педагогу найти оптимальный вариант работы с той или иной группой детей или с отдельным ребенком. Работа педагогов дополнительного образования должна опираться на социально-культурные особенности того или иного региона, не противоречить традициям и условиям конкретного общества, соответствовать возможностям и интересам различных групп обучающихся, их родителей. В силу специфики своей профессии, педагог дополнительного образования формирует взгляды, убеждения, потребности, вкусы, идеалы детей и подростков. Поэтому одно из важнейших требований к педагогу - быть широко образованным человеком, духовно развитой личностью, хорошо владеющим проблемами воспитательной работы.

В целом, среди актуальных проблем современного дополнительного образования следует особенно выделить именно совершенствование профессиональной подготовки кадров, способных сделать образовательный процесс отвечающим требованиям и вызовам информационного общества, необходимости активного внедрения

технологических инноваций при сохранении сложившихся традиций гуманитаризации российской системы образования.

ЛИТЕРАТУРА

Лазарев М.А. 2013. К вопросу о соотношении философского и образного познания мира. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том. 2. № 4: 666-674.

Лазарев М.А., Подвойский В.П. 2012. Особенности профессионального становления будущего учителя в современном высшем образовании. - Известия Тульского Государственного Университета. Гуманитарные науки. Вып. 1, Ч. 2: 123- 129.

Леонтьев А.Н. 1965. Проблемы развития психики. М.: Мысль. 573 с.

Жгенти И.В. 2015. Педагогические открытия Яна Амоса Коменского в контексте проблем современного дополнительного образования. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том. 4. № 1: 20-27.

Руссо Ж.-Ж. 1912. Эмиль или о воспитании. Пер. с фр. М.А. Энгельгардта. СПб. 148 с.

Ушинский К.Д. 1974. Избранные педагогические сочинения: в 2-х т. Под ред. А. И. Пискунова [и др.]. М.: Педагогика.

Получена / Received: 05.07.2015
Принята / Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 704-711

Возможности освоения регионального компонента высшего образования в рамках учебного курса «Музыкальная культура Москвы». Часть I

Е.П. Кабкова

Московский городской педагогический университет
129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4
Moscow City Teacher Training University
2nd Selskokhozyaystvenny Drive. 4, Moscow 129226 Russia
e-mail: borisr@comtv.ru

Ключевые слова: региональный компонент государственного образовательного стандарта; особенности конкретного региона; активизация интереса учащихся; культура и история родного края; Московская консерватория; деятельность Русского музыкального общества.
Key words: regional component of state educational standards; pecularities of region; activation of students' interest; culture and the history of Motherland; The Moscow Conservatory; activities of the Russian Musical Society.
Резюме: В данной статье показаны некоторые возможности, предоставляемые учебными программами вузов для активизации интереса студентов к культуре и истории родного края, а также для развития их толерантности и формирования национальной идентичности в процессе обучения на музыкально-педагогическом факультете вуза.
Abstract: This article shows some of the possibilities offered by university curriculum to enhance of the students' interest in culture and history and cultural heritage of Motherland, as well as for the development of tolerance and national identity in the educational process of musical-pedagogical faculty at the university.
[Kabkova E.P. Development features of the higher education’s regional component in the training course "Musical Culture in Moscow." Part I**]**

В настоящее время в структуре учебного плана каждого образовательного учреждения обязательно отмечаются и федеральный, и региональный компоненты. Национально-региональный компонент государственного образовательного стандарта является его обязательной частью, которая способствует освоению необходимых современному человеку знаний -природных, экономических, экологических, исторических, социальных, культурных, демографических и др., а также особенностей конкретного региона. Национально-региональный компонент обеспечивает наличие специфики

профессионального содержания по конкретным специальностям с учетом перечисленных особенностей и отражает национальное и региональное своеобразие культуры, способствует возрождению и развитию культуры, обычаев, духовности, гармонизирует межнациональные взаимоотношения, активизирует интерес учащихся к культуре и истории родного края, формируя национальную идентичность поколения при укреплении основ его толерантности.

Приведем в качестве примера учебный курс «Музыкальная культура Москвы», который в течение ряда лет преподается на музыкально-педагогическом факультете Московского городского педагогического университета (с 2014 года - институт культуры и искусств ГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет» [согласно распоряжению Правительства Москвы от 4 августа 2015 года № 441-РП ГБОУ ВО города Москвы «МГПУ» является автономным учреждением]).

Показательно, что интерес студентов к данному курсу последовательно возрастает, что выражается в ряде их пожеланий по реализации курса, возросшем интересе к истории Москвы, к «культурной карте города», к современным фестивалям и конкурсам, которые здесь проводятся.

Так, в первую очередь внимание студентов группируется на трактовке самого понятия «культура» представителями отечественной культурологии, которые трактуют культуру «как осознание «драмы» человеческого существования между существования между «внешней» природой и «естественно-историческим» организмом, и, в то же время, как результат конкретных усилий (и теоретических, и практических) людей как-то разрешить или на худой конец смягчить эту трагическую антитезу, соотнеся ее с высшим смыслом бытия человека, с его предназначением» (Давыдов, 1978: 48-51). Возможности культуры, ее значение как-то не соотносятся с самой продолжительностью жизни человека, который не может управлять собственной жизнью уже в силу того, что времени ему на земле отпущено немного и, по словам М.А. Булгакова, как только дело доходит до каких-либо серьезных решений, принимает их не сам человек. «Не правильнее ли думать, что

управился с ним кто-то совсем другой?» (Булгаков, 1988: 279).

В связи с этим важно обратить пристальное внимание на идею выдающегося русского мыслителя М.М. Бахтина, который утверждает, что «произведения разбивают границы своего времени, живут в веках, то есть в *большом времени*, причем часто (а великие произведения - всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности… при этом их творцы, как и культуры, коим они сопричастны, основываются не только на представлении о том, что такое человек как родовое существо, как природно-духовное «тело», как объект в ряду других объектов, короче говоря, на «идее человека», но и на особой историко-культурной «идее личности»… в которой человек преодолевает свою природно-социальную вещность и превращается в «человека в человеке» (Бахтин, 1979: 143).

Осваивая курс «Музыкальная культура Москвы», студенты погружаются в культурно-историческую среду, которая оказывает разнообразное влияние на их интерес к самому процессу движения музыкальной культуры, к жизни и творчеству музыкантов разного времени, которые отразили в своих произведениях особенности этого региона, к истории города, который является не только столицей нашего государства, но и центром обширного региона, оказавшего сильнейшее влияние на развитие и отечественной, и мировой художественной культуры.

Так, в частности, раздел, посвященный основанию и становлению Московской консерватории отмечает, прежде всего то, что Московская консерватория как явление - это, с одной стороны, закономерный итог всего предыдущего развития русской музыкальной культуры, а с другой - результат целенаправленной и очень непростой работы выдающихся музыкантов - Николая и Антона Рубинштейнов, усилия которых увенчались заслуженным успехом и снискали неослабевающую с годами благодарность потомков.

Московская консерватория как учебное заведение стала реальностью только после того, как в 1859 году было основано Русское музыкальное общество - сначала в Петербурге, а вскоре и в Москве, целью которого стало изменение общественного сознания, создание интереса и потребности публики в

музыкальной культуре, в регулярном общении с музыкой. И уже на этом фундаменте смогло произойти основание профессиональных музыкальных образовательных учреждений, которые могли бы подготавливать профессиональных музыкантов.

Первые консерватории возникли в Италии в XVI веке. Глагол «conservare» означает «оберегать», «сохранять» и именно так назывались приюты для сирот, в которых дети обучались какому-либо ремеслу. Бурное развитие музыкального искусства потребовало профессиональных исполнителей и, в первую очередь, многочисленных певчих для церковных хоров, которые могли бы справляться со все более сложными партиями.

Постепенно консерваториями стали называть учебные заведения, где готовили профессиональных музыкантов. Известно, что первая консерватория как учебное заведение была открыта в Неаполе (консерватория Мария ди Лоретто) Джованни Тапио в 1537 году.

Обстановка в Москве накануне открытия консерватории была очень точно описана Н.Д. Кашкиным, ее будущим профессором и историографом: «При полном отсутствии систематического музыкального образования в тогдашнем московском обществе, - вспоминал он в работе, посвященной двадцатипятилетию консерватории, - господствующие среди него представления о музыке не шли далее представления об исполнении музыкальных произведений преимущественно салонного характера, общая же идея музыки, как искусства, объемлющего и объединяющего все формы музыкального творчества, совсем почти отсутствовала» (Московская консерватория). Близкое мнение высказывал и А.Г. Рубинштейн, который в своих «Автобиографических записках» вспоминал: «Музыкальное искусство было у нас в начальном состоянии: русских артистов-музыкантов, так сказать, артистов цеховых, вовсе не было; были ... любители, были меценаты музыки, - была масса любителей итальянской оперы, были помещики и чиновники-меломаны, но музыкантов-артистов ..., повторяю, цехового в этом отношении народа вовсе не было ... . И вот мы - первые зачинщики и заводчики, Кологривов и ваш

покорнейший слуга - остановились на мысли непременно создать такое на Руси учреждение, из которого выходили бы музыканты с дипломом свободного художника-музыканта, подобно тому, как Академия художеств выпускает из своих недр «свободных художников» - живописцев, скульпторов, архитекторов и проч» (Московская консерватория). Мало того, профессия музыканта считалась в то время недостойной благородного человека и профессионально музыкой занимались почти исключительно крепостные или цыгане.

Музыкальная жизнь Москвы не была особенно интенсивной. Некоторые авторы определяли ее в довольно резких выражениях, как, например, Г.А. Ларош, который считал, что Москва представляла тогда «совершенную пустыню, в которой кое-где терялись любительские кружки, игравшие квартеты» (Московская консерватория). С этим нельзя согласиться, так как музыкальная жизнь в Москве протекала, в основном, в салонах. Среди них были и непритязательные музыкальные собрания в купеческих и мещанских домах, где любительское музицирование стало естественным и приятным досугом среди родственников и близких друзей, и великосветские салоны, принимавшие лучших европейских музыкантов (салоны М.Ю. Виельгорского, З.Н. Волконской, Н.И. Голицыной), и высокоинтеллектуальные литературно-музыкальные и философские собрания, как, например, в домах Ф.Ф. Кокошкина и Н.А. Мельгунова, или кружок Н.И. Станкевича, где о философии музыки спорили А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.П. Огарев, В.П. Боткин, Т.Н. Грановский; интерес представлял также салон М.К. Морозовой, которая одновременно оказывала покровительство религиозно-философскому обществу. Музыкальная жизнь москвичей все же носила замкнуто сословный характер и изменения наступили только благодаря деятельности Русского музыкального общества.

Итак, в 1860 году в газете «Московские ведомости» появилось объявление об открытии «классов для преподавания общих начал музыки в простейшей и доступнейшей форме, а также класса хорового пения для всех желающих». В это время зафиксировано не более 50 учеников, но уже в 1865 году

количество их выросло до 258.

1 сентября 1866 г. в доме баронессы Черкасовой на Воздвиженке состоялось открытие Высшего музыкального училища, или консерватории. Этот дом простоял вплоть до 1941 года, когда он был уничтожен прямым попаданием снаряда во время одного из обстрелов столицы.

Здесь уже преподавали молодой профессор из Петербурга П.И. Чайковский, Ф. Лауб, И. Венявский, Н.Д. Кашкин, Л. Минкус, А.Д. Александрова-Кочетова.

Постепенно консерватория получила признание у самых высоких покровителей. Известно, что «после исполнения в 1872 г. силами учащихся Московской консерватории оперы Глюка «Орфей», на котором присутствовали Александр II, цесаревич - будущий император Александр III и другие члены царской семьи, консерватории была пожалована ежегодная субсидия в размере 20000 рублей. Консерватория приобрела высоких покровителей: сначала ею была Великая княгиня Елена Павловна, после ее смерти в 1873 г. - Великий князь Константин Николаевич. Александр II разрешил именовать Русское музыкальное общество Императорским, а консерваторию, наконец-то, - называть «консерваторией», а не «школой» или «училищем», что и было отражено в Уставе 1878 г.» (Г. Бокма).

В это время штатные профессора получают право на личное дворянство, а студентам, так же, как и в университете, полагаются льготы и отсрочки от воинской повинности. Вместе с тем, несмотря на то, что профессора консерватории числились на государственной службе, они не получали государственного жалованья и существовали за счет пожертвований и платы, которую вносили ученики.

Создатель Московской консерватории - Николай Григорьевич Рубинштейн настолько же мало известен широкой публике сейчас, насколько он был любим, популярен и буквально обожаем своими современниками. Публикаций о нем совсем немного и они, в основном разбросаны по письмам и мемуарам. Специально посвященная ему монография появилась только в 1981 году - ее написал Л.А. Баренбойм. Его облик не увековечен в памятниках - собирались один поставить у консерватории, да так и не собрались. В 1912 году на средства,

собранные почитателями и друзьями Николая Григорьевича был основан его музей, но после революции как-то быстро и незаметно его перелицевали в музей музыкальной культуры имени М.И. Глинки. Такое вот получилось «диминуэндо», а ведь во времена деятельности этого удивительного человека - пианиста-виртуоза, дирижера, композитора, выдающегося деятеля отечественной культуры слава его гремела «фортиссимо» и не было в Москве человека, который не знал бы, кто такой Николай Григорьевич Рубинштейн.

ЛИТЕРАТУРА

Баренбойм Л.А. 1982. Николай Григорьевич Рубинштейн. История жизни и деятельности. М.: Музыка. 277 с.

Бахтин М.М. 1979. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 4213 с.

Бокма Г. Московская консерватория и ее здание: вспоминая начало [Электронный ресурс]. - URL: http://gromadin.com/rmusician/archives/5442/4.

Булгаков М.А. 1988. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Романы. Минск: Мастацкая литаратура. 670 с.

Гаранин, Л.А. 1997. Национальный и региональный компоненты государственного образовательного стандарта. М.: Изд. дом «Ореол». 143 с.

Давыдов Ю.Н. 1978. Культура-природа-традиция. - В сб. Традиция в истории культуры. М.: Наука: 41-60.

Дорошевич В.М. 1905. Литераторы и общественные деятели. Собрание сочинений. Том IV. М.: Товарищество И. Д. Сытина.

К 50-летию Московской консерватории. - Русская музыкальная газета. 1916: 634-635.

Кашкин Н.Д. 1891. Первое двадцатипятилетие Московской консерватории. Исторический очерк. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева»: 2-3.

Комментарий к Закону Российской Федерации «Об образовании». Отв. ред. проф. В. И. Шкатулла. М.: Юристъ, 1998: 425-468.

Ларош, Г.А. 1881. Н.Г. Рубинштейн. - Голос. № 157 (8 июня).

Мекк фон Н.Ф. Письмо П. И. Чайковскому [Электронный ресурс]. - URL: http://www.tchaikov.ru/1880-226.html.

Московская консерватория от истоков до наших дней. 1866-2006. Биографический энциклопедический словарь. Под ред. М. В. Есиповой. М. 2007. 668 с.

Московская консерватория. Истоки (Воспоминания и документы. Факты и комментарии) [Электронный ресурс]. - URL: http://www.mosconsv.ru/ru/book.aspx?id=127532&page=127593.

Орёл, Е.В. 2012. Мир Венеции. Харьков: Фолио. 347 с.

Равичер, Я.И. 1959. Василий Ильич Сафонов. М.: Госмузиздат. 368 с.

Рубинштейн А.Г. 1983. О музыке в России. Литературное наследие в трех томах. М.: Музыка. Т. 1.
Сокерина И.В. 2015. Практическое изучение эффективных методов обучения, направленных на активизацию познавательной деятельности студентов как компонента учебного процесса. - Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 4-4: 127-131.

Получена / Received: 09.10.2015
Принята / Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 712-717

Туристическая деятельность - важнейший фактор патриотического воспитания молодежи

И.В. Кузьмина

Московский Государственный Университет Культуры
141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная д.7
Moscow State University of Culture
Library str. 7 , Khimki, Moscow Region 141406 Russia
e-mail: mgukidissov@mail.ru

Ключевые слова: слова: туристическая деятельность, патриотическое воспитание, молодежь.
Key words: tourist activity, the patriotic education of youth.
Резюме: В статье рассматривается туристическая деятельность как важнейший фактор патриотического воспитания молодежи**.** Исследуя туристическую деятельность как фактор патриотического воспитания, автор статьи определяет культурно-досуговую программу как важнейший структурный элемент, который способствует мобилизации личностных ресурсов участников независимо от их самосознания, расширяет их кругозор, укрепляет патриотические позиции.
Abstract: The article deals with tourist activity as the most important factor of patriotic education of youth. Exploring the tourist activity as the factor of patriotic education, the author defines the cultural and leisure program as an important structural element that contributes to the mobilization of personal resources of the participants, regardless of their identity, expanding their horizons, strengthen patriotic position.
[Kuzmina I.V. Tourism - a key factor of patriotic education of youth**]**

Одним из принципиальных подходов является построение различных моделей культурно-досуговых программ по патриотическому воспитанию требует различных технологических подходов. При этом плодотворным может оказаться подход, базирующийся на принципах декомпозиции (расчленения) и композиции (составления) программы.

Декомпозируя технологическую цепочку возможно определить взаимосвязь и взаимодействие системообразующих элементов, обуславливающих функционирование культурно-досуговой программ, при которой аудитория становится основным резервом пополнения новыми участниками учреждения культуры и туризма.

Поскольку необходимо, чтобы вопросы технологии

построения различных моделей культурно-досуговых программ по патриотическому воспитанию молодежи были осмыслены не только специалистами учреждений культуры и туризма, но и их помощников - добровольных активистов, а также техническими работниками: радистами, осветителями, рабочими сцены, участвующими в их подготовке и проведении.

Поэтому важнейшими системообразующими элементами взаимодействия учреждений культуры и туризма является аудитория, которая предвосхищает свое отношение к культурно-досуговой программе состоянием другого системообразующего элемента, каковым является окружающая среда. Значит, воссоздание эстетически организованной культурно-досгуовой среды в учреждениях культуры и туризма, на сцене, в холлах, на улице и т.д. позволяет наиболее эффективное воздействие на молодежь, обеспечить его патриотическое чувства.

В культурно-досуговых программах для туристов специалисты стремятся к насыщению сценария зрелищными элементами, в организации перед зрителями. В поиске приемов и средств интеллектуально-эмоциональной выразительности, которые, во-первых, создавали бы эмоциональное воздействие, а во-вторых, позволяли молодежи общаться в ходе программы прививая патриотические чувства.

Наличие обратной связи с туристической аудиторией и делает возможным непрерывно и немедленно оценивать качества культурно-досуговой программы и определять степень их воздействия.

Проведенный нами эксперимент показывает, что недооценивалось значение активизации аудитории в культурно-досуговых программах. В проведенных нами туристических программах в четырех случаях из пяти не было учета интересов и потребностей, разных социально-демографических групп молодежи при выборе темы, формы. А в 50% отсутствовало единство информационно-логического и эмоционально-образного воздействия на поведение и чувства молодых людей. Фрагментность и эпизодичность проведения культурно-досуговых программ не позволяли поиску органической связи предыдущих и последующих тем, раскрытию единой проблемы.

Поэтому, исследуя туристическую деятельность как

фактор патриотического воспитания, автор статьи определяет культурно-досуговую программу как важнейший структурный элемент, который способствует мобилизации личностных ресурсов участников независимо от их самосознания, расширяет их кругозор, укрепляет патриотические позиции.

Наблюдая за личностными изменениями туристов, участников культурно-досуговых программ, удалось установить эволюцию в их волевых качествах как средство преодоления волнения; повышения наблюдательности - как умение ощущать одобрение или неодобрение аудиторией предложенного специалистами содержания.

Отсутствие патриотической нацеленности туристов на культурно-досуговую программу отрицательно сказывается на эффективности эмоционального воздействия, с одной стороны, и рассеивает усилия исполнителей - с другой. Непонимание цели своего участия в программе отрицательным образом отражается на самопознании туристов, их психологическом настроении. И наоборот совместные действия туристов и специалистов культурно-досуговых программ основываются на взаимном понимании и на том, как молодые люди используют в своей творческой деятельности общепринятый художественный язык.

Далее важно выяснить мотивы вступления посетителей учреждений культуры в ту или иную форму культурно-досуговой деятельности. Здесь особенно актуально выяснить ценностные ориентации и мотивацию посещения молодежи.

Анализ показывает, что среди мотивов особое место принадлежит тем, которые связаны с туристической деятельностью.

Поэтому на этот процесс огромное влияние оказывает система взаимосвязей, авторитет, симпатии и антипатии, внутригрупповые позиции специалистов, характер и уровень их сплоченности в процессе труда.

«При выяснении механизма мотивации труда важны формы контроля в моделировании мотивации, а также анализ объективных и субъективных факторов (интенсивность, условия, оплата труда и др.).

Для понимания мотивации труда необходима теория

контроля. Интеграционная модель мотивации труда, предоставленная ниже, показывает концептуальное развитие, интеграцию на двух уровнях. Первый уровень (теория контроля) интегрирует совокупные цели, обратную связь, ожидания и атрибутивные (определительные) теории, такие, как социологию, информатику, теорию потребностей и др. Второй уровень включает работы авторов, применяющих теорию контроля в мотивационном поведении» (Титова, Федосеенко, 1994: 30).

Здесь необходимо заметить, что реализация культурно-досуговых программ активно и непосредственно влияет на развитие личности участника. Эффект его общественного труда повышается существованием долговременной занятости. Это и есть специфика патриотического воспитания в учреждениях культуры.

Поэтому туристическая деятельность в патриотическом воспитании молодежи теоретически рассматривалась как сущность патриотического воспитания в современных условиях.

Понимание патриотического воспитания как системообразующего элемента в жизни общества отражено в Федеральных и региональных нормативно-правовых актах, регулирующих патриотическое воспитание молодежи.

Однако, научного поиска эффективности контактов учреждений туризма, направленных на достижение целей патриотического воспитания молодежи недостаточно. Эффективное взаимодействие данных автономных социальных институтов возможно на качественно новом уровне, который может быть достигнут не просто в результате их формальной интеграции в системе патриотического воспитания молодежи при условии их функционирования как культурно-досуговой системы.

Подробное состояние позволяет руководствоваться не только директивными установками, а посредством обусловленности обоюдных действий законами функционирования систем, использовать внутреннюю механику взаимодействия учреждений туризма, что позволит значительно повысить эффективность патриотического воспитания молодежи.

Взаимодействие учреждений туризма должно быть системно, ибо оба рассматриваемых объекта соответствует совокупности ключевых управленческих понятий, при этом наличие процессов, адекватных целям дает основания их интеграции с учреждениями культуры.

На вопрос туристов в Брянской области «Что такое «патриотическое воспитание», как Вы понимаете это выражение?» были получены следующие ответы:

1. воспитание любви и уважения к Родине - 46%;
2. воспитание детей и молодежи - 26%;
3. служба в армии, защита Отечества - 11%;
4. труд и служение на благо Родины, забота о людях своей страны - 7%;
5. быть патриотом - 2%.
6. негативные суждения - 2%;
7. другое - 1%;
8. затрудняюсь ответить, нет ответа - 23%.

Затем каждому туристу был задан вопрос: «Считаете ли Вы себя патриотом России?», 81,3% из них ответили «Да», 13,3% - «Нет». Половина опрошенных (48,9%) убеждена, что если сейчас Россия ослаблена, то со временем все равно она станет великой мировой державой, 22,9% уверены, что она таковой была и остается сейчас. Вместе с тем больше половины (51,8%) считает, что Россия может оказаться расчлененной на несколько государств. 43,1 *%* думают, что это абсолютно невозможно или маловероятно.

Показательной оказалась программа тура по Крыму, которая предполагала посещение памятных исторических мест, военных музеев, обзорных экскурсий по местам боевой Славы. Состоится встреча со сверстниками из военных училищ.

«Это место дорого для каждого жителя области, - сказал в своем напутственном слове Александр Богомаз, - здесь начиналось партизанское движение на брянской земле, в далеком 1941 году здесь был открыт, по сути, второй фронт. Наши отцы и деды своим ратным подвигом сделали все, чтобы наш народ одержал победу.

«Их пример очень важен для нас, - сказал он. - Так как дает нам веру в великую, могучую, процветающую и

непобедимую Россию».

И пожелал ребятам доброго пути и новых хороших друзей

ЛИТЕРАТУРА

Жарков А.Д. 2015. Влияние пространства-времени на функционирование социально-культурной деятельности. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 282-287.

Жарков А.Д. 2015. Власть культуры, культура власти актуальная планетарная проблема в современном мире. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 288-297.

Жарков А.Д. 2015. Социально-культурная деятельность как специализированная область общественной практики. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 298-304

Жарков А.Д. 2015. Воспитание общепланитарного сознания личности в условиях социально-культурной деятельности. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 305-309

Жарков А.Д. 2015. Развитие теории социально-культурной деятельности - важнейшая задача вузов культуры и искусств. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 310-318

Курбатова Н.В., Лазарев М.А. Развитие системы высшего профессионального образования и формирование картины мира у студентов: к проблеме взаимодействия. - Педагогика искусства: электронный научный журнал. – No 4, 2012, http://art-education.ru/AE-magazine/archive/nomer-4-2012/kurbatova_lazarev_17-01-2013.pdf - (0,4 п.л.) [17.01.2013]

Лазарев М.А., Курбатова Н.В. 2013. Педагогическая технология творческого развития студентов. - Инициативы XXI века. № 3: 42-44.

Лазарев М.А. 2013. К вопросу о соотношении философского и образного познания мира. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Т. 2. №. 4: 666-674.

Лазарев М.А. 2012. Формирование художественной культуры будущего учителя. - Инициативы XXI века. № 1: 79-81.

Титова Н.Е. , Федосенко Л.В. 1994. Рынок: Интенсивность и мотивация труда. М.: Луч. 45 с.

Получена / Received: 17.09.2015
Принята / Accepted: 25.10.2015

Соотношение конструктивных и деструктивных тенденций развития в процессе профессионального становления специалиста

А.А. Ласкин[1], В.П. Подвойский[2], И.А. Мирзоева[3]

[1]Международная академия образования
121433, г. Москва, ул. Большая Филёвская, д. 28, корп. 2
International Academy of Education
Bolshaya Filevskaya, str., 28, building 2, Moscow 121433 Russia
e-mail: al.laskin@yandex.ru
[2]Московский Педагогический Государственный Университет
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str. 1, building 1, Moscow 119991 Russia
e-mail: 9036167488@mail.ru
[3] Московский Государственный Университет Культуры
141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная д.7
Moscow State University of Culture
Library str. 7 , Khimki, Moscow Region 141406 Russia
e-mail: mgukidissov@mail.ru

Ключевые слова: воспитание личности, культурно-национальное развитие, активность личности, молодежная и социальная среда, молодежное регулирование, профессиональная подготовка в воспитании, деятельностный подход, профессиональное образование, деструктивность, личность.
Key words: education of the individual, cultural and national development of the activity of the individual, youth and social environment, youth regulation, training in education, activity approach, professional education, destructiveness, personality.
Резюме: В статье рассматривается необходимость создания целостной системы профессионального развитие специалиста, которое является одним из наиболее значимых инструментов формирования эффективной профессиональной деятельности. Разбираеться проблема деструктивного генезиса профессионального развития субъекта. Анализ проводиться с точки зрения идеи «конструктивности-деструктивности».
Abstract: The article discusses the need to create an integrated system of professional development of specialists, which is one of the most important tools of formation of effective professional activity. Razbiraetsya destructive problem of the genesis of the professional development of the subject. The analysis carried out in terms of the idea of "constructive and destructive.".
[Laskin A.A.[1], Podvoysky V.P.[2], Mirzoeva I.A.[3] Value of constructive and destructive tendencies of development in the process of professional formation of the expert**]**

А.А. Ласкин, В.П. Подвойский, И.А. Мирзоева
A.A. Laskin, V.P. Podvoysky, I.A. Mirzoeva

Профессиональное развитие специалиста является одним из наиболее значимых инструментов формирования эффективной профессиональной деятельности. Изучение личности сложившегося, опытного специалиста, мотивов его поведения, ограничений и возможностей в аспекте его позитивного и деструктивного профессионального развития является актуальной задачей не только менеджмента конкретной организации, но и значимой задачей педагогов, которые в процессе профессиональной переподготовки могут оказать существенное воздействие на процесс профессионального развития слушателей. Актуальным становится изучение деструктивных изменений, происходящих со специалистом в процессе смены профессиональной и служебной сферы деятельности, в том числе на кризисных этапах его профессиональной деятельности. Большинство авторов рассматривают личностное и профессиональное развитие как взаимодополняющие и взаимополагающие друг друга процессы. Как правило, исследователи понимают профессиональное развитие личности как рост, становление личностных качеств и способностей, профессиональных знаний и умений, но главное - как активное качественное преобразование личностью своего внутреннего мира, приводящее к принципиально новому способу его жизнедеятельности - творческой самореализации в профессии.

Объединяющим современные подходы к исследованию профессионального развития зрелого специалиста является положение о взаимном влиянии индивидуальных особенностей человека и социокультурной среды, об этапности процесса приобретения профессиональных знаний и умений, о зависимости личностного развития и профессионального становления.

Анализ теорий профессионального развития позволяет выделить следующие позиции:

1. Одним из наиболее плодотворных направлений изучения процесса профессионализации является его исследование в контексте развития человека в зрелом возрасте и привлечения категории развития как объяснительного

принципа.

2. Процесс профессионального развития в течение всей жизни человека можно рассматривать как способ его самореализации, становления его субъектности.

3. Успех или неуспех профессионального развития зависит от степени соответствия индивидуально-психологических особенностей личности требованиям профессии.

4. Профессиональное развитие личности, ее операциональных и психологических качеств и структур происходит неравномерно, через прохождение кризисных этапов развития.

5. Отношение к профессии, ее освоение детерминируется и корректируется профессиональными, психологическими, физиологическими, медицинскими, социальными и другими факторами, определяющими особенности жизненной и трудовой активности человека.

Разноплановость методологических позиций, теоретических конструкций, подходов к определению движущих сил, их периодичности, целей, форм вызывает необходимость создания концепции профессионального развития специалиста и исследования социально-психологического содержания данного процесса, в том числе с учетом деструктивных аспектов развития взрослого человека.

Профессиональная устойчивость может рассматриваться как свойство личности специалиста, заключающееся в положительном отношении к профессиональной деятельности, желании совершенствоваться в ней; как качественный уровень деятельности, характеризующейся устойчивым интересом и любовью к профессии, ориентированной на успех в выполнении основных профессиональных функций и являющейся предпосылкой формирования мастерства; как система, включающая в себя совокупность мотивационной, эмоционально-волевой, когнитивно-операциональной подсистем. Наиболее существенными признаками профессиональной устойчивости как интегрального качества выступают профессиональная направленность,

профессиональное самосознание, профессиональная мобильность и готовность к самостоятельному творческому решению профессиональных задач.

В дихотомии «устойчивость - неустойчивость» профессиональной устойчивости противостоит профессиональная инертность, которую мы выделяем в качестве негативного явления, характерного для кризисных этапов профессионального развития специалиста. Устойчивость личности – это активность самоорганизации. Инертность же выступает в качестве элемента, характеризующего пассивность самоорганизации и деятельности.

В процессе прохождения взрослым человеком тех или иных этапов профессионального развития специалист формирует механизм самозащиты – профессиональную устойчивость «оборонительного» характера. Именно в данном случае профессиональная устойчивость стагнирует и превращается не в позитивное, а в негативное явление, сопровождающее профессиональную деятельность специалиста. Мы выделяем данный механизм в качестве механизма формирования профессиональной инертности, как деструкции профессионального развития.

Профессиональная инертность - это деструктивное профессиональное развитие специалиста, которое характеризуется следующими моментами: стремлением к сохранению образцов прошлого опыта, которое противопоставляется приобщению к новым образцам профессионального опыта; негативным отношением к любой другой профессиональной среде, кроме собственной; предпочтением служебных отношений профессиональным.

Развитие субъекта в деятельности сопровождается соотнесением индивидуальных возможностей, способностей человека с теми требованиями, которые предъявляются содержанием и условиями самой деятельности с точки зрения успешного ее выполнения.

В процессе выполнения конкретной деятельности, столкновения субъекта с новыми задачами, профессиональными ситуациями, нестандартными условиями возникают

противоречия как между требованиями деятельности и уровнем развития отдельных личностных образований, так и профессионально ориентированными структурами личности. Эти противоречия и являются основной движущей силой развития деструкций в профессиональной деятельности субъекта, в том числе при прохождении различных этапов профессионального развития.

Для проблемы деструктивного генезиса профессионального развития субъекта деятельности важным является положение о внутренней противоречивости процесса индивидуального развития человека.

И так, данный момент мы проанализировали с точки зрения идеи «конструктивности-деструктивности», которая отражает двойственность подобной ситуации. Деструктивность порождена не объективными факторами (профессиональная непригодность или пенсионный возраст), а корпоративной культурой определенного профессионально-служебного сообщества. И этот «порядок», который длительный период времени являлся оплотом и основой эффективной и конструктивной профессиональной и служебной деятельности специалиста, вдруг оказывается причиной, порождающей специфическую деструктивность, консерватизм, неприятие нового, профессиональную деформацию.

ЛИТЕРАТУРА

Лазарев М.А. 2012. Формирование художественной культуры будущего учителя. - Инициативы XXI века. № 1: 79-81.

Лазарев М.А. 2013. К вопросу о соотношении философского и образного познания мира. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Т. 2. №. 4: 666-674.

Лазарев М.А., Курбатова Н.В. 2013. Педагогическая технология творческого развития студентов. - Инициативы XXI века. № 3: 42-44.

Ласкин А.А. 2014. Педагогические методики в области развития физического воспитания молодежи и школьников. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Т. 3. №. 3: 342-356

Ласкин А.А. 2012. Преодоление пассивности и инертности, формирование активности у молодежи в учебно-познавательной деятельности. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Т. 1. №. 4: 799-812.

Ласкин А.А. 2013. Развитие личностного и экономического мышления у

специалистов социально-культурной деятельности и студентов ВУЗов. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Т. 2. №. 4: 559-567.

Подвойский В.П., Кустикова Ю.О. 2014. Предпосылки возникновения социальной индифферентности студентов в ВУЗе. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Т. 3. №. 3: 373-387.

Жарков А.Д. 2015. К 75 летнему юбилею Анатолия Дмитриевича Жаркова. Научно-педагогическая деятельность. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Т. 4. №. 3: 241-404.

Получена / Received: 23.08.2015
Принята / Accepted: 14.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 724-729

Значение семьи в развитии и воспитании ребенка

А.С. Москвина

Московский Государственный Областной Университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А
Moscow State Regional University
Radio str. 10A, Moscow 105005 Russia; e-mail: anna.moskvina@list.ru

Ключевые слова: воспитание, семья, ребенок, развитие, семейное воспитание, общество.
Key words: education, family, child development, family education , society.
Резюме: В статье рассматривается роль и значение семьи в развитии и воспитании ребенка. Показана значимость семейного воспитания в современном обществе. Рассмотрены функции и негативные факторы семейного воспитания.
Abstract: The article discusses the role and importance of the family in the development and education of the child. The importance of family education in modern society. The functions and negative factors of family education.
[**Moskvina A.S.** The value of the family in the development and education of the child]

Что такое воспитание? В толковом словаре Ожегова дано определение: «Воспитание - это навыки поведения, привитые семьёй, школой, средой, проявляющиеся в общественной жизни» (Ожегов, 2000).

Кто, как не близкие и родные люди, могут помочь, понять, направить подрастающее дитя? Многое зависит от семьи, от нравственных норм поведения самих родителей и от желания вырастить хорошего человека.

Семья является главным фактором и условием развития ребенка, поскольку отсюда начинается жизнь каждого из нас. Рождаясь в определенной семье, каждый из нас именно в семье получает первые сведения об окружающем мире, учимся первым шагам, первым словам, первым «нельзя» и «можно». Уже только это формирует уже у нас первые наши положительные или отрицательные эмоции.

Семья - самый важный фактор, влияющий на эмоциональное становление ребенка. Проблема нарушения восприятия мира, а конкретнее эмоционально-волевой сферы, зависит от родителей, которые должны принимать и понимать

потребности ребенка в переживании эмоций. Сегодня очень многие родители интересуются прежде всего не своими детьми, а больше собой - учеба, карьера, мода, увлечения и т.д. Ребенок копирует поведение своих мам и пап, учится у них. И если родители не занимаются ребенком, относятся попустительски, например, не общаясь с ребенком, не читая книг ему, а вместо этого включают телевизор, нанимают нянек и т.п., то и ребенок растет «запущенным», где основное влияние могут оказать очень негативные факторы, которые скажутся на его нравственном воспитании, да и вообще, на всей дальнейшей судьбе как личности. В нашем современном мире очень много «гаджетов». Дети проводят огромное количество времени у компьютеризированной техники. Но существует две стороны. С положительной стороны они черпают полезную информацию, расширяют свой кругозор. А с отрицательной- отсутствие общения с родителями и сверстниками в реальной жизни. Мы часто заняты своими делами, строим карьеру. А ведь могли бы уделять время своему ребёнку. Многие родители довольны, когда их чадо сидит за компьютером и не задаёт лишних вопросов. Это огромная ошибка! Именно в этих вопросах и заключается познание окружающего мира, а кто, как ни мы, объясним им понятным языком. А какие игры сегодня наиболее популярны? Стратегии, стрелялки. Агрессия переходит из виртуального мира в реальную жизнь. Дети становятся эмоционально неустойчивыми.

Рассмотрим основные негативные факторы семейного воспитания:

- преобладание материальных ценностей;
- бездуховность родителей;
- авторитаризм или безграничный либерализм;
- безнравственность, аморальный стиль и тон отношений;
- отсутствие нормального психического климата;
- фанатизм в любых его проявлениях;
- противоправное поведение взрослых (Маленкова, 2004: 184).

Ребёнок, изначально, словно чистый лист, на котором со временем появляются отпечатки семейного поведения и окружающей среды. Даже на просьбу поделиться игрушкой или

конфеткой можно разглядеть начальные навыки воспитания. Многие думают, что в возрасте двух-трёх лет дети ещё маленькие, ничего не понимают. На наш взгляд, они тонкие психологи. С детства малыши замечают, что когда они плачут, родители пытаются их всячески успокоить. Рассмотрим пример похода по магазинам. Если мы отказываемся купить игрушку по какой-либо причине, тут же идёт ответная реакция от малыша-плач. В этот момент ребёнок понимает, его сейчас начнут успокаивать, возможно, он настоит на своём. Как же поступить в такой момент? Родители должны иметь свою твёрдую позицию. Ведь именно с таких мелочей и начинается воспитание.

В наше общество глубоко проникли социальные пороки: алкоголь, сигареты, наркотики. Дети не изолированы от этих проблем. Печально, когда ребёнок видит в семье курящую маму, пьющего отца. Светлые идеалы родителей разрушаются в сознании малыша. Ребёнку дают неправильную установку морально-нравственных норм.

Еще одной причиной, конечно же, связанной с семейным воспитанием, является проблема общения со сверстниками. Из-за неправильных «наставлений» родителей, ребенок может так и остаться «в стороне» от других детей, что вызовет в нем печаль, отчужденность, нелюбовь к миру, и все это может перейти в неограниченную агрессию или наоборот в угнетенное, плаксивое состояние. Надо отметить, что нерешенные проблемы в детстве, на начальных стадиях, будут отражаться в других сложных периодах взросления ребенка, подростковом возрасте, например. Здесь более явно будет выражены агрессии, страх, тревоги.

Семейное воспитание - это сложная вещь, но если двигаться в нужном направлении, то всё получится. Ребёнок как зёрнышко, посаженное в землю. Если за ним следить и ухаживать, то вырастает отличный колосок. Многое, конечно, зависит от родителей, но и от окружающей среды.

На сегодняшний день, родители должны обладать важнейшей способностью к рефлексии на индивидуальные и возрастные особенности ребенка, готовностью к сознательному поиску наиболее эффективного стиля воспитания своих детей,

особенно в таких меняющихся условиях.

Прежде всего родители - это пример для подражания и несмотря на заботы, необходимо найти время для общения и игр с детьми, они не должны никогда не отмахиваться от трудностей, а помогать найти выход и поддерживать детей.

На основе понимания семьи сложилось представление о функциях семьи, основные из них таковы:

- функция общения, возникающая задолго до образования семьи;
- функция организации быта и ведения хозяйства;
- функция поддержания физических и духовных сил, создания условий для полноценного развития каждого члена семьи;
- функция организации досуга;
- функция создания гармонии интимных отношений супругов; межличностных отношений различных членов семьи;
- функция продолжения рода - рождения и воспитания детей (Маленкова, 2004: 174).

Поговорим, о нормах и запретах поведения в семье, которые помогают ребенку расти в спокойной и доброй атмосфере.

Во-первых, малыш должен видеть и чувствовать любовь и уважение родителей не только к себе, но и друг к другу. Если мама и папа ругаются между собой, ребенок ощущает это. Он плохо кушает, плохо спит, следовательно, это плохо отражается на его психоэмоциональном состоянии.

Во-вторых, в присутствии ребенка не должно возникать конфликтов и противоречий. Это касается воспитания, обсуждения проблем и людей. Например, папа сделал замечание ребенку или наказал его, а мама с этим не согласна. После обсуждения проблемы мы делам вывод кто был прав, таким образом, мы лишаем малыша возможности видеть наши противоречия и он не сделает вывод, что мама хорошая, а папа плохой (или наоборот), воспринимает родителей равноправными и единодушными в своих поступках и решениях.

Что касается людей, то их нельзя обсуждать при ребенке. Если для взрослого высказать свое мнение о человеке

естественно, то для ребенка это проблема. Он может просто сказать - нравиться ему человек или нет на уровне ощущений и поведения конкретной личности по отношению к малышу, но малыш не может судить объективно, поэтому чужую точку зрения (мамы или папы) принимает за аксиому и у маленького человечка появляется предвзятое мнение.

Ни в коем случае нельзя обсуждать при ученике его учителя, воспитателя, даже если, по мнению родителей, он не прав! Авторитет учителя должен быть непререкаемый. Это поможет ребенку в учебе и в восприятии правил, которые внушает учитель. Если авторитет учителя упал, ничего хорошего не будет. Ребенок перестанет воспринимать все, что он говорит, считая это не верным.

Нельзя нецензурно выражаться в присутствии детей и обзываться на них. Ненормативная лексика вообще должна исключаться из дома, где есть дети. Что же касается обзывания, то на неустойчивую детскую психику они действуют ужасно – вызывают комплексы и неуверенность в себе, занижают самооценку ребенка.

За правду не ругают. Мы стараемся объяснить детям, что в проступке лучше признаться самому и сразу, чем скрывать и заметать следы, ведь рано или поздно правда откроется и тогда придется отвечать в двойне.

У детей должны быть свои обязанности. Глупо требовать от ребенка выполнения взрослой работы, приучать к помощи по дому необходимо.

В семье должны быть традиции. Это может быть все, что угодно: наряжать вместе елку, накрывать праздничный стол, придумывать смешные и трогательные подарки друг для друга, играть в настольные игры, собирать конструктор, а летом ездить на природу. Семейные традиции очень сплачивают и помогают детишкам полноценно и разносторонне развиваться.

На самом деле правил очень много, самое главное не забывать о том, что дети - это личности, со своими характерами, взглядами и понятиями. Нельзя ставить их в жесткие рамки правил и требований, нужно найти подход и общий язык с малышами, важно не подавлять их, а помогать развиваться!

От того, в какой семье мы росли, зависит все наше

дальнейшее будущее, потому что это накладывает определенный отпечаток на всю нашу жизнь. Уже давно известно психологам, что пережитые в раннем детстве стрессы, а они в основном происходят в семье, влияют на развитие человека, на его отношение к миру, взаимоотношения с людьми, ну и самое главное, что в большинстве случаев мы строим свою уже семью наподобие той, которая была в детстве.

Воспитание - это огромная отдача как физических, так и духовных сил со стороны родителей и окружающих их людей.

Семья является важнейшим фактором развития и воспитания ребенка. Это самая первая воспитательная среда, которую встречает на своем пути при рождении человек. От условий и обстоятельств семьи, какая она, зависит будущее ребенка, а в дальнейшем и судьба человека. Очень важно осознавать необходимость и важность семьи как главного фактора в развитии и воспитании ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

Бойко И.Н. 2015. Устное народное творчество как средство формирования развития речи у детей старшего дошкольного возраста. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4, № 1, 2015: 5-11.

Маленкова Л.И. 2004. Теория и методика воспитания. Учебник. М.: Педагогическое общество России. 480 с.

Ожегов С.И. 2000. Толковый словарь русского языка. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник. 940 с.

Получена / Received: 26.10.2015
Принята / Accepted: 30.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 730-735

Понятие «детская толерантность» в условиях постиндустриального общества

Е.Н. Никитина

Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова
109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, д.16-18
Sholokhov Moscow State University for Humanities”
Verkhnyaya Radishchevskaya str., 16-18, Moscow 109240 Russian
e-mail: 2332523@gmail.com

Ключевые слова: постиндустриальное общество, детская толерантность, медиаобразование, образовательный комплекс, этнокультурный компонент и социокультурная адаптация.
Key words: post-industrial society, children tolerance, media education, educational complex, socio-cultural and ethno-cultural component of adaptation.
Резюме: В статье рассматриваются социокультурные составляющие понятия «детская толерантность»; анализируются различные подходы к определению дефиниции «толерантность», рассматриваются медийные аспекты бытования данного понятия в условиях постиндустриального общества. В постиндустриальном обществе вопросы воспитания толерантности должны рассматриваться с учётом особенностей восприятия информации и её интерпретации на основе различных этно- и социкультурных моделей.
Abstract: The article deals with socio-cultural components of the concept of "children tolerance", different approaches of the definition of "tolerance"; discusses media aspects of the concept existence in a post-industrial society. In a post-industrial society issues of tolerance education should be considered taking into account the peculiarities of information perception and its interpretation on the basis of various ethnic and sociocultural models.
[Nikitina E.N. The concept of "children tolerance" in a post-industrial society**]**

В традиционной для XX столетия стадиальной концепции человеческого развития важнейшими показателями являлись отношение к средствам производства (первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и т.д.) и ведущие виды деятельности (собирательская, земледельческая, индустриальная). В зависимости от научных, политических и даже идеологических пристрастий исследователи определяли особенности той или иной исторической эпохи. Подобный подход к научному поиску сохранял свою актуальность вплоть настоящего времени. На рубеже XX–XXI вв. вдруг

обнаружилось, что прежний стадиальный подход перестаёт удовлетворять требованиям научного анализа.

Социокультурные реалии XXI столетия таковы, что предполагают совершенно иные формы организации и ценностные приоритеты в сравнении с теми, которые были раньше. По сути, на наших глазах мир приобретает совершенно новое, никогда до этого не существовавшие формы. Прежде всего это виртуализация как некий глобальный феномен, вбирающий в себя и сферу бытия человека (весь мир материальной культуры), и духовную, и коммуникативные сферы. Виртуальные деньги, виртуальные ценности, виртуальные знакомства - в этой триаде заключены важнейшие константы современного бытия детей, подростков и молодёжи. И если для старшего поколения характерно чёткое разделение мира на «реальный» и «виртуальный», что осознаётся не только известными учёными, но и широким кругом педагогической общественности (Зеленский, 2014), то для совсем юных – это становится проблемой. Возникает необходимость специального осмысления многих глобальных проблем; требуется уточнение, казалось бы, давным-давно устоявшихся понятий и терминов. Так, появляются новые термины: уточнения уже существующих: «детский эгоизм», «детская толерантность» и т.д.

Ещё одной особенностью современной ситуации является то, что происходит перестановка акцентов с поиска, открытия нового, на использование уже имеющегося. В педагогике на смену ЗУНам с опорой на усвоение новых знаний приходят ФГОСы, акцентирующие внимание на процессе, на усвоение не знаний, а универсальных учебных действий. И это одна из магистральных тенденций развития не только образования, но и всего российского общества.

Россия постепенно, хотя и значительно позже других развитых стран, переходит к этапу постиндустриального развития. На первое место выходит даже не знания, хотя и говорят об «экономики знаний» (Гапоненко, Орлова, 2008), а умение этим (этими) знаниями правильно, т.е. эффективно и точно, распорядиться. Наступает постиндустриальная эпоха, характерными чертами которой являются: медиасреда с

медийной культурой; глобальное информационное пространство; универсализм по отношению к знанию и источникам информации; глобализм мышления; сетевые формы организации; высокоэффективная промышленность и сельское хозяйство с повсеместным использованием робототехники и т.д.

Всё активнее внедряются и разрабатываются сетевые формы организации, которые начинают внедряться не только в экономике, но и в образовании и культуре (Поль, Сусакова, 2010). Из частной философской категории «диалог» постепенно переходит в разряд метакатегории, характеризующей цивилизационное развитие в целом и выступающей в интегративном качестве. В условиях постепенного отказа от мультикультурализма (особенно это заметно в Европе) именно межкультурный диалог становится тем универсальным средством, благодаря которому становится возможным «строить процесс развития гражданского общества на основе разделяемых всеми универсальных ценностей, находить конструктивный и демократический подход к острой проблеме различной идентичности, присущей современному миру» (Мчедлова, 2014: 66).

Инновации становятся нормой, а не исключением, обеспечивая устойчивый и поступательный характер развития. Этому во многом способствуют медиатехнологии, ускоряющие коммуникативные процессы, стирающие границы между странами, народами и культурами. Виртуализация действительности и медисреда являются важнейшими факторами, влияющими на современное общество. А так как образование и наука являются наиболее действенными инструментами, подчиняющими и приспособляющими виртуальную действительность и медиасреду к современным условиям, то именно эти институты являются наиболее значимыми для эффективного развития. В связи с этим образование и наука становятся важнейшими социальными институтами, обеспечивающими успешность развития, как общества, так и государства. Отсюда и вполне закономерная постановка вопроса об эффективности той или иной образовательной организации. Механизм конкуренции ориентирует образовательные учреждения на актуализацию

своих организационно-управленческих ресурсов в разработке и реализации эффективных управленческих решений, направленных на удовлетворение потребностей потребителей образовательных услуг. Впрочем, данное требование не является единственным и безусловным. И если проблема обеспечения конкурентоспособности учреждений высшего профессионального образования (ВПО) может и должна решаться на экономическом уровне, уровне разработки актуальных образовательных программ, то в основном образовании, на уровне школы, эффективность должна оцениваться как по результатам Олимпиад, творческих конкурсов, результатам поступления в вузы, так и по комфортности нахождения учащихся в учебном заведении. Поэтому воспитательная работа становится одним из важнейших приоритетов в деятельности образовательных организаций.

В условиях поликультурного общества воспитание толерантности является залогом успешности, так как позволяет эффективно разрешить проблему коммуникативного развития личности (Кабрина, 2002). В российской педагогике накоплен огромный опыт как по воспитанию толерантности, так и по организации диалога культур. Однако стремительный, и всё более ускоряющийся характер развития образования и науки побуждает осмыслить такое понятие, как «детская толерантность», которое всё чаще и чаще встречается в педагогической практике.

Уточнение понятий и терминов в связи с формированием новой информационно-виртуальной реальности и постиндустриального общества, об этом уже говорилось выше, приводит к постепенному оформлению этих «вариантов» в самостоятельные понятия. Это неизбежно порождает множество проблем, особенно в тех случаях, когда речь идёт об очень многозначных понятиях: таких, например, как «культура», «толерантность» и т.д. И если относительно толерантности в научно-педагогическом сообществе постепенно установился определённый консенсус, то «детская толерантность» принадлежит к понятиям не просто новым, а ещё и с неточно определёнными понятийными границами. Под детской

толерантностью понимают или интуитивно осознаваемое на детском уровне признание права на инаковость (но не принятие её как равноценной), или формирующаяся толерантность (отсюда и невольное восприятие её как недотолерантность), или исключительно эмоциональное положительное отношение. И это при самом широком обобщении существующих подходов. И тем не менее данное понятие имеет право на существование.

Во-первых, современность, об этом уже говорилось ранее, принципиально отличается от предшествующих эпох. Во-вторых, как показывает самый поверхностный анализ Интернет-ресурсов, понятие «детская толерантность» всё активнее используется и педагогами-практиками, и родителями, и журналистами. Да, понятийные его границы предельно размыты, и тем не менее, оно воспринимается как нечто особенное, отличное от толерантности вообще. Поэтому представляется целесообразным ввести понятие «детская толерантность», под которым следует понимать сформированность устойчивых алгоритмов поведения у детей при общении с представителями иных культур, а также с людьми изначально отличными (например, с особенностями здоровья).

Как представляется, содержание понятия «детская толерантность», по причине его практикориентированности, будет варьироваться в зависимости от этно-, религиозных и культурных особенностей того или иного народа, общества, культуры. Поэтому социокультурные практики, сложившиеся в той или иной традиции, будут играть определяющую роль при определении детской толерантности.

Таким образом, понятие «детская толерантность» можно рассматривать как сформированное, хотя и находящееся в стадии постоянного уточнения. В условиях постиндустриального общества частотность употребления детской толерантности, как и в значительной степени содержание данного понятия обусловлены сложившейся социокультурной практикой, испытывающей сильнейшее воздействие со стороны медиакультуры современного постиндустриального общества. Изучение детской толерантности с учётом особенностей восприятия информации

и её интерпретации на основе различных этно- и социкультурных моделей – одна из важнейших задач современной науки.

ЛИТЕРАТУРА

Гапоненко А.Л., Орлова Т.М. 2008. Управление знаниями. Как превратить знания в капитал. М.: Эксмо. 400 с.

Зеленский А.П. 2014. Поиск информации в Интернете: диалог культур. - В сб. Диалог культур: Сборник материалов Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ преподавателей и студентов учреждений среднего профессионального образования (01 марта - 15 апреля 2014 г., г. Стерлитамак). Отв. ред. Гареева С.М. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ: 47-51.

Личность в парадигмах и метафорах: ментальность - коммуникация - толерантность. Под ред. В.И. Кабрина. Томск: изд-во Том. ун-та, 2002. 262 с.

Мчедлова М.М. 2014. Межкультурный диалог в современном мире: цели и технологии. - В сб. Образование, наука. Культура в современном мире: материалы Международной научной веб-конференции «Базовые идеи ЮНЕСКО в современном образовании, культуре и науке» (Москва, март 2013 г.). М.: Пашков дом: 63-69.

Поль Д.В., Сусакова О.Н. 2010. Сетевая организация образовательных учреждений: проблемы и перспективы. - Вестник МГУКИ. № 4: 175-180.

Получена / Received: 12.10.2015
Принята / Accepted: 16.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 736-741

Сочинение по литературе в современной школе и вопросы развития филологического образования

Е.Н. Сенновская

Средняя общеобразовательная школа с углублённым изучением иностранного языка при Генеральном консульстве России в Бонне, Федеративная Республика Германия
53177, Германия, Бонн, Вальдштрассе, 42
Secondary school with advanced study of foreign languages at the Consulate General of Russia in Bonn, Federal Republic of Germany
Waldstrasse, 42, Bonn 53177 Germany
e-mail: sennovskaya@yandex.ru

Ключевые слова: сочинение по литературе, филологическое образование, основная школа, развивающее обучение, однокомплектная школа.
Key words: essay on literature, philological education, primary school, developing education, one-complex school.
Резюме: В статье рассматриваются проблемы, вызванные неподготовленным возвращением сочинения в школу; делается вывод об опасности скоропалительных, хотя, по сути, и правильных решений. Для преодоления существующих проблем развития школьного филологического образования необходимы системные действия, комплексный подход. В эффективности подобных действий убеждает опыт однокомплектной школы, действующей при Генеральном консульстве Российской Федерации в Бонне.
Abstract: The article deals with the problems caused by untrained return of essay on literature to the school; it is concluded the dangers of hasty, though, in fact, the right decisions. In order to overcome the existing problems of the school literary education are necessary system steps, integrated approach. The effectiveness of such action is convinced by experience of one-complex school acting at the General Consulate of the Russian Federation in Bonn.
[Sennovskaya E.N. Essay on literature in the modern school and the development of philological education**]**

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые…
Ф.И. Тютчев

«Не дай Вам Бог жить в эпоху перемен»! Истинность этой древнекитайской поговорки неисчислимократно подтверждена российскими педагогами-гуманитариями, на протяжении почти трёх десятилетий вынужденных постоянно перестраиваться в зависимости от тех или иных «зигзагов» государственно-

общественного развития. Перестройка, распад СССР, отказ от государственной идеологии, введение ГИА, ЕГЭ, переход к подушевому финансированию образовательных организаций (учреждений), введение ФГОС, отказ от обязательного итогового сочинения, «возвращение» сочинения в старшей школе - вот лишь наиболее заметные вехи на этом пути. В этом же ряду окажутся и основополагающие для всего образования документы, как: «Концепция развития дополнительного образования» (утверждена распоряжением № 1726-р Правительства РФ от 04 сентября 2014 г.), «Основы государственной культурной политики», «Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г.» и др. Но для учителя-словесника первостепенное значение имеет всё, что связано с изменениями в аттестации учащихся, так как от этого уже сейчас зависит не только профессиональная карьера педагога, но и - это самое главное - людские судьбы. И здесь учителю приходится сталкиваться с великим множеством проблем, большинство из которых имеют исключительно внешний характер. Особо остро все эти проблемы стоят в русских школах за рубежом, так как здесь намного сложнее получить и квалифицированную методическую помощь, и консультацию по решению различных нормативно-процессуальных вопросов. Поэтому ситуация в заграничных русских школах (а таковых учреждений около сотни!) сверхинтересна, так как общероссийские проблемы в них предстают в предельно концентрированном виде.

Характерной особенностью современности является перенасыщенность образовательного пространства разнообразной информацией, постоянно обновляемой: сводки с «битв» политиков и разного рода «деятелей» по поводу ЕГЭ, современной образовательной парадигмы, аксиологических основ преподавания гуманитарных предметов и т.д. и т.п. Параллельно с этими «дебатами» школа всё чаще и чаще вовлекается в различные «околообразовательные игры», становится заложником коррупционных схем, сведения счетов «власть предержащих», апробаций бессчётного числа «инновационных» теорий и концепций.

В начале 2015 года наблюдалась прелюбопытная картина.

На фоне осмысления результатов предыдущего года, рефлексии его результатов, словесников удивили и новым форматом ЕГЭ по русскому языку (гриф «Проект» провисел на сайте ФИПИ до конца ноября!), и обязательным Итоговым сочинением… И это в ситуации ещё не закончившегося скандала с результатами ЕГЭ по литературе прошлого года (на открытом заседании предметной комиссии в Москве, состоявшемся 25 июня, выявилось ряд «странных» закономерностей: повальное занижение оценок по литературе - а это был первый экзамен - и столь же многочисленное завышение оценок по русскому языку). Однако ситуация, сложившаяся на начало 2015 года в области школьной филологии, оказалась не менее «захватывающей». Новый формат итоговых испытаний вызвал целый ряд вопросов. Попытаемся вкратце сформулировать некоторые из них:

1. Итоговое сочинение.

Не будем сгущать краски и рассказывать «страшные» истории о внезапности данной процедуры. Автор еще в июле 2011 года на приснопамятном Общероссийском съезде словесников в МГУ горячо отстаивала необходимость сочинения в качестве выпускного экзамена. Перечислять сейчас аргументы бессмысленно. Цель достигнута, но сама процедура, критерии оценивания и значимость вызывают ряд вопросов:

- Почему не создается подобная ЕГЭ единая предметная комиссия?

- Почему каждый вуз решает в индивидуальном порядке «себестоимость» данной работы? (Очевидность коррупционной составляющей переоценить невозможно).

Будем объективны, сами темы сочинений и заранее опубликованные направления «нареканий» не вызвали. Коллектив разработчиков был подобран компетентный и творческий. Как выяснилось впоследствии - а автор уже выступил со своими тезисами на страницах журнала «Русский язык» издательства «Первое сентября» - практически всеми учителями программа по литературе подверглась пересмотру и все судорожно «натаскивали» выпускников на сочинение. Эффективный и современный менеджмент школы: администрация, методический совет, методическое объединение

- выработал адекватную стратегию, расписал поэтапный алгоритм подготовки. Из Москвы в регионы были доставлены необходимые учебные пособия и дидактический материал, МИОО и коллеги-авторы поделились крайне ценными презентациями, которые были распространены и среди учеников экстерната, и подробно рассмотрены дневным отделением, проведены два пробника с последующей подробнейшей рефлексией.

Однако, следя за продолжающейся горячей дискуссией на страницах профессиональных журналов, в СМИ, мы все больше убеждаемся в том, что выработанная на сегодняшний день модель будет еще неоднократно подвергнута изменениям. А это значит, что 1 сентября учитель-словесник, как и руководство школы, опять должны будут примерить на себя «терновый венец» кризисного менеджера. Доколь?!!

2. ЕГЭ по русскому языку.

Столкнувшись с нешуточной проблемой - реальной картиной обученности - Рособрнадзор придумал новый формат, объяснив подобную игру исключительно ответом на вызовы времени. На самом деле, все предельно просто - требуется хотя бы имитировать движение («движуха»): в среднем учитель потратил с августа 2014 года не менее 30 тысяч рублей на приобретение - срочное - всяческих новых пособий. Да, педагогам, особенно столичного региона, грех жаловаться, никто пока в долговую яму из-за этого не сел. Но проблема в том, что сами пособия, сотворённые, а в ряде случаев и откровенно сварганенные на живую нитку, не отвечают самым элементарным требованиям: опечатки бесконечные, задания предполагают далеко не однозначные ответы. Отсюда и ожидаемое снижение минимального балла!

3. ЕГЭ по литературе.

Изменений нет. На сей раз - к несчастью. Когда-то лишь очень уважаемый словесник мог позволить взяться готовить абитуриента МГИМО, которому предстояло написать за 3 часа 3 разных сочинения. Теперь наша миссия - подготовить выпускника к 5 сочинениям в одном формате. Скандал прошлогодней сессии обозначил следующие проблемы: крайняя некомпетентность предметных комиссий, их откровенная

ангажированность, игнорирование творческой составляющей, процедурные сложности при подаче апелляций выпускниками загранешкол.

Очевидно, что необходимо совершенствовать процедуру аттестации школьников по русскому языку и литературе. И это невозможно без изменений как вверху, так и внизу. Для этого желательно предпринять целый ряд мер:

1. Для успешной подготовки выпускников в каждом образовательном учреждении необходимо создать Единую программу, охватывающую все сферы учебного процесса. Ни один, даже самый гениальный словесник, с задачей справиться не сможет, если в соседнем кабинете «ложат и ложат»! Тренинги по речевой культуре, риторике, предупреждению речевой агрессии необходимы всем членам педагогического коллектива.

2. Итоговое сочинение - это результат работы всего коллектива по выработке единой парадигмы речевого развития. Поэтому пристальное внимание к культуре речи, монологические ответы, проектная работа - важные составляющие подобной деятельности.

3. Проблема загранешкол (и не только…) - постоянная ротация как преподавательского состава, так и учащихся. Однако, чтобы не чувствовать себя временщиками, необходимо осознать ответственность каждого члена коллектива. А для это представляется возможным создание единой Стратегической программы подготовки к Итоговому сочинению, которая включит в себя персональную ответственность каждого члена коллектива. Сочинение проверяет и общий кругозор, широту знаний, эрудицию, владение глоссарием философии, психологии, обществознания, права, истории.

4. Необходимо увеличение часов за счет дополнительного образования на уроки русского языка и литературы. Не секрет, что в большинстве школ России в последнее время преподаватели, увлекшись рейтингом ЕГЭ по русскому языку, превратили уроки по литературе в «натаскивание» на Часть С по русскому языку. К нам приезжают ученики, которые никогда не писали классных

сочинений на литературе. Пора возвращаться к хорошо зарекомендовавшим себя приемам и методам советской педагогики, но под другим, ПРОБЛЕМНЫМ углом зрения.

5. Для развития проблемного мышления очень удачным является технология дебатов: тезисность, аргументированность, яркость, публицистичность - важные составляющие хорошего сочинения.

6. Эффективный менеджмент - это отлаженная система мониторинга. Не надо изобретать велосипед. «Статград» давно зарекомендовал себя с лучшей стороны. То, что мы отлучены от современных методов диагностики, плачевно сказывается на всей системе подготовки. Кроме того, в системе «Статград» очень важными и актуальными являются анализы тренировочных и диагностических работ. Прослеживается общая тенденция, которая далеко не всегда очевидна учителю загранпколы ввиду ограниченного контингента учащихся.

В последовательном разрешении целого комплекса проблем - далеко не все из них, учитывая жанр статьи, обозначены нами - видятся ближайшие цели школьной филологии.

ЛИТЕРАТУРА

Аронов А.А. 2015. К вопросу о ментальности отечественной культуры: развитие рывками. - Вестник МГУКИ. № 1: 38-45.

Кацев А.С. 2014. Бедная Литература. - Русская словесность. № 1: 8-9.

Княжицкий А.И. 2014. У нас других писателей нет. И читателей тоже. - Русская словесность, 2014. № 1: 3-7.

Княжицкий А.И. 2014. Пиррова победа словесников всея Руси. - Русская словесность. № 2: 3-6.

Получена / Received: 22.08.2015
Принята / Accepted: 15.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 742-758

Критические заметки на публикации В.Е. Триодина

А.Д. Жарков

Московский Государственный Университет Культуры
141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная д.7
Moscow State University of Culture
Library str. 7 , Khimki, Moscow Region 141406 Russia
e-mail: mgukidissov@mail.ru

Ключевые слова: критические заметки, публикации В.Е. Триодина, социально-культурная деятельность.
Key words: critical notes, publications VE Triodina, social and cultural activities.
Резюме: В статье даются критические заметки на публикации В.Е. Триодина. С научной позиции проведен анализ публикаций Е.В. Триодина. Анализируется их несоответствие потребностям общества и общественной мысли.
Abstract: The article provides critical notes on the publication of VE Triodina. From a scientific position of the analysis of publications EV Triodina. Analyzed compliance which the needs of society and public opinion.
[Zharkov A.D. Critical notes on the publication V.E. Triodina**]**

Многие мои коллеги во МГУКИ, да и из других городов России, хотели ответить на статью Триодина В.Е. «Когда же придет настоящий день социально-культурной деятельности?», опубликованную в «Вестнике МГУКИ» (№3, май-июнь 2013 года, с. 104-111). Причиной ее появления послужила моя статья в №1 2013 года, с. 96-101 «Социально-культурная деятельность как специализированная область общественной практики», где я вообще о В.Е. Триодине даже не упоминал: речь шла о внутривузовской политике. Не ответил я и на вышеупомянутую статью В.Е. Триодина.

Ситуация изменилась в связи с публикацией статьи В.Е. Триодина в юбилейном номере «Вестника Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств» №4 (17) за 2013 год, посвященном 95-летию университета, - «Социально-культурная деятельность: между прошлым и будущим», где вновь прозвучали «старые мотивы». В данном случае не отвечать на столь откровенные выпады, значит и дольше поощрять действия В.Е. Триодина.

Известно, что вся наука В.Е. Триодина умещается на 6 стр. во Введении к монографии «История социально-культурной

деятельности», СПбГУКИ, 2012. На эту часть его научных изысканий я ответил в научно-методическом журнале РАО «Мир образования - образование в мире» (№4, 2013, с. 43). Оценку качества монографии даст история.

Хочу еще раз подчеркнуть, что речь идет не о научной дискуссии, ибо никакой наукой здесь не пахнет, а о публицистических статьях В.Е. Триодина.

Подготовив ответ на замечания В.Е. Триодина мною было направлено письмо в Санкт-Петербургский университет культуры и искусств.

Ректору Санкт-Петербургского
государственного университета культуры
и искусств,
доктору исторических наук,
профессору
А.С. Тургаеву

Многоуважаемый Александр Сергеевич!

Прошу Вас принять к публикации в журнале «Вестник» Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств статью Жаркова А.Д. «Публицистические заметки на публикации В.Е. Триодина».

Это мой ответ уважаемому коллеге и на две статьи, где он, на мой взгляд, решает не профессиональные и научные задачи, которые бы нас объединяли для достижения общих целей, а какие-то другие.

Достижение общих целей предполагает уважительный тон по отношению к своим коллегам и доброжелательный стиль изложения материала.

Я в своей практике ни одного оскорбительного слова не высказал на страницах печати в адрес В.Е. Триодина Все мои учебники, учебные пособия, монографии, лекции и статьи насыщены цитатами из его работ. Поэтому я исхожу из принципа обеспечения равных условий для выражения своего отношения к поступкам своих коллег.

Текст статьи прилагается.

С уважением,
доктор педагогических наук, профессор А.Д. Жарков

Был получен ответ.
18 декабря 2014, 12:33
Уважаемая Екатерина!

Статью профессора А. Д. Жаркова "Публицистические заметки на публикации статей В. Е. Триодина" получили.
Спасибо.

К сожалению, содержание мартовского номера уже утверждено.
Поэтому статья попадает в издательский портфель июньского номера (так как журнал ежеквартальный).
Заседание редколлегии июньского номера состоится в начале марта.

Статью и сопроводительное письмо профессора А. Д. Жаркова передали главному редактору нашего журнала проректору по научной работе А. Ю. Русакову на ознакомление.

Затем 22 апреля 2015, 15:22 еще одно письмо.
Уважаемые коллеги!

Статья Анатолия Дмитриевича Жаркова «Публицистические заметки на публикации статей В.Е. Триодина», находящаяся в редакционном портфеле журнала "Вестник СПбГУКИ" в ближайших номерах 2015 года опубликована быть не может.

Это связано с необходимостью срочной публикации большего количества статей, написанных по материалам выступлений на научных конференциях 2014-2015 гг., проводимых в нашем институте в рамках Государственного задания.

По мере возможности редакционный совет журнала рассмотрит вопрос о включении Вашей статьи в 2016 году.
Если Вас не устраивают сроки публикации, и Вы сочтете необходимым опубликовать статью в другом журнале, просим об этом сообщить.
С уважением,
главный редактор журнала
Аркадий Юрьевич Русаков (e-mail: arkrus@rambler.ru)

Надо понимать так, когда Триодин писал свои статьи, то это было «в рамках Государственного задания».

Итак, первая статья В.Е. Триодина «Когда же придет настоящий день социально-культурной деятельности?» уже по своему названию бессмысленна. Текст статьи сразу начинается в высокомерном тоне: «Дискуссии - не только путь к познанию истины... «Еще древнегреческий философ Эпикур подметил, что в дискуссии больше выигрывает побежденный. Он умножает знание» (Триодин, 2013: 105).

Владимир Евгеньевич, я был сначала шокирован Вашим тоном. Какое самомнение, какое высокомерие, какая фанаберия! Еще ничего не написав, Вы сразу объявляете себя победителем. В России говорят в таких случаях, что «прокукарекал» раньше времени.

Затем, очевидно, решив, что собеседник в нокдауне, Вы пишете: «Две публикации ведущих мастеров социально-культурной сферы - Н.Н. Ярошенко и А.Д. Жаркова - отличный повод еще раз поставить вопрос о природе и сущности социально-культурной деятельности».

Как видим, название статьи - не поймешь что, а оказывается речь пойдет о коренных научных проблемах. Как же раскрываются природа и сущность социально-культурной деятельности и само название статьи - увидим дальше.

«В общем, - пишет В.Е. Триодин, - расширяется сеть или сокращается вопрос дискуссионный, но культурное опустынивание налицо. С другой стороны, Н.Н. Ярошенко зафиксировал не только сокращение сети учреждений культуры, но и «одновременное расширение педагогического пространства социально-культурной деятельности. Только в ином качестве - в негосударственном инварианте этих учреждений». Подразумевая, что под этим определением скрываются ночные клубы, другой участник дискуссии, отмечает, что, на его взгляд, их просто кощунственно относить к учреждениям социально-культурного типа, их нельзя считать педагогическим пространством. В таком негативном отношении к ночным клубам, видимо, виновата трагедия, которая произошла в Перми в 2009 году. Тогда пожар в ночном клубе «Хромая лошадь» унес жизни 156 человек. Но надо быть справедливым: источники пожаров - не типы учреждений культуры, а разгильдяйство, безответственность руководителей этих учреждений» (Триодин,

2013: 105-106).

Здесь В.Е. Триодин называет А.Д. Жаркова просто «другой участник». Но, главное он даже не понимает с каким цинизмом рассуждает о трагедии в Перми. Легко пишет о горе огромного числа людей! Ну подумаешь разгильдяйство и безответственность специалистов ночных клубов, главное, что данный тип учреждения культуры не является источником пожаров. Понятно, что Владимир Евгеньевич бывал только в элитных ночных клубах, где нет разгильдяйства, безответственности, а есть расширенное педагогическое пространство.

Далее В.Е. Триодин с особым восторгом развивает, видимо, свою любимую тему Ночи. «И в былые времена ночь была символом разумно организованного праздника жизни. Ночью распахивали двери салоны. Хозяйка одного из них вошла в историю как «Княгиня Ночи». А сегодня учреждения культуры страны активно осваивают ночь как педагогическое пространство. Положительную оценку получили такие акции, как ночь в музее, библионочь» (Триодин, 2013: 106).

Почтенный В.Е. Триодин, придется похлопотать, чтобы Вас возвели в сан «Князя Ночи». Вы представляете, я только сейчас оценил Вашу гениальность: ведь именно здесь был глубоко «зарыт» ответ на название Вашей статьи. После того как Вы с «Княгиней Ночи» позанимаетесь размышлизмом о состоянии и перспективах развития социально-культурной деятельности в стране и за рубежом и она Вас (мягко выражаясь) попросит вернуться, выражаясь Вашими словами, «в даль светлую»… Вы благополучно вернетесь в дневное пространство-время, вот когда и «придет настоящий день социально-культурной деятельности»! (См. название статьи).

Вот теперь понятно, почему рождаемость в стране катастрофически стала падать с 90-х годов прошлого века. Оказывается, все население страны охвачено процессом педагогизации в основном в ночное время.

Далее В.Е. Триодин переходит к запугиванию общественности грозящими катаклизмами, которые грядут в социально-культурной деятельности: «Тем временем надвигающееся культурное опустынивание аукнется нам

поколением незнаек и образованцев. Другая еще более опасная беда состоит в перерождении сохранившихся очагов культуры, коренном переосмыслении их социального назначения. Злокачественная опухоль поразила, прежде всего, исходные нормативные документы, определяющие статус, характер деятельности учреждений культуры» (Триодин, 2013: 106).

Чуть раньше В.Е. Триодин умилялся своими научными достижениями в исследовании стратегического ресурса социально-культурной деятельности по расширению педагогического пространства в ночное время, а вот деятельность учреждений культуры в дневное время видится ему как настоящая катастрофа, а само государство обвинительно объявляется как источник этого зла: «не имеет будущего общество, у которого развиты челюсти, но атрофировано сердце. Тогда возникает главный вопрос. А нужны ли социально-культурные учреждения в их нынешнем виде, формирующие потребителей услуг?» (Триодин, 2013: 107). Вот здесь я полностью согласен с Вами. Да, это так. Но не государство в этом виновато, а прежде всего специалисты социально-культурных учреждений.

Затем снова поразительное противоречие в рассуждениях: «Хотя, по нашему мнению, назначение социально-культурной деятельности не только шагать в ногу со временем, но и опережать его (время-вперед!), вести в даль светлую» (Триодин, 2013: 107).

Прямо по А.В. Луначарскому, который считал, что «вера в будущее является одним из важнейших элементов строительства социализма».

А вот как В.Е. Триодин в процессе «культурного опустынивания да еще с поколением незнаек и образованцев, когда злокачественная опухоль поразила исходные нормативные документы», собирается опережать время, вести наше общество в даль светлую.

С 1990 года Владимир Евгеньевич пытаетесь построить гражданское общество средствами социально-культурной деятельности. Это покруче будет, чем идея строительства социализма в отдельно взятой стране или идея построения социализма с человеческим лицом.

Далее В.Е. Триодин решил доказать, что если и есть основания для достижения «дали светлой», то только за счет имеющейся специфической инфраструктуры социально-культурной деятельности.

В форме обучения перечисляются подвиды социально-культурной деятельности, обеспечивающие ее функционирование и тем самым созидательную деятельность общества - предприятия, торговля, здравоохранение, образование, культура и т.д. Здесь В.Е. Триодин пытается на скорую руку разработать модель специфической инфраструктуры социально-культурной деятельности. В ход пошло перечисление всего, что попало под руку в Интернете: «крупные торговые предприятия (такие, как молы (mall - аллея), ритейл - парки («Максидом», «О-кей»), которые стали присваивать себе черты классических социально-культурных учреждений; дома моделей и.т.д. В продуктовом магазине Елисеева, в «Пассаже» встроены театры. Площади в торговых комплексах сдают под новый формат -центр досуга для детей. Один из самых крупных центров - «Дивный город». Город в городе - «Кидбург», город профессий. Здесь тренеры обучают детей 50 профессиям. Торговые площади используют под лайф-стайл проекты (англ. lifestyle - образ жизни), где люди не просто делают покупки, а проводят часть жизни. На железнодорожных вокзалах появляются кинотеатры, залы для просмотра телепередач, читальные залы».

Перечислять полностью описание В.Е. Триодиным непрофильной деятельности, коммерческих учреждений торговли, питания, вокзалов и т.д. невозможно. Тем более давать этому оценку. Иногда просто невозможно вести диалог с человеком у которого носит звание заслуженного деятеля науки и у которого отсутствует элементарная логика.

Студентам известно, что инфраструктура - это система, одним из ведущих элементов которой является управление, централизованное финансирование, материально-техническая база, кадровый состав, обеспечивающие ее функционирование. Поэтому хотелось бы знать, что объединяет вышеперечисленные фрагменты социально-культурной деятельности в систему и откуда она финансируется, как ею

управлять и как называется эта инфраструктура?

Далее В.Е. Триодин усиливает набор доказательств: «Появился специальный термин «тимбил-динг» - корпоративный выезд на природу, направленный на повышение эффективности работы в команде. Под влиянием социально-культурной деятельности меняется отношение к труду, утепляется климат на производстве» (Гергиев, 2013: 108).

Ох, как я Вас понимаю, Владимир Евгеньевич, в этом плане.

Полностью с Вами согласен, когда выпиваешь не на свои деньги, а за чужой счет, то это очень сплачивает команду на время выпивона. С каждой рюмкой все теплее и теплее становится на душе. Но почему-то утром другого дня куда-то все улетучивается. Конфликты еще больше разгораются, рейдерский захват активизируется, эффективность работы в команде понижается. Многие топ-менеджеры на этом фоне лишились своих должностей. (Хорошо, что у них есть золотые парашюты для перехода на другую работу). А начальник главного следственного управления по Москве генерал Владимир Морозов так погулял за счет фигурантов уголовного дела, что его министр внутренних дел отправил в отставку в 53 года, хорошо, что с записью «на пенсию».

На предновогодней встрече журналистов с Президентом России В.В. Путиным (2013г.) поднимался вопрос о модных нынче корпоративных праздниках и всем стала известна позиция Президента РФ, его отрицательное отношение к «увеселениям за чужой счет», особенно за государственный.

Я отстаиваю точку зрения, что социально-культурная деятельность не может строиться по принципу, где главная цель - получение прибыли или где способом наживы выступают ночные клубы, система торгово-развлекательных центров, корпоративные вечеринки, которые никакого отношения не имеют к «социально-культурной деятельности», а дискредитируют ее, пользуясь ее формами, методами и выразительными средствами.

Поскольку социально-культурная деятельность отражает производственные и общественные отношения людей в обществе и государстве, а не наоборот, как считает В.Е.

Триодин, то по заслугам досталось и специалистам учреждений культуры и искусства. «Ни плеяда профессиональных деятелей культуры и искусства» не возвысили свой голос в защиту учреждений культуры, не предприняли действенных мер по их спасению. В этом и состоит их вина. И никуда от этого не деться» (Триодин, 2013: 110).

Затем, как настоящий идеолог, не ниже, очевидно, ранга секретаря ЦК КПСС, Владимир Евгеньевич, обвинив во всех грехах своих коллег, ставит конкретные задачи о том, что самим социально-культурным работникам надо решительно изменять себя. Единственным и неповторимым ориентиром для него является гражданская позиция В. Гергиева. «Он много ездит по стране и с каждым губернатором говорит об акустически совершенных залах, о культурных комплексах.

Ах, если бы и социально-культурные работники узрели смелость разговаривать с губернаторами, если бы они выработали для всенародного обсуждения проект «Социально-культурная Россия». Пора задуматься, как в стенах вузов культуры воспитать аристократов профессии, которые бы считали себя ответственными за все, что происходит в обществе, формировали вокруг себя оазис духовности, соединяли социум духовными скрепами. Социально-культурные работники всех стран, соединяйтесь!» (Триодин, 2013: 111). … Вот уж воистину образец «оговорки по Фрейду». Владимир Евгеньевич глубоко засел в Вашем сознании текста «Манифеста коммунистической партии» с его: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!».

Пример с В. Гергиевым, не имеет отношение к теме. Мне нравится Анна Нетребко. Но, это из другой оперы. Да, В. Гергиев фигура планетарного масштаба, но он не выпускник вуза культуры и искусств и не о социально-культурной деятельности он говорит с губернаторами.

Мы же гордимся выпускниками МГУКИ, которых не только научили разговаривать с губернаторами и людьми из других властных структур, но и подготовили так, что они сами могут работать губернаторами. Так, М.А. Мень, защитив диссертацию на ученую степень кандидата философских наук под моим научным руководством, уже работал в

Государственной Думе, затем вице-губернатором Московской области, затем назначен заместителем мэра города Москвы, и далее был избран на два срока губернатором Ивановской области, а сейчас назначен Президентом РФ В.В. Путиным министром строительства и ЖКХ РФ. А главное, он много лет и сейчас не теряет связи с вузом, является членом попечительского совета, представителем совета клуба выпускников МГИК. Моя аспирантка 3-его года обучения И.В. Кузьмина назначена заместителем губернатора Брянской области по социальным вопросам. Надеюсь, после защиты кандидатской диссертации ее карьерный рост будет продолжен.

В Красноярском крае много лет министром культуры работал кандидат педагогических наук Г.Л. Рукша (сейчас заканчивает докторскую), который также умеет разговаривать с губернаторами. В г. Орле работает доктор педагогических наук А.А. Лабейкин. Он два срока отработал в Госдуме, сейчас в области правая рука губернатора. Среди выпускников нашего вуза есть и ректоры вузов культуры и искусств, которые регулярно общаются с губернаторами.

Думаю, что и в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств есть такие же примеры. Вот об этом и хотелось бы почитать в Ваших статьях Владимир Евгеньевич.

А теперь посмотрим на вторую статью Триодина В.Е.: «Социально-культурная деятельность: между прошлым и будущим», опубликованной в «Вестнике Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств» в №4 2013 года, посвященного 95-летию Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

Структура статьи имеет многозначные смысловые подзаголовки.

Первый подзаголовок раздела статьи называется «Таинство рождения». Шикарное название! Нет никаких вопросов по содержанию материала, он отточен. Я разделяю желание автора о том, что «сегодня нужен еще один памятник - школьному и внешкольному работникам, одолевшим неграмотность». Жаль, что маловато, всего одна страница с небольшим для такой славной истории 95-летнего юбилея

знаменитого университета культуры и искусств. Правда, про сам Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств у автора статьи не нашлось ни одного доброго слова. Видимо, у В.Е. Триодина это уже в характере. Он может кого-то или что-то похвалить кому-то назло.

Второй подзаголовок «Фастфуд от культуры» - вот это уже другая песня. Здесь автор сразу резко перешел к сегодняшнему дню, и вновь «грозно» звучит его возмущение, обличение, разоблачение, «от улыбки Ю.Гагарина, до ухмылки Р. Абрамовича». Досталось всем!

Потом, подобрев немного, от личностей перешел к обвинению всех специалистов социально-культурной деятельности: «Справедливости ради надо сказать, что в отчуждении учреждений культуры от народа повинны и они сами. Социально-культурные институты не пустили глубоких корней в массы, не срослись с теми, для кого были предназначены. Никто не вышел на Болотную площадь с лозунгом: руки прочь от учреждений культуры» (Триодин, 2013: 9).

Как видим - постоянные обвинения старшего поколения. Вообще - это позиция Попа Гапона. А Вы, господин Триодин, почему лично не вышли на Болотную площадь? И повели бы за собой людей? Дело в том, что за Вами никто не пойдет, потому что никто Вам не верит. А во-вторых, Вы, сами то, людей не любите, если не сказать больше.

Далее, по тексту статьи. В.Е. Триодин убивается, что «СКД перепрофилируется в своеобразную службу быта по оказанию услуг населению». Идет описание того, что происходит в образовании, торговых площадях, кто такие шопоманы, что такое шопинг, молл. «Возникло даже такое понятие, как виндоуз-шопинг, покупка витрин. Шоп - это не магазин. Шоп - голова, ориентированная на магазин» (Триодин, 2013: 9) и т.д., то есть обо всем, что возникло в голове у Владимира Евгеньевича, когда он писал, думал о чем угодно, но только не о социально-культурной деятельности.

Завершая подзаголовок «Фастфуд от культуры», автор статьи пишет: «Прикинем итоги. Образование, просвещение уступили место фастфуду от культуры, социально-культурному

трэшу (с англ. - мусор). Все хорошо. Вот только пить из новых социально-культурных колодцев нельзя - козленочком станешь» (Триодин, 2013: 9).

Ну, Владимир Евгеньевич - это уже диагноз. Чувствуется, что Вы хлебнули капитально из «новых социально-культурных колодцев», вот и стали…

Хочу напомнить читателю, что речь идет о передовой статьи, посвященной 95-летию юбилея университета.

Целиком и полностью с Вами согласен, господин В.Е. Триодин, что у Вас голова действительно полна социально-культурного трэша. Только в этом случае видный ученый СКД требует, чтобы люди вышли на Болотную площадь. Последствия подобных выходов мы особенно наглядно наблюдаем сейчас на Украине. А начиналось все безобидно, на Майдане в Киеве в начале 2014 года.

Следующий подзаголовок статьи В.Е. Триодина называется: «Распад педагогического сознания». Ну это вообще! Как в России говорят, «с больной головы на здоровую». Здесь, как обычно, название не отвечает содержанию. Оно оскорбительно во всех смыслах. Это следствие высокомерного стиля автора, «логики» его мышления. И здесь о педагогах не сказано ни слова, он их просто игнорирует, их вроде и не существует в природе. В статье упоминаются две фамилии: Ариарский М.А. бывший заведующий кафедрой СКД и Жарков А.Д., который не работает на кафедре. Чтобы отвлечь внимание читателей, В.Е. Триодин решил сначала набрать очки за счет критики министра образования и науки РФ Д. Ливанова.

Разогревшись на обличении министра образования Д. Ливанова, дальше стал действовать по принципу «бей своих, чтоб чужие боялись». Насколько мне известно, самым близким человеком последние лет 20-25 для В.Е. Триодина был М.А. Ариарский, который и как заведующий кафедрой и как просто порядочный человек все время и по работе, и по-человечески помогал В.Е. Триодину.

«Нельзя утверждать, - пишет В.Е. Триодин, - что у государства есть социально-культурная функция… Социально-культурная деятельность - это, безусловно, институт гражданского общества, который функционирует в

соответствии с принципами общественной организации креативного творчества людей».

Допустим, у государства действительно нет социально-культурной функции, что социально-культурная деятельность, безусловно, институт гражданского общества. Почему же тогда существуют государственные университеты культуры с социально-культурными факультетами? Почему существуют государственные учреждения культуры: клубы, библиотеки, музеи и т.д.?» (Триодин, 2013: 11).

Оказывается, М.А. Ариарский даже не знал, что «существуют государственные университеты культуры с социально-культурными факультетами» и т.д.

Хочется еще раз напомнить читателю, что подзаголовок называется «Распад педагогического сознания». Именно сюда и попал уважаемый М.А. Ариарский. Больше Вы не найдете ни одной фамилии педагогов кафедры социально-культурной деятельности СПбГУКИ в юбилейной статье. Их на кафедре социально-культурной деятельности просто не существует. Впечатление такое, что и самой кафедры не существует, ее как будто не было и нет в природе. Но если нет ни одной фамилии педагогов кафедры социально-культурной деятельности, то у кого из них могло произойти распад педагогического сознания?

Я горжусь тем, что в самые тяжелые 90-е годы XX века у меня сложились дружеские отношения со многими педагогами СПбГУКИ. По сей день продолжаю с огромным уважением рассказывать студентам и педагогам МГИКа о великих педагогах СПбГУКИ, чье педагогическое сознание всегда было на высшем уровне. Это золотой фонд нашей страны. Семьями дружили с Е.Я. Заозерским, Д.М. Генкиным, самые теплые отношения с П.А. Подболотовым, А.А. Коновичем, С.Н. Иконниковой, Г.М. Бирженюком, П.А. Марковым, С.Т. Махлиной, А.З. Свердловым, А.А. Сукало, И.В. Болотниковым и другими. Это великие люди, которые действительно многие годы были и являются лидерами в своих научных пристрастиях, но и много сделавшие для развития социально-культурной деятельности в нашей стране и за рубежом.

Исходя из моего реального миропонимания, считаю, что и с точки зрения научной, теоретической и практической, и

человеческой следует всемерно позиционировать деятельность бывшего председателя общероссийской общественной организации «Российский творческий Союз работников культуры», художественного руководителя Государственного бюджетного образовательного учреждения «Дворец учащейся молодежи» Санкт-Петербурга, народного артиста РФ, профессора Ю.П. Смирнова. Юрий Павлович - музыкант от Бога и Человек от Бога. Во всем мире Ю.П. Смирнов известен как великий музыкант, но главное, что он для социально-культурной деятельности - первое лицо был и остается. Это тоже человек общепланетарного масштаба, как и Гергиев. Вот, на мой взгляд, истинный пример для подражания специалистам социально-культурной деятельности.

Следующий подраздел юбилейной статьи В.Е. Триодина – «Границы социально-культурной деятельности» – можно сказать, полностью посвящен А.Д. Жаркову, начинается со следующего текста: «А.Д. Жарков утверждает, что социально-культурная деятельность как научная дисциплина создана на базе учреждений культурно-досугового и социально-культурного типа» (Триодин, 2013: 11).

Я не только утверждаю, но и доказываю всей своей жизнью эту концепцию. Многие солидные ученые России и США разделяют эту точку зрения.

И далее В.Е. Триодин пишет: «Логика профессора завораживает. Нет базы - увольте. Ученый, как Пилат, умывает руки. На этом пути исследователя ждет много диковинок. Если, к примеру, художественная самодеятельность приютилась во Дворце культуры, из нее может пробиться росток теории. А запоют а-ля бурановские бабушки в чистом поле, наука обойдет их стороной» (Триодин, 2013: 12).

Как умывал руки Пилат, это известно только В.Е. Триодину, специалисту по истории социально-культурной деятельности. Конечно, лестно, что Вы, Владимир Евгеньевич, подняли меня на такой высокий уровень сравнения. Ну, а сами-то, Вы, этим сравнением даете понять, что Вы Иисус Христос?

Что касается бурановских бабушек, то Вы в очередной раз продемонстрировали свою профессиональную некомпетентность. Вам следует знать, что в технологии

социально-культурной деятельности есть такой механизм, который называется «бизнес-план». Бурановскими бабушками занимался Первый канал ТВ. И если бы под Евровидение не было создано фундаментальной материально-технической базы, то «бабушки» всю жизнь реализовывались бы в чистом поле и Вы бы никогда о них не узнали. А конкретно по смете «Евровидение» Вам надо обратиться к доктору педагогических наук, профессору А.А. Коновичу, который, в отличие от Вас, занимается конкретным делом. Он объяснит Вам роль продюсера в этом процессе, финансовую стоимость этого проекта, а заодно, что такое фандрайзинг. Если бы Вы увидели всю смету этого проекта, то Вам бы стало плохо. Просто это еще раз доказывает, что Вы виртуальный человек, который по верхам судит о том, что попало в поле Вашего зрения. Читайте статью в газете МК за 2014 г., 26 января или в Интернете «Как бурановских бабушек сбросили с парохода шоу-бизнеса».

Далее В.Е. Триодин пишет: «Вопреки А.Д. Жаркову социально-культурные институты сами «пошли в народ». Под открытым небом стали работать библиотеки. Музеи создают художественные мили (копии произведений классиков мировой живописи, выставленные на обозрение все стен музеев). Ко дню 310-летия Санкт-Петербурга на ступенях Исаакиевского собора выступил хор из 4335 человек в сопровождении Большого симфонического оркестра. Звучали популярные песни, которые подпевали 58 тысяч зрителей. Акция Исаакиевского собора занесена в Книгу рекордов России» (Триодин, 2013: 12).

Каждому студенту ясно, что без фразы «вопреки А.Д. Жаркову», которую В.Е. Триодин приписал к изложению известного всем факта, его статью никто бы не стал читать. Здесь В.Е. Триодину хочется напомнить слова М. Жванецкого: «Сынок, имей совесть, а дальше делай что хочешь». А поскольку М. Жванецкий для В.Е. Триодина не авторитет, то читатель вместо правдивого изложения материла и дальше будет совершать круизы по лабиринтам триодинских старых записок. Ведь любому необразованному человеку ясно, что такое событие как 310-летие Санкт-Петербургу не могло состояться без профессионалов-специалистов, для которых была составлен бизнес-план, вовлечена смета расходов и большая

армия активистов, людей любящих, свой город.

Невольно возникает вопрос к автору статьи: а Вы-то, В.Е. Триодин, на какой кафедре работаете? Чем занимаетесь практически, конкретно?

Неужели нечего было сказать о прославленной в России кафедре социально-культурной деятельности? Вряд ли! Проблема в другом. Я уже об этом писал. Вы не хотите доброе слово сказать о тех, с кем работаете.

Поэтому и дальше идет текст: «Есть над чем задуматься педагогическому корпусу вузов культуры. Его выпускники отличные гики (одержимые наукой, новыми технологиями). Но вот искусству ладить с людьми их не учат» (Триодин, 2013: 14).

С чего вы взяли? Искусству ладить с людьми учат во всех вузах культуры и искусств страны, в том числе и в том, где Вы работаете. Другое дело, что Вы этим не занимались никогда. А у Вас именно с искусством ладить с людьми самые большие проблемы.

Именно овладение студентами любой специальности в вузе культуры перцептивно-коммуникативным процессом (общением) и есть главная общекультурная и профессиональная компетенция.

Заканчивается юбилейная статья вырезкой из предыдущей статьи о В. Гергиеве. Слово в слово. «Вот бы социально-культурным работникам (не специалистам, а по социалистически - работникам) научиться так, как В. Гергиев, разговаривать с губернаторами». (Триодин, 2013: 14). Причем, как настоящий аристократ, Вы специалистов социально-культурной деятельности всегда называете только работниками. Вы и с гражданской позицией В. Гергиева не разобрались до сих пор. Дело не в умении В. Гергиева говорить об акустике с губернаторами и т.д., а в том, что В. Георгиев считает, что работа дает человеку «возможность гордиться своей страной, любить ее честнее, откровеннее» (Гергиев, 2013: 4). К сожалению, у Вас я не обнаружил ни того, ни другого, ни третьего. Вы вообще кого-либо любите: свою работу, свой институт, город?

Ваш любимец В. Гергиев, словно услышав нашу полемику, отвечает Вам так на Вашу позицию: «Я не верю, что

мы живем в обществе глупцов, лгунов, что сплошь да рядом лишь чиновники-бюрократы. В стране сохранилась интеллигентная элита. Есть люди, которые хотят добиться каких-то здравых, умных результатов» (Гергиев, 2013: 4). К этим людям В. Гергиев и относит старшее поколение специалистов культуры и искусства, которое Вы не воспринимаете, и, конечно, огромную армию педагогов и сотрудников вузов культуры и искусств РФ, и специалистов учреждений социально-культурного и культурно-досугового типа.

Таковы мои критические заметки на Ваши статьи, уважаемый Владимир Евгеньевич.

P.S. Владимир Евгеньевич, если любого человека долго доставать, то он ответит. Не смотря на критику здесь для вас много положительного. Я вам сделал такую рекламу, которую вы сами себе никогда бы не сделали! Весь вопрос в том, что на это дело жалко тратить драгоценное время! Я Вам так поднял высоко индекс цитирования, что Вы теперь можете долго отдыхать от научной деятельности.

Желаю, вам, Владимир Евгеньевич, счастья! Искренне Ваш, А.Д. Жарков.

ЛИТЕРАТУРА

Гергиев В. 2013. Устать не имею права! - Аргументы и факты. № 52.

Триодин В.Е. 2013. Когда же придет настоящий день социально-культурной деятельности? - Вестник СПбГУКИ. № 3: 104-111.

Триодин В.Е. 2013. Социально-культурная деятельность: Между прошлым и будущим. - Вестник СПбГУКИ. № 4: 8-14.

Жарков А.Д. 2015. Влияние пространства-времени на функционирование социально-культурной деятельности. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 282-287.

Жарков А.Д. 2015. Власть культуры, культура власти актуальная планетарная проблема в современном мире. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 288-297.

Ярошенко Н.Н. 2012. Развивающая среда и социально-культурная деятельность в контексте педагогики культуры. - Вестник МГУКИ. № 6(50): 130-134.

Получена / Received: 08.10.2015
Принята / Accepted: 20.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 759-774

Культура мира - методологическое основание для мотивационного развития личности средствами социально-культурной деятельности

Л.С. Жаркова

Московский Государственный Университет Культуры
141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная д.7
Moscow State University of Culture
Library str. 7 , Khimki, Moscow Region 141406 Russia
e-mail: mgukidissov@mail.ru

Ключевые слова: культура мира, методологическое основание, мотивационное развитие личности, социально-культурная деятельность.
Key words: culture of peace, the methodological basis, motivational personal development, social and cultural activities.
Резюме: В статье рассматривается культура мира как методологическое основание для мотивационного развития личности средствами социально-культурной деятельности. Концепция культуры мира рассматривает мотивацию как целостную систему сложившихся смыслов значений, традиций, норм и образцов, которая обладает вариативностью, динамичностью, инертностью и консервативностью, способна зримо выявлять закономерности человеческого бытия, где социально-культурная деятельность выступает универсальным способом связи между миром личностной субъективности и всеобщим духовно-творческим посылом.
Abstract: The article deals with the culture of peace as the methodological basis for the development of the individual motivational means of social and cultural activities. The concept of a culture of peace considers motivation as an integrated system established meanings of values, traditions, norms and patterns that has variability, dynamism, inertia and conservatism, is able to visibly identify patterns of human existence, where socio-cultural activities in favor universal way of communication between the world of personal subjectivity and universal spiritual and creative promise.
[Zharkova L.S. Culture of Peace - methodological basis motivation for personal development means socio-cultural activities**]**

Культура мира является одной из наиболее глобальных идей современности. Концепция культуры мира в глобальном масштабе может быть реальной, если в качестве ее основы будет достигнуто равновесие альтернативных культур внутри каждой страны, каждой семьи, каждой отдельной личности.

Это позволит обеспечить возможность представителям различных национальностей самоидентифицироваться как

носителям своей национальной культуры, уклада жизни своего народа, его традиций, норм и ценностей и создать условия для вступления в диалог с инокультурным окружением, включившись в современные общемировые культурные процессы.

Моделирование социально-культурной деятельности как технологии реализации концепции культуры мира является одной из важнейших задач деятельности учреждений социально-культурного и культурно-досугового типа.

Методологическим основанием для мотивационного развития личности становятся положения Декларации и Программы действий ООН в области культуры мира. В этих документах содержатся конкретные приоритетные направления социально-культурной деятельности, которые могут стать сущностью социально-культурных и культурно-досуговых программ и проектов в период подготовки и проведения международных праздников.

Мировое сообщество и в его лице современное человечество пришло к осознанию того, что право человека свободно участвовать в культурной жизни всего мира, хотя и обеспечивается, еще только в начале пути. Как показывает международный опыт, культурную деятельность необходимо стимулировать как со стороны государства, так и частных компаний и меценатов. Тогда мотивационное развитие личности будет соответствовать мировым тенденциям.

В «Декларации прав культуры», предложенной академиком Д.С. Лихачевым, говорится: «Участие в культурной жизни есть неотъемлемое право каждого гражданина, поскольку человек является творцом культуры и её главным творением. Свободный доступ к культурным объектам и ценностям, которые по своему статусу являются достоянием всего человечества, должен быть гарантирован законами, устраняющими политические, экономические и таможенные барьеры» (статья 5).

«Все системы культуры современного мира используют тот ли иной (или несколько сразу) из перечисленных выше каналов передачи сообщений. Любопытно, что, какими бы ни были специфические особенности различных способов передачи

сообщений, все они подчиняются определенным общим законам. Совокупность этих законов и составляет теорию коммуникации, которая изучает то общее, что имеется во всех актах коммуникации, независимо от конкретной природы используемых знаков.

Элементарный акт коммуникации предполагает, во-первых, существование отправителя сообщения, который выбирает из определенного набора (перечня) какое-то количество знаков и располагает их по известным законам, во-вторых, канал, по которому передается сообщение в пространстве и времени, и, наконец, получателя, который, осуществив прием знаков, составляющих сообщение, и идентифицировав их с помощью имеющегося у него перечня, воспринимает заключенные в множестве этих знаков формы, закономерности, и значения и вводит их в свою память, где они в дальнейшем и хранятся, в той или иной степени подверженные процессам забывания» (Моль, 1973: 126).

Социально-культурная деятельность в нашей стране, представляющая потенциально один из наиболее эффективных институтов воспитания, образования, культурации, оздоровления, социализации, располагает широкими возможностями для поиска наиболее продуктивных способов мотивационного развития личности на основе реализации концепции культура мира, отвечающей интересам всего человечества, позволяет принять участие в достижении целей посредством двух механизмов. Это повышение общественной значимости концепции «культура мира», чтобы к ней был проявлен такой же интерес, как к экономическому развитию и социальному благосостоянию. А другой механизм - побудить тех, кто в стране принимает решения на муниципальном, региональном, общенациональном уровнях, учитывать культурные интересы в мировом масштабе.

На наш взгляд, оба понятия, принципиально важны для выстраивания процесса мотивационного развития личности в социально-культурном измерении.

На начальной стадии процесса мотивационного развития личности средствами социально-культурной деятельности

необходимо вызвать интерес к культурному наследию мира, сняв культурную ограниченность.

У участника социально-культурной деятельности творчество есть отражение действительности. Действительность представлена в виде «мозаики». Как отмечает А. Моль: «Новые сферы применения, каждый человек создает свои собственные идеи и пускает их в общественный обиход, в свою очередь он черпает идеи из своей социальной среды, обновляет свои взгляды, обогащает свою культуру новыми элементами.

Творчество, таким образом, не есть редкостная и удивительная привилегия незаурядных личностей, ибо большинству людей свойственно творить новое в их повседневной жизни. Различия между разными людьми в этом отношении носят лишь количественный характер, они определяют большую или меньшую социально-значимую ценность того, что создает тот или иной человек, а также то, насколько часто он занимается творческой деятельностью, что в свою очередь зависит от его образа жизни. Творческая способность есть особое умение оригинальным образом перестраивать элементы в поле сознания так, чтобы эта перестройка обеспечивала возможность выполнения некоторых операций в поле явлений» (Моль, 1973: 108).

Прежде всего следует помнить, что культура мира не подлежит какому-либо искусственному конструированию либо директивному введению с помощью решения законодательного или исполнительного органа власти. Культуру мира нельзя культивировать в приказном порядке. Ее можно терпеливо выращивать, опираясь на инициативу социальных слоев населения, обеспечивая государственную и общественную поддержку распространению идей и методико-практических наработок отдельных организаций и ученых.

Культура мира в различных научных трудах и обществах неоднократно становилось предметом дискуссий, но каждый раз в качестве не самостоятельной проблемы, а объекта общего философского видения исторического процесса. Когда менялись исторические условия и научные подходы к их трактовке, тема эта становилась актуальной.

Проявление большого интереса к анализу культуры мира, ее роли и потенциальных возможностей во взаимодействии между народами было связано с появлением общечеловеческих проблем. Культура мира существует в любой цивилизации, которая определялась именно по культурным принципам. Современному использованию понятия «культура мира» соответствует ее трактовка как социально-культурной системы, включающей в себя и материальную, и духовную стороны общественной жизни.

Соединение в органическое единство социального и культурного начал общественной жизни позволило создать новое значение, которое состоит из множества разрозненных обществ и культур, часто противоположных по позициям и подходам, а также средствам воспроизведения.

В истории развития мира всегда рассматривались два уровня - глобальный и локальный.

Концепции локальных культур начали разрабатываться со второй половины XIX века в противовес идее единства исторического процесса, эволюционистскому подходу к культуре.

Множественность культур позволила добиться права каждой из них на самостоятельное существование и развитие, чтобы служить одним из оснований плодотворного взаимодействия и диалога культур. Различные концепции локальных культур по их идейной направленности следует рассматривать как многослойный конгломерат различных социально-политических ориентаций и отражающих различные умонастроения.

Наиболее яркими представителями концепции локальных культур являются Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби.

Здесь следует отметить идеи органической целостности каждой культуры, неповторимой индивидуальности культурно-исторических типов. В истории развития человечества индивидуальное и общее действуют как отдельно, так и интеграционно. С возникновением мирового рынка, процессами глобализации, развитием транспорта, связи возрастает значение общения.

Поэтому соотношение единства и многообразия, общего и особенного является одной из важных проблем на уровне концептуального подхода к анализу истории, независимо от согласия с тем, что существует ли единая общепланетная культура, которая проявляется в многообразии культур, или что целесообразнее рассматривать ее в методологическом плане, на глобальном и локальном уровнях.

На наш взгляд, локальные культуры возникли в тот период, когда перед человечеством еще не встали со всей остротой глобальные проблемы и угрозы, ответ на которые может быть найден не в рамках той или иной локальной культуры, а в масштабе всей планеты, усилиями всего человечества.

Система отношений культуры и истории выкристаллизовывалась постепенно в развитии философско-исторической мысли. В концепциях Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера основополагающим является понятие культуры. Именно культура как духовное начало формирует ту замкнутую историческую целостность, которая способна переживать самостоятельный жизненный цикл, определяющий судьбу народа, его истории. Н.Я. Данилевский считал, что история складывается из совокупности культурно-исторических типов или локальных культур. Цивилизацию Данилевский рассматривает как период расцвета культуры, взлета творческой активности, выявления духовных возможностей народов в деятельности в области науки, искусства.

Эту проблему А. Тойнби рассматривал в качестве основополагающего базиса культуры, которую считает конституирующим формообразующим началом.

В контексте нашего исследования наиболее точной является концепция В.М. Межуева, который полагает, что цивилизация имеет дело с частичным человеком, а культура - с целостной личностью. Именно это определяет механизм мотивационного развития личности. Эту концепцию можно оценить как выявление одного из аспектов взаимоотношения культуры и мотивации. Идеал целостной личности - идеал европейской культуры, и если именно ее сопоставлять с реальностью современного общества, то гуманизирующая роль

этого идеала становится методическим основанием для мотивационного развития личности.

Исторически культура старше цивилизации, так как возникла вместе с человеком и обществом. Социогенез был одновременно и культурогенезом. В культуре воплощены надбиологические механизмы трансляции его опыта и знаний, его «социальная память», на основе которой личность способна развиваться, творить и вносить в историю нечто новое. Культура мира определяет специфику способа существования всех доцивилизованных сообществ.

Концепция «культура мира» поднимает проблему острой необходимости выработки перспективной стратегии, которая соединит задачи выживания человечества, научно-технический прогресс и интересы свободы, развития и самоопределения, самопознания, самосовершенствования, самоутверждения, т.е. рефлексии, точнее, мотивационного развития личности.

В границах конкретной страны типы культуры, которые не интегрируются с главенствующей культурой этой страны, не обогащают её и остаются обособленным придатком, существенно ослабляют культурную конкурентоспособность этой страны в мировом культурном пространстве. Значительно ослабляется её потенциал для вывода своих этнокультурных технологий на общемировой уровень.

Ведущие державы, располагающие в мировом культурном масштабе сверхмощными информационными ресурсами, обретают право на выработку собственных культурных доктрин, далеко не всегда и не по всем позициям согласующихся с концепцией гуманитарно направленного развития культуры мира.

Отсюда, отношение людей к ведущим державам мира становится отстраненным, безразличным, стоическим. Зачастую просматривается активно враждебная позиция в отношении друг к другу, где каждая из сторон может с негодованием отрицать культуру и обычаи соседей, но при этом уклоняться от прямого конфликта с ними.

Еще Аристотель отмечал, что отношения между теми, кто терпит, и теми, кого терпят, в чем-то сродни отношениям господства и подчинения, как их понимал Аристотель, - «и то, и

другое требует воспитанных в демократическом духе граждан» (Аристотель, 1984: 377). Сама по себе терпимость часто недооценивается, ее склонны считать наименьшим из того, что мы можем сделать для окружающих нас людей и на что они имеют право рассчитывать.

К смыслообразующим понятиям концепции «культура мира» относится термин «общемировое культурное наследие», который используется во всех документах ООН и ЮНЕСКО, касающихся взаимоотношений государств в области культуры. Достаточно сказать, что еще Гаагская конвенция ЮНЕСКО о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта определила: «Ущерб, наносимый культурным ценностям каждого народа, является ущербом для культурного наследия всего человечества, поскольку каждый народ вносит свой вклад в мировую культуру».

В этом документе раскрывается содержание понятия «культурные ценности каждого народа», входящие в общемировое культурное наследие. Данным термином обозначается совокупность культурных явлений, движимых и недвижимых культурных объектов, которыми обладают отдельно взятые страны и народы.

Методологическим основанием концепции «культура мира» является понятие принципов как фундаментальных положений, на которых основывается вся социально-культурная деятельность в рамках международного культурного сотрудничества и международного культурного обмена. Методологически можно выделить общие (базовые) и частные принципы. К общим (базовым) относятся зафиксированные принципы международного права, распространяющиеся не только на политические и экономические, но и на социальные и культурные отношения.

Частные (специальные) принципы включают в себя: равенство культур государств, народов, наций, народностей, национальных и этнических групп; служение культуры делу мира; взаимовыгодность культурного сотрудничества; обязательность защиты культурных ценностей во имя мира.

Поэтому социально-культурная деятельность направлена на международное взаимодействие и сотрудничество в самых

различных областях духовной жизни личности в информационном и образовательном пространстве (телевидение, радио, пресса, международный книгообмен, Интернет-сеть, школы, средние специальные и высшие учебные заведения и др.), различных видах и жанрах искусства, туризме, спорте, народном творчестве, научных исследованиях, области досуга и развлечений и т.д.

В данном контексте субъектами международного культурного сотрудничества выступают международные организации и прежде всего Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), множество международных, межгосударственных, межрегиональных ассоциаций, союзов, советов, обществ и других организаций, работающих в области культуры, науки, образования, туризма, спорта, искусства, а также в каждой из стран правительственные и неправительственные учреждения и организации.

Создание в Москве городского центра культуры мира в рамках государственного учреждения «Московский Дом национальностей», на правах его структурного подразделения, стало существенным событием в создании условий для мотивационного развития личности. Вместе с Центром межнационального образования «Этносфера» и другими организациями «Московский Дом национальностей» участвует в реализации Комплексной городской программы «Москва на пути к культуре мира».

Московский городской центр культуры мира взаимодействует с муниципальными органами и общественными организациями в разработке и реализации целевых (частных) программ, создании и регулярном пополнении Банка данных о социально-культурных программах и акциях, содействующих решению задач Комплексной программы. Центр регулярно информирует широкий актив о возможных партнёрах для сотрудничества; анализирует результативность проектов и программ, выполняемых или предлагаемых организациям-заказчикам; взаимодействует и обменивается опытом с центрами культуры мира в Российской

Федерации и за рубежом, что является методологическим основанием для мотивационного развития личности.

К наиболее распространенным формам социально-культурной деятельности в данном направлении, на наш взгляд, относятся вечера дружбы и международного сотрудничества; выставки произведений искусства, выступления художественных коллективов, обмен делегациями, отдельными исполнителями; совместная работу по созданию культурных ценностей; научно-исследовательская деятельность; проведение международных фестивалей и конкурсов по всем видам и формам художественного творчества и т.д.

Сохранение культурных ценностей, реставрация объектов культуры, возврат вывезенных ранее культурных ценностей (реституция) и т.д. является методологическим основанием для мотивационного развития личности. Велика мотивация особенно у молодежи на охрану культурных ценностей, на проведение общественных работ, археологических раскопок, во время стихийных бедствий, при охране объектов культуры, в борьбе с хищениями культурных ценностей и т.д.

Эффективными способами мотивационного развития в области межгосударственного культурного сотрудничества являются культура, наука и образование. Мотивация личности на культурное сотрудничество между странами-партнерами и участие в реализации совместных культурных проектов и программ социально-культурной деятельности в сферах образования, искусства, туризма, спорта, социально-культурной реабилитации наиболее популярны.

Концепция культуры мира наиболее эффективно воздействует на мотивационное развитие личности потому, что позволяет личности целостно взглянуть на мир. Это объясняется тем, что сознание личности - синтез, взаимообусловленность, уникальная конфигурация и способ связи всех элементов личности с миром.

Культура мира рассматривается автором монографии как ведущий способ воспитания планетарного сознания личности.

Культура мира с точки зрения мотивационного развития личности есть идеалосообразная деятельность, где идеалы - это общественный феномен, имеющий свой смысл, содержание и

структуру: личные или субъективные, народные или национальные, всенародные или общечеловеческие.

Сущностью идеала, на наш взгляд, являются общечеловеческие ценности: свобода, истина, добро, уважение друг к другу, возможность их дополнения специфическими народными идеалами и личностными. Отсюда, огромное разнообразие мотивов у личности через предпочтение идеалов многонациональной, элитной, массовой, региональной, корпоративной культур и т.д. Здесь общественный идеал выступает в форме сложной духовной системы, состоящей из ряда взаимосвязанных структурных компонентов. Универсальный общественный идеал в свою очередь распадается на ряд относительно самостоятельных идеалов: политический, нравственный, религиозный, эстетический и т.д. Каждый из них может быть представлен как относительно самостоятельная система культуры, где основной идеал оказывается тесно переплетенным с другими и находится с ними в отношениях системного единства и соподчинения.

Вот почему Х.А. Ливрага рассматривал «идеал - как сущность, пребывающую в высшем измерении, превосходящем то, в котором живет наше обыденное сознание. Душа может на мгновение неясно различать его. Я имею в виду идеал в буквальном смысле слова. Мое понимание идеала связано с представлениями о цели, одновременно намечающая и определяющая путь - напряженную линию сознаниям личности между ее природным и избранным высшим состоянием, ибо духовное сознание стремится слиться с идеалом».

Культура мира как методологическое основание для мотивационного развития личности содержит один из ведущих компонентов сознания личности - ценностные ориентации. Ценностный мир личности не является системой изначально заданных, вечных идеалов, он своеобразно проявляется в процессе мотивационного развития личности. Это обусловлено тем, что принимающий конкретные формы воплощения, существующий в той или иной социальной, национальной или личностной оболочке идеал ориентирует личность на соответствующие ценности, направляя ее деятельность. Все виды деятельности в культуре способны сопрягать логику и

интуицию, закономерность и произвол, понятие и воображение, конкретные факты и фундаментальные идеи на основе мотивации.

Мотивация становится центральным звеном целостной системы ценностей для личности, обусловленной характером ментальности, особенностями национальных обычаев, традиций, типом личности и уровнем пассионарности участников культурного процесса.

Концепция культуры мира должна рассматривать мотивацию как целостную систему сложившихся смыслов значений, традиций, норм и образцов, которая обладает вариативностью, динамичностью, инертностью и консервативностью, способна зримо выявлять закономерности человеческого бытия, где социально-культурная деятельность выступает универсальным способом связи между миром личностной субъективности и всеобщим духовно-творческим посылом.

Концепция «культура мира» реально существует в смысловом поле настоящего, она есть то, что актуализируется. А то, как открывается и расшифровывается накопленное культурное, зависит от реальных, живых структур этого сознания, от «культурных структур», обступающих нас «извне» и «изнутри» обеспечивающих саморегуляцию мотивационного развития личности. При этом само наличное мотивации личности динамично, в нем постоянно происходят трансформации, смещения, перестановки, работают психоаналитические «защитные механизмы».

Теория социально-культурной деятельности пока находится в начале своего пути по реализации концепции «культура мира» как методологического основания мотивационного развития личности.

Именно здесь появляются самые фантастические идеи, самые невозможные предположения, куда каждая личность может заглянуть как в сокровищницу народной мудрости. Каждому доступны книги, сборники пословиц и поговорок, в которых собраны мысли великих людей о труде, таланте, упорстве, энергии, мастерстве, увлеченности, обо всем, что

связано с постижением вышеперечисленных знаний, умений и навыков.

Помимо науки и искусства, которые выступают как средства в достижении целей жизни личности, существует еще целый набор средств интеллектуально-эмоционального воздействия социально-культурной деятельности, значительно расширяющих и обогащающих возможности учреждений культуры в создании условий для личности в «прикосновении» к общечеловеческим таинствам, определяющим смысл жизни. А.Д. Жарков отмечает: «Если творчество необходимо для создания благ, а последние - для здоровья и жизни, то истина как процесс и результат творчества познавательно-исследовательской деятельности необходима для творчества в любой сфере. Творчество - это деятельность не только утилитарного и познавательно-исследовательского характера, но и нравственного и особенно ярко - художественно-эстетического. Последняя связана со всеми эмоциональными и интеллектуальными дарованиями личности в учреждениях социально-культурного и культурно-досугового типа»(Жарков, 2012: 107).

Достижение цели личности в условиях досуга происходит очень трудно, ибо здесь совершается процесс управления не целями, а мотивами деятельностью личности, ее развитием, когда необходимо добиться совпадения законов развития природы и общества с законами и логикой развития личности на основе простой, но методологически верной формулы: «культура мира - планетарное сознание личности».

Поэтому воспитание планетарного сознания личности является одним из компонентов концепции «культура мира» как методологического основания мотивационного развития личности. Система личностных и общественных мотивов, различных слоев, групп и категорий населения, пути достижения целей неодинаковы. Они зависят от уровня развития, образования, социального положения и других особенностей личности.

Для этого личности надо быть вооруженной знаниями, принципами, законами, категориями диалектики. Диалектика - теория и метод познания явлений действительности,

представляющая собой методологическую основу всех наук, в том числе педагогики и конечно «Теории, методики и организации социально-культурной деятельности».

Объективный порядок в субъективном мире не какое-то изначально данное свойство, а лишь следствие строгих законов деятельности во всех сферах жизни. Разносторонняя система жизни обычно проявляется и формируется в конкретней ситуации. Эта система организуется уже сложившимися устоями, укладом жизни, уровнем культуры людей.

Длительное изучение отдельных культур мира по развернутой концепции «культура мира» показывает наличие у них великого множества психических состояний и качеств, но главное - сознание личности. «Сознание - это высшая, свойственная только людям и связанная с речью функция мозга, заключающаяся в обобщенном и целенаправленном отражении действительности, в предварительном мыслительном построении действий предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтролировании поведения человека» (Спиркин, 2006: 350).

Самым трудным делом оказывается умение обнаружить уровень сознания личности. Это трудно, потому что характер сознания является не просто суммой черт, а их качественным сочетанием с потребностями, интересами, мотивами, психологическими установками и т.д.

Концепция «культура мира» - самый высокий уровень социально-культурного измерения мотивационного развития личности.

Исходные положения обозначенной проблемы определяются тем, что для духовно-культурного и материального обустройства жизни современного общества необходима продуктивная деятельность людей, обладающих высоким уровнем сознания. Творческие качества личности: социальная мобильность, восприимчивость к инновациям, творческая активность, культурно-творческая инициатива развиваются на базе мотивов по всем направлениям вышеперечисленных качеств. Мотивируются даже различные направления творческой деятельности личности.

Это может быть научное, художественное, производственное творчество и т.п. В каждом из них реализуется творческий потенциал личности как система личностных характеристик, находящихся в сложном процессе взаимодействия.

Концепция «культура мира» как методологическое основание мотивационного развития личности определяется как личностно-мобилизируюший процесс, оказывающий существенное влияние на целостный характер развития социально-ценных качеств личности, проявляющихся в сложной системе взаимодействия возрастных и индивидуальных особенностей. Мотивационное развитие личности может быть направлено на самореализацию в художественно-творческой и проектной деятельности, связанных с культурой мира.

Поскольку педагогический процесс в социально-культурной деятельности является многофункциональным, а функции это назначение, роль, ради которых возник и существует социально-культурный, целенаправленный процесс, который реализуется через передачу знаний, умений и навыков, систему культурных ценностей, заключается в формировании системы ценностных ориентаций и отношений в процессе воспитания и обучения и представляет собой развитие и формирование познавательных и мотивационных свойств личности.

Начало педагогического процесса социально-культурной деятельности, его фундамент составляет художественное восприятие, необходимое обращение к теоретическим истокам, и определяет исходную точку зрения на то, что представляет собой восприятие концепции «культура мира» как психологический процесс.

Поскольку мотивационное развитие личности включает самые различные стороны психики человека - не только восприятие, но и воображение, чувства, мысли, волю и т.д., оно играет важную роль в развитии сознания и самосознания личности, в воспитании мировоззрения и нравственных качеств.

Итак, мотивационное развитие личности многопланово совмещает в себе: интеллект (чтение литературы по истории искусства); эмоции (непосредственное эмоциональное

переживание воспринимающего), воображение, мышление, память, наблюдательность, разветвленность художественных ассоциаций, возникающих от восприятия произведения искусства, способность к соотнесению художественных произведений с действительностью и с собственным внутреннем миром личности. «Культура мира» как методологическое основание для мотивационного развития личности средствами социально-культурной деятельности настолько разнообразна, насколько развиты культурные интересы и потребности населения.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. 1984. Политика. Собрание сочинений в 4-х т. (1976-1984) Т. 4. Москва.

Жарков А.Д. 2012. Теория, методика и организация социально-культурной деятельности. - М.: МГУКИ.

Лазарев М.А. 2015. Межкультурное взаимодействия в контексте интеграции европейской философии. - Педагогика искусства: сетевой электронный научный журнал. No 1: 1-12 - URL: http://art-education.ru/AE-magazine/archive/nomer-1-2015/lazarev.pdf [15.02.2015]

Лазарев М.А. 2013. К вопросу о соотношении философского и образного познания мира. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Т. 2. №. 4: 666-674.

Моль А. 1973. Социодинамика культуры. М.: Прогресс. 406 с.

Спиркин А.Г. 2006. Философия: Учебник. 2-е изд. М.: Гардарика. 736 с.

Получена / Received: 08.10.2015
Принята / Accepted: 20.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 775-784

Функции освещения и цвета на экране

М.И. Котова

Университет Российской академии образования
119180, г. Москва, ул. Большая Полянка, д. 58
University of the Russian Academy of Education
Bolshaya Polyanka str., 58, Moscow 119180 Russia
Гисенский университет имени Юстуса Либиха
35390, Германия, Гиссен, ул. Людвига 23
Justus-Liebig-Universität Giessen
Ludwigstraße 23, Gießen 35390 Deutschland

Ключевые слова: фильм, кино, освещение, искусство, значение цвета на экране.
Key words: movie, film, lighting, art, color value on the screen.
Резюме: В статье делается попытка анализа важности освещения и гаммы при съемки кино. Рассматриваются различные виды, функции, а так же подходы и приемы.
Abstract: The article attempts to analyze the importance of lighting and shooting range at the cinema. Various types of functions, as well as the approaches and techniques.
[**Kotova M.I.** Functions light and colors on the screen]

В подавляющем большинстве случаев кинолюбители при установке света заботятся только о его количестве. Свет включается со всех сторон, чтобы «набрать экспозицию». В результате мы видим невыразительное, ровно залитое светом пространство кадра. Таких кинолюбителей интересует одна функция света – экспозиционная, обеспечивающая возможность проведения самой съёмки. Но, кроме экспозиционной, есть ещё три функции света, которые необходимо учитывать оператору:

1) акцентирование главного, выделение цвета предмета;

2) подчёркивание формы и объёма предмета, его фактуры;

3) эмоциональное воздействие света.

Свет – не только «фактор видимости» предметов, не только тональная среда, но и блик на лице актера, блеск его глаз, настроение. Художники с давних времен интересовались природой света и характером освещения. Леонардо да Винчи выделил:

1) всесторонний свет, который идет от неба в пасмурный день;

2) односторонний свет, идущий от солнца, от окон и дверей в помещении;

3) отраженный свет - от всевозможных белых поверхностей;

4) рассеянный свет, проходящий через ткань, бумагу, матовые

стекла.

Леонардо да Винчи выделил также простую и сложную тени.

- Простая тень на лице человека – это тень, обращенная к неосвещенному пространству. Например, к черной стене, к темному бархату. Из-за отсутствия отражения от темных поверхностей, в тенях на лице нет проработки деталей.

- Сложная тень обращена к освещенным, светлым пространствам. Обильный свет, отраженный от белых стен, наполняет теневую часть лица всевозможными бликами и рефлексами. Эти названия света и тени приняты всеми операторскими школами.

Оператор Анатолий Головня предложил классификацию света, основанную на огромном опыте работы на кинофабрике. Сегодня эти пять видов света знает каждый начинающий фотограф.

1. Заполняющий свет равномерно заполняет всё пространство, создавая бестеневое освещение рассеянным, лучше отражённым, светом. Для уменьшения теней прожекторы ставят рядом с камерой.

2. Рисующий свет направляется на главный объект, чаще всего человека, создавая на лице светотень. В этом случае лучший результат даёт линзовый прожектор.

3. Моделирующий свет создаёт блики и рефлексы на теневых участках лица и предмета.

4. Контровой свет получается при освещении фигуры сзади; он создаёт световой контур, ореол, живописные пятна света на фигуре.

5. Фоновой свет определяет живописность фона, оставляя его тёмным или освещая.

Каждому начинающему оператору важно понять, что все виды света существуют в кадре одновременно. Виды света только вместе, в различных сочетаниях, создают тот или иной характер освещения в кадре.

В любом кадре существует два основных элемента световой схемы: общее рассеянное освещение и направленное на объект концентрированное освещение прожектором. Трудность работы со светом заключается не в определении экспозиции, а в нахождении соотношения рассеянного и концентрированного света. Вопрос о контрасте в освещении – это вопрос операторского стиля.

Последовательность этапов установки света может быть любой. Оператор может начать с определения рисующего света, найти точный акцент, а затем установить нужный контраст на лице, используя заполняющий свет. Можно в начале зажечь свечу или настольную лампу и затем разработать эффект освещения дополнительными приборами. Можно начать с фона, создать в кадре эффект вечернего освещения, впустить в декорацию лучи закатного солнца и подчинить ему работу остальных приборов.

Этапы могут опережать, проникать, совмещать функции. Располагая соответствующим образом осветительные приборы, вы можете создать любую светотональную композицию в кадре. В практике операторской работы существуют четыре известных характера освещения: светотональный, бестеневой, локальный и силуэтный. С помощью пяти «видов света» можно создать любой из них. Дневное солнце создаёт яркую светотень. В пасмурную погоду возникает бестеневое освещение. Ночью, в луче фонарика, каждый цветок на клумбе «зажигается CL_0» локально. На закате дня чёрный абрис скал, ветви деревьев, профиль влюблённых на фоне заходящего солнца создают силуэт.

Известный кинооператор Леонид Косматов считает, что возможны два принципиально разных подхода к художественному освещению.

Первый выражается в стремлении естественного натуралистичного воспроизведения эффекта реального освещения. Оператор как можно более точно копирует характер

солнечного света, луны или искусственного источника. Освещение определяется сюжетным требованием и временем действия.

Второй подход заключается в выборе освещения, которое может выразить настроение, определённую психологическую задачу. Это так называемое «эмоциональное освещение». В подобном случае допустимо условное освещение, не согласующееся с реальным светом, но вызывающее у зрителя нужные эмоции.

На практике кинооператоры как основу использует естественный свет, но разрабатывают его в соответствии с эмоциональным световым решением. Оператор намеренно нарушает естественный характер света, приводя в состояние конфликта «эмоциональный» и натуральный приёмы освещения.

И так, можно заключить:

- сорта света бывают всесторонний (от неба), направленный (от солнца), рассеянный и отраженный;

- виды света: рисующий, заполняющий, фоновый, моделирующий и контровой;

- принципы освещения подразделяются на естественный (натуральный) и эмоциональный.

Методы работы со светом постоянно меняются. И в этой связи один из важных вопросов это типовые методы освещения. При съёмке на цветную киноплёнку и при видеосъёмке возросла роль заполняющего света, но он не является единственным.

Кинооператоры разработали типовые схемы освещения, с помощью которых можно фантастически правдоподобно имитировать естественный свет. Среди множества схем и методов освещения в профессиональном и любительском кинематографе находят широкое применение: «одноточечный», «двух» и «трёхточечный» методы освещения.

«Одноточечный» метод освещения. Для любительской съёмки довольствоваться одним источником света - это почти норма. Однако ошибочно думать, что при таком способе освещения нельзя достичь предельной выразительности. Каждое световое пятно, созданное одним прибором должно иметь своё назначение.

Надо представить себе, откуда мог бы падать на объект съёмки естественный свет, в какой взаимосвязи с другими источниками освещения он находится. Вам требуется известное умение и ясность мышления, чтобы прикинуть, правильно или неправильно будут смотреться тени, которые отбрасывает освещённый предмет.

Используйте для этого монитор телевизора, посмотрите на экран и убедитесь: действительно ли вы хотите, чтобы тени легли именно так? Подвигайте осветительный прибор вперёд-назад, попробуйте изменить ширину луча света, чтобы тени стали не такими резкими.

Меняя положение прибора, перемещая его ближе или дальше от камеры, следите за тем, как по-разному выявляется объём предмета. Как меняется светотеневая картина объекта съёмки.

Поставив один прожектор сбоку, вы получите на лице человека одностороннее освещение. Освещение с одной стороны состоит из яркого света и густых теней, поэтому его применяют для создания напряжения в кадре. Светотеневой рисунок созданный боковым прожектором, создаёт чередование ярких и затемнённых участков, хорошо очерчивает объём и рельеф.

Американский режиссер немого кино Сесиль де Миль рассказывал поучительную историю по поводу примененного им одностороннего освещения. «Мне захотелось использовать в фильме, который я снимал, один из световых эффектов. В кадре, о котором идет речь, из-за портьеры вылезает шпион. Желая придать этой сцене большую таинственность, я решил осветить только половину его лица, оставив все остальное в тени. Посмотрев снятый материал на экране, я нашел, что получилось поразительно эффектно. Мне так понравился этот трюк с освещением, что я стал применять его на протяжении всего фильма. Я давал узкий пучок света с какой-нибудь одной стороны. В наши дни этим приемом пользуются широко».

«Двухточечный» метод освещения. Когда необходимо смягчить тени от одностороннего освещения, у камеры ставят второй прожектор. Второй прибор смягчает контраст освещения с помощью заполняющего света. В то же время, использование

двух прожекторов, вносит большое разнообразие в методику освещения.

Чаще всего при «двуточечном» методе освещения два прожектора, устанавливаются по обе стороны от человека, что подчеркивает объем лица и выразительность фигуры. Например, все кадры фильма «Броненосец «Потемкин» сняты с помощью двухстороннего освещения актеров. Кинооператор фильма Э.К. Тиссе предпочитал «двухточечный метод» освещения всем остальным. С помощью двустороннего освещения лица разнородными источниками света, он создавал атмосферу драматизма в кадре и придавал эмоциональность картине.

В искусстве освещения не так много твёрдых правил и заповедей, и если какой-то приём работает, значит, его нужно применять и впредь. Например, при съёмке балета в театре хорошо зарекомендовал себя двухсторонний свет, освещающий танцующих справа и слева. Обратите внимание на фотографии известных балетных фотографов и вы всегда увидите в них «двухточечный» свет, освещающий фигуры с двух сторон.

«Трёхточечный» метод освещения, возникший на заре фотографии, успешно перекочевал в кино, затем на телевидение, и всюду является залогом успеха при портретной съёмке. При съемке портрета почти всегда используются три прибора: один – сбоку, второй – от камеры, третий светит со спины. Каждый из источников света играет свою роль в кадре. Контровой свет ставится позади объекта съемки и направляется в сторону камеры для того, чтобы выделить или, как говорят операторы, «отбить» объект съемки от фона. Это особенно важно, когда персонаж одет в темный костюм и проецируется в кадре на темном фоне.

Трехточечный метод расположения прожекторов вокруг человека имеет много вариантов. Но чаще всего включаются два контровых прожектора с разных сторон от лица портретируемого человека и один рисующий прожектор от камеры.

Кинооператор, работая с помощью любого метода, должен помнить, что характер освещения создает иллюзию трехмерности пространства на экране, создает глубину и объемность изображения.

Нужно вспомнить, что в функции света входит:
- организация единства пространства
- определение последовательности и восприятия
- выделение главного
- формирование образа
- определение тональности и цветового решения

Рассмотрим несколько примеров работ со светом. Пытаясь проследить историю развития операторских приемов работы со светом, операторы А.Головня и Р.Ильин отмечают, что в ранние годы немого кино освещение выполняло функцию экспозиционного света. Для того чтобы получить негатив отличного качества, декорации освещались большим количеством дуговых приборов, дающих яркое свечение. При съемке фильмов кинооператоры отдавали приоритет рассеянному свету.

Однако в 30-е годы двадцатого столетия все фильмы снимались исключительно в контровом свете. Фигуры актеров в кадре были окаймлены световым ореолом прожекторов, под лучами которых волосы на голове актеров сияли. Кинооператоры не могли представить себе съемку фильма без концентрированного света прожекторов. И сегодня все фотографы и операторы с успехом применяют контровое освещение при съемки портретов на натуре и павильоне.

Появление прожекторов в арсенале операторов, породило систему освещения, отличительными признаками которой было обязательное высвечивание актера независимо от источника света.

Например, актер стоящий у окна, в темной и глубокой нише или у яркой свечи оказывался одинаково ровно освещенным. Такая манера освещения была во многом условной. Но именно этот прием, требующий ключевого света на лице актера, оказался самым популярным в советской операторской школе.

С переходом на цветную пленку декорации вновь стали заливаться мягким рассеянным светом. Операторы изобрели так называемую «световую ванну», систему всестороннего освещения екорации и актеров. Свет исходил от огромной поверхности белой тканей, освещенной множеством

прожекторов.

Этот прием создавал удивительно правдивые и жизненные портреты актеров, погруженных в атмосферу естественного света в декорации. Освещение отраженным светом придавало декорации более реалистический вид, наполняло воздухом и световыми рефлексами. Прием освещения «световая ванна» исходил из опыта живописцев.

Например, Леонардо да Винчи который советовал художникам: «Для портретов имей особую мастерскую – двор со стенами и полотняным навесом, устроенным так, чтобы он собирался и распускался смотря по надобности и служил защитой от солнца. Не натянув полотна, пиши только перед сумерками или когда облачно и туманно. Это – свет совершенный».

Рекомендации Леонардо были «новы» для кинооператоров при освоении ими черно-белого, цветного кинематографа, а также телевидения. Сегодня в повседневную практику операторов вошел свет отраженный от всевозможных экранов и зонтиков. Однако операторам постоянно не хватает мощного света прожекторов для создания световых пятен, и они часто прибегают к рисующему и контровому свету.

Современные операторы используют большое количество кинопрожекторов различной мощности для создания светового эффекта в декорации. При этом операторы устанавливая свет, учитывают приоритет главного источника освещения. В чем суть этой системы? Она строится на подчинении всех второстепенных источников света одному главному, определяющему характер освещения. К примеру, солнечный дневной свет создается сильным прожектором, прямые лучи которого попадают в декорацию через окно. Если не хватает солнечного эффекта от основного прожектора, на стене и на полу сильные световые пятна «рисуются» другими приборами, от которых возникают световые рефлексы. Дополнительные прожектора, продолжают разработку световой атмосферы «солнечного света», начатую главным прожектором. Все вместе, главный и дополнительные прожектора продолжают воспроизводить основной образ солнечного характера освещения.

В профессиональном кино и телевидении операторы умеют фантастически правдоподобно имитировать естественный свет присущий интерьеру. Зритель привык к нормальному дневному свету, наиболее совершенному и естественному. При съемке в интерьере никто из операторов не забывает, что лучший свет падает из обыкновенного окна, поэтому работают с дополнительными приборами тщательно и виртуозно, стараясь сохранить реальное освещение.

«Приходишь в естественный интерьер, где собираешься снимать,- говорит кинооператор В.И.Юсов, - и об одном только думаешь: как бы не убить естественный свет, не испортить. Совсем отказался я от «контрового» освещения, если оно не замотивировано, не оправданно. И не то чтобы оно мне вообще не по нутру. Иногда даже хочется тщательно все обработать светом как раньше бывало, - свет рисующий, моделирующий, контровой.

Да рука не поднимается – тут же какая-то условность появляется». В любительской видеосъемке выбор осветительной аппаратуры намного скромнее, поэтому оператор старается пользоваться естественным освещением. А для подсветки теневых участков кадра применяет приборы дополнительного света. В практике любительской и профессиональной съемки существуют три вида дополнительного освещения: так называемый накамерный свет, подсветка портативными лампами с рук и прожектора, установленные на штативах.

Накамерный свет - это расположенный на самой видеокамере встроенный или присоединённый источник света. Накамерный свет незаменим при репортажной съемки в интерьере и ночью на натуре. Этот источник освещения дают резкий и направленный свет для подсветки объектов в тени, против солнца, или ночью.

Ручные осветительные приборы - это портативные и мобильные лампы дневного света для хроникальной съёмки. Они могут питаться от сети или аккумуляторного блока, размещенного в наплечной сумке. Ручные лампы гораздо мощнее накамерного света. Если у вас найдутся помощники, то они могут держать ручные лампы в любом месте, создавая любую схему освещения.

Лампы на штативах – эти осветительные приборы приближаются к профессиональным. Они работают от сети и представляют оператору самые широкие возможности при освещении. К таким приборам прилагаются шторки, позволяющие управлять шириной пучка света; круглые тубусы, создающие пятна и круги света для освещения отдельных частей сцены; рассеиватели, уменьшающие силу света; цветные фильтры.

Разнообразие осветительных приборов и приемов работы со светом расширяет палитру оператора, дает ему возможность успешно работать в фильмах разных видов и жанров. Однако световое решение кадра основано не только на индивидуальном мастерстве оператора, но и на опыте предшественников в живописи и кино.

В своем исследовании освещения в живописной композиции станковой картины, художник Л.А.Оборина отмечает, что в произведениях живописи освещение имеет разный характер.

ЛИТЕРАТУРА

Иванова Е.Б. 2001. Интертекстуальные связи в художественных фильмах: дисс. … канд. филол. наук. Волгоград. 177 с.

Котова М.И. 2015. Звуковая палитра фильма. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том. 4. № 4: 550-557.

Котова М.И. 2015. Принципы воздействия фильма. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том. 4. № 4: 558-563.

Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа. М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с

Уорт С. 1984. Разработка семиотики киною Пер. с англ. Н. Разлогова. - Строение фильма. Некоторые проблемы анализа произведений экрана: сборник статей. М.: Радуга: 134-175.

Цивьян Ю. Г. 1984. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе. - Труды по знаковым системам: ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, Вып. XVII: 109-121.

Эйзенштейн С. 1964. Избранные произведения: в 6-ти т. М.: Искусство. Т. 2. 567 с.

Получена / Received: 04.06.2015
Принята / Accepted: 20.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 785-794

Влияние культурно-досуговой среды на патриотическое воспитание молодежи в учреждениях культуры и туризма

И.В. Кузьмина

Московский Государственный Университет Культуры
141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная д.7
Moscow State University of Culture
Library str. 7 , Khimki, Moscow Region 141406 Russia
e-mail: mgukidissov@mail.ru

Ключевые слова: влияние, культурно-досуговая среда, патриотическое воспитание молодежи, учреждения культуры и туризма.
Key words: impact, cultural and recreational environment patriotic education of youth, cultural institutions and tourism.
Резюме: В статье рассматривается влияние культурно-досуговой среды на патриотическое воспитание молодежи в учреждениях культуры и туризма. Патриотическое воспитание молодежи является одной из основных проблем в культурно-досуговой деятельности. Патриотизм воспитывается под воздействием объективных и субъективных процессов, поэтому актуальным становится соотношение влияния этих процессов на молодежь. В этом смысле истинное значение имеет соотношение субъекта и объекта в патриотическом воспитании молодежи.
Abstract: The article discusses the impact of cultural and leisure environment on patriotic education of youth in institutions of culture and tourism. Patriotic education of young people is one of the main problems in the cultural and leisure activities. Patriotism is brought up under the influence of objective and subjective process, so relevant is the ratio of these processes influence on young people. In this sense, the true value is the ratio of subject and object in the patriotic education of youth.
[**Kuzmina I.V.** The impact of cultural and leisure environment on patriotic education of youth in institutions of culture and tourism]

Культурно-досуговая среда является важнейшим фактором патриотического воспитания молодежи. Именно здесь обитание молодого человека обеспечивается соответствующими формами общения и деятельности по освоению ценностей, отвечающих его потребностям. Речь идет о типе межличностных отношений ближайшего окружения, форм и способов совместной жизнедеятельности молодежи.

Культурно-досуговая среда – это и психологическое состояние организаторов и всех присутствующих. Ценности, нормы, смыслы содержат все составляющие общественной жизни: социально-политическую, социально-экономическую и

социально-культурную, то есть ее нерв чувствуется в воздухе.

Культурно-досуговая среда по своему характеру в масштабах региона представлена на трех уровнях. Это предметное состояние исторических памятников и культурных артефактов, привлекающих влияние посетителей.

Отсюда одной из ведущих составляющих культурно-досуговой среды является информация о ценностной и смысловой нагрузке.

Соотношение вышеперечисленных составляющих и определяет специфику и потенциал культурно-досуговой среды. Основной сферой расходования своих жизненных ресурсов молодежи является производственная сфера, определяющая материальный уровень жизни. А культурно-досуговая среда предоставляет для молодежи широкий выбор видов деятельности, в том числе и туристической, позволяющих молодому человеку развить его физические и психические способности; высокий уровень информированности.

Поэтому функционирование учреждений культуры и туризма относится к определяющему фактору патриотического воспитания молодежи.

Прав Гребенников Р.В., что «Выбор и оценка молодёжью тех или иных полей жизнедеятельности (элементов среды) и сфер жизнедеятельности, устойчивое распределение своего времени и энергии между, ними и определяет образ жизни, понимаемый как совокупность типичных видов и способов деятельности человека (социальной группы, общества), определяемая системой его ценностей и условиями жизни (Гребенников, 1992: 60).

Взаимодействие учреждений культуры и туристических организаций в культурно-досуговой среде по патриотическому воспитанию молодежи обеспечивает гармонизацию и оптимизацию общественной жизни.

В Брянской области высокий уровень: увековечения памяти воинов, погибших при защите Отечества; готовности к выполнению задач способствующих защите Отечества; обеспечению взаимодействия деятельности учреждений культуры и туризма.

Повышение качества функционирования всех элементов

культурно-досуговой среды по патриотическому воспитанию среды, так и всей системы в целом во многом зависит от проведения экспертизы состояния среды. Далее стоит определить: как будет протекать, в каких условиях и в каких направлениях будет проходить этот процесс. Это прежде всего: повышение престижа военной службы; физическая и психологическая подготовка молодежи; позиционирование военно-прикладных, спортивно-технических видов спорта; повышение информационного уровня призывников; обучение молодежи начальной военной подготовке.

Важнейшим направлением в деятельности учреждений культуры по патриотическому воспитанию является разработка системы патриотического воспитания молодежи исходя из состояния культурно-досуговой среды.

Актуально и возрождение и создание в учреждениях культуры и туризма методических центров по патриотическому воспитанию молодежи в Брянской области.

Это позволит моделировать координации деятельности учреждений культуры и туризма по патриотическому воспитанию молодежи. Это требует в свою очередь создания условий для участия туристических организаций в патриотическом воспитании молодежи.

Каждая координация предполагает информационное обеспечение в патриотическом воспитании молодежи.

Патриотическое воспитание молодежи является одной из основных проблем в культурно-досуговой деятельности. Понятие патриотическое воспитание молодежи средствами культурно-досуговой деятельности определяется мотивацией различных слоев молодежи.

Патриотизм – психическое состояние молодого человека, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира, положения дел в собственной стране и личной жизни. Патриотизм включает мысли о Родине, отношение к ней, к своему народу, своему краю. Иногда оно выступает как тип ментального состояния, а процесс восприятия зависит от совокупности отношений молодого человека к миру, стране, социуму, семье, друзьям и себе.

Жарков А.Д. считает, что «Сущность патриотического

воспитания в учреждениях культуры была и остается в сознании людей как любовь к Родине, Отчизне, своему краю, городу, своей деревне, родной природе. И здесь влияние социума и деятельности учреждений культуры чрезвычайно велико. В учреждениях культуры участники социально-культурных проектов и программ постепенно прикасаются к духовному опыту своей Родины, познают жизнь своего народа, свою связанность с ним, формируется общность «мы». На этой основе происходит свободное самоопределение личности» (Жарков, 2012).

Патриотизм воспитывается под воздействием объективных и субъективных процессов, поэтому актуальным становится соотношение влияния этих процессов на молодежь. В этом смысле истинное значение имеет соотношение субъекта и объекта в патриотическом воспитании молодежи.

О многомерности этого процесса свидетельствует «Я» мышлениями чувства. Но само сознание есть не только мышление, сознание включает в себя мышление как неотъемлемую часть.

Выделяют следующие формы патриотического сознания: самосознание как сознание сознанием самого себя, рассудок как мыслящее сознание, то есть постигающее мир в понятиях (категориях рассудка), разум как самосознающий рассудок и дух как высшую форму сознания, включающую в себя все другие формы. Различие рассудка и разума состоит в том, что рассудок соотносит свои понятия с миром и поэтому его критерием истинности является непротиворечивость. Разум как самосознающий рассудок поднимается до диалектического удержания противоречий, поскольку соотносит не только свои понятия с миром, но и самого себя со своими понятиями.

Патриотическое сознание - способность адекватно воспринимать историю и окружающую реальности, где можно вывести основные его функции:

- отражательное: сознание организует познавательные процессы (восприятие, представление, мышление), а также организует память;

- оценочное сознание принимает участие в формировании части эмоций и большинства чувств. Человек на уровне

сознания оценивает большинство событии и самого себя;

- преобразующее сознание определяет большинство своих целей и намечает путь к их достижению. При этом он часто не ограничивается совершением мысленных операций с предметами и явлениями, а выполняет и реальные действия с ними, преобразуя окружающий мир в соответствии со своими потребностями;

- времяобразующее сознание отвечает за формирование целостной временной картины мира, в которой есть память о прошлом, осознание настоящего и представление о будущем. Этим сознание человека отличается от психики животных.

Свойства сознания человека: сознание человека обладает рядом свойств, благодаря которым отражение человеком окружающего мира носит субъективный характер.

По мнению В.И. Каширина, «Самосознание - это сторона, момент в пространственно-временном развитии сознания, осознание субъектом своего места и роли в истории, это определенное состояние сознание личности. Культура самосознания - есть реальность самосознания в его развитии, некоторый уровень проявления датегративной и опережающей функций самосознания, его двойной рефлексии и полирефлексии»(Каширин, 1996: 63).

Специфика становления самосознания в социально-культурном пространстве-времени отчетливо обнаруживается в ходе распада традиционного кода общественного бытия. В этой ситуации выявляется специфический механизм самосознания - его, особая рефлексия, двойное отражение окружающей действительности, не присущее сознанию. Сознание - это простое отражение, данное знание реальности. Знание субъектом себя также кажется непосредственным образом, данным индивиду. В условиях крупных переломов молодежь утрачивает привычные ориентации и стремится выработать и усвоить новые.

При этом он не только фиксирует реальность, но оценивает ее с точки зрения возможностей своей исторической судьбы и сохранения своей идентичности, своей подлинной сущности.

В зависимости от того, как определяет себя молодой

человек, или он принимает социальную реальность, или нет. Самоопределение обретает здесь ценностный приоритет перед реальностью. Так возникает рефлексия самосознания как отражения реальности через призму ценностного понимания субъектом самого себя. В рефлексии самосознания реальность интерпретируется через призму приоритета бытия субъекта перед бытием иных реалий окружающего мира.

Поэтому вместо «культурно-досугового пространства» можно говорить о культурно-досуговой среде. Тогда в процессе патриотического воспитания молодежи «»Мышление в таком пространстве-времени событийно – и «подключение» к нему, т.е, овладение, навыками самостоятельного мышления происходит за счет участия в подобных событиях. Для этого индивидуальные программы организуются как прохождение определенных цепочек ситуаций, что требует методологической организации образовательного пространства»(Марача, 2000).

Влияние культурно-досуговой среды на патриотическое воспитание строится посредством создания условий для широкого участия туристических организаций по патриотическому воспитанию молодежи.

Для чего требуется повседневное расширение патриотической тематики в учреждениях культуры и туризма.

Успешная реализация деятельности по сохранению культурного и исторического наследия и создания условий для улучшения доступа граждан Брянской области к информации и знаниям позволяет создать новую культурно-досуговую среду.

В 2014 году количество культурно-досуговых сред в Брянской области в ходе проводимого автором статьи эксперимента увеличилась на 25%. Был создан «Мемориальный комплекс «Хацунь» государственного бюджетного учреждения культуры «Брянский государственный краеведческий музей» преобразован в филиал «Мемориальный комплекс «Хацунь». В структуре Брянского государственного краеведческого музея организован отдел - «Базовая стоянка партизанского отряда А.И. Виноградова «Озеро Круглое».

В рамках реализации государственной программы «Развитие культуры и туризма в Брянской области» (2012-1015

годы) в 2014 году достигнуты высокие результаты по исполнению показателя «посещаемость музейных учреждений на 1 жителя в год». Эффективному исполнению этого показателя способствовала активная работа государственных и муниципальных учреждений культуры региона по вовлечению молодежи во исполнение «дорожной карты», утвержденной Указом Губернатора Брянской области от 21 февраля 2013 года № 154, государственными и муниципальными заданиями.

Количество посетителей в государственных и муниципальных учреждениях культуры в 2014 году составило 923,9 тысяч человек, что превышает показатели предыдущего года на 11% процентов. Плановый показатель на 2013 год был определен исходя из динамики роста посетителей - 0,72 посещения на 1 жителя в, год, фактически показатель по итогам года составил 0,74 посетителя на 1 жителя в год.

Посещаемость в музеях Брянской области является самой высокой среди аналогичных регионов Центрального федерального округа. Сравнительный анализ показал, что посещаемость музеев в регионах ЦФО составляет от 0,2 до 0,63 посетителей на 1 жителя в год (за исключением г. Москвы, Владимирской и Ярославской областей, входящих в кольцевые туристические маршруты ЦФО и имеющих несравнимый с Брянской областью приток туристов).

Динамика роста посетителей в государственных и муниципальных учреждений культуры и туризма положительная и к 2018 году количество посетителей на 1 жителя в год предположительно составит 0,77.

Наиболее интересными и значимыми, на наш взгляд, стали культурно-досуговые программы, организованные в учреждениях культуры и туризма в рамках проводимого научного эксперимента. Это патриотические акции: «И помнит мир спасенный» к Дню Победы, «И сосны слышали окрест» к Дню партизан и подпольщиков, «Сердца людские памятью сильны» к Дню освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков», «И сыновья уходят в бой», «От Ордена Святого Гебргия до медали «Золотая звезда» Героя Российской Федерации»; лекции: «Вооружение славян накануне образования Древнерусского государства», «Древний Брянск»,

«Особенности старопечатных книг», «Редкие старопечатные издания из собрания Брянского краеведческого музея»; внемузейные экскурсии «Брянщина партизанская», «Путешествие в палеолит» и др.

В условиях мемориального комплекса «Партизанская поляна» регулярно проходят уроки мужества и классные часы в средних общеобразовательных школах; занятия по патриотическому воспитанию в детских садах; занятия на привале и в землянке для воспитанников детских оздоровительных лагерей.

Для молодежи акция «Зажги свечу Памяти» в День памяти и скорби. Особое значение имеют программы посвященные 70-летию освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков. Это и историко-краеведческая программа «Партизанское движение на Брянщине в годы ВОВ»; познавательно-интерактивные программы: «Олимпийские игры»; интерактивно-игровые: «Русский солдат умом и силой богат»; круглый стол «Послевоенная застройка и формирование жизненной среды г. Брянска во 2-й пол. XX - нач. XXI веков» в рамках выставки «Творцы послевоенного Брянска. Зодчие 40-50-х годов XX века»; музыкальные программы: «Когда мы были молоды», «Небо сквозь ветви»; фотоклуб «Брянская улица».

Все большой популярностью стали пользоваться культурно-досуговые программы: «Историческое прошлое Брянского партизанского края», «Оккупационная политика на захваченных территориях», «Из истории партизанского движения в крае», «Герои Советского Союза - наши земляки»; благотворительная акция «Твори добро»; мероприятия для молодежи по экологическому воспитанию: «Красная книга рассказывает», «Брось природе спасательный круг», «Покормите птиц», «Солнце на лето - зима на мороз»; лекции и экскурсии по темам: «Трубчевск и «Слово о полку Игореве», «Трубчевск - город воинской славы», «Подесенье в эпоху древности», «Трубчевск в годы Великой Отечественной войны», «Охраняемая территория Трубчевского района»; «Игрицкое - столица партизанская» в день открытия месячника оборонно-массовой работы; видео-слайд экскурсии «Служили Отечеству», «Юные герои Брянщины», «Шумел сурово Брянский лес»,

лекции, викторины, презентации, уроки истории к дням воинской славы и праздничным датам.

Все это позволило раскрыть воспитательный потенциал культурно-досуговой среды позволяет изменить отношения молодежи как к деятельности самих учреждений культуры и туризма, так к общественной жизни, что в корне может изменить качественные параметры патриотического воспитания в целом.

Совершенствование процесса патриотического воспитания молодежи в культурно-досуговой среде определяется: содержанием, развитием форм и методов деятельности учреждений культуры и туризма.

В Брасовском историко-краеведческом музее были проведены экскурсии, приуроченные к знаменательным и памятным датам; уроки мужества «Героев звезды светят нам», «Герой с Хотеевской земли В.А. Мордин», «Герой Советского Союза В.Т. Сенющенков», «Герои воздушных боев» - летчики Орловско-Курской земли».

В государственных и муниципальных учреждениях культуры и туризма проводится активная научно-исследовательская работа. Главным направлением научных изысканий всех сотрудников было 70-летие освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков. Всего по разным темам подготовлено 49 публикаций в научных сборниках и книгах. Суражском и Почепском районах проведены научные конференции: «Суражане на фронтах Великой Отечественной войны» и «Почепчане – участники решающих битв Великой Отечественной войны и освобождение г. Почепа».

Заслуживает внимание и проведение круглого стола «Проблемы культурного туризма» (Санкт-Петербург, Эрмитаж, апрель 2013г.); международная конференция «Пикаловские чтения 2013: Реставрация памятников ландшафтной архитектуры» (Санкт-Петербург, ГРМ, июнь 2013 г.).

Первоочередными задачами на предстоящий период на мемориальном комплексе «Партизанская поляна» стало создание Аллеи Героев. По проекту скульптора и художника Александра Ромашевского на мемориальном комплексе

установлено 14 бронзовых бюстов - партизан Великой Отечественной войны, получивших звание Героев Советского Союза и Героев России. Аллея Героев размещаться у Вечного огня в центральной части комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

Гребенников Р.В. 1992. Проблемы взаимосвязи потребностей личности с социокультурной средой и системой управления. Минск.

Жарков А.Д. 2012. Теория, методика и организация социально-культурной деятельности: Учебник. М.: МГУКИ. 456 с.

Каширин В.И. 1996. Очерки философии планетарного самосознания. - Ставрополь: Изд-во СГУ.

Лазарев М.А. 2013. К вопросу о соотношении философского и образного познания мира. - Гуманитарное пространство. Международный альманах. Т. 2. №. 4: 666-674.

Жарков А.Д. 2015. Влияние пространства-времени на функционирование социально-культурной деятельности. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 282-287.

Жарков А.Д. 2015. Власть культуры, культура власти актуальная планетарная проблема в современном мире. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 288-297.

Жарков А.Д. 2015. Социально-культурная деятельность как специализированная область общественной практики. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 298-304

Жарков А.Д. 2015. Воспитание общепланитарного сознания личности в условиях социально-культурной деятельности. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 305-309

Жарков А.Д. 2015. Развитие теории социально-культурной деятельности - важнейшая задача вузов культуры и искусств. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 3: 310-318

Лазарев М.А. 2012. Формирование художественной культуры будущего учителя. - Инициативы XXI века. № 1: 79-81.

Марача В.Г. 2000. Образовательное пространство-время, освоение интеллектуальных функций и образовательные институты в контексте индивидуализации. - В сб. Школа и открытое образование: концепции и практики индивидуализации. Сборник научных трудов по материалам IV Всероссийской научной тьюторской конференции. Томск: Пилад: 61-70.

Получена / Received: 17.09.2015
Принята / Accepted: 25.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 795-800

Керамическое искусство и культурные смыслы

В.Ю. Николаев

Московская государственнаяй художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова
125080, г. Москва, Волоколамское шоссе, 9
Moscow State Stroganov Academy of Industrial and Applied Arts
Volokolamskoe highway, 9, Moscow 125080 Russia
e-mail: vynikolaev@gmail.com

Ключевые слова: культурные смыслы, коды, содержание искусства, символика керамики.
Key words: cultural meanings, codes, content of art, the symbolism of ceramics.
Резюме: Прикладное искусство является особенно показательным в культурологическом аспекте в связи с тем, что оно интегрировано в быт, в повседневную культуру значительной части, если не всего населения, при том, конечно же, что существует и элитарное прикладное искусство, и экспериментальные его направления, и специализированные сегменты, связанные с определенными сферами жизни и деятельности, например, с религиозными практиками.

Из всего многообразия форм прикладного искусства керамика функционально-бытового и декоративного назначения представляет собой наиболее богатое поле исследований, демонстрируя великое многообразие культурных смыслов (кодов). Керамическое отечественное искусство современности представляет собой «путешествие по временам и культурам», когда художественные достижения каждой эпохи осмыслены и обыграны в духе эклектичной по своей сути эстетики постмодернизма.

Abstract: Applied art is particularly revealing in cultural aspect due to the fact that it is integrated into everyday life, in everyday culture of a significant part, if not of all population, though, of course, that there is an elite applied art, and its experimental direction, and specialized segments associated with certain areas of life and activity, such as religious practices.

From the variety of forms of applied art, ceramics of everyday functional and decorative purpose is the most fertile field of research demonstrating the great variety of cultural meanings (codes). Ceramic domestic art of our time is a "journey through time and culture", when artistic achievements of every age are understood and played with the spirit inherently eclectic aesthetics of postmodernism.
[Nikolaev V.Yu. Ceramic arts and cultural meanings**]**

Искусство во все времена является той частью культуры, которая особенно ярко и интенсивно выражает характерные черты ментальности и эстетических приоритетов эпохи, концентрируя в себе многообразие художественно

преломленных идей, нравственных приоритетов и образов, актуальных для создателей произведений искусства и публики. Любую эпоху проще всего понять именно через искусство, создаваемое в данный период, и через искусство становится яснее жизнь народа, создавшего и воспринимавшего его. При этом, разнообразие жанров и направлений искусства делает каждое из них отражающим определенный срез культурной жизни народа, кодируя в себе специфические качества культуры, наиболее легко выразимые именно через данное направление или жанр.

Искусство является носителем традиционного культурного кода: оно - ключ к пониманию данной культуры, дающий возможность наиболее полно и глубоко исследовать ее через систему образов, заключенных в них смыслов, коннотаций и связей между искусством и социальной средой, создателями и воспринимающими сознаниями.

Прикладное искусство является особенно показательным в культурологическом аспекте в связи с тем, что оно интегрировано в быт, в повседневную культуру значительной части, если не всего населения, при том, конечно же, что существует и элитарное прикладное искусство, и экспериментальные его направления, и специализированные сегменты, связанные с определенными сферами жизни и деятельности, например, с религиозными практиками. Все, что окружает человека и выбирается им для включения в свою повседневность, тем самым уже репрезентирует его культурные особенности, формируя его эстетические качества и формируясь ими. Поэтому культурные коды прикладного искусства исключительно емко и многогранно демонстрируют культурно-эстетическую специфику эпохи.

Из всего многообразия форм прикладного искусства, керамика функционально-бытового и декоративного назначения представляет собой наиболее богатое поле исследований. Во-первых, сам материал, практически не подверженный влиянию времени, доносит до нас из глубины веков сведения о жизни людей далекого прошлого, в связи с чем традиции изучения керамики сложились почти во всех школах этнографии, культурологии и искусствоведения, и преемственность развития

керамики позволяет с минимальными историческими пробелами исследовать эволюцию культуры большинства народов. Во-вторых, утилитарность керамики позволяет ей нести в себе те культурные коды, которые далеко не соответствуют «высоким» институциализированным видам искусства, например, живописи и музыке. Можно сказать, что керамика как вид прикладного искусства – это окно в живую жизнь этнической культуры.

Керамика - это особый вид искусства, связанный с производством изделий из обожженной глины. К керамике относят предметы гончарного искусства, изразцы как особое направление, а также фарфоровые статуэтки и керамические панно. Продолжается научная дискуссия (Антонян, 1992; Дулькина, 2002; Макаров, 1985), связанная с обоснованностью отнесения всех названных направлений к прикладному искусству, но то, что к нему относится большинство произведений керамики, не вызывает сомнений.

Керамика (от греч. «керамос» - «глина») представляет собой древнее, широко распространенное ремесло и вид искусства; этим же словом называют и результаты художественной и промышленной деятельности по изготовлению керамических изделий. Изделия из обожженной глины очень долговечны. Художественные изделия из дерева и ткани разрушаются с течением времени, тогда как изделия из камня, металла или керамики могут надолго пережить своих создателей. Практические свойства керамики неразрывно связаны с ее декоративными (форма и цвет), лепными или орнаментальными (плоскостными) дополнениями. Именно эти орнаментальные дополнения превращают керамические изделия в произведения искусства, способствуют созданию художественного образа.

Художественная керамика, в отличие от живописи, имеет объемно-пространственную структуру и, в отличие от скульптуры, имеет поверхность. Эта объемно-пространственная фактура может обладать любым цветом и фактурой, которые определяются исключительно замыслом автора.

Традиционно к керамике относят майолику, терракоту и фаянс. Последние отличаются друг от друга составом глин. Для

майолики, терракоты и фаянса характерны особые приёмы художественного оформления, собственные технологии создания художественного образа.

Майоликой, как известно, называют изделия из гончарных глин, покрытые цветными непрозрачными глазурями – эмалями. Под терракотой подразумеваются изделия из обожжённой глины, не покрытые глазурями.

Фарфор отличается от гончарных изделий составом массы. В эту массу входит белая глина - каолин высокой температуры плавления, пегматит или полевой шпат. Именно они придают фарфору белизну, тонкостенность, тонкость черепка, прозрачность.

Для культурологии очень значима символика керамики в целом и фарфора в частности. Тайна изготовления китайского фарфора тщательно охранялась, а изделия из фарфора были большой редкостью для средневековой Европы. И в Китае, и в Европе в Средние века и в Новое время фарфор символизировал власть, богатство, величие (Никифорова, 1973; Селиванов, 1903).

Фаянс близок к фарфору, но не обладает его белизной и прозрачностью, у фаянса более толстый черепок. Поэтому изделия из фаянса традиционно считались в Европе бюргерскими, достоянием буржуазных, но не аристократических слоев общества. В фаянсе видели замену фарфора, но не более. «Царственными», «императорскими» считались изделия из фарфора.

Рассматривая русскую керамику, вобравшую в себя множество инородных традиций, необходимо изучить все культурные истоки ее происхождения, коренящиеся в керамическом искусстве разных стран и народов.

Образность отечественной керамики конца XX - начала XXI века сформировалась под непосредственным влиянием керамики эпохи модерн, а также под ощутимым воздействием традиций русского керамического искусства средневековья и Нового времени. Особенно ощутимо обращено к традициям былых эпох современное изразцовое искусство. Современные российские мастера обращаются к традициям изразцового убранства XVI-XVII ст., когда на Руси стали пользоваться

популярностью керамические плиты с орнаментальным рельефным узором.

Для художественного мира современной российской керамики характерно не только обращение к традициям и технологиям русского изразцового искусства XVII в., но и направленность на синтез керамики с архитектурой. Одной из важнейших тенденций развития современного отечественного керамического искусства является возвращение к традициям храмовой керамики, в частности, возобновление интереса к керамическим иконостасам. Как известно, иконостас является неотъемлемой частью православного храма, важнейшим архитектурным и смысловым элементом его интерьера.

Можно сказать, что керамическое отечественное искусство современности представляет собой «путешествие по временам и культурам», когда художественные достижения каждой эпохи осмыслены и обыграны в духе эклектичной по своей сути эстетики постмодернизма. Постмодернизм представляет собой не только культурную парадигму и художественную школу, но и умонастроение, основанное на рефлексии и тотальном пересмотре унаследованных от предшествующих художественных школ ценностей. В постмодернистских произведениях искусства художник играет со зрителем в спонтанные игры, мистифицирует его, кодирует информацию с помощью образов, символов и мотивов, присущих различным художественным системам и эпохам.

Для постмодернизма как культурной парадигмы и художественной школы характерно обращение к эстетике и художественному миру различных эпох, обыгрывание и смешение различных художественных стилей. Современные российские керамисты соединяют в своих работах эстетику керамического искусства XVII ст. с творческими достижениями эпохи модерн и русского авангарда.

В причудливом и эклектичном мире постмодернистской керамики можно услышать голоса мастеров былых эпох, ощутить художественные стили прошлого. Однако соединение, причудливое смешение этих художественных стилей прошлого остается, тем не менее, вполне современным. В этом современном обрамлении и обыгрывании эстетики различных

художественных школ и состоит творческая манера постмодернизма, характерная для современной отечественной керамики.

Таким образом, можно утверждать, что культурные коды русской керамики конца XX – начала XXI века отражают стремление данного вида искусства к переосмыслению культурного наследия предшествующих эпох, к синтезу накопленных смыслов и возрождению традиционных основ отечественного керамического искусства. Данное направление искусства полно и многогранно отражает самобытный путь российской культуры и тенденции к сохранению ее специфичных черт и уникальных качеств.

ЛИТЕРАТУРА

Антонян М.А. 1992. Творческая концепция художника-керамиста (к вопросу о синтезе архитектуры и пластики-керамики): Дис.... канд. искусствоведения. Навои-Москва. 253 с.

Дулькина Т.И. 2002. История отдела керамики и стекла Государственного исторического музея (конец XIX в.–1950-е гг.). М.: [б. и.]. 70 с., [4] л.ил.

Макаров К.А. 1985. Пластический язык керамики. - Декоративное искусство СССР, 1985. № 12: 10.

Никифорова Л.Р. 1973. Русский фарфор в Эрмитаже. Л.: Аврорв. 49 с.

Николаев В.Ю. 2015. Культурные коды как носители содержания искусства. Гуманитарное пространство. Международный альманах. Том 4. № 4: 564-570

Селиванов А.В. 1903. Фарфор и фаянс Российской империи. Владимир. Описание фабрик и заводов с изображениями фабричных клейм. Владимир. 76 с. + [25 табл.]

Получена / Received: 15.08.2015
Принята / Accepted: 09.10.2015

Реорганизация содержания обучения в профессиональной школе: в начале XX века

М.А. Лазарев[1], Т.В. Темиров[2]

[1]Международная академия образования
121433, г. Москва, ул. Большая Филёвская, д. 28, корп. 2
International Academy of Education
Bolshaya Filevskaya, str., 28, building 2, Moscow 121433 Russia
e-mail: cerambycidae@fromru.com
[2]Государственное образовательное учреждение среднего профессионального образования Московской области «Чеховский механико-технологический техникум молочной промышленности»
142322, Московская обл., Чеховский район, п. Новый Быт, ул. Новая, д. 4
State educational institution of secondary vocational education in the Moscow Region "Chekhov Mechanics and Technology College Dairy Industry"
Novaya str., 4, Novyy Byt, Chekhov distr., Moscow reg., 142322, Russian
e-mail: ttv078@gmail.com

Ключевые слова: гуманитарное образование, творческая деятельность, народные художественные промыслы, культуротворчество, культурологический подход, интеграция наук и искусств, культуроцентричность, языки науки и искусства, этнопедагогика, социокультурная среда.
Key words: humanities, creative activities, folk arts and crafts, cultural creativity, cultural approach, the integration of arts and sciences, culture as educational dominant, languages of art and science,ethnic pedagogy, socio-cultural environment.
Резюме: Данная статья посвящена традиционным, исторически сложившимся формам обучения. Показана модель реорганизации, модернизации в профессиональной школе на рубежах XIX-XX веков. Рассмотрено государственное управление учреждениями профессионального образования и трансформации системы профессионально-технического образования**.** Показано устройство формирования теоретико-методологических основ профессиональной школы на рубеже веков.
Abstract: This article focuses on traditional historical forms of education. Model shown reorganization and modernization in vocational school in the XIX-XX centuries. Considered governance institutions of professional education and transformation of the system of vocational education. Displaying forming apparatus of theoretical and methodological foundations of a vocational school at the turn of the century.
[Lazarev M.A.[1], Temirov T.V.[2] The reorganization of the content of training in a vocational school in the beginning of the XX century**]**

Термин «модернизация» в переводе на русский язык означает изменение чего-либо в соответствии с требованиями

современности (Бим-Бад, 1998*:* 448). Модернизация как процесс создания нового технологического способа производства, затрагивает все стороны общественной жизни: социально-экономическую, политическую, культурную. Модернизация образования требует целенаправленных усовершенствований в образовательной системе, изменения отношений государства и общества к образованию и отношений между государством и обществом в рамках образовательной политики. Забота о качестве человека: работника, профессионала, мастера, носителя сословных ценностей выступала общей основой модернизации русской школы в начале XX века Модернизация в системе профессионального образования на рубеже XIX и XX веков предполагала его доступность, культуросообразность и качество.

М. Богуславский считает, что стабильность - основная характеристика образовательной ситуации начала XX века: «Ключевым словом было понятие «модернизация». (Бим-Бад, 1998: 3). В принципе ее добивались все политические силы, но вкладывали в это понятие различный смысл. Не подвергалась сомнению необходимость ускоренного развития отечественной промышленности, познавшей уже первые горькие уроки кризиса.

А значит, возрастала потребность в усилении прагматической, технологической направленности содержания образования. Вместе с тем развитие экономики толкало вперед политическую жизнь. Причем одни хотели с помощью школы задержать революционные и демократические процессы «подморозить» Россию. Другие же видели в детях «работников будущего» и стремились максимально развить в них гражданские качества. И все же, несмотря на социальные катаклизмы, это десятилетие оказалось самым стабильным в первой половине XX века» (Бим-Бад, 1998: 31).

Рассмотрим государственное управление учреждениями профессионального образования.

К началу XX века ведомственная подчиненность значительно расширилась, появились школы других ведомств: Министерства путей сообщений, общества трудовой помощи. Из всех ведомств наиболее заинтересованным оказалось

Министерство путей сообщения.

Статистика ведомственных расходов на начальную и низшую профессиональную школу свидетельствует о том, что, разрешая общественные школы, государство стремилось не терять контроль над профессиональным образованием, с другой стороны, и устроители негосударственных школ нуждались в государственной поддержке, поэтому иногда добивались статуса министерских для своих учреждений.

Среди разнообразных типов профессиональных училищ и школ можно выделить основные группы: а) школы общественные (земские, общинные), б) школы, подведомственные МНП, в) школы других ведомств (МПС, Синода и др.). В 34 земских губерниях земские профессиональные школы преобладали, правительственные уступали им по своему числу. Частных профессиональных школ на селе практически не было (данные о них отсутствуют в статистике), так как частная инициатива реализовывалась через земскую деятельность.

Различие ведомственной подчиненности школ и профессиональных училищ еще не дает право считать дореволюционную профессиональную школу многоукладной. Логика внутреннего развития социально-политической жизни России в начале XX столетия требовали модернизации управления так же остро, как и модернизации содержания обучения.

В отечественной историко-педагогич***еской науке*** нет единого взгляда на типологию как профессиональной школы в целом, так и низшей профессиональной в частности. При построении целостной и непротиворечивой классификации профессиональных образовательных учреждений исследователю необходимо различать действие внешних и внутренний факторов развития образовательной системы.

Существует достаточно большая неопределенность в содержательном наполнении и соотношении таких близких понятий как «становление», «развитие», «эволюция», «модернизация», «совершенствование». В зависимости от принадлежности к той или иной научной школе, от характера

исследовательских задач в историко-педагогической литературе свободно используются их комбинации. В нашем исследовании мы опираемся на понятия «становление», «развитие» и «модернизация» как базовые для истории образования и отражающие системный характер историко-педагогического процесса.

Понимание природы и механизмов развития профессионального образования в рамках общей теории систем (Богданов, 1964: 117) позволяет выработать новые подходы к типологии и классификации. Значительной вехой в теоретическом осмыслении универсальных механизмов организации социальных систем стала работа А.А. Богданова «Всеобщая организационная наука (тектология)» (Богданов, 1964: 118). Центральным в теории автора выступает понятие «организация». Согласно теории А.А. Богданова, все развивающие объекты природы и общества представляют собой целостные образования (или системы), относительно постоянные и тождественные самим себе на разных стадиях развития.

Внутренняя причина развития связана с тем, что возрастание организационных различий между частями целого, увеличение противоречий между ними имеют тенденцию к дезорганизации и распаду системы. И тогда в ней включаются противоположно направленные интеграционные процессы, которые ведут к совершенствованию специализированных функций ее элементов, к их взаимопроникновению и взаимосогласованию, и процессы системной консолидации, ускоряющие внутренние противоречия за счет кардинального преобразования организации. Посредством интеграционных процессов на определенное время вновь достигается устойчивость системы, но уже на более высоком уровне.

Цикличное чередование системной дифференциации и процессов интеграции и составляет механизм развития системы. Нельзя не отметить, что такое понимание во многом предопределило суть современного системного подхода к процессам развития образования как социальной системы.

Под влиянием этих процессов многоукладная низшая профессиональная школа, как одно из самых динамичных

звеньев системы просвещения, прошла чередование циклов дифференциации и интеграции и к 90-м году XIX века интегрировалась по трем исторически сложившимся направлениям: авторитарному, манипулятивному и направлению педагогической поддержки (классификация Б.Г. Корнетова). Ученый выделяет и сравнивает эти направления по одиннадцати основаниям: цель, проектирование целей, коррекция целей, характер отношений, особенности взаимодействия, организация учебного процесса, позиция и роль учителя, позиция ученика, интерес ученика, ведущий лозунг, приоритеты. Указанные параметры (индексы) были учтены нами при изучении жизнедеятельности низшей профессиональной школы конца XIX - начала XX веков, что позволило выделить три ведущих типа этих образовательных учреждений: 1) правильноорганизованные, 2) неорганизованные, 3) новые.

*Коснемся вопроса трансформации системы профессионально-технического образования***.**

Россия была страной с развитым детским трудом и ученичеством. Масштабными были процессы социализации, и воспитания значительной части детей и подростков в различных видах трудовой деятельности (фабрично-заводской и ремесленной промышленности, в сельском и домашнем хозяйстве, в промыслах и т. п.), минуя «детскую» школу. Только в «фабричном котле» прошло первую школу жизни не одно поколение молодежи.

Ученичество категория междисциплинарная: историческая,

экономическая, педагогическая. «Вычленившись из детского труда в VI-IX веков, ученичество стало представлять собой институт социальной преемственности, выполнявший задачу обеспечения межпоколенческих трудовых отношений и формирования типа профессионала, необходимого производству».

Статистика детского труда и ученичества только в фабрично-заводской и ремесленной промышленности свидетельствует о массовости этого социально-экономического явления: только в 1913 году более 273 тысяч детей-рабочих

было вовлечено в промышленный труд.

К началу XX века малолетние рабочие и рабочие-подростки составляли примерно четвертую часть рабочих дореволюционной России. Ребенок-рабочий — исторический факт, который имеет значение не только для истории труда, но и для истории педагогики как феномен истории образования и воспитания. История педагогики, развивающаяся как история школьной педагогики, не смогла охватить практику и педагогическую мысль по образованию значительной части детей и молодежи, оставшейся вне школы. Между тем, включение в историко-педагогическую науку сюжета о детском труде и ученичестве позволяет анализировать целостно процесс воспитания и социализации на уровне поколения в их единстве и взаимосвязи, исследовать помимо школьного и другие формы детства.

В историко-педагогическом плане проблема детского труда, ученичества и образования детей-рабочих до настоящего времени не получила целостного рассмотрения. Историография проблемы крайне ограничена. Отдельные ее сюжеты изучали с точки зрения формирования законодательной политики государства в области детского труда и образования детей-подростков, оценки условий для школьного обучения малолетних рабочих (А.В. Пososков), роли внешкольного образования по обучению работающей молодежи и отдельных обществ по просвещению народных масс (П.В. Горностаев, Ф.А. Фрадкин, Б.К. Тебиев, В.А. Карелин, Н.И. Еналеева, Б.К. Король), состояния профессионально-технического образования детей и подростков (А.Н. Веселов, Н.Н. Кузьмин, Е.Г. Осовский, Н.И. Еналеева и другие).

В России в начале XIX века существовали две (основные) формы подготовки детей к самостоятельной жизни. Первая - это обучение их грамоте частным путём, вторая - профессиональное ученичество. Целенаправленное обучение детей грамоте происходило только в городе. Дворяне нанимали для своих детей учителей по языку, математике, иностранным языкам, закону Божию. Обучение происходило на дому (у дьяка, псаломщика, священника) или в домах «светских грамотеев» (юристов, канцеляристов, медиков, офицеров). Такую форму

обучения принято называть «домашним образованием». Профессор Г.А. Алексеев приводит свидетельство из рукописной работы начала XIX века о значительной параллельной роли (наряду с народными училищами) такого обучения в городах Среднего Поволжья. Епархиальные ведомства по Казанскому и Вятскому регионам указывают на существование надзора за частнопрактикующими учителями из числа священнослужителей.

Домашним обучением детей занимались также иностранцы: аптекари, ремесленники, штаб-лекари и др. Они получали официальное разрешение от властей обучать своему ремеслу не более чем трёх учеников. Эти ученики в течение 10-12 лет получали в основном практические навыки: распознавать болезни, собирать лекарственные травы, оказывать первую медицинскую помощь, изготавливать лекарства, а затем могли сдать экзамены при госпитальных школах на право получения аттестата лекаря или подлекаря (Баташова, 1974: 68-70).

Для детей городской бедноты, а также для сельской молодёжи, такое обучение было труднодоступным, прежде всего по материальным причинам. Профессиональной подготовкой этих групп населения занимались ремесленные цеха ювелиров, виноделов, кузнецов, гончаров, сапожников, шорников, бондарей.

Посадское население стремилось иметь своего мастера и часто содержало ремесленные школы за счёт «посадских сборов».

В начале XIX века в Казанской губернии было, например, 27 посадских общин, из них в 17 действовали цеховые школы; в Нижегородской губернии из 7 общин в 4 действовали цеха (в Алатыре, Арзамасе, Нижнем Новгороде, Курмыше); в Вятке из 9 общин - 6 имели цеха.

Цеха занимались разными видами производственной деятельности и одновременно готовили новое поколение мастеров - ремесленников, обучение которых носило чисто практический характер. Количество учеников, сроки обучения не регламентировались и носили индивидуальный характер. При таком индивидуально-ремесленном характере ученичества не было посторонней проверки знаний учащихся. Никто из

учеников не получал какого-либо документа, подтверждающего его умения. Проверка умений и навыков проводилась членами посадского общества, которые видели умения учеников или сами пользовались их навыками. Отсутствие отрицательных отзывов со стороны «потребительских услуг» означало разрешение называться «лекарем», «костоправом» и заниматься практикой врачевания или аптекарской практикой. По такой же системе готовили и других специалистов жизненно необходимых для нужд сельского или посадского населения.

О тёмной стороне «ученичества» писал К.Д. Ушинский в статье «Необходимость ремесленных школ в столице»: «Несколько первых лет своего ремесленного курса они только греют утюги, носят воду, работают Мехами, относят заказы, метут пол и оказывают услуги такого рода до тех пор, пока хозяевам не вздумается, наконец, посадить их за работу. Этот предварительный курс учения, не имеющий ни чего общего с самим мастерством, продолжается года два - три, а иногда и более. Курс этот, правда бесплатный; но, в сущности, бедные дети платят за него очень и очень дорого: почти всегда своей нравственностью и очень часто своим здоровьем» (Толстой, 1936: 215).

Интуитивно складывались педагогические принципы ученичества, ассимилирующие механизмы народной педагогики обучения труду в труде («делай как я», «делай, как положено», «Ванька, приглядывайся» и т.п.), а также достижения педагогики «здравого смысла», как, например, отбор перечня трудовых операций, перечня изделий и учет посильности и возрастных возможностей ребенка. Осознанный подход к необходимости выделения в труде специального периода, предназначенного для предварительного овладения суммой профессиональных учений, выделение специальных людей для передачи этих умений и доведения учеников до определенной степени мастерства, после которого может быть осуществлен допуск к работе наравне с взрослыми (после определенных испытаний), являлись новым содержанием функций ученичества.

Под воздействием научно-технического прогресса, определившего спрос на образованного и обученного молодого

рабочего, встал вопрос о расширении задач детского труда и ученичества, переходе к разрешению их проблем не только «внутри», но и «во вне». Появляется необходимость внешкольного общего и профессионального образования и типов образовательных учреждений.

Состояние ученичества в различные периоды социально-экономического развития России второй половины XIX - начала XX веков было неодинаковым. Качественное различие процессов ученичества прослеживается через изменение его функций. В развитии детского труда Н.И. Еналеева условно выделяет три периода.

Первый период - с 40-х годах XIX веков до 1882-1884 годов - характеризуется преобладанием экономических функций детского труда и ученичества, растратным отношением к детским рабочим силам.

Второй период - с 1884 по 1888 годов - отличается усилением тенденции отношения к детскому труду как к источнику пополнения рабочей силы квалифицированными рабочими. Однако, несмотря на выделение в детском труде педагогически необходимых элементов в процедуре включения детей в производство (прямое включение в труд, предварительное обучение в процессе выполнения работы, вхождение в труд предваряется элементарным обучением), формирование профессиональных умений осталось «побочным продуктом» труда. Совершенствованию стихийно складывающегося механизма производственного обучения вне ученичества должны были служить фабричные или заменяющие их школы, призванные обеспечить «некоторое нравственное и умственное развитие» детей-рабочих.

Третий период - с 1888 по 1917 годов - характеризуется усилением педагогических функций детского труда, расширением практики соединения труда детей и молодежи с их общим и профессиональным образованием в системе внешкольного образования. В санитарно-гигиеническом подходе, содержащем в себе педагогические начала, формируются требования к организации детского труда: необходимость отличать ребенка-рабочего от взрослого, недопустимость вредных работ, снижение утомляемости за счет

отмены ночных и праздничных работ, соблюдения режима работы, учебы и отдыха. К середине 90-х годов XIX века объективные потребности в профессиональной подготовке рабочих совпадают с возрастающей устремленностью молодых рабочих к социально-профессиональной карьере за счет получения общего и профессионального образования. Ученичество начинает «пронизывать» внешкольное образование.

К.Д. Ушинский предлагал взамен ученичества «разумно устроенные ремесленные школы, построенные на научных основах» (Толстой, 1936: 217).

Земства неоднократно пытались открыть сельскохозяйственные отделения в начальных школах, но это не имело успеха, главным образом, за недостатком опытных учителей. К тому же учителя сельских школ с нежеланием брались за уроки по сельскому хозяйству и лишь немногие следовали рекомендациям представителей «новой педагогики» (Н.Ф. Бунаков, В.П. Вахтеров) по использованию пришкольных участков для проведения опытов по естествознанию.

Инициатива правительства по расширению программы начальной народной школы за счет ремесленных и сельскохозяйственных классов в учебных округах была воспринята по-разному. Так на Урале, где были ещё в начале XVIII века открыты первые заводские школы, и к началу XIX века сложилась прогрессивная система горнозаводских школ, эта инициатива не была поддержана общественностью. Горнозаводские школы на протяжении 100 лет определяли образ низшего профессионального образования на Урале.

Урал был крупнейшим промышленным районом страны, её главной металлургической базой. Эту роль он сохранял и в XVIII, и в XIX веках историческая связь с крупным промышленным производством наложила отпечаток на культурный облик горнозаводских рабочих - их быт, нравы, психологию, образовательные потребности. Современники уже в 70-е года XIX века обращали внимание на особый культурный облик уральского рабочего.

Уроженец Урала, публицист и общественный деятель Р. С. Попов отмечал в статье, опубликованной в 1874 году в

«Отечественных записках»: «По отзывам всех наблюдателей, горнозаводские рабочие - одни из наиболее развитых, интеллигентных представителей рабочего класса» (Ушинский, 1974: 111).

Автор другой статьи в журнале «Вестник Европы» продолжает это наблюдение: «Занятие горными и другими промыслами сделало из уральцев, сравнительно с населением исключительно земледельческих местностей, народ более чистый, смышленый, расторопный и даже более образованный» (Берталанф, 1969: 111).

Развитие женского профессионального образования в России конца XIX - начала XX веков явилось ответом на социально-экономические вызовы развивающегося общества, на вызовы процесса социализации женщин в России. На общественный характер условий, побудивших государство сочло нужным обратить внимание на профессиональное образование женщин указывается в ряде работ, посвященных «женскому вопросу» (А.А. Амфитеатров, А.А. Кальманова, А.М. Коллонтай и другие).

Существенное влияние на становление женского профессионального образования в России оказала западноевропейская ориентация российских деятелей женского профессионального образования: М.П. Аргамаковой, М.К. Горбуновой - Каблуковой, Е.П. Янжул.

Общественно-педагогическая мысль того времени отражала две тенденции в понимании задач женского образования:

1) прагматическую, признававшую узкопрактическую профессиональную подготовку на базе школы грамоты или даже без элементарного начального образования (С.А. Владимирский, М.И. Казн);

2) гуманистическую, предполагавшую широкую общеобразоватльную подготовку (В.П. Вахтеров, П.Ф. Каптерев, А.Г. Неболсин).

Представителей этих подходов объединяла идея развития женского профессионального образования, но они разошлись в понимании соотношения общего и специального образования в женском профессиональном обучении.

Женское профессиональное образование в России конца XIX - начала XX веков явилось результатом соединения усилий государства и общественной инициативы. По отношению к профессиональному обучению женщин государство осуществляло регулятивную, надзорную и корректировочную функции, одновременно частично финансируя женские профессиональные учебные заведения.

Женщины-работницы, с одной стороны, несомненно, представляли экономический интерес для государства (стабильность и компетентность женского труда), с другой стороны, в России не было традиции всесторонней поддержки женской активности государством, а «женский вопрос» звучал для правительства как вопрос политический, а не экономический.

Общество (общественная инициатива и общественно-педагогическое движение) инициировало создание профессиональных учреждений в самых различных формах: воскресные школы, курсы, мастерские, классы и так далее, а так же осуществляло поиск средств на их финансирование.

«Общество распространения профессионального женского образования», задавшись целью повысить уровень грамотности среди женского населения нерусских народностей Урала, в конце XIX века разработало проект устава, который начинался словами: «Давая воспитание мальчику, вы просвещаете человека, воспитывая девочку - просвещаете целое семейство». Общество учредило частное женское учебное заведение с профессиональным обучением. В женском училище были открыты ткацкие и рукодельные мастерские, началась подготовка сестёр милосердия, фельдшериц и сиделок. В проекте женского училища говорилось, что в него будут поступать девочки из начальных школ. Следовательно, ученицы имели возможность продолжать образование и получить профессию».

В результате соединения гибкой государственной политики с усилиями педагогического и феминистского движений в России в начале XX века происходит становление системы женского профессионального образования.

Под системой женского образования принято понимать

совокупность организованных форм и способов обучения, находящихся в устойчивом взаимодействии друг с другом, причем свойства системы в целом не сводятся к свойствам ее отдельных частей, а отдельные компоненты образуют собственные подсистемы: система женских профшкол МНП, система Мариинских профессиональных школ для девочек и т.д.

Женское профессиональное образование в России конца XIX - начала XX веков развивалось под влиянием группы объективных и субъективных факторов национального, демографического, технического, социального и культурологического характера. Обратимся к статистическим показателям:

1. Во время Всероссийской переписи 1897 года на 450905 мужчин, занятых обработкой волокна, приходилось 508679 женщин.

2. Согласно данным фабричных инспекторов, количество женщин, работающих на предприятиях, подчиненных фабричному надзору, с 1901 по 1910 года увеличилось на 33 %, а мужчин только на 8 %.

3. В крупной промышленности женский труд начинает использоваться в таких «неженских» отраслях, как обработка металлов, работа с жестью, гвоздильные заводы и другие.

Следовательно, женский труд, конкурируя с мужским, группируется вокруг определённых профессий и постепенно расширяет сферу своего применения.

Резко возросшая численность женщин, занятых в производстве России на рубеже XIX-XX веков, не сопровождалась ростом качества их профессиональной подготовки. Работницы швейной, текстильной, пищевой, меховой и обувной отраслей промышленности не могли применять прогрессивные технологии, не были готовы к квалифицированному труду.

Задачи их профессионального образования обсуждаются и ставятся, прежде всего, общественной инициативой и общественно педагогическим движением за распространение профессионального женского образования.

Усилия педагогической общественности получали практическую поддержку со стороны государства. Это

содружество, а так же гибкий характер государственной политики в сфере профессионального образования женщин - один из уроков русской истории конца XIX - начала XX веков.

Развитие целого комплекса просветительских учреждений (воскресных и вечерних школ, клубов, кружков, постоянных и передвижных библиотек, выставок, празднование русских народных праздников) разрешало широкий круг образовательных и социальных задач. Многие образовательные учреждения для женщин становились формами социальной защиты и ведущим фактором социализации женщины-работницы.

Второй период - женское профессиональное образование в 60-90-е годы XIX века, когда начинают появляться первые учебные заведения, готовящие женщин-работниц для промышленности.

Одновременно проблемы профессионализации и социализации женщин широко обсуждаются общественностью. Идёт процесс специализации женских профессиональных учебных заведений.

Началом нового движения в профессиональном образовании стала публикация «Основного положения о промышленных училищах» от 7 марта 1888 года, где впервые говорится о единстве в организации и содержании обучения этого типа образовательных учреждений в масштабах страны.

В этот период общеобразовательная школа постепенно теряет свое значение в подготовке специалистов низшей квалификации, и растёт число профессиональных училищ для женщин.

На 1 января 1910 года в России 956 женских смешанных профессиональных школ, а общее количество учащихся 55051 человек.

Крупным русским педагогом А.С. Вороновым, одним из деятелей Министерства народного просвещения, были разработаны концепция и программа развития женского педагогического образования.

«Исходя из двух точек зрения - педагогической и социальной заключал Воронов, - я полагаю, что женскими училищами, независимо от доставления ими общего

образования, необходимо воспользоваться, с одной стороны, как средством для приготовления учительниц для этих училищ и для частных домов, и с другой, - для образования учительниц начальных народных училищ и вообще для первоначального учения» (Журнал Министерства Народного просвещения, 1865: Т. 125: 311-320 - С. 311).

Необходимость привлечения женщин к профессиональной деятельности в образовании осознавалась педагогической общественностью России середины XIX века почти единодушно. Попечитель Одесского учебного округа А. А. Арцимович высказывал «глубокое убеждение в том, что женщина способнее мужчины для первоначального народного образования» и что «надо стремиться передать народные училища в руки женщин» (Извлечения из отчетов по управлению учебными округами за 1864 г., 1865: 510).

За допущение женщин к обучению в народных школах выступали попечители Харьковского и Казанского учебных округов, педагогические советы Екатерининской, Казанской, Архангельской и других гимназий. Более того, в ряде наиболее смелых отзывов высказывались предложения о разрешении женщинам преподавать в мужских гимназиях. Педагогический совет Нижегородской гимназии и Александровского Дворянского института высказывал мнение о том, что право женщин на преподавание может быть распространено на любые учебные заведения.

Можно отметить также и существование такого вида учебных заведений, как епархиальные женские училища, которые были наиболее успешными образовательными учреждениями Русской Православной Церкви. Идея образования детей православного духовенства была разработана совместно церковными и государственными деятелями в середине века, и с 1860-х годов училища создавались во всех епархиях и имели большое просветительское значение.

Эти школы для образования дочерей духовенства считались общеобразовательными, а не профессиональными. Однако они имели очень большое значение для развития специального образования. Начало епархиальным училищам было положено Ведомством им. Марии в 1843 году, создавшим

в Царском Селе такую школу. К 80-м годам XIX века Епархиальные женские училища стали одним из компонентов системы женского образования в России, но по ряду признаков, прежде всего воспитательных, занимали в этой системе особое место.

При их организации духовенство в полной мере реализовывало свои представления о религиозном просвещении, воспитании и образовании. По мнению священнослужителей того времени, жене священника недостаточно было быть доброй матерью, любящей супругой и опытной хозяйкой. Она должна была не только разделять труды мужа-священника по воспитанию детей, по управлению домом и приходом, но и быть ему помощницей и поддержкой в многотрудном пастырском служении. В обязанности жены священника входило разъяснение, как молиться и соблюдать пост, как вести себя в церкви, как преодолевать суеверия, она была готова разделить горе и радость прихожан, поделиться с ними опытом, знаниями, нередко и деньгами.

Миссия, возложенная на жену священника, требовала изучения широкого спектра наук в их практическом воплощении: помощницы священника, служительницы церкви, народной учительницы, культурной хозяйки. Поэтому особенность епархиальных женских училищ заключалась в целенаправленной подготовке воспитанниц по вероучению, медицине, сельскому хозяйству, кулинарии, шитью, педагогике.

Развитие этого типа женского образования характеризуется «открытостью» и преобладанием целей общественно-полезного воспитания над первоначальными целями духовного просвещения.

Устав 1895 году закрепил за епархиальными училищами статус среднего учебного заведения и одновременно предусматривал две цели профессиональной подготовки: будущих жён священнослужителей и учительниц начальных школ. В связи с усилением педагогической направленности были пересмотрены учебные планы и программы, созданы экспериментальные педагогические классы и определена база педагогической практики для воспитанниц: приюты, воскресные школы, церковно-приходские школы и так далее.

Епархиальные женские училища в содержании общеобразовательной подготовки воспитанниц следовали за женскими гимназиями, однако условия подготовки в них будущих учительниц существенно отличались.

Духовенство опиралось на христианские ценности и представления о роли женщины в семье и обществе, поэтому миссия, возложенная на жену священника и учительницу народной школы, была единой. Это миссия свидетельствования о христианских добродетелях. Всем своим обликом, поведением, практическими знаниями и умениями воспитанница епархиального училища олицетворяла христианские ценности.

Мать семейства, служительница церкви, культурная домохозяйка, помощница священника, учительница крестьянских детей и детей рабочих в равной степени была образцом благонравия и связующей нитью между приходом и храмом.

Педагогическая подготовка воспитанниц осуществлялась не изолированно, а была включена в религиозное и нравственное воспитание, которое «основывалось на началах православной веры и было призвано укреплять девочек в сознании обязательности евангельского нравственного закона, утверждать в их душах прочное основание к осуществлению этого закона в жизни» (Устав 1868 года).

В девочках воспитывали скромность, вежливость, почтительность, дружелюбие, ласковость и снисходительность к младшим и немощным. Особенно важным в воспитании епархиалок было приучение к сознательности в поступках и преодолении себялюбия. Для этого в содержание педагогической практики включали такая деятельность, как уход за больными на дому, работа в больницах сиделками, организация обедов для нищих, сбор пожертвований.

Женская средняя школа, в том числе и епархиальная, стала важнейшим фактором развития начальной народной и женской профессиональной школы. По данным Р.Ф. Усачевой, уже в 1880 году среди учителей сельских начальных народных училищ Европейской России женщины составляли 20 % (4878 чел.). Из них выпускниц средних женских учебных заведений

было 62,7 % (3059 чел.). Возраст трех четвертей учительниц не превышал 25 лет, т.е. средняя женская школа (гимназия, прогимназия, институт, епархиальное училище) была их самым недавним прошлым. К 1917 году число учительниц начальных народных училищ возросло почти в 20 раз, и они составили 53,8 % общего количества народных учителей (Фальборк, 1908: 232***).***

Система профессиональных школ в сельских районах России, сложившаяся к 90-ым годам XIX века отличалась сложностью, диспропорцией в территориальном распределении, разницей в наименованиях. В разных переписях (1894, 1903, 1911 годам) насчитывается до 20 наименований этих школ: земские, железнодорожные, частные, агрономические, школы садоводства и др. Каждый из этих видов школ действовал на основе особых законодательных актов, был подчинен ведомственным органам учебной власти или местного самоуправления.

Модернизационные процессы в конце XIX века затронули, прежде всего, содержание образования в народных школах. В 1900 году был принят закон, разрешающий МПП и Синоду вводить преподавание сельского хозяйства в начальных школах, имеющих землю, учительских семинариях и церковных учительских школах. Министерство земледелия поддерживало преподавание сельского хозяйства в начальных и учительских школах, выделяя семена, растения, устраивая курсы и поощряя учителей. Опрос 41 земства, проведенный журналом «Русская школа» в 1909 году показал, что 20 из них не имеют в школах классов профессионального образования, 21 - имеют, в 10 земствах имелись самостоятельные профессиональных училища (Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 10. СПб., 1894: 12) По данным на 1901 года занятия по сельскому хозяйству велись при 343 школах, по ремеслам - при 495, по рукоделию - в 5885 школах.

Вопрос о введении в курс сельской начальной школы сельскохозяйственных знаний обсуждался педагогической общественностью в течение первых 10 лет XX века. В выступлениях на 1-м Всероссийском съезде по вопросам народного образования в 1913 года мнения разделились. Например, кн. Долгоруков так сформулировал свою точку

зрения: 1) нельзя объять необъятное; 2) за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь; 3) в начальной школе нельзя найти места профессиональным знаниям. В резолюцию съезда группа прогрессивных учителей внесла следующую поправку: «Для земледельческого края при начальной школе преподаются сведения сельского хозяйства, домоводства, агрономическая химия, а где нужно по местным условиям и ремесла, все то, что нужно для культурного образования земледельца. Для преподавания этих практических знаний школы дополняются новым составом учащих их специалистов. Учителя общеобразовательных предметов от этого свободны. Поправка была съездом отклонена, но по своей направленности она выражала такие модернизационные процессы как: специализация преподавания, регионализацию содержания образования, приоритет ценностей культуры.

Формальный характер знаний, которые давали народная и профессиональная школы, обсуждались на Первом Всероссийском съезде по вопросам народного образования (1913 года). В докладах Н. В. Чехова «О приспособлении учебного плана начальной школы к местным условиям» и О. Я. Кузнецова «О приближении учебного материала в начальных сельских школах к жизни учащихся» региональные и общенациональные проблемы образования осознаются, прежде всего, как проблемы культуры. Авторы докладов обращают внимание на то, что идея профессионального сельскохозяйственного образования не получает поддержки в крестьянской среде и объясняют это традиционным для «школы грамоты» формальным образованием, не связанным с сельской культурой, образом жизни крестьянина.

Интересно также устройство формирования теоретико-методологических основ профессиональной школы на рубеже веков.

В 60-е года XIX века в России началось становление теории и методики профессионального образования как самостоятельной отрасли научного знания. Возникшие в России объединения - Русское техническое общество, Вольное экономическое общество, Московское общество распространения технических знаний, Общество содействия

женскому сельскохозяйственному образованию и другие — создавали учебные заведения, выдвигали проекты реформирования системы общего и профессионального образования в России, изучали зарубежный опыт подготовки рабочих и других специалистов, проводили съезды деятелей профессионального и технического образования, издавали научную, учебную методическую литературу. Органом научно-методической мысли стал журнал «Техническое образование» (1892-1917 годы). Особенно значительна роль Постоянной комиссии по техническому образованию Русского технического общества (1868 года) и ее руководителей - видных деятелей профессионального образования России Е.Н. Андреева (1868-1889 годах) и А.Г. Неболсина (1889-1917 годы).

Вехой в становлении профессиональной педагогики стал разработанный ученым-механиком и министром финансов И.А. Вышнеградским (1831-1895 годы) проект «Общего нормального плана промышленного образования в России» (1884 год), заложивший основы государственной системы профессионального образования. В формировании-российской концепции профессионального образования приняли участие известные деятели - великий русский ученый-химик Д.И. Менделеев, ученые и инженеры В.К. Делла-Вос, В.И. Гриневецкий, ученый-агроном И.А. Стебут, экономисты А.И. Чупров и И.И. Янжул, Н.А. Каблуков, инженеры-педагоги Д.К. Советкин, С.А. Владимирский, М.В. Лысковский и др. Ими были сформулированы следующие требования к качеству и содержанию профессионального образования России:

- соответствие потребностям развивающейся экономики,
- конкурентоспособность подготавливаемых кадров,
- обязательная база - общее образование,
- разнотипный и разноуровневый характер профшколы в зависимости от исходного общего образования,
- сочетание общего и специального в содержании образования,
- практическая направленность обучения и четкая специализация,
- постепенная замена ученичества ремесленными школами,

- соединение труда и ученичества рабочих-подростков с их обучением в вечерне-воскресных школах.

60-е году XIX века - начало развития дидактики профессионального обучения в России. Ее колыбелью стало Московское техническое училище, возникшее на базе Воспитального дома и имевшее давние традиции в деле обучения ремесленников. В учебных мастерских МТУ группой мастеров под руководством ученого мастера Д.К. Советкина (1838 - 1912 годах) была разработана первая в мировой практике дидактически обоснованная система производственного обучения слесарному, токарному, столярному и кузнечному ремеслу.

Превращение теории профессионального образования в самостоятельную отрасль научного знания в конце XIX - начале XX веков связано, с одной стороны, с формированием сложных видов профессиональной деятельности, повышением требований к квалификации и двигательной культуре работающих, с другой - с развитием смежных областей трудоведения - научной организации труда (Ф. Тейлор, Г. Форд, А. Фридрих), психотехники (В. Штерн, Ф. Баумгартен), психологии профессий (О. Липман, Г. Мюнстерберг), психофизиологии труда (Ж. Амар), ставивших задачей приложение научных данных к практической деятельности.

В исследуемый период особенно интенсивно развивалась методическая составляющая образовательной практики. Динамичное развитие методов обучения было вызвано расширением сферы образования, что способствовало поискам таких методов, которые позволяли бы в относительно короткие сроки достигать желательных результатов.

«На рубеже веков, - по свидетельству С. Ф. Егорова, - постоянно звучало противопоставление «старых» и «новых» методов. «Старые» были ориентированы преимущественно на запоминание учебного материал. В «старых» методиках преобладала дедуктивная система изложения, не учитывающая особенностей восприятия учебного материала учениками разных возрастных групп» (Равкина, 1994: 14).

Разработка более эффективных методов и методик обучения в профессиональной школе проходила в

непосредственной связи с опытом общеобразовательной школы. Показателем этих процессов можно считать 1915 году, когда были представлены новые программы по предметам общеобразовательного курса. То произошло при министре народного просвещения П.И. Игнатьеве. «Игнатьевские реформы» затронули и начальную профессиональную школу.

В составлении новых программ и объяснительных записок к ним принимали участие учёные и методисты Н.С. Державин, Н.К. Пиксанов, В.В. Данилов (язык и словесность), Б. Д. Греков (история), Л.В. Щерба (новые языки), А.А. Борзов, П.В. Семёнов-Тяншанский (география), К.Ф. Лебединцев (математика), В.В. Половцев, Б.Е. Райков, К.П. Ягодовский (естествознание).

Для развития методов обучения исключительно важное значение имели опыты классификации, которые представляли все науки как целостные знания. Философы и теоретики науки предлагали различные принципы координации наук, с позиций которых выявились особенности каждой из них в отдельности.

С.И. Гессен предложил классификацию наук, основанную на общем научном методе, основные направления которого: 1) естественнонаучное, 2) математическое, 3) историческое, 4) философское. Все они должны быть представлены в образовании.

П.Ф. Каптерев предлагал разделить науки на две основные группы: в одних факты преобладали над логикой, в других - при сравнительно небольшом количестве фактического материала много выводов, формул, законов, а сочетания фактов сложны и разнообразны. Для педагогики такое разделение важно с точки зрения соотнесения метода науки и метода преподавания этой науки. Педагогические методы существенно отличаются от методов науки, хотя и не противоречат им. Зная науку, педагог должен «понимать умственный рост детей, знать характерные эпохи развития ума и уметь применяться в преподавании к различным детям, к индивидуальностям» (Каптерев, 1905: 87).

В начале XX века получило развитие учение К.Д. Ушинского о наглядности: ученик должен идти от конкретного к отвлечённому, от образа к мысли. Позднее эти

положения были дополнены дидактическими требованиями постепенности и последовательности, согласно которым содержание науки разлагается на элементы, их сочетание и более сложные представления.

Ведущей методической идеей начала XX века становится идея социализации детей, воспитания «социальных эмоций»: «Ребёнок, у которого явилась непосредственная социальная эмоция, который обладает соответствующим социальным опытом, только такой ребёнок способен для дальнейшего развития. Только тогда, когда Вы убеждены, что у него развилось социальное чувство, он совершенно иначе относится к кипучей деятельности завода, к тонкой организации внешне беспорядочного торгового дела. Вы из него делаете организатора» - писал редактор журнала «Родная школа» И.П. Тутышкин в 1919 году.

Таким образом, в профессиональной школе методы обучения имеют и социальное, и образовательное значение. Кроме усвоения знаний методы выполняют развивающую, социализирующую роль, вызывают у учащихся те или иные переживания, настроения.

Среди многочисленных методов, методик, форм, приёмов, способов наущения очевидны три стадии развития методов относительно к возрасту учащихся.

На первой стадии в методиках преобладают эмпирические способы познания; на второй - систематические с элементами исследования; на третьей - классификация, систематизация, обобщение и увеличение объёма исследовательских методов обучения.

В январе 1916 года Министерство народного просвещения предложило сообщить об имеющихся и реализуемых в учебных заведениях учебниках, учебных пособиях и руководствах. Из сообщений технических школ и училищ можно сделать вывод, что наиболее распространёнными были следующие учебники:

Арифметика: А.П. Киселёв «Систематический курс арифметики», А.Ф. Малинин и К.П. Буренин - задачник. Геометрия: А.П. Киселёв «Элементарная геометрия», З.Б. Вулих «Краткий курс элементарной геометрии», Н.А. Рыбкин

«Сборник геометрических задач на вычисление». Алгебра: А.П. Киселёв «Элементарная алгебра», А.Н. Шапошников и Н.К. Вальцев - задачник. Физика: К.Д. Краевич «Учебник физики», А.Н. Яковлевский и М.А. Дешевой «Учебник технической физики» (для ремесленных училищ). Химия: С.Н. Реформатский «Учебник неорганической химии». Механика: С.М. Гужеев «основы общей механики». Технология: Г.Ю. Гессе «Технология металлов», В.М. Малышев и А.П. Гавриленко «Технология дерева», А.И. Плотницкий «Механическая технология металлов». Электротехника: И.Г. Линде «Курс электротехники». Черчение: П.И. Межеричер «Геометрическое черчение» и «Проекционное и техническое черчение». Практические работы в мастерских: Г. Ю. Гессе «Руководство к изучению слесарного дела».

Специфика учебных предметов профессиональной школы предлагала активные методы обучения: экскурсии, лабораторные работы, выполнение производственных заказов. Разработка новых методов и методик преподавания, специальных и общеобразовательных дисциплин шла по нескольким направлениям.

Во-первых, работали инициативные комиссии Русского технического общества. В конце XIX века начала свою деятельность комиссия под предводительством П.Ф. Лесгафта, которая представила новые программы по физике, химии, минералогии. Комиссия под председательством Н.И. Макарова работала над программами по рисованию и черчению.

Во-вторых, большую роль играла творческая деятельность отдельных педагогов и педагогических советов передовых училищ. Инженер-педагог Д.К. Советкин в 1868 году осуществил научный анализ процесса труда и предложил на этой основе программу по слесарной специальности.

В-третьих, Министерством просвещения прилагались организационные усилия, направленные на изучение опыта преподавания в технических училищах. В 1906 году было собрано совещание директоров и преподавателей этих училищ. В результате этого совещания была признана малопригодной лекционная форма и рекомендована классно-урочная форма организации обучения.

Однако в целом школьная политика правительства в отношении профессиональной школы была акцентирована на воспитательных, а не образовательных проблемах, а общественная инициатива центрирована на просветительских вопросах. Поэтому организационную работу па совершенствованию форм и методов обучения взяла на себя общеобразовательная школа, создавая для себя и опосредованно для профессионального образования педагогически целесообразные модели обучения.

Выводы по второй главе:

В конце XIX века (данные 1896 г.) профессиональные школы подчинялись: Министерству народного просвещения (МНП), Синоду, Министерству императорского двора и уделов, Министерству внутренних дел, Морскому министерству, Ведомству учреждений императрицы Марии, Военному министерству, Императорскому человеколюбивому обществу, Императорскому техническому обществу.

Несмотря на то, что в 60 - 90-х годах, как и в дореформенный период, МНП не имело монополии на низшую и среднюю профессиональную школу: часть учебных заведений находилась в подчинении другим министерствам и ведомствам, к концу столетия ведомству просвещения удалось сконцентрировать у себя значительное число начальных и низших профессиональных школ»

С середины XIX века образ школы петровских времен, которые были, как известно, своеобразными политехникумами, полностью вытеснен средней общеобразовательной (гимназия, народное училище, епархиальное училище и др.). Государство и общество не имело ясных представлений о путях и способах развития начального профессионального образования, выбирая между западноевропейской моделью трудовой школы и ремесленным или фабрично-заводским ученичеством.

Рассогласованность в целях, средствах, содержании обучения низшей профессиональной школы к концу XIX века привела к тому, что государство, потеряв контроль над большинством ведомственных школ, пыталось приспособить для профессиональной подготовки начальную народную школу, особенно в сельских районах.

Одновременно стало ясно, что западные образцы на русской почве, как правило, не прививаются. Характерный пример - немецкие женские сельскохозяйственные школы, которые вызывали вначале большую заинтересованность русского общества. Бедность населения, низкий уровень начального образования, отсутствие инициативы со стороны сельских общин не дали этим школам распространиться в России.

В дореволюционной России фабрично-заводское ученичество развивалось в двух основных формах; как обучение у конкретного мастера на производстве и в форме учебной мастерской с большим охватом учеников.

К началу XX века малолетние рабочие и рабочие-подростки составляли примерно четвертую часть рабочих дореволюционной России. Ребенок-рабочий - исторический факт, который имеет значение не только для истории труда, но и для истории педагогики как феномен истории образования и воспитания. История педагогики, развивающаяся как история школьной педагогики, не смогла охватить практику и педагогическую мысль по образованию значительной части детей и молодежи, оставшейся вне школы. Между тем, включение в историко-педагогическую науку сюжета о детском труде и ученичестве позволяет анализировать целостно процесс воспитания и социализации на уровне поколения в их единстве и взаимосвязи, исследовать помимо школьного и другие формы детства.

В России в начале XIX века существовали две (основные) формы подготовки детей к самостоятельной жизни. Первая - это обучение их грамоте частным путём, вторая - профессиональное ученичество. Целенаправленное обучение детей грамоте происходило только в городе.

В ученичестве как самостоятельном институте социальной преемственности трудовых отношений и отношений между поколениями - условно выделяется несколько этапов развития. Первоначальный этап характеризуется неразрывной связью с производственным трудом, который был в той или иной мере педагогически организованным. Определенным этапом в развитии ученичества стало появление двух типов его

социальной организации - цеховой и нецеховой (договорной и бездоговорной). Появление договоров свидетельствует об еще более глубоком осознании необходимости педагогики ученичества, ибо они требовали соблюдения определенных педагогических возможностей цеха, мастера в доведение ученика до определенного мастерства в определенный срок, обеспечения процесса обучения определенными педагогическими приемами.

Развитие женского профессионального образования в России конца XIX - начала XX веков явилось ответом на социально-экономические вызовы развивающегося общества, на вызовы процесса социализации женщин в России.

Женское профессиональное образование в России конца XIX - начала XX веков явилось результатом соединения усилий государства и общественной инициативы. По отношению к профессиональному обучению женщин государство осуществляло регулятивную, надзорную и корректировочную функции, одновременно частично финансируя женские профессиональные учебные заведения.

Женское профессиональное образование в России конца XIX - начала XX веков развивалось под влиянием группы объективных и субъективных факторов национального, демографического, технического, социального характера**.**

В 60-е годы XIX века в России началось становление теории и методики профессионального образования как самостоятельной отрасли научного знания.

Превращение теории профессионального образования в самостоятельную отрасль научного знания в конце XIX - начале XX веков связано, с одной стороны, с формированием сложных видов профессиональной деятельности, повышением требований к квалификации и двигательной культуре работающих, с другой - с развитием смежных областей трудоведения - научной организации труда (Ф. Тейлор, Г. Форд, А. Фридрих), психотехники (В. Штерн, Ф. Баумгартен), психологии профессий (О. Липман, Г. Мюнстерберг), психофизиологии труда (Ж. Амар), ставивших задачей приложение научных данных к практической деятельности.

И так, можно заключить из проведенного анализа

следующее, что Россия конца XIX - начала XX веков накопила положительный образовательный опыт, который в видоизмененной форме актуален и сегодня. Результативной формой социальной защиты и социального воспитания в XIX веку было начальное, среднее, и профессиональное образование.

В этот период наметились пути сотрудничества педагогической общественности разных стран, создавались возможности интеграции педагогического знания и укрепления гуманистической традиции.

В образовательной сфере дореформенной России не существовало четко организованной системы начальных учебных заведений для всех социальных групп населения. В привилегированные школы детям из податного сословия доступ был закрыт. Образование практически не распространялось на крестьянских детей.

Такая ситуация послужила причиной разительных контрастов: высокий европейский уровень высшего и среднего образования для привилегированных и имущих слоев населения, с одной стороны, и отсутствие достаточного количества элементарных школ для большинства народа - с другой.

В отечественной педагогике в начале XX века был выдвинут ряд достаточно последовательных концепций профессионального образования, особенности которых не только отражали мировоззрение авторов, но и были обусловлены ориентацией на ту или иную сферу жизни: науку, религию, творчество, социум.

В России в начале XIX века существовали две (основные) формы подготовки детей к самостоятельной жизни. Первая - это обучение их грамоте частным путём, вторая - профессиональное ученичество. Целенаправленное обучение детей грамоте происходило только в городе.

В 60-е годы XIX века в России началось становление теории и методики профессионального образования как самостоятельной отрасли научного знания.

Во второй половине XIX - начале XX веков в российской образовательной сфере, в том числе в области народного просвещения, происходят значительные перемены. В

рассматриваемый период правительство предпринимает попытку модернизировать государственные и общественные институты: важнейшим фактором жизни империи становится целый комплекс политических и хозяйственно-культурных изменений. Дальнейшее успешное развитие страны и усовершенствование системы государственного управления было невозможно без наличия образованных людей, без специальной организации школьного образования, которое соответствовало бы новым социально-экономическим реалиям.

Именно в этот период большую роль в просвещении народа начинают играть российские земства, которые вырабатывают принципы построения образовательного учреждения нового типа - земской начальной школы. В организации просвещения активное участие принимали губернии, уезды, сельские общества.

С конца XIX века в развитии образования происходят изменения в образовательной системе. В этот период образовательная практика находилась в состоянии, когда многое пришло в действие, но еще не сложилось в целостную систему. Новые звенья системы народного просвещения стали определять новую педагогическую реальность, сохраняя традиционные для России формы образования. Изменения, с одной стороны, и стабильность, с другой, создавали условия для результативности процессов модернизации во всех звеньях системы образования.

С конца XIX - начала XX веков происходят большие изменения в женском профессиональном образование. Это развитие явилось ответом на социально-экономические вызовы развивающегося общества, на вызовы процесса социализации женщин в России. Женское профессиональное образование в России конца XIX - начала XX веков явилось результатом соединения усилий государства и общественной инициативы. По отношению к профессиональному обучению женщин государство осуществляло регулятивную, надзорную и корректировочную функции, одновременно частично финансируя женские профессиональные учебные заведения.

В начале XX века надо отметить большой вклад земства в развитие образовательной системы. Именно земства были

решающим фактором, обусловившим жизнестойкость и результативность начальной народной школы, которая впервые стала тем реально функционирующим образовательным институтом, эффективная деятельность которого способствовала появлению у крестьянского населения стремления к постоянному повышению своего культурного и общеобразовательного уровня.

Концепция развития системы профессионального образования в России на современном этапе в значительной мере обусловлена тенденциями перспективного преобразования экономики. Переход страны на рыночные методы хозяйствования, становление в России рынка труда, развитие негосударственного сектора, включая частный, и, наконец, объективная необходимость интеграции нашей страны в многоуровневую экономическую систему требуют переосмысления задач, стоящих перед профессиональной школой.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Г.А. 1990. К истории просвещения в среднем Поволжье (вторая половина XYIII в.). Чебоксары. 69 с.

Андреева Е.А. 2000. Возникновение и развитие епархиальных женских училищ в России (середина XIX - н. XX век). Автореферат дис. канд. пед. наук. - М.. 16 с.

Баташова С.Я. 1974. Актуальные проблемы профессионально-технического образования в СССР, Вопросы методологии исследований и истории. Под. ред. С.Я. Баташова. Горький.

Берталанфи, Л. 1969. Общая теория систем: критический обзор. В сб. Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс: 23-82.

Бим-Бад Б.М. 1998. Педагогические течения в начале XX века. Лекции по педагогической антропологии и философии образования. 2-ое изд. М.: Изд-во УРАО.

Богданов И.М. 1964. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М. 125 с.

Богуславский М.В. 2000. Генезис гуманистической парадигм образования в отечественной педагогике начала XX в. - Педагогика. № 4.

Богуславский М.В. 2002. XX век российского образования. М.: ПЕРСЭ, 2002. 336 с.

Веселов А.Н. 1961. Профессионально-техническое образование в СССР. - Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования. М. 435 с.

Извлечения из отчетов по управлению учебными округами за 1864 г.

Спб.,1865. 779 с.
Каптерев П.Ф. 1905. Педагогический процесс. СПб., тип. Б.М. Вольфа. 136 с.
Коган М.С. 1996. Философия культуры. Санкт-Петербург, ТООТК Петрополис. 416 с.
Корнетов ГБ. 1993. Гуманистические педагогические традиции на пороге XXI века: проблема парадигмального оформления. 1 Историко-педагогический процесс и современные проблемы образования: методология, идеи, опыт. М.
Осовский Е.Г. 1980. Развитие теории профессионально-технического образования в СССР (1917 - 1940). М.: Высшая школа.
Равкина З.И. 1994. Историко-педагогические основания стратегии развития отечественного образования. Под редакцией З.И. Равкина. М.: ИПП и МИО РАО. 88с.
Темиров Т.В. 2014. Культурологический аспект освоения народного искусства - Гуманитарное пространство. Международные альманах. Т. 3. № 4: 608-617.
Темиров Т.В. 2015. Опыт народных мастеров в современной педагогике. - Гуманитарное пространство. Международные альманах. Т. 4. № 1: 65-77.
Темиров Т.В. 2015. Педагогические традиции народных мастеров. - Гуманитарное пространство. Международные альманах. Т. 4. № 2: 153-168.
Темиров Т.В. 2015. Региональная художественно-прикладная культура в структуре культурной политики. - Гуманитарное пространство. Международные альманах. Т. 4. № 4: 571-580.
Толстой Л.Н 1936. Полное собрание сочинений: В 90 т. М. Т. 8: 215-220.
Усачева Р.Ф. 1996. Реформа женской школы в России (1860-е). М.: Педагогический поиск. 70 с.
Ушинский К.Д. 1974. Избранные педагогические сочинения. Под. ред. А.И. Пискунова. М.: Педагогика. Т. 1. 584 с.
Тебиев Б.К.1996. На рубеже веков. М.: Интеллект.
Фальборк Г.А. 1908. Всеобщее образование в России. М. 121 с.

Получена / Received: 18.09.2015
Принята / Accepted: 17.10.2015

Новое в филологии: монография Йозефа Догнала о русской «малой прозе» рубежа XIX-XX веков

О.В. Стукалова

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования»
119121, г. Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп. 1
Federal State Budget Research Institution «Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education»
Pogodinskaya str. 8, building 1, Moscow 119121 Russia
e-mail: chif599@mail.ru

Ключевые слова: малая проза, русская литература, Йозеф Догнал, модель мира, коммуникация, анализ текста, философские позиции.
Key words: small prose, Russian literature, Joseph, model of the world, communication, text analysis, philosophical positions.
Резюме: В статье автор анализирует новую книгу известного чешского филолога, исследователя русской литературы Йозефа Догнала. Показано, что в этой книге выделено несколько смысловых центров. Раскрыты теоретическая и практическая значимость данной монографии. Автор статьи считает, что монография представляет собой междисциплинарное исследование. Профессор Догнал обосновывает подход к литературе как к моделированию внешней и внутренней реальности.
Abstract: The author of the manuscript analyzes the new book by the famous Russian linguist, researcher of Russian literature, Josef Dohnal. It is shown that in this book there are highlighted several conceptual centers. The theoretical and practical importance of this monograph is described. The author believes that the monograph is an interdisciplinary study. Professor Dohnal justifies the approach to literature as the modeling of external and internal reality.
[**Stukalova O.V.** The new philological research: Josef Dohnal's monograph on Russian "small" prose at the turn of the XIX-XX century]

Йозеф Догнал (Josef Dohnal) - один из крупнейших современных чешских исследователей русской литературы, доктор философских наук. Я говорю это не голословно, а совершенно ответственно - видя его в качестве организатора цикла славистских конференций в Университете им. Масарика (г. Брно), читая его работы, общаясь непосредственно как с мудрым и глубоким старшим другом...

Почему в начале своего краткого обзора новой книги доктора Догнала я решила немного рассказать о нем? Потому что считаю, что на этой книге отчетливо лежит отпечаток личности - вдумчивой, философски воспринимающей текст (даже самого небольшого рассказа), стремящейся очистить восприятие от стереотипов и направить наше понимание на самое главное - на то, что обычно скрыто от поверхностного чтения «по диагонали». Кроме того, в этой книге видно, как автор тщательно избегает броских ярлыков, панибратской субъективности и краснобайства. И, наоборот, учит нас медленному чтению, уважению к труду писателя, к восприятию слова как ценности.

Мне кажется, что это вообще стиль филологов, работающих в Университете им. Масарика - здесь не могу не назвать профессора Дануше Кшицову, выдающегося исследователя и переводчика русской литературы, автора книг по истории русского искусства, культуры, сравнительного литературоведения, учебников по русской и украинской культуре.

Такое долгое предисловие к анализу книги о «малой» прозе объясняется еще и трепетным чувством, знакомым всем, кто писал о книге друга. Это чувство вызвано желанием быть понятым, поделиться радостью - и в ответ эту радость от встречи с Настоящим исследованием - получить.

Итак, посмотрим на название монографии.

Автор выделяет три смысловых центра своего исследования:

- жанр (русская «малая проза»);

- время (рубеж XIX-XX веков - время поразительных открытий и высочайших достижений в европейской культуре в целом, и в русской культуре - в частности);

- подход, а точнее, контекст, в котором этот жанр будет рассматриваться.

Таким образом, уже в самом названии, мне кажется, возникает столкновение: малого (жанр) и большого (проза), локального (русская) и глобального (европейская культура), частного (проза) и целого (культура) и т.д. Такое столкновение

проблематизирует материал, заостряя его, выявляя противоречия и возможности интерпретации.

Уже во Введении автор - очень тонко, очень тщательно - оговаривает свою позицию по отношении к избранному литературному материалу. Позволю себе процитировать особенно тронувший меня момент:

«...нас интересует именно тот, кто истории не очень интересен, если он не является одним из тех, кого считают историческим деятелем. Объектом наших размышлений будет, таким образом, индивид, который кроме (всего?) мира вокруг себя располагает и другим миром - миром, даже вселенной в себе самом. Такую точку зрения мы выбрали из-за того, что считаем, что на данном уровне - на уровне безымянного, не имеющего особенного исторического значения индивида - эти более чем сто лет, может быть, окажутся не таким уж большим промежутком времени» (Догнал, 2014: 9-10).

Сосредоточиваясь на изучении индивидуального (читай - «субъективного» - О.С.), доктор Догнал тем не менее стремится к объективности, а именно «к объективному познанию», которое, как он сам подчеркивает,

«... представляет для нас проблему, так как очень мало из того, за чем мы хотим в нашей работе следить, можно проверить по объективным фактам» (с. 10).

Интерес к индивидуальному, к частному объясняет и обращение автора к малым прозаическим жанрам и формам. Сам автор, кроме того, выделяет несколько критериев своего исследовательского выбора:

- во-первых, «малая проза» очень быстро и чутко реагирует на меняющийся общественный и индивидуальный «климат» эпохи» (с.13);

- во-вторых, «малая проза» «демократична», близка самым разнородным группам читателей, чутко приспосабливается к их условиям и нуждам, позволяя сосредоточить внимание на деталях, на узких темах;

- наконец, «малая проза» вдохновила многих крупных мастеров слова, (причем, как подмечает Йозеф Догнал, не только реалистов).

О ком можно прочитать в этой книге?

Круг авторов весьма широк: это и Леонид Андреев (давнее исследовательское пристрастие автора монографии), и Валерий Брюсов, и Иван Шмелев, и Сергей Сергеев-Ценский, не говоря уже о таких титанах европейской литературы, как Л.Н. Толстой, Ф. Кафка, и Р. Музиль. Я назвала только тех авторов, чьи произведения рассмотрены особенно подробно. Если перечислить всех, о ком упоминает Йозеф Догнал, то, пожалуй, не хватит и страницы. Ведь он обращается и к творчеству И.С. Тургенева, А.П. Чехова, В.М. Гаршина, И.С. Бунина, М.П. Арцыбашева, В.С. Соловьева и т.д. Отдельного внимания заслуживает анализ литературоведческих, философских, психологических, культурологических источников. Эрудиция Йозефа Догнала, без преувеличения, просто поражает...

Несомненно, огромный вклад в русскую филологию эта книга внесет еще и тем, что благодаря доктору Догналу, в обиход российских и зарубежных филологов будут введены чешские исследования, посвященные русской литературе или сравнительному литературоведению.

Помимо крупнейших имен (Ф. К. Шальда, И. Поспишил, З. Матхаузер, Й. Грабак и др.), автор монографии приводит цитаты и включает в список литературы новейшие монографии чешских русистов. Это, к примеру, ZAHRÁDKA, M.: Ruská literatura XX. století. Olomouc, 2003; MIKULÁŠEK, M.: Hledání „duše“ v umění interpretace. Ostrava, 2004; HRALA, M.: Ruská moderní literatura 1890-2000. Praha, 2007 и др.

Вообще, понимание значимости «нового» в гуманитарном знании, мне, как педагогу, представляется очень важным - это говорит о том, что Йозеф Догнал актуализирует литературоведение, раскрывая перед студентами возможности собственного анализа, выработки собственных подходов к текстам, которые иногда кажутся высеченными из мрамора, а ведь, на самом деле - они живые, они трогательные, они должны (и главное - могут!) цеплять и современного читателя, будучи прочитанными даже в электронном виде. Стремление быть понятным, доступным, наглядным отражается и в визуальном облике этой книги. В ней много таблиц, схем, графических выделений текста, позволяющих более четко выразить ту или иную теоретическую идею. Это, например, матрица типологии

жизненных миров (с. 125), или разработанная самим автором таблица для сравнительного анализа произведений В.Я. Брюсова «Республика Южного Креста» и «Восстание машин» (с. 117-118), см. также графическую модель интеракции внутренней и внешней реальности на с. 56 и др.

На собственном опыте знаю, как помогают такие таблицы и схемы в объяснении материала. В очередной раз хочу подчеркнуть практическую значимость данной монографии. Она, безусловно, окажет значительную помощь преподавателям русской литературы - как в высшей школе, так и в общеобразовательных учебных заведениях.

Я не случайно расширила географию практического использования этой книги. Дело в том, что, несмотря на сложность философской терминологии исследования, на большую научную эрудицию, Йозеф Догнал пишет весьма ясно, точно и образно выражая наиболее значимые позиции, комментируя вводимые понятия и идеи (напр., «*Когда мы пользуемся терминами внешняя и внутренняя реальность...*» (с. 77), сосредоточиваясь на главных моментах. Скажем, в такой многоаспектной проблематике творчества Брюсова, как технизация мира и её влияние на дегуманизацию общества, автор монографии акцентирует внимание на самом существенном (и делает это практически в одном предложении):

«В. Брюсова прежде всего заинтересовала тема: как проникновение техники в окружение человека отражается в его бытии в мире, в его психике и в способности **остаться активным творцом своей среды и судьбы»** (подчеркнуто мной - О.С.) (с. 108).

Читать эту книгу - большое интеллектуальное удовольствие. Она как будто втягивает читателя в свой неспешный медитативный мир, приглашая к раздумьям и наблюдениям. Привожу несколько примеров образного мышления Йозефа Догнала:

- «Пытливые писатели отходят от сугубо социальных тем и начинают все глубже входить в общие вопросы бытия, выходящие за рамки человеческого «здесь и теперь» (с. 73).
- «Изменения в ценностной ориентации влияют на

моделирование мира в географически ограниченных пространствах, быстро «переливаясь» из одного в другое» (с.97).

Эта книга, как мне думается, в целом, написана на стыке нескольких областей гуманитарного знания. И одним из столпов является здесь философия. Не случайно, автор монографии анализирует работы и русских философов рубежа XIX-XX веков (например, Бердяева), и классиков немецкой философии (Шеллинг, А.Шлегель), и западноевропейских мыслителей - кстати, книге предпослана цитата из Ф. Ницше.

Философская основа наделяет анализ художественного текста глубокими корнями, создавая своеобразный теоретический объем и демонстрируя возможности Искусства Слова в осмыслении реальности.

Я полностью согласна с таким подходом автора к литературе:

«Таким способом открылась бы возможность лучше понять, о чем в целом говорит русская проза рубежа XIX-XX веков, каким способом передает глубинное видение обстановки человека в мире, какие факторы считает в связи с этим существенными и заслуживающими внимания» (с. 77).

Понять, разглядеть, вдуматься - всё это в изложении Йозефа Догнала становится методом литературоведения. При этом он не навязывает своих взглядов, а спокойно ведет за собой, по шагам, по ступеням поднимаясь вместе с читателем на самую вершину смысла. Сам автор видит свой путь как «дорогу в глубь человеческой души» (так называется первая глава II части монографии, с.98). Путь этот проходит по самым главным точкам и измерениям человеческого бытия. Одной из таких точек становится «вражда полов».

«Вражда полов» в литературном изображении» - название третьей главы II части монографии. В ней автор сталкивает несколько известнейших произведений русской и западноевропейской литературы, включая повести и романы Карамзина, Тургенева, Золя, поэму Некрасова «Русские женщины». В центре главы - анализ «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого.

Эта подглавка, с моей точки зрения, одна из больших исследовательских удач Йозефа Догнала. Текст, ставший

предметом изучения для огромного количества литературоведческих работ, вдруг под пером Йозефа Догнала обретает новые глубины. Например, автор обращает наше внимание на следующий вопрос:

«Почему Толстой обращается в тексте к фиксации невербальной информации?» (с.126).

Я поймала себя на мысли, что хочется следовать за размышлениями Йозефа Догнала и дальше. Но всё же задача моей статьи - не в том, чтобы пересказывать эту замечательную книгу. Прежде всего, мне хочется показать её особенности и возможности в изучении русской литературы.

Йозеф Догнал раскрывает для читательского сознания такую простую и одновременно сложную истину, что в художественном произведении создается своеобразная модель мира - мира внутреннего и мира внешнего. Эти миры постоянно коммуницируют: сталкиваются, прикасаются (см. главу пятую II части «Маленький человек в прикосновении с идеологией в повестях и рассказах Леонида Андреева и Ивана Шмелева»), взаимодействуют в «диалоге» (глава шестая, 6.2. I части) или «вражде» (глава третья II части)... Они сосуществуют независимо друг от друга и в то же время не могут друг без друга. Это жизнь... Она текуча и коротка, но она полна сильных чувств и невероятных погружений в подлинные откровения.

Интересно, что в конце своих размышлений Йозеф Догнал часто обращается к афористическим суждениям. Например:

- «имеет ли смысл этот мир, есть ли в нем логика, есть ли у него будущее, если в нем происходит нечто подобное?» (с. 151).

- «тот, кто обманывает, кто обманчиво силен. Погибают те, кто поверил, - слабых оставляют на произвол судьбы» (с. 161).

Логика выстраивания материала книги так же, как мне видится, подчинена этой важной задаче - научить вдумываться, научить смотреть глубже сюжета и привязывания к тому или

иному стилю (критический реалист - значит...; символист - соответственно... и т.д.).

Монография разделена на две части. В первой рассматриваются факторы моделирования мира в литературном произведении. Во второй - теоретические позиции прикладываются к анализу конкретных литературных произведений.

Рассмотрев вместе с автором методологию, мы начинаем читать заново: читаем тексты, находя в них примеры фиксации невербальной коммуникации, образы внутренней реальности, размышления о ценностях человеческой жизни. И тогда даже маленький рассказ о смерти ребенка превращается в огромное поле для понимания связи рационального и иррационального, для оценки значения малого, индивидуального в контексте большого, всецелого.

Мне нравится, что эту книгу можно читать по-разному. Можно постепенно - от главы к главе. Можно выбрать интересующие тебя проблемы или произведения, а можно перекрестно - от философской идеи к произведению.

Автор книги - мастер диалога. Он часто задает вопросы. Не спешит на них отвечать, а призывает вместе поискать факты, которые помогут сделать максимально объективный вывод.

Книга написана не только умно, глубоко, но с большой любовью. Любовью к гуманитарному знанию, к мудрости (ведь так переводится с греческого слово «философия»?), и, конечно, к великому искусству - Литературе, искусству ценностей и смыслов, вложенных в великий дар - Слово.

А мне особенно приятно, что часть этой любви досталась русской литературе.

***

Особую признательность хочется выразить не только автору этой отличной книги, но и издателям - Нижегородскому государственному университету им. Н.И. Лобачевского, прежде всего - заведующему кафедрой истории русского языка и сравнительного славянского языкознания Станиславу Александровичу Рылову, руководителю Чешского центра образования и культуры ННГУ, а также переводчику и редактору - преподавателю философского факультета

Университета им. Масарика г. Брно Ольге Львовне Бергер и доценту филологического факультета ННГУ, кандидату филологических наук Наталии Николаевне Лавровой.

ЛИТЕРАТУРА

Догнал Й. 2014. Русская «малая проза» рубежа XIX-XX веков в контексте изучения европейских моделей мира: Монография. Пер. с чешск. О.Л. Бергер. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 184 с.

Получена / Received: 05.10.2015
Принята / Accepted: 20.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 841-849

Некоторые замечания о сакрализации основателя ислама - Мухаммада

Т.В. Бершицкая

Негосударственное образовательное учреждение Высшего профессионального образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»
Миссионерский факультет
109651, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
Private educational institution of higher education "Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities"
Missionary faculty
Ilovayskaya str. 9, building 2, Moscow 109651 Russia
e-mail: missioner_pstgu@mail.ru

Ключевые слова: Мухаммад, сакральность Мухаммада, ислам, посланник Аллаха.
Key words: Muhammad, the sanctity of Muhammad, Islam, the Messenger of Allah.
Резюме: В исламе образ Мухаммада несет в себе явные следы сакральности. Особенно это выражено в многочисленных хадисах Священного Писания мусульман - Сунне. Но в силу особенностей ислама как религии строгого единобожия, говорить о высшей степени святости Мухаммада, то есть, по сути, о его обожествлении, в рамках ислама не представляется возможным. Такое положение приводит к непониманию столь трепетного отношения мусульман к Мухаммаду и нетерпимости к разного рода насмешкам и оскорблениям в адрес основателя их религии.
Abstract: In Islam Muhammad image bears obvious signs of Sacrality. This is especially pronounced in the many Hadith of the Holy Scripture of Muslims-Sunnah. But because of the strict monotheism of Islam as a religion, talking about highly the sanctity of Muhammad that is essentially about his deification, within Islam is not possible. This situation leads to misunderstanding so reverent attitude of Muslims toward Muhammad and intolerance towards all sorts of ridicule and insults addressed to the founder of their religion.
[Bershitskaya T.V. Some remarks on Islam-Muhammad the founder of sacralization**]**

Мухаммад, являясь ориентиром для мусульман во всех сферах жизни, несомненно, приобретает в их глазах образ высшей святости, к которому нужно устремляться всеми своими силами, но с которым никогда невозможно сравняться в силу его особой выделенности перед божеством мусульман Аллахом. В исламе, как религии строгого единобожия, тот, кто

измышляет рядом с Аллахом кого-либо достойного почитания, приравнивается к многобожникам - их причисляют к неверующим, которым, по словам Корана «уготованы мучительные страдания» (Коран, 2:104). В связи с таким положением, заявления о высшей степени святости основателя ислама Мухаммада для правоверного мусульманина чреваты неприятностями разной степени тяжести, в зависимости от страны и места проживания.

Тем не менее, при изучении религиозных источников ислама в глаза бросается возвышенное положение Мухаммада - равных ему мусульмане не находят во всем человечестве. Мухаммаду, как идеальному человеку не просто можно, а нужно подражать. Мухаммад, как кумир, несравнимо ближе оказывается к мусульманину, чем Аллах. «Мой кумир - пророк Мухаммад. Кумир - это человек, которому ты должен подражать. Да, я мусульманин и хочу подражать пророку Мухаммаду, ведь он самый, самый, самый красивый, добрый и т.д. из людей. Аллах вряд ли будет кумиром, Он - Создатель и Ему нужно поклоняться», - пишет одни из юных мусульман (Рубченкова, [Электронный ресурс]). Такая любовь к Мухаммаду и его сугубое почитание мусульманами, обоснованы в Коране и Сунне - Священном Предании ислама, в котором в виде коротких рассказов - хадисов описан весь спектр действий Мухаммада в различных жизненных обстоятельствах.

Исповедание веры в исламе обязывает мусульман признавать богом только Аллаха, Мухаммада же - его пророком. В исламе пророк это тот, кто безупречно передает волю Аллаха, а посланник дополнительно облечен властью Всевышнего, устанавливать его закон для людей. В Коране неоднократно высказывается требование: «Повинуйтесь Аллаху и посланнику, - может быть, вы будете помилованы!» (Коран, 3: 132). Считается, что сам Мухаммад безупречно следовал повелениям Аллаха, о чем свидетельствовала одна из его жен Айша: «Его жизненный путь - это Коран» (Максуд, 1998: 156).

Исламские богословы различают два вида Откровения, полученного Мухаммадом: то, которое изложено в Коране, и ниспосланное ему, но не записанное в Коран, из которого он узнавал волю Аллаха в делах повседневной жизни. Так,

требование неукоснительно соблюдать молитву содержится в Коране, но не подкрепляется способами его исполнения, не указано даже число обязательных молитв в течение дня, о чем уже детально говорится в Сунне. Так же обстоит дело и с другими правилами, обязательными для правоверного мусульманина, на которые Коран лишь указывает, а в многочисленных хадисах Сунны они даны в мельчайших подробностях.

Описания Мухаммада отличаются не только ярко выраженным уважением и почтением к нему его последователей, но и искренней любовью. С тщательнейшей подробностью описаны его личные достоинства, характер и даже внешний вид, что в совокупности создает образ всесторонне совершенного человека. Так, в одном из хадисов говорится, что «посланник Аллаха был великолепным высокопочитаемым человеком. Его лицо светилось подобно полной луне» (ат-Тирмизи, Абу’Иса Мухаммад б’Иса, 2010: 8), все составы и члены его тела обладали удивительной соразмерностью, гладкостью и красотой. Взор, походка, обращение к людям указывали на скромность, благородство и простоту. «Он не говорил неприличных слов, и не допускал, чтобы при нем говорили неприличные слова, он не был из базарных крикунов. Он не отвечал на плохой поступок злом, но прощал его, а впоследствии даже не упоминал об этом» (ат-Тирмизи, Абу’Иса Мухаммад б’Иса, 2010: 110). «Посланник Аллаха был всегда улыбчив и легок в общении. Он был мягок, и у него было не каменное сердце. Он сторонился трех вещей: споров, бессмысленных слов и того, что его не касалось, и людям запрещал это. Он никого не оскорблял и не унижал и никогда не отвергал их просьб…. Он не прерывал никого, когда тот говорил, и никогда не начинал говорить, когда кто-нибудь говорил. Если кто-либо превышал нормы допустимого, то он останавливал его или же вставал и уходил (чтобы человек перестал то делать)» (ат-Тирмизи, Абу’Иса Мухаммад б’Иса, 2010: 111-112). Он был «застенчивее девственницы в ее комнате, и если ему что-то не нравилось, мы узнавали об этом по выражению его лица» (ат-Тирмизи, Абу’Иса Мухаммад б’Иса, 2010: 114).

В хадисах можно особо отметить религиозное рвение Мухаммада, которое проявлялось в стремлении часто пребывать в молитве, добавляя к обязательным молитвам «добровольные», совершаемы по ночам, от длительности пребывания на которых у него распухали ноги (ат-Тирмизи, Абу'Иса Мухаммад б'Иса, 2010: 85-89). Неоднократно упоминается, что Мухаммад любил следовать однажды установленному правилу и не менять его. Тут нужно справедливости ради отметить, что в ряде хадисов говорится об охлаждении Мухаммада к религиозной практике (ат-Тирмизи, Абу'Иса Мухаммад б'Иса, 2010: 95), что свидетельствует об отсутствии системы в его аскетических упражнениях. Но для мусульман это может быть лишь показателем того, что Мухаммад соблюдал умеренность в религии, следуя срединным путем.

В Коране высказывается требование следовать «прямым путем», установленным Аллахом, и не быть заблудшим, чтобы не попасть в ад. Ясное представление об этом прямом пути могут иметь только разумеющие. Несомненно, что таким разумеющим оказывается Мухаммад, который устанавливает в своей общине религиозные и нравственные нормы, границы дозволенного и запрещенного, поощряет их соблюдение и даже берет на себя задачу очищения от греха своих единоверцев карательными мерами, исполняя роль справедливого судьи, и тем самым обеспечивает продвижение по «прямому пути» своим единоверцам.

В исламе большое внимание уделяется запретам Аллаха, которые Мухаммад представляет как некий заповедник, границы которого преступать нельзя (Сахих Муслим, 2005: 477). Мусульманин, нарушивший запрет, совершает грех, за что его ждет наказание Аллаха. В Коране запреты перечислены достаточно обобщенно, тогда как в Сунне, в огромном количестве хадисов Мухаммад перечисляет конкретные запреты самого разного характера, чем показывает отличное знание границ заповедника Аллаха - его запретов.

Мухаммад, с одной стороны, предстает вполне обычным человеком, ничем не отличающимся от других людей по своей природе. Он склонен грешить, впадать в искушения, о чем можно судить по молитве, наиболее часто используемой

Мухаммадом в обращениях к Аллаху: «Я прибегаю к Твоей защите от лени и одряхления, от грехов и долгов, от искушения могилы и мучений могилы, от … мучений огня, и от зла искушения богатством! И я прибегаю к Тебе … от искушения Антихриста! О Аллах, … очисть сердце мое от прегрешений подобно тому, как очищаешь Ты белую одежду от грязи, и удали (меня) от прегрешений моих» (Сахих аль-Бухари, 2008: 784). Но при этом сподвижники Мухаммада утверждают: «мы не такие, как ты, ведь Аллах уже простил тебе и прошлые и будущие грехи!» (Сахих аль-Бухари, 2008: 33), на что Мухаммад отвечал, что его молитва - это молитва благодарного раба.

Можно отметить событие, которое также показывало возвышенное положение Мухаммада. Шайтан, который к каждому человеку приставляет своего помощника - джинна, чтобы вредить человеку, был не властен над Мухаммадом. Сам Аллах помог Мухаммаду одолеть его, после чего этот джин «вступил в ислам» и стал побуждать своего подопечного только к добру (Сахих Муслим, 2005: 794). И еще об одном качестве, свойственном только ему одному, сообщал Мухаммад: «Кто увидел меня во сне, увидел действительно меня, так как Шайтан не может предстать в моем облике» (ат-Тирмизи, Абу'Иса Мухаммад б'Иса, 2010: 133).

Чем же объясняется такой необычный статус Мухаммада перед Аллахом, тогда как огромное количество правоверных мусульман не имеют и тени такого положения?

В Сунне описывается, как Мухаммаду в раннем детстве очистили сердце от скверны, которая присутствует у всех людей от рождения - ангелы вскрыли ему грудь и, достав сердце, прополоскали его в воде в золотом тазу, после чего поместили на место, но уже очищенным. Впоследствии Мухаммад говорил, что «есть в теле кусочек плоти, который будучи хорошим, делает хорошим и все тело, когда приходит в негодность, то портит и все тело, и, поистине, это - сердце» (40 хадисов имама ан-Навави, 2001: 228). Сердце Мухаммада очистил Джебраил от порчи, возможно поэтому и телесные его проявления и действия становятся примером для подражания, которое мусульмане считают очистительным для себя.

Мухаммад выделяется и среди всех предшествующих

посланников и пророков, причем с различных сторон своей жизни и деятельности. Не разбирая в подробностях его биографические данные, можно выделить несколько моментов, которые отличают его от таких же, как он пророков, в благодатную деятельность которых во славу Аллаха и на благо людей предписывается верить в исламе.

Так, несмотря на то, что само рождение Мухаммада внешне менее возвышенно, чем Исы, но предпочтение все равно отдается Мухаммаду. Иса рожден от девственницы Марйам по слову Аллаха, без отца. Более того, сатана, который колет иглой каждого приходящего в мир младенца, так, что тот «вопя от укола» произносит: «нет бога кроме Аллаха» - «*ля иляха иллялаху*», не смел коснуться только двоих - Исы и его матери - Марйам. Таким образом, Иса со своей матерью были избавлены от произнесения шахады, в отличие от всех остальных людей, в числе которых находился и Мухаммад. Далее, Иса удостаивается того, что Аллах берет его на небо до времени, пока не придет пора сразиться в конце времен с Даджалем - аналогом антихриста в исламской традиции. Всего этого лишен Мухаммад, на небеса он был восхищен лишь однажды и совсем ненадолго - «Насколько это произошло быстро, он мог судить по еще неостывшей постели, и по волнению воды в тазу, которой он перед уходом делал омовение» (Исра, Мирадж, [Электронный ресурс]). Но, тем не менее, лишь он один удостаивается от Аллаха быть в Судный день заступником за мусульман, оказавшихся за грехи в аду, из которого они будут выведены силой этого заступничества. Больше никому из пророков такой привилегии не представлено.

Мухаммад не раз обращался с ходатайством к Аллаху не только о прощении своих сподвижников, но также и с просьбами о проклятии целых племен. Мухаммад считал, что и при жизни еще служит преградой на пути к аду: «Я ставлю вам преграду перед Огнем: Прочь от Огня! Прочь от Огня! Но вы одолеваете меня и вламываетесь в него», - говорил он своим сподвижникам (Сахих Муслим, 2005: 642). Более того, Мухаммад, поражал своих собеседников детальным знанием событий, которые будут происходить в Последний день, кто попадет в рай, минуя адские мучения. Все это привлекало

сердца арабов, завороженных красочными картинами рая. Обращается он к своим собратьям и с увещаниями о страхе перед Аллахом, подогревая впечатлительных арабов живописанием картин Последнего Суда.

Он заключает соглашение в Йасрибе (Медине), по которому обещал, что Аллах будет оказывать покровительство всем верующим, вплоть до самого ничтожнейшего из них. Но с другой стороны, всякому верующему вменялось мстить за кровь, пролитую на пути Аллаха. За помощь нарушителю и предоставление ему приюта, мусульманину гарантировалось проклятие Аллаха, которое означало полную потерю надежды на прощение Аллаха». Кто на пядень отойдет от общины и от «тот тем самым сбросит с себя узы ислама ,ислама, предупреждал Мухаммад (Абу Йусуф Йакуб б. Ибрахим ал-Куфи, 2001: 15).

Явное благоговение, которое вызывал Мухаммад у своих сподвижников, высказывалось даже к некоторым телесным его отправлениям. Однажды, застав одну из жен за тем, что она собирала его пот в бутылочку для благовоний, Мухаммад спросил, что она делает? Она ответила: «Посланник Аллаха, мы надеемся, что обретем в нем благодать для наших детей». Он сказал: «Ты правильно поступила» (Сахих Муслим, 2005: 652). Когда же Мухаммад «сплевывал и (капли его) слюны попадали на ладонь кого-либо из людей, (этот человек) обязательно растирал их по своему лицу и коже», а «когда он совершал омовение, они были готовы сражаться друг с другом за (оставшуюся после этого воду)» (Сахих аль-Бухари, 2008: 443).

Если судить по проповедям современных мусульман, благоговейное отношение к Мухаммаду у них не ослабевает: «Нет для мусульманина ничего дороже его благородного имени! Память о нем свята и нетленна во все времена. Только равняясь на образцовый пример его жизни, мусульманин может надеяться на достижение высших ступеней религиозной и нравственной чистоты», которая в Судный День «будет решающей основой для оценки всех земных дел и поступков человека» (Р. Аббясов).

В рамках традиционного ислама нет возможности для выражения любви к божеству, поскольку между Аллахом и

человеком предполагается онтологическая пропасть - люди сотворены Аллахом, как говорится в Коране «лишь для того, чтобы они поклонялись» ему (Коран, 51: 56).

А как говорит святитель Григорий Богослов, человек, как образ Божий, естественно стремится к своему первообразу. Но поскольку материальный покров - тело, препятствует непосредственно созерцать Бога, то он восходит к Богу только путем созерцания окружающего мира. Когда ум повредился в грехопадении, то отвратился от своего прообраза и ему открылся путь к заблуждениям. Будучи не в состоянии выйти из круга телесности, и вознестись к невидимому, человек остановился на видимом мире и признал за Бога все, что только поражало его и привлекало к себе его внимание. Все внимание мусульманина приковано в первую очередь к Мухаммаду, к нему же он испытывает любовь и благоговение, следуя повелению Аллаха во всем брать с Мухаммада пример. Неудивительно, что при таком отношении к основателю ислама, у мусульманина невольно сакрализуется образ Мухаммада, который за границами мусульманского мира вызывает гораздо более насмешек и презрения, нежели уважения. Этот сакрализованный образ мусульманин стремится защищать всеми своими силами.

ЛИТЕРАТУРА

Аббясов Р. Отвечай на зло добром, как это делал Пророк Мухаммад [Электронный ресурс]. - URL: http://dummo.ru/…/1799-pyatnichnaya-propoved-otvechaj-na-zl

Абу Йусуф Йакуб б. Ибрахим ал-Куфи. 2001. Китаб ал-Харадж (Мусульманское налогообложение). Перевод с арабского и комментарии А.Э. Шмидта. Супракомментарии к переводу А.С. Боголюбова. Подготовка к изданию, вступит. статья и указатели А.А. Хисматулина. СПб.: Петербургское Востоковедение. XXXIII + 415 с. - [Памятники культуры Востока]

Сахих аль-Бухари. 2008. Достоверные предания из жизни Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует : Ясное изложение хадисов «Достоверного сборника»; составил имам Абу-ль-‘Аббас Ахмад бин ‘Абд-уль-Латыф аз-Зубайди. Перевод с арабского Абдулла Нирша. М.: Умма. 960 с. – [Библиотека «Исламские науки»].

Большаков О.Г. 2002. История Халифата. В 4-х т. Т.1: Ислам в Аравии (570-633). М.: Восточная литература РАН, 2000 г. 312 с.

Григорий Богослов. 2010. Слово 28, о богословии второе. Творения в 2-х т. Т.1. М.: АСТ. 895 с.
Коран. Перевод смыслов Э.Р. Кулиев. М.: АСТ, 2007. 688 с.
Максуд Р. 1998. Ислам. Перевод с английского В. Новикова. М. - СПб. филиал.: Восточная литература. 159 с.
Сахих Муслим. 2005. Перевод с арабского С. Попова. Казань: Академия познания. 857 с.
Исра и Мирадж [Электронный ресурс]. - URL: http://islamvera.ru/isra-i-miradzh/
Рубченкова Д. Жизнь пророка - величайший пример для подражания [Электронный ресурс]. - URL: http://islam.com.ua/prorok-muhammed/861-ghizny-proroka-velichayshiy-primer-dlya-podraghaniya
40 хадисов имама ан-Навави. Перевод. на русский язык В.А. Нирша. Комментарии и разъяснения М. аль-Буга, М. Мисту. 1-е изд. М.: Новатор: Российский фонд «Ибрагим бин Абдулазиз аль-Ибрагим», 2001. 615 с.
ат-Тирмизи, Абу’Иса Мухаммад б’Иса. 2010. Достоинства Мухаммада: хадисы о Пророке. Перевод с арабского А.И.М. ат-Тирмизи. М. - СПб. ДИЛЯ. 144 с.

Получена / Received: 25.09.2015
Принята / Accepted: 20.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 850-861

Религиозные верования современного населения Югорского полуострова

К.С. Гипп[1], Е.А. Епихина[2]

[1-2]Негосударственное образовательное учреждение Высшего профессионального образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»
Миссионерский факультет
109651, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
[1-2]Private educational institution of higher education "Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities"
Missionary faculty
Ilovayskaya str. 9, building 2, Moscow 109651 Russia
e-mail: missioner_pstgu@mail.ru

Ключевые слова: ПСТГУ, ненцы, коми, религия, исследования, религиозные верования, экспедиция, христианизация, шаманизм.
Key words: PSTGU, Nenets, Komi, religion, research, religious beliefs, expedition, Christianization, shamanism.
Резюме: Статья посвящена анализу современной религиозной ситуации на Югорском полуострове (Ненецкий АО Архангельской обл.) на основе данных полевых исследований. В статье уделяется внимание малоизвестным, но важным для понимания развития религиозной ситуации в России, процессам на примере Югорского полуострова, о современном состоянии религиозных верований населения которого мало сведений. Для более глубокого понимания религиозной ситуации авторы статьи используют не только новейшие данные, собранные в ходе двух экспедиций 2013-2014 гг., но также включают в свою работу исторические материалы. В статье представлены также материалы бесед с местными жителями, что делает статью не только информативной, но и живой.
Abstract: The article is devoted to the analysis of contemporary religious situation in the Neighbouring peninsula (Nenets Autonomous Okrug of Arkhangelsk Oblast) on the basis of data from field studies. The article focuses on the little-known but important for understanding the development of the religious situation in Russia, processes on an example of the Yugorsky peninsula, on the current status of religious beliefs of the population of which little information. For a better understanding of the religious situation authors use not only the latest data collected during two expeditions of 2013-2014, but also include historical materials in their work. This article presents material interviews with local residents, making the article not only informative, but also live.
[Gipp K.S.[1], Epikhina E.A.[2] The religious beliefs of the present-day population of the Yugorsky peninsula**]**

Карта религиозных верований населения РФ весьма пестра и разнообразна. И, если спускаться с усредненных цифр, характеризующих ситуацию в целом по стране, к региональным, а затем и к локальным показателям, мы увидим, что на эти показатели будут влиять национальные, исторические, культурные и даже географические факторы, определяющие уникальность той или иной ситуации.

Для выяснения современного положения с верованиями населения Югорского полуострова (Ненецкий национальный округ Архангельской области) Миссионерским факультетом ПСТГУ в 2013-14 гг. были организованы две экспедиции, которыми были проведены разведывательные исследования религиозности местного населения методами опроса (технология - стандартизированное face-to-face интервью и неформализованное фокусированное глубинное интервью по месту жительства респондента). Исследованиями были охвачены стойбища по течению реки Кары и поселки Усть-Кара и Каратайка. За основу был взят вопросник, применявшийся Исследовательской службой «Среда» при составлении Атласа Религий и Национальностей Российской Федерации («Арена») (Исследовательская служба «Среда», [Электронный ресурс]) с некоторыми сокращениями (надо сказать, что как раз Ненецкий АО этим Атласом охвачен не был) и оригинальный вопросник, призванный детализировать картину религиозных представлений респондентов. Из-за специфики организации исследований, отсутствия данных о генеральной совокупности, опрос производился методом стихийного отбора; в стойбищах, из-за малочисленности респондентов, проводился сплошной опрос (здесь опросом были охвачены в большей степени женщины, т.к. мужчины кочевали с оленями в тундре). В силу этого надо оговориться, что сравнение результатов представленных исследований с данными Атласа будет приблизительным, представляется возможным выявить только наиболее характерные качественные тенденции. Всего опросом были охвачены 129 человек, что составило по нашим подсчетам около 13% взрослого населения данных территорий.

Предварительно надо сказать, что коренным населением региона, где проводились работы, являются ненцы и коми,

причем, если процесс христианизации коми протекал в XIV-XV вв., то активная проповедь православия среди ненцев началась только в начале XIX века, когда под началом настоятеля Антониево-Сийского монастыря архимандрита Вениамина была учреждена специальная миссия для обращения в православие самоедов, благодаря которой были крещены более 3000 человек. Архимандрит Вениамин составил «Грамматику самоедского языка» и «Лексикон самоедского языка», перевел на ненецкий язык фрагменты Православного Катехизиса и Нового Завета. В 30-х годах XIX в. появились первые церкви. Процесс христианизации был прерван катастрофой 1917 года, все храмы были закрыты, по Заполярью, как и по всей стране, прокатился каток насильственной атеизации (Окладников, 2008).

С 90-х годов XX века религиозная жизнь здесь, как и везде в России, выходит из подполья, в 2000 году в Нарьян-Маре открывается православный храм, а в 2011 году сознается Нарьян-Марская и Мезенская епархия РПЦ, в состав которой вошли Ненецкий АО, Лешуконский район, Мезенский район, Новая Земля, Земля Франца-Иосифа.

Еще одним фактором, повлиявшем на религиозную ситуацию региона явилось то, что примерно в эти же годы в Воркуте обосновались протестантские проповедники (неопятидесятническая харизматическая организация «Силоам» (Христианская Протестантская Церковь «Силоам», [Электронный ресурс]), входящая группу т. наз. «Движения веры»), которые активно и достаточно успешно работали в оленеводческих стойбищах НАО, проводя с оленеводами большое количество времени. Эта деятельность осуществляется в основном среди оленеводов-частников. Зимой представители харизматов живут в стойбищах месяцами, организуют также поездки по самым отдаленным поселкам востока НАО и в ЯНАО (Российский сектор Арктики под прицелом сектантских проповедников, [Электронный ресурс]).

***

Полученные данные (См. примечание) свидетельствуют о существенных отличиях мировоззрения обследованного населения от средних цифр по России. Так, 100% респондентов заявили, что любят Россию, что почти в 2 раза отличается от

среднероссийских показателей, значительно выше процент и тех, кто уважает и соблюдает закон (91% против 44% по России), что говорит как минимум о том, что респонденты значительно ориентированы на социально одобряемое поведение. Мировосприятие респондентов НАО также окрашено в позитивные тона: подавляющее большинство считают себя счастливыми (84% против 42% по России), ориентированы на взаимопомощь, жертвенность (60% против 5). Характерно, что интервьюеры отмечали исключительное радушие и гостеприимство местного населения. Несмотря на это, уровень ксенофобии здесь также в 2 раза выше среднестатистического. Респонденты в большинстве ориентированы на традиционную многодетную семью, где главой является мужчина (эти данные подтверждаются также тем, что уровень рождаемости в НАО один из самых высоких по России), причем эти показатели выше как среди тех, кто относит себя к протестантам, так и среди идентифицирующих себя с православием (в среднем 57% респондентов хотят иметь много детей, по России данный показатель равен 11%). Отметим, что все вышеперечисленные показатели выше среди оленеводов, ведущих традиционный кочевой образ жизни, среди которых большинство также готовы, по крайней мере, по самоощущению, к ведению самостоятельного дела (соответствующие показатели среди оленеводов - 80%, в поселках 35%, по России - 9%). Характерно также, что часто люди старшего поколения в стойбищах, особенно женщины, не знают русского языка, тогда как в поселках среди молодежи мало уже кто говорит на ненецком и коми.

Совсем иная ситуация с вопросами о вероисповедании. Если показатели жителей поселков близки к средним по стране (православными себя считают около 40%, около 30% просто «верят в Бога» без конкретизации религиозной традиции), то в оленеводческих стойбищах большинство определяют себя как протестанты (53%) и внеконфессиональные христиане (27%), что является, несомненно, следствием вышеупомянутой деятельности пятидесятнических проповедников. Значителен процент респондентов из поселков, которые не могут определиться со своей вероисповедной идентичностью (10-12%

против 1% по России).

Это положение вещей четко прослеживается также и в ответах на вопросы о религиозной практике и религиозных обязанностях: респонденты из оленеводов намного серьезнее относятся к своим религиозным обязанностям, стремясь соблюдать религиозные предписания (53% против 25% в поселках и 22% по России), религия играет в их жизни значительную роль (53% против 30% в поселках и 15% по России), они меньше подвержены суевериям (отметим, что среди опрошенных православных доля верящих в гадания, приметы, судьбу даже выше средней по опросам: 53% у православных, 16% - у протестантов, 39% - в среднем). Т.о., протестантская религиозность оленеводов является вполне осознанной. Это выражается также в том, что мужчины-оленеводы, ставшие членами протестантских общин (бывая в Воркуте, они все посещают молитвенные собрания) перестали употреблять алкоголь, что в свою очередь повлияло на женщин, увидевших в религиозной вере реальную силу. Интервьюеры отмечали, что духовная жизнь респондентов-протестантов вполне самодостаточна, они удовлетворены тем, что дает им их вера и не проявляют интереса к православию и иным религиозным практикам.

В поселках, как жители, так и администрация относятся к протестантским проповедникам крайне настороженно, считая их распространителями «американской веры», стараются не пускать их к себе. Население в основном проявляет симпатии к Русской Православной Церкви. Часто можно было услышать: «Мы православные и больше ничего знать не хотим», хотя о православии большинство имеет достаточно приблизительное представление.

Отношение тех, кто назвал себя православным, к религиозной практике и обязанностям намного более прохладное, нежели у протестантов, почти треть из них считает, что религия вообще не накладывает на них никаких определенных обязанностей (у протестантов этот показатель равен 0), хотя, тем не менее, эти показатели выше средних по стране. Молитву необходимой для себя считают 92% протестантов и только 31% православных, жизнь по

евангельским заповедям, соответственно, 67% и 18%, а изучение Библии - 83% и 13%. Естественно, что только единицы из православных сказали, что регулярно исповедуются и причащаются, т.к. для этого просто нет возможностей, но считают это своей обязанностью из них 15% (у протестантов - 50%). Почти половина православных желает для своих детей именно религиозного православного воспитания, среди протестантов тех, кто желает передать свою веру детям - две трети.

Эти отличия между двумя выделенными группами сохраняются и при анализе религиозных представлений. Интересно, что половина протестантов отметили, что вера дает им материальные блага (среди православных таких были только единичные ответы). Говорят, что вера дает надежду на спасение и вечную жизнь 92% протестантов и 42% православных, в среднем по поросам это 31%. Считают Бога Личностью, соответственно, 75%, 71% и 45%. Отметим, что некоторые, относящие себя к православным, считают Христа просто исторической личностью или мифическим персонажем (9%), не верят в посмертное существование души, или разделяют теорию переселения душ (20%), хотя доля ответов, согласующихся с положениями христианского вероучения, достаточно высока (около 70%).

Обследованные территории заселены, в основном, ненцами (59%), коми (24%) и русскими (11%), причем конфликты на национальной почве практически отсутствуют. В отличие от ситуации в целом по НАО (ненцев - 18%, коми - 9%, русских - 63%), в обследованной местности ненцы - титульная нация, - составляют большинство населения. Характерно, что русские, являющиеся в данной ситуации национальным меньшинством, в подавляющем большинстве считают себя принадлежащими к Русской Православной Церкви (85%). Можно предположить, что в данном случае национальная и религиозная самоидентификация обусловливают друг друга. У ненцев, принявших православие, как уже указывалось, значительно позже коми, преобладает внеконфессиональная религиозность (43%), значителен процент атеистов (15%), у представителей коми процент православных значительно выше

(53%). Респонденты рассказывали, что в советский период хранителями православной веры среди оленеводов являлись старики коми, которые, в частности, совершали крещение младенцев, боролись с проявлениями шаманизма. Так, в тундре, километрах в 50 от пос. Каратайка до сих пор почитается могила коми Тимофея Даниловича Вокуева, умершего в 1945 г. (место называется «Кресты»), в пос. Черный крещение в 60-70 гг. совершала бабушка-коми. Напротив, одним из лозунгов ненецких восстаний 30-х - 40-х годов против Советской власти был возврат к традиционным шаманским верованиям.

Можно отметить также, что прозелитическая деятельность протестантских проповедников в стойбищах примерно поровну имеет успех среди ненцев и коми (протестантами назвали себя, соответственно, 10% ненцев и 7% коми).

***

Наконец, необходимо остановиться на пласте верований, связанных с еще дохристианскими религиозными представлениями. В состав Юшарского сельсовета входит поселок Варнек, расположенный на о. Вайгач, который являлся главным сакральным центром ненцев. На нем отправлялись шаманские культы, включавшие в себя даже человеческие жертвоприношения (Окладников, 2008: 24-25, 116). Главной святыней был т.н. Семиликий идол, располагавшийся на мысе Болванский нос. Еще в 19-м веке многочисленные идолы, стоявшие на острове, были разрушены миссией архимандрита Вениамина, но видимо основные идолы на Болванском носе и о. Цинковый впоследствии возобновлялись. Легенды и поверья, связанные как с Вайгачом, так и шире, с шаманскими практиками вообще, распространены среди местного населения до сих пор, у местных жителей сохранилась уверенность, что их остров населен богами и духами.

Во-первых, у многих существует некий глубинный страх разговоров на эти темы. Вопросы о шаманизме обсуждаются неохотно, считается, что эти разговоры могут спровоцировать неудачи и даже несчастья. В поведении некоторых респондентов проявляется некоторая двойственность: пытаясь относится к обсуждению данных тем с юмором, они, тем не

менее, проявляют в разговорах некоторую задумчивость, робость и недосказанность. Так, респондентка В., 36 лет, вынесла с чердака старинную куклу-оберег. На кукле одето множество одежд, кукла ветхая. Обилие одежд объясняет тем, что каждое поколение должно сшить одежду для куклы и надеть. Поверх одежд - пояс, на спине куклы - некие веревочки с металлическими колечками, напоминающие элементы шаманского костюма. В. сказала, что пояс у куклы мужской, раньше были еще ножны. Голова была у куклы, но она ее случайно снесла, когда убирала снег на чердаке. О том, что это кукла не для игры, а оберег, рассказала мать В. и соседка. В. старается куклу не трогать. Она думает, что «кукла будет долго ругаться, что мы ее потревожили». Правда, тут же заявляет, что она не знает, каким образом будет ругаться, и говорит, что это просто ее фантазия. Женщина говорит, что чувствует «подмогу» этой куклы. Когда она входит в дом, то она чувствует себя, как будто в крепости. Сначала В. в подобное не верила, но со временем вера пришла. Когда женщина рассказывала о кукле, она была задумчивой и с интересом сама рассматривала куклу.

В рассказах в основном затрагиваются три темы: о шаманах и шаманских жертвоприношениях, о явлениях из потустороннего мира, связанных с умершими или духами и о древнем народце сиртя, живущем под землей [Мифы народов мира: Энциклопедия, 1998: 440].

Респондент С., около 50 лет, говорит, что жертвоприношение, которое совершал шаман, не носило публичного характера. Жертву приносили на некоем мысе, находящимся на о. Вайгач. По словам Сергея: «Жертвоприношение всегда совершали в одиночку - никакая толпа, чтобы рядом не была». Последнее жертвоприношение было при Сталине. Жертвоприношения делали только в одном месте. Приезжали с «карской стороны» со стадами, чтобы принести жертву. Жертвоприношение делали в месте, где находится Семиликий идол (о. Вайгач). Тут же говорит, что жертву не приносили у Семиликого, а приносили на мысе Дырявом, а потом приезжали к Семиликому. Рассказывает историю про судьбу некой научной экспедиции то ли из Москвы, то ли из Ленинграда, которая увезла идола в музей.

Судьба членов экспедиции была печальной: некоторые из них начали болеть, некоторые умерли. («Кто брал, все сдохли».) В музее, в котором поместили Семиликий идол, на потолке якобы образовалась большая трещина. Работники Музея испугались и решили возвратить идол обратно на о. Вайгач. В настоящее время перед Семиликим не приносят жертвы, однако, проезжая мимо него, люди кланяются ему ради собственной безопасности.

Ритуальное жертвоприношение, совершаемое шаманом, трансформировалось, т.о., в умилостивление богов и духов бросанием монет и закланием оленей на воде, напротив м. Дьяконского, где находится Семиликий идол. Рыбаки, принося такую жертву, верят, что теперь их минует опасность в море.

С.: «Когда выезжаю в море - всегда крещусь…» Говорит, что у него своя вера, он сам не понимает какая вера. Он не может понять сам себя. То креститься, то какое-нибудь другое обрядовое действие, не касающееся Православия совершает. Надеется, что что-то из этого поможет. Ближе к другим островам, делает то, что положено «чтобы тех богов (этих остров) не обидеть». По словам С., на мыс. Болванском есть груда костей и черепов детей. Респондент А. предполагает, что кости оказались на мысе как результат эпидемии. У С. наличие детских костей вызывает недоумение.

Респондентка Е. (43 года, образование - среднее специальное). В своем доме в п. Каратайка Е. легла на кровать (подчеркивает, что была совершенно трезвой). Муж ушел на кухню, она осталась одна. Вдруг она почувствовала холодный воздух. Воздух был настолько холодный, что она думала, что замерзнет сразу. Она верит, что это приходил прежний хозяин дома. Е. рассказала об этом событии подруге, которая работала врачом. Подруга сказала, что бывший хозяин умер «от пьянки» и он приходит. Подруга посоветовала зажечь свечу и «подержать» против часовой стрелки. После этого «обряда» все прошло. Е. уверена, что это был не обычный ветер, сквозняк, а нечто необъяснимое.

С. рассказывает, что в одной из бухт на Вайгаче есть дом, где он чуть не сошел с ума. Внезапно он почувствовал сильный холод, *«как будто веером нахлынул»*. Он сильно

испугался и выбежал. Сергей об этом случае рассказал какому-то «дядьке», который и сказал, что это произошло из-за того, что дом построили на могилах заключенных в сталинское время.

Респондентка Н., 17 лет, рассказывает о духе-домовом, который она называет бабайкой: «Он ходит по избе, но его никто не видит - виден порой только его темный силуэт и чувствуется его пристальный взгляд, иногда он громко чихает, тем самым пугает людей». «Бабайка» представляет собой личность своенравного характера, «если к нему не проявлять уважение и не задабривать кусочком хлеба с маслом, то он начнет буянить».

Респондентка М., 25 лет, образование среднее специальное. Рассказывает, что в детстве, когда они жили в тундре, взрослые запрещали детям гулять после 10 вечера около скал, говоря, что их могут утащить сиртя. Респонденту А. бабушка рассказывала о большом камне юртообразной формы. С одной стороны можно подойти к нему (ним), а с другой - начинается пропасть. Если попытаться залезть на эти камни, то сверху начнут атаковать соколы. Камни находятся на материке недалеко от устья р. Сирти Ю. Эти камни являются входом в пещеру, где живет маленький народец сиртя. Этот народец днем сидит в пещере, а ночью они выходят на поверхность земли. По словам респондента С., этот народец видел бригадир-оленевод. Как-то некие люди у входа в пещеру положили продукты. Наутро продукты пропали, остались только следы маленьких ножек. В существование этого народца А. и С. не знают - верить или нет.

Т.о., можно заключить, что практически все вышеперечисленные явления носят в сознании жителей негативный и устрашающий характер, могут являться предвестниками бед и несчастий, требуют к себе внимательного и аккуратного отношения, что характерно для анимистичеких верований неписьменных народов.

Характерно двойственное отношение населения к единственному современному шаману НАО Коле, проживающему в Нарьян-Маре и прославившемуся «освящением» Заксобрания Санкт-Петербурга весной 2015 г. Большинство считает, что *«шамана Колю держат за шута, он*

пьет, пропил квартиру, сейчас старается подзаработать денег на шаманизме». Другие говорят, что он нормальный и что у него есть шаманские способности. С самим Колей встретиться не удалось, т.к. его сняли с самолета в состоянии алкогольного опьянения, когда он должен был прилететь в Каратайку.

***

Таким образом, можно заключить, что религиозные верования коренного ненецкого населения Югорского полуострова носят выраженный синкретический характер, где наряду с христианскими верованиями можно обнаружить большой пласт дохристианских языческих представлений. Этому способствуют, в свою очередь, во-первых, то, что процесс христианизации ненцев Православной Церковью начался достаточно поздно и не был завершен, во-вторых, большое влияние оказывает близость бывшего сакрального ненецкого центра - о. Вайгач, с которым связано большое количество легенд и преданий, в-третьих, - это влияние, особенно на старшие поколения, советской атеистической идеологии. Подобная размытая религиозность способствует успеху проповеди протестантов-харизматов среди оленеводов, ведущих традиционный образ жизни, где миссионерская активность РПЦ до недавнего времени практически отсутствовала. Русское население, составляющее на обследованных территориях меньшинство, демонстрирует взаимообусловленность религиозной и национальной самоидентификации, декларируя приверженность к православию. Все эти вышеприведенные факторы обусловливают специфику религиозной ситуации обследованного региона.

ПРИМЕЧАНИЕ

К сожалению, по техническим причинам не удалось воспроизвести сводные таблицы, содержащие статистические результаты исследований. С ними можно ознакомиться на сайте giperbor.ru

ЛИТЕРАТУРА

Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. М., 1998. Т. 1: 671 с.; Т. 2: 719 с.
Окладников Н.А. 2008. Тернистый путь к православию : из истории обращения

в христианство ненцев архангельских тундр. Н.А. Окладников, Н.Н. Матафанов. Архангельск: Правда Севера. 476 с., [8] л. ил.

Христианская Протестантская Церковь «Силоам». [Электронный ресурс]. - URL: http://thesiloam.com/ [27.08.2015].

Российский сектор Арктики под прицелом сектантских проповедников. [Электронный ресурс]. - Правовой центр. Сектоведение. - URL: http://www.raskolu.net/706-religioznaya-ekspansiya-sektantskih-propovednikov-v-rossiyskoy-arktike.html [27.08.2015].

Исследовательская служба «Среда». [Электронный ресурс]. - URL: www.sreda.org/arena [27.08.2015].

Получена / Received: 02.10.2015
Принята / Accepted: 20.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 862-868

О концепции возрождения Марфо-Мариинской обители милосердия

А.Б. Ефимов

Негосударственное образовательное учреждение Высшего профессионального образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»
Миссионерский факультет
109651, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
Private educational institution of higher education "Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities"
Missionary faculty
Ilovayskaya str. 9, building 2, Moscow 109651 Russia
e-mail: missioner_pstgu@mail.ru

Ключевые слова: Марфо-Мариинская обитель, Елизавета Федоровна, внутренняя миссия, миссионерские съезды.
Key words: Marfo-Mariinsky convent, Elizaveta Fyodorovna, inner mission, missionary congresses.
Резюме: Известно, что Марфо-Мариинская обитель была задумана и создана Елизаветой Федоровной как обитель милосердия, но было бы неверным видеть главную идею и цель в создании обители в системе лечебных учреждений и системе социальной помощи. Изучая наследие Елизаветы Федоровны (уставы, отчеты и другие документы, относящиеся к ММО, а также ее переписку) приходим к выводу, что с самого начала Елизавета Федоровна ставила задачи внутренней миссии, обращенной к русскому народу, и с годами эти задачи расширялись и занимали все большее место в жизни и деятельности Обители.
Abstract: It is well known that the Marfo-Mariinsky convent was conceived and created by Elizaveta Fyodorovna as a convent of mercy, but it would be wrong to see the main idea and goal in creating the abode in the system of medical and social assistance system. Exploring the legacy of Elizaveta Fyodorovna (statutes, reports, and other documents related to MMO, as well as its correspondence) come to the conclusion that, from the outset, Elizaveta Fyodorovna put tasks inside the mission, facing towards the Russian people, and these tasks over the years expanded and occupied an increasing place in the life and work of the monastery.
[Efimov A.B. On the concept of rebirth of the Marfo-Mariinsky monastery of mercy**]**

Миссия (апостольство) означает посылать, «уезжать, соглашаться жить в чужом окружении, быть пришельцем» (Анастасий, 2002). Миссия-это направленное действие любви Церкви по отношению к людям, находящимся вне Ее.

Понятие «внутренняя миссия», напротив, буквально

означает обращение Церкви внутрь Себя, таким образом, находится в противоречии с термином «миссия», «присваивая» себе задачи пастырства. В экквезиологии противопоставление внутренней и внешней миссии, как таковых, быть не может: миссия у Церкви может быть только одна. Таким образом, использование термина «внутренняя миссия» носит спекулятивный характер. Его появление обусловлено определенным историческим контекстом, а именно существованием Церкви внутри христианской империи, когда многие члены Церкви были лишь «крещены, но не просвещены». 2-я половина XIX – начало XX вв. в жизни РПЦ и Российской империи характеризуется наличием антицерковных и антигосударственных течений в обществе: явным сочувствием сектантству, социализму и атеизму значительной части интеллигенции, студенчества и либеральных общественных деятелей. Антиправославные течения захватывают простой народ против нахлынувших антицерковных течений, а также проповедь к отпавшим от Нее.

Последнее направление в церковных и государственных документах начала XX в. И получило название «внутренняя миссия». Изменение приоритетов в просветительской деятельности Церкви привело к развитию внутренней миссии как особого церковного института.

Эти проблемы обсуждались на всероссийских и региональных миссионерских съездах, на трех монашеских съездах (на первом монашеском съезде 1909 г. присутствовала и участвовала великая княгиня Елизавета Федоровна). Различными формами миссионерского служения монастырей занимались Предсоборное Присутствие и различные комиссии Поместного Собора 1917-1918 гг.

Елизавета Федоровна, посвятившая себя после гибели Сергея Александровича служению страждущим в образе Марфы и Марии, возглавила созданную ей систему благотворительных учреждений. При этом она не разделяла милосердную благотворительную деятельность и духовно-просветительскую.

Главным детищем ЕФ стала открытая в феврале 1909 г. Марфо-Мариинская обитель милосердия. В опубликованном пояснительном слове сказано, что «целью устраиваемой

Обители Милосердия является помощь ближнему во всех ее видах, но помощь не материальная, но и нравственно-духовная в чисто христианском православном смысле и ближайшей целью Обители Милосердия является стремление удовлетворить обращающихся к ней в одинаковой степени, как по запросам духовного мира человека, так и помощи бедному больному, голодному и обездоленному ближнему…

Соответственно своим целям Обитель Милосердия принимает не только сестер, но и сотрудниц, при помощи которых надеется шире проявить свою деятельность, в особенности вне обительских стен, и привлечь к участию в своей благотворительной и духовно-нравственной деятельностях и широкий круг населения города Москвы устройством соответствующих филиальных отделений».

Согласно ежегодным отчетам обители, было устроено три вида служения: деятельное, попечительное и просветительное.

Под попечительным понималось посещение сестрами и помощь вне обители страждущим, которое «принимает само собой характер внутренней миссии, на каковую сестры и посвятили себя» (Отчёт ММОМ за 1910 г. М., 1911: 10)

Попечительное служение должно «не столько сосредотачиваться по закрытым учреждениям внутри Обители, сколько после надлежащей подготовки идти за стены Обители ко всем нуждающимся в помощи, идти по приходам при содействии священников, а равно приходских и городских попечительств, устрояя эту деятельность вне стен обители как дело внутренней миссии в нашей Православной Церкви» (Отчёт ММОМ за 1912 г. М., 1913: 29). «Это послушание несется сестрами, как дело внутренней миссии и к этому они направляются Обителью, ставшей для сестер в пример Свв. Жен Мироносиц и древних диаконис.

Отрицать нужду в этой внутренней церковно-религиозной миссии сестер положительно нельзя даже после самого поверхностного ознакомления и с благотворительностью г. Москвы, и с теми лицами, кои обращаются за помощью. Нельзя забыть как о том, что в Москве насчитывается до 100000 семейств бедняков и да 40 000 детей, нуждающихся в призрении, так и той обстановки всяких ночлежек Хитрова и

других рынков, где ютится огромная масса бедноты. И если городские благотворительные учреждения и отчасти приходские при всем своем напряжении едва в состоянии приходить с помощью материальной нужде бедных, то ведь помимо материальной нужды остаются еще спутники бедности-нравственное одичание, иногда полное отчаяние, кончающееся самоубийством, потеря веры и надежды на Бога- все это разве не требует участливого религиозного отношения к себе?» (Отчёт ММОМ за 1913 г. М., 1914: 17).

Из отчета за 1910 г.: «обитель постепенно открывала и расширяла служение больничное, школьное и миссионерское, если позволительно так выразиться, разумея под ним то служение Св. Церкви, которое несут сестры при посещении домов». Великая княгиня привлекала к служению страждущим(к делу внутренней миссии) и детей зажиточных родителей. Для них был организован кружок «Детская лепта». Они собирались в Николаевском Дворце в воскресные дни «пожертвованиями и своим личным трудом заготовляли белье и одежду для неимущих детей» (Отчёт ММОМ за 1912 г. М., 1913: 30-31).

К просветительской деятельности Обители отнесены были вечерние воскресные беседы, сиротский приют и Воскресная школа.

После освящения 8-го апреля 1912 г. Покровского храма, «где трапезная часть по своему устройству приспособлена быть аудиторией, были 7-го октября открыты религиозно-нравственные чтения и беседы.

Беседы вели: Его Высокопреосвященство Митрополит Владимир; Епископы – Трифон Дмитровский, Анастасий Серпуховской, Василий Можайский, Феодор Волоколамский, Архимандрит Димитрий, Протоирей Митрофан Сребрянский; священники: о. Евгений Синадский, о. Сергий Богословский, о. Владимир Востоков, о. Николай Смирнов. Народ во множестве посещал эти беседы» (Отчёт ММОМ за 1912 г. М., 1913: 35).

Надо сказать, что в это время по всей Москве проходили подробные беседы для народа. Так, в 1912 г. город был разделен на 47 пунктов, координирующим центром являлся комитет по устройству внебогослужебных собеседований с народом под председательством епископа Серпуховского Анастасия

(Грибановского). При сравнении посещаемости этих пунктов, Марфо-Мариинская обитель стоит одной из первых, наряду с Чудовым монастырем - около 1000 человек.

К просветительному служению были призваны также приют для девочек и воскресная женская школа. В основу жизни приюта для девочек (18-19 чел.) были «положены начала трудолюбия, семейности отношений и религиозно-церковного воспитания» (Отчёт ММОМ за 1912 г. М., 1913: 36).

Занятия в женской воскресной школе для взрослых женщин и девушек велись сестрами Обители. «Учащиеся были распределены на три группы- группа неграмотных, слабограмотных и группа учившихся. Занятия длились с 1 час. до 5 час. вечера. Во время занятий велись чтения с туманными картинами, для коих брались чтения с житиями Свв. Угодников Божьих и со священными рассказами Ветхозаветной и Новозаветной Священной истории. Занятия в школе заканчивались обучением церковному пению. Во время перерыва учащимся давался чай с хлебом, после чего, желавшие, шли за вечернее богослужение и акафист» (Отчёт ММОМ за 1912 г. М., 1913: 37).

К деятельной жизни обители относились больница, амбулатория, аптека, убежище для чахоточных женщин, преобразованное в 1913 г. в квартиру для девушек, работавших на фабрике, а также бесплатная столовая и библиотека. Отметим, что при наличии самостоятельной библиотеки (к 1914 г. более 2000 томов), «для нравственного воздействия на больных» были открыты также библиотеки при больнице (200 томов), амбулатории и в квартире для девушек. Причем квартиру для девушек еженедельно «повещает духовник Обители для служения молебнов и ведения бесед. Там в 1914 г. планировалось устроить и аудиторию для бесед.

Можно подчеркнуть, что было принято решение не расширять больницу, т.е. медицинское направление внутри обители, а развивать разнообразное служение ближним, и прежде всего вне обители.

Согласно отчетам, о. Митрофан Сребрянский проводил 2 беседы об истинах веры и христианской нравственности. Одна из бесед посвящалась чтению святых отцов и обсуждению

жизни Обители в свете уставов Церкви с целью «оживить…..в сердце корень самоотверженной жизни – веру в Бога, Уставы св. Церкви и любовь к страждущим». Беседы готовили сестер к «духовной миссии среди людей, с коими им приходится входить в соприкосновение». Так обитель готовила чад к Церкви к социальному и миссионерскому служению.

С началом войны 1914 г. опыт сочетания дел милосердия и духовного просвещения был использован в созданных почти по всем монастырям Московской епархии лазаретам, а также и в светских благотворительных организациях, как самостоятельных (созданных также Елизаветой Федоровной), так и состоящих во всероссийской структуре Комитета Великой Княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну (1914-1917) (включал в себя более 3000 отделений).

Сегодня в России возрождаются монастыри. В течение последних 20 лет каждые 2 недели встает новый монастырь. Духовная жажда и стремление в совершенстве служить Богу и людям приводит современных людей в стены обителей, и оказывается, что формы этого служения весьма разнообразны. Возрождается храмовое строительство, церковное пение, богослужение, различные формы социальной помощи. Медленнее всего развивается миссионерско-просветительская деятельность монастырей, так как это служение требует углубленной специальной подготовки, опыта духовной жизни и серьезных богословских знаний. Десятилетия разнообразных быстро меняющихся духовных подмен и глубокая развращенность и абсолютная духовная неграмотность народа предъявляют высокие требования к свидетелям о вере и Церкви, к веропроповедникам, несущим свет Христов.

Пример Марфо-Мариинской обители и ее настоятельницы, несущий озлобленным, разуверившимся, обездоленным любовь Христову и посильную помощь, указывает сегодня путь устроения современных монашеских общин и миссионерских приходов, обращенных к страждущему миру. И сочетание милосердной благотворительности и духовного просвещения для имеющих дух Христов подвижников сегодня становится, может быть самой

востребованной формой церковного служения. Это служение требует действенной сострадательной любви образованных, глубоко знающих свою веру и готовых самоотверженно трудиться Богу.

Такие монастыри стали бы центрами православного образования, православной культуры и православного свидетельства, владеющего современными коммуникативными средствами.

Убедительным примером такого центра и была Марфо-Мариинская обитель.

ЛИТЕРАТУРА

Анастасий (архиеп., предстоятель Албанской Церкви). 2002. Православный мир. Фестиваль Синдесмоса во Франции. - Церковный вестник. № 11(240). июнь.

Получена / Received: 10.10.2015
Принята / Accepted: 20.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 869-875

Особенности изучения индуистской танатологической проблематики в отечественном религиоведении

А.С. Иванова

Негосударственное образовательное учреждение Высшего профессионального образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет» 115184, г. Москва, ул.Новокузнецкая, д. 23, стр. 5а

Private educational institution of higher education "Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities"

Novokuznetskaya str. 23, building 5a, Moscow 115184 Russia

e-mail: priemkom@pstgu.ru

Ключевые слова: индуистская эсхатология, философская танатология, реинкарнация, сотериология.

Key words: the Hindu eschatology, philosophical thanatology, reincarnation, soteriology.

Резюме: В статье предложен анализ основных понятий индуистской танатологической проблематики в контексте философской танатологии и отечественной индологии в советский период и в рамках современной науки. При сопоставлении разных подходов в описании проблемы смерти в ее индуистком решении, выявлены сильные и слабые стороны каждого из них.

Abstract: Analysis offered in the article Hindu concepts tanatologičeskoj perspective in the context of philosophical thanatology and patriotic Indology in the Soviet period and within the framework of modern science. When comparing the different approaches in describing the problem of death in its decision induistkom, identified the strengths and weaknesses of each of them.

[Ivanov A.S. Features the study of Hindu tanatologičeskoj perspective in the domestic religious studies**]**

Индуистская религиозная традиция чрезвычайно богата представлениям о загробном мире и посмертном суде, соответствующими мифологическим сюжетам, эсхатологическими и сотериологическими идеями, которые требуют систематизации и глубокого религиоведческого анализа.

В России исследование индуистской танатологической проблематики находит место в рамках отечественной индологии и философской танатологии, которые имеют совершенно разные подходы к изучению данной темы, несомненно, представляющей обширный интерес для массовой культуры.

Несмотря на наличие исследований, посвященных *философской танатологии*, данная дисциплина подвергается серьезной критике со стороны научного сообщества в связи с тем, что танатология - это всего лишь одна из тем антропологии и культурологии, необоснованно претендующая на самостоятельный научный статус. В нашем исследовании мы будем опираться на предположение о действительном существовании философской танатологии, что позволит нам увидеть концептуальные проблемы данной дисциплины.

В 1994 году вышла монография Сергея Рязанцева «Танатология -наука о смерти», положившая начало систематизации сведений о смерти из различных отраслей знаний - таких, как филология, медицина, этнография и история. Данное исследование носит обще-ознакомительный характер, здесь почти отсутствуют какая-либо информация об индуистском характере восприятия смерти: даже обращаясь к проблеме реинкарнации, автор приоритетно рассматривает учение джайнизма и буддизма. Но когда речь идет о соответствующих идеях в рамках брахманизма, автор очень упрощенно излагает концепцию кармы и посмертного воздаяния, практически без анализа отображая идею сансары: «Грешные души проходят через различные тела, и мир, в котором они несут заслуженную кару за свои грехи во время прежних существовании, представляет собой колоссальное чистилище, и сама жизнь - не что иное, как долгий и трудный путь развития зла в добро» (Рязанцев, 1994: 345)

Еще одним примером монографии, где присутствуют индуистские идеи, является «Основы философской танатологии» (2002) М.А. Шенкао. Здесь собран крайне разрозненный материал, включающий представления о смерти древних и современных философов, исследования по фольклористике и психоанализу, изучение смерти в рамках различных религиозных традиций и в контексте местных культур адыгов и абхазов. Исходя из этого, чрезвычайно трудно критически оценить данный труд, так как здесь в основном приводятся одни цитаты из первоисточников и параллельные комментарии. В работе пристальное внимание уделяется локальным культурам народов Карачаево-Черкесской

Республики, что придает исследованию эмоционально яркую окраску. Автор пытается систематизировать представления о смерти, оперируя понятием ментальности, но в то же время в тексте отсутствует соответствующее четко сформулированное определение. Несмотря на то, что М.А. Шенкао достаточно подробно рассматривает иудейскую, мусульманскую, христианскую, античную, буддистскую традиции, он совершенно эпизодически упоминает о индуистской идее реинкарнации.

Наиболее интересной работой по танатологии, включающей в себя достаточно полный анализ и своеобразное видение темы смерти, является монография «Постскриптумы смерти: от мифологии к мифологеме» (2008). А.А. Польского, где реализована попытка сосредоточить внимание на проблеме самоопределения смерти как сакрального события, воспроизводимого в разнообразных культурно-социальных формах. Автор интерпретирует материл классических древних текстов как некий всеобщий опыт, находящий свое отражение в этнокультурных архетипах. В данной монографии решающую роль играет анализ сюжетных линий, иерархии мифологических объектов, космогонического мифа, связанного с ритуальной практикой. В разделе «Смерть и жертвоприношение» Польский анализирует космогонический миф о Пуруше как пример общего индоевропейского мифа о сотворении мира через самопожертвование.

Несмотря на то, что философская танатология ставит задачу междисциплинарного изучения проблемы смерти, недостаток данного подхода заключается в том, что исследователю в его работе предстоит упорядочить разрозненный материал, в котором он сам не всегда может быть до конца компетентным. Таким образом, он пытается анализировать идеи смерти в религиозных традициях, часто имея весьма смутное представление о том, что именно под ними подразумевается и в каком контексте они могут быть применены.

Индология как неотъемлемая часть российского востоковедения на каждом этапе своего развития избирала разные приоритетные темы для своего изучения.

В советский период индология получила идеологический

вектор развития, что определило ее методологию и целый ряд тем исследований, актуальных для советского государства.

В 1930 году появилась первая работа, имеющая четко определенное танатологическое содержание - это статья Б. Семичева в журнале «Атеист» «Ад в изображении индусской религиозной литературы», которая представляет собой свободный авторский перевод первых глав «Гаруда-пураны» с некоторыми вводными комментариями, касательно индуистского вероучения об аде. Эта статья последовательно отражает преломление индуистских идей в свете марксисткой концепции. Эволюционность процесса воплощений, по мнению Семичева, отменяет представления о вечном радостном или скорбном пребывании в загробном мире и подчиняет все некому общему рациональному и стабильному закону развития, на фоне которого, представления ислама и христианства о посмертном воздаянии и загробной жизни кажутся автору этой статьи менее убедительными и более социально вредными.

Несмотря на мощное идеологическое воздействие, советская индология, начиная с конца 1950х - 1960х годов, постепенно обрела свои самобытные независимые черты науки, горизонт которой был намного шире заданных рамок методологии марксистской школы.

На примере исследования С.Л. Невелевой «Мифология древнеиндийского эпоса» (1975) мы можем проследить, какие метаморфозы произошли в изучении проблематики смерти в период расцвета русской индологии. В своей монографии она очень подробно разбирает мифологию Ямы - бога смерти в индуистском пантеоне, рассматривает его статус и функции в Ригведе, атрибутику и сопутствующую символику в Упанишадах, трансформацию в сюжетах «Махабхараты», а также проводит этимологический анализ выражений, имеющих танатологическую окраску («метафоры смерти»). Необходимо отметить, что этимологические исследования эпической лексики, связанной со смертью, появлялись достаточно часто в советский период, они и сейчас не утратили своей актуальности.

Заканчивая рассматривать тематические работы советского периода, стоит обратить внимание на статью

И.В. Бестужева-Лады «Эсхатология индуизма: футурологический аспект» (1985), написанную на основе этнографических материалов, полученных в результате наблюдения за племенами Индостана и Ланки. Автора данной статьи интересуют космогонические и эсхатологические идеи Ведийского периода «как раннеклассового общества» (Бестужев-Лада, 1985: 7), он сравнивает их с наиболее развитыми религиозно-философскими концепциями ранней античности и пытается рассмотреть представления о загробном мире как последовательное формирование идей, присущих всем племенам, культурно-религиозный уровень развития которых совпадает. Бестужев-Лада пишет о том, что: «индуистская космогония и эсхатология намного превзошли по всей сложности иудео-христианско-мусульманскую (образующую, как известно, конгломерат верований общего происхождения с различными вариациями). Что касается идеи бесконечного воплощения душ - она, по мнению автора, появляется как социально необходимый компромисс между верой в возрождение души в мире предков и учением о вечных загробных муках или блаженстве. Бестужев-Лада излагает стадии формирования эсхатологического мировоззрения, цитируя С. Радхакришнана - наиболее известного и востребованного в советское время индийского государственного деятеля и мыслителя, чьи труды часто интерпретировали в советском идеологическим ракурсе. Индуистская эсхатология, являясь одной из ключевых танатологических проблем, интерпретируется здесь как средство идеологического влияния на народные массы, ведущие идеологическую войну в течение всей истории Индии, вплоть до нового времени.

По мнению автора, компенсаторная функция религии, находящая свое максимальное воплощение в учении о смерти и загробной участи, вынуждена приспособляться к «воинственному социальному оптимизму народных масс, чтобы сохранить свою власть и влияние над обществом» (Бестужев-Лада, 1985: 18).

Подводя итоги обзора по истории изучения феномена смерти в контексте индуистских религиозных идей в России,

можно сделать следующие выводы:

1) Несмотря на высокую популярность идей реинкарнации и их ключевое значение для танатологии, они почти не представлены в рамках танатологии как философской дисциплины, практически отсутствует анализ индуистского мифа и ритуала, их трансляции представления о смерти в философско-религиозном контексте. Танатология в аспекте осмысления опыта смерти в различных религиозных традициях не может объективно оценивать и сравнивать представления о смерти без обращения к индуистскому ракурсу решения проблемы смерти, понимание которой непременно более ясно отобразило бы саму религиозную картину восприятия смерти.

2) Междисциплинарность танатологии как предполагаемой философской науки ставит под угрозу качество исследований, в которых есть религиоведческие детали, так как проблема смерти требует знания контекстуальных значений ее составляющих аспектов и видение взаимосвязей между ними, что возможно только при наличии высокого уровня профессиональной компетентности исследователя.

3) Что касается изучения проблемы смерти в отечественной индологии, то ей отведена второстепенная роль - чаще всего, тема смерти рассматривается только с точки зрения этимологического и семантического анализа текста. Необходимо также отметить, что тема смерти в академических исследованиях часто является выразительным индикатором социально-культурной государственной идеологии, как это было в некоторых советских исследованиях, популяризирующих идеи прогрессивного развития и позитивного мироощущения в рамках специфической интерпретации учения о карме и посмертном воздаянии.

Таким образом, очевиден дисбаланс в изучении танатологической проблематики: с одной стороны, невозможность объективно изложить базовые положения представлений о смерти (в философской танатологии) без специальных знаний, а с другой - приоритетность академического исследования филологического плана (в индологии), в котором почти нет места для философско-

религиоведческой интерпретации круга проблем, связанных со смертью, нет осмысления смерти как таковой.

ЛИТЕРАТУРА

Бестужев-Лада. И.В. 1985. Эсхатология индуизма: футурологический аспект. Индуизм традиции и современность. Под ред. А.Д. Литман. М.: Наука. 284 с.

Рязанцев С. 1994. Танатология (учение о смерти). СПб Восточно - Европейский Институт Психоанализа. 384с.

Семичев. Б. 1930. Ад в изображении индусской религиозной литературы. - Атеист №52.

Шенкао М.А. 2002. Основы философской танатологии. Черкесск: Изд-во КЧТИ. 253 с.

Получена / Received: 14.10.2015
Принята / Accepted: 25.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 876-883

Этапы развития конфуцианства и китайская философия в КНР

Н.А. Кудрявцева

Негосударственное образовательное учреждение Высшего профессионального образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»
Миссионерский факультет
109651, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
Private educational institution of higher education "Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities"
Missionary faculty
Ilovayskaya str. 9, building 2, Moscow 109651 Russia
e-mail: missioner_pstgu@mail.ru

Ключевые слова: конфуцианство, китайская философская система, китайская философия, Китай.
Key words: Confucianism, Chinese philosophical system, Chinese philosophy, China.
Резюме: Конфуцианство - стержень китайской философии. Конфуцианское учение соединяет в одно целое мировоззрения и установки, реализуемые на уровне государственного управления, и в народной среде. Оно возникло в условиях государственной нестабильности и менялось в ходе тысячелетней истории, переживая идейные кризисы и политические катаклизмы. В процессе синтеза с другими местными учениями и проникающими на территорию Китая религиями, философскими взглядами оно стремилось к идейному главенству, к срединному пути крепкого и процветающего государства с социальным порядком, сохранению национальной культурной идентичности. Развитие конфуцианства прослеживается в обзоре философских воззрений от первых конфуцианских мыслителей до сегодняшних дней.
Abstract: Confucianism-Rod Chinese philosophy. Konfutsianskoe teaching combines a whole worldview and installation, implemented at the level of Government and in the people's environment. It arose in the context of government instability and changed in the course of a thousand years of history, reliving the ideological crises and political upheavals. In the synthesis of other local teachings and penetrating into the territory of China, religions, philosophical views it sought to base the rule to a middle path of strong and prosperous State with social order, preserve national cultural identity. Development of Confucianism is traced in a review of philosophical conviction from the first Confucian thinkers to the present day.
[Kudryavtseva N.A. Stages of development of Confucianism and Chinese philosophy in China**]**

Н.А. Кудрявцева / N.A. Kudryavtseva

Конфуцианство - западное название китайской философской системы «школы ученых», занимающей в духовной культуре традиционного Китая одно из центральных мест. Его «история является стержневой для всей истории китайской философии или, по крайней мере, той ее части, которая начинается с эпохи Хань» (Титаренко, Кобзев, Лукьянов, 2006: 53). Оно является «оформляющим в единство мировоззренческие установки и этико-ритуальные предписания, реализуемые и на уровне государственного управления, и в народной среде» (Кобзев, 2007: 190).

История конфуцианства условно делится на четыре периода (Титаренко, Кобзев, Лукьянов, 2006: 53-54).

I. V-III вв. до н. э.

В условиях государственной нестабильности Конфуций обратился к идеологическим устоям раннечжоуского прошлого, запечатленным, прежде всего, в текстах «Шу цзин» и «Ши цзин». Раннее конфуцианство включает учение Конфуция и его последователей Мэн-цзы и Сюнь-цзы.

В этот период мыслители уделяли внимание проблеме человека, принципам организации общества (этико-политическим вопросам).

II. III в. до н. э. - X в. н. э.

Ханьское конфуцианство сформировалось на стремление к восстановлению идейного главенства, утраченного в борьбе с новообразовавшимися философскими школами, даосизмом и легизмом. С помощью древних текстов конфуцианцы во главе с Дун Чжуншу существенно реформировали собственное учение. Были интегрированы методологические и онтологические представления даосов и школы инь-ян, политико-правовые - моистов и легистов.

В религиозно-философской системе Дун Чжуншу формировалось ортодоксальное конфуцианство с включенными в него натурфилософскими идеями (учение об инь и ян (темном и светлом началах) и у-син (пяти стихиях)).

Он стремился создать теорию, рационально объясняющую человеческий опыт. Главной целью было найти и изложить универсальные принципы, позволяющие в настоящем и будущем установить социальный порядок.

Ханьский философ «вычленил из учения Конфуция пять понятий: жэнь (“человеколюбие”), и (“долг”), ли (“правила”), чжи (“знание”) и синь (“вера”), объединив их в категорию учан (“пять постоянств”). Они должны были символизировать основные моральные ценности и гармонию действий пяти стихий в социуме. Со временем “пять постоянств" прочно закрепились в массовом сознании, стали регулятором повседневной жизни китайцев» (Переломов, 2004: 47).

Дун Чжуншу придал конфуцианству характер государственной идеологии.

III. X-XX вв.

Возникновение неоконфуцианства было вызвано идейным кризисом, обусловленным противостоянием официального конфуцианства с буддизмом, а также преобразовавшимся под его влиянием даосизмом. В ответ на этот вызов конфуцианцы выдвинули оригинальные идеи со ссылками на основателей учения, прежде всего Конфуция и Мэн-цзы.

Возвращаясь к истокам конфуцианства, наследуя духовные традиции, Чжоу Дуньи дает ему новое направление. Он развивает учение о космосе, используя конфуцианское понимание дао.

«…Чжоу Дуньи положил начало учению ли сюэ (“принципа-закона”), ставшего философской эмблемой сунского конфуцианства. Оно было развито преемниками и последователями Чжоу Дуньи - Чжан Цзаем (1019-1077 гг.), Чэн Хао (1032-1085 гг.), Чэн И (1033-1107 гг.) и особенно великим сунским конфуцианцем Чжу Си (1130-1200 гг.)» (Переломов Л.С. 2009: 448).

Чжан Цзай «уделял особое внимание ци – понятию, которое становилось все более и более важным в космологических и метафизических представлениях последующих конфуцианцев» (Фэн Ю-Лань, 1998: 299).

Центральным элементом неоконфуцианского учения выступает индивидуальное сознание, рассматриваемое Чжан Цзаем в базовых понятиях: синь («сердце-сознание») и во («эго», «индивидуальное начало»).

Чжан Цзай широко развивает конфуцианские понятия:

долг, почтительность к родителям, человеколюбие и любовь. Распространяет идею о преданности и сыновней почтительности. Постепенное освоение наследия «совершенномудрых» происходит посредством обучения ученика наставником, но не столько расширением знаний, сколько навыков морально-этического совершенствования (Чжан Цзай, 2013: 125).

Чэн Хао и Чэн И стали родоначальниками двух направлений в неоконфуцианстве: синь сюэ («учение о сознании») и ли сюэ («учение о принципе»).

Учение Чжу Си развило идеи Конфуция и Мэн-цзы. В него вошли идеалистические положения буддизма и Лао-цзы.

Мыслитель сформировал свод конфуцианских канонических текстов, с постатейными и пофразовыми разъяснениями и собранием комментариев.

Учение Чжу Си поддерживалось маньжурской династией Цин. В 30-е-годы XX в. оно было преобразовано Фэн Юланем в «новое учение о принципе» (синь ли сюэ) (Кобзев., Чжу Си, 1994: 467).

«Идеалистическая концепция Чжу Си и его последователей подверглись переосмыслению и критике конфуцианцев-материалистов, прежде всего Ван Янмина (конец XV в. - начало XVI в.)… и Ван Чуаньшаня (XVII век)» (Переломов, 2009: 448).

Линию Чэн Хао продолжил Лу Цзююань, приведшую к созданию школы Лу-Вана (синь сюэ - «учение о сердце»).

Полемика, начатая Чжу Си и Лу Цзююанем, продолжается до сих пор.

Ван Шоужэнь, больше известный под псевдонимом Янмин, завершил развитие идей Лу Цзююаня (Кобзев, 1983, 2002: 50-400).

IV. Начался в XX в.

Новое конфуцианство (постконфуцианство) явилось реакцией на процессы, выразившиеся в укоренении в Китае чужеродных западных теорий.

К идеям конфуцианства обращались мыслители и политические деятели Китая, такие как Кан Ювэй, Сунь Ятсен, Чан Кайши.

В 1920-е гг. в оппозиции антиконфуцианскому движению выступал Лян Шумин. Одним из элементов его программы было восстановление первозданного облика конфуцианства, другим – достоинства западной культуры и достижения научно-технического прогресса. Он видел спасение культурной идентичности китайцев в обращении к истокам конфуцианской традиции, к наследию Конфуция.

Философские воззрения Лян Шумина находились под влиянием «учения о сознании» неоконфуцианской школы Ван Янмина и буддизма (Старостина, 2009: 24-33, 86-95).

Лян Шумин оказал заметное влияние на Фэн Юланя.

В 1930-1940-е годы развитие конфуцианства перешло на новые отношения между западной философией и китайской. В творчестве Фэн Юланя прослеживается постконфуцианская тенденция синтеза с философской мыслью Запада и развитие китайской философской мысли, продолжая традицию представителей неоконфуцианского «учения о принципе» (ли сюе).

Фэн Юлань в центре китайской философской традиции видел поиск синтеза духовного совершенства и социальной активности. Он предлагал идеи социального, экономического, культурного и политического преобразования общества.

В начале 1950-х гг. развитие нового конфуцианства продолжили Моу Цзунсань и некоторые другие философы, эвакуировавшиеся в Гонконг и на Тайвань, и Чжан Цзюньмай, работавший в основном в США. Их творчество испытывало отпечаток борьбы с традиционной культурой на территории КНР и воздействие немецкой классической философии.

В период постконфуцианства рубежа веков прослеживается развитие философской мысли, подъем культурного и национального самосознания после 1979 года, обращение к конфуцианским ценностям и идеям построения государства руководителями Коммунистической партии Китая, на фоне кризиса духовности в обществе.

Представителями современного постконфуцианства являются Ду Вэймин, Р.К. Невилл, Чэн Чжунъин - ученые, получившие образования на Западе и в США и продолжающие работать за рубежом.

Они рассматривают возможность в условиях глобализации и интенсивного взаимодействия народов проследить возрождение конфуцианства как культурной идентичности китайцев. Полагают, что конфуцианство, затрагивающее ценностные ориентиры народа, поможет пониманию того, что означает быть китайцем, а также в модернизации Китая.

Изучение конфуцианства происходит и в Китайской Народной Республике.

Профессор Го Циюн отмечает, что китайская философия как дисциплина возникла в начале XX века и «за 30 лет политики реформ и открытости изучения китайской философии прошло три коротких периода» (Го Циюн, 2012: 6):

В 1978-1990 гг., начало открытости, исследователи ориентировались на просвещение в области китайской мысли и использовали глобальные рассуждения. В это время продолжали работать многие представители старшего возраста, чья работа началась еще до «культурной революции».

Основывается Академия китайской культуры, в которой в дальнейшем проходили занятия по изучению китайской традиционной культуры и сравнительному изучению китайской и зарубежных культур.

Научные симпозиумы и конференции по проблемам современного конфуцианства и его представителям способствовали установлению взаимодействия ученых КНР, Сянгана, Аомэня, Тайваня.

Работы в области современной китайской философии поддерживались на государственном уровне (Го Циюн, 2008: 119-120).

В 1991-2000 гг. представители второго поколения разрабатывали новые методы, но испытывали влияние современных западных философских учений. Это было время начала диалога китайских и зарубежных синологов.

В центре интереса ученых материкового Китая находится философия Сюн Шили и Моу Цзунсаня.

Среди ученых материкового Китая развернулась дискуссия о так называемой «пост-новоконфуцианской эпохе». «По сути наступление этой эпохи означает развитие от единого

к множественности, отдаление «нового конфуцианства» как «школы» (цзя) от «нового конфуцианства» как «учения» (сюэ)» (Го Циюн, 2008: 125).

На международных конференциях преобладали доклады на темы развития конфуцианства в Китае и за рубежом, роли наследия Конфуция, будущей судьбе конфуцианства.

С 2001 г. по настоящее время объектом интереса в обществе становится традиционная китайская культура, среди ученых популярно современное прочтение китайской классики.

Представители третьего поколения не ограничены передачей ортодоксальных истин конфуцианства. Перед ними широкий культурный горизонт, забота о влиянии конфуцианства как части духовной мировой культуры на жизнь современных людей и глобальную этику (направление мысли было задано Ду Вэймином).

Современные конфуцианцы делают акцент на согласовании мировых идеологических тенденций с национальным духом. Их заботит диалог с христианством и исламом.

Популярными направлениями историко-философских исследований остаются: связь традиционной философии с современностью; история и теория каноноведения; исследования сунского и минского конфуцианства, современного нового конфуцианства; рассмотрение китайской философии с точки зрения политологии, решение вопроса самоидентификации национальной культуры; и др..

У китайских ученых в области китайской философии существуют нерешенные вопросы, но созданы и создаются организации по исследованию в области китайской философии, воспитываются новые ученые.

ЛИТЕРАТУРА

Го Циюн. 2008. Исследования современного конфуцианства в КНР. - Проблемы Дальнего Востока. № 1: 119-133.

Го Циюн. 2012. Исследование в области китайской философии в КНР за последние 30 лет. Сс. 5-21. - В сб. Человек и культура Востока: исследования и переводы. М.: ИДВ РАН. 260 с.

Кобзев А.И. 1983. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия.

М.: Наука. 353 с.
Кобзев А.И., Чжу Си. 1994. Китайская философия. Энциклопедический словарь. Главный редактор М.Л. Титаренко. М.: Мысль. 652 с.
Кобзев А.И. 2002. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература РАН. 608 с.
Кожин П.М. 2007. Конфуцианство и государственные культы. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5-ти тт. Т. 2: Мифология. Религия. Гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Восточная литература; Институт Дальнего Востока. 887 с.
Переломов Л.С. 2004. «Четверокнижие» - ключ к постижению конфуцианства. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу)». М.: Восточная литература. 432 с. - (Китайский классический канон в русских переводах)
Переломов Л.С. 2009. Конфуций и конфуцианство с древности до настоящего времени (V в. до н.э. -XXI в.). М.: Восточная литература. 423 с.
Старостина А.Б. 2009. Философия истории Лян Шумина. М.: ИДВ РАН. 280 с.
Титаренко Л., Кобзев А.И., Лукьянов А.Е. 2006. Философия и духовная культура Китая // Духовная культура Китая: в 5-ти тт. Т. 1: «Философия». М.: Восточная литература РАН. 368 с.
Фэн Ю-Лань. 1998. Краткая история китайской философии. Перевод с англ. Р.В. Котенко СПб.: Евразия. 376 с.
Чжан Цзай. 2013. Исправление неразумных (Чжэн мэн). пер., коммент. и вступ. ст. А.С. Рысаков. Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Дальнего Востока РАН, Исслед. о-во "Тайцзи". М.: ИДВ РАН, 2013. 282 с.

Получена / Received: 14.10.2015
Принята / Accepted: 25.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 884-894

Табынская икона Божией Матери

А.К-С. Куцов

Негосударственное образовательное учреждение Высшего профессионального образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»
Миссионерский факультет
109651, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
Private educational institution of higher education “Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities”
Missionary faculty
Ilovayskaya str. 9, building 2, Moscow 109651 Russia
e-mail: pravgimnaz@mail.ru

Ключевые слова: село Табынь, икона, явление иконы**,** чудотворный образ**,** крестные ходы, события 1917 года, крестный ход 1947 года, сакрализация пространства, чудеса, духовное возрождение.
Key words: village Tabyn′, icon, icons, image of the miraculous phenomenon, processions, 1917 events of the year, a procession of the year 1947, the sacralization of space, miracles, spiritual revival.
Резюме: В статье ставится задача показать великую силу влияния Табынской иконы Божьей Матери в духовном укреплении, стоянии и возрождении церковной и общественной жизни Южного Урала. Особое внимание обращено на раскрытие того факта как после обретения иконы Божьей Матери в Уральском крае стали совершаться крестные ходы, которые сопровождались многими чудесами.
Abstract: this article seeks to show the great power of the tabynsk icon of the mother of God in the spiritual strengthening, standing and the revival of the Church and social life of the southern Urals. Particular attention is paid to the disclosure of the fact how after gaining the icon of the mother of God in the Urals province infiltrating processions, accompanied by many miracles.
[Kutsov A.K-S. The Tabynsk icon of the Mother of God**]**

Каждое новое явление иконы Божией Матери сопровождается рядом неисчислимых чудотворений, а Россия, по милости Богородицы, в каждом столетии получала так много новых чудодейственных Её Икон. В числе особо прославленных икон имеется Табынская икона Божией Матери.

Первое явление Табынской иконы Божией Матери произошло во второй половине XVI в. недалеко от Вознесенской пустыни (ЦГИАРБ Ф. и-352. Оп. 1. Д. 705: 15). Однажды монастырский дьякон Амвросий, возвращаясь после

работы с поля, услышал голос: «Да потщится правоверующая братия Богоспасаемого монастыря принять Меня в храм Господа Моего». Дьякон сначала не внял голосу свыше, опасаясь самообольщения и демонского искушения. Но через несколько дней, возвращаясь опять с полевых работ, слышит тот же призыв. Невольно теперь он остановился и с трепетом стал осматривать место, где слышал голос и видел у подошвы горы на большом камне стоящую икону Богоматери, из-под которого бил ключ воды, с тех пор получивший название святого ключа (ЦГИАРБ Ф. и-352. Оп. 1. Д. 705: 15-16). По свидетельству свящ. Н. Модестова, икона была обретена в 200 саженях от соленого ключа под дубом (Модестов, 1914: 28). Иеродиакон с великой радостью поспешил к братии монастыря и рассказал им о чудном явлении. Монахи вскоре крестным ходом отправились к месту явления иконы, с великой честью принесли икону в монастырь и поставили в храме. На следующий день, утром, все увидели, что икона чудесным образом оказалась на монастырских воротах. Монахи, удивившись этому и не познав волю Богоматери, вернули икону опять в церковь. На следующий день икона снова появилась на монастырских воротах, тем самым показывая, что Богоматерь желает быть покровительницей и защитницей монастыря от врагов видимых и невидимых. Тогда братия, познав волю Царицы Небесной, построили надвратную часовню, поместив в ней явленную святыню, и стали совершать пред ней молебные пения. Богородица стала обильно источать чудеса от Своей иконы (ЦГИАРБ Ф. и-352. Оп. 1. Д. 705: 16).

Явленная Табынская икона Божией Матери, по историческому свидетельству, по виду и типу отделки: темному общему (желто-коричневому) тону красок, почти черному лику, имеющемуся ковчегу, греческому письму – имеет очень древнее происхождение. Икона крупных размеров: длинна одной стороны 107 см (1 ½ аршина), другой стороны 105 см (1 ½ аршина, без ½ вершка), ширина 72 см (1 аршин и ¼ вершка), высота 4.4 см (1 вершок). "Надписи на ней никакой особенной нет, кроме обыкновенных и едва заметных слов на верхних углах иконы МР. ѲУ., и над Спасителем ИС. ХР. Неправильность доски и малоотчетливая отделка не может не

указывать на её древность. Лик Богоматери и Богомладенца Иисуса изображены правильно; но в них видна, при необыкновенной простоте, выразительность истинно Божественная, в особенности в лике Приснодевы отражается небесное величие и вместе материнское милосердие" (Гуменский, 1909: 3). Икона типа «Одигитрия», по изображению целиком сходна с Казанской иконой, с той разницей, что Табынская на много больших размеров и над изображением Богородицы есть небольшая корона. На верхнем крае иконы имеется значительный след от разруба, а в середине вставка. Это «раны», которые были нанесены ей иноверцами, о чем будет сказано ниже. На иконе имеются следы в ковчеге от металлического оклада (Гуменский, 1909: 4).

Паломничество по святым местам всегда считалось Церковью одним из видов христианского благочестия. Со всех сторон великого Урала народ Божий стекался к месту явления чудотворной Табынской иконы.

В 1848 г., когда сильная эпидемия (холера) страшно свирепствовала в Оренбургском крае, жители г. Стерлитамака, чтобы смягчить гнев Божий, праведно карающий человека за беззаконие его, пожелали принести Табынскую икону Божией Матери в свой город, что было сделано с разрешения епископа Оренбургского и Уфимского Иоанникия Образцова (1835-1849) (Гуменский, 1909: 14-15). По данным, опубликованным в «Оренбургской газете» за 1911г., во время эпидемии холеры в Оренбургской губернии в 1848-1853 гг. умерло 29807 человек (Модестов, 1914: 33).

С принесением чудотворной иконы в г. Стерлитамак и по совершении пред ней молебна, холера ослабла и за время пребывания иконы в городе совершенно прекратилась. С тех пор граждане г. Стерлитамака в память об избавлении от гибельной болезни и в благодарность Царице Небесной решили ежегодно брать к себе прямо со св. ключей в 9-ю пятницу по Пасхе икону Богоматери, и так продолжалось до 1856 года с устного разрешения своих архипастырей.

В более ужасающих размерах, чем в Стерлитамаке, холера свирепствовала в г. Оренбурге в 1848 г. По воспоминаниям генерала Н.Г. Залесова, лето 1848 г. было

особенно жарким. В это же время в городе разразилась холера, к концу июня достигшая ужасающих размеров. Холера уничтожила около половины всего населения города (Модестов, 1914: 32-33, 68-70). «С тех пор, - как повествует «Сказание», - эта недобрая гостья стала посещать г. Оренбург каждогодно» (ЦГИАРБ Ф. и-352. Оп. 1. Д. 705: 21).

В 1853г. холера повторилась вновь. Жители Оренбурга, видя в частом посещении города холерой гнев Божий, стали ходатайствовать перед местным епископом о временном принесении в город чудотворной Табынской иконы Божией Матери из с. Табынского Стерлитамакского уезда. Это первое принесение иконы состоялось в 1854 г. с устного разрешения епископа Оренбургского и Уфимского Антония Шокотова (1853-1858) (Модестов, 1914: 33).

В 1855 г. почетный гражданин Оренбурга С.М. Деев, бывший тогда «городской голова» и поверенный от жителей Стерлитамака В. Владимирцев обратились к Преосвященному Антонию с прошением: «О дозволении вносить икону Казанской Божией Матери, находящуюся в церкви села Табынска Стерлитамакского уезда в города Оренбург и Стерлитамак, в первый в сентябре месяце, а в последний в 9-ю пятницу по Пасхе». Оренбургский купец Чернышев обязывался при перенесении иконы в Оренбург «миновать все по тракту находящиеся татарские селения» и расходы по перенесению иконы принимать «на свой - кошт» (ГАОО Ф. 6. Оп. 6. Д. 13402: Л. 1-1об.). Преосвященный Антоний особым отношением от 13 июля 1855 г. за №4529 известил генерал-губернатора В.А. Перовского о поступившей к нему просьбе Деева и Владимирцева и спрашивал его, «нет ли каких препятствий к удовлетворению оной?» (ГАОО Ф. 6. Оп. 6. Д. 13402: Л. 1-1об.). Перовский ответил епископу Антонию, что: «к удовлетворению просьбы Оренбургского потомственного почетного гражданина Степана Деева и поверенного от жителей г. Стерлитамака Василия Владимирцева с моей стороны препятствий не имеется» (ГАОО Ф. 6. Оп. 6. Д. 13402: Л. 2-2об.).

В 1855 г. принос Табынской иконы не состоялся, т.к. на совершение крестного хода не было получено разрешение Св. Синода. Разрешение Синода было получено только в

следующем году, епископ Антоний особым отношением от 2 июня 1856 г. за № 3282 уведомил Перовского об этом (ГАОО Ф. 6. Оп. 6. Д. 13402: Л. 4-4об.).

В сентябре 1856 г. совершилось само принесение чудотворной иконы в Оренбург и особым отношением министра внутренних дел Ланского к Оренбургскому генерал-губернатору от 12 декабря 1856 г. за № 250 официально установлен крестный ход и точно определен срок пребывания иконы в городе (ГАОО Ф. 6. Оп. 6. Д. 13402: Л. 7-7об.). С. Ланской прибавил, что «по донесению преосвященного Оренбургского, граждане г. Оренбурга изъявили желание принимать означенную икону в 8 число сентября и иметь оную у себя три недели, а для пребывания сей иконы в г. Стерлитамаке достаточно восьми дней» (ГАОО Ф. 6. Оп. 6. Д. 13402: Л. 7об.).

Но этот порядок удержался недолго. Уже в 1857 г. епископ Антоний по просьбе оренбуржцев и рапорту благочинного Преображенского собора Оренбурга протоиерея А. Розанова разрешил продлить время пребывания иконы в городе до одного месяца, т. е. до 8 октября (ГАОО Ф. 172. Оп. 3. Д. 2283: Л. 1-3об.).

В этом же году наказной атаман Оренбургского казачьего войска Катенин просил епископа Антония и губернатора удовлетворить просьбы казаков близлежащих к Оренбургу станиц принимать у себя Табынскую икону при обратном пути крестного хода из Оренбурга в Табынск. По отношению из Святейшего Синода просьба была удовлетворена (ГАОО Ф. 6. Оп. 6. Д. 13402: Л. 13-14об, 17-19об.).

С каждым годом количество населенных пунктов, которые посещала Царица Небесная Своим чудотворным ликом, увеличивалось. В 1879 г. по ходатайству епископа Самарского и Ставропольского Серафима Святейший Синод постановил изменить и дополнить маршрут крестного хода с тем, чтобы большее число городов и селений не только Оренбургской, но и Самарской губерний имело возможность помолиться перед чудотворным образом (РГИА Ф. 796, Оп. 159, Д. 1850: Л. 1-2об.).

С каждым годом крестный ход все более растягивался и едва укладывался в календарный год. Если Пасха была ранняя,

то времени до следующей 9-й пятницы было больше, и крестный ход заходил в отдаленные селения епархии, такие как Верхнеуральск, Троицк, Челябинск и Кустанай, а возвращаясь из Оренбурга, крестный ход доходил до Уральска, Бузулука, Бугуруслана. В Табынск икона возвращалась почти через год, совершив путь почти в 4000 верст, и весной оставалась в Табынске до 9-й пятницы по Пасхе, затем снова отправлялась в путь. В Оренбургских и Самарских епархиальных ведомостях, а также в местных газетах почти ежегодно публиковался подробный маршрут крестного хода.

Икону постоянно сопровождали несколько священников, как вспоминают старожилы, возили её на особой карете с пятью главками, увенчанными крестами. В карету запрягались специально отобранные лошади, на которых никогда не ездили ни верхом, ни в обычной упряжке.

Крестный ход с Табынской иконой Божией Матери был самым продолжительным в истории России и по времени и по протяженности.

1917-й год был годом трагедии в России и Церкви, и всей империи. Дух революции еще до октября уже носился в воздухе. В Оренбурге в начале июня 1917 г. прошел слух, что Табынская икона будто бы задержана жителями Богоявленского завода на целый год. 1-го июня епископ Оренбургский и Тургайский Мефодий Герасимов (1914-1918) получил рапорт от причта с. Табынска от 20 июня № 186 с извещением, что жители Табынска решили прекратить крестный ход. Это вызвало большое возмущение паломников из Оренбургской епархии, прибывших к празднику 9-й пятницы. Почти в это же время поступила телеграмма на имя еп. Мефодия следующего содержания: «Табынская икона вступит в пределы Оренбургской епархии 10 июня в село Семено-Петровское. Измененный маршрут почтой» (Оренбургский церковно-общественный вестник, 1917 (№ 25): 3). Таким образом, жители Оренбурга были успокоены.

Маршрут, заранее составленный, был изменен по времени: в селе Семено-Петровское на границе Оренбургской губернии крестный ход должен был прибыть не 17 июня (Оренбургский церковно-общественный вестник, 1917 (№ 20):

4), а 10 июля (ст. стиль), и видимо, было сокращено время пребывания в селах с тем, чтобы икона вовремя прибыла в Оренбург.

Проводы 22 октября (ст. стиль) после литургии проходили, как всегда, торжественно, с участием викария Оренбургской епархии епископа Кустанайского Дионисия Прозоровского (1916-1922).

Кадеты Неплюевской гимназии, узнав, что военный оркестр участия в проводах принимать не будет, добровольно сопровождали икону со своим оркестром от собора до архиерейского дома, играя «Коль славен Господь в Сионе» (Оренбургский церковно-общественный вестник, 1917 (№ 39): 5).

Благополучно совершив свой годовой путь, икона уже в 1918 г. снова прибыла в Оренбург, хотя количество городов и селений по пути к Оренбургу было заметно сокращено. В городе икона пребывала согласно расписания и должна была покинуть город через Богодухов монастырь в п. Нахаловку (Оренбургский церковно-общественный вестник, 1918 (№ 32): 3).

В праздник Рождества Богородицы за Божественной Литургией присутствовали представители чехословацкого корпуса. Призывая благословение Богоматери на чехословацкую армию, архиеп. Мефодий сказал: «В настоящий день совершается местное высокое торжество в честь Божией Матери, Заступницы рода христианского. Присоедините к нашим молитвам и вы свои молитвы… Матерь Божия да покроет честным покровом объединенные славянские народы и нашу дорогую Родину-мать, когда-то Великую Россию, защитницу Славянства» (Оренбургский церковно-общественный вестник, 1918 (№ 32): 1).

Проводы иконы были настолько многолюдны, что крестный ход продолжался с 11 до 4 ч. дня. Как пишет корреспондент «Оренбургского церковно-общественного вестника»: «Масса молящихся почти не редела, переживаемый тревожный момент, очевидно, заставил всех прибегнуть к утешению Небесной Заступницы… Между прочим, у некоторых благочестивых граждан Оренбурга была мысль задержать икону в Оренбурге, пока прояснятся политические события и городу

не станет угрожать опасность» (Оренбургский церковно-общественный вестник, 1918 (№ 37): 4). Поэтому 20 октября (ст. стиль) собралось все городское духовенство и около ста мирян, обратившихся с просьбой не отпускать икону, но собрание все же решило икону проводить, так как её ждали в селах и деревнях, а ограничиться крестным ходом вокруг города 22 октября (ст. стиль) (Оренбургский церковно-общественный вестник, 1918 (№ 37): 4).

Это были последние торжественные встречи, и проводы Табынской иконы Божией Матери, последний великий крестный ход.

После «великой октябрьской» смуты, крестный ход не возобновлялся. Но прошли гражданская и Великая Отечественная войны; власть большевиков отчасти повернулась лицом к Церкви, и в 1947 году свершилось чудо. Видимо, по горячим молитвам правящего архиерея Чкаловкой (Оренбургской) епархии архиепископа Мануила Лемешевского (1945-1948) и его послушника иеромонаха Иоанна (Снычёва) – власти вдруг разрешили православным собраться на св. солёных ключах в 9-ю пятницу по Пасхе, день чествования Табынской иконы. Узнав об этой радостной вести, к св. источнику пошли крестные ходы из Уфы, Стерлитамака и Оренбурга… И тут произошло чудо. Вот как вспоминал о нем иеромонах Иоанн (Снычёв): «Перед тем, как тронуться в путь, святыню повернули ликом к храму, и, о чудо! - Темный фон иконы внезапно прояснился, и лики на ней проступили яркими красками. Слёзы радости и восторга потекли из моих очей, а сердце пронзил какой-то благодатный луч. Торжество было велико ….» (Иоанн (Снычёв), 1999 (ч. 1.): 38).

На третий день Св. Троицы по инициативе владыки Мануила был организован крестный ход из Оренбурга (Чкалова - так в то время назывался город). Владыка сам отслужил напутственный молебен, окропил паломников святой водой и благословил их в путь (Иоанн (Снычёв), 1999: 208-209).

«Радуйся, Невеста Неневестная». Море свечей и огня производило неизгладимое впечатление на присутствующих, слёзы умиления «сами текли» из глаз. Было множество причастников. Чуваши тут же после причастия ели яйца и на

замечания отвечали: “Какая пятница? Такой праздник”» (Личный архив автора).

Во время крестного хода некоторые больные получили от Табынской иконы исцеление.

Закончен был путь в 340 километров, во время которого происходило много чудес, чувствовался покров Царицы Небесной. Восторженно и радостно народ встречал свой любимый образ Божией Матери. Верующие выразили благодарность владыке Мануилу за организацию крестного хода (Духовный собеседник, 1997, №2(10): 13-33, №3(11): 24-43).

С глубокой древности в христианской Церкви утвердился обычай во время радостных событий или народных бедствий: голода, землетрясения, бездождия, моровых поветрий, войн – совершать общественные, всенародные моления – крестные ходы, вне храмов с преднесением Св. Креста, Евангелия, хоругвей, особо чтимых икон.

Древний учитель христиан Тертуллиан говорит: «Подлинно, если когда, то во время крестных ходов мы собираемся вместе для того, чтобы наподобие некоего воинского отряда со всех сторон сделать к Богу приступ молитвы» (Модестов, 1914: 43).

Таков древний, истинный смысл и назначение крестных ходов. И если они, с одной стороны, умоляют Бога о снисхождении к грешному человечеству, то, с другой, служат к воспитанию в нас благочестия, веры и надежды на милосердие Божие. И многочисленные чудеса, совершаемые при крестных ходах с Табынской иконой, являются тому подтверждением. Очень важно и то, что во время крестного хода с Табынской иконой люди просят о заступничестве и помощи Саму Царицу Небесную, Мать усыновленного человечества, зная, что Богородица как Мать не откажет, а поможет и утешит. Важно здесь вспомнить и слова Господа, обращенные к Своей Матери: «Проси, Мати Моя, зане не отвращуся Тебе, но исполню вся прошения Твоя и благодарственная сице Тебе всех пети научу» (Акафист Покрову Пресвятой Богородицы. Икос 8). Люди, живущие на огромном пространстве Южного Урала, ощущали на себе помощь Богородицы благодаря крестному ходу с Её чудотворной иконой. Край Оренбургский не богат ни

величественными храмами, ни монастырями - лаврами, ни мощами святых угодников, поэтому понятно стремление людей к этой великой святыне - Табынской иконе Богоматери. Крестный ход с Табынской иконой, по утверждению священника Н. Модестова, имел и миссионерское значение (Модестов, 1914: 47). Крестный ход способствовал возвращению в православие старообрядцев, сектантов, ибо они видели действительное торжество церкви, на их глазах совершались чудеса, видели то великое воодушевление, с которым люди тянулись к иконе. Как справедливо заметил свящ. Н.Модестов, если бы не было такого крестного хода, то «число отщепенцев от православной церкви насчитывалось бы по местам не десятками и сотнями, а целыми тысячами» (Модестов, 1914: 48).

Не был равнодушен к крестному ходу с Табынской иконой и мусульманский Восток. Было немало случаев крещения мусульман, обращения их за помощью к Богородице и, как видно из ранее описанного, Мать страждущего человечества не отвергала и их.

Особенность Табынской иконы и этого крестного хода еще и в том, что она сама путешествовала весь год по городам и весям, бывая незначительный промежуток времени на месте своего явления. Благодаря протяженности этого крестного хода, о Табынской иконе и её великой чудодейственной силе узнали не только уфимцы и оренбуржцы, но и жители других огромных пространств нашего отечества, и поэтому вполне справедлива хвала Табынской иконе Владычицы: «Радуйся, похвало Табынская и всего мира надеждо и утешение» (припев акафиста в честь Табынской иконы Богоматери).

ЛИТЕРАТУРА

Воспоминания участницы крестного хода. Личный архив митр Мануила (Лемешевского). - Духовный собеседник. 1997. №2(10): 13-33; Духовный собеседник, 1997. №3(11): 24-43.

Гуменский И.Д. прот. 1909. Сказание об иконе Казанския Божия Матери, находящейся в Вознесенской церкви, Уфимской епархии, Стерлитамакского уезда, села Табынска. Уфа. 36 с.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 6. Д. 13402.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 172. Оп. 3. Д. 2283.
Д.К. Захват святыни. - Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. № 25 (5 июля)
Иоанн (Снычёв), митр. 1998. Пою Богу моему. Акафисты. Портреты русских архиереев. Дневниковые записи СПб.: Царское дело. 439 с.
Иоанн (Снычёв), митр. 1999.Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. СПб.
К-в. Проводы чуд. Табынской иконы Божией Матери из Оренбурга. - Оренбургский церковно-общественный вестник. 1918. № 37 (27 сентября; 10 ноября).
Маршрут на следование чудотворной Табынской иконы Богоматери. - Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. № 20 (15 июня).
Модестов Н. свящ. 1914. Село Табынское и Вознесенская пустынь. Табынская икона Божией Матери и крестный ход из села Табынского в г. Оренбург и другие места Оренбургской епархии. - Архивная Ученая Комиссия (Оренбургская). Вып. 31. Оренбург: Губернская типография. 80 с.
Мефодий (Герасимов) архиеп. Приветственное слово, сказанное архиепископом Мефодием представителям Чехословакского и Польского народа в кафедральном соборе, после литургии 8 сентября 1918г. - Оренбургский церковно-общественный вестник. 1918. № 32 (16 сентября; 29 сентября).
Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (РГИА). Ф. 796, Оп. 159, Д. 1850.
Расписание дней пребывания Св. чуд. Табынской иконы Божией Матери в приходах и домовых церквах гор. Оренбурга в 1918 году. - Оренбургский церковно-общественный вестник. 1918. № 32 (16 сентября-29 сентября).
Хроника. Проводы чуд. Табынской иконы Божией Матери. - Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. № 39 (10 сентября).
Центральный государственный исторический архив республики Башкортостан. Ф. и-352. Оп. 1. Д. 705.

Получена / Received: 15.09.2015
Принята / Accepted: 15.10.2015

Humanity space International almanac VOL. 4, No 5, 2015: 895-904

Логика Логоса и современная нефундированная теория познания

Ю.Т. Лисица

Негосударственное образовательное учреждение Высшего профессионального образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»
Миссионерский факультет
109651, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
Private educational institution of higher education “Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities”
Missionary faculty
Ilovayskaya str. 9, building 2, Moscow 109651 Russia
e-mail: missioner_pstgu@mail.ru

Ключевые слова: логика, слово, Христос, Евангелие.
Key words: logic, the word Christ, Gospel.
Резюме: Под логикой понимается правильное рассуждение, возможность и средство доказательности и убедительности в высказываниях, предложениях, умозаключениях, новых понятиях и учениях, которые встречаются часто между людьми в их общении, разговорах, спорах. В частности, между воплощенным Словом, Сыном Человеческим, как Он сам Себя называл, и многими людьми Его времени, о чем мы узнаём из Евангелия. Целью выступления является не толкование или интерпретация Евангелия, а простое выделение тех мест, где явным образом видна разумная логика речи (познания), поступков (этика), бытия (онтология), жизни (эсхатология).
Abstract: Under logic refers to the correct reasoning, the ability and the means of evidence and the credibility of the statements, proposals, reasoning, new concepts and exercises that are common among people in their communication, conversations, disputes. In particular, between embodied in a Word, the son of man, as He called himself, and many people of his time, as we learn from the Gospel. The purpose of the speech is not interpretation or interpretation of the Gospel, and a simple allocation of places where explicitly visible sound logic of speech (cognition), acts (ethics), existence (ontology), life (eschatology).
[Lisitsa Yu.T. Logo Logic and modern nefundirovannaâ theory of cognition**]**

Содержание моего доклада намного проще и понятнее, чем его название. Сначала оно звучало так: «Логика Слова». Под Словом понималось воплощенное Слово Божие, о котором сказано в Прологе Евангелия от Иоанна, то есть Господь наш Иисус Христос Спаситель, Богочеловек, Учитель Св. Апостолов.

Под логикой понималось правильное рассуждение,

возможность и средство доказательности и убедительности в высказываниях, предложениях, умозаключениях, новых понятиях и учениях, которые встречаются часто между людьми в их общении, разговорах, спорах. В частности, между воплощенным Словом, Сыном Человеческим, как Он сам Себя называл, и многими людьми Его времени, о чем мы узнаём из Евангелия.

Речь должна была быть и сейчас пойдет о моем наблюдении при чтении Толкового Евангелия Лопухина, а конкретнее, Толкование на Евангелие от Матвея, которое я медленно читал и продолжаю читать с прошлого Великого Поста. Там я заметил места доказательств Иисуса Христа, его указаний на некоторые (многие) логические ошибки Его собеседников - учеников и врагов, падших ангелов и простых людей, ученых книжников, неверующих в бессмертие саддукеев и ортодоксов фарисеев, праведников и грешников.

Занимаясь непосредственно математической логикой последние десять лет, я не мог не заметить непротиворечивость, безукоризненность, ясность, экономию мысли и слов в речах и доводах Иисуса Христа. Я увидел, что это не просто монолог пророка или учителя, а диалог, в котором Иисус мог признать и свою неправоту, или скорее правоту возражавшей Ему, например, женщины Хананеянки, которая кричала Ему: «Помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется». Но Он вначале не отвечал ей ни слова, но далее по просьбе учеников Он дал ответ: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час». (Мф 15, 21-28).

Это частное наблюдение привело меня к мысли проследить систематически логику высказываний Иисуса Христа хотя бы в одном конкретном Евангелии от Матвея, выделяя ее из огромного массива Евангельского Учения - Света Христова.

Хочу заметить сразу, что я признаю как аксиому, как содержание моей веры, что «Евангельское учение не укладывается до конца в логические формулы и не может быть выражено человеческим словом» (Еп. Кассиан (Безобразов), 2004: 25) потому что «И дивились Иудеи, говоря: как Он знает Писания, не учившись? Иисус, отвечая им, сказал: Мое учение - не Мое, но Пославшего Меня; кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю. Говорящий сам от себя ищет славы себе; а Кто ищет славы Пославшему Его, Тот истинен, и нет неправды в Нем» (Ин 7, 15-18).

Моей целью является не толкование или интерпретация Евангелия, а простое выделение тех мест, где явным образом видна разумная логика речи (познания), поступков (этика), бытия (онтология), жизни (эсхатология). Не скрою, что есть желание вернуть логике, рассудительности (рассудку), разуму их скромное, но важное место в антропологии, которое за многие годы сужалось и пренебрегалось по натиском более сильных, важных средств как свехразумность, надисторичность, непостижимость, иррациональность, мистичность и под.

Но возникли сразу проблемы, связанные с определенными словами названия моего исследования. На первую мне указал Сергей Михайлович Половинкин: «Лучше будет назвать доклад «Логика Логоса"» вместо «Логика Слова», с чем я согласился. Хотя Слово с прописной буквы понимается в онтологическом и ипостасном значении, а не в гносеологическом понимании (Слова Бога как слова - устного или письменного), но в русском варианте (переводе lógoj-а) терялась глубина оригинального наименования Lógoj.

Для русского «слово» мы оставим следующий контекст: «Когда Он говорил это, многие уверовали в Него. Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными. Ему отвечали: мы семя Авраамово и не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: сделаетесь свободными? Иисус отвечал им: истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит

вас, то истинно свободны будете». (Ин 8, 30-36.)

Но под Логосом Бога (2 Пет 3, 5) и логосами бытия подразумевалось в истории философии и религии не нечто однозначное; были многочисленные и многовековые споры греческих философов Гераклита, Платона, стоиков, Филона Александрийского, неоплатоников, гностиков, христианских еретиков, Отцов и Учителей Церкви (Иустина, Оригена, Евагрия, Климента Александрийского, Афанасия Великого, Максима Исповедника), средневековых и современных богословов и философов. Чтобы не запутаться в этих непростых спорах и смыслах я фиксирую без особых на то комментариев, что здесь под Логосом Бога понимается Личность, Сын Бога Отца, осуществляющего общение с тварью, в частности, с человеком через Воплощение.

Тем самым Логос здесь понимается как личностный принцип, в отличие от понятия Логоса-Ума как интеллектуального принципа. Более того, учение о Логосе, которое может быть поддержано, следуя Афанасию Великому, только, если Логос становится идентичным, тождественным Сыну как части Троицы, здесь не акцентируется; мы сосредотачиваем свое внимание на историческом явлении Иисуса Христа народу как Богочеловека, Учителя и Проповедника Царства Божия: «Я есмь путь и истина; никто не приходит к Отцу, как только через меня» (Ин 14, 6).

Второй проблемой является первое слово заголовка: «логика». Хотя оно, очевидно, производное от греческого lógoj, несет за собой в истории как небесная комета яркий и длинный «хвост» значений, пониманий, употреблений, начиная с обычной, или школьной логики, логики здравого смысла, Аристотилевой логики, диалектический логики, феноменологической логики, математической логики, формальной, интуиционистской, конструктивной, многозначной, модальной, физической, квантовой, научной логики или даже древней нетривиальной джайнистской логики и под.

Здесь мы понимаем под «логикой» умение формулировать правильные предложения (суждения, высказывания, понятия), делать верные (умо)заключения,

выводы, указывать на ошибки (погрешности), ложные утверждения. Но не только в теоретическом плане (т.е. в смысле бытия), но и в практическом плане (т.е. в обретении этого смысла) - верных поступков, правильных действий, праведной и осмысленной жизни. Логика - это грамматика в языке, поэтому неизбежно возникла и философия языка.

Поскольку логика как наука, созданная и культивированная человеком в большинстве своем фундирована, т.е. «через конечное число шагов верных умозаключений или поступков приходит к очевидному обстоянию или факту», чтобы избежать необоснованных (нефундированных) утверждений, или бесконечного регресса (regressus in infinitum), например, циклического рассуждения в парадоксе Лжеца (пример «рогатого силлогизма»), то «логика Богочеловека» качественно отлична от логики твари, и прибавляет к ее тварной логике учение о бессмертии, о воскресении из мертвых, о Втором Пришествии, о Царстве Божием, что не выразимо в обычных фундированных словах и предложениях и требует того, что я здесь условно именую «нефундированной теорией познания»; сюда же можно отнести и высказывания Христа в Нагорной проповеди, а обличенная речь против книжников и фарисеев (Мф 23, 1-36) - это конечные, фундированные высказывания.

Чтобы в нескольких словах представить себе этот подход современной нефундированной гносеологии, нужно считать каждый шаг и каждый переход в нефундированных высказываниях, как очевидные, определенные и обоснованые одновременно. В этом смысле фундированные высказывания также становятся очевидными, определенными и обоснованными в силу последнего «фундамента», но и рациональными, или качественными, в отличие от нефундированных, которые «сверх-рациональны», или «сверх-конечны», то есть количественны.

Св. Максим Исповедник выражал это словами Логос Бога и Тропос Бога, или различал «что есть Бог» и «как есть Бог», более точно, значение «логоса» употреблялось для обозначения идеи бытия и «тропоса» - образа бытия; Максим Исповедник нашел на этом пути «инструмент для выражения образа

человеческой природы Христа, которая в соединении Его Божеством сохраняет свой природный состав, истинность и полноту» (Башкиров, 2005: 78). Для тварного мира говорят еще: «Максимово определение ипостаси как частного неявно оперирует категорией «количества”. Применительно к тропосу на первый план выходит категория «качества”. Здесь уже нужны не ипостасные признаки, ограничивающие сущность в какую-то ипостась, а изменение самого бытия природы (которая в реальности всегда ипостазирована). То есть как онтологическое понятие тропос связан с «как”-бытием (pîj eŒnai), с окачествленным бытием» (Петров, 2007: 24-25)

Чаще всего Христос указывает на логические ошибки своих собеседников (в диалоге). Я приведу только некоторые из них в порядке некой иерархии.

I. Искушение Иисуса Христа дьяволом в пустыне.

Первое искушение заключалось в предложении дьявола Иисусу Христу: «Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф 4, 3). Христос на это отвечает: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф 4, 4), ссылаясь на Второзаконие гл. 8, ст. 3. Ошибка дьявола состояла в том, что для своей цели он обратился не к главному источнику жизни человека - духу, а к зависящему от духа: «он обратился к рабу (телу) вместо его господина (духа), и искушал тело возобладать над своим господином, покорить его своей воле» (Лопухин, 1911: 67). Но такой порядок не является нормальным, и чтобы тело было живо, нужно, чтобы жив был дух, жизнь которого не зависит от телесного питания. «Дьявол представлял человека преимущественно как телесное существо, Спаситель представляет человека преимущественно как духовное существо. Господь как бы забыл о питании тела, питая свой дух. Дьявол забыл о питании духа, выражая внешнее попечение о теле. Ошибка была раскрыта и искушение отражено» (Лопухин, 1911: 67).

Второе искушение: «если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» более коварно, так как учитывая ответ Христа на первое искушение

ссылкой на Писание дьявол предлагает свою ссылку на Писание, чтобы Спаситель опровергал истинные слова. Христос не считает здесь нужным раскрывать какой-либо логической ошибки или неверности мысли, а говорит: «не искушай Господа Бога твоего» (Втор 6, 16.) «Поэтому Христос, не опровергая слов дьявола самих по себе, указывает только на характер его поступка или действия. Словами Священного Писания неправильно искушать Бога, давшего это писание и сообщившего ему Свой божественный авторитет» (Лопухин, 1911: 69).

Третье искушение: «Опять берет Его дьявол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне» (Мф 4, 8-9). Дьявол опять перепутал различные планы: божественный и человеческий. То, что могло бы быть привлекательным для падшего человека, не может быть таковым для Сына Божия; князь мира сего может и часто влияет на людей, но никогда не повлияет на Бога. «Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф 4, 10).

II. Срывание учениками колосьев в субботу, когда фарисеи обвиняли учеников Христа не за то, что они срывали колосья и ели, а за то, что это происходило в субботу. В Талмуде это точно запрещено. Ссылка Христа на случай с Давидом дает ему говорить по принципу эквивалентов: Храм и суббота равны были по святости. Ошибка фарисеев заключалась в том, что они путали два рода деятельности - для Бога и для людей - которая требует неодинакового к себе отношения. Противоречие разрешается тем, что Богу посвящена была суббота, и она требовала не бездействия, а деятельности. Так Христос обнажил логическую ошибку фарисеев. «Сын Человеческий может распоряжаться субботой, т. е. субботней деятельностью, может заповедовать ее или прекращать, подобно тому, как хозяин позволяет своим работникам отдыхать или заставляет их работать. Как ни просто все это, обыкновенный человек до Христа не мог додуматься естественным путем до истин, выраженных здесь Христом. Даже и в настоящее время эти истины не всегда бывали понятны и не всегда применяются

к делу» (Лопухин, 1911: 228).

III. Исцеление сухорукого в субботу и обличение фарисеев. «И спросили Иисуса, чтобы обвинить Его: можно ли исцелять в субботы?» Этим вопросом фарисеи хотели уловить Христа. Если бы Он исцелил сухорукого в субботу, то оказался бы виновен в нарушении субботы. Если бы не исцелил, то - в бессилии и неспособности творить чудеса, а может быть, даже и в бесчеловечности. «Спаситель резонирует не на основании каких-либо особенных, принятых тогда фарисеями и книжниками, мнений, а на основании всеобщего обычая. Ни один человек, имеющий овцу, не скажет, что нужно вести себя иначе» (Лопухин, 1911: 229).

IV. Обличение фарисеев по поводу обвинения в сношениях с Веельзевулом. Фарисеи обвинили Христа в том, что «Он изгоняет бесов не иначе, как силою Вельзевула, князя бесовского» (Мф 12, 24). Христос ответил: «Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду» (Мф 12, 33). «По словам Иеронима, в речи Христа здесь силлогизм, называемый греками (неизбежный, хитрый, из которого нельзя выпутаться). Если, говорит Спаситель, дьявол зол, то не может делать доброго. Если же то, что сделано Мною, вы считаете добрым, то отсюда следует, что этого не совершает дьявол. И не может быть, чтобы происходило из злого доброе, или из доброго злое. Как добрый человек не может делать худого и худой - доброго, так не может Христос делать злых, а дьявол - добрых дел» (Лопухин, 1911: 238).

V. Просьба фарисеев и саддукеев о знамении с неба и ответ им Спасителя. «Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете» (Мф 16, 3). В словах Христа содержится чрезвычайно тонкое и богатое смыслом обличение Им Своих врагов. Ошибку их мышления и просьбы Он делает для них наглядною. Они просили какого-нибудь земного, необычайного знамения, и именно с неба. Христос указывает им на вещи, совершенно обыденные и им известные, бывающие на небе, о которых они умеют рассуждать. Но, будучи опытны в метеорологических наблюдениях, почему же они не могут или не хотят понять и убедиться в истинности

мессианского. «В словах Христа содержится чрезвычайно тонкое и богатое смыслом обличение Им Своих врагов. Ошибку их мышления и просьбы Он делает для них наглядною. Они просили какого-нибудь земного, необычайного знамения, и именно с неба. Христос указывает им на вещи, совершенно обыденные и им известные, бывающие на небе, о которых они умеют рассуждать. Но, будучи опытны в метеорологических наблюдениях, почему же они не могут или не хотят понять и убедиться в истинности мессианского достоинства Христа, когда Он являет великие знамения? В низшей области они столь же ясновидящи, как пророки, в высшей они столь слепы, что не видят знамени уже начавшегося (времени) и не считают их знамениями» (Лопухин, 1911: 276).VI. Учение о браке и разводе. Здесь фарисеи хотели искусить Христа при помощи так называемого «рогатого» (comutus) силлогизма. Если бы Он сказал, что можно разводиться с женою по всякой причине и брать себе других жен, то стал бы учить тому, что противно здравому смыслу. Фарисей ссылались на законодательство Моисея. «Сам Спаситель считает это Моисеево установление человеческим, а не божественным. Оно было дано как временное приспособление высшего и вечного закона к духу, времени и имело лишь временный характер. Ошибка фарисеев заключалась в том, что они смотрели на этот временный закон, данный Моисеем, слишком высоко, считали его равным заповедям Божиим. В Ветхом Завете было дано много таких постановлений, имеющих только временный характер. В состоянии жестокосердия разводы и разводные письма были дозволительны; «но сначала не было так"» (Лопухин, 1911: 304).

VII. Вопросы фарисеев об уплате подати кесарю. На вопрос: «как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет?» Ответ Христа был кратким, показательным и глубоким. «Принятый Христом наглядный способ разъяснения дела показывал, что если бы иудеи были независимым народом, то у них монеты, как динарий, не были бы ходячими и употребительными. Пользование римскими монетами указывало на зависимость иудеев от кесаря, и они должны были смотреть прямо в глаза на эту, современную им, действительность. Смысл стиха кратко можно выразить только одним словом: «если".

Если вы покажете Мне монету, которою вы уплачиваете подать, то для вас будет ясно, следует ли ее уплачивать или нет. Если вы скажете Мне, чье это изображение и надпись, то узнаете, кому нужно платить подать. Спаситель не говорит только: чье это изображение? Или: чья эта надпись? Но соединяет оба эти вопроса. При взгляде на сделанное на монете изображение невозможно было сомневаться, что это было изображение кесаря; а для не знавших этого или не видавших лично кесаря об этом свидетельствовала надпись. На динарии был, вероятно, изображен бюст императора Тиверия с надписью: TI CAESAR DIVI AVG F AVGUSTUS, т. е. «Тиверий, кесарь, божественного Августа сын, Август". На обороте монеты, может быть, значились буквы: PONTIF MAXIM, т. е. «pontifex maximus"» (Лопухин, 1911: 343).

VIII. Вопрос саддукеев - о воскресении. Здесь важно ответить на значении веры в воскресение: «Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф 22, 32). «Смысл слов Христа вполне ясен. Если в законе Моисеевом сказано, что Бог называл Себя Богом прежде живших, но потом умерших людей, то это значит, что они и теперь живы, потому что истинный и живой Бог не может быть Богом мертвых и несуществующих лиц. Таким образом, истина загробного и продолжающегося бытия людей основывается на признании истины бытия Бога, как живого и вечного. Тот только отрицает бессмертие человека, кто отрицает бытие Бога» (Лопухин, 1911: 345).

ЛИТЕРАТУРА

Еп. Кассиан (Безобразов). 2004. «Водою и кровью и духом. Толкование на Евангелие от Иоанна». Париж-Москва.: «Грааль», Пушкино. 252 с.

Башкиров В.Г. 2005. «Сын Божий - Сын Человеческий (Логос-тропос Христа в творениях преподобного Максима Исповедника)». - Труды Минской Духовной Академии, Жировцы: 1-163.

Лопухин А.П. 1911. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 11 т-х. Т. 8. Под ред. А.П. Лопухин. 478 с.

Петров В.В. 2007. «Максим Исповедник: онтология и метод в византийской философии VII в.», М., ИФ РАН. 200 с.

Получена / Received: 19.09.2015

Принята / Accepted: 15.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 905-915

«Новая евангелизация»: задачи, проблемы и перспективы христианского свидетельства в контексте глобального мирового социума

А.С. Максимов

Папский Григорианский Университет
00187, Италия, Рим, Пьяцца делла Пилотта, 4
Pontifical Gregorian University
Piazza della Pilotta, 4 Rome 00187 Italy
e-mail: bordi@unigre.it

Ключевые слова: Католическая Церковь, Синод, новая евангелизация, миссия, благовестие, обращение, покаяние, святость, община.
Key words: Catholic Church Synod, the new evangelism, mission, evangelism, Holiness, repentance, treatment, community.
Резюме: «Новая евангелизация» в современном терминологическом аппарате Католической Церкви является многоуровневым и многогранным понятием, отражающим определенные социально-культурные характеристики современного дехристианизированного общества, в рамках которого Церковь призвана осуществлять свою миссию благовестия. В статье, на основании материалов XIII генеральной ассамблеи Синода епископов Католической Церкви, рассматриваются проблемы и перспективы христианского свидетельства в контексте современного глобального мира. Анализируя синодальные дискуссии, автор оставляет за скобками вопросы миссионерской методологии и практики и уделяет особое внимание богословскому и христологическому измерению «новой евангелизации», останавливаясь на таких онтологических понятиях, как обращение, покаяние и святость.
Abstract: The "new evangelization" in modern terminology apparatus of the Catholic Church is multilevel and multifaceted concept, reflecting specific socio-cultural characteristics of modern decristianization society, within the framework of which the Church is called to carry out its mission of evangelism. In the article, based on materials XIII General Assembly of the Synod of Bishops of the Catholic Church, discusses the problems and prospects of Christian evidence in the context of today's global world. Analyzing the synodical discussion, the author leaves questions outside the scope of the missionary methodology and practices and pays special attention to the theological and Christological dimension of the "new evangelization", referring to such ontological concepts as treatment, repentance and holiness.
[**Maximov A.S.** The "new evangelization": challenges, problems and prospects of Christian evidence in the context of a global world society]

«Новая евангелизация» представляет собой сегодня термин, который, с одной стороны, звучит постоянно в

официальных документах Апостольского Престола, с амвонов, на конференциях и симпозиумах, с другой стороны, продолжает оставаться для многих (не только рядовых католиков, но также клириков и теологов) некоторым расплывчатым понятием, допускающим многообразие интерпретаций. Определяя задачей данной статьи дать краткий анализ идей и взглядов на проблему с точки зрения вышеуказанной ассамблеи Синода епископов Католической Церкви, считаем своим долгом сделать introductio brevis в саму постановку вопроса о новой евангелизации, дабы предмет рассмотрения не представлял собой некое явление без своего, по возможности, строго фиксированного значения.

Термин «новая евангелизация» (ит. nuova evangelizzazione) в официальный терминологический аппарат католического Магистериума был введен папой Иоанном Павлом II. Опуская подробности десятилетнего странствия термина по многочисленным папским проповедям и выступлениям, обратим внимание на его окончательную кодификацию в миссионерской энциклике Redemptoris Missio (1990), в которой Иоанн Павел II определяет три различных контекста единой миссионерской деятельности Церкви, которые требуют: 1) первичной евангелизации, или миссии ad gentes; 2) вторичной, или новой евангелизации дехристианизированных областей и социумов; 3) постоянной (неустанной) евангелизации, под которой имеется в виду пастырская деятельность уже сформированных христианских общин (§33) (Giovanni Paolo, 1991: 278-279). Проводя подобную демаркационную линию, папа в то же время замечает, что миссия есть реальность живая и постоянно меняющаяся в зависимости от контекста, поэтому установить четкие границы между этими понятиями далеко не всегда представляется возможным. В то же самое время из вышесказанного вытекает, что новая евангелизация есть уже вполне оформившаяся реальность, базирующаяся на определенных социально-культурных характеристиках современного общества, а именно его дехристианизации. Понятно, что контекст данного направления миссионерской работы не может рассматриваться в рамках миссии ad gentes, представляющую собой первичную христианизацию. Само понятие «дехристианизация» несет в себе смысловую нагрузку

вторичной христианизации, поскольку де-христианизировать можно лишь то, что прежде было христианизировано. Если объектом миссии ad gentes, в классическом смысле, продолжает оставаться нехристианский мир, прямым объектом новой евангелизации становятся страны и области древней христианской традиции, в первую очередь, европейский континент в своем полном объеме. Здесь важно заметить, что речь идет о Европе не только и не столько как о географическом понятии, сколько как о социокультурном феномене, границы которого сегодня вряд ли возможно установить. «Расширение Европы» (позволим себе подобный термин), выражающееся в технологическом и культурном влиянии Запада в странах Третьего мира, порождает, в свою очередь, встречное движение, а именно бум миграции в европейские страны. Данные социально-культурные и политические факторы не позволяют больше говорить о замкнутых социальных и политических системах, поскольку создают абсолютно новую картину мира, в которой говорить о глобальном мировом сообществе становится все более и более привычным. Именно в данном смысле все три типа миссионерской деятельности, определенные папой в Redemptoris Missio, теснейшим образом переплетены и связаны друг с другом, так, что контекстом миссии ad gentes становится та же «христианская Европа», а не далекая Индия или Китай, а новая евангелизация, в свою очередь, в этих самых «нехристианских странах», подверженных западной секуляризации, находит свой полноправный контекст. В этом случае можно говорить о глобальном мировом контексте новой евангелизации. Им становятся уже не только страны и даже континенты с многовековой христианской культурой, с которой был потерян всякий живой контакт, но те области жизни человека, которые требуют сегодня христианского свидетельства.

Преемник Иоанна Павла II Бенедикт XVI проблемам и перспективам новой евангелизации уделил особое внимание. Он не только провозгласил о создании Папского Совета по содействию Новой Евангелизации, но и о созыве XIII генеральной ассамблеи Синода епископов Католической Церкви, которая состоялась 7-28 октября 2012 г. и была посвящена вопросам христианского свидетельства в контексте современного

глобального мира.

Необходимо заметить, что за прошедшие более чем тридцать лет после введения в общий богословско-практический аппарат Католической Церкви термина «новая евангелизация», последний претерпел значительную трансформацию своего изначально узкого специализированного значения. В настоящее время новая евангелизация имеет не только исключительно миссиологическое измерение, но представляет собой некую реальность, некоторую задачу, стоящую перед всеми теоретическими и практическими уровнями деятельности Католической Церкви. Подобное заявление органично вплетается в общую доктринальную канву о миссионерской природе Церкви, согласно Декрету Второго Ватиканского собора Ad gentes (§2) и последующей миссиологической рефлексии (Документы II Ватиканского собора, 1998: 299). Действительно, если концепция миссии преодолевает свою исключительно географическую дефиницию и становится преимущественно богословским понятием, в контексте которого любая деятельность Церкви воплощает собой миссию, новая евангелизация, не являясь исключением, органично входит в этот универсальный процесс христианского просвещения, интегрируя в себе все то, что изначально, на первый взгляд, к миссии как таковой, в классическом смысле этого слова, не относилось. Именно данная «обновленная» дефиниция новой евангелизации стала предметом синодальной рефлексии, к анализу которой мы можем приступить.

Обращаясь непосредственно к работе заседаний Синода и суммируя отдельные идеи, выдвинутые членами Синода по поводу новой евангелизации, постараемся выделить то основное, что, на наш взгляд, заслуживает самого пристального внимания. За последние годы в католической литературе было достаточно сказано о внешних способах обновления миссии Церкви и часто слишком большое внимание акцентировалось на различных миссионерских техниках и методах. Однако, по замечанию одного из участников Синода кардинала С. Дживича, «недостаточно только науки. Недостаточно только документов. Недостаточно наших церковных структур. Они, как таковые, не достигают еще человеческого сердца» (Dziwisz, 2012: 9). И здесь важно

подчеркнуть, что в работе последнего Синода на первый план выносятся не новые методики, хотя необходимые и важные, но прежде всего внутреннее, т.е. богословское и христологическое измерение миссии Церкви. «Новая евангелизация, - замечает архиепископ Бирмингемский Б. Лонгли, - не новая стратегия или программа, а скорее приглашение к встрече и к жизненному единству с Иисусом Христом и Его Церковью» (Longley, 2012: 7). В этом смысле новая евангелизация становится новой не только и не столько в смысле обновленной методологии или языка, с которым Церковь обращается к дехристианизированному и секуляризованному миру, а в смысле возврата к новизне христианского свидетельства, поскольку сам термин Евангелие включает в себя этот аспект новизны (греч. ευαγγέλιο - благая весть). «Новая евангелизация, - говорится в заключении Lineamenta (подготовительного документа) для настоящего Синода, - не означает "новое Евангелие", поскольку "Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же" (Евр 13,8)» (La Nouva Evangelizzazione per la trasmissione della fede cristiana: Lineamenta, 2011: 95). Новая евангелизация означает, по слову Иоанна Павла II, возрождение в Церкви нового чувства миссионерской ответственности не только у так наз. «специалистов», но у всего народа Божия, у каждого верующего члена Церкви (Giovanni Paolo, 2001: 294). И здесь главными становятся уже не технические термины, отражающие той или иной практический аспект новой евангелизации, а такие онтологические понятия как кенозис (греч. κένωσις - опустошение, истощение), обращение, покаяние и святость. Как уже отмечалось, синодальные дискуссии охватывали огромный спектр вопросов различной направленности, однако вышеуказанные понятия чуть ли не в первый раз за всю историю католической рефлексии о миссии Церкви приобретают принципиальное значение, в чем, на наш взгляд, заключается поистине радикальная трансформация парадигмы новой евангелизации.

«Обращение» (лат. conversio) является центральным понятием миссиологии, базирующемся на библейской экзегезе (см., например: Деян 3,19). На протяжении веков католическая (и вообще христианская) миссия акцентировала все свое внимание на объекте обращения. Миссионер (евангелизатор, благовестник)

в данном случае a priori рассматривался субъектом обращения. Качественная новизна новой рефлексии заключается в кардинальном переосмыслении роли субъекта миссии в процессе обращения. Чтобы иметь способность евангелизировать других, необходимо сначала евангелизировать себя самого, что невозможно без покаяния, без радикального переосмысления своей жизни. «Новая евангелизация, - замечает архиепископ Нью-Йорка Т.М. Долэн, - напоминает нам, что истинные деятели евангелизации прежде должны быть сами евангелизированы. Поэтому верю, что наиболее важным таинством Новой Евангелизации должно стать покаяние… Таинство примирения евангелизирует самих евангелизаторов, поскольку таинственно соединяет с Иисусом, который призывает нас к обращению сердца и вдохновляет нас к принятию Его приглашения покаяться… Мы заняты реформами структур, систем, институций, народа, который отличен от нас. Да, это хорошо. Но ответом на вопрос “что не так в этом мире?” является не политика, экономика, секуляризм, экология, глобальное потепление… нет. Как писал Честертон, “ответ на вопрос ‘что не так в этом мире?’ заключается в двух словах: это я”… Принятие данного факта ведет к обращению сердца и к покаянию, в чем и заключается суть евангельского призыва» (Synodus Episcoporum. Bollettino: 09.10.2012: 5). Как констатирует другой участник Синода, «некоторые благовестники еще сами не сошли к Иордану, чтобы иметь личный опыт любви к Богу, и еще не вошли на Тайную Вечерю, чтобы пережить свою личную Пятидесятницу» (Prado Flores, 2012: 7). Надо заметить, что данный призыв к покаянию, по заявлению отцов Синода, обращен не только к отдельным миссионерам, но ко всей Церкви: «основной вызов перед которым сегодня стоит Церковь - возвращение Церкви ко Христу и возвращение Христа в Церковь» (John, 2012: 9). Какое, казалось бы, нелепое заявление, однако при более внимательном рассмотрении поражает своей глубиной и христоцентризмом. Христос не только содержание Благой Вести, Он является ее основным субъектом, т.е. именно Он есть главное действующее лицо евангелизации. Церковь не занимается своей миссией, но продолжает миссию Христа, поэтому, только следуя Ему путем кенозиса, она может надеяться, что Благовестие принесет плоды:

«Церковь должна научиться смирению у Иисуса. Сила и власть Бога открываются в самоуничижении Сына, в любви распятой, но воистину спасающей, поскольку Он смирил себя за других» (Synodus Episcoporum. Bollettino: 09.10.2012: 3).

Основной проблемой современной Церкви на Западе, единогласно утверждают члены Синода, является несоответствие жизни ее членов проповедуемому учению. Мир потерял всякое доверие к Церкви, поскольку не видит истинных свидетелей (NB: свидетель = греч. μάρτυρας) веры. «Сегодня важно делать особое ударение на святости и ревности духовенства, включая епископов, - замечает архиепископ Я. Бабьяк, - там, где действует ревностный священник, человек святой жизни, вера растет, там же где священник теплохладен, все угасает» (Babjak, 2012: 8) Не только рядовые верующие, но даже священники и епископы не горят, а лишь тлеют. «Именно эта теплохладность дискредитирует христианство, - замечает Бенедикт XVI в своем размышлении на начало заседания Синода. - Вера в нас должна обратиться в пламя любви, то пламя, которое реально охватит все мое бытие, которое станет моим существом, и только тогда она сможет воспламенить моего ближнего. Вот метод евангелизации: “Accendat ardor proximos”, чтобы Истина стала во мне любовью и любовь как огонь зажжет другого. Только через это воспламенение другого посредством пламени нашей любви сможет реально возрастать благовестие, присутствие Евангелия, которое уже не только слово, но живая реальность» (Benedetto, 2012: 4). Для многих клириков Церковь перестала быть местом личной встречи со Христом, превратившись в привычный атрибут удобной жизни. «Если мы хотим быть искренними сами с собой, - замечает один из членов Синода, - то должны будем согласиться, что мы не следуем тому, что исповедуем. И это было и является до сих пор самым большим врагом нашей веры» (Tesfamariam, 2012: 9). Только обращение к Христу в умилении и смирении сможет вдохнуть новую жизнь в миссию Церкви. «Провозглашать Евангелие означает изменить жизнь, - смело замечает Президент Папского Совета по содействию Новой Евангелизации архиепископ С. Физикелла. - Наши церковные общины, возможно, не показывают больше тех качеств, по которым их можно охарактеризовать как носителей Благой Вести, которая преображает. Они кажутся

уставшими, повторяющими устаревшие формулы, которые не передают радость встречи с Христом… Мы закрылись в нас самих, демонстрируем самодостаточность, которая мешает внешним увидеть в нас живую и благодатную общину, дающую призвания, наконец, мы бюрократизировали жизнь веры и таинств. Одним словом, уже никто не знает, что быть крещенным означает то же самое, что быть благовестником» (Synodus Episcoporum. Bollettino: 09.10.2012: 4).

Последние слова вплотную подводят нас к теме свидетельства христианской жизни, неразрывно связанной с идеей святости. Будучи озвученной в проповеди на начало заседания Синода Венедиктом XVI, тема святости христианской жизни как необходимое условие новой евангелизации (Benedetto, 2012: 6) на протяжении всех трех недель заседания Синода продолжала оставаться центральной темой. Важнейшим ее аспектом, на наш взгляд, явилось не то, что сама тема заняла столько времени (факт сам по себе логичный и понятный), но что концепция христианского свидетельства святой жизни окончательно перестает рассматриваться преимущественно в рамках институций посвященной Богу жизни и как индивидуальный путь самосовершенствования. Святость представляет собой «нормальное состояние» каждого христианина (ср. 1 Петр 1: 15-16) и неразрывно связана с христианской общиной, центральным понятием синодальной рефлексии. Стремление христианина к духовному совершенствованию не индивидуальный акт (NB разницу между «индивидуальный» и «персональный»), но то, что осуществляется в единстве со всей церковной общиной. Тема христианской святости, таким образом, это тема ординарной христианской жизни в современном социуме, и здесь главные действующие лица не мистики, а рядовые верующие, свидетели доброй христианской жизни (ср. 1 Петр 1: 5; 2: 21; 5: 3). Именно в этом смысле основными «агентами» новой евангелизации становятся приходские первичные общины и семья.

«Приходы и малые христианские общины, - замечает кардинал Д. Вюрл в своей Relatio post disceptationem, - имеют решающую роль для новой евангелизации» (Wuerl, 2012: 6). Как, в свою очередь, отмечает другой член Синода, «мы живем уже не христианском контексте, хотя продолжаем думать и вести себя

так, как будто это еще так и есть. Нет необходимости больше думать ни о завоевании территорий, ни об увеличении персонала как решении проблемы малочисленного клира. Необходимо думать о зарождении христианских общин, живых, радостных, миссионерски ревностных» (Le Saux, 2012: 10). В этом смысле, в контексте глобального мира (Lazarev, 2013; 2014), понятия «общение» и «община» являются ключевыми для новой евангелизации. «В глобализованном мире, - замечает Президент Общины Святого Эгидия М. Импальяццо, - мужчина и женщина “люди без родины”, потому что лишены многих форм общинности… Мужчина и женщина одиноки… Новая евангелизация в контексте данных социокультурных мировых изменений заключается в откровении общинного и объединяющего начала, поскольку Церковь - это община» (Impagliazzo, 2012: 7). Однако важность общины заключается не только в том, что она является объектом, или средством новой евангелизации, но, как уже было сказано, ее основным субъектом. «Евангелизация, - подчеркивает Архиепископ Б. Форте, - есть дело не отдельных личностей, но всей христианской общины в целом, как и каждого ее члена в отдельности, согласно полученной от Бога харизме и служению, к которому он призван. Вся Церковь провозглашает Благую Весть цельному человеку и каждому человеку» (Forte, 2012: 5). Однако для того чтобы быть способным осуществить подобную задачу, Церковь «должна иметь динамизм первых христианских общин, как их представляет автор книги Деяний святых Апостолов: постоянно внимающих слову Божию, общению, пребывающих в преломлении хлеба и в молитве (2: 42-47; 4: 32-35; 5: 12-15); как некий братский атриум (лат. atrium - передняя, гостиная, приёмная), открытый миру, представляющий и отображающий Церковь юную, живую и прекрасную, такую юную, искусную и прекрасную, что народ будет бороться, чтобы войти в нее» (Rocha Couto, 2012: 10). Не входя в подробный экклезиологический анализ, заметим лишь чрезвычайно важный акцент синодальной рефлексии на общинном измерении Церкви, которое неразрывно связано с ее миссионерским измерением: «Важно, чтобы Церковь являла собой братство, тело, Тело Христово. Община есть уже провозглашение Евангелия

Божия» (Lapierre, 2012: 10). Миссионерство как сущностная характеристика Церкви-общины выражается и в «малой церкви», т.е. в христианской семье. Брак, по выражению Бенедикта XVI, «уже сам по себе является Евангелием, Благой Вестью для мира сегодня, особенно для дехристианизированного мира», поскольку «брак как союз преданной и нерасторжимой любви имеет благодатную основу в Триедином Боге, который возлюбил нас во Христе даже до смерти Крестной» (Benedetto, 2012: 6). Именно христианские семьи своим свидетельством любви в контексте глобального нравственного и социокультурного кризиса способны вдохнуть новый импульс в потерявшее всякую надежду и радость современное общество. «Церковь на Западе не имеет будущего без обновления семьи, - замечает падре Х. Вальтер, - брак и семья должны быть рассмотрены сегодня как христианское призвание», так как «именно здесь начинается евангелизация» (Walter, 2012: 7).

Подводя основные итоги, хотелось бы снова подчеркнуть основную идею Синода о том, что новая евангелизация - это не новые методы и стратегии, а обращение к Христу на всех уровнях церковной жизни, от иерархии до рядовых ее членов. Казалось бы, избитая тема, чтобы снова об этом говорить, но, к сожалению, все вышесказанные слова с полным правом могут быть применены и к нам. А это означает не бесконечные обвинения внешнему миру и претензии к нему, а внутреннее обращение самих себя для доброго свидетельства внешним (ср. 1 Тим 4: 12). У христианина нет двойной жизни, отличной от его звания. В этом суть православного миссионерства. Христианская жизнь есть первое и необходимое миссионерское свидетельство. Только отталкиваясь от этого можно и нужно говорить о современных методах и технологиях в проповеди современному миру. «Обратитесь!» Этот призыв обращен сегодня не только к Католической Церкви, которая уже показала свою готовность к обращению. Он обращен в полной мере и к нам. Главное, понять и принять его.

ЛИТЕРАТУРА

Декрет о миссионерской деятельности Церкви «Ad gentes». - Документы II Ватиканского собора. М., 1998.

Babjak J. 2012. La fede cresce dove operano sacerdoti santi. - L'Osservatore

Romano. Vol. 237.
Benedetto XVI. 2012. La Chiesa esiste per evangelizzare. - L'Osservatore Romano. Vol. 232.
Benedetto XVI. 2012. Meditazione del Santo Padre. - Synodus Episcoporum. Bollettino: 08.10.2012. Vol. 6.
Dziwisz S. 2012. Giovanni Paolo II e la divina misericordia. - L'Osservatore Romano. Vol. 236.
Forte B. 2012. Vangelo è una visione toale della vita. - L'Osservatore Romano. Vol. 245.
Giovanni Paolo II. 2001. Lettera Apostolica "Novo millennio ineunte". - Acta Apostolicae Sedis. Vol. 93.
Giovanni Paolo II. 1991. "Redemptoris Missio". - Acta Apostolicae Sedis. Vol. 83.
Impagliazzo M. 2012. In crescita i numeri dei poveri e delle povertà. - L'Osservatore Romano. Vol. 242.
John T. 2012. Ritorno a Cristo. - L'Osservatore Romano. Vol. 235.
Lapierre F. 2012. Occorre una cultura della solidarietà. - L'Osservatore Romano. Vol. 238.
La Nouva Evangelizzazione per la trasmissione della fede cristiana: Lineamenta. Città del Vaticano, 2011.
Lazarev M.A. 2014. Language picture of the world: analysis of theoretical approaches. - Humanity space. International almanac. Vol. 3 No 3.
Lazarev M.A. 2013. On the question of the relation between philosophical and imaginative cognition of the world. - Humanity space. International almanac. Vol. 2 No 4.
Le Saux Y. 2012. Tre preoccupazioni. - L'Osservatore Romano. Vol. 236.
Longley B. 2012. Catechesi attraenti e accattivanti. - L'Osservatore Romano. Vol. 245.
L'intervento d'Arcivescovo di New-York T.M. Dolan. - Synodus Episcoporum. Bollettino: 09.10.2012. Vol. 7.
L'intervento d'Arcivescovo di Manila L.A.G. Tagle. - Synodus Episcoporum. Bollettino: 09.10.2012. Vol. 7.
L'intervento d'Arcivescovo titolare di Voghenza S. Fisichella. - Synodus Episcoporum. Bollettino: 09.10.2012. Vol. 7.
Prado Flores J. 2012. Quando si abbandono il primo annuncio. - L'Osservatore Romano. Vol. 242.
Rocha Couto A.J. da. 2012. Stile di vita umile appasionato e audace. - L'Osservatore Romano. Vol. 238.
Tesfamariam M. 2012. Vanno sradicati gli atteggiamenti mediocri. - L'Osservatore Romano. Vol. 243.
Walter H. 2012. Non c'è futuro senza famiglie aperte alla vita. - L'Osservatore Romano. Vol. 239.
Wuerl D.W. 2012. Tempo di semina tra i cattolici inattivi. - L'Osservat

Получена / Received: 24.08.2015
Принята / Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 916-922

М.К. Мамардашвили об особенностях функционирования религиозного сознания

С.А. Нижников

Российский университет дружбы народов
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str. 6, Moscow 117198 Russia
e-mail: rector@rudn.ru

Ключевые слова: личностное бытие, символ, сознание, сотериология, трансцендирование, трансцендентальная философия.
Key words: personal life, character, consciousness, Soteriology, transcending, transcendental philosophy.
Резюме: Метафизика, будь то религиозная или философская, предстает у М.К. Мамардашвили не учением о мире, а созидающей деятельностью трансцендирования, формирующей человека как моральное существо. Анализ развиваемого им понятия сознания позволяет описывать его онтологические структуры, являющиеся универсальными, что позволяет вскрыть особенности функционирования религиозного сознания. Данный подход можно определить как трансценденталистский, восходящий к И. Канту, Э. Гуссерлю и М. Хайдеггеру. Одновременно он синтезирует в себе и методологию восточных концепций сознания - йоги, буддизма, даосизма и др. Вместе с тем трансцендирование без признания онтологического статуса Абсолюта оказывается проблематичным.
Abstract: M.K. Mamardashvily on the peculiarities of functioning of religious consciousness, metaphysics, whether religious or philosophical, appears at M.K. Mamardashvily not teaching about the world, and the creative activities of transcending that forms as a moral human being. Analysis of drop-them notion of consciousness allows you to describe its ontological structure that are generic, allowing you to uncover features of functioning of religious consciousness. This approach can be defined as transcendentalistskij, which goes back to Kant, transcendental species, e. and m. Hajdeggeru. At the same time, he synthesizes in itself and the methodology of the Eastern concepts of mind, yoga, Buddhism, Taoism, and others. However, transcending without recognition of ontological status of the absolute is proving problematic.
[Nizhnikov S.A. Mamardashvili on the peculiarities of functioning of the religious consciousness**]**

Сегодня бесспорным признается тот факт, что творчество Мераба Константиновича Мамардашвили (1930-1990) является вкладом в мировую философию, сопоставимым с достижениями

известных западных философов XX века. Философию он рассматривал как духовное познание - философствование, мыслил ее как деятельность по достижению «личностного спасения», т.е. как гносис, возрождая «старый идеал философии спасения или жизненной мудрости (первичный смысл философии)». «Спасение» он, конечно, мыслит тоже философски, не религиозно, но, теме не менее, как спасение. Попытаемся ответить на вопрос, что означало для Мамардашвили это «спасение». Философия близка религии тем, что она тоже личностна и не может быть иной. Э.Ю. Соловьев называет Мамардашвили «экзистенциальным философом, не приемлющим экзистенциализма», но размышляющим об «экзистенциальной сотериологии», «духовном спасении», понятом как поддержание постоянного мыслительного усилия. По сути, он разрабатывал светскую «экзистенциальную сотериологию». Философия в этом свете «есть особая мыслительная практика, которая предотвращает смерть при жизни или помогает воскресению при-жизни-умерших» (Соловьев, 2009: 182, 189). Это «способ личностного бытия» человека, попытка «выскочить из того, что не наше, собрать себя». Это попытка «начать такую жизнь, которую можно было бы отсчитывать от самого себя»; «прорваться через пелену сознания, чтобы обрести себя в своем сознании»; это «идеал собранного в одну точку целого сознательной жизни» (Мамардашвили, 1996: 42), благодаря чему осуществляется «второе рождение», рождение смысла жизни и бытия. Это «собирание себя» осуществляется благодаря совести, чести, достоинству, верности и другим «метафизическим элементам нашей жизни». Философия в этой связи предстает как личностно-бытийный эксперимент в области производящего логоса, посредством которого предельно продумываются основания человеческого бытия (Мамардашвили, 2008: 10, 82). Мамардашвили, как и Хайдеггер, подвергал критике закостеневшую философию, овнешненную теологию и деградировавшую веру, восстанавливал статус философии как экзистенциального события сознания и истории. Истинная мысль у него, как и всякое духовное событие, «существует только в исполнении», как и симфония. Без исполнения мы

имеем только нотную запись, но не музыку.

Мамардашвили любил Канта и был истинным кантианцем в том смысле, что не признавал метафизику сверхчувственного ни в религиозном, ни в философском (докантовско-метафизическо-сверхчувственном) смысле. Тем не менее, он говорит о метафизике, утверждает ее, но лишь, как сказал бы Кант, не в онтологическом, а в регулятивном смысле. Он стремился вскрыть конструктивную или конститутивную, творческую, демиургическую функцию метафизики по отношению к человеку, его сознанию. Философия в качестве метафизики предстает в виде лаборатории творчества человеческого существа. Благодаря ей человек оказывается способным «выпасть» в иной, осмысленный, моральный режим бытия, - т.е. спасаться. Этот процесс, который человек может осуществить только своими усилиями, Мамардашвили определяет как «актуалогенез». Пояснять это понимание метафизики он любил через моральные категории, особенно выделяя при этом совесть, которая неуловима и неопределима, но является условием существования нравственности. Согласно ему «природа не рождает людей», они - искусственные создания. Поэтому, чтобы произошел человек как духовное существо, необходим некий тигель (конституирующие приспособления), в котором бы он выплавился. Человек в этом смысле - «искусственное существо, которое само себя рождает тем процессом, который называется историей и культурой». Концентрированно он осуществляется и осмысляется метафизикой, религиозной или философской, использующей для этого определенные символы, представления о неких «высших объектах» (Мамардашвили, 2008: 16-17) и «иных мирах».

«Осевое время» Мамардашвили связывает с возникновением «метафизических религий особого рода», которые он называет «религиями личностного спасения», мировыми религиями, отличая их от массово-архаических, коллективистских и локальных (Мамардашвили, 2009: 14-15).

Философия использует аппарат «символов пустых форм», - таковы метафизические понятия и моральные категории. Язык философии содержит в себе символы - «слова, не имеющие

предметного, буквального смысла». Философия в этой связи занимается не проблемами, которые можно так или иначе решать, а непостижимыми тайнами. Тайна, поясняет Мамардашвили, - «не проблема, а возобновляемый акт бытия, который таинственен в том смысле, что я в нем участвую» (Мамардашвили, 1996: 100, 129). В работе Символ и сознание Мамардашвили ставит «исходную метафизическую задачу - истолкование символа в смысле сознания» (Мамардашвили, Пятигорский, 2009: 73).

В культуре духовное познание задается особыми «символическими конструкциями», например, символом бескорыстной любви или чистой веры и т.д. Мамардашвили подчеркивает, что «вера невозможна как реальное психологическое состояние какого-либо человеческого существа. Также как невозможна и бескорыстная любовь. И тем не менее мы живем в поле, сопряженном с этими символами, производящими в нас человеческие состояния…». Религия, как и философия, относится к таким символическим конструкциям», особым «формам» (Мамардашвили, Пятигорский, 2009: 100), позволяющим нам испытать то, что без них мы не могли бы удержать в сознании и осмыслении: «В культуре (а не в религии) Бог - это символ некоторой силы, которая действует в мире вопреки нашей глупости…». О евангельской символике, в частности, высказывании «кто отдает свою душу, ее обретает, а кто боится потерять, тот теряет», он пишет: «Значение такого рода символов для единственно возможного режима, в котором могут совершаться и совершаются события нашей сознательной жизни, - очевидно» (Мамардашвили, 1990: 38, 19).

Между тем, поясняет Мамардашвили, в слово «”трансцендентальный” входит корневое слово “трансценденция”», хотя «философское рассуждение исключает трансцендентные предметы». Видимо, имеется в виду то, что в трансцендентальной философии осуществляется трансцендирование, но нет трансцендентного объекта. Трансцендирование осуществляется в ней «не к чему, а к форме, к символу». Трансцендентное имеет здесь только символическое значение, т.е. не утверждается, что нечто, обозначаемое символом, существует. Но если есть направленность на такой

символ, если есть трансценденция, то «по эту сторону направленности что-то возникает; это возникающее нечто есть бытие» (Мамардашвили, 1990: 209). Получается некое беспредметное, безобъектное трансцендирование. То, что в «символической», «трансцендентной» философии (философии о трансцендентном) кажется предметом, в трансцендентальной расценивается как символ, причем лишенный определенного содержания, называемый «пустой формой». Это некий символ без символизируемого, демифологизированный и депонятизированный символ. От знака, видимо, он отличается только своей конститутивной по отношению к человеку мощью.

Но остается одна принципиальная проблема во всей этой логике. Дело в том, что свою конститутивную энергетику по отношению к человеку данный символ может обнаруживать только тогда, когда к нему относятся как к абсолютной реальности. Иными словами, невозможно одновременно воспринимать символ как «пустой» и осуществлять на его основе трансцендирование. Только «полный», абсолютный и бытийствующий символ может производить подобное в человеке, с его сознанием. Исследователь, конечно, может занять такую позицию, но тем самым он напрочь лишает себя возможности воздействия со стороны данного символа, лишает себя возможности трансцендирования, а значит и очеловечивания. В тех же, в ком осуществляется трансцендирование, обнаруживается вся полнота веры в соответствующий символ - он для него не просто «пустая форма», но наполнен бесконечным и вечным содержанием.

Вера в определении Мамардашвили, исходящего из кантовской установки, есть «вера в то, чего не существует». Поясняя свое понимание, он ссылается на высказывание Тертуллиана «Верую ибо абсурдно», однако понимает его не так, как Тертуллиан, для которого абсурдность понимания веры для языческого разума не уничтожает ее онтологичности в сознании христианина. У Мамардашвили же абсурдность означает как раз отсутствие онтологии. Для него «верить можно только в то, что нуждается в вере и существует только в зависимости и по мере сил самой веры». Это, по сути, вера в то, что должно было бы быть по законам человечности, а не то, что

онтологически есть: вера в справедливость «означает не ожидание осуществившегося случая справедливости закона, а некое конституирование и кристаллизацию внутри самих актов веры. Другими словами, все целое справедливости само присутствует в акте веры, и только в этом динамическом отношении»; «о вере я говорю как о состоянии сознания, которое существует как целое в акте такого рода…» (Мамардашвили, 2011: 351-352).

В Кантианских вариациях он любил произносить фразу из Канта - «Упование на Бога настолько абсолютно, что мы не можем вовлекать надежду на него ни в какие свои дела» - ставя ее ему в заслугу. И в этом высказывании, его трактовке заключается вся суть понимания Бога и религии у Канта и Мамардашвили. Действительно, оно имеет мало общего с религиозной, духовной верой, всецело оставаясь на позициях лишь веры моральной. Да, бог философов не есть Бог Авраама, Исаака и Иакова (вспомним известное высказывание Паскаля). Философская абстракция не может и спасать, к ней невозможно и молитвы возносить, и не породит эта «пустая форма» ни духовности, ни морали, лишь интеллектуальные хитросплетения.

Как и Хайдеггер, Мамардашвили ищет утраченного Бога, но не может выйти за позиции трансцендентализма и феноменологизма. Трансцендентализм Мамардашвили отказывается говорить о том, что за пределами времени, отказывается говорить о вечном. Это Нечто (не Ничто, как у Хайдеггера) остается за порогом его философствования, - оно взыскуется и ищется, но не обретается. Выходит, что эта «философия спасения» не спасительна, - хотя и осознает его необходимость, но мыслит его лишь в моральном смысле.

Трансцендентальная философия, в отличие от трансцендентной, не в состоянии выработать целостное мировоззрение и оставляет нас ни с чем. Проблема в том, что трансцендентализм хорош своим критическим запалом, разрушением всяческих мифов разума, каковыми представляется докантовская метафизика. Однако невозможно остаться лишь в этих критических границах: человек нуждается в позитивном мировоззрении, в картине мира. Понимая это,

Кант утверждал, что истинная философия есть метафизика, и что она неуничтожима, присуща человеческому разуму. В итоге практический разум востребовал всю ту метафизику, которую отказывался признать разум теоретический. Но в кантианстве, будь то самого Канта, или Мамардашвили, несмотря на тезис о примате практического разума, теоретический остается незыблемым в своих антиметафизических установках и выводах.

ЛИТЕРАТУРА

Мамардашвили М.К. 1990. Как я понимаю философию: Избранные статьи, доклады, выступления, интервью. М.: Прогресс. 366 с.

Мамардашвили М.К. 1996. Необходимость себя. Доклады, статьи, философские заметки. М.: Изд-во «Лабиринт». 430 с.

Мамардашвили М.К. 2008. Опыт физической метафизики (Вильнюсские лекции по социальной философии). М.: Прогресс-Традиция. 303 с.

Мамардашвили М.К. 2009. Лекции по античной философии. М.: Прогресс-Традиция, Фонд М. Мамардашвили. 247 с.

Мамардашвили М.К. 2011. Эстетика мышления. М.: «Московская школа политических исследований». 416 с.

Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. 2009. Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке). М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили. 216 с.

Соловьев Э.Ю. 2009. Экзистенциальная сотериология Мераба Мамардашвили. - Мераб Константинович Мамардашвили. Н.В. Мотрошилова (ред.). М.: РОССПЭН: 174-202.

Получена / Received: 05.09.2015
Принята / Accepted: 20.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 923-929

Конструирование образа «Другого» в православном апологетическом дискурсе конца XX-начала XXI века

П.Г. Носачев

Негосударственное образовательное учреждение Высшего профессионального образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»
Миссионерский факультет
109651, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
Private educational institution of higher education “Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities”
Missionary faculty
Ilovayskaya str. 9, building 2, Moscow 109651 Russia
e-mail: missioner_pstgu@mail.ru

Ключевые слова: западный эзотеризм, оккультизм, апологетика, религиоведение, эмический и этический уровни описания.
Key words: western esotericism, occultism, apologetics, theology, emic and etic description levels.

Резюме: В работе рассматривается подход конфессиональных исследователей к феномену западного эзотеризма. Основной акцент при этом сделан на том, как воспринимают западный эзотеризм верующие исследователи, что они видят в нем, в каких терминах его описывают и какими методами пользуются. Создавая таким образом общий портрет конфессиональных исследователей эзотеризма, ставится вопрос о соотнесенности их деятельности с общим научным дискурсом в целом и религиоведческими исследованиями в частности.
Abstract: Examines the confessional approach researchers to the phenomenon of Western esotericism. The main focus have been how to perceive Western esotericism believers researchers that they see it, in what terms describe and what methods are used. Thus creating an overall portrait of faith researchers esotericism, raised the question of the relevance of their activities with the general scientific discourse in General and religiovedčeskimi research in particular.
[**Nosachev P.G.** Constructing an image of the "other" in the Orthodox apologetičeskom discourse of the late 20th-early 21st century]

Сфера изучение западного эзотеризма, бурно развивающаяся в последние десятилетия в рамках религиоведения, сочетает множество разных подходов, основные из них описывались нами в различных работах, в данном тексте хотелось бы отдельно рассмотреть подход конфессиональных (христиански ориентированных) исследователей к феномену эзотеризма. Главными задачами мы

видим описание черт, которыми наделяют эзотеризм конфессиональные исследователи, и выявление инструментария их научной работы. Под конфессиональными мы понимаем исследователей-христиан, как православных, так протестантов и католиков, по ряду причин, в основном апологетического характера, занимающихся изучением эзотеризма. Далее мы в форме тезисов сначала разберем основные черты рассматриваемого подхода, а затем проанализируем возможные проблемы им вызванные.

«Оккультизм». Среди конфессиональных исследователей термин «эзотеризм» фактически не употребляется, что вызвано их слабым знакомством с современной академической традицией. Наиболее часто все многообразие явлений, в той или иной степени связанных с эзотеризмом, именуется конфессиональными исследователями «оккультизмом», иногда синонимом ему выступает «эзотерика», порой их разводят как практическое и теоретическое измерения, но чаще «оккультизм» понимается как общая категория, вмещающая в себя массу разнородных явлений от современного ченнелинга до трудов Джордано Бруно. Причиной такого терминологической всеядности, по нашему мнению, служит наследие т.н. «социологии оккультного», появившейся в 70-ые годы XX века в англоязычной среде и сконструировавшей категорию оккультизма, как «мусорной свалки» истории, вмещающей все то, что не вошло ни в какие другие сферы человеческой деятельности.

«Презумпция виновности». Очевидным представляется то, что конфессиональные исследователи видят в эзотеризме опасного врага, по самому своему положению уже обреченного быть всегда неправым. Эта методологическая установка служит как нерефлексивная и очевидная основа рассмотрения феномена у всех конфессионально исследователей такого плана.

«Концепт вечного оккультизма». Причиной обозначенной установки является концепт, представляющий эзотеризм в форме древообразной структуры, корни которой лежат в истории грехопадения прародителей, конкретнее в словах змия «будете как боги…». Именно в желании быть богом без Бога, и видят конфессиональные авторы суть всех эзотерических

учений или, как можно понять из их работ, эзотерической традиции. Древовидная структура эзотеризма образует собой своего рода антицерковную традицию, возникшую из первогнозиса и перешедшую в гностические учения, каббалу, алхимию, тайные общества от тамплиеров и до масонов, расцветшую в оккультном возрождении XIX и Нью Эйдже XX веков. Разумеется, с такой точки зрения становится очевидным, что все названные учения порождены прямым контактом со злыми силами, что делает их врагами, с которыми нужно бороться.

«Мошенническая суть оккультных учений». Некоторые конфессиональные авторы не склонны видеть в эзотеризме традицию, они, напротив, замечают в нем постоянный процесс изобретения традиции, главной причиной которого видят попытку обмануть доверчивых людей, получив от них материальные средства, а над ними власть. Надо отметить, что среди конфессиональных авторов нет четкого разделения по признаку признания или отрицания «оккультной традиции». Зачастую авторы, разделяющие идею оккультной традиции, также видят в оккультизме постоянные мошенничества и обман. Вот как выражает эту мысль архиепископ Александр (Милеант): «Несомненно, что среди спиритов и медиумов существует немало шарлатанов. Однако существует и немалое количество профессионалов, которые действительно общаются с потусторонними существами и получают от них сведения и способности, недоступные остальным людям».

«Проверка авторитетом научного знания». Общим местом для подавляющего большинства конфессиональных авторов в критике эзотеризма является сопоставление с данными современной науки. Наука здесь понимается в широком плане, включающая как гуманитарные, так и естественнонаучные отрасли. Такое сопоставление призвано выявить несовместимость эзотерических построений с научной картиной мира, а, следовательно, доказать их ошибочность или, в полемическом контексте, подчеркнуть их глупость.

Выделив основные черты образа эзотеризма в конфессиональном религиоведении, зададимся вопросом: какие проблемы может породить такое отношение к объекту

исследования?

«Etic VS Emic». В описанном случае конфессионального исследования мы имеем пример ставшей уже классической в религиоведении взаимосвязи эмического и этического уровней религиоведческого описания. Под эмическим обычно понимается изложение исследователем взглядов, теорий, мифологем, так как их понимает изучаемый субъект, группа, учение. Под этическим понимаются научные категории, концепты, представления, выработанные исследователем в процессе изучения материала. Общим местом в последние годы стало утверждение, что в изучение западного эзотеризма категории эмического и этического часто смешивались, что приводило к плачевным последствиям для научности исследования. Возник даже термин «emic historyography», обозначающий создание целых исторических теорий, базирующихся только на представления адептов. Примерами такой историографии являются: история возникновения масонства от Хирама Абифа или тамплиеров; идея матриархата, стоящая за всеми женскими культами древности и т.п. В таком контексте излюбленные прием конфессиональных исследователей «посмотреть, как об этом пишут адепты», дабы продемонстрировать «истинное» положение дел, является сведением этического описания к эмическому, приему дискредитированному и отвергнутому современной научной традицией.

«Эзотеризм как вечный Нью Эйдж». Фактически главной причиной, побуждающей конфессиональных исследователей писать об эзотеризме, является серьезное увлечение наших современников движениями, существующими в русле Нью Эйджа. Опора на эмическую вымышленную историю Нью Эйдж, уходящую корнями в Ренессанс, гностицизм, каббалу и т.п., приводит конфессиональных исследователей к проецированию характерных черт современного движения в прошлое и конструированию некоего «Вечного Нью Эйджа», именуемого «оккультизмом». Так, Виталий Питанов пишет: «Несмотря на наличие большого количества оккультных школ, философское ядро оккультизма едино…». Отсюда следует опасное нивелирование уникальности черт древних учений и

игнорирование традиции их изучения в контексте конкретных временных и культурных реалий.

«Постулирование несуществующей традиции». Идея «вечного Нью Эйджа» вкупе с принятием эмических категорий как этических приводит к поиску и, фактически, конструированию конфессиональными авторами т.н. «оккультной традиции». Такое конструирование может принимать две формы. Первая является простой констатацией всех положений «emic historyography» со сменой знаков плюс последней на минусы. Иными словами, все что понималось адептами эзотеризма как поиск духовных истин и приобщение к ним, конфессиональными исследователями воспринимается как прямой контакт с силами зла. Вторая форма выделяет ряд черт (мышление по аналогии, отрицание законов логики и т.п.) во всех учениях, связанных «emic historyography». Здесь на основании исследования Нью Эйдж выделяется система черт, затем применяемых к более древним учениям, связанным представлениями «emic historyography», наличие традиции таким образом устанавливается как бы после типологического анализа разнородных явлений.

«Рассуждение со знанием дела». Основной чертой, стоящей за формальной системой рассмотрения эзотеризма, является абсолютная убежденность конфессиональных исследователей в его отрицательной, антихристианской природе. С одной стороны, такой подход может найти подтверждение в святоотеческом отношение к ересям (в частности гностицизму), магизму, учениям спиритов и теософов у отцов последних времен. С другой, полезно помнить, что отношение к эзотеризму в святоотеческой литературе никогда не было чем-то отдельным, эзотеризм не воспринимался хуже, чем другие религии, тринитарные и христологические ереси, некоторые философские школы. Во многом все отмеченные явления трактовались как равно неприемлемые для христианина, поэтому создание на базе такого отношения эксклюзивистского восприятия эзотеризма как хранилища всех зол представляется некорректным. Кроме того, святоотеческая литература, за исключением первых веков бытия Церкви, никогда не ставила своей целью систематического изучение

эзотерических учений как таковых, следовательно, любые попытки вывести из учения отцов системы будут вчитыванием теорий современности в их труды.

«Священная наука». Своеобразной антитезой к описанному выше приему является настойчивое желание поверить эзотеризм системой современного научного знания, порой принимающее гротескные черты. Вот как, например, начинает свою статью «Что такое окультизм?» Валерий Духанин: «Кто бы мог подумать, что в XXI веке, наряду с развитием электроники, новейших видов техники и перспективных отраслей науки, останется старое, суеверное увлечение оккультными знаниями». Этот пассаж почти дословно напоминает клише советской агитации, разоблачающие мракобесие верующих людей. Складывается ощущение, что конфессиональные авторы свое изучение эзотеризма воспринимают как войну, на которой хороши все средства. Здесь святые отцы встают на одну линию с современным научным знанием в разоблачении эзотеризма. В таком контексте неплохо бы вспомнить, что у науки к религии существует также масса не прояснённых вопросов. Так, среди адептов эзотеризма частыми являются утверждения о существовании традиции, восходящей к таким фигурам как Гермес Трисмегист. С научной точки зрения данные представления кажутся абсурдными, но ничуть не меньшей критики современные ученые подвергают и библейский текст, житийную литературу, высказывают серьезные сомнения об идее consensus partrum и т.п. Можно ли в таких условиях говорить о какой-то единомысленной общности между научным и религиозным мировоззрениями?

Подытоживая все обозначенные выше пункты, можно заключить, что общая стратегия конфессиональных авторов, исследующих эзотеризм, едва ли может быть признана религиоведческой, слишком много серьезных методологических проблем в ней таится, а главное, не замечается самими исследователями. При этом необходимо отметить, что все же главная функция такого рода исследований не научная, а апологетическая. Именно так она и воспринимается выразителями рассматриваемого подхода. В контексте

апологетики, как защиты церкви от нападок со стороны современных выразителей эзотеризма, использование многих средств из указанных выше представляется осмысленным и даже оправданным. При этом любая попытка выйти на более широкий уровень, обозначив свою сферу исследования научными рамками (в форме религиоведения и теологии), требует следования общим принципам научного дискурса и должна повлечь серьезный пересмотр содержательных и методологических наработок. В заключении хотелось бы заметить, что любая наука занимается конструированием своего объекта, но при этом она должна отдавать себе в этом отчет. К сожалению, именно последнего и не делают выразители конфессионального подхода в исследовании западного эзотеризма.

ЛИТЕРАТУРА

Духанин В. Что такое окультизм? [Электронный ресурс] - URL: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/44484.htm

Милеант Александр, арх. Соблазн оккультизма. [Электронный ресурс] - URL: http://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/mileant_sobl_occult.pdf

Питанов В.Ю. Грани оккультизма: от герметизма до магии и экстрасенсорики [Электронный ресурс] – URL: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/44484.htmhttp://apologet.orthodox.ru/apologetika/oglavlenie/okkultizm.htm

The occult world. Partridge C. ed. NY: Abingdon: Routledge, 2015. 760 p.

Получена / Received: 13.10.2015
Принята / Accepted: 20.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 930-935

Религиозная апологетика и научный подход к изучению религии в трудах священника Павла Флоренского

Н.Н. Павлюченков

Негосударственное образовательное учреждение Высшего профессионального образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»
Миссионерский факультет
109651, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
Private educational institution of higher education “Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities”
Missionary faculty
Ilovayskaya str. 9, building 2, Moscow 109651 Russia
e-mail: missioner_pstgu@mail.ru

Ключевые слова: Флоренский, наука, религия, Истина, апологетика, догматика, религиозный опыт.
Key words: Florensky, science, religion, truth, apologetics, dogmatic, religious experience.
Резюме: На конкретном примере - религиозно-философского, богословского и научного творчества священника Павла Флоренского рассматриваются возможности разделения методов научного подхода к изучению религии и религиозной апологетики. Делается попытка показать, что, будучи священником Русской Православной Церкви и мыслителем, убежденным в истине церковного христианства, Флоренский считал не только возможным, но и необходимым научное исследование религии. По убеждениям Флоренского, чем более непредвзятым и объективным будет научное исследование, тем более ясно наука о религии будет свидетельствовать о единой Истине и это, в свою очередь, для многих может стать лучшим вариантом апологии религии.
Abstract: The particular example-religious-philosophical, theological and scientific creativity priest Pavel Florensky discusses opportunities Division methods, scientific approach to the study of religion and religious apologetics. It attempts to show that, as a priest of the Russian Orthodox Church and the thinker, convinced of the truth of Christianity, the Church, Florensky believed not only possible but also necessary scientific study of religion. On beliefs of Florensky than more impartial and objective scientific research, will be all the more clearly the science of religion will indicate a single Truth and this, in turn, for many may be the best option for the advocacy of religion.
[Pavlyuchenkov N.N., Religious apologetics and scholarly approach to the study of religion in the writings of priest Paul Florensky**]**

Самой главной проблемой конфессионального подхода к научному изучению религии в современном религиоведении

предоставляется возможность (и, как полагают некоторые, неизбежность), искажения методов исследования, смешения беспристрастной науки и религиозной апологетики. Вопрос этот достаточно сложен и, как представляется, решение его зависит в каждом конкретном случае от личности исследователя, более всего, - от его личного религиозного опыта. Поэтому особую значимость имеет рассмотрение конкретных примеров попыток научных исследований религии, предпринимаемых с четко выраженных религиозных позиций.

Священник Павел Флоренский более всего известен как религиозный философ, проявивший себя на раннем этапе своего творчества еще и как богослов, а на позднем этапе - еще и как ученый. Об этом можно судить в целом по его трудам, хотя очень часто и в ранний, и в поздний периоды, он сознательно пытался совместить философию, богословие и науку для того, чтобы таким образом постепенно подходить к реализации идеала «цельного знания». Но *совмещение* в данном случае не означало *смешения*; научный, философский и богословский методы были призваны не подменять, а дополнять друг друга и рассматривались как исследование *одной и той же* реальности в разных плоскостях (Андроник (Трубачев), игум. 1998: 180-181).

Вне зависимости от того, насколько спорны или бесспорны были изначальные убеждения Флоренского, его труды, как представляется, можно рассматривать, в числе прочего, как замечательный пример возможностей исследователя, абсолютно уверенного в том, что ему открылась Истина. В случае с Флоренским как раз именно эта уверенность не позволила ему превратить науку о религии в априорную апологию православия; напротив, в целом ряде случаев он стремился проявить к религии как можно более объективный, научный подход, что и было лучшим выражением его твердых убеждений: Истина не боится любого научного исследования и любое научное исследование, если только оно осуществляется действительно объективно и максимально беспристрастно, приводит к одной и той же Истине. Апологетика вредна, если она нацелена только на поиск недостатков и на критику чужих религиозных убеждений. Подлинная апология Истины заключается в показе объективных фактов при возможно более

полном молчании субъективных пристрастий исследователя (Флоренский, 1990: 275-277).

В наследии Флоренского можно выявить элементы философии, психологии, социологии и феноменологии религии, причем с последней более всего связано фактическое обращение мыслителя к теме соотношения религии и «повседневности». С самого начала неудовлетворенность позитивизмом в науке и собственные духовные поиски привели его в Церковь и, по окончании Московского университета (1904), - в Московскую духовную академию. В частном письме близкому другу (А. Белому) он писал в 1905 г., что именно в этой, «видимой», «исторической» Российской Православной Церкви, сквозь «тысячи недостатков», «выдохшихся символов» и «толстую кору грязи» он увидел «безусловно, святую сердцевину». «И тогда я понял, - пояснял он, - что уже не выйду оттуда, откуда увидел все это...» (Иванова, 2004: 470). Подобные свидетельства личного опыта переживания святыни характерны для всего наследия Флоренского и часто выявляются даже там, где у него внешним образом речь идет лишь о созерцании тайн природы, о способности за предметами внешнего, эмпирического мира, видеть и ощущать скрытое присутствие «иных» миров.

Так, например, в воспоминаниях Флоренский пишет о своих ощущениях «особенного» в природе как откровения «мировой тайны» среди обычного порядка вещей (Гулыга, 1990: 21). При этом сразу становится понятным, что речь идет также и о духовной реальности, которая «просвечивает» сквозь «повседневность» материального мира. «Вот именно там, - утверждает он (в записи, сделанной в июле 1920 года), - где спокойный ход жизни нарушен, где разрывается ткань обычной причинности, там виделись мне залоги духовного бытия» (Гулыга, 1990: 23). Подобные интуиции, по убеждению Флоренского, сопровождали его с самого раннего детства; поэтому неудивительно, что, в рамках научного подхода к религии, он, в числе прочего, занимался фактически той областью знаний, которую в западном религиоведении в первые десятилетия XX века стали определять как феноменологию религии.

Уже в работе «О суеверии и чуде» (1903) Флоренский,

следуя своему стремлению «наблюдать явления в их чистом виде» (Флоренский, 2001: 343), отказывается обсуждать вопрос о реальности самих явлений, - религиозных и оккультных, - и подчеркивает важность сознательного отношения человека к этим явлениям. В «психологическом изъяснении» 125-го псалма (студенческая проповедь 1907 г.) он предлагает цепочку очень ярких и красочных образов, призывая при этом читателя (и слушателя) «отдаться потоку образов», а не пытаться их истолковать при помощи каких-либо теорий и логических схем. При этом он опирается на свое убеждение в том, что некоторые образы - феномены в эмпирическом сознании человека - могут быть «проекциями» неких глубочайших переживаний, которые имеют сверхэмпирическую и сверхпсихологическую природу. Такова, по его мнению, суть мифа (Флоренский, 2001: 418) и такова суть вообще образов, могущих возникать в сознании при чтении священных текстов. Если оставить эти образы без какого-либо предпосылочного (чаще всего, «загрязненного» эмпирическим материалом) восприятия, то, по мысли Флоренского, произойдет процесс, обратный вышеуказанному «проецированию»: непосредственные переживания образов «перейдут» из сферы эмпирической психики в область «в существе своем невыразимых» и гораздо более глубоких религиозных переживаний (Флоренский, 2006: 161).

В 1907 г. в журнале «Христианин» Флоренский публикует призыв к поискам «духовных явлений современного христианского мира» и предлагает верующим возможно более беспредпосылочно *описать* свои переживания церковных таинств. Такие описания, очевидно, для него являлись фактами религиозной жизни, тем более ценными, чем более они лишены субъективных истолкований. Ссылки на догматику в данном случае также не требуются, поскольку *сами факты* должны показать, что «христианство - не археология, а живая жизнь...», что «и в наших душах... Христос *продолжает* ту духовную работу, которую Он совершил в душах наших предшественников - христиан». Говоря о тяжелом, грозящем духовной катастрофой, религиозном положении современности, Флоренский намеревался на чисто фактическом материале показать церковные таинства как «те точки, где в нашу

действительность преимущественно вторгается новая, особенная, творческая сила, преображающая человека, и через него - всю действительность» (Флоренский, 2001: 421).

В свою очередь, это тяжелое «религиозное положение», по мысли Флоренского, возникло вследствие почти повсеместного восприятия религии только как системы *понятий*, которая, - в том виде, как она преподается в семинариях, - оказалась оторванной «от всего живого, от всего интимного, от того, что близко и бесконечно мило, что хватает сердце щемящей тоской по далям». Эта система понятий «выдохнула» из себя «аромат личного религиозного опыта» (Флоренский, 2001: 453-454), вследствие чего «системе вероучения причинен… высший ущерб, какой только можно принести высшей духовной ценности - она обесценена для сознания» (доклад Флоренского на философском кружке в МДА, 1906; (Флоренский, 2001: 451).

В этом же выступлении Флоренский наметил программу возвращения догматики к ее опытным основаниям: нужна «переработка религиозного миросозерцания», что возможно только «как *свободное* творчество, исходящее из непосредственно-наблюдаемого в духе, … не боящееся никакой боли, когда надобна операция, когда потребно оторваться от всех традиций, консервативных или прогрессивных, когда обязанность - быть готовым отречься от всего дорогого и близкого и остаться на мгновение в абсолютной пустоте…» (Флоренский, 2001: 459). Это, - фактически, - эпохе феноменологической редукции, которая отсекает все стереотипы и ставшие «обесцененными» вероучительные схемы для того, чтобы затем, на материалах свидетельств конкретного религиозного опыта, образовать «базис будущей убедительной догматики» (Флоренский, 2001: 460). Флоренский при этом безусловно убежден, что эта «новая» догматика не будет новой по существу: «Не истину новую предлагаю на старое место, а места нового требую для старой истины, потому что то место сознания, куда должно поместить эту истину, загромождено хламом» (Флоренский, 2001: 458).

Наука о религии вообще для Флоренского, таким образом, с самого начала представляла собой, прежде всего,

средство, применяемое в чрезвычайной ситуации; это - разговор с современным сознанием, которое не понимает вообще, что может быть религиозный опыт и убеждается только научными фактами. Для Флоренского несомненно, что *действительно* научный подход к религии и фактам религиозного опыта приведет исследователя к выводам, неспособным разрушить церковную догматику, которая изначально и была построена на тех же фактах.

ЛИТЕРАТУРА

Андроник (Трубачев), игум. 1998. Теодицея и антроподицея в творчестве священника Павла Флоренского. Иеромон. Андроник (А.С. Трубачев). Томск: Водолей; СПб.: Сотников. 191, [1] с.

Гулыга А.В. 1990. Особенное: из воспоминаний П.А. Флоренского. Сост. и авт. вступ. ст. А.В. Гулыга. М.: Моский рабочий. 46, [1] с. - (Первоисточники).

Иванова Е.В. 2004. Павел Флоренский и символисты: опыты литературные, ст., переписка. сост., подгот. текстов и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры (Кошелев). 670 с.

Флоренский П.А. 2006. «Психологическое изъяснение» 125-го псалма. - Ныне и присно. № 3- 4: 161-165.

Флоренский П.А. 1990. Сочинения. Т. 2: У водоразделов мысли. Ч. 1. Историогр. ст. игумена Андроника (А.С. Трубачева); примеч. С.С. Аверинцева и др. 446, [1] с.

Флоренский П.А. 2001. Иконостас. Христианство и культура. М.: ООО «Издательство АСТ», Харьков: «Фолио». 672 с.

Получена / Received: 06.10.2015
Принята / Accepted: 25.10.2015

Наука, философия и богословие в понимании протоиерея Сергия Булгакова

С.М. Половинкин

Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6
Russian State University for the Humanities
Miusskaya area. 6, Moscow 1255993 Russia
e-mail: rsuh@rsuh.ru

Ключевые слова: наука, философия, богословие, Булгаков, софийность.
Key words: science, philosophy, theology, Bulgakov, sofijnost.
Резюме: Булгаков представил всю историю философии как трагедию. Самопознание разума есть постижение своих реальных границ. На этом пути разум living сознаёт, что самое основное стремление разума - к логическому монизму, т.е. к логически связному и непрерывному истолкованию мира из одного начала, оказывается неосуществимым и абсолютная система философии невозможной. Но если невозможна философия, то возможно и необходимо философствование, необходима рефлектирующая работа разума, которая приводит к осознанию антиномичности религиозной философии.
Abstract: Bulgakov presented the entire history of philosophy as a tragedy. Self-knowledge of reason there is a comprehension of their real borders. In this way the mind knows that the most basic desire of the mind-a Boolean monism, i.e. the logical communication and continuous interpretation of the world from one beginning, turns out to be unfeasible, and the absolute system of philosophy. But if philosophy is impossible, possible and necessary reflexions needed work philosophy of mind that leads to awareness of the antinomosis religious philosophy.
[**Polovinkin S.M.** Science, philosophy and theology in understanding priest Sergio's Bulgakov]

Софийность науки. Изначальная софийность мира есть основа производной софийности науки: «Она чужда Истине, ибо она - дитя этого мира, который находится в состоянии неистинности, но она - и дитя Софии, организующей силы, ведущей этот мир к Истине, а потому и на ней лежит печать истинности, Истины в процессе, в становлении». Хотя наука и чужда Истине, она может существовать только в предположении Истины. Наука вызывает к жизни «научный космос»: «Наука вызывает из сумрака мэона научный космос, пробуждает дремлющее мэоническое бытие к жизни и, следовательно, постольку вообще расширяет возможности

жизни, её универсальность и полёт». Идеальным пределом научного знания является проникновение к космосу-Софии: «В трудовом, хозяйственном процессе наука проникает чрез кору и толщу хао-космоса к идеальному космосу, космосу-Софии. Мир предстаёт тогда, действительно, как единство, но не в канто-лапласовском смысле. Единство это выразит не абстрактная формула мирового детерминизма, но организм идей, механическое же единство его лишь отражает в опрокинутом и искаженном образе. Таков идеальный предел научного знания» . Булгаков верил, «что и наука увидит Бога».

Философия всегда на чём-то «ориентируется», т.е. имеет перед собой в качестве последней руководящей и непосредственной «преднаходимой» данности. Такое ориентирование есть акт свободы. При множественности ориентировок существует множественность путей философской мысли, т.е. «не может быть единой философской системы».

Философия родится из жизни и ориентируется по жизни: «...философская рефлексия есть саморефлексия жизни». В жизни рождаются и философия, и наука: «Жизнь есть то материнское лоно, в котором рождаются все её проявления: и дремотное, полное бесконечных возможностей и грёз, ночное сознание, и дневное, раздельное сознание, порождающее философскую мысль и научное ведение, - и Аполлон, и Дионис». Жизнь есть конкретное единство логического и алогического: «Вся жизненная действительность идеально-реальна во всех своих изгибах, она алогично-логична». Философское творчество подобно художественному, «ибо философская система есть тоже своего рода художественное произведение, «поэзия понятий»».

Наука и философия различаются не своим объектом, но способом рассмотрения объекта: «Наука вырезает для себя куски действительности и изучает их так, как будто бы это и была вся действительность. Наука дробит жизнь, разлагая действительность на отдельные части, из которых она затем складывает свой механизм. <...>Наоборот, философия мало склонна к детализации, которая так отличает науку. <...>Она рассматривает мир и отдельные его стороны как целое, в свете строения этого целого. Можно, пожалуй, выразиться и так, что

философия ищет уразумения жизненного смысла и значения явлений, в отдельности изучаемых наукой». Наука схематизирует законно, но незаконны её притязания на исчерпание схемами живого бытия. У науки объектное отношение к жизни, омертвляющее эту жизнь: «Наука творит заведомое мироубийство и природоубийство, она изучает труп природы, она есть анатомия и механика природы, такова её биология, и физиология, и психология». Наука способна онтологизировать себя: «Этому условно-прагматическому механическому мировоззрению науки нередко придаётся онтологическое истолкование, согласно которому мир не только научно познаётся как механизм, допуская механическую в себе ориентировку, но и есть механизм, и на основании этого механизма истолковывается всё бытие».Так возникает «научное мировоззрение», которое не есть просто теоретическое заблуждение, но есть ущерб жизни, её обморок, сопровождаемый обмороком и природы, её «мертвенная бледность, бесчувствие, но не смерть». Над оживлением природы работает человек: «Омертвевшую тварь он старается согреть теплотой своей жизни». Сам Булгаков мучительно изживал из себя «научное миросозерцание»: «О, я был, как в тисках, в плену у «научности», этого вороньего пугала, поставленного для интеллигентской черни, полуобразованной толпы, для дураков! Как ненавижу я тебя, исчадие полуобразования, духовная чума наших дней, заражающая юношей и детей! И сам я был тогда заражённый, и вокруг себя распространял ту же заразу...».

Богопознание как откровение. Катафатическое богословие возможно лишь в кенозисе Бога в мир через откровение. Катафатическое богословие «возможно не чрез человеческое восхождение в мир божественный, каковое было бы совершенно непосильным и недоступным для тварного сознания, но лишь чрез снисхождение от мира Божественного к миру тварному, т.е. Собственное самооткровение Божие, притом такое, которое может быть принято человеком, ему доступно. Доступность же эта основана, конечно, лишь на том, что божественное существо становится в известной мере и человеческим, почему человек из себя и чрез себя, чрез своё

самопознание, приобщается к богопознанию. <...> Такое самооткровение может быть лишь собственным делом Божиим в сотворении человека. Это самооткровение и совершено Богом, как основа бытия человеческого, а в нём и всего творения. Человек сотворён Богом по образу Божию, который становится чрез это тварным богом. Это ens realissimumустанавливает мост онтологического отождествления между творцом и творением чрез обожение последнего, и оно уже изначально установляет положительное соотношение между Образом и Первообразом. <...>Исходная аксиома откровения состоит именно в том, что существует со-образность между Божеством и человечеством».

Религия и «религиозная философия». Булгаков ставит вопрос о возможности существования «религиозной философии», о возможности сочетания догматической религии и свободной философии: «Совместим ли догматизм религии с священнейшим достоянием философствования, его свободой и исканием истины, с его правилом - во всём сомневаться, всё испытывать, во всём видеть не догмат, а лишь проблему, предмет критического исследования?».Философия есть свободное искание, но свободное искание Бога: «Разумеется, философия неизбежно стремится при этом к абсолютному, к всеединству, или к Божеству, насколько оно раскрывается в мышлении; в конце концов, и она имеет своей единственной и универсальной проблемой - Бога, и только Бога, она тоже есть богословие, точнее - богоискание, богоисследование, богомышление. Философия, насколько она себя достойна, проникнута amor Dei intellectualis, особым благочестием мышления. Но для философии существует лишь отвлеченное, абсолютное, только постулат конкретного Бога религии, и своими силами, без прыжка над пропастью, философия не может перешагнуть от «бога интеллектуального» и «интеллектуальной любви к нему» к личной любви к живому Богу. <...> Мышление есть Абсолютное в философии, тот свет, в котором логически возникает и мир, и Бог. В этом своём проблематизме, философия по существу своему, есть неутолимая и всегда распаляемая «любовь к Софии», найдя удовлетворение, она замерла бы и прекратила бы своё существование». Восприятие догмата есть деяние свободы,

деяние внутреннего самотворчества человека: «Поэтому догмат оплодотворяет, но не насилует, ибо это есть вера человека, его любовь, его чувство жизни, он сам в свободном своём самоопределении. Поэтому свобода философии не есть пустота и безмотивность, творчество из ничего или Гегелева бытия, которое есть и ничто, из отвлечённости, ни от чего не отвлекаемой, ничем не оплодотворяемой. Свобода философии заключается в её особом пути искания, постижения. То, что человек ведает как религиозный догмат, он хочет познать и как философскую, теоретическую истину. <...> Свобода философствования, как и всякая свобода, имеет в себе известный риск, но в свободе и состоит её царственное достоинство. Религии в философии ценна сотрудница (ancilla),но бесполезна раба». Если философии доступна лишь истинность, но не сама Истина, то путь философии есть «постоянное постигание, без окончательного постижения».

Трагедия философии. В своей книге «Трагедия философии» (книга написана в Крыму в 1918-1922 гг.; впервые издана на русском языке в 1993 г.) Булгаков представил всю историю философии как трагедию. Истоки трагедии в том, что «действительное не только разумно, но и внеразумно». А человек «восхотел системы: другими словами, он захотел создать (логически) мир из себя, из своего собственного принципа - «будете как боги» <Быт. 3,5> - но эта логическая дедукция мира невозможна для человека». Монистическая система мира есть потребность разума: «Логический монизм, являющийся естественной потребностью разума - ratio - и уже подразумевающий возможность адекватного, непротиворечивого миропознания, составляет неустранимую черту всякой философской системы, которая смутно или отчётливо, инстинктивно или сознательно, робко или воинствующе притязает быть абсолютной философией и свой эскиз бытия рассматривает как систему мира».Такая система не знает hiatus`ов-разрывов. Однако «разум есть не первое, а второе, не изначальное и не самопорождающееся, но возникающее и рождающееся в том, что онтологически первее разума, то и сила его соотносительна тому, в чём он рождается, что служит для него объектом его познания». Разум рождается в

самооткровении сущего, и в то же время разум «самоотчётен и самозаконен в своём пути и в своём деле». Состояние разума имеет разные степени, «есть более или менее разумный разум»: 1) здравый смысл или обычный практический разум; 2) «рассудок есть неразумный разум, мудрость которого является ограниченностью перед лицом разума, а в то же время он есть всё-таки сила мысли, ума»; 3) разум. Самопознание разума есть постижение своих реальных границ. На этом пути разум сознаёт, «что самое основное стремление разума - к логическому монизму, т.е. к логически связному и непрерывному истолкованию мира из одного начала, оказывается неосуществимым и абсолютная система философии невозможной». Но если невозможна философия, то возможно и необходимо философствование, необходима рефлектирующая работа разума, которая приводит к осознанию антиномичности религиозной философии. Первородный грех поражает разум, «закрывая пламенным мечом Херувима - антиномиями, доступ к древу райского познания».

ЛИТЕРАТУРА

Булгаков С.Н. 1911. Два града: исследования о природе общественных идеалов. В 2-х тт. Т. 2. М.: Путь. [3], 313 с.

Булгаков С.Н. 1990. Философия хозяйства. Ч. 1. Мир как хозяйство. М.: Наука. 412 с

Булгаков С.Н. 1993. Трагедия философии (философия и догмат): сочинения в 2 тт. Т. 1. Москва.

Булгаков С.Н. 1994. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика. 414 с.

Булгаков С.Н. 1996. Тихие думы. Сост., подгот. текста, коммент. В.В. Сапова. М.: Республика. 510 с.

Булгаков С.Н. 2000. Агнец Божий. Ч. 1: О Богочеловечестве. М.: Общедоступный православный университет, основанный прот. Александром Менем. 464 с.

Струве Н.А. 2000. Братство Святой Софии. Материалы и документы. 1923-1939. Сост. Н.А. Струве. М.; Париж: Русский путь; YMCA-Press, 336 с.

Получена / Received: 10.10.2015
Принята / Accepted: 25.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 942-948

Борьба научного и религиозного мировоззрений в контексте идеологии партийной диктатуры: на примере «хрущевской оттепели»

Д. Сазонов

Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (Московский патриархат)
115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, строение 5.
Ss Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies (Moscow Patriarchate)
Pyatnitskaya str. 4/2, building 5, Moscow 1155035 Russia
e-mail: info@doctorantura.ru

Ключевые слова: атеизм, партийный, идеология, Бог, религия, материалистическое мировоззрение.
Key words: atheism, party, ideology, God, religion, materialistic worldview.
Резюме: Во время «хрущевской оттепели» партийно-государственным аппаратом был взят очередной курс на вытеснение Церкви из общества. В объявленной борьбе мировоззрений на стороне материалистов стояла вся мощь государственно-партийного аппарата. Крахом всей материалистической партийно-командной системы окончилась эта борьба.
Abstract: During the "Khrushchev thaw" party-State apparatus was taken another course for the eviction of the Church society. In declared against the ideologies materialists side stood the entire power of the State-party apparatus. The collapse of the entire materialist party system ended the fight.
[**Sazonov D.** archpriest The struggle of the scientific and religious worldviews in the context of the ideology of the party dictatorship the example of "Khrushchev thaw"]

"Они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все неверующие истине, но возлюбившие неправду"

(2 Фес. 2: 10-12)

В названии статьи заявлено, что между двумя мировоззрениями - религиозным и материалистическим, происходит борьба. Борьба, в первую очередь происходит в плоскости государственной идеологии на уровне борьбы с инакомыслием (Назаров, 1991: 77). Модель нетерпения в отношении мировоззренческого инакомыслия и борьба с ним ярко представлена в историческом советском периоде

Российского государства, характеризующемся как «хрущевская оттепель», где наряду с политическим инакомыслием преследовалось религиозное мировоззрение.

Борцы с религиозным инакомыслием отвергли религиозную веру человека в Бога. Они создали религию человекобожия со всеми атрибутами религиозной веры. О подмене и служению «твари вместо Творца» говорил в своем послании к Римлянам еще ап. Павел (Рим. 1:25).

В борьбе с религиозным мировоззрением был выдвинут тезис о том, что научно-технический прогресс и партийно-идеологический эрзац религии обеспечат духовные потребности человека, потому что общим критерием для них служит эксперимент. Эксперимент в данном контексте - объявленное построение «светлого будущего», «общества всеобщего благоденствия». Для внедрения в сознание людей подобного утверждения время было выбрано удачно: хрущевский период - послевоенное время, когда старое поколение, помнящее жизнь до революции было выбито войной и репрессиями, сельская молодежь устремилась в город, большими темпами развивался образовательный процесс, прошла реабилитация репрессированных в 20-30-40-е годы. Повсеместно, в связи с достижениями в восстановлении разрушенного войной хозяйства навязывался почти безусловный авторитет науки.

О целях созданной идеологической доктрины предполагающей разрушить духовную вертикаль, связывающую человека с Богом ярко показал В. Аксючиц в своей статье «Атеистическая идеология. Государство. Церковь»: «В чем основной смысл идеологической доктрины? Атеистический коммунизм призывает к строительству «светлого будущего человечества» на Земле […] (чтобы) сбить усилия духовного подъема человечества, ему и служит - атеизм; - компенсировать потерю высших духовных ценностей - идеалами сугубо земными, утилитарными и прагматическими, чему служит - материализм» (Назаров, 1991: 217).

Провозгласив возвращение к ленинским принципам как к панацее от всех допущенных прежде ошибок, в постановлении ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения»

провозглашается борьба с религией как с враждебной и классово чуждой идеологической доктрине: «Коммунистическая партия, опирающаяся на единственно верное научное мировоззрение - марксизм-ленинизм и его теоретическую основу - диалектический материализм, - не может безучастно, нейтрально относиться к религии как к идеологии, ничего общего не имеющей с наукой» (О религии и церкви, 1977: 75).

На XXII съезде партии было объявлено построение коммунизма через 20 лет. Программа КПСС к июню 1961 г. пестрела «фантастическими расчетами». Программа обещала 1970 году догнать и обогнать США по основным показателям (от стали и цемента до масла и яиц). Нереальность цифр программы была очевидна любому экономисту. Цифры исходили лично от Хрущева и его пропагандистов (Фурсенко, 2003: 401,404). Программа была единогласно одобрена, несмотря на свой авантюристический характер.

Борьба с чуждым мировоззрением была провозглашена делом государственным. Наступлением на религию с помощью государственного идеологического и административного аппарата в партийной программе было решено покончить с религией и религиозными предрассудками как с враждебной идеологией. В качестве непререкаемого аргумента было объявлено, что верным и правильным считается «научное материалистическое мировоззрение», что все ученые материалисты. Области науки, выражающие иной взгляд на создание мира и законы построения общества чем материалистический были объявлены лженаукой (напр., кибернетика), или «буржуазной наукой». Наука рассматривалась сквозь призму классовой пригодности и борьбы. Ученые не согласные с материалистически мировоззрением были объявлены вредителями.

Провозглашенная вера в научно-материалистическое (атеистическое) будущее человечества была связана с материальными достижениями благ, отрицающий Бога как Творца жизни: «Только на основе современной передовой науки возможно всестороннее и полное использование в интересах всего человечества богатств природы - читаем мы в постановлении ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. […] можно

добиться высокого подъема и развития промышленности и сельского хозяйства […] Исходя из этого, Коммунистическая партия воспитывает советских людей в духе научного мировоззрения и ведет идейную борьбу с религиозной идеологией как с антинаучной идеологией» (О религии и церкви, 1977: 76).

С 1964 г. вводится во всех высших учебных заведениях предмет «Основы научного атеизма», созданы институт научного атеизма в Академии общественных наук при ЦК КПСС соответствующие отделы в журналах, издается журнал «Наука и религия». Время «хрущевской оттепели» - с 1959 по 1964 гг. характеризуется как время тотального административного наступления на религию.

Время показало тщетность борьбы против религиозного мировоззрения. Борьба с религией и «религиозными предрассудками» окончилась бесславно для партийных пропагандистов. По свидетельству историков, на религиозность народа хрущевские гонения повлияли незначительно, более того в начале 1960-х годов в ряде регионов РСФСР (например в Чувашии, Тамбовской, Рязанской, Кемеровской областях) наметился рост совершения церковных обрядов (Зубов, 2010: 372). Оставшиеся в ходе антирелигиозной компании и не закрытые храмы были полны народа. Статистика говорит о 20-30% верующих среди населения. Процент крещений был значителен. В Тульской области, например, в 1960 г. крестили 36, 5% детей от общего количества родившихся, в 1961 г. 40%, Костромской области в1960 г. крестили 38,1% новорожденных, в 1961 г. 43,3% (Ф. р-2102. Оп. 5, д. 44: 24).

Ярким свидетельством служит сообщение уполномоченного по делам РПЦ по Костромской области В. Григорьева: «Приведенные примеры по г. Костроме и 7-ми районам со всей убедительностью доказывают, что не только в городах, но и в районах количество вредных для наших людей религиозных обрядов не только увеличивается, но в отдельных районах принимает угрожающие размахи» (Ф. р-2102. Оп. 5, д. 38: 32). Григорьев в своем отчете жалуется на нежелание коммунистов трудиться на атеистическом фронте борьбы: «У нас, в г. Костроме, в отдельных партийных организациях не

проводятся партсобрания с вопросом «об отношении Коммунистической партии к религии» только потому, что в организации не нашлось докладчиков на эту тему» (Ф. р-2102. Оп. 5, д. 38: 30). Корреспондент Ивановской областной газеты «Ленинец» Б. Лившиц писал с сожалением о том, что даже комсомольцы области совершают религиозные обряды. Он недоумевал: «Откуда бы все это? Вроде и церквей у нас немного, и народ грамотный…» (Мень, 1981).

Партийная пропаганда утверждала, что построив очередной завод, систему каналов и водохранилищ, освоив целину идея «счастливого мира без Бога» вот-вот уже воплотилась, но на поверку оказывалось, что люди жили в нищете и голоде, им не хватало самого насущного. Даже официальная статистика констатировала отставание от США по производительности труда в 2-2,5 раза, не говоря уже о сельском хозяйстве предметах быта и других показателях (Зубов, 2010: 352). В 1958-61 гг. производственный волюнтаризм Хрущева привел страну к продовольственному кризису (Зубов, 2010: 379). Были повышены цены на товары первой необходимости. Кризис наступил во всех областях производственной сферы и науки. События 1956 г. в Венгрии и 1968 года в Чехословакии наглядно продемонстрировали нежелание народов соцлагеря идти в светлое будущее и строить коммунизм. Лагерь распался не из-за цен на нефть, не подлым вероломством шпионов и предателей. Он распался, не выдержав эксперимента, построенного на ложных ценностях.

В действительности получалось, что верить в «светлое будущее коммунистическо-материалистического рая могут только некритично настроенные и плохо понимающие суть науки, ее основы и ее возможности, люди, не понимающие, что нет никакого «научного мировоззрения» подтверждающего материализм, что построение общества всеобщего благоденствия - утопия, ничего не имеющая общего с реальностью была подкреплена научностью для ее авторитетности.

О ложности идеологического штампа «научное мировоззрение», о разных областях познания и сути науки и религии ясно показал в своей книге «Истоки религии» прот. А.

Мень: «Религия дает человеку знание о том, для чего он живет и как он должен жить. Наука не может ответить на эти вопросы - она лишь пытается узнать, как устроен материальный мир» (Мень, 1981: 274-275).

Церковь, вера в Бога, своим, пусть даже минимальным присутствием в душах людей показала ложность устремлений материалистов, боровшихся с религиозной верой при помощи всей государственной машины на протяжении всех лет существования советской власти, показала тщетность их усилий.

С его смещением с поста генсекретаря ЦК КПСС Н. Хрущева борьба научного атеизма и материализма с религией потеряла свою остроту и закончилась, в конце концов, бесславно для «научного материализма».

В начале XX века прот. И. Восторгов пророчески предсказал крах материалистической теории: « В конце концов, мы почувствуем, что истина лежит не в личности и не в обществе, а над ними. С величайшей ясностью мы увидим, что в них она и не может лежать, что наши хитросплетения и софизмы […] есть ложь. А ложь эта происходит оттого, что мы молчаливо попускаем: человек есть все и все для человека…истину можно найти лишь в Боге, в его законах, непреложных и обязательных для всех..» (Священномученик протоиерей Иоанн Восторгов, 1998: 714).

ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив Костромской области. Ф. р-2102. Оп. 5, д. 44. 34 л.

Государственный архив Костромской области. Ф. р-2102. Оп. 5, д. 38. 46л.

Зубов А.Б. 2010. История России XX век. Под редакцией А.Б. Зубова. М.: Апрель. 847с.

Лившиц Б. 1964. О церковных обрядах и комсомольской инициативе. - Ленинец. 19 апреля.

Мень А., прот. 1981. Истоки религии. Брюссель. 428с.

Назаров М. 1991. Русское зарубежье в год тысячелетия Руси: сборник. Составитель М. Назаров. М.: Столица. 464с.

О религии и церкви. - В: Сборнике высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М. Политиздат. 1977. 144 с.

Российский государственный архив новейшей истории. Ф.5. Оп.30. В. 325. 56 с.

Священномученик протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений в 5-ти томах. Т.5. Репринтное издание. Изд-во: «Царское дело». СПб, 1998. 716 с.
Фурсенко А.А. 2003. Президиум ЦК КПСС 1954-1964. Т. 1. Ред. А. А. Фурсенко. М.: РОССПЕН. 1121 с.

Получена / Received: 25.09.2015
Принята / Accepted: 15.10.2015

О значении творений прп. Макария (Глухарева) и необходимости их издания к 170- летию со дня его преставления

М.И. Стриганова

Санкт-Петербургские Свято-Макарьевские богословско-педагогические курсы при Школе Военного Духовенства ГУ МЧС России
196105, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 149.
St. Petersburg St. Makary theological and pedagogical courses at the School of Military Clergy EMERCOM of Russia
Moskovsky avenue, 149, St. Petersburg 196105 Russia
e-mail: mstriganova@yandex.ru

Ключевые слова: Прп. Макарий, миссия, воинский характер, воспитание, терпимость любви, письма.
Key words: St. Macarius, mission, military nature, education, tolerance love, writing.

Резюме: Мысли о распространении православной веры, сформулированные прп. Макарием (Глухаревым) в XIX веке, актуальны и для современных веропроповедников. Его принципы миссионерской деятельности, разработанные опытном путем и обобщенные в теретических трудах, необходимо изучать и всемерно распространять.
Abstract: Thoughts about the spread of the Orthodox faith, formulated by the PDP. Macarius (Gluharevym) in the XIX century, relevant to modern veropropovednikov. His principles of missionary activity developed by the pilot and generalized in the writings of teretičeskih, it is necessary to study and to distribute.

[**Striganova M.I.** On the significance of the creations of the PDP. Makariy (Ghlukharev) and need their publications to the 170-anniversary of his death]

Сегодня, как никогда, важно вспомнить о духовном наследии прп. Макария (Глухарева). В его трудах мы находим ответы на многие остро стоящие вопросы о том, как уберечь границы нашей великой многонациональной России, как сохранить крепость и целостность ее Православной Церкви, на каких принципах строить отношения с людьми различных религиозных убеждений и, наконец, как служить делу благовестия в современном мире.

Прп. Макарий высказывает важную мысль о том, что подобно тому, как государство ограждает себя от внешних врагов воинскими поселениями, Церковь должна «в воинском характере» протянуть миссии по всем своим епархиям, и как

«епархии составляют одну Российскую Церковь, то и все миссии по разным епархиям надлежит привести в хорошо сложенную систему» (Макарий (Глухарев), 1894).

Миссионеров прп. Макарий называет Христовым воинством и «стражами воинствующей Церкви», призванными «к отражению неприязненных приражений». И это воинство, по его мнению, нужно постоянно собирать, пополнять и обучать. «Надобно всегда иметь вооруженное, всегда образуемое, обучаемое и пополняемое воинство на случай открытия великой брани, а не тогда уже набирать ратников, когда настанет время выступать в поле, вступать в сражение» (Макарий (Глухарев), 1894).

«В настоящий момент, когда происходит последняя битва за спасение России от окончательного лжедуховного иноземного ее порабощения, - пишет в своей статье «Русское духовное образование» А.И. Осипов, - от духовных школ зависит очень многое. Они, и в первую очередь академии, могут дать те двуедино духовно и богословски подготовленные кадры, без которых Церковь с быстро заполняющим ее процентом духовно слабых, нередко малоспособных, не имеющих ни специального, ни самостоятельного богословского образования и твердого знания основ Православия священников и монашествующих, будет неуклонно терять свой авторитет, русский народ окажется во власти подготовленных проповедников, инославия, иноверия, безверия. Это прямо следует из того, что в настоящий момент духовное состояние нашего общества находится на грани самого шаткого баланса между Православием и каким угодно инаковерием» (Осипов, 1998).

Для подготовки такого Христова воинства он предлагает создать специальные Образовательные монастыри, где можно было бы готовить к миссионерскому служению людей разного социального происхождения и разного уровня образования, где каждому, желающему послужить делу благовестия, предоставлялась бы возможность получить теоретическую и практическую подготовку по его возможностям.

Основная цель подготовки благовестников - воспитание, ведь миссионерское служение требует полного самоотречения

как от монашествующего, так и от семейного человека, и те и другие должны быть готовы к нищете и самопожертвованию, а главное, они должны стяжать дух апостольской любви и терпимости: «Ревность и любовь апостольская «старается соединить народы в одно семейство Бога истинного … терпимостью любви, которая долго терпит в молитве и ожидании … терпимостью, которая милосердствует и о неверных, но не радуется неправде …не к тому направляет, чтобы подумали, будто все верования одинаковы, но к тому, чтобы и неверные вкусившие от плодов истинной веры Иисусовой в нелицемерных учениках Его, возлюбили её и покорились ей» (Макарий (Глухарев), 1894).

Не насмешка, ни карикатуры журнала “Charlie Hebdo”, не обличение надменное - метод прп. Макария, а любовь апостольская. «Имейте сердце вознесенное горе ко Господу Иисусу Христу, сидящему одесную Отца, и взирающему на вас, и невидимо с вами и вас пребывающему; учитесь у Него кротости и смирению сердца в обращении с людьми; отнюдь не принимайте тона учительского; но действительно старайтесь учиться у всякого, и все доброе перенимать» (Макарий (Глухарёв), 1905: 495).

Задача воспитания заключается в том, чтобы подготовить «нелицемерных учеников», стяжавших некоторые «плоды» истинной веры христианской, вкусив которые, непросвещенные народы должны «возлюбить» христианскую веру и «покориться ей». Первый наставник прп. Макария, преосв. Евгений (Казанцев) подчеркивал важность специальной духовной подготовки для миссионеров: «к несчастию, часто имеют ревность Божию, но не по разуму; часто хотят Апостольствовать без звания Божия, и Духа Христова. Все хотят учить, не научившись; просвещать, не просветившись: вдохнуть благочестие, сами не имея вдохновения. Нет! Не человеческой силы дело, обращать сердце ко Христу, но силы Божией» (Евгений (Казанцев), 1854: 165-166).

Прп. Макарий подчеркивает двойственность задачи, стоящей перед веропроповедником: во-первых, он должен заботиться о своем духовном совершенствовании, а потом уже о просвещении других людей - «Обязанность миссионера сугубая

- пещись о стяжании чистого сердца», об освящении себя праведностью Иисуса Христа и пещись о приведении ко Христу сих племен, младенствующих по разуму» (Макарий (Глухарев), 1894).

О просветительском служении прп. Макарий пишет как о явлении народам света. В людях, чей дух погряз во тьме чувственности и невежества, нужно возжегать воскрешающий Божественный огонь примером жервенного служения любви в их нуждах и скорбях, светом своего беспорочного жития, кротким светом евангельских истин. Глядя на миссионера и слушая его, они должны полюбить свет и потянуться к нему. «Чтобы сей свет, являясь им, произвел в них желание света, печаль по свету, которая побудила бы их стремиться за светом в Христианскую Церковь дверью Крещения, чтобы объять его, чтобы им просветиться и соделаться чадами света. О, если бы они таким образом приступали к Святому Крещению!» (Макарий (Глухарев), 1894).

Вся Российская Церковь, по мысли прп. Макария, должна проникнуться идеей миссионерского служения. Весь русский народ, которому Провидением вручено множество народов, обязан понести апостольское служение, а для этого, прежде всего, сам должен укрепиться в вере и скорейший путь для этого - усвоение Слова Божия. Для осуществления этой задачи необходимо издание Библии на живом народном наречии и распространение грамотности в народе посредством церковно-приходских школ, где цель образования направлена, прежде всего, на духовное возрастание через усвоение Слова Божия. Каждый приходской священник должен стать учителем и веропроповедником.

В осуществлении идеи перевода Библии на русский язык прп. Макарий проявил последовательную настойчивость. Добиваясь издания Библии, он нарушает все нормы субординации, он пишет не только свт. Филарету, и в Св. Синод, но и на Высочайшее имя Государю Императору Николаю Павловичу. Эти письма свидетельство мужества ревнующего о деле Божием «романтического», как его с любовью называл митр. Филарет, миссионера. Они достойны нашего сегодняшнего внимания. Они не однократно

переиздавались к памятным датам прп. Макария, замечательно было бы их вновь напечатать в собрании с другими назидательными письмами.

Проповеднический талант прп. Макария ярко проявился, не только в немногих сохранившихся проповедях, но и во множестве сохранившихся писем к разным лицам. Их нравственно-назидательный характер обусловлен глубоким знанием Библии и святоотеческой литературы, а также опытом личного духовного самосовершенствования. Член Орловского церковно-археологического комитета священник Илья Ливанский в дни празнования 50-летия со дня блаженной кончины прп. Макария отмечал: «В ряду книг, особенно полезных для чтения назидательного и учительного, книга писем о. Макария и о. Амвросия, а также письма Епископа Феофана Затворника и Дневник Иоанна Кронштадтского. Это настольные книги для православного христианина, это надёжные спутники его жизни, это дорогие справочники для него в различных обстоятельствах жизни; таковые книги не только нужно читать и перечитывать, но и буквально изучать» (Ливанский И.: 1704).

Часто труды прп. Мкария откладывались на полку, и за них он получал вместо благодарности «очистительные епитимьи», ряд книг были изданы под чужими именами, прп. Макарий никогда не заботился об авторстве.

Поэтому было бы замечательно сделать хотя бы попытку в издании сборника его трудов к 170-летию со дня его кончины. Этим мы воздали бы справедливую похвалу его мужественному апостольскому служению.

Список трудов прп. Макария (Глухарёва)

Переводы ветхозаветных книг с еврейского языка на русский

1. Макарий (Глухарёв), прп. Закон или Пятикнижие Моисея. Перевод с еврейского архим. Макария, бывшего начальника Алтайской Духовной миссии. М., 1863. - (То же репр. Спб., 2000. 426 с. Предисловие Б.А. Тихомирова).
2. Макарий (Глухарёв), прп. Библия. Ветхий Завет Книга Иова. (Опыт переложения на русский язык). М., 1861.
3. Макарий (Глухарёв), прп. Библия. Ветхий Завет. Пророки. Книга

пророка Исаи. (Опыт переложения на русский язык). М., 1863.
4. Макарий (Глухарёв), прп. Библия. Ветхий Завет. Песнь песней, Экклезиаст и притчи. (Опыт переложения на русский язык). М.,1861.
5. Макарий (Глухарёв), прп. Библия. Ветхий Завет. Книга пророка Иезекииля. (Опыт переложения на русский язык). М., 1861.
6. Макарий (Глухарёв), прп. Библия. Ветхий Завет. Пророки. Книга пророка Иеремии. (Опыт переложения на русский язык). М., 1860.
7. Макарий (Глухарёв), прп. Библия. Ветхий Завет. Пророки. Книга пророка Иоиля. Книга пророка Амоса. Книга пророка Амоса. Книга пророка Авдия. Книга пророкаИоны. Книга пророка Михея. Книга пророка Наума. Книга пророка Аввакума.Книга пророка Софронии. Книга пророка Аггея. Книга пророка Захарии. Книга пророка Малахии. (Опыт переложения на русский язык). М., 1861.
8. Макарий (Глухарёв), прп. Исторические книги Ветхого Завета. (Опыт переложения на русский язык). М., 1868.
9. Макарий (Глухарёв), прп. Книги Иисуса Навина и судей Израилевых. (Опыт переложения на русский язык). М., 1868.
10. Макарий (Глухарёв), прп. Библия Ветхий Завет. Пророческие книги Ветхого Завета. М., 1963.

Научные и литературные сочинения прп. Макария

11. Макарий (Глухарёв), прп. Мысли о переводе Библии на русский язык: Рукопись, автограф - НИОР РГБ,Ф.558, Д.107.
12. Макарий (Глухарёв), прп. Поминовение преосв. Иова, архиепископа Екатеринославского. Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской миссии. С биографическим очерком и портретами. Под.ред. К.В. Харламповича. Казань. 1905.
13. Макарий (Глухарёв), прп. Некоторые черты жизни покойного преосвященного Иова, архиепископа Екатеринославского, Херсонского и Таврического, собранные и изложенные директором училищ Екатеринославских училищ Екатеринославской губернии Дмитрием Мизко. СПб., 182, 50с.
14. Макарий (Глухарев), прп. Историческое описание Глинской Богородской пустыни, состоящей Курской епархии и губернии в Путивльском уезде, составленное Николаем Самойловым, Состоящаго под Высочайшим покровительством Общества Истории и Древностей Российских Соревнователем.: в 2-х Ч. СПб., 1855г. (53с.; 32с.).
15. Макарий (Глухарёв), прп. Алфавит Библии. Сост., предисл., заключит. статья и примеч. протоиерея Бориса Пивоварова. Новосибирск: Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2003. 339 с.: Библиогр.: С. 340-347: ил. Рукопись хранится в РГИА Ф.834.Оп.1.Д.381.
16. Макарий (Глухарёв), прп. Спасительные изречения Духа Святого, избранные из Священного и Богодухновенного Писания. Писарский список 1854 г. - НИОР РГБ, Ф.187,ед.хр.2225.

17. Макарий (Глухарёв), прп. Записки находящегося в Бийском округе для обращения иноверцев к Христианству архимандрита Макария и братий его. - Сборник исторических материалов о жизни и деятельности настоятеля Болховского Троицкого Оптина монастыря отца архимандрита Макария Глухарёва. Орел, 1897.
18. Макарий (Глухарёв), прп. Мысли об улучшении воспитания в духовном звании - РГИА. Ф.797, Оп.3, Д.№13005.- 43 л. - Ефимов А.Б Стриганова М.И. Мысли прп. Макария (Глухарева) о воспитании в духовном звании. М., 2008. 33с.
19. Макарий (Глухарёв), прп. Мысли о способах к успешнейшему распространению Христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской Державе. Нестеров. С.В. Словом и житием наставляя. М., 2005. 148 с.
20. Макарий (Глухарёв), прп. Начальное учение человеком хотящим учитися книг Божественного Писания.
21. Макарий (Глухарёв), прп. Катехизический сборник. (Сборник представляет собой строго-систематическую хрестоматию. Включает всего 143 беседы).

Проповеди и поэтические произведения

22. Макарий (Глухарёв), прп. Несколько слов покойного архимандрита Макария, бывшего начальника Алтайской церковной миссии. М., 1854. 47 с.
23. Макарий (Глухарёв), прп. Слово покойного архимандрита Макария на новый год. М., 1848.
24. Макарий (Глухарёв), прп. Лепта. (Сборник духовных песен). М., 1846.
25. Макарий (Глухарёв), прп. Лепта в пользу Духовной Алтайской миссии. Основателя Алтайской миссии Архимандрита Макария. Бийск,1889. 99 с.
26. Макарий (Глухарёв), прп. Первая Лепта в нотном изложении. Томск. 1901. (133 с.) (№ 1. Песнь Богородицы. 1900; №2 Песнь на Рождество Христово. 1900; № 3. Нафанаил. 1900; № 4. Песнь на Преображение Господне. 1901; № 5. Плач Богородицы.1901; №6 Песнь покаянная.1901; №7. Песнь благодарения. 1901; № 8. Песнь о таинстве Пресвятой Троицы. 1901; № 9. Слово крестное. 1901; № 10. Песнь о Лазаре убогом.1901; № 11. Песнь Иостифа целомудренного в темнице. 1901; № 12. Песнь Псалма CXXXVI. 1901; № 14. Надгробная песнь. 1901; № 15. Песнь о последнем суде Христовом. 1901; № 17. Пень о прп. Алексие человеке Божием. 1901; № 18. Пятидесятый псалом 1901; № 20 Песнь благодарения, 1901).
27. Макарий (Глухарёв), прп. Божья кара. (Стихотворение). Писарский список. Серед. XIX в. - НИОР РГБ, Ф. 99, Оп.99,ед.хр.32.
28. Макарий (Глухарёв), прп. Урал. (Стихотворение). Томск, 1896 - (Стихотворение есть в Лепте).
29. Макарий (Глухарёв), прп. Экспромт к сестрам. - Странник.1866. Т. 2,

№ 4. отд. II. С. 57-58.

Письма прп. Макария (Глухарева)

30. Макарий (Глухарёв), прп. Письма основателя Алтайской духовной мисси, архим. Макария. Ч. 1. Томск. 1903.
31. Макарий (Глухарёв), прп. Молитва. Душеполезное чтение, 1863, II. С. 327-328.
32. Макарий (Глухарёв), прп. Письма покойного миссионера архимандрита Макария, бывшего начальником Алтайской духовной миссии. Ч. 1-2. М.,1860.
33. Макарий (Глухарёв), прп. Письма покойного миссионера архимандрита Макария, бывшего начальником Алтайской церковной миссии. Кн.1.М., 1851.
34. Макарий (Глухарев), прп. Письмо покойного миссионера архимандрита Макария, бывшего начальником Алтайской духовной миссии, к Синодальному члену, высокопреосвященнейшему Филарету, митрополиту Московскому, от 23 дня марта 1834 года о потребности для Российской церки переложения всей Библии с оригинальных языков на современный русский язык. М.,1861.
35. Макарий (Глухарёв) прп. Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской миссии. С биографическим очерком и портретами. Под.ред. К.В. Харламповича. Казань.1905.
36. Макарий (Глухарёв) прп. Три неопубликованных письма Алтайского миссионера прп. Макария (Глухарёва) к Аврааму Сергеевичу Норову. ОР РНБ.Ф.531.Д.437.

ЛИТЕРАТУРА

Макарий (Глухарёв М.Я.), архим. 1894. Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе. Типография А.И. Снегиревой. 134 с.

Осипов А.И. 1998. Русское духовное образование. - Журнал Московской Патриархии: 52-61.

Макарий (Глухарёв) прп. 1905. Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской миссии. С биографическим очерком и портретами. Под.ред. К.В.Харламповича. Казань.

Евгений (Казанцев), архиеп. 1854. Слова синодального члена преосвященного архиепископа Евгения, бывшего Ярославского. Москва.

Ливанский И., свящ. К пятидесятилетию со дня блаженной кончины почивающего в Болховской Оптиной пустыни, Орловской епархии, Архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской миссии. - Орловские епархиальные ведомости. № 42.

Получена / Received: 13.10.2015
Принята / Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 957-964

Положение Горненского женского монастыря в 1957 - 1959 гг.

А.С. Калачева

Духовная образовательная религиозная организация высшего образования Русской Православной Церкви «Православный Свято-Тихоновский Богословский институт»
115184, г. Москва, ул.Новокузнецкая, д. 23, стр. 5а
Religious education Religious Organization of Higher Education of the Russian Orthodox Church "Saint Tikhon's Orthodox Theological Institute"
Novokuznetskaya str. 23, building 5a, Moscow 115184 Russia
e-mail: kalacheva1977@yandex.ru

Ключевые слова: Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, Горненский монастырь, митрополит Никодим.
Key words: Russian ecclesiastical Mission in Jerusalem Gornensky monastery, Metropolitan Nikodim.
Резюме: Горненский монастырь в конце 50-х годов XX века переживал непростое время. Старые монахини умирали, а приезд пополнения из Советского Союза затягивался из-за проволочек с оформлением виз. Везде требовался ремонт, на который не всегда хватало средств. Кроме того, израильские власти экспроприировали часть монастырской земли под строительство дороги. Эти и другие вопросы приходилось решать начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандриту Никодиму (Ротову).

Abstract: Gornensky monastery in the late 50-th years of XX century has experienced difficult times. Old nun died, and the arrival of replenishment from the Soviet Union delayed due to delays in visas. Everywhere needed a repair that does not always have enough funds. In addition, the Israeli authorities expropriated part of monastic lands under the construction of the road. These and other issues had to be resolved to the Chief of the Russian ecclesiastical Mission in Jerusalem, Archimandrite Nicodemus (Rotov).
[Kalacheva A.S. The position of the convent in Gornensky 1957-1959**]**

Горненский женский монастырь своим возникновением обязан начальнику Русской Духовной Миссии архимандриту Антонину (Капустину). В 1871 г. архимандрит Антонин купил в этом месте два дома и обширную плантацию оливковых деревьев, а затем, расширив участок покупкою смежных земель, построил приют для русских паломников. Впоследствии здесь стали селиться русские инокини, и приют стал монастырем.

В настоящей статье на основе архивных документов

рассмотрим положение Горненского женского монастыря на Святой Земле в 1957-1959 гг., в период возглавления Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандритом Никодимом (Ротовым), будущим митрополитом Ленинградским и Новгородским.

После Первой Мировой войны связь России с Палестиной была прервана. С установлением власти Британского мандата в Палестине Миссия вошла в подчинение Русской Православной Церкви Заграницей, которая много сделала для сохранения наследия России в Святой Земле. В 1945 году Святую Землю посетил Святейший Патриарх Московский Алексий I, но был принят не везде.

После этого посещения Патриархом Святой Земли, в обители образовалась большая группа «патриарших» сестер. Архимандрит Никодим в своем труде «История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме» так описывает эти события: «Особенно сильная патриаршая группа образовалась в Горнем. Во главе этой группы стоял духовник монастыря иеромонах Исайя. Группа «патриарших» сестер увеличилась еще больше, когда архимандрит Антоний отстранил от управления монастырем всеми уважаемую игумению Тавифу, и назначил на ее место никому неведомую, перед этим только постриженную в монашество Елисавету. Игумения Тавифа была уволена только за то, что угостила чаем приезжавшего в монастырь как туриста, советского консула из Египта.

Ввиду разделения монастыря на две группы архимандрит Антоний запер на замок монастырский храм. Тогда и «патриаршие» сестры и карловчане вынуждены были совершать богослужения в особых келиях. Правда, иеромонах Исайя сначала совершал службы в православном храме деревни Айн-Карема. Затем с благословения Патриарха Тимофея, архиепископ Афинагор выдал иеромонаху Исайе Антиминс и разрешил ему в особой келии служить Литургию.

Чтобы «патриаршие» сестры не были без руководства, по благословению Патриарха Тимофея во главе их была поставлена монахиня Антонина, и возведена в сан игумении» (Каптерев. Н. 1898: 385).

Ситуация существенно изменилась, когда образованное в

1948 году государство Израиль вернуло Московскому Патриархату те храмы и монастыри, которые оказались на его территории. В их числе был и Горненский монастырь.

Игумения Антонина управляла монастырем до самой своей кончины. После нее, настоятельницей была назначена монахиня Афанасия (Лысенкова) с возведением в сан игумении. Она управляла обителью недолго. В мае 1955 года, желая устроить в СССР на учебу послушницу Евангелию - свою приемную дочь, она по своему прошению она была вызвана в Москву. После ее отъезда, в монастыре из-за тяжелого характера отсутствующей игумении, вспыхнул бунт, сделавший ее возвращение невозможным. В этом возмущении приняли участие почти все сестры обители. Игумения Афанасия была освобождена от должности и оставлена в СССР, в Свято-Троицком монастыре г. Риги, а впоследствии переведена в Киев, в Покровский женский монастырь. Настоятельницей Горненского монастыря была назначена игумения Михаила (Корчагина), прибывшая с двумя сестрами в Миссию из Старого Города в 1954 году.

В монастыре постоянно ощущался недостаток личного состава. Большинство монахинь были уже в преклонном возрасте. Чтобы не допустить «вымирания» обители, в 1955 и 1956 годах из монастырей Советского Союза было прислано по несколько монахинь для пополнения числа сестер. Но эти группы были очень малочисленны, кроме того, не все вновь прибывшие сестры переносили перемену климата - некоторым приходилось вскоре возвращаться на Родину.

Архимандрит Никодим, вступив в должность начальника Миссии, просил митрополита Николая о пополнении Горненского монастыря. Новая группа монахинь была набрана, но приезд их задерживался из-за проволочек с оформлением въездных виз. Отец Никодим писал по этому поводу митрополиту Николаю:

«Я подал в Министерство Религий просьбу о содействии в разрешении на приезд священника и диакона из Москвы, и памятную записку в отношении приезда монахинь, т.к. по рекомендации Министерства Религий, Миссия подавала свои ходатайства с соответствующими анкетами, в иммиграционное

бюро Министерства внутренних дел.

В Министерстве Религий я получил ответ, что, несомненно, духовенство получит визы, но для приезда монахинь есть много препятствий, что заставляет сомневаться в положительном решении вопроса, т.к. духовенство приезжает и уезжает, а монахини остаются. Я возразил, что это не так: «из тринадцати монахинь, приехавших из СССР, трое уехали обратно, на их место никто не прибыл. В Горненском монастыре за время, с 1 января 1956 года умерли пять монахинь, на их место никто не принят. В Горненском монастыре больше половины состава имеет возраст около 80 лет. Думаю, что эти монахини не могут считаться полноценными для монастыря. Они только требуют за собой ухода, а для этого там нет людей». Со мной согласились и предложили написать список монахинь, возраст которых более семидесяти лет. Было высказано предположение, что такой список может ускорить разрешение на въезд для новых монахинь. Список был вскоре составлен и подан по назначению. Оказалось таких монахинь 25 человек. В сопроводительном письме я указывал, что задержка приезда пополнения в Горний нарушает нормальную жизнь монастыря» (ГА РФ Ф. 6991, оп. 2. Дело 241: л. 33).

В начале 1958 года пополнение прибыло. Архимандрит Никодим в докладе митрополиту Николаю от 14 марта отчитывался:

«Монахини прибыли благополучно, неделю прожили в Миссии. За это время они посетили все святые места в Иерусалиме, потом уже отправились в Горний, где им была организована хорошая встреча. Сразу чувствуется та помощь, которую оказывают прибывшие. Все они пока на разных послушаниях, только две из них имеют постоянные послушания: монахиня Мария Косьмина стала монастырской портнихой и помощницей ризничей, а инокиня Мария Ступак - помогает на кухне. Некоторые из них чувствуют себя неважно. Очевидно это действие нового климата. Почтительнейше прошу Ваше Высокопреосвященство, в недалеком будущем пополнить монахинями Горненский монастырь. Минимальное число монахинь, до которого необходимо довести состав сестер - это тридцать человек, а в настоящий момент их только 18. Когда

будет набрана новая группа, я просил бы сообщить все необходимые анкетные сведения, т.к. я надеюсь, что через Министерство религий мы сможем ускорить выдачу израильских виз» (ГА РФ Ф. 6991, оп. 2. Дело 241: л. 6-7).

В целом, жизнь монастыря текла по обычному руслу. Почти все вновь прибывшие сестры освоились на новом месте достаточно быстро, и активно включились во все монастырские послушания.

Несмотря на прибывшее пополнение, нехватка сестер по-прежнему была ощутимой. Архимандрит Никодим писал по этому поводу:

«Из прибывших монахинь почти все время болеет инокиня Мария Ступак и инокиня Таисия Кампо. Почтительнейше прошу Ваше Высокопреосвященство ускорить набор следующей партии монахинь для приезда сюда» (ГА РФ Ф. 6991, оп. 2. Дело 241: 8-9).

«Не поправились еще монахиня Гликерия (Вакаров) и инокиня Таисия (Кампо). Инокиня Мария Ступак сейчас направлена на послушание в Яффский сад, и там стала чувствовать себя гораздо лучше. В последнюю неделю началось кровохаркание у монахини Викторины. Есть предположение, что у нее может быть туберкулез. Сейчас она проходит курс лечения и исследования.

Почтительнейше прошу Ваше Высокопреосвященство, если это возможно, ускорить набор новой группы монахинь для присылки их в Иерусалим» (ГА РФ Ф. 6991, оп. 2. Дело 241: 49).

К сожалению, проблема нехватки сестер в Горненском монастыре так и не была разрешена ни при архимандрите Никодиме, ни при его преемниках.

Кроме этого, были и другие моменты, осложнявшие и без того непростую жизнь обители. Летом 1958 года израильским правительством без всякого предупреждения была экспроприирована часть земли Горненского монастыря.

Архимандрит Никодим писал об этом:

«5 июня с.г. израильские рабочие на земле Горненского монастыря начали устройство проволочного забора, которым отчуждается большая площадь земли. Я, узнав об этом, сразу посетил Министерство Религий, где заявил протест против

захвата нашей земли. Оказалось, что к работам приступили на основании закона об экспроприации от 1953 и 1955 гг. Никакой возможности на прекращение работ, и оставление в неприкосновенности наших границ, нет. Израильские власти согласны только на переговоры о компенсации. В ближайшие дни должна состояться встреча с представителями израильской стороны, чтобы выяснить, каковы их взгляды на этот вопрос и возможные детали.

Мнение Посла СССР М. Ф. Бодрова по этому вопросу таково: войти в переговоры с израильскими властями о компенсации, договориться на денежное возмещение нашего ущерба и составить план новых границ. Этот план израильские власти зарегистрируют, чем утвердится наше право владения, т.к. сейчас нет официального оформленного плана этого участка, нет и кушана на владение.

Если Вы, Ваше Высокопреосвященство, не благословляете действовать так, то почтительнейше прошу Вас, в возможно короткий срок сообщить, что предпринимать в данном случае» (ГА РФ Ф. 6991, оп. 2. Дело 241: л. 58-59).

Переговоры с властями были долгими и сложными. В июле архимандрит Никодим пишет в очередном докладе:

«18 июня с.г. я встретился с заведующим экспроприированными землями Министерства финансов г-ном Цафрир по вопросу о возможности компенсации. Кроме Цафрира с израильской стороны в разговоре участвовали главный правительственный оценщик Эльман и из Министерства Религий д-р Кольби. Договорились, что Цафрир составит план с точными границами и площадью экспроприированной земли, и затем будем договариваться о цене на землю. В настоящий момент составляется этот план, и я думаю, что дней через десять переговоры наши закончатся» (ГА РФ Ф. 6991, оп. 2. Дело 241: л. 83).

Эти надежды не оправдались. Переговоры затянулись более чем на полгода, в связи с сильным занижением правительственными оценщиками стоимости экспроприированной земли. Уже после возвращения на Родину архимандрит Никодим докладывал:

«За экспроприированную землю в Горнем сначала давали

13,5 тысяч изр. ф. Я поручил это дело адвокату Варшире и перед самым моим отъездом он сообщил, что за эту землю правительство Израиля согласно заплатить Миссии 28 тысяч изр. ф. Посол СССР в Израиле М.Ф. Бодров советует с этой суммой согласиться. Акт об этом должен совершить о. Никодим (Руснак)» (ГА РФ Ф. 6991, оп. 2. Дело 269: л. 13).

Другим важным вопросом было состояние монастырских зданий и дорог. Серьезного ремонта не было уже много лет, не хватало средств.

В своих докладах о жизни Миссии архимандрит Никодим писал митрополиту Николаю:

«В Горненском монастыре делаем небольшие ремонты во многих зданиях. Все там состарело, много лет не было починок, поэтому понемногу все нужно поправлять.

Там же начали постройку каменной хорошей лестницы от святых ворот до церкви. Эта дорога имеет ужасный вид особенно при сравнении с соседним католическим монастырем. Эта лестница строится нами на средства, оставшиеся после умерших монахинь» (ГА РФ Ф. 6991, оп. 2. Дело 241: л. 31).

«В Горнем идет постройка новой широкой лестницы от св. ворот до храма (на деньги, оставшиеся после умерших монахинь). К Пасхе думаем ее закончить. Кроме того, в Горнем еще произведено расширение и капитальный ремонт кухни» (ГА РФ Ф. 6991, оп. 2. Дело 241: л. 47).

Еще одной важной задачей было проведение в монастырь электричества. 15 августа архимандрит Никодим пишет митрополиту Николаю:

«Почтительнейше прошу Вас преподать благословение на проведение электрического освещения в Горненском монастыре. Необходимость этого очевидна, т.к. электричество имеется во всех домах селения Айн-Карем, около которого расположен наш монастырь, кроме того, в настоящий момент, два католических монастыря, соседние с Горним, проводят себе электричество. Эта проводка, ввиду дороговизны всей линии подводки от селения до монастырей, должна быть сделана коллективно нами и католическими монастырями. Католики уже внесли необходимые средства для начала работ в электрическую компанию. Теперь дело за нами.

Наша Миссия воздерживалась от конкретных шагов в этом вопросе, т.к. ожидали, что около монастыря пройдет линия до следующего израильского населенного пункта, что весьма снизило бы наши затраты.

Проведение этой израильской электролинии мимо нашего монастыря отложено. Теперь мы должны включиться в общий пай с католическими монастырями.

Наш отказ от проведения электричества в Горненский монастырь невыгодно отразится на престиже нашей Русской Духовной Миссии в Иерусалиме» (ГА РФ Ф. 6991, оп. 2. Дело 241: л. 102).

Часть этих вопросов была решена при архимандрите Никодиме, часть при его преемниках, но по-настоящему, жизнь Горненского монастыря нормализовалась только в конце XX века.

ЛИТЕРАТУРА

Каптерев. Н. 1898. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством в текущем столетии (1815-1844). - В сб. Православный Палестинский Сборник, т. 15, вып. 1(43). СПб. 841 с. - [Цит. по: Архим. Никодим (Ротов). 1997. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Серпуховский Высоцкий мужской монастырь].

Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 6991, оп. 2. Дело 241.

Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 6991, оп. 2. Дело 269.

Получена / Received: 15.09.2015
Принята / Accepted: 15.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 965-975

Деятельность епархиального братства св. Михаила, кн. Черниговского, по организации благотворительной помощи, в связи с войной 1914 года

Е.А. Логунова

Негосударственное образовательное учреждение Высшего профессионального образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»
Миссионерский факультет
109651, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
Private educational institution of higher education “Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities”
Missionary faculty
Ilovayskaya str. 9, building 2, Moscow 109651 Russia; e-mail: logunovi@mail.ru

Ключевые слова: братство, Черниговская епархия, Первая мировая война, благотворительность, миссионерская деятельность.
Key words: brotherhood, Chernihiv diocese, first world war, volunteer, missionary activity.
Резюме: В статье рассматривается одна из многих сторон деятельности епархиального черниговского братства, а именно - благотворительная помощь, связанная с военными действиями 1914 и последующих годов, разнообразная по форме и масштабная по размерам. Братство организовало и возглавило всю деятельность епархии в этом направлении, что оказалось возможным благодаря новой структуре реформированного братства и энергии его организатора и руководителя - Черниговского архиепископа Василия (Богоявленского).
Abstract: This article deals with one of the many sides of activity of Diocesan Chernigov fraternity, namely charitable assistance related to military activities and subsequent 1914, diverse in form and scale. The fraternity organized and led all the activities of the diocese in that direction, thanks to the new structure of the reformed brotherhood and energy of its organizer and leader-Chernigov Archbishop Basil (Epiphany).
[**Logunova E.A.** Diocesan activities of the fraternity of St. Michael, kN. Chernigov, on the Organization of charitable aid in connection with the war 1914 year]

В 1914 г. началась война, которую мы называем Первой мировой, а современники называли Великой. Церковь, имеющая многовековой опыт благотворительной деятельности, не осталась в стороне и направила свои силы на организацию помощи пострадавшим от военных действий. В связи с началом войны вышел ряд указов Святейшего Синода. Указом № 6502 от

20 июля 1914 г. предписывалось во всех храмах установить особые кружки для сбора пожертвований в пользу Красного Креста, а также призвать монастыри, церкви и паству к пожертвованиям на организацию госпиталей, их оборудование, обслуживание и содержание. Во всех епархиях открывались лазареты, там же, где не было такой возможности, учреждались койки в больницах Красного Креста. Следующим распоряжением (№ 6503) предписывалось для организации помощи семьям мобилизованных в войска лиц во всех приходах организовывать особые попечительные советы.

В первые же дни войны на заседании совета Черниговского епархиального братства решался вопрос о том, как организовать эту помощь в епархии. В то время Черниговскую кафедру занимал епископ Василий (Богоявленский), впоследствии священномученик. За короткое время управления епархией (6 лет - с 1911 по 1917 гг., причем половина этого срока пришлась на военное время) владыка Василий успел реализовать много различных начинаний, больше, чем несколько его предшественников в совокупности. Конечно, этому способствовала сама бурная эпоха развития Российского государства в 1908-1913 гг. Но эпоха тоже «выбирает» соответствующих людей на свои места. Владыка Василий всегда и на всех должностях действовал целеустремленно и настойчиво, начинал множество дел и доводил их до конца. Благодаря таким его качествам епархия еще до войны успела осуществить ряд инициатив, которые в военное время дали возможность оказывать благотворительную помощь более масштабно.

К моменту начала войны и выходу указа Синода о создании попечительных советов, в епархии уже существовала хорошо организованная сеть приходских братств, представляющая собой единую структуру - епархиальное братство св. Михаила, кн. Черниговского, во главе которого стоял епископ Василий (Богоявленский), который и был инициатором его создания. Сразу же после своего вступления на Черниговскую архиерейскую кафедру в 1911 г. он реорганизовал местное епархиальное миссионерское братство, которое было немногочисленно (около 200 чел.) и занималось в

основном обычной для того времени миссионерской деятельностью среди местных сектантов и старообрядцев. Владыка на основе этой организации создал совершенно новую структуру с гораздо более широкими целями и задачами - уставом нового братства главной целью его существования объявлялась «христианизация» жизни, т.е. научение христиан жить по-христиански. В этом и виделся главный залог успеха миссионерской деятельности. При каждом храме епархии открывалось приходское братство, в которое записывались, кроме причта, все желающие. Приходские братства объединялись в уездные отделения, а последние - в единое епархиальное братство с центром в г. Чернигове, возглавляемое епархиальным советом и руководимое архиереем. Объединившиеся 25,5 тыс. человек составили одно из самых больших в Российской империи братств.

Преимущества такой единой, хорошо организованной системы были для всех очевидны. Первой серьезной проверкой жизнеспособности нового братства стало оказание помощи пострадавшим от неурожая 1911-1912 гг. губерниям. Владыкой Василием было предложено собирать помощь не деньгами, которых всегда мало у крестьян, а сухарями и зерном. Это делало возможным, во-первых, каждому бедняку внести свою лепту, а во-вторых, помощь непосредственно передавать в той форме, какая нужна, в то время как деньги, прежде чем превратиться в хлеб, не всегда попадают по назначению. В течение месяца была организована отправка 72-х вагонов хлеба, весом свыше 70 000 пудов (ок. 1 150 тонн) (Логунова, Тарасенко, 2014: 77). Объем помощи внушительный, и это собрано в небогатой по своим природным и промышленным ресурсам губернии. За этими цифрами стоит огромный труд - ведь нужно было собрать этот хлеб, доставить его в пункты сбора при железнодорожных станциях, организовать учет и хранение, затем погрузку в вагоны и отправку в нуждающиеся губернии. Приходские братства учились составлять строгую отчетность о своей деятельности и о тех суммах и средствах, которые поступали в их распоряжение. Таким образом, в Черниговской епархии не было необходимости в связи с началом войны создавать сеть попечительных советов, и ввиду

срочности дела все обязанности этих советов были возложены на приходские братства (Вера и жизнь, 1914: 477-481).

Обсуждался на собрании братства и вопрос об устройстве епархиального госпиталя для раненых и больных воинов. Вначале было решено открыть в г. Чернигове лазарет на 10 кроватей и поместить его временно при больнице семинарии. Как и для всех направлений деятельности братства, был учрежден особый комитет, в ведении которого состоял лазарет. Он должен был содержаться на пожертвования и на проценты с жалования (2%, 3% и 5% в зависимости от размера жалования) духовенства и служащих Ведомства православного исповедания.

Одного епархиального госпиталя на 10 мест было, конечно, мало. Хорошо бы его деятельность расширить на всю епархию, - говорил вл. Василий, все предприятия которого отличались размахом и основательностью. Нужно, чтобы каждое уездное отделение братства открыло свой лазарет. Тогда можно было бы открыть в епархии 16 лазаретов (15 по числу уездов и один центральный в губернском городе) из расчета приблизительно 10 кроватей от уезда. В этом случае помощь смогут получить сразу 160 воинов. В уездах губернии открылись 7 лазаретов. Из тех уездов, где лазаретов не было, добровольные ежемесячные отчисления на нужды госпиталей шли в консисторию. Владыка Василий предложил объединить все уездные лазареты и разместить их в бывшем графском дворце в селе Ляличи, Суражского уезда, расположенном среди садов и соснового парка с большим озером.

Дворец в Ляличах был тоже заблаговременно, до войны, 31.05.1914 г., приобретен епархией в ознаменование 300-летия Дома Романовых. Памятник архитектуры времен Екатерины II к началу XX в. находился в запустении. Средства на покупку были собраны братством св. Михаила, кн. Черниговского. Во дворце предполагалось открыть высший женский педагогический институт, но пока шла подготовка к его открытию, отремонтированные помещения пригодились для организации госпиталя и других епархиальных нужд. 1 октября 1914 г. епископ Василий в очищенных от мусора комнатах дворца освятил первое из помещений соединенного лазарета на

50 кроватей (Вера и жизнь, 1914: 7). А 20 октября в Ляличи прибыли первые 47 человек раненых (Вера и жизнь, 1914: 106).

11 февраля 1915 г. епископ Василий на заседании совета братства предлагает следующий проект: открыть своеобразный памятник Великой войне - постоянный лазарет им. Цесаревича Алексия «на вечные времена», а для этого приобрести в собственность епархии и летний дворец, расположенный недалеко от зимнего, что и было вскоре сделано. 6 мая 1915 г. состоялось открытие лазарета в Ляличах на 100 мест, который объединил в себе лазареты уездные и семинарский. Всего по март 1917 г. на центральный лазарет было собрано 144500 руб. (Логунова, Тарасенко, 2014: 71). При епархиальном лазарете летом организовывались лекции по сельскому хозяйству (полеводству, садоводству, огородничеству, пчеловодству, рыбоводству), а также практические занятия по столярному и токарному ремеслу, плетению корзин из лозы и других, доступных и полезных крестьянину знаний, чтобы дать возможность заработка солдатам, потерявшим на войне способность к тяжелому труду (Вера и жизнь, 1915: 99). Приходские братства сел, находящихся на пути следования раненых в Ляличи, устраивали для них горячие завтраки и снаряжали подводы для их перевозки. С собранными предметами первой необходимости и продуктами братчики встречали на вокзалах санитарные поезда (Жизнь и деятельность Братства св. Михаила, князя Черниговского, в 1914 г.: 134).

В 1915/16 учебном году по причине значительного увеличения количества раненых все большее число зданий духовных учебных заведений отводилось под госпитали. К концу октября 1915 г. для военных нужд были заняты полностью здания 32-х семинарий из 57-и, в том числе Черниговской. Многие семинарии вынуждены были ютиться в нескольких комнатах, мало приспособленных для классных занятий, приходилось заниматься в несколько смен и по сокращенной программе. Благодаря тому, что у епархии был дворец в Ляличах, оказалось возможным спасти учебный год, переведя туда классы Черниговской семинарии и Стародубского духовного училища.

Ученицы епархиальных женских училищ были привлечены к изготовлению необходимого для лазарета белья. Все желающие могли работать в мастерской, открытой в епархиальном доме в Чернигове. Здесь братством было организовано изготовление более 40 000 теплых жилетов для воинов по специальным выкройкам. В жилеты вкладывались разные вещи: брошюры, чай, сахар, табак, конверты, мыло и пр.; шили и мешки для военных целей (Вера и жизнь, 1915: 91).

Братством было налажено снабжение войск действующей армии духовной пищей - иконами, брошюрами и листками религиозно-нравственного характера, которых отпечатали свыше 70000 экземпляров (Логунова, Тарасенко, 2014: 375). Это оказалось возможным потому, что по инициативе епископа Василия еще до войны в Чернигове была возобновлена епархиальная типография, открытая при свт. Филарете (Гумилевском), а после его смерти пришедшая в упадок и закрытая. Осознавая острую необходимость иметь собственный печатный станок, в 1913 г. очередной общеепархиальный съезд постановил признать открытие типографии своевременным. Первоклассное оборудование для типографии заказали у фирмы, поставлявшей свои машины столичным типографиям - государственной, министерства внутренних дел и синодальной. Незадолго до войны, 9 апреля 1914 г., епархиальная типография в Чернигове открылась (Вера и жизнь, 1914: 77-87).

С началом войны совет братства обратился с особым воззванием ко всему населению Черниговской епархии об оказании помощи семьям воинов. 10500 отпечатанных экземпляров воззвания были разосланы во все приходские братства (Жизнь и деятельность Братства св. Михаила, князя Черниговского, в 1914 г.: 8). До конца 1914 г., т.е. за 5 месяцев войны обследовано положение 48250 семейств, члены которых ушли на войну (Жизнь и деятельность Братства св. Михаила, князя Черниговского, в 1914 г.: 128). Была организована приходская братская помощь (денежная, продуктами и трудом) таким семьям. Общая сумма этой помощи с начала войны по ноябрь 1916 года составила 1254093 рубля 64 коп. Желая создать полную картину деятельности епархии и отдельных приходов во время войны, совет братства разослал во все

приходы опросные бланки следующей формы (Черниговский церковно-общественный вестник. 1917. № 10: 2):

Опросный лист

1. Сколько из прихожан умерло на поле брани?
2. Сколько в приходе военных вдов и сирот?
3. Сколько из прихожан вернулись инвалидами?
4. Как и где устраиваются приходские инвалиды?
5. Сколько в приходе живых и умерших Георгиевских кавалеров?
6. За какие подвиги прихожане удостоены военной награды?
7. Нет ли в приходе рассказов о явной помощи Божией на войне?
8. Какие о ком идут вести из плена?
9. Отношение прихода к жертвам войны (инвалидам, больным, раненым воинам)?
10. Отношение прихода к вдовам и сиротам?
11. В чем и как выразилась помощь прихода участникам войны и их семьям в сельскохозяйственном быту?
12. В чем выразилось участие прихода в борьбе с ненормальностями экономического быта, расстроенного войной?
13. Являлись ли в приходе на полевые работы дружины учащейся молодежи?
14. Есть ли в приходе кооператив, если есть,- в чем сказалось его значение во время войны?
15. Нет ли в приходе каких-либо вещественных памятников войны?
16. Сведения о приходской деятельности во время войны, не вошедшие в предыдущие рубрики.

Для организации помощи инвалидам и сиротам воинов братство приняло постановление - никого не принуждая и не обязывая, предложить приходским братствам, не пожелает ли каждое из них взять на себя заботу о хотя бы одном из таких раненых или сирот (а приходских братств было 1050). Если же члены братства не найдут для них приюта, то они могут организовать постоянный сбор на их содержание в общеепархиальном приюте в Ляличском дворце. С 1 октября

1915 г. в Ляличском дворце и при Васильевском женском епархиальном училище были открыты земледельческие приюты для детей-сирот, на 20 человек каждый, в соответствии с Высочайшим указом. В приюты принимались преимущественно круглые сироты без различия исповедания и национальности в возрасте 7-9 лет (Вера и жизнь, 1916: 372).

8 апреля 1915 г. вышел указ Святейшего Синода № 2585 об устройстве в приходах яслей для детей лиц, взятых на фронт. Летом, когда рабочий день взрослых членов семьи длился до 16 часов, остро стояла проблема присмотра за малолетними детьми. В епархии при многих приходских братствах учреждаются ясли на время летних сельхозработ. Всего в пределах епархии в 1915 году в летние месяцы функционировали 51 ясли (Вера и жизнь, 1916: 63-67).

В конце июля 1915 г. в Чернигов стали прибывать тысячи беженцев из Галичины, Буковины, Польши. Для координации деятельности был образован особый комитет для попечения о беженцах. Для них был организован сбор деньгами, продовольствием и бельем, открыта столовая, в которой ежедневно кормили 500 чел. Часть беженцев расселили в двух братских страннолриимных домах на 800 человек, в которых раньше принимали богомольцев.

Осенью 1915 г. в Чернигов прибыло около 10000 беженцев. На окраине города возник огромный лагерь, размером с Чернигов. Соответственно увеличилась нагрузка на священников и причт церквей, вынужденных нести пастырское служение среди тысяч морально страдающих людей. В дни прибытия и убытия беженцев священники по очереди выезжали на железнодорожный вокзал со Святыми Дарами для напутствия больных и умирающих, совершали всенощные бдения и молебны в бараках. Братство оказывало пособия беженцам деньгами и вещами, помогало в поисках работы, устраивало детей в учебные заведения и др. (Вера и жизнь, 1915: 131). Особое внимание уделялось беженцам духовного звания: им предоставлялись бесплатные квартиры, подыскивалась служба. После отъезда лагеря остались самые бедные, 235 чел., которых епархиальный совет взял на свое попечение и поселил в одном из своих странноприимных домов. Всего в епархии

израсходовано на нужды беженцев в одном только 1915 г. 126107 руб. 53 коп. (Вера и жизнь, 1915: 93-97).

Для жителей местностей, пострадавших от войны, был организован сбор продуктов. Действовали специальные комитеты для сбора; в каждом уезде были определены пункты вблизи железнодорожных станций и устроены склады для приема и хранения пожертвованного. С этих пунктов в указанное епархиальным советом время собранное грузилось в вагоны для отправления по назначению. Уже к концу 1914 г. было собрано свыше 7 000 пудов (ок. 115 тонн) разных продуктов. А к концу 1915 г. количество собранных в пределах епархии сухарей, ржаной муки, круп, сушеных плодов, свиного сала, ржи, овса, ячменя, гречихи, проса, фасоли, постного масла, чая, сахара, соли, гречневой муки составило 20583 пуда 8 фунтов, т.е. свыше 337 тонн продуктов. Кроме продуктов, помощь отсылалась бельем и наличными деньгами, всего на сумму 79187 руб. 81 коп. (Логунова, Тарасенко, 2014: 266).

Был организован сбор пожертвований в пользу склада императрицы Александры Федоровны, отправлено 825 посылок разных вещей, на сумму 5753 руб., и в ответ получена благодарственная телеграмма от великой княгини Елизаветы Федоровны: «Осведомившись о поступлении в склад Ея Величества через Ваше Преосвященство пожертвований от братства св. Михаила, кн. Черниговского, прошу принять и передать членам братства мою искреннюю благодарность. Елизавета» (Вера и жизнь, 1916: 140).

Весной 1917 г., после Февральской революции, в Чернигов была послана синодальная ревизия, с целью найти основания для отставки архиепископа Черниговского Василия (Богоявленского). Однако ревизор вынужден был свидетельствовать об успешности многочисленных начинаний владыки Василия и о размахе деятельности местного епархиального братства. О внушительных размерах помощи епархии фронту и пострадавшим от военных действий говорится в рапорте ревизора, доктора церковной истории С.Г. Рункевича: «В 1915 г. приходскими братствами оказана помощь семьям запасных на 121000 руб., послано в армию предметами и деньгами на 69000, собрано беженцам 47000,

послано в Галицию и Буковину 79000. Кроме того, при посредстве братств епархия, по центральному счету, собрала пожертвований на 479000 руб. - за тот же один 1915 год - и устроила странноприимный дом в Чернигове на 800 душ. По печатной ведомости по ноябрь 1916 года оказано пособий семьям запасных церковными организациями на 1254093 рубля 64 коп.» (Логунова, Тарасенко, 2014: 77-78).

Подводя итог этой стороны деятельности братства, можно сказать, что формы благотворительной помощи в епархии в период Великой войны были разнообразны: это организация госпиталей для помощи раненым, организация обучения выздоравливающих солдат сельскому хозяйству и ремеслам, помощь семьям воинов, помощь эвакуированным и жителям местностей, пострадавших от войны, открытие детских приютов и яслей, духовная поддержка армии. Масштабы же этой деятельности были довольно внушительны. Епархия оказалась готова к таким нагрузкам благодаря активной и целеустремленной работе в мирное время. Приобретение обширного дворца, открытие типографии, и, главное,- организация разветвленной сети приходских братств, объединенных в одно центральное братство, позволило епархии развить обширную благотворительную деятельность во время Великой войны. О провинциальном братстве писали центральные газеты и в отчете обер-прокурора Святейшего Синода за 1914 г., представленном высочайшему вниманию, деятельности Черниговского братства уделено преимущественное внимание ((Вера и жизнь, 1916: 2). И, конечно, на всей этой деятельности, как и на всей жизни епархии в предреволюционное время, лежала печать личности епархиального владыки. Архиепископ Василий, очевидно, был не из тех, кто живет по пословице: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Поэтому, когда гром грянул, епархия смогла встретить трудные времена достойно.

ЛИТЕРАТУРА

Братство св. Михаила и его деятельность по всеподданнейшему отчету г. обер-прокурора. - Вера и жизнь. 1914. № 17-18, № 21; 1916. № 23-24.(Часть неофициальная).

Высокая благодарность Братству св. Михаила. - Вера и жизнь. 1916. № 11-12. (Часть неофициальная).
Жизнь и деятельность Братства св. Михаила, князя Черниговского, в 1914 г. Чернигов, 1915.
Жизнь и деятельность Братства св. Михаила, кн. Черниговского, в 1915 г. - Вера и жизнь. 1916. № 13-18. (Часть неофициальная).
Журнал совета епархиального Братства св. Михаила, кн. Черниговского, от 06.08.1914 г. - Вера и жизнь. 1914. № 16. (Часть официальная).
Из жизни Братства. - Вера и жизнь. 1915. № 7; № 17-18. (Часть неофициальная).
От епархиального совета Братства. - Вера и жизнь. 1916. № 15-18. (Часть официальная).
С.С. Восстановление в Чернигове древней епархиальной типографии. - Вера и жизнь. 1914. № 8-9. (Часть неофициальная).
Священномученик Василий (Богоявленский), архиепископ Черниговский и Нежинский: Материалы к жизнеописанию. Сост. и авт. вступ. ст. Е.А. Логунова и А.Ф. Тарасенко. М., 2014.

Получена / Received: 11.10.2015
Принята / Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 976-986

Братство св. Михаила, князя Черниговского, и епархиальное управление в 1911-1917 гг.

Е.А. Логунова

Негосударственное образовательное учреждение Высшего профессионального образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»
Миссионерский факультет
109651, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
Private educational institution of higher education "Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities"
Missionary faculty
Ilovayskaya str. 9, building 2, Moscow 109651 Russia; e-mail: logunovi@mail.ru

Ключевые слова: братство, Черниговская епархия, епархиальное управление, приходской вопрос.
Key words: brotherhood, the Chernigov diocese, diocesan administration, parish question.
Резюме: В статье в общих чертах рассматривается структура и проблемы епархиального управления в конце XIX - начале XX в. В Черниговской епархии было создано братство, распространившее свою деятельность на всю епархию. Архиепископ Василий (Богоявленский), предприняв реструктуризацию старого миссионерского братства, осуществил в пределах своей епархии модель решения такого злободневного вопроса, как приходской. Братство, включившее в себя процент наиболее активных христиан епархии, осуществляло целенаправленную, активную, многостороннюю и плодотворную деятельность. Границы братства совпадали с границами епархии, и оно стало де-факто важной епархиальной структурой.
Abstract: In this article outline describes the structure and problems of the Diocesan Administration in the late 19th and early 20th centuries in Chernihiv diocese was created, disseminated the fraternity its activities for the whole diocese. Archbishop Basil (Epiphany), through the restructuring of the old missionary fraternity took place within his diocese model for solving such a topical issue as the parish. The brotherhood, which has included himself in the percentage of most active Christians diocese implemented a focused, proactive, multi-faceted and fruitful activities. Border brotherhood coincided with the boundaries of the diocese, and it became a de facto an important Diocesan structure.
[Logunova E.A. Brotherhood of St. Michael, prince Chernigov, and diocesan administration in 1911-1917**]**

Всеми ощущаемый кризис церковной жизни в начале XX века активно обсуждался в обществе и в прессе. Большинство было согласно с тем, что главной задачей, решение которой

позволит преодолеть этот кризис, является восстановление соборности, понимание которой лежало в русле развития русской религиозно-философской мысли XIX - нач. XX в. Говорилось о том, что соборность как «общение в братстве и любви», как «единство во множестве», должна осуществляться на всех уровнях церковной жизни: приходском - епархиальном - общецерковном. Как выразился один из авторов того времени: «начало соборное должно проходить через все церковное строение от основания его - прихода и до самых вершин» (Савва, 2011: 191). Однако не удавалось достичь согласия в спорах ни о приходе, ни тем более о таком сложном понятии, как соборность, и о том, как она должна быть институционально оформлена. Как объединить разрозненные сословные группы в единое целое, в то, что называется Телом Христовым?

Епархиальное управление в нач. XX в. состояло из следующих основных структурных единиц: епископ - консистория - благочиния - приходы. На епархиальном уровне отсутствие единства ощущалось в том, что епископ часто был далек не только от мирян, но даже и от своего клира. Этому были и объективные причины. Частые перемещения с кафедры на кафедру, сложность управления огромными по территории и населению епархиями, централизация всех, даже незначительных, дел в епархии и связанная с этим формализация и бюрократизация делопроизводства делали почти невозможным для епископа близко узнать свою паству. Основные вопросы, которые обсуждались в связи с этим: единолично ли епископ должен управлять епархией? Где проходит граница епископской власти? Другие епархиальные органы должны быть лишь совещательными при епископе или же могут обладать определенной самостоятельностью, и если да, то в каких пределах?

Консистория (канцелярия, в которой велись все епархиальные дела) была во многом параллельной властью при епископе. Секретарь консистории, чиновник, был своего рода епархиальным обер-прокурором. Он напрямую зависел от обер-прокурора Синода и был ему подотчетен. Бюрократичность системы управления консисторией превращало живое общение в бумажное, часто формальное, вело к всевластию консисторий.

В некоторых епархиях епископы предоставляли консисториям вести дела, что могло служить источником злоупотреблений, как это и было в Черниговской епархии до 1911 г., года, в котором кафедру возглавил епископ Василий (Богоявленский). Вот выдержка из жалобы в Святейший Синод духовенства епархии: «В консистории правды и правосудия нет: все берут взятки, от члена и столоначальника до писца последнего. За получение даже должности благочинного установили таксу 300 рублей, за награды тоже, но гораздо меньше. Особенно бессовестно берет столоначальник Мишин за судопроизводство. Если не дают ему взятки, то дела держит без рассмотрения более 5 лет. Взятки берет: за правое дело пустое - 10 руб., за серьезное - 25 и 50 руб., а где нужно совестью покривить, то там уже по уговору до 100 р. и это уже дело обделывается на дому у него. Дел у него теперь втрое более чем у его предшественника, а это потому, то он назначает следствие за всякую пустую жалобу, так как это доставляет ему дохода более чем от жалованья, ему даже завидуют в этом другие консисторцы. Благочинные все (особенно Яценко) обирают окончательно церкви и духовенство и потому живут магнатами. Вот причины, почему религия падает в народе в Черниговской епархии и почему всегда есть свободных священнических мест до 80, хотя и очень доходных. Смиреннейше просим Святейший Синод обратить внимание на все это для пользы Святой Православной церкви» (РГИА, Ф. 796. Оп. 190, ч. 1. I отд., 2[а] ст. Д. 29: 1-1 об.). Замкнутость учреждения, отсутствие гласности вело к соблазну произвола. Исследователи отмечают, что консистория в конце XIX - нач. XX вв. выходила далеко за рамки совещательного органа и двигалась в направлении ограничения власти архиерея в епархии и контроля над его действиями, и, по сути, осуществляла церковно-государственную политику на местах (Тарасенко, 2014: 85).

Благочинный был представителем епархиальной власти в округе, включавшем от 10 до 30 приходов. Благочиннические съезды и советы собирались не везде, в зависимости от воли архиерея, и носили совещательный характер. В Черниговской епархии благочиний в начале XX в. было 66 и их деятельность регламентировалась инструкцией, обязательной для всех

епархий.

Если участие духовенства в решении некоторых общеепархиальных вопросов все же было возможно через, например, возникшие в середине XIX в. епархиальные съезды, то миряне вовсе не были включены в систему епархиального управления. Какова должна быть доля вовлеченности мирян в жизнь прихода и епархии, область их самостоятельности и ответственности? Все согласны были с тем, что оживления церковной жизни невозможно достичь только реформами сверху, без оживления приходской жизни, и приходской вопрос был одним из самых обсуждаемых.

Со времени реформ 60-х гг. XIX в. появились дополнительные структурные подразделения в системе епархиального управления, такие как приходские попечительства и советы, съезды епархиального духовенства и братства. Приходские попечительства ограничивались нуждами отдельного прихода и их существование, и деятельность зависели от настоятеля. Епархиальные съезды предоставляли духовенству возможность участия в общеепархиальных делах. Это были сословные собрания, решавшие вопросы как материального обеспечения служащих ведомства православного исповедания и членов их семей (эмеритальные кассы, попечительства о бедных духовного звания и пр.), так и пастырские вопросы. Но постановка съездов, область их компетенции, эффективность их работы целиком зависела от правящего архиерея, его отношения к самодеятельности духовенства. Братства, возникшие первоначально лишь с миссионерскими и просветительскими целями, с течением времени стали полноценными многофункциональными епархиальными организациями.

Авторы, писавшие на тему епархиального управления (прот. Александр Михайлович Иванцов-Платонов, проф. церковного права МДА Николай Александрович Заозерский, проф. КазДА, канонист Илья Степанович Бердников и др.), при различиях во взглядах единодушно отмечали канцелярщину, замкнутость и внешнюю официальную субординацию вместо живого общения. В отсутствии такого общения они и видели главную проблему епархиального управления. А.М. Иванцов-

Платонов определял соборность как живое общение: «Епископская власть тогда только получит у нас свое настоящее значение, когда станет в близкое и живое отношение не только со всеми низшими подчиненными органами епархиальной администрации, но и со всей паствой», так чтобы эта власть «могла быть живым и деятельным органом церковной жизни» (Савва, 2011: 35). Выход, - писал А.Н. Заозерский, - в призвании к жизни полусонных, апатично живущих сил Церкви, прежде всего - через возрождение прихода, затем - посредством связи между приходами в «обширнейшее общество - епархиальное с центральным пунктом - епархиальным архиереем» (Савва, 2011: 43). В основу церковной реформы должно быть положено начало соборности, т.е. желание привлечь к делу церковному все общество верующих. Значительная часть епископов (в «Отзывах епархиальных архиереев») стремилась привлечь клир и мирян хотя бы к совещательному активному участию в управлении епархией, когда, при сохранении полноты высшей власти епископа, клиру и мирянам предоставлялись бы полномочия по управлению теми или иными аспектами епархиальной жизни (Савва, 2011: 85).

Эти темы обсуждались в «Отзывах», в прессе, в Предсоборных Присутствии и Совещании, но каких-либо заметных изменений сделано не было. В частности, в проекте, выработанном к середине 1914 г., совсем не была отражена идея о необходимости приобщения клира и мирян к управлению епархией на хотя бы совещательных началах; о епархиальных и пастырских собраниях сказано лишь несколько слов, причем об их обязательности и периодичности нет и речи (Савва, 2011: 234). Таков в самом общем виде был круг проблем, касающихся епархиального управления и привлечения к нему клириков и мирян хоть в какой-то форме.

В 1911-1917 гг. Черниговскую кафедру занимал епископ Василий (Богоявленский), отличавшийся очень деятельным характером и способностью доводить свои начинания до конца. В течение 6 лет, половина из которых пришлась на военное время, он успел осуществить множество проектов, больше, чем несколько его предшественников в совокупности. Красной нитью через всю его деятельность проходила идея объединения

всех православных христиан губернии, как клириков, так и мирян, в деятельном служении Церкви. С этой целью он реорганизовал существовавшее с 1888 г. скромное епархиальное миссионерское братство Михаила, кн. Черниговского, создав организацию, которая оказалась эффективным помощником своему архипастырю в деле, как говорили тогда, «возрождения христианской жизни».

Совет епархиального братства состоял из председателя и его товарища, назначаемых епископом на три года, и 8 членов, 4 из которых назначались, а 4 избирались на общем собрании братства. В заседаниях совета епархиального братства мог участвовать каждый член братства с правом совещательного голоса (Черниговские епархиальные известия, 1911: 622-632). Братство, объединившее свыше 25,5 тыс. человек, было одним из самых больших, если не самое большое, в Российской Церкви.

Из состава совета братства были выделены, образованы и действовали особые комитеты, с определенным кругом задач и деятельности, а именно: редакционный комитет, ведавший изданием религиозно-философского журнала «Вера и жизнь», а с 1914 г. и ежедневной газеты «Черниговский церковно-общественный вестник»; комитет по устройству научных чтений, впоследствии преобразованный в религиозно-философское общество; по устройству народных чтений; по распространению изданий братства и заведыванию книжным складом; по заведыванию братской библиотекой и читальней; церковно-археологический комитет при епархиальном древлехранилище; комитет по заведыванию складом церковной утвари; по заведыванию похоронной конторой; по приюту богомольцев; по наблюдению за церковной иконописью; по заведыванию обществами трезвости, которые открывались при каждом приходском братстве; по заведыванию практической школой детского сельскохозяйственного труда; по обеспечению церквей восковыми свечами и развитию пчеловодства (Жизнь и деятельность Братства св. Михаила, кн. Черниговского, в 1914 г. Чернигов, 1915: 34) (к делу снабжения епархиального свечного завода воском из частных пасек были привлечены все приходы епархии в лице приходских братств); по заведыванию

братскими хорами; для заведывания общеепархиальным госпиталем, открытым во время войны для больных и раненых воинов, и женский комитет. Эти комитеты организовывали многостороннюю деятельность братства по направлениям и координировали соответствующую деятельность приходских братств, устанавливая между ними так необходимые «объединение и связь». Председатели этих 16-ти комитетов входили в епархиальный совет братства.

Таким образом, в организации братства сочетались административное и выборное начала. Анализируя структуру новообразованного братства, мы видим также, что главным является епархиальное братство, а приходские рассматриваются как его части. В связи с этим уместно вспомнить, что в широко обсуждаемом в то время вопросе реформирования прихода сложилось два основных направления, которые могут быть обозначены как либеральное и консервативное. Что считать основной единицей церковного устройства - приход или епископию? Представители первого (Александр Александрович Папков и др.) предлагали считать основной единицей церковной структуры приход и выступали за «реформу снизу» - коллегиальное управление приходом на основе начал организации местного самоуправления, наделение прихода правами юридического лица, право прихожан избирать священника. Один из главных представителей второго направления, проф. КазДА, канонист Илья Степанович Бердников, участвовавший также в 1907 г. в Особом Совещании по вопросу о церковном приходе, в своем «Сепаратном проекте положения о православном русском приходе» утверждал, что «в церковно-правительственном смысле приход не может быть особой юридической единицей, приход есть часть епископии, которая и может считаться основной единицей церковного устройства и управления» (Журавский, Бердников, 2002: 637). Приход есть лишь часть целой паствы (епископии), которая и должна иметь значение ячейки в церковном организме, он лишь территориально отграниченная часть паствы епископа. «Приход всегда есть часть паствы епископа, доверенная от епископа пресвитеру, как его помощнику»,- утверждал проф. И.С. Бердников (Михайлов, 2005.). В черниговской епархиальной

прессе братство сравнивалось с древним приходом. Как там вся полнота власти принадлежала епископу, так и в братстве вся полнота власти руководящая, контролирующая и утверждающая находится в руках одного лица: «Выражаясь древним языком, епископ сидит на первом месте, без воли его ничто не может быть совершено, и в этом смысле не только город, но и вся епархия считается одним приходом епископа» (Сокольский, 1915: 9).

Принципиальной также была установка, какой приход нужно реформировать, возрождать. Проф. И.С. Бердников придерживался точки зрения, что кардинально изменять сущность любого общественного института можно только после полного исчерпания эффективности его прежних форм. Признавая кризис прихода, он, однако, считал его не тотальным и выступал лишь за интенсификацию церковно-общественной жизни исключительно внутриприходскими методами (активизация пастырской деятельности, улучшение работы братств и др.). В качестве средства он предлагал «начать оживление пастырства… без предварительной ломки внешних порядков церковной жизни», т.е. он предлагал начать дело с обновления прихода снизу, путем практических малых дел, считая, что «обобщение деятельности, организация придет после как плод практики» (Михайлов, 2005).

Очевидно, черниговский епископ Василий (Богоявленский) придерживался именно такого взгляда на этот злободневный вопрос. Отсюда становятся понятны нападки на него в некоторых центральных либеральных газетах («Биржевые ведомости», «Речь» и др.), где, несмотря на его активнейшую деятельность по возрождению приходской жизни в своей епархии, он именовался противником приходской реформы. Однако были и другие мнения. Орган Святейшего Синода «Приходской листок» (№ 50 от 20 февраля 1915 г.) замечает, что «в строе современного прихода не оказалось ничего такого, что воспрепятствовало бы преосвященному Василию приступить к обновлению приходской жизни». И далее: «Организованные преосвященным Черниговским братства основаны на понятии обязанности. Братства налагают и принимают на себя известные обязанности и стремятся к их выполнению. Между тем многие

сочинители законопроектов о приходе выходят из понятия права и на разные лады желают определять права прихожан, но они забывают, что приход есть такое учреждение, которое в целом зиждется именно на понятии наших обязанностей к Богу, будут ли то обязанности клира или обязанности мирян. Приход есть учреждение в Церкви, основанное, как и Церковь, на отношении всех верующих и «призванных» в Церкви ко Христу, как Её Главе. Отсюда ясно, что вопрос о возрождении христианской жизни в приходе, «а не прихода», может быть решаем не в сфере права, а в религиозно-нравственной области исполнения христианских обязанностей, и средствами возрождения могут быть только такие средства, какие служат внутреннему возрождению людей» (Сокольский, 1915: 7).

Владыка Василий считал, что возрождать нужно не приход, а жизнь в приходе.

Результаты деятельности реорганизованного братства были внушительны. Это помощь голодающим в 1912 г., когда были налажены сбор, хранение и доставка более чем 70 вагонов хлеба и других продуктов в пострадавшие от засухи губернии; открытие 2-го епархиального женского училища, нужда в котором давно ощущалась в епархии; покупка и ремонт дворца, памятника архитектуры Екатерининской эпохи, и подготовка к открытию в нем высшего женского педагогического института, аналогов которому в Ведомстве православного исповедания в то время не было; широкомасштабная помощь фронту и беженцам во время войны 1914 г. и множество других.

Созданием такого братства преследовалось сразу несколько целей:

Во-первых, было создано миссионерско-просветительское братство, которое в своей деятельности объединяло все основные направления действий церковных братств: церковно-устроительное, просветительское, благотворительное и миссионерское.

Во-вторых, это была модель решения приходского вопроса, т.к. братство ставило перед собой цель организовать жизнь православного населения епархии во всех ее проявлениях, пробудить и оформить активность мирян в деле служения Церкви и ближним. Так, в одной из центральных газет

автор описания деятельности черниговского братства назвал его «обновленным приходом» и отметил тот факт, что пока приходской проект странствует из одной канцелярии в другую, черниговский епископ Василий нашел возможность и без этого проекта обновить приходскую жизнь и привлечь прихожан к сотрудничеству с духовенством (Новое Время, 1915: № 13982). Таким образом, в Черниговской епархии в 10-х гг. XX в. вся приходская самодеятельность была объединена и возглавлена единым епархиальным братством под руководством архиерея и представляла собой хорошо организованную систему с большими возможностями.

В-третьих, созданием братства, совпадающего в своих границах с границами епархии, осуществлялась попытка решить проблему управления огромной епархии. Конечно, официально братство не входило в структуру управления, но вл. Василий максимально использовал все возможности, предоставляемые в рамках церковного законодательства того времени. Не только духовенство, но и миряне получили возможность ответственного участия в решении, в том числе и общеепархиальных вопросов.

Братство св. Михаила, кн. Черниговского, оказалось если не уникальным в собственном значении этого слова, то, по крайней мере, единичным явлением в церковной жизни Российской Церкви, вызвавшим значительный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

Богоявленский В., свящ. 1902. Епархиальные съезды духовенства, их деятельность и значение. - Приложение к Омским Епархиальным Ведомостям. Омск.

Братство св. Михаила, кн. Черниговского, и его деятельность по всеподданнейшему отчету г. обер-прокурора за 1914 г. - Вера и жизнь. 1916. № 23-24.

Буткевич Т.И., прот. 1906. Доклад о необходимости учреждения Всероссийского православного религиозно-просветительного и благотворительного братства. - Прибавления к Церковным ведомостям. № 22.

Епархиальное управление. - Черниговское слово. 1913. № 1855.

Жизнь и деятельность Братства св. Михаила, кн. Черниговского, в 1914 г. Чернигов. 1915.

Журавский А.В., Бердников И.С. 2002. Православная энциклопедия. Т. IV.

Москва.
Журнал Совета Епархиального Братства св. Михаила, кн. Черниговского. - Вера и жизнь. 1912. № 3. (Часть официальная).
Логунова Е.А. 2012. Роль Черниговского епархиального миссионерского Братства в жизни епархии в 10-х гг. XX в. при архиеп. сщмч. Василии (Богоявленском). - XXII ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы. М., Т. 2.
Мельницкий Г., свящ. 1916. К вопросу об устройстве православного прихода. - Вера и жизнь. № 7-8. (Часть неофициальная).
Михайлов А.Ю. 2005. Дискуссия о реформе православного прихода в начале XX в.: альтернативный проект И.С. Бердникова. - Макарьевские чтения. Материалы IV международной конференции (21-22 ноября 2005 г.). Отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. [Электронный ресурс]. - URL: http://e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2005/index.html.
Общее годичное собрание членов Братства св. Михаила, кн. Черниговского. - Черниговские епархиальные известия. 1911. № 23. (Часть неофициальная).
Общее годичное собрание членов Братства св. Михаила, кн. Черниговского. - Вера и жизнь. 1914. № 5.
Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 190, ч. 1. I отд., 2[а] ст. Д. 29.
Священномученик Василий (Богоявленский), архиепископ Черниговский и Нежинский: Материалы к жизнеописанию / Сост. и авт. вступ. ст. Е.А. Логунова и А.Ф. Тарасенко. М., 2014.
Савва (Тутунов), иг. 2011. Епархиальные реформы. Москва.
С[видете]ль. 1917. Быть или не быть архиепископу Василию в Черниговской епархии. - Черниговское слово. № 2979.
Смолич И.К. 1997. История Русской Церкви. 1700-1917: ч. 2. Москва.
Сокольский В., прот. 1915. Братство св. Михаила, кн. Черниговского, и древний приход. - Вера и жизнь. № 4.
Тарасенко О.Ф. 2014. Чернігівська духовна дікастерія / консисторія у структурі єпархіального управління (1802-1917 рр.). - Сіверянський літопис. № 1-3.
Устав Братства св. Михаила, кн. Черниговского. - Черниговские епархиальные известия. 1911. № 22.

Получена / Received: 11.10.2015
Принята / Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 987-993

Ислам в Российской империи

А.Д. Редкозубов

Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами
115093, г. Москва, ул. Большая Серпуховская, 24
Synodal Department for Relations with the Armed Forces and law enforcement agencies
Bolshaya Serpukhovskaya str. 24, Moscow 115093 Russia
e-mail: info@pobeda.ru

Ключевые слова: ислам, мусульмане, Российская империя, татары, Кавказ, Средняя Азия.
Key words: Islam, Muslims, Russian Empire, the Tatars, Caucasus, Middle Asia.
Резюме: На территории современной России ислам появляется в VII в. в районе Дербента. Под власть России мусульмане попадают с конца XVI века. С 1773 ислам получает покровительство государственной власти. Руководство мусульманами осуществлялось органами власти Духовных дел России при посредстве духовных управлений мусульман. Роль мусульман заметна в торгово-предпринимательской деятельности. Особое значение мусульман отмечено в военной истории России. Обращение с мусульманами строилось на характерном для императорской России добром отношении к инородцам и иноверцам в соединении с сильной и справедливой властью.
Abstract: In the 7th century in the region of Derbent. Under the Russian rule, Muslims fall with the end of the 16th century. From 1773 Islam gets the patronage of Government. The leadership of the Muslims was carried out by the authorities of the spiritual Affairs of Russia through the spiritual offices of Muslims. The role of Muslims in trade and business. Particular importance to Muslims observed the military history of Russia. Treatment of Muslims has been built on the characteristic for Imperial Russia-friendly lands and Gentiles in conjunction with a strong and fair Government.
[**Redkozubov A.D.** Islam in the Russian Empire]

Одной из характерных особенностей современного этапа мировой истории является значительное усиление влияния религиозного фактора. Не касаясь причин этого явления, можно указать на его глубокие исторические корни. В особенной степени это касается России, как государства, большая часть границ которого приходилась на народы, исповедовавшие ислам, в то же время и на самой его территории имелись места компактного проживания мусульман. Интерес представляет не только появление ислама в России и его распространение, но и

каковы были, прежде всего, религиозные аспекты государственной политики в отношении мусульман.

Первое упоминание о появлении мусульман на территории современной Российской Федерации относится к середине VII века, когда войска арабских полководцев отвоевали у господствовавшего тогда в регионе Хазарского каганата Южный Дагестан с центром в г. Дербент, откуда впоследствии ислам распространился на Кавказ и Поволжье. В начале X века он становится государственной религией Волжской Булгарии, наконец, в начале XIV века ислам утверждается в Золотой Орде, откуда распространяется в среде тюркских племен на обширном пространстве от Крыма до Сибири.

Под власть России значительное количество мусульман попадает в конце XVI века после присоединения Астрахани, Казани и Сибири, затем под власть Империи подпадает Кавказ и, наконец, Средняя Азия.

Согласно указу Екатерины II в 1773 году ислам получает статус «терпимой религии», что позволило мусульманам открыто исповедовать свою веру, строить мечети и духовные школы под покровительством государственной власти. В 1788 году учреждается Оренбургское магометанское духовное собрание, юрисдикция которого поначалу распространялась на всю Россию, в 1831 году создается Таврическое магометанское духовное правление, а в 1872 году - Шиитское и Суннитское духовные управления, руководившие жизнью мусульман Кавказа. В Санкт-Петербурге и Казани открываются типографии, издававшие широкий спектр мусульманской духовной литературы - Коран, богословские труды и учебные пособия. Общим руководящим органом в отношении мусульман стало созданное в 1810 году на правах министерства Главное управление духовных дел разных (иностранных) исповеданий, преобразованное в 1832 году в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, входивший в структуру Министерства внутренних дел и просуществовавший до 1917 года. Юридической основой для работы Департамента являлся «Устав духовных дел иностранных исповеданий», первая редакция которого была принята в 1857 году.

Департамент находился в постоянном контакте с другими учреждениями Империи - так, через Министерство финансов решались вопросы оплаты деятельности мусульманских духовных управлений, через Министерство просвещения обеспечивалась работа духовных учебных заведений, вместе с Военным министерством регулировалась деятельность мусульманского военного духовенства. Начиная с конца XVIII века, законодательно был определен статус так называемых «указных мулл», получавших казенное жалование, имевших освобождение от налогов и повинностей, к которым относилось духовенство и служители мусульманских духовных учреждений.

В то же время государственная политика в отношении мусульман предполагала и миссионерскую деятельность с целью обращения максимально возможного их числа в православие. Усилия даже выдающихся в этом отношении подвижников - одиночек, таких как архиепископ Казанский Гурий (60-е - 70-е гг. XVI в) не давали желательных результатов - при этом мусульмане активно распространяли свое учение - поэтому в 1827 г. Святейший Синод принял специальное постановление о широком развертывании внутренней миссии, центром которой стала Казанская духовная академия. Именно здесь на протяжении полувека трудился и достиг выдающихся результатов Н.И. Ильминский, счастливо сочетавший таланты ученого - лингвиста и практика - миссионера. Созданные им и его сподвижниками переводы Священного Писания на многочисленные языки народов Поволжья, Средней Азии и Кавказа заложили прочную основу православной миссии среди мусульман.

К концу XIX века по материалам первой Всеобщей переписи населения 1897 г. из 130 млн. человек населения России примерно 14 млн. составляли мусульмане, число приходов составляло около 25 тысяч, мечетей и прочих зданий духовного назначения более 26 тысяч. Подавляющее большинство мусульман было суннитами, лишь на Кавказе (совр. Азербайджан) и на Памире (совр. Таджикистан) значительная часть мусульман придерживалась шиитского толка ислама. В Европейской России доля мусульманского

населения не превышала 4 %, главным образом на Урале и в Поволжье, в то время как на Кавказе и в Средней Азии приверженцами ислама считали себя более 30 и 90 % соответственно.

Начиная с XIV века десятки представителей татаро-монгольской знати активно поступали на русскую службу, становясь после принятия Православия равными другим родам русской аристократии. В составе русского дворянства прослеживается несколько сотен фамилий тюркского происхождения - Юсуповы, Тенишевы, Урусовы и многие другие, сыгравшие заметную роль в политической, военной и культурной истории России. Представитель одной из таких семей - Борис Годунов - был в 1598 - 1605 гг. русским царем.

Ряд знатных татарско-башкирских родов служили России, сохранив свою веру, им были оставлены и даже дарованы земли, платилось жалованье, но было запрещено владеть крестьянами православного исповедания. На протяжении XVI - XVII вв. южнее Москвы существовало вассальное от России мусульманское ханство - так называемое Касимовское царство, где жили служилые татары и правителем мог быть только мусульманин - чингизид.

Традиционно особую роль в жизни мусульман России играла торгово-предпринимательская деятельность, к концу XIX века число мусульман среди купцов 1, 2 и 3-й гильдий (вместе с членами семей) составляло около 7 тысяч человек. Особую роль играли мусульмане - нефтепромышленники Бакинского района, наиболее известным из которых был самый богатый мусульманин Империи Гаджи Тагиев, проделавший путь от бедного подмастерья до миллионера, отметившегося, кстати, обширной деятельностью в области благотворительности и меценатства, с учетом чего в 1910 году он был возведен Императором Николаем Вторым в потомственное дворянство. В общей сложности к концу XIX в. в России насчитывалось примерно 70 тысяч мусульман - потомственных и личных дворян и классных чиновников (с семьями), что составляло около 5 % от общего числа дворян Империи.

Особую роль сыграли мусульмане в военной истории Российской империи. Еще во времена Московского государства

конные отряды татар-мусульман активно участвовали в многочисленных войнах, которые оно вело со своими противниками, в частности эти отряды сыграли важную роль в разгроме на р. Шелони в 1471 г. войска непокорного Новгорода Великого. В походе на Казань в 1552 г. вместе с русскими православными воинами участвовали и отряды касимовских татар, активную поддержку народному ополчению Минина и Пожарского, спасшему Россию во время Смуты, оказали поволжские татары - в утвержденной Земским собором 1613 г. грамоте об избрании на русский престол Царя Михаила Федоровича Романова стояли подписи семи татарских мурз, от имени мусульман России, высказавшихся за возрождение единого Российского государства. Заметную роль татарско-башкирская конница в составе 30 полков сыграла и в войне с Наполеоном.

Начиная с 30-х гг. XIX века группа воинов - знатных мусульман из горцев Кавказа и крымских татар постоянно входила в состав самой приближенной к трону части Императорской гвардии - Собственного Его Императорского Величества конвоя, более 18 тысяч мусульман состояли в штатах казачьих войск. Всего в Русской Императорской армии для мусульман было зарезервировано 16 генеральских и около 300 должностей офицерского состава, число магометан среди нижних чинов армии по состоянию на 1904 год превышало 30 тысяч, при этом все они поступили на службу добровольно, так как обязательный призыв на них не распространялся. Воины - магометане имели право на 13 свободных дней в году, причем в дни главных мусульманских праздников - курбан - байрама и ураза - байрама - подобное освобождение от службы давалось на трое суток. Статья 92-я Устава внутренней службы гласила: «Хотя Православная вера господствующая, но иноверцы (инославцы) пользуются повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной». При этом перед военным духовенством стояла сложная задача - не допустить, чтобы религиозные различия переросли в противоречия. Священник должен был не допускать никаких споров о вере с иноверцами. Свод военных постановлений 1838 года гласил: «Полковые священники отнюдь не должны вступать в прения о

вере с людьми другого исповедания» (Арапов, 2001). Принятые в 1829 году «Правила для обучения горцев… для службы в Его Императорского Величества конвое» подчеркивали, «…чтобы не только учителя, но и дворяне насчет веры горцев ничего худого не говорили и не советовали переменять ее» (Петин, 1911) - таким образом, обеспечивалось сплочение воинских частей и подразделений, подавляющее большинство личного состава которых составляли православные воины.

В ходе русско-японской войны 1904-1905 гг. среди защитников Порт-Артура, исповедовавших ислам, прославились особенным героизмом офицеры Самадабек Мехмандаров и Али Ага Шихлинский, достигшие позже генеральских чинов.

В августе 1914 года сразу же после начала Первой мировой войны в составе кавалерийских частей Русской армии была сформирована Кавказская туземная дивизия под командованием младшего брата Императора генерал-майора Великого князя Михаила Александровича, показавшая образцы героизма на фронте и принявшая активное участие в Корниловском выступлении в августе 1917 г..

В то же время нельзя обойти вниманием и продолжавшиеся почти полвека (1817-1864 гг.) так называемые Кавказские войны, в ходе которых к России были присоединены северные и северо-западные районы Кавказа.

При всем разнообразии современных толкований данных событий, можно с уверенностью сказать, что о религиозной экспансии здесь говорить не приходится. Основную роль здесь сыграло сочетание двух главных факторов - внутренних (в частности, нежелание горцев прекратить постоянные набеги, опустошавшие приграничные области России, боязнь их племенных вождей потерять свою безграничную над ними власть) и внешних, главным среди которых было настойчивое стремление европейских держав, прежде всего Англии, «выдавить Россию с Кавказа» (Иванов, 1999).

Представляется необходимым подчеркнуть, что благодаря мудрой политике России в отношении мусульман и особенно кавказских народов, спустя сравнительно короткое время (40-50 лет) лучшие их представители встали плечом к

плечу с православными на защиту Империи в войнах начала XX века.

В чем же заключалась главная причина такого невероятного успеха? Представляется, что ответ лежит в двух связанных между собою плоскостях - политической и религиозной.

С точки зрения политической, мусульмане императорской России имели дело с сильной и в целом справедливой властью, относившейся к ним, как и ко всем остальным подданным, с отеческой заботливостью. При этом справедливость (то есть стремление к идеалу праведности) власти проистекала из того, что Российская Империя, будучи Православным царством, старалась основывать свои законы на Священном Писании, богодухновенность которого признавалась в том числе и ее подданными - мусульманами.

Переходя в религиозную плоскость, необходимо подчеркнуть главное содержание вероучений Православия и ислама. Если ислам - религия покорности, то христианство - религия любви и как проявление высшей жертвенности, любви к Богу и ближнему. При этом, как известно, «ближним» православное вероучение признает не только единоверцев, но и любого нуждающегося в помощи человека. Из этой-то любви и проистекало то доброе отношение к инородцам и иноверцам, которое было характерно для императорской России и красной нитью проходило через всю ее историю и любовь эта не оставалась без ответа.

ЛИТЕРАТУРА

Арапов Д.Ю. 2001. Ислам в Российской империи. М.: Изд-во МГУ. 272 с.
Иванов Р.Н. 1999. Хаджи-Мурат. Документы. Письма. Очерки. Факты. М.: Эхо Кавказа. 247 с.
Муравьев А.Н. 2006. Письма о магометанстве. СПб.: Общество памяти игумении Таисии. 126 с.
Муртазин М.Ф., Нуруллаев А.А. 1999. Ислам и мусульмане в России. М.: Изд-во КДТ. 219 с.
Петин С. 1911. Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811-1911 гг. Исторический очерк. СПб.: Типография А.Суворина. 488 с.
Силантьев Р.А. 2007. Новейшая история исламского сообщества России М.: Алгоритм. 576 с.

Получена / Received: 17.09.2015
Принята / Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 994-1001

Почитание на Русской земле святых воинов Каппадокии

О.В. Розина

Московский Государственный Областной Университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А
Moscow Region State University
Radio str. 5A, Moscow 105005 Russia
e-mail: olgarozina@yandex.ru

Ключевые слова: Воины-каппадокийцы, св. Георгий Победоносец, проповедь, святой мученик Лонгин сотник.
Key words: Warriors-Cappadocia's, St. George, sermon, Holy Martyr Longinus the Centurion.
Резюме: В Русской Церкви почитают святых мучеников, которые были в православной Византии. В Каппадокии уже в I веке были христиане, она славилась конниками (капподокийские когорты римской армии). Многие из конников стали мучениками. Мы являемся приемниками их православной веры, и Россия несет этот крест и связь через века.
Abstract: In the Russian church revered Saints martyrs who were Orthodox Byzantium. In Cappadocia in the first century were Christians, it was famous for horsemen (Cappadocia's cohorts of the Roman army). Many of the horsemen became martyrs. We are receivers of their Orthodox faith, and Russia bear this cross and communication through the ages.
[Rozina O.V. The veneration of holy warriors on the Russian land of Cappadocia**]**

Традиции преемственности византийского наследия на Русской земле не исчерпываются ее влиянием на характер государственной власти и художественное творчество, но имеют более глубинный, духовный смысл. Со всей очевидностью единство вселенского православия было явлено в почитании и прославлении Русской Православной Церковью святых и мучеников ранней византийской Церкви. Неизменными остаются добродетели веры, надежды, любви и верности - те высокие нравственные качества, которые составляют фундамент святости, и которые ныне могут в полной мере быть использованы в духовно-нравственном воспитании детей и юношества Молитвенная память ныне живущих христиан о византийских святых - лучшее свидетельство не только преемственности духовных традиций Византии и Руси, но и истинности, вечности и единства вселенской Церкви.

В Каппадокии звучала апостольская проповедь святых Петра, Павла, Андрея, Иоанна, Фаддея, и уже в середине I века здесь жили христиане. Каппадокийцы упомянуты среди тех, кто услышал слова апостолов на разных языках после схождения Святого Духа (Деян. 2,9).К каппадокийцам в числе прочих адресовано первое послание Петра (1 Пет. 1,1).

В III веке Каппадокия становится одним из основных центров христианства. Об активной духовной жизни региона свидетельствует огромный список канонизированных святых, либо родившихся в Каппадокии, либо прибывших туда, как для служения, так и для монашеской жизни.

В церковном календаре значится более 50 имен святителей, мучеников, преподобных и праведных, чей подвиг был, так или иначе, связан с этим регионом Особенно много среди них было воинов, так как приграничная Каппадокия исстари славилась своими конниками: каппадокийские когорты римской армии считались одними из лучших.

Среди святых воинов-каппадокийцев есть как всем известные и глубоко почитаемые, так и малоизвестные, однако, память о которых жива в православной Церкви. Наиболее известным святым воином-каппадокийцем, несомненно, является великомученик Георгий Победоносец (Розина, 2006, 2012).

Иконография святого обширна, здесь нет необходимости на ней останавливаться. В плане нашего сообщения отметим лишь три аспекта.

Во-первых, во всей христианской истории трудно найти более устойчивый и выразительный символ единства власти и религии, чем образ Георгия Победоносца, поражающего Змея, что нашло отражение

- как в российской наградной системе,
- так и в геральдике.

Во-вторых, почитание святого выразилось также в сооружении большого числа посвященных ему храмов, причем с самой ранней поры христианизации Руси, и его небесном покровительстве русских князей. В-третьих, образ Георгия-воина был настолько популярен и любим русским народом, что народное творчество называет его русским богатырем Егорием

Храбрым - защитником христианства и земли Русской. И если Георгий Победоносец, действительно, издревле почитается на Русской земле, то другие святые воины Каппадокии менее известны, хотя они и прославляются Церковью, а их подвиг также может служить воспитательным примером.

Кроме святого Георгия Победоносца, несомненно, наиболее известен Лонгин-сотник, центурион, возглавлявший отряд римских воинов, непосредственно исполнявших приговор казни Иисуса Христа. Именно о нем писал Иоанн Златоуст в 85 беседе на Толкование Евангелия от Иоанна: «воины пришли… и в угождение иудеям пронзили копьем ребра Его и таким образом поругались даже над мертвым Его телом. Какое гнусное и отвратительное злодеяние!» Но далее святитель указывает, что «то самое содействовало к утверждению истины», так как «тотчас истекла кровь и вода», а «из того и другого составлена Церковь», поэтому «когда ты приступаешь к страшной чаше, приступай так, как бы ты пил от самого ребра» (Иоанн Златоуст). В каждой Божественной Литургии, это евангельское событие вновь и вновь обретает свое духовное значение, а в мире появилась одна из величайших христианских реликвий - Святое копье сотника Лонгина. Согласно Повести временных лет, в правление императора Льва VI Мудрого (870-912 гг.) святыни Страстей Господних показывались русским послам в Большом дворце византийской столицы. Именно там, в специально вооруженном помещении (реликварии) в 1200 году, Святое копье наряду с другими святынями увидел и кратко описал новгородский паломник Добрыня Ядрейкович - будущий новгородский архиепископ Антоний.

В России история святого Лонгина известна из «Жития и страданий святого мученика Лонгина сотника» Димитрия Ростовского. После казни и смерти Христа, воины «видя все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий» (Мф,2 7,54). Став свидетелем Воскресения Христа, Лонгин «денег не взял, и утаить чуда не захотел, но еще усерднее стал свидетельствовать о нем» (Жития и страданий святого мученика Лонгина сотника). Он немедленно оставил службу и стал проповедовать христианство на своей родине - местечке Ардалес в Каппадокии, где и принял мученическую

смерть от рук, посланных Пилатом воинов. Память мученика Лонгина-сотника, иже при Кресте Господнем 16/29 октября.

Русские люди всегда молились святому об исцелении от глазных болезней: «болящим очима яви скорую помощь твою и исцели их, дабы, освободившись от недуга своего, не захотели они видеть ничего, распаляющаго сластолюбие, но к созерцанию духовной красоты устремились»

В московской церкви в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» на Большой Ордынке особо почитается чудотворная икона Лонгина-сотника, перед которой по четвергам читается акафист святому. Предел святого Лонгина был сооружен в Иерусалимском храме на месте обретения слепой женщиной головы мученика и последующего затем прозрения. В Москве есть церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Барашах с предельным храмом Лонгина-сотника, считавшегося покровителем Московского царского рода: 16 октября (в день памяти святого) на Литургии в Барашах присутствовали сами государи (например, в 1651 и 1653 гг.), здесь же стояли и особые государевы хоромы Храмы святого мученика Лонгина есть на Украине (в Житомирской ИК № 4) и в Белоруссии (в Витебске).

Глубоко почитается русским народом и Церковью память Сорока мучеников Севастийских. Их подвиг совершился в IV веке, после знаменитого Миланского эдикта 313 года, подписанного императорами Константином и Ликинием. Однако гонения еще продолжались в провинциях, в том числе и подчиненных самому Ликинию.

В городе Севастии стояло римское войско под начальством язычника Агриколы, в котором служили 40 воинов из Каппадокии, исповедовавших христианскую веру. Зимой 320 года их стали принуждать совершить языческий обряд и принести жертвоприношение идолам, но они отказались, приняв мученическую смерть в ледяной воде местного озера. Сохранились имена мучеников: Кирион, Кандид, Домн, Исихий, Ираклий, Смарагд, Евноик, Валент, Вивиан, Клавдий, Приск, Феодул, Евтихий, Иоанн, Ксанфий, Илиан, Сисиний, Аггей, Аетий, Флавий, Акакий, Екдекий, Лисимах, Александр, Илий, Горгоний, Феофил, Домитиан, Гаий, Леонтий, Афанасий,

Кирилл, Сакердон, Николай, Валерий, Филиктимон, Севериан, Худион, Мелитон и Аглай

В день их памяти - 9/22 марта ослабляется Великий пост и служат Литургию Преждеосвященных Даров. По традиции на Руси пекли изделия из постного теста в виде птиц - «жаворонки». Крестьяне, обращая внимание_на то, что поющий жаворонок то взмывает ввысь, то камнем «падает» к земле, объясняли это особым дерзновением и смирением этих птиц пред Богом. Так жаворонки, по мысли наших благочестивых предков, изображали собой песнь славы Господу, вознесенную мучениками, их смирение и устремленность ввысь, в Царство Небесное, к Солнцу Правды - Христу.

В Москве есть единственный храм, освященный во имя Сорока мучеников Севастийских - напротив Новоспасского монастыря. Храм был построен еще в начале XVII в. и его судьба тесно связана с Новоспасской обителью, ставшей усыпальницей бояр Романовых и существовавшей под особым царским покровительством. Известно, что во время нашествия Наполеона французы насмерть замучили священника о. Петра Веньяминова, защищавшего свой храм. Он был с почетом погребен на погосте Новоспасского монастыря. 22 марта 1922 года, в престольный храмовый праздник и в воскресенье Крестопоклонной недели в Сорокосвятской церкви служил Литургию Святейший Патриарх Тихон. Тогда же он совершил здесь последнюю в своей жизни хиротонию, рукоположив архимандрита Тихона в епископа Гомельского. В 1932 году Сорокосвятская церковь была закрыта и полуразрушена. Только в 1993 г. она возвращена верующим.

В 1755 г. на средства московских купцов Максима и Ивана Щелягиных в устье реки Трубеж при ее впадении в Плещеево озеро был построен в стиле барокко один из красивейших храмов в честь Сорока мучеников Севастийских с приделом Рождества Богородицы.

Другие святые воины-каппадокийцы не столь известны на Руси. Однако интересна духовная связь великомученика Меркурия Кесарийсского и русского святого мученика Меркурия Смоленского.

Согласно житию, Меркурий Кесарийский был скиф,

состоял на службе в римской армии и участвовал в походе императора Декия против готов. Став христианином, он отказался от преследования единоверцев и принял мученическую смерть в Кесарии Каппадокийской. С великомучеником Меркурием предание связывает чудо, ставшее причиной смерти императора Юлиана Отступника. Образ святого Меркурия, изображенный на иконе рядом с образом Богородицы, стал невидимым, а затем вновь показался с окровавленным копьем. В этот самый момент Юлиан на Персидской войне был пронзен копьем неизвестного воина, тотчас ставшего невидимым. Память великомученика Меркурия Кесарийского 24 ноября/7 декабря.

В этот же день Церковь прославляет Меркурия Смоленского - славянина княжеского рода из Моравии. В юном возрасте он пришёл в Смоленск и поступил на службу к князю Согласно житию, Меркурий Смоленский отличался набожностью и «благочестивой жизнью: подвизался в посте и целомудрии». Свой подвиг он совершил 24 ноября 1239 г, когда к Смоленску подошли войска монголо-татар. Вступив в неравную схватку, воин уничтожил много врагов, но и сам погиб, спасая город. Останки Меркурия были погребены жителями в Успенском соборе Смоленска. Церковное празднование в память мученика было установлено в конце XVI века, но уже с 1509 года жители Смоленска почитали его заступником города.

В православной Церкви почитается также мученик Гордий, родившийся в III в. Кесарии Каппадокийской в христианской семье. В зрелом возрасте он поступил на военную службу и, проявив мужество и воинское искусство, был назначен сотником. Во время гонения на христиан в начале IV века Гордий оставил мир и удалился в пустыню, но, укрепившись духовно, в 320 году он открыто выступил перед префектом города в защиту христиан. Его схватили и после страшных истязаний отсекли голову

Святитель Василий Великий посвятил мученику Гордию одну из своих бесед, выразив в ней мысль о том, что: «как всегда смотрим на солнце, и всегда ему дивимся, так и память сего мужа всегда для нас светла» (Святитель Василий Великий.

Беседа 18). Церковь прославляет мученика Гордия 3/16 января.

Сотником был также святой мученик Акакий, родившийся в Каппадокии в семье христианского священника в III в. Он служил в Мартисийском полку и при начале очередных гонений на христиан не стал скрывать своей веры, приняв мученическую смерть в 303 году. Его мощи при Константине Великом почивали в Константинополе в храме, построенном в честь святого, впоследствии они были перенесены в Южную Италию. Память мученика Акакия - 7/20 мая.

Вспоминая святых воинов Каппадокии, нельзя не упомянуть подвижника веры и благочестия, Иоанна Русского. Его судьба необычна, полна драматических эпизодов и примеров несгибаемой воли, он глубоко почитается не только христианами, к его памяти с большим уважением относятся и мусульмане-турки. Иоанн Русский родился около 1690 года, был участником войны с Турцией 1711-1713 гг. и в битве за Азов попал в плен к противнику. Вместе с другими узниками его переправили в Константинополь, а затем в Каппадокию в г. Прокопион (ныне Ургюп). Там он стал пленником военачальника, возглавлявшего отряд янычар. Зная, что Иоанн христианин, турки подвергали его различным издевательствами и мучениям, но он не отрекся от веры предков, а кротко и терпеливо переносил все страдания. Живя на конюшне, он продолжал совершать молитвы и службы. Его праведная жизнь вызывала удивление мучителей, которые вскоре стали называть его «вели» («святой»). В Прокопионе была община греческой православной Церкви во главе с епископом, и каждую неделю Иоанн стремился причащаться Святых Тайн.

Иоанн скончался 27 мая/9 июня. Греческие христиане, получив разрешение от турок, погребли его на христианском кладбище. Со временем, были обретены мощи святого, которые хранились в построенной Прокопионе церкви. В ходе репатриации греческого населения в начале 20-х гг. XX в. мощи Иоанна Русского были перевезены в Грецию - в Новопрокопион, возникший в память о поселении в Каппадокии. В Москве в районе Кунцево построен храм в честь св. Иоанна Русского.

В заключение следует отметить, что духовное наследие Византии на Русской земле - это, прежде всего, единство всех

членов Церкви - земной и небесной, воинствующей и торжествующей:

- в молитве и литургической жизни;
- народной памяти;
- в воспитательном значении подвига византийских святых для современного человека.

ЛИТЕРАТУРА

Розина О.В. 2006. Георгий Победоносец: образ и символика. - Преподавание истории в школе. №3: 7-14.

Розина О.В. 2012. Образ стойкости и единства. - Воинское братство. № 2: 106-115.

Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Иоанн. Беседа 85. [Электронный ресурс]. - URL: http://mystudies.narod.ru/library/i/in-zlat/08/john/85.html

Жития и страданий святого мученика Лонгина сотника. [Электронный ресурс]. - URL: http://ru.wikisource.org/wiki_Жития святых_(Дмитрий Ростовский) /Октябрь/ 16

Святитель Василий Великий. Беседа 18. На день святого мученика Гордия. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.pagez.ru/lsn/0289.php

Получена / Received: 20.10.2015
Принята / Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 1002-1018

Духовное влияние воспитанников Оптиной пустыни на формирование старчества Гефсиманского скита

А.М. Смулов[1], Е.Н. Богачев[2]

[1-2]Негосударственное образовательное учреждение Высшего профессионального образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»
Миссионерский факультет
109651, г. Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
Private educational institution of higher education “Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities”
Missionary faculty
Ilovayskaya str. 9, building 2, Moscow 109651 Russia;
e-mail: jeger@bk.ru[1]; missioner_pstgu@mail.ru[2]

Ключевые слова: Оптина пустынь, Гефсиманский скит, старец, старчество, духовное руководство.
Key words: The Optina Hermitage, the Gethsemane skete, elder, elders, spiritual guidance.
Резюме: XIX в. в России ознаменован расцветом православной монашеской жизни. Происходит основание ряда новых обителей, в число которых входит Гефсиманский скит Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, ставший, впоследствии, известным далеко за пределами страны своими старцами. К моменту основания скита, в России существовало несколько православных духовных старческих центров, влияние воспитанников одного из них (Козельской Введенской Оптиной пустыни) на формирование «школы старчества» Гефсиманского скита и рассматривается в данной статье.
Abstract: XIX century in Russia was marked by the flowering of the Orthodox monastic life. Going on the basis of the number of new dwellings, including the Gethsemane skete of St. Sergius Lavra, who became, later, known far outside the country of their elders. By the time of the founding of the monastery, in Russia, there were several Orthodox spiritual senile centers, the influence of the pupils of one of them (Kozelsky of the Optina monastery) on the formation of the "school of eldership" in the Gethsemane skete and is discussed in this article.
[**Smulov A.M.[1], Bogachev E.N.[2]** Spiritual influence pupils deserts Optinas sages on formation of the Gethsemane monastery]

В сентябре 1843 г. святитель Филарет (Дроздов, †1867) митрополит Московский и Коломенский и преподобный Антоний (Медведев, †1877) наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры посетили пришедшее в запустение принадлежащее Лавре урочище Корбуху и определили место

для основания Гефсиманского скита (1899), рядом с которым, двумя годами позже, в местности, имеющей историческое название «Исаковская роща» было создано Пещерное отделение скита [2, лл. 33-33об]. Так началось создание скита, в стенах коего подвизались в подвиге старцы, за благословением которых шли тысячи людей со всех концов России.

Возросшее число насельников Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, непрерывный поток паломников к мощам прп. Сергия Радонежского, обширная хозяйственная деятельность начали тяготить некоторых монахов, желающих жить по строгим аскетическим правилам, и скит, расположенный в трех верстах от монастыря в глухом лесу, должен был стать прибежищем для таких иноков.

Гефсиманский скит был основан во время мощного всплеска русской православной духовности, расцвета монастырской жизни в «золотой век» старчества в Русской Православной Церкви. В России и за ее пределами к середине XIX в. были прославлены высотой своей духовной старческой жизни, Козельская Введенская Оптина пустынь (далее - Оптина пустынь), Свято-Успенская Саровская пустынь, Рождества Богородицы Глинская пустынь и многие другие обители, которые, несомненно, оказали влияние на формирование духовной жизни, монастырской культуры во вновь созданном ските.

В данном исследовании мы остановимся лишь на роли насельников и воспитанников Оптиной пустыни в формировании духовной жизни Гефсиманского скита и подчиненных Лавре обителей.

Один из основателей скита, святитель Филарет Московский в Оптинойпустыни лично не был, но он очень почитал оптинских старцев, особенно прпп. Макария (Иванова, †1860) и Антония (Путилова, †1865). По приглашению митрополита, оптинские старцы ездили к нему в Москву для духовных бесед. Святитель оказывал всяческое содействие оптинским старцам, так, например, когда начались гонения на будущего прп Леонида (в схиме Льва, Наголкина, †1841) из-за непонимания священноначалием роли старческого окормления иноков, заступился за старца перед Калужским епископом

(Оптинский патерик, 2006: 12). Святитель даже настаивал, чтобы оказавшиеся в Москве по каким-либо делам оптинские старцы, монахи и послушники непременно навещали его, и принимал их первыми [4, лл. 36об-37]. Важно отметить, что именно святитель Филарет благословил начало книгоиздания в Оптиной пустыни и в дальнейшем принимал живое участие в ее издательском деле. А взятие эпиграфом к своему сочинению «Учение о семейной жизни» слов преподобного Амвросия (Гренкова, †1891): «Читая духовные книги без указания, вы опасаетесь, как бы вам не впасть в какие-либо неправильные мысли и неправильные мнения. Опасение ваше весьма основательно. Поэтому... не читайте без разбора всякие новые сочинения, хотя бы и духовного содержания, но таких сочинителей, которые не подтвердили своего учения святостью жизни, а читайте творения таких отцов, которые признаны Православной Церковью за твердо известные и без сомнения назидательные и душеспасительные», несомненно, говорит о влиянии старцев пустыни на духовную жизнь самого Святителя (Григорий Вышеславцев, 1997: 3). Такое глубокое почитание оптинских старцев сказалось и на желании святителя видеть насельниками Гефсиманского скита воспитанников Оптиной, например, иеросхимонаха Александра (Стрыгина, †1878) и других. Освящение храма Гефсиманского скита проходило в присутствии насельников Иоанно-Предтечинского скита Оптиной пустыни. Можно предположить, что это происходило при освящении деревянной Успенской церкви в Гефсиманском скиту в сентябре 1844 г. [6, лл. 1об,2].

Духовное общение и любовь связывали с оптинскими старцами также наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры прп Антония (Медведева). Он неоднократно посещал Оптинскую пустынь, встречаясь со старцами, с которыми его связывала многолетняя духовная дружба. Например, с прп Антонием (Путиловым) он был знаком с 1823 или 1824 г. и на протяжении своей земной жизни поддерживал духовное общение, встречаясь лично или ведя переписку. Безграничной радостью отозвалось в сердце прп Антония (Медведева) известие о желании перейти в Гефсиманский скит прп Антония (Путилова). Восторженно он пишет в письме оптинскому

духовному другу: «…нашему Владыке будет на сие благословение… Владыка написал ко мне о сем следующее: “О. Антония Малоярославецкого примем с любовью, если Господь устроит его переселение в наш Скит”» [6, л. 1]. Наместник Лавры выражает желание, чтобы Господь благословил этот переход «…к научению жизни в нем (ските - прим. авторов) единого от учредителей скита Оптинского» [6, л. 2]. Далее прп Антоний (Медведев) излагает рекомендации Владыки свт Филарета (Дроздова) об устроении перевода, который все-таки не состоялся [6, л. 1об].

Прп Антоний (Медведев) при непосредственном участии игумена Саровской Пустыни Исаии (Путилова, †1858) (родного брата оптинских старцев прпп Моисея (†1862) и Антония (†1865) (Путиловых) - прим. авторов) ввел в скиту правила, частично заимствованные из Саровской пустыни (Яковлев, 2012: 150).

Учредители скита, выбрав доброе и безмолвное место, установив строгие правила скитской жизни, уделили большое внимание подбору духовно опытных наставников для устроения аскетической жизни и оказывали всяческую помощь в ее обустройстве. Уже в 1845 г. прп Антоний (Медведев) говорит о скитянах: «Есть и теперь люди истинно послушливые» [6, лл. 1об,2], а свт Филарет (Дроздов), проявляя свою заботу об одном из первых пустынников скита, пишет в том же году наместнику Лавры: «Гавриилу построить уединенную келию Бог благословит и да дарует ему безмолвие, благодатию осеняемое. Надобно, чтобы скитяне хранили его от известности, за которою легко вкрадывается молва» [цит. по 8, с. 4].

Желание иметь в числе насельников воспитанников Оптиной пустыни у отцов-основателей Гефсиманского скита было не случайно. Оптина пустынь в XIX в., на фоне множества монастырей, выделялась своей глубокой духовной атмосферой. Стержнем же духовности явилось старчество, оно стало основополагающим во всей деятельности пустыни. К моменту основания Гефсиманского скита, в Оптиной сложилась уже своя «школа старчества», которая обеспечивала преемственность и непрерывность старчества. Навык в старческом окормлении стал одной из характерных черт оптинских воспитанников,

переходя в другие монастыри они приобщали к старчеству свои новые обители. Поэтому «к оптинским старцам обращались архипастыри, когда требовалась нужда в хороших иноках» (Нилус, 1916: 123).

Рассмотрим состав насельников Гефсиманского скита, в послужном списке которых фигурировало пребывание в Оптиной пустыни, и их роль в становлении духовной жизни скита.

Одним из первых насельников Гефсиманского скита, который начинал свой монашеский путь в Оптиной пустыни, был иеросхимонах Александр (Стрыгин). Выходец из казаков Казачьей слободы г. Козельска Калужской губернии Александр Дмитриевич Стрыгин родился в 1810 г. В 27 лет, будучи к тому возрасту вдовцом, изъявил желание поступить в монастырь, и 12 апреля (по с.с.) 1838 г., испросив разрешения на собрании Мирской общественной сходки Казачьей слободы, поступает в Оптину пустынь [10, л. 24]. В монастыре о. Александр нес послушание в поварне вместе с будущим великим старцем прп Амвросием (Гренковым), именно тогда духовная дружба соединила их навсегда. Духовная жизнь новоначального инока проходила под руководством прп Леонида (в схиме Льва, Наголкина) (Герман Гомзин, 2004: 4,8). Близость родного города и родственников, как указывал о. Александр, чинили «немалое препятствие и вред намерению моему в прохождении монастырской жизни» [12, л. 46], поэтому он пишет прошение о переводе его в Малоярославецкий Черноостровский Николаевский общежительный монастырь [12, лл. 46,46об.], которое было удовлетворено священноначалием в 1843 г. В Малоярославецком Черноостровском монастыре о. Александр принимает постриг с наречением имени Агапит, а, перейдя в Харьковский архиерейский дом, в 1849 г. рукополагается в иеродиакона и далее в иеромонаха. Узнав об устроении Гефсиманского скита, весьма удобного для молитвы и безмолвия, о. Агапит получает благословение свт. Филарета (Дроздова) и вместе со своим родителем Дмитрием Ивановичем Стрыгиным поступает в скит в 1851 г. В новой своей обители о. Агапит живет на пчельнике в уединенной келии, от совершенного безмолвия его удерживает лишь неблаговоление

на то, до времени, митрополита Московского и наместника Лавры (Герман Гомзин, 2004: 12-13).

Спустя несколько лет и скит начинает казаться строгому подвижнику суетным. В 1858 г. отец Агапит еще с некоторыми из старцев скита поселяется в пяти верстах от своей обители на месте, именуемом Торбеевкой для большего безмолвия, где вскоре возводится церковь Святого Духа Параклита с приделом св. Иоанна Крестителя Господня (Герман Гомзин, 2004: 13). Учитывая, что среди старцев, помимо о. Агапита, были и другие воспитанники Оптиной пустыни, например, о. Феодот (Кольцов, †1873), можно предположить, что название придела было выбрано в память о Предтеченском ските Оптиной пустыни. На сем месте была образована Параклитова пустынь. Старшим среди братии пустыни, подчинявшейся Гефсиманскому скиту, был назначен о. Феодот (Харлампий, 1880: 7).

В праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы 1860 г. в Успенской церкви Гефсиманского скита о. Агапит принял пострижение в ангельский образ - схиму с наречением имени Александр [14]. Постригал его и принял от Евангелия прп Антоний (Медведев). Спустя год старец, выполняя послушание наместника Лавры, возвращается в Гефсиманский скит для поддержания духа монашества, а свт Филарет (Дроздов) благословляет его принимать братию на исповедь (Герман Гомзин, 2004: 14). Только в 1862 г. сбылось желание о. Александра уйти в затвор. В ноябре месяце он переходит в Пещерное отделение Гефсиманского скита и живет в затворе, который прерывается в 1865 г. по распоряжению монастырской власти из-за ухудшившегося в сыром воздухе пещер здоровья старца. По возвращении о. Александра в скит, многие из братии скита, Лавры, Пустыни Параклита и мирских людей приходят к нему за наставлением и духовным советом. Некоторых из братии он принимает от Святого Евангелия при пострижении в монашество и окормляет до конца своих земных дней. Среди принятых, по постригу, под духовное руководство о. Александра были будущие великие старцы иеромонах Исидор (Козин, †1908), прп Герман (Гомзин, †1923), прп Варнава (Меркулов, †1906) (Соль земли, 2010: 115). Не оставляет подвижник и духовного общения с насельниками Оптиной

пустыни, по возможности приезжает в пустынь для духовных бесед с прп Амвросием (Гренковым) [16, лл. 14,14об.].

Будучи строгим аскетом и требовательным к себе, о. Александр со смирением, терпением и любовью относился к своим духовным чадам, неся с ними их немощи. Духовные дети в любое время могли прийти к нему со своими нуждами. Воспитанник великих старцев о. Александр постоянно указывал своим духовным чадам о необходимости исповедания помыслов у старца. Жить под руководством старца, говорил он, необходимо каждому монаху для смирения и преломления своей злой воли и подчинения ее воли Божией (Герман Гомзин, 2004: 52-56).

В августе 1871 г. о. Александр, отслужив раннюю обедню в Успенском храме, ушел в затвор, в котором и пробыл до своей кончины в 1878 г. [17, лл. 7,8].

Одновременно с иеросхимонахом Александром (Стрыгиным) в Гефсиманский скит поступает иеросхимонах Феодот (Кольцов, †1873), также воспитанник Оптиной пустыни. Из мира Федот Захарьевич Кольцов поступает в Оптину пустынь в 1834 г., став учеником сначала прп Леонида (в схиме Льва, Наголкина), а после его кончины поступает под руководство прп Макария (Иванова, †1873). В 1842 г. он принимает постриг в монашество с наречением имени Филарет, и получает послушание сборщика милостыни в монастыре. Проходя это трудное послушание, о. Филарет не изменил свое монашеское душевное устроение, лишь укрепился духовно от сообщения с миром. В 1846 г. его рукополагают в иеродиакона, а в 1849 г. в сан иеромонаха [18, лл. 383об,544об.-545,581об.-582,1094об.-1096]. В 1851 г. по благословению свт Филарета (Дроздова), который полюбил простодушного старца, отличавшегося трудолюбием и всецелой преданностью своему старцу, о. Филарет был переведен в Гефсиманский скит [19]. В скиту его назначают братским духовником, а в 1854 г. он был пострижен в великую схиму с именем Феодот [20]. Прожив в скиту несколько лет и желая безмолвия, старец получает благословение наместника Лавры перейти на пустынное место Торбеево, где была позже образована Параклитова пустынь, старшим в которой он и стал. Построив себе келии на

расстоянии броска камня друг от друга аскеты предались безмолвию и иноческим трудам. Но, не долго пришлось им наслаждаться уединенной жизнью, в скором времени число братства Параклитовой пустыни возросло до 30 человек, среди которых оказался и будущий старец, ученик о. Александра (Стрыгина) монах Исидор (Козин). Наставив многих из монашествующих в жизни по образу древних подвижников, привив им любовь и потребность в старческом окормлении, а также подав им назидательный пример своим усердием в молитве, смирением, нестяжательством, трудолюбием и простотой, о. Феодот изъявил желание вернуться в Оптину пустынь для окончания своей земной жизни. Его большим желанием было быть погребенным рядом со своими старцами-наставниками прпп. Львом и Макарием. И в 1863 г. передав полномочия по должности благочинного и старшего по Параклитовой пустыни о. Феодот возвращается в Оптину пустынь, где и мирно почил в марте 1873 г. [18, лл. 1094об.-1096].

Еще одним «оптинцем», принесшим дух старчества в Гефсиманский скит был схиигумен Илия. Родился будущий старец в г. Молога Ярославской губернии, предположительно в 1791 г. в семье мещан и наречен Илией. Возжелав с детства монашеской жизни, Илия рано ушел из родительского дома, и пожив в нескольких монастырях в 1820 г. перешел в Соловецкий монастырь где в 1823 г. принял монашеский постриг с наречением имени Иларий. Год спустя (март 1824 г.) о. Иларий был перемещен в Александро-Свирский монастырь Олонецкой губернии, где Промыслом Божиим встретил своего духовного наставника прп Леонида (в схиме Льва, Наголкина). За усердие в монашеской жизни о. Илария в 1829 г. рукопологают в иеродиакона, а затем «За исправное принесение частей святых мощей из Киева и Новагорода в кафедральный Петропавловский собор» - в иеромонаха [18, л. 247об.]. В Оптину пустынь о. Иларий поступает в 1832 г., где его называют Иларием 2-м, Младшим [18, л. 252об.]. В этот момент вновь происходит соединение ученика со своим наставником - старцем Леонидом. Митрополит Московский и Коломенский свт Филарет (Дроздов) заботясь о замещении должностей

настоятеля монастыря людьми - монахами по призванию, приглашает иеромонаха Илария на должность настоятеля Николо-Угрешского монастыря Московской губернии. В названный монастырь новый настоятель прибывает в 1833 г., где возводится в сан игумена. За 18 лет управления обителью он приводит ее в цветущее состояние, как в духовном, так и в хозяйственно-экономическом плане. Последние годы своей жизни о. Иларий проводит в Гефсиманском скиту, куда прибывает на покой в 1852 г. За усердие в многолетнем служении на благо Православной Церкви 28 апреля 1853 г. он награждеается наперстным крестом [21,22]. В скиту о. Иларий особенно сближается с о. Феодотом (Кольцовым), также бывшим насельников Оптиной пустыни. Великую схиму они принимают вместе (в схиме о. Иларий нарекается Илией) [20]. В скиту о. Илия вел строгую аскетическую жизнь. В свободное от Богослужения и молитвы время он читал творения святых отцов, и, благодаря хорошей памяти, много святоотеческих наставлений и сведений из жизни великих подвижников благочестия знал наизусть. Это помогало ему в воспитании монашеского духа в новоначальных иноках. Ничего не делал схиигумен Илия без благословения и молитвы. Если кто-нибудь из братии находился у него в келии и о. Илия хотел что-либо сделать, то он непременно просил благословить его на то брата. Тем самым бывший настоятель смирял себя и был примером смирения для других. В письме Оптинскому старцу Антонию (Путилову) он пишет: «…о Господе благодетелю и отцу - ваш убогий послушник» [23, л. 1об.]. Будучи уже в преклонных годах он все старался делать сам: чинил ветхую свою одежду, топил печь, готовил себе скудную пищу, лишь изредка, по телесной немощи, позволяя это сделать келейнику. Так в смирении и соблюдении строгих иноческих правил прошла земная жизнь великого подвижника и старца. Свой земной путь он окончил в 1863 г. и погребен в пустыни Параклит [22, лл.14-22].

После кончины наместника Лавры прп Антония (Медведева), новым наместником древней обители Указом Св. Синода от 3 июня (по с.с.) был назначен оптинский воспитанник архимандрит Леонид (Кавелин, †1891) [24]. Назначение на

должность настоятеля обители оптинского воспитанника не было редкостью. Монастырей, настоятели которых в послужном списке имели запись о пребывании в Оптиной пустыне, за период XIX - начала XX вв. было по всей России более 30-и. Примечательно, что настоятели, в большинстве случаев, не состояли до назначения в штате монастыря, в который они переводились [25].

Архимандрит Леонид, в миру Лев Александрович Кавелин, происходил из дворянского рода. Окончив службу в лейб-гвардии Волынском полку, в 1852 г. он поступает послушником в Оптину пустынь, где в 1857 г. принимает постриг в монашество с наречением имени Леонид, и в том же году рукополагается в иеродиакона и далее в иеромонаха. В 1858 г. иеромонах Леонид был назначен в Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме, а на период с 1859 г. по 1863 г. вернулся в Оптину пустынь. Далее занимал в церковной иерархии различные должности, пока в 1877 г. не был назначен наместником в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, где и скончался по прошествии многих плодотворных лет наместничества [18, лл. 675об.-676,711об.-712,837об.-838]. Архимандрит Леонид на протяжении всей своей жизни не прерывает общения с насельниками Оптиной пустыни, интересуется ее историей. Выходит в свет и неоднократно переиздается его труд «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи» [26]. Будучи учеником великих оптинских старцев, он заботится о возрождении, где оно утрачено, расширении и укреплении старчества в подчиненных ему обителях. В своем труде, посвященном Оптиной пустыни, он пишет: «Путь старческого окормления во все века христианства признан всеми великими пустынножителями, отцами и учителями Церкви самым надежным и удобнейшим из всех, какие были известны в Христовой Церкви. Старчество процветало в древних египетских и палестинских киновиях, впоследствии насаждено на Афоне, а с Востока перешло в Россию» [26]. Будучи наместником Лавры и приписанных ей обителей о. Леонид требовал строгого отношения к исполнению насельниками их обязанностей-послушаний, сам при этом

являясь строгим монахом. Своим вниманием он не обходил и «оптинцев», подвизавшихся в подчиненных ему обителях, заботился о их духовном росте. Так летом 1877 г. архимандрит Леонид приказал о. Александру (Стрыгину) выходить из затвора каждую неделю и причащаться Святых Христовых Таин, и только пять дней позволил ему безмолвствовать. О. Александр принял распоряжение начальства с покорностью и любовью, видя в этом пользу для своей души. Ученик же преподобных оптинских старцев Леонида и Макария о. Леонид заметил по поводу смирения монаха: «Вот это хорошо, это показывает, что о. Александр - монах, достойный своего имени» (Герман Гомзин, 2004: 18). Зная жития Оптинских старцев, отошедших в Горний Иерусалим, общаясь лично и в переписке с подвизающимися в пустыни, архимандрит Леонид ревностно защищал старчество, всесторонне способствовал его укреплению. Много потрудившись на благо Церкви он почил в 1891 г. [27].

В рамках проведенного архивного поиска, приведем, известные на данный момент, сведения о насельниках Гефсиманского скита и Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, которые прошли «оптинскую школу». К сожалению, сведения о некоторых из них весьма скудны, что может положить начало дальнейшим исследованиям.

Иеромонах Виталий (Адинцов, †1864). В миру Василий Николаевич Адинцов, выходец из купцов Нижегородской губернии. В Оптипу пустынь вступил в 1837 г. будучи к тому времени иеромонахом Оранского Богородицкого монастыря Нижегородской епархии. В дальнейшем занимал различные должности в других монастырях. В 1849 г. из Киево-Печерской Лавры перешел в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, где был благочинным. Служил духовником Хотькова девичьего монастыря. В 1860 г. вернулся на покой в Оптину пустынь [18, лл. 324об.-325,781 об.-782; 28; 29].

Иеромонах Дмитрий. В Оптину пустынь вступил до 1852 г. Позже перешел в Свято-Троцкую Сергиеву Лавру, пострижен в монахи, рукоположен во иерея и назначен на должность казначея [30, л. 48].

Игумен Савва (Желтухин). В миру дворянин Сергей

Семенович Желтухин. В Оптину пустынь вступил около 1845 г. В 1852 г. перешел в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, где принял постриг в монашество и был рукоположен во иерея. В 1856 г. переведен в Махрищский монастырь, подчиненный Лавре на должность настоятеля, в 1878 г. возведен в сан игумена [31, л. 87об.; 30, л. 48; 32; 33; 34; 35; 36].

Иеромонах Никон (Голохвастов). В миру Николай Николаевич Голохвастов выходец из дворян Нижегородской губернии. Пройдя службу в армии, в 1853 г. вышел в отставку в чине полковника и в 1855 г. поступил в Оптину пустынь В 1858 г. переведен в Свято-Троцкую Сергиеву Лавру, где принимает постриг в монахи и позже рукоположение во иерея [30, лл. 298,338об.,395,409; 37].

Рясофорный монах Федор Жулинов. В миру Федор Иванович Жулинов, родился в 1815 г. В Оптину пустынь вступил в 1843 г., где в 1848 г. был пострижен в рясофор. В 1852 г. принят в братство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры [18, лл. 573об.-574,601об.-602; 38].

Послушник Алексей Перепричев. В Оптину пустынь вступил до 1859 г. В Свято-Троицкую Сергиеву Лавру поступил в 1859 г. (на данный момент в архиве СТСЛ обнаружить данные о его жизни в Лавре не удалось - прим. авторов) [30, л. 454 об.].

Рясофорный монах Филипп Слабожененов. В миру Филипп Никитич Слабожененов, родился в 1823 г. в семье мещан Калужской губернии. В Оптину пустынь вступил в 1852 г., где в 1853 г. пострижен в рясофор. В Оптиной пустыни находился до 1857 г. В 1860 г. перешел в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру из Саровской Темниковской пустыни Тамбовской губернии. Несколько лет спустя вернулся в Оптипу пустынь [18, лл. 674об.-675,711об.-712; 39].

Иеросхимонах Анатолий (Будников-Булковский, †1880). В миру Арсений Артемьевич Будников-Булковский, родился в 1809 г. в семье мещан Харьковской губернии. В Оптину пустынь вступил в 1843 г., где в 1850 г. пострижен в монахи с наречением имени Анатолий, а в 1853 г. рукоположен в иеродиакона, в 1859 г. рукоположен в сан иеромонаха. В 1861 г. принят в братство Гефсиманского скита, откуда, пробыв, год переходит в Николо-Угрешский монастырь Московской

епархии [18, лл. 464об.-465,530об.-531,810об.-811,1288об.-1289; 40; 41; 42].

Рясофорный монах Георгий Волченков. В миру Георгий Тимофеевич Волченков, из государственных крестьян, родился в 1829 г. В Оптину пустынь принят в 1856 г., где в 1858 г. принимает постриг в рясофор. В Оптиной пустыни находится до 1861 г., а в 1862 г. - уже в Гефсиманском скиту Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, перейдя туда из Можайского Лужецкого монастыря [18, лл. 775об.-776,810об-811; 43].

Иеромонах Тихон. Подвизался в Оптиной Пустыни, позже (около 1867 г.) принят в число братии Гефсиманского скита. Ученик оптинского воспитанника иеросхимонаха Феодота (Кольцова), некоторое время подвизавшегося в скиту Параклит. Старца о. Тихона отличали простота, доброта и глубочайшее смирение. «Любовь и сострадание старца к людям были так велики, что он нередко плакал, принимая исповедь, и ласковым задушевным словом утешал кающихся грешников» [44]. В послушании у старца четыре года пробыл будущий великий старец прп Герман (Гомзин). О. Тихон занимал в скиту должность братского духовника и начальника Пещерного отделения [45, л. 41об.].

Послушник Василий Юров. В миру Василий Миронович Юров, выходец из мещан, родился в 1852 г. В Оптину пустынь вступил в 1873 г. В 1875 г. переведен в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру [18, лл. 1189об.-1190,1224об.-1225; 46].

Рясофорный монах Николай Щепетильников. В миру Николай Николаевич Щепетильников, выходец из купеческого сословия Ярославской губернии. В Оптину пустынь вступил в 1859 г., где в 1864 г. пострижен в рясофор. В дальнейшем, покинув монастырь, возвращается в мир. В 1878 г. поступает в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, где несет послушание смотрителя лаврской фотографии [18, лл. 854об.-855,892об.-893; 30, л. 465об.; 45, лл. 11об.,50,71об.; 47, л. 174; 48; 49].

Иеромонах Игнатий (Андреев). В миру носил имя Иван, родился в 1835 г., выходец из купеческого сословия Московской губернии. Некоторое время был насельником Оптиной пустыни. В 1878 г. перешел в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру из Малоярословецкого Николаевского монастыря, будучи уже

иеромонахом [45, л. 52; 50].

Послушник Дмитрий Стефановский. Вмиру Дмитрий Павлович Стефановский, родился в 1852 г. В Оптиной пустыне с 1876 г,. в 1882 г. переведен в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру [18, лл. 1348об.-1349; 51].

Послушник Андрей Бахтин. В миру Андрей Макарович Бахтин, 1848 г. рождения, из крестьян. В Оптину пустынь вступил в 1874 г., а в 1883 г. принят в число братии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры [18, лл. 1343об.-1344; 52].

Игумен Феодосий (Поморцев, †1920). В миру Александр Васильевич Поморцев, дата рождения на данный момент точно не установлена, происходил из мещан Олонецкой губернии. В Оптину пустынь вступил в 1898 г. В дальнейшем переходит в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру (точную дату поступления в Лавру, пострига в монашество и рукоположения на данный момент установить не удалось - прим. авторов), где пострижен в монахи и рукоположен в иеродиакона. В 1900 г. вернулся в Оптипу пустынь [53, лл. 737об.-738; 54, лл. 22об.,218об.,222об.-223].

Выше мы перечислили людей, которые подвизались не только в Гефсиманском скиту, но и в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. Сделано это не случайно, так как «…оптинские воспитанники часто группировались в одном месте, создавая своеобразные “духовные землячества”» (Запальский Г.М. 2007: 120). Учитывая живой интерес к своим воспитанникам, в Оптиной пустыни, и по возможности навещение их в новых монастырях, можно предположить, что связь всех насельников Гефсиманского скита, вышедших из пустыни, не прерывалась с духовной жизнью своей бывшей обители и, в первую очередь, с ее старцами. Распространив опыт старческого руководства по многим монастырям России, оптинские воспитанники принесли его и в Гефсиманский скит, где сформировалась своя самобытная «школа старчества», которая прославила скит далеко за пределами страны.

И так, сделаем несколько выводов:

1. Основание Гефсиманского скита проходило по образцу таких духовных центров России XIX в., известных своим старчеством, как Оптина пустынь.

2. Святитель Филарет (Дроздов) и преподобный Антоний (Медведев), находясь в духовном общении со старцами Оптиной пустыни, привлекли для становления духовной жизни Гефсиманского скита носителей духа оптинского старчества. Насельниками скита стали выдающиеся подвижники благочестия своего времени, монашеский путь которых некоторое время проходил в Оптиной пустыни под руководством старцев.

3. Связь с оптинскими старцами их ученики-«оптинцы» не прерывали, даже став насельниками другой обители. Мало того, они способствовали установлению духовного общения между насельниками Гефсиманского скита и Оптиной пустыни, которое стало постоянным и непрерывным.

Например, прп Варнава (Меркулов), ученик иеросхимонаха Александра (Стрыгина), а позднее иеромонаха Исидора (Козина), находился в духовном общении с прп Амвросием (Гренковым).

4. С момента основания Гефсиманского скита и до начала XX в. насельниками скита и Свято-Троицкой Сергиевой Лавры стали более двадцати выходцев из Оптиной пустыни, что позволило сформировать «духовное землячество» и в полной мере перенести дух старчества во вновь основанный скит.

5. Навещение оптинскими старцами своих учеников, ставших насельниками других обителей, способствовало укреплению духовных связей между монастырями.

6. Большинство оптинских воспитанников вступило в братство Гефсиманского скита в период с 1851 по 1861 гг., то есть в первые годы от основания скита, причем многие из них уже имели на то время священный сан, что благоприятно сказалось на формировании духовной жизни скита и ее фундамента - старчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гефсиманский скит и пещеры при нем. Сергиев Посад: СТСЛ, 1899.
2. РГАДА. Ф.1204, Оп.2, ед.хр. 364.
3. Оптинский патерик. Саратов: Издательство Саратовской епархии, 2006.
4. Семен Хрущов, послушник. Путевые записки утлой ладьи по бурному житейскому морю. - РГБ НИОР Ф. 214 Опт-406 Кн.3.

5. Григорий Вышеславцев, свящ. 1997. Учение о семейной жизни святителя Филарета Московского. - М.: Издательство «Синтагма».
6. РГБ НИОР. Ф.213, К.57, ед.хр. 19.
7. Яковлев А.И. 2012. Традиции русского старчества: святитель Филарет Московский и старец Варнава Гефсиманский. - Журнал Филаретовский альманах. Вып. №8.
8. Филимонов К.А. 1995. Черниговский скит: история архитектурного ансамбля. Сергиев Посад.
9. Нилус С.А. 1916. На берегу Божьей реки. Записки православного. Ч. 1. Сергиев Посад.
10. РГБ НИОР. Ф.213, К.8. ед.хр. 7.
11. Герман Гомзин, схиигум. 2004. О жизни и подвигах старца-затворника Гефсиманского скита, что близ Троице-Сергиевой Лавры, иеросхимонаха Александра. Сергиев Посад, изд-во СТСЛ.
12. РГБ НИОР. Ф. 213, К.8, ед.хр. 5.
13. Харлампий, иеромонах. 1880. Общежительная пустынь святого Параклита близ Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Москва.
14. РГАДА. Ф.1204, Оп. 1, ед. хр. 08916.
15. Соль земли. Сказание о жизни Старца Гефсиманского Скита Аввы Исидора. Под ред. Игумена Андроника (Трубачева). М.: «Издательский Дом «Русский Паломник», 2010.
16. РГБ НИОР. Ф.214, Опт.-367.
17. РГАДА. Ф.204, Оп. 1, ед.хр. 12532.
18. РГБ НИОР. Ф.213, К.1, ед. хр. 1.
19. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 07146.
20. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 07652.
21. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 07509.
22. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 09720.
23. РГБ НИОР. Ф.213, К.58, ед. хр.22.
24. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 12441.
25. РГБ НИОР. Ф.213, К.2, ед. хр. 16.
26. Леонид (Кавелин), иеромонах. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи: В 2 ч. М., 1885.
27. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 14393.
28. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 06801.
29. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 08976.
30. РГБ НИОР. Ф.214, Опт -361.
31. РГБ НИОР. Ф.214, Опт.-360.
32. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 07293.
33. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 07338.
34. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 08083.
35. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 08611.
36. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 12623.
37. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 08410.
38. РГАДА. Ф.1204, Оп.1., ед. хр. 07295.

39. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 08946.
40. РГБ НИОР. Ф.213, К.56, ед. хр. 23.
41. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 09192.
42. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 09454.
43. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 09409.
44. Преподобный Герман (Гомзин). Официальный сайт Свято-Смоленской Зосимовой мужской пустыни. [Электронный ресурс] - URL: http://zosymova-pustin.ru/pages/prepodobnyiy_german.html.
45. РГБ НИОР. Ф. 214, Опт.-363.
46. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 12142.
47. РГБ НИОР. Ф.214, Опт.-366.
48. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 12588.
49. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 12778.
50. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 12624.
51. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 13065.
52. РГАДА. Ф.1204, Оп.1, ед. хр. 13262.
53. РГБ НИОР. Ф.213, К.1, ед. хр. 3.
54. РГБ НИОР. Ф.214, Опт.-367.
55. Запальский Г.М. 2007. Оптина пустынь и ее воспитанники (1825-1917 гг.). Дисс. на соиск. уч. степени канд. исторических наук: 07.00.00, 07.00.02. М.: МГУ. 329 с.

Получена / Received: 25.09.2015
Принята / Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 1019-1026

Петроградский Богословский Институт как церковно-просветительский центр Петрограда в 1919-1923 гг.

М.И. Стриганова

Санкт-Петербургские Свято-Макарьевские богословско-педагогические курсы при Школе Военного Духовенства ГУ МЧС России
196105, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 149.
St. Petersburg St. Makary theological and pedagogical courses at the School of Military Clergy EMERCOM of Russia
Moskovsky avenue, 149, St. Petersburg 196105 Russia
e-mail: mstriganova@yandex.ru

Ключевые слова: Богословский институт, доступность, жизненность, практичность, просветительский центр.
Key words: Theological Institute, availability, vitality, practicality, educational center.
Резюме: Опыт Петроградского Богословского Института, основанного в годы гонений на Русскую Православную Церковь, представляет практический интерес для современной развивающейся системы богословского образования. Институт ставил перед собой цель готовить бескорыстных веропроповедников, готовых нести просветительское служение во всех слоях общества, используя все доступные методы и средства. В студенческие ряды впервые приглашались люди разного сословия, пола и возраста. Отношения учащих и учащихся строились на новой доверительной основе. Институт действовал как епархиальный духовно-просветительский центр.
Abstract: Experience the Petrograd theological institute founded in years of persecution by the Russian Orthodox Church, is of practical interest for modern growing system of theological education. The Institute set a goal to prepare selfless veropropovednikov, ready to bear educational Ministry in all sectors of society, using all available methods and tools. The student ranks for the first time invited people of different estates, sex and age. The relationship of teachers and students based on a new basis of trust. The Institute acted as a diocesan spiritual-educational center.
[**Striganova M.I.** Petrogradsky theological Institute as Church educational center of Petrograd in 1919-1923]

Петроградский Богословский Институт просуществовал всего три года, но его опыт подготовки образованных, самоотверженных пастырей и церковных деятелей способных вести просветительское служение в сложнейших условиях отрытого гонения на Церковь трудно переоценить.

Инициатором открытия Петроградского Богословского

института (ПБИ) стал Иван Павлович Щербов - заведующий Пастырским училищем, открытым по указу Святейшего Патриарха и Священного Синода вместо закрывшихся Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии.

Новое богословское учебное заведение, по мнению И.П. Щербова, следовало назвать не Академией, а Богословским Институтом. В отличие от Академий имеющих «задачею разработку богословской науки», Богословский Институт «должен быть организован на церковно-практических началах, живой связи с приходом - церковным народом», его главная задача должна заключаться в «обслуживании духовно-просветительских нужд местной епархии». Сокращение теоретического курса наук должно восполняться «практическою подготовкой и опытом» (ЦГИА Ф.2279. Оп.1.Д.8: 5-6).

Отличительной особенностью нового учебного заведения должна стать его миссионерская направленность. И.П. Щербов отметил, что в обществе с одной стороны под действием открытой пропаганды атеизма нарастает «религиозно-нравственное оскудение, одичание», а с другой стороны - к гонимой советской властью Церкви, «явившей многих страдальцев и мучеников за свои убеждения» растёт интерес многих людей, прежде её чуждавшихся.

Одной из ключевых задач И.П. Щербов считал задачу подбора будущих веропроповедников. После того как отпали «материальные преимущества духовной школы (казенное содержание, стипендии, общежитие) от неё отпало и «многочисленное юношество, которое заполняло духовную школу по случайным соображениям и нередко вносило в нее только разложение» (ЦГИА Ф.2279. Оп.1.Д.8: 2).

В докладной записке митрополиту Вениамину И.П. Щербов излагает свои мысли о том, на каких началах должно быть основано новое духовное учебное заведение:

«1. К духовному образованию должен быть открыт доступ всем желающим послужить церкви: не только юношам, но взрослым, не только мужчинам, но и женщинам - без какого-то не было ограничения относительно возраста. Но так как взрослые мужчины и женщины обычно заняты днем службою то занятия должны происходить в вечернее время.

2. В виду особенного значения Петрограда, как культурного центра Северной и отчатсти всей России, должен быть открыт Богословский институт. Сюда для прочного успешного богословского образования принимаются лица с законченным средним образованием и вообще с серьезной подготовкою.

3. Занятия в Богословском институте и на Богословских курсах ведутся с возможной экономией времени и сил учащихся. Для этого все внимание сосредотачивается собственно на богословских науках, светские, не исключая философских и классических языков, сокращаются.

4. Постановка учебного дела в Богословском институте и на Богословских курсах должна быть не отвлечённая теоретическая, оторванная от текущей действительности, а жизненная и церковно-практическая.

5. Кроме жизненности и практичности учебное дело должно отличаться гибкостью в учащихся развивать дух инициативы. Поэтому совет Института должен обладать полною свободою в введении новых предметов, курсов и методов преподавания, приглашении лекторов, избрании наставников и вообще устройстве своего быта.

Отношения между наставниками и студентами должны иметь не внешний, формально-юридический характер. Это не начальники и подчинённые, а старшие и младшие товарищи, дружно работающие на ниве Христовой; это кружок друзей или, лучше, домашняя церковь, члены которой, расходясь по разным уголкам епархии, сохраняют между собою внутреннюю связь.

6. Богословский Институт и Богословские курсы находятся в непосредственном ведении Петроградского митрополита и в самой тесной связи с приходской народною жизнью» (ЦГИА Ф.2279. Оп.1.Д.8: 4-4об.).

На докладной записке И.П. Щербова митрополит Вениамин положил резолюцию: «Благословляется изложенные начала устройства духовно-учебных заведений детально разработать». Во исполнение резолюции митрополита Вениамина Иван Павлович разработал стройную систему религиозного образования, включающую Богословские кружки и курсы как низшие ступени, Богословско-Пастырское училище

как средняя ступень и Богословский институт как высшее учебное заведение. «Извлечение из Положения о Богословском Институте» было опубликовано в «Петроградском Церковном Вестнике» и вызвало широкий отклик. От института ожидали, что он «должен явиться будильником духовной жизни в стране» (Сорокин, 2005: 210). В соответствии с поставленными миссионерскими задачами института, выдвинутыми послереволюционном временем в Положении, в частности, говорилось: «Являясь просветительным центром Епархии, Богословский Институт всякими способами, через наставников и студентов, старается уяснить духовные запросы интеллигенции и народа, выработать соответствующие меры воздействия, установить прочную связь с светскими верующими людьми и объединить их под руководством Митрополита для служения Православной Церкви и народу» (ЦГИА Ф.2279. Оп.1.Д.5: 9-10).

Богословский институт располагался в бывших митрополичьих покоях при Подворье Троице-Сергиевой лавры на Фонтанке. Это Подворье хранило память о свт. Филарете (Дроздове), который много потрудился над проблемами образования духовного юношества, здесь останавливался его ученик, автор проекта развития миссионерского дела в России и горячий сторонник устроения специальных миссионерских институтов, прп. Макарий (Глухарёв). Здесь трудился выдающийся миссионер свт. Иннокентий (Вениаминов) и, наконец, проживал Патриарх Тихон во время своего единственного приезда в Петроград в 1918 г.

Примечательно, что уже в первой докладной записке П.И. Щербова об устроении высшего духовного заведения на новых основаниях, мы видим созвучие его идей взглядам опытных миссионеров предлагавших в своё время существенно обновить систему подготовки православных благовестников. Так свт. Филарет по поводу необходимости устройства духовной школы на новых основаниях писал: «многие получившие образование в Духовных училищах, имея довольные сведения в учении веры и жизни Христианской, недовольно имеют свободы от мирских пристрастий….» (Филарет (Дроздов), 1871: 495). А прп. Макарий (Глухарёв)

убеждал, что наставники могли бы добиваться гораздо больших успехов если бы «не держали головы наподобие пустого колоса, но являли бы в себе классы мысленные с плодом ума, присутствию Божию и сердцу внимающего и мирная на воспитанников помышляющего» (Макарий (Глухарев), 2008: 184). Он же впервые высказал идею о привлечению к миссионерскому служению женщин. В своём проекте развития миссионерского дела в России прп. Макарий предлагал создавать девичьи миссионерские институты параллельно с юношескими (Макарий (Глухарёв), 2005: 343). Мысль И.П. Щербова о том, что для подготовки достойных веропроповедников нужно непременно создавать высшие богословские заведения, так же во многом созвучна взглядам прп. Макария, считавшего, что священник непременно должен «предшествовать народу на пути образованности» (Макарий (Глухарёв), 2005: 277).

Ректором института был избран прот. Николай Чуков (впоследствии митрополит Ленинградский Григорий). В своей речи в день торжественного открытия Богословского института он подчеркнул, что «Вопросы религиозные, вопросы веры и жизни положительно висят в воздухе; всякая беседа, всякая лекция, где только упоминается имя «Бог», привлекает массы. Нужно удовлетворение, нужны ответы, которые дали бы этому исканию разрешение. И эт удовлетворение должно быть дано в какой-то иной, новой форме, потому что прежняя не удовлетворяла, и не удовлетворила… Богословский институт и хотел бы, хотя в малой степени, послужить этой великой задаче» (ЦГИА Ф.2279. Оп. Д.13.: 6).

Отличительной чертой института стало объединение широкого круга ученых. Первоначально в нем было 6 профессоров и 6 преподавателей. Об уровне педагогического коллектива говорит список преподавателей и профессоров ПБИ, представленный Комиссией духовных учебных заведений Петроградской епархии на утверждение митр. Вениамину 19.12. 1919г.: Проф. Ф.К. Андреев, из преподавателей МДА, - на кафедру Христианской Апологетики; Проф. А.И. Бриллиантов, из профессоров ПДА, на кафедру Общей Церковной Истории; Проф. Н.Н. Глубоковский, из профессоров ПДА, на кафедру Св.

Писания Нового Завета; Проф. Л.П. Карсавин, из профессоров Петроградского Университета, на кафедру Греческого языка; Проф. Н.О.Лосский, из профессоров Петроградского Университета, на кафедру Христианской Метафизики; Преподав. П.П. Мироносицкий, магистр богословия, из преподавателей церковно-учительской школы, - на кафедру Церковно-славянского языка и Церковного пения. Проф. Б.А. Тураев, из профессоров Петроградского университета, - на кафедру Литургики; Преподав. Прот. Н.К. Чепурин, из приходских священников и миссионеров, на кафедру Церковного проповедничества; Преподав. Прот. Н.Н. Чуков, из епархиальных наблюдателей церковно-приходских школ и ректоров Духовной Семинарии, - на кафедру Христианской Педагогики и Дидактики Закона Божия; Преподав. И.П. Щербов, из преподав. Духовной Семинарии - на кафедру Догматического Богословия; Преподав. В.Б. Шкловский, из лекторов Петроградской Духовной Академии и преподавателей 3-го Педагогического Института, на кафедру (необязательного) латинского и новых языков; Преподав. Архимандрит Николай (Ярушевич) из преподавателей Духовной семинарии (ЦГИА Ф.2279. Оп.1.Д.8: 22-22об.).

При открытии в Петроградский богословский институт было принято 60 человек: 35 мужчин и 25 женщин; затем число студентов и вольнослушателей постоянно росло. Возраст студентов был от 18 до 60 лет, в институт поступали взрослые люди, сознательно стремившиеся послужить Церкви. Многие из них уже имели высшее образование, некоторые параллельно учились в светских вузах. ПБИ стал очагом духовного просвещения в Петрограде, его корпорацией были организованы общедоступные богословские лекции. Впервые цикл из 10 общедоступных богословских лекций был устроен Великим постом 1920 года. Особенно активен был проф. Ф.К. Андреев. Он читал публичные лекции, проводил беседы и произносил проповеди в различных церквах Петрограда. Так, в зале при церкви св. Великомученицы Екатерины в Екатерингофе им был прочитан цикл лекций на тему «Вера и знание». С детьми он вёл занятия по церковному пению.

Однако отношение властей к церкви постепенно

ужесточалось, в 1921 году были запрещены групповые занятия с детьми. По делу о «противодействии изъятию церковных ценностей» были арестованы Митрополит Вениамин, ректор Н. К. Чуков и несколько членов Корпорации Богословского института. В ночь с 12 на 13 августа Митрополит Вениамин, считавший ПБИ своим «детищем», настоятель Троице-Сергиева подворья архим. Сергий (Шеин) и Председатель Общества православных приходов Петрограда, обеспечивавший материальное содержание ПБИ, Ю. П. Новицкий были расстреляны. Несколько месяцев в заключении провёл И.П.Щербов. Осенью профессоров Н.О. Лосского и Л.П. Карсавина на пароходе «Пруссия» выслали за границу. В 1922 - 23гг. институт пытались захватить обновленцы. 2 мая 1923 года Совет ПБИ принял решение о самоликвидации. ПБИ успел сделать только один выпуск. Его окончили 26 человек, из них 9 женщин. Тем не менее, трудно переоценить начала новой богословской школы, которые были заложены в деятельности ПБИ, он дал пример осуществления религиозно-просветительских задач через подготовку образованных, опытных, горящих духом живой веры веропроповедников и - через разработку выдвигаемых жизнью богословских и церковно-практических вопросов. Возникшая в Париже богословская школа в память о ПБИ стала называться Богословским Институтом (Преподобный Сергий в Париже, 2010: 18). Бывшими преподавателями ПБИ в Парижском Свято-Сергиевском Богословском Институте были написаны многие богословские труды, без которых невозможно сегодня представить современное богословское образование. Сейчас, когда открываются многочисленные духовные школы, опыт ПБИ может быть особенно полезен.

ЛИТЕРАТУРА

Материалы к открытию Петроградского Института, посланные на утверждение митрополиту Вениамину (докладная записка, проект положения, указ об открытии. Декабрь 1919-1920). - ЦГИА Ф.2279. Оп.1.Д.8.

Сорокин В., прот. 2005. Исповедник: церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб.: зд -во Князь Владимирский

собор. 736 с.

Положение о Богословском институте в Петрограде и извлечение из него, помещенное в «Церковном Вестнике № 14 от 5 сентября 1919 г. - ЦГИА Ф.2279. Оп.1.Д.5.

Филарет (Дроздов) свт. 1871. Краткое начертание, извлеченное из обстоятельной записки. (Проект общежительного духовно-воспитательного заведения). Прибавление к изданию Творений Святых Отцов. М. № 24: 495-507.

Макарий (Глухарев) прп. 2008. Мысли об улучшении воспитания в духовном звании Ефимов А.Б Стриганова М.И. Мысли прп. Макария (Глухарева) о воспитании в духовном звании. М. 368 с.

Макарий (Глухарёв), прп. 2005. Мысли о способах к успешнейшему распространению Христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской Державе. Нестеров. С.В. Словом и житием наставляя. М. 365 с.

Программа, речи и поздравления в день торжественного открытия Богословского института. - ЦГИА Ф.2279. Оп. Д.13.

Преподобный Сергий в Париже. История Парижского Свято-Сергиевского Православного Богословского Института. СПб.: Росток, 2010. 710 с.

Получена / Received: 13.10.2015
Принята / Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 1027-1033

Two new species of the genus *Callimetopus* Blanchard, 1853 (Coleoptera: Cerambycidae) from Luzon Island

Arvīds Barševskis

Daugavpils University
Institute of Life Sciences and Technology
Coleopterological Research Center
Vienības str. 13, Daugavpils LV-5401 Latvia
e-mail: arvids.barsevskis@du.lv

Key words: Coleoptera, Cerambycidae, *Callimetopus*, fauna, new species, taxonomy, Philippines.
Abstract: Two new species of the genus *Callimetopus* Blanchard, 1853 (Coleoptera: Cerambycidae) from Luzon Island (The Philippines) are described and illustrated: *C. anichtchenkoi* **sp. n.** and *C. shavrini* **sp. n.** The genus now includes 38 described species.

INTRODUCTION

The genus *Callimetopus* Blanchard, 1853 (Coleoptera: Cerambycidae) is a long-horned beetle not well studied genus, which belongs to the species rich subfamily Lamiinae and tribe Pteropliini. Last revision, which includes 25 species of this genus and the key, was published by Breuning (1962). The key in Breuning (1962) included four species (*C. principalis* Heller, 1924, *C. superbus* Breuning, 1947, *C. pulchellus* Schultze, 1922 and *C. gloriosus* Schultze, 1922), which later were transferred by Vives (2005) to the genus *Acronia* Westwood, 1863.

In next years after Breuning (1962) 15 taxa of *Callimetopus* were described: *C. paracasta* Breuning, 1965, *C. mindanaoensis* Breuning, 1980, *C. siargoanus mindanaonis* Breuning, 1980, *C. vivesi* Breuning, 1981, *C. longior* Hüdepohl, 1990, *C. samarensis* Vives, 2012, *C. acerdentibus* dela Cruz & Adorada, 2012, *C. niveuseta* dela Cruz & Adorada, 2012, *C. stanleyi* dela Cruz & Adorada, 2012, *C. mindorensis* dela Cruz & Adorada, 2012, *C. cretumus* dela Cruz & Adorada, 2012, *C. pectoralis* dela Cruz & Adorada, 2012, *C. bilineatus* Vives, 2015, *C. danilevskyi* Barševskis, 2015, *C. lazarevi* Barševskis, 2015 (Barševskis et al (eds.) 2015). Later, two species of this list (*C. mindanaoensis* Breuning, 1980, *C.*

vivesi Breuning, 1981) were transferred to the genus *Faustabryna* Breuning, 1961 (Vives 2014). Dela Cruz & Adorada (2012) published key for 19 species of *Callimetopus* of the Philippines, and described genital structures for members of this genus for the first time.

Species of the genus *Callimetopus* are distributed in the Oriental region and was represented by 36 species: 30 species are known from the Philippine archipelago, *C. rhombiferus* (Heller, 1913) from Panay Island in the Philippines, 2 species (*C. pantherinus* Blanchard, 1853 and *C. litturatus* Aurivillius, 1926) from the Moluccas, *C. nigritarsis* Pascoe, 1865 from Moluccas and Malaysia, *C. paracasta* Breuning, 1965 from Borneo island, and 1species from Celebes and Malaysia. Barševskis (2015c) described two new species (*C. danilevskyi* Baševskis, 2015 and *C. lazarevi* Barševskis, 2015) of this genus and published new data about distribution of *C. ornatus* Schultze, 1934.

In recent years, the beetle fauna of the Philippine arcipelago has been intensively investigated. Over the last three years are published a lot of taxonomic papers with descriptions of new species of Cerambycidae from the Philippines (Vives 2012a, 2012b, 2013, 2014a, 2014b, 2015a, 2015b; Barševskis 2013, 2014a, 2014b, 2014c, 2014d, 2015a, 2015b;2015c Barševskis & Jaeger 2014).

In this paper two new species of the genus *Callimetopus* from the Luzon Island (Philippines) are described and illustrated. The genus now includes 38 described species. This study is a part of revision of the genus *Callimetopus*, which started in this year by me.

MATERIAL AND METHODS

The studied material is deposited in the beetles collection of Daugavpils University, Institute of Life Sciences and Technology, Coleopterological Research Centre (Ilgas, Daugavpils Distr., Latvia) (DUBC). All specimens have been collected in the Philippines by local collectors.

The laboratory research and measurements have been performed using *Nikon* AZ100, *Nikon* SMZ745T and *Zeiss* Stereo Lumar V12 digital stereomicroscopes, NIS-Elements 6D software,

Canon 60D and *Canon* 1 Ds Mark II cameras. The map of the Philippine archipelago (Fig. 1) have been drawn using the software *ArcGis 10*.

RESULTS

Callimetopus anichtchenkoi sp. n. (Fig. 2)

Type material. Holotype, female**,** Philippines, Luzon Isl., Mt. Province, 06.2013, local collector leg. (DUBC).
General distribution: Philippines: Luzon Isl. (Fig. 1).
Description. Body red brown, with very light luster and yellow brown pubescence, evenly covered surface of body. Length: 16.5 mm, width: 6.2 mm.

Head flat, wide, with almost parallel sides, with slightly convex eyes and slightly widened cheeks. Surface of head evenly covered with yellow brown pubescence, with sparse brown dots. Head between eyes and antennal bases with thin longitudinal keel. Labrum pubescent, with yellow brown hairs, which relatively longer than that on other parts of head. Clypeus brown, transverse, with light luster and long yellow brown pubescence. Mandibles glossy, slender, moderately narrow and sharp. Antennae red brown and relatively short, covered by dense yellow brown pubescence; 1st antennomere thickened, with sparse coarse brown punctures between pubescence; 3rd antennomere longer than 4th; remaining antennomeres brown, in anterior part slightly darkened.

Pronotum almost cylindrical, with acute basal angles, red brown, with yellow brown evenly covered pubescence, with coarse punctation. Basal part of dorsal disc of pronotum with distinct smooth middle line, reaching middle length of pronotum. Anterior ventro - lateral pair of spines sharp, extended. Antero - lateral humps of pronotum very small, almost unvisible. Scutellum small, rounded apically.

Elytra red brown, glossy, flattened dorsally, without visible humps behind shoulders, finely punctate. Basis of elytra concaved at shoulders. Entire surface of elytra evenly covered with yellow red pubescence. Each elytron behind middle with slightly visible unclear

narrow pale line and with several small pale spots with similar pubescence. Apical part of elytra along suture with narrow flat keel-shaped elevation. Apex of elytra rounded, without visible projections, with many long hairs.

Bottom side of body covered with dense yellow brown pubescence. Legs red-brown, slightly glossy, covered with red-brown and brown dense pubescence. Tarsomeres brown, covered with pale pubescence.

Differential diagnosis. The new species differs from other described species of the genus *Callimetopus* by red brown coloration of body and yellow brown pubescence, which evenly covered the surface of body. Other *Callimetopus* species with different coloration of the body and another features of the pubescence.

Etymology. This species is named after my colleague and friend, carabidologist Alexander Anichtchenko (Daugavpils, Latvia) in appreciation of cooperation and support.

Callimetopus shavrini sp. n.
(Fig. 3)

Type material. Holotype, female, Philippines, Luzon Isl., Sierra Madre, Quirino, 06.2013, local collector leg. (DUBC).

General distribution: Philippines: Luzon Isl. (Fig. 1).

Description. Body black, with light luster and white pubescence, unevenly distributed on surface of body. Length: 21.8 mm, width: 7.5 mm.

Head flat, wide, with almost parallel sides, with slightly convex eyes and slightly widened cheeks. Surface of head, except anterior part, with uneven white pubescence, with sparse black dots. Head between eyes and antennal bases with thin longitudinal keel. Labrum with brown and pale pubescence. Clypeus red brown, transverse, with light luster. Mandibles glossy, curved inwards apically, sharp. Antennae black and short. First antennomere thickened, with white uneven pubescence and dense coarse punctures; 3rdantennomere longer than 4th, with light white pubescence basally; remaining antennomeres black.

Pronotum almost cylindrical, with acute basal angles, black, with white uneven pubescence, with sparse and coarse punctation.

Anterior parts of dorsal disc of pronotum smooth, with indistinct black spot, without pubescence. Anterior ventro - lateral pair of spines sharp, extended. Antero - lateral humps visible, slightly extended. Scutellum small, with line of dense white pubescence laterally.

Elytra black, glossy, flattened dorsally, with small slightly visible humps behind shoulders, finely punctate. Basis of elytra concaved at shoulders. Entire surface of elytra unevenly covered with white pubescence (some places of elytral pubescence of holotype loss). Each elytron with two irregular black smooth spots, without pubescence: first spot located at shoulder area, second spot in apical part of elytra. Apical part of elytra along suture with narrow flat keel-shaped elevation. Apex of elytra subtruncate, with visible projections and with many long hairs.

Bottom side of body covered with dense white pubescence, with small black dots. Legs black, slightly glossy, covered with pale dense pubescence,with black small spots. Tarsomeres black, covered with pale and black pubescence.

Differential diagnosis. The new species differs from other species of the genus *Callimetopus* by white unicoloured pubescence, which unevenly covered the surface of body.Pubescence of other species different, it is often bicoloured.

Etymology. This species is named after my colleague and friend, staphylinidologist Alexey Shavrin (Daugavpils, Latvia) in appreciation of cooperation and support.

REFERENCES

Barševskis A. 2013. Contribution to theknowledge of the genus *Doliops* Waterhouse, 1841 (Coleoptera: Cerambycidae). - Baltic Journal of Coleopterology. 13(2): 73-89.

Barševskis A., Jaeger O. 2014. Type specimens of the genera *Doliops* Waterhouse, 1841 and *Lamprobityle* Heller, 1923 (stat. nov.) (Coleoptera: Cerambycidae) and description of two new species deposited in Senckenberg Natural History collections Dresden, Germany. - Baltic Journal of Coleopterology. 14(1): 7-19.

Barševskis A. 2014a. A review of species of the genus *Lamprobityle* Heller, 1923 (Coleoptera: Cerambycidae). - Acta Biol. Univ. Daugavp. 14(2): 97-113.

Barševskis A. 2014b. A new genus and species of long-horned beetles of the tribe Apomecyni Lacordaire, 1872 (Coleoptera: Cerambycidae: Lamiinae) from the Philippines. - Acta Biol. Univ. Daugavp. 14(2): 109-114.

Barševskis A. 2014c. A new species of the genus *Myromeus* Pascoe, 1864 (Coleoptera: Cerambycidae) from the Philippines. - Baltic J. Coleopterol. 14(2): 199-203.
Barševskis A. 2014d. New species and new records of the genus *Doliops* Waterhouse, 1841 (Coleoptera: Cerambycidae). - Baltic J. Coleopterol. 14 (1): 113-135.
Barševskis A. et al. (eds.) 2015. Cerambycidae of the World. Online database. www.cerambycidae.org. - [25.10.2015].
Breuning S. 1947. Nouvelles formes de Longicornes du Musée de Stockholm. - Arkiv för Zoologi. Uppsala 39A(6): 1-68.
Barševskis A. 2015a. A new species of the genus *Mimacronia* Vives, 2009 (Coleoptera: Cerambycidae). - Baltic J. Coleopterol. 15(1): 1-8.
Barševskis A. 2015b. To the knowledge of the genus *Mimacronia* Vives, 2009 (Coleoptera: Cerambycidae). - Acta Biol. Univ. Daugavp, 15(2): 405-409.
Barševskis A. 2015c. Two new species of the genus *Callimetopus* Blanchard, 1853 (Coleoptera: Cerambycidae). - *A*cta Biol. Univ. Daugavp. 15 (2): 411-417
Breuning S. 1962. Bestimmungstabelle der Lamiiden - Tribennebst Revision der Pteropliini der Asiatischen Region (Coleoptera: Cerambycidae). I Teil. - Entomologischen Arbeiten aus dem museum F. Grey, Tutzing. 13(2): 371-493.
dela Cruz B.M.N., Adorada J.R. 2012. Six new species of the genus *Callimetopus* Blanchard (Coleoptera: Cerambycidae: Lamiinae: Pteropliini) from the Philippines. - Philipp. Ent. 26(2): 103-119.
Schultze W. 1934. Thirteenth Contribution to the Coleoptera fauna of the Philippines. - The Philippines Journal of Science. 53(3): 311-337, 2 pl.
Vives E. 2011. New or interesting longhorns from the Philippines (Part IV) (Coleoptera, Cerambycidae). - Les Cahiers Magellane. NS. 3: 9-19.
Vives E. 2012a. New or interesting Cerambycidae from the Philippines (Part VI) (Coleoptera, Cerambycidae). - Les Cahiers Magellanes. NS. 9: 34-46.
Vives E. 2012b. New or interesting Cerambycidae from the Philippines (Part V) (Coleoptera, Cerambycidae). -.Les Cahiers Magellanes, NS, 7: 70-82.
Vives E. 2013. New or interesting Cerambycidae from the Philippines (Part VII) (Coleoptera,Cerambycidae). - Les Cahiers Magellanes. NS. 11: 62-75.
Vives E. 2014a. New or interesting Cerambycidae from Philippines (IX). (Coleoptera, Cerambycidae). - Elytron, Barcelona [2013]. 26: 37-47.
Vives E. 2014b. New or interesting Cerambycidae from Philippines (VIII): the genus Faustabryna Breuning, 1961 (Coleoptera, Cerambycidae, Lamiinae). - Les Cahiers Magellanes. NS. 15: 6-13.
Vives E. 2015a. New or interesting Cerambycidae from Philippines (XII). (Coleoptera, Cerambycidae, Lamiinae). - Boletin de la S. E. A. 56(1): 49-60.
Vives E. 2015b. New or interesting Cerambycidae from the Philippines (Part X) (Coleoptera, Cerambycidae, Cerambycinae). - Les Cahiers Magellanes. NS. 18: 1-18.

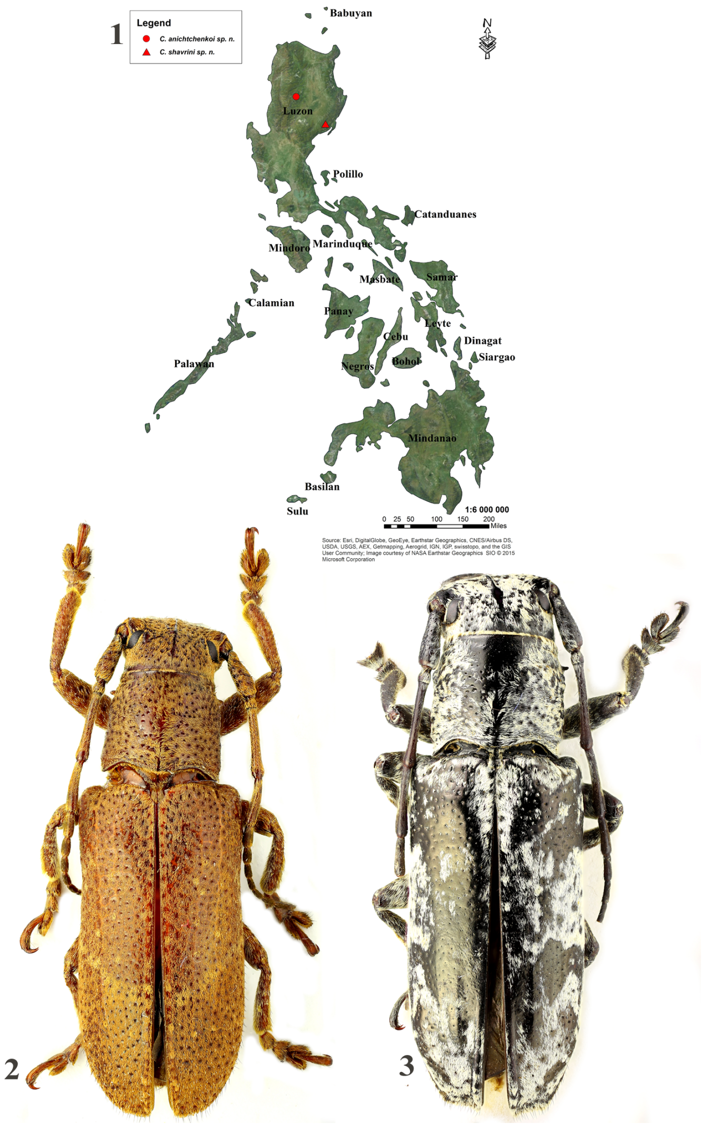

Fig. 1. Distribution of *C. anichtchenkoi* **sp. n.** and *C. shavrini* **sp. n.**
Fig. 2. *Callimetopus anichtchenkoi* **sp. n.**
Fig. 3. *Callimetopus shavrini* **sp. n.**

Received: 29.10.2015
Accepted: 30.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 1034-1084

New and poorly known taxa of the genus *Cortodera* Mulsant, 1863 (Coleoptera, Cerambycidae) from South Europe and Near East

M.L. Danilevsky

A.N. Severtzov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Leninsky prospect 33, Moscow 119071 Russia
e-mail: danilevskyml@rambler.ru, danilevsky@cerambycidae.net

Key words: Coleoptera, Cerambycidae, Lepturinae, Cortodera, new taxa, new synonyms, new ranks, lectotype designations, Greece, Bulgaria, Turkey, Iraq.

Abstract: A big *Cortodera* collection of Stanislav Kadlec **(**Národní Museum, Prague) is revised together with several more big collections; 20 new taxa are described and illustrated: *C. humeralis moreensis* **ssp. n.** is described from Greece. The lectotypes of *C. semilivida* Pic, 1892a and *C. obscurans* Pic, 1894 are designated. The connection between *C. semilivida* and *C. orientalis* Adlbauer, 1988 is supposed. The area of *C. pumila meltemae* Özdikmen, Mercan et Cihan, 2012 is widened to about whole Anatolia. *C. wittmeri* Holzschuh, 1995 is regarded to be distributed all over most part of Anatolia. *C. w. wittmeri* is recorded from 5 provinces: Niğde, Içel, Antalya, Konya and Aksaray. Four new subspecies are described: *C. w. akshehirensis* **ssp. n. (**Konya**)**, *C. w. sivasensis* **ssp. n.** (Sivas), *C. w. malatyaensis* **ssp. n.** (Malatya) and *C. w. gevashensis* **ssp. n. (**Van**).** *C. alpina rosinae* Pic, 1902 (originally described as *C. xanthoptera* var. *rosinae* Pic, 1902) is accepted for Akçehir (Konya). *C. flavimana* (Waltl, 1838) is composed of 12 subspecies: *C. f. flavimana* (from Serbia and Hungary to NW Anatolia: Bolu, Zonguldak)*, C. f. schurmanni* Sama, 1997, **stat. n.** (Greece, Peloponnesus), *C. f. zoiai* Pesarini & Sabbadini, 2009, **stat. n.** (north of Izmir prov., Turkey), *C. f. rufipes* Kraatz, 1876 (Izmir env., Turkey), *C. f. inonuensis* **ssp. n.** (northern most area of Kütahya and western most area of Eskişehir), *C. f. angorensis* **ssp. n.** (northern Ankara, Çankiri, Amasya), *C. f. corallipes* Pesarini & Sabbadini, 2009 (Trabzon, Erzurum, Gümüşhane, Artvin), *C. f. karsensis* **ssp. n.** (Kars, Ardagan), *C. f. sergeyi* **ssp. n.** (Tuncely), *C. f. oezdikmeni* **ssp. n.** (Kahramanmaras), *C. f. torosensis* **ssp. n.** (Içel, Adana), *C. f. sultanensis* **ssp. n.** (Afyon and Konya: south and west sides of Akşehir Lake along Sultandag Ridge). *C. neali* Danilevsky, 2004 is recorded for Iraq. *C. colchica aksarayensis* Özdikmen & Özbek, 2012**, stat. nov.** is downgraded to subspecies rank; its area is widened to about whole south Anatolia (Aksaray, Konya, Antalya, Muş Malatya, Içel, Sivas). Two new subspecies of *C. colchica* Reitter, 1890 from Turkey are described: *C. c. erzurumensis* **ssp. n.** (Erzurum), *C. c. porsukensis* **ssp. n.** (Eskişehir). *C. c. aestiva* Sama & Rapuzzi, 1999, **stat. n.** is proposed. Two new species similar to *C. colchica* are described: *C. kadleci* **sp. n. (**Erzincan), *C. napolovi* **sp. n.** (Muş, Buglan Geçidi). A female of *C. discolor discolor* Fairmaire, 1866 from near type locality is illustrated. Three new subspecies of *C. discolor* are described: *C. d. ankarensis* **ssp. n.** (Ankara), *C. d. gumushanensis* **ssp. n.** (Gümüşhane), *C. d. bitlisiensis* **ssp. n.** (Bitlis). *C. alpina tatvanensis* **ssp. n.** is described from Bitlis.

The current article is based on enormous *Cortodera* collection of Stanislav Kadlec containing many new taxa. A part of it was sent to me for study from Národní Museum, Prague. Several series were also received by me from Zoological Museum of Moscow University, as well as from collections of Sergey Murzin, Alexander Napolov and Hüseyin Özdikmen.

Abbreviations of collections:
AN - collection of A.Napolov, Riga
HO - collection of H.Özdikmen, Ankara
MD - authors's collection, Moscow
MNHP - Muséum National d'Histoire Naturelle, Paris
NMP - Národní Museum, Prague
SM - collection of S. Murzin, Moscow
ZMM - Zoological Museum of Moscow University

Cortodera humeralis moreensis ssp. n.
Figs 1-3

Cortodera aspromontana, Sama, 2002: 21, part. (including southern Greece).
Cortodera humeralis aspromontana, Sama & Löbl, 2010: 122, part. (including Greece).

Type locality: Greece, Arkhadia, Peloponnesus, Vourvoura env., 37°19"N, 22°29'E, 900m.

The new taxon was traditionally fused with *C. h. aspromontana* G. Müller, 1948; body relatively longer; male elytra longer than wide in about 2.6 times, while in Italian *C. h. aspromontana* male elytra longer than wide in about 2.4 times; pronotal pubescence in males of *C. h. moreensis* **ssp. n.** very short, often indistinct; in females - longer and distinct; elytra with bigger and sparser punctation than in *C. h. aspromontana*; all three main forms of *C. humeralis* (Schaller, 1783) are available: elytra yellow, yellow with black suture, or black with yellow humeral spots; legs black with more or less wide yellow femora bases and lightened anterior tibiae; anterior femora often yellow with black apices. The specimens from Northern Greece have narrower elytra, than in specimens from Peloponnesus, but pronotum with distinct

pubescence and elytra with denser punctation; body length in males: 9.4-10.7mm, width: 2.8-3.0mm; body length in females: 9.0-10.7mm, width: 2.7-3.2mm.

Materials. Holotype, male, "Greece, Arkhadia, Peloponnesus, Vourvoura env., 37°19"N, 22°29'E, 900m, 22.5.2003, R.Hergovits leg. - MD; 15 paratypes; 6 males and 2 females with same labels - MD; 2 males, "Hellas - Graecia S, Peloponnes p., Arna [south Laconia, 36°52'40"N, 22°24'54"E], 13.5.2000, S. Kaluz leg." - SM; 1 female, "Hellas - Graecia S, Peloponnes, Pamon Mts. [37°07′N, 22°44′E], Geráki env., 16-17.5.2000, S. Kaluz leg." - SM; 3 males and 1 female, "Greece, Meteora, Koniskos env., 10.5.2014, Snizek leg." - MD, SM.

Distribution. Greece from Meteora to Peloponnesus.

Cortodera semilivida Pic, 1892
Figs 4-6

Cortodera semilivida Pic, 1892a: cxciii - "Syria"; 1893: 414 - "Haute-Syrie"; Sama & Löbl, 2010: 123, part. - Syria, Turkey.

Cortodera semilivida var. *diversipes* Pic, 1898b: 49 - "Akbès" (unavailable name).

? *Cortodera humeralis orientalis* Adlbauer, 1988: 264 - "Amanusgebirge, Nurdagi Geçidi E Osmanie"; Sama & Löbl, 2010: 123.

? *Cortodera orientalis,* Sama, 2002: 21; Danilevsky, 2010: 224.

Cortodera semilivida, Sama & Löbl, 2010: 123, part. - "**A:** SY TR"

Type locality: Hatay prov. in south-east Turkey.

The syntypes of *C. semilivida* Pic, 1892a were regarded as unknown. According to G.Tavakilian (personal message, 2014) only two pin wholes are observed now at the bottom label "*semilivida*" in Pic's collection. The "type" (Fig. 4) of *Cortodera semilivida* var. *diversipes* Pic, 1898b (equiped with label "type" - Fig. 5) was just discovered by me in Plavilstshikov's collection - ZMM. Besides 5 specimens (Fig. 6: 3 males, 1 female and 1 specimen without abdomen) of "*Cortodera semilivida* var. *diversipes* Pic, 1898b" are preserved in Pic's collection in Museum d'Histoire Naturelle, Paris. Not a single one has a label "type".

The original description of the species was based on two specimens ("8-9 mil"): a female was described first: "la coloration des pattes, chez la femmele que je possède, est entièrement noire",

then a male ("J'attribue à cette espèce une forme mâle"), wich had same characters (bicolored legs), that were observed now in the specimen from Plavilstshikov's collection. That "forme mâle" of the original description was later described as *Cortodera semilivida* var. *diversipes* Pic, 1898b (without indication of materials, but from same area as the typical *semilivida*, and so the name is unavailable). The publication (Sama & Löbl, 2010: 123) of the name "*diversipes* Pic" as a synonym of "*Cortodera schurmanni* Sama, 1997" from Greece was just a nonsense. I've declared that position as "lapsus calami", but the name C. *diversipes* Pic, 1898b was wrongly published by me (Danilevsky, 2010: 225) as a valid name (= *schurmanni* Sama, 1997).

Most probably a male from Plavilstshikov's collection was mentioned in the original description and could be designated here as a lectotype of *Cortodera semilivida* Pic, 1892a. Same specimen could be used as a "type" of *C. semilivida* var. *diversipes* Pic. A female from the type series with all legs black is unknown, but could be accepted as a paralectotype when available.

The species is similar to *C. humeralis* (Schaller, 1783) and according to the original description: "doit être au moins reconnue comme variété remarquable de cette espèce".

C. humeralis orientalis Adlbauer, 1988 (Figs 7-9) was also described from Amanus Mountains. The taxon was later accepted by Sama (2002) as a species: "*C. orientalis*", then the status of the name was downgraded by him to the subspecies level (Sama & Löbl, 2010: 123) and same year upgraded once more by me (Danilevsky, 2010). *C. orientalis* has just same color of body, legs and antennae as *C. semilivida,* but seems to be a different species because of much wider thorax (though similarly punctated), longer apical joints of maxillary palpi, sparser elytral punctation, especially near scutellum; besides *C. orientalis* seems to be usually much bigger. Still, better series from different localities of Amanus Mountains could show the synonymy of both names.

Sometimes specimens of *C. pumila meltemae* Özdikmen, Mercan, and Cihan, 2012 are also very similar to *C. semilivida*. *C. p. meltemae* has just same size, that all known *C. semilivida* and just same shape of prothorax, but apical joints of palpi are usually distinctly shorter, glabrous line of pronotum indistinct or hardly

visible, lobes of 3rd tarsi joints shorter.

The final decision on the relations between *C. semilivida, C. orientalis* and *C. p. meltemae* needs better study of *Cortodera* specimens from Amanus Mountains.

According to the studied specimens the body length in males: 8.5-9.7 mm, in female: 9.7 mm.

Distribution. Hatay province in Turkey. The records for Syria need confirmation. According to Adlbauer (1988) *C. orientalis* is connected with *Quercus*.

Materials (6 specimens, 8.0-9.7mm**).** Male (Fig. 4 - 9.5 mm), "type" of *Cortodera semilivida* var. *diversipes* Pic, 1898b, lectotype [present designation] of *Cortodera semilivida* Pic, 1892a with 6 labels: 1) type, 2) [small white square], 3) Akbés, 4) Syrie, 5) *Cortodera semilivida* var. *diversipes* Pic, 6) *semilivida* Pic - ZMM; 1 male (Fig. 5 - 1st specimen - 8.5 mm) with 4 labels: 1) Syrie, Amanus, C.D. 1891, 2) [pink circle], 3) *semilivida* Pic, v. *diversipes* Pic, 4) Museum Paris, Coll. M. Pic - MNHP; 1 specimen without abdomen (Fig. 5 - 2nd specimen - 8.0 mm) with 3 labels: 1) Syrie, 2) v. *diversipes* Pic, 3) Museum Paris, Coll. M. Pic - MNHP; 1 male (Fig. 5 - 3rd specimen - 9.0 mm) with 4 labels: 1) Syrie, Amanus, C.D. 1891, 2) [pink circle], 3) v. *diversipes* Pic, 4) Museum Paris, Coll. M. Pic - MNHP; 1 female (Fig. 5 - 4th specimen - 9.7 mm) with 4 labels: 1) [small white square], 2) Syrié, 3) v. *diversipes* 4) Museum Paris, Coll. M. Pic - MNHP; 1 male (Fig. 5 - 5th specimen - 9.7 mm) with 3 labels: 1) Syrie, Amanus, C.D. 1891; 2) hardly readable; 3) Museum Paris, Coll. M. Pic - MNHP.

C. orientalis Adlbauer, 1988: 1 male, 1 female with label: Tr, Adana vill., Hasanbeyli env., Nurdagi Geç., 17.5.2002, Košťál and Voříšek leg. - MD; 1 male with label: Turkey (prov. Adana), Hasanbeyli env., pass, 37°07'N, 36°34'E, 19-25.05.2001, P. Bialooki leg. - MD.

Cortodera pumila meltemae Özdikmen, Mercan & Cihan, 2012
Figs 10-13

Cortodera pumila meltemae Özdikmen, Mercan & Cihan, 2012: 746 - Ankara prov.: Kızılcahamam, Güvem; Aksaray, entry of Nevşehir-Aksaray; Ankara prov.: Kızılcahamam, Soğuksu National Park; Bolu prov.: Abant.

Type locality: Ankara prov.: Kızılcahamam, Güvem.

The taxon was described on the base of 10 specimens from 4 localities. Kadlec collection [NMP] contains 48 specimens from many new localities. Big series in good condition allow to propose a new morphological diagnosis of *C. p. meltemae*.

Elytral suture in all specimens is really never darkened, as it was noted in the original description, but it is also the most usual condition in many populations of Caucasian *C. pumila pumila.* Antennae nearly always pale, but sometimes totally dark; elytra are always uniformly yellow-brown, darker or lighter, but never with darkened areas; suture is also always pale; shape of apical joints of maxillary palpi more or less elongated, or a little widened, triangular, often a little different inside one population; thoracic shape and pubescence also rather variable; thorax wider or longer, pronotal setae sometimes very dense and usually arranged in two rows; legs usually bicolored, very rare totally pale (one female from Bolu); the darkest available specimen (male from Bolu) has about totally black middle and hind legs (with only femora bases reddish), anterior legs pale with black tarsi and black apices of femora and tibiae; usually anterior legs totally pale, while middle and hind legs black with reddish basal part of all femora; often all legs reddish with black apices of hind femora; abdomen usually black, or with reddish posterior segments, especially in females; body length in males: 7.9-10.0mm; body length in females: 8.5-10.8mm.

Materials. 7 males, 1 female, E Turkey, Sarikamis, 80 km NE Horasan, 4118N, 4229E, 25.6.1999, M.Rejzek leg. - NMP; 2 males, 1 female, TR, prov. Zonguldak, Safranbolu, 1000m, 4-5.6.1996, V. Švihla leg. - NMP; 8 males, 10 females, TR, Bolu prov., Abant gölü, 1200m, 4.6.1996, P.Zahradnik leg. - NMP; 1 female, Kizilcahamam, Juni 1973, L.Steiner leg. - NMP; 4 males, 2 females, TR, vil. Sivas, 1800m, Kurbagalibeli (N Zara), 4.6.1998, S. Kadlec leg. - NMP; 3

males, 2 females, Turcia C, Eskişehir, Porsuk bajari, 22.5.1998, M.Snyek leg. - NMP; 3 males, NW Turkey, Güvem SW Çerkeş (1080m), 4039N, 3243E, 31.V.2001, P. Kabátek leg. - NMP; 3 males, same data, S. Kadlec leg. - NMP; 1 female, same data, M.Rejzek leg. - NMP.

Distribution. North and Central Turkey: from Bolu, Zonguldak and Ankara to Sivash and Kars; known from Aksaray.

Cortodera wittmeri Holzschuh, 1995
Figs 14-39; Map 1

Cortodera wittmeri Holzschuh, 1995: 9 - "Turkey, Ulukişla" (37°32'56"N, 34°29'5"E); Özdikmen, 2014: 311 - "known only from the type locality".

Type locality: Turkey, Niğde prov., Ulukişla (37°32'56"N, 34°29'5"E).

The species seems to be connected with "*colchica*-group" because of long erect pronotal male pubescence and presence of several forms with red abdomen, legs and antennae. It is characterized by very stable elytral design: elytra can be totally black or totally light-brown without any peculiar design typical for *C. colchica* Reitter, 1890.

Head transverse, with strongly angulated temples diverging posteriorly; apical joints of maxillary palpi more or less triangular, often elongated; male antennae protruding beyond 0.6 of elytral length or reaching apical elytral forth, in females a little surpassing elytral middle or about as long as in males; 2nd antennal joint short, about as long as wide; 1st, 3rd, 4th and 5th joints can be about equal in length or 5th joint is the longest, 1st and 4th about equal and 3rd distinctly shorter; antennae usually totally black, or with pale several basal joints, or totally pale-brown. Prothorax transverse, slightly widened near middle; in males about 1.2 times wider at base than long; in females - about 1.3 times; in males about 1.6 times wider posteriorly than anteriorly; in females - about 1.5 times; pronotal punctation small and regular, interspaces near middle are often bigger than dots; smooth central elongated area usually relatively wide and shining; pronotal pubescence pale in specimens with brown elytra, or black in specimens with black elytra, erect and long in

males or shorter and recumbent in females, with scattered erect setae; scutellum black, shining. Elytra light-brown or black both in males and in females; in males about 2 times longer than wide, gradually tapering posteriorly, in females - usually about 1.9.times longer than wide, less tapering posteriorly, often nearly parallelsided; but sometimes female elytra can be more elongated about 2.2 times longer than wide; elytral punctation small and regular, punctures near suture a little smalle than along elytral middle; elytral pubescence semierect, much shorter in females; several erect setae can be near scutellum in males; black elytra with black pubescence, pale elytra with pale pubescence. Legs usually totally black, or anterior tibiae more or less lightened, or anterior tibiae and femora partly reddish-brown, or anterior tibiae and femora totally reddish-brown, or all tibiae pale, anterior femora pale, other femora with pale bases, tarsi also can be partly pale. Abdomen totally black, or black with reddish hind segments or totally reddish-brown; abdominal pubescence mixed of scattered erect and recumbent pale setae; pygidium in males slightly concave, never deeply emarginated, postpygidium rounded; last abdominal tergite in females and last abdominal sternites in both sexes widely rounded; body length in males: 7.0-10.7mm, width: 2.3-3.6mm; body legth in females: 7.3-12.0mm, width: 2.6-3.9mm.

Distribution. Many populations are known in Anatolia from Akşehir province to Van, nothwards to Sivash and southwards to Antalya. Three of them will be described here as new subspecies.

Cortodera wittmeri wittmeri Holzschuh, 1995
Figs 14-17; Map 1: 1-10

Cortodera wittmeri Holzschuh, 1995: 9 - “Turkey, Ulukişla”.

Type locality: Turkey, Niğde prov., Ulukişla (37°32'56"N, 34°29'5"E).

The original description was based on a single male. Many newly studied series allow to propose several new characters.

Elytra brown (only one male from Antalya has black elytra, another male from the type locality with bright-yellow elytra); antennae, legs and abdomen are often totally black, but anterior

tibiae usually lightened; the holotype (Holzschuh, 1995) with reddish-brown abdomen ("ziemlich hell rotbraun") partly darkened anteriorly; one male from the type locality with totally red anterior legs (Fig. 14); one female from Antalya (Fig. 17) with brownish tibiae and lightened bases of all femora and only that one female has pale last three abdominal sternites; elytral bases in males with numerous erect setae; apical joints of maxillary palpi from very short, triangular to more or less elongated; body length in males: 7.0-10.7mm, width: 2.3-3.5mm; body legth in females: 7.3-12.0mm, width: 2.6-3.9mm.

Materials. 1 male with label: "Niğde, Ulukişla, 1400m, 23.06.1997" - HO; 2 males and 5 females with label: Antalya prov. 2008 G-25" [Akseki-Güzelsu, 36°59'N, 31°50'E, 1154m, 9.6.2008, H.Özdikmen leg.] - HO; 2 females with label: "TR. Antalya, Teke Geçidi, 14.05.2006, 1237m, N 37 14 164, E 31 46 295, Özdikmen 06.G11" - HO; 1 female with label: "TR. Antalya, Alanya - Taşkent, Karapinar k. çikişi 16.05.2006, 1100m, N 36 36 966, E 32 24 636, Özdikmen 06.G17" - HO; 1 female (without head) with label: "Konya prov.: 2008 G-38" [between Hadim and Bozkır, 50 km to Bozkır, 36°58'N, 32°24'E, 1648m, 12.6.2008, H.Özdikmen leg.] - HO; 2 females with label: "TR. Seydişehir, Çavuş köyü, 13.05.2006, 1186m, N 37 37 812, E 31 55 955, Özdikmen 06.G03" - HO; 1 male with label: "Tavşançali, Kulu, Konya, Türkye, 17.05.1997, 1000m, Özdikmen 1" - HO; 1 female with label: "Kirobasi çikişi 2km, Içel, Türkye, 01.06.2001, 1335m, Özdikmen 01.31" - HO; 1 male and 1 female with label: "Nevşehir - Aksaray girişi, Aksaray, Türkye, 20.05.1997, Özdikmen 19" - HO; 1 male, Turc. c., Bademli Geçidi, 31.6.1996, Z. Švec leg. - NMP.

Distribution. Five provinces of south and central Anatolia; Niğde prov.: Ulukişla (37°32'56"N, 34°29'5"E) environs; Içel prov.: Kirobasi (36°43'15"N, 33°54'20"E) environs, Antalya prov: Karapinar environs, 36°36'58"C, 32°24'38"B; Teke Geçidi, 37°14'10"N, 31°46'18"E; Bademli Geçidi; between Akseki and Güzelsu, 36°59'N, 31°50'E; Konya prov.: between Hadim and Bozkır, 36°58'N, 32°24'E; Seydişehir, Çavuş köyü, 37°37'49"N, 31°55'58"E; Tavşançali (38°56'N, 33°00'E;), Kulu; Aksaray prov.: between Aksaray and Nevşehir (38°32'N, 34°23'E).

Cortodera wittmeri akshehirensis ssp. n.
Figs 18-29; Map 1: 11

Type locality: Turkey, Konya, Yesilkoy (38°19'N, 31°36'E) environs, about 17km SE Akşehir.

The subspecies is characterised by large individual variability; about a half of available specimens with black elytra (males and females), other males and females with uniformly light-brown or yellowish elytra; 1 male and 3 females with black elytra have totally black legs and totally black abdomen; 4 females with yellow elytra also have all legs black and black abdomen; usually anterior tibiae yellowish while abdomen totally black (4 males and 5 females with yellow elytra); other males with black elytra have totally or partly red anterior legs and red abdominal apex; other females with black (or slightly brownish) elytra have totally or partly red abdomen and more or less red legs (anterior legs, basal parts of all femora, anterior tibiae or all tibiae); one male with yellow elytra with totally red anterior legs and red abdomen apex; other males with yellow elytra have totally or partly red abdomen and more or less red legs (anterior legs, basal parts of all femora, anterior tibiae or all tibiae); one female with yellow elytra has red anterior legs, red bases of middle and hind femora and black abdomen; 2 females with yellow elytra, totally red abdomen and totally reddish antennae have all legs red with black apices of middle and hind tibiae; males with yellow elytra also can have reddish antennae as well as females with black elytra; sometimes antennae strongly bicolored. Apical joints of maxillary palpi from short to slightly elongated, in males usually more triangular; elytral bases in males usually with a few erect setae, but sometimes without a single; shape of adeagus and parameres is a little variable and sometimes is very similar to published for the nominative subspecies in the original description; bdy length in males: 8.4-10.5mm, width: 2.7-3.6mm; body length in females: 7.5-10.5mm, width: 2.5-3.6mm.

Materials. Holotype, male with label: "TR (17km SE Akşehir), Yesilkoy env., 18.5.1998, S. Kadlec lgt." - NMP. 29 paratypes (11 males and 18 females) with same label - NMP.

Distribution. Only one locality is definitely known in South

Anatolia: Konya, Yesilkoy (38°19'N, 31°36'E) environs - 17km SE Akşehir.

Remarks. *C. xanthoptera* var. *rosinae* Pic, 1902: 8 (“Anatolie: Ak-Chehir”) was described from about same area as the new subspecies without any information on number of specimens in the type series, size or sex. A single female (Fig. 81: 9.0 mm) identified in Pic’s collection as “var. *rosinae*” [so its new label “holotype” could be adequate] does not look close to *C. wittmeri akshehirensis* **ssp. nov.** The specimen has 7 labels (Fig. 82): 1) “Anatolien, Ak-Chehir, 1900, Korb.”, 2) “201”, 3) “sp ?”, 4) “type”, 5) “v. *Rosinae* Pic”, 6) [red] HOLOTYPE, 7) Museum Paris, Coll. M. Pic. The body of the type is relatively longer than in females of *C. w. akshehirensis* **ssp. nov.**, elytral punctation smaller, temples smaller and less angulated. I attribute to same taxon a series (3 specimes - ZMM) of old females (7.5-9.0mm) from “Konya” with yellow elytra identified by N.N. Plavilstshikov as “*C. umbripennis* ab. *xanthoptera* Pic”: one was collected by “Korb” - same collector that was mentioned in the origimal description of “var. *rosinae* Pic”. I preliminary leave the traditional position of the name inside *C. alpina* and regard the taxon as a local subspecies: *C. alpina rosinae* Pic, 1902.

Materials of “*C. umbripennis* ab. *xanthoptera* Pic” from Plavilstshikov’s collection: 1 female with 2 labels: 1) upper side: “Anatolia, Konia”, under-side: “Korb”, 2) “*C. umbripennis* ab. *xanthoptera* Pic, N.Plavilstshikov det. VI.915” - ZMM; 1 female with 3 labels: 1) “Asia Minor, Konia, v.Bodemeyer”, 2) *Cortodera xanthoptera,* det. E. Reitter, 3) “*C. umbripennis* ab. *xanthoptera* Pic, N.Plavilstshikov det. VI.915” - ZMM; 1 female, with 2 labels: 1) “Asia Minor, Konia, v.Bodemeyer”, 2) *Cortodera xanthoptera* Ganglb., Boidylla - ZMM;

***Cortodera wittmeri sivasensis* ssp. n.**
Figs 30-33; Map 1: 12-13

Type locality: Turkey, Sivas, Karabayir Geçidi, 1925m.

Available specimens are rather stable in color: body black, elytra light-brown, legs black with yellowish anterior tibiae (males and a female) and sometimes yellowish middle tibiae (in two males),

or hind tibiae also slightly yellowish (one male); antennae black or slightly lightened apically or basally; elytral bases in males with a few erect setae; elytral punctation along suture distinctly bigger than in the nominative subspecies or in *C. w. akshehirensis* **ssp. n.**; apical joints of maxillary palpi in males wide, triangular, or slightly elongated in females; body length in males: 7.2-10.5mm, width: 2.3-3.3mm; body length in females: 9.2-9.5mm, width: 3.2-3.3mm.

Materials. Holotype, male with label: "TR - vil. Sivas, Karabayir Geçidi, 1925m, 12.6.1999, S. Kadlec lgt." - NMP; 5 paratypes (4 males and 1 female) with same label - NMP; 2 paratypes (1 male and 1 female) each with 2 labels: 1) "Kaukasus, Olty, E. Koenig", 2) "*Cortodera umbripennis* v. *xanthoptera* ?, N. Plavilstshikov det." - ZMM.

Distribution. Two localities are known in North Anatolia: Sivas, Karabayir Geçidi, 40°9'59"N, 37°52'13"E, 1925m; Erzurum, Oltu environs. In Sivas the taxon is sympatric with *Cortodera colchica aksarayensis* Özdikmen & Özbek, 2012,

Cortodera wittmeri malatyaensis ssp. n.
Figs 34-35; Map 1: 14

Type locality: Turkey, 30km SW Malatya, SE env. of Eskiköy vill., 1570-1620m.

Elytra yellow; antennae, legs and abdomen usually black, anterior tibiae slightly lightened; one female with totally orange-yellow abdomen and bicolored legs: anterior femora reddish with black apices, other femora with reddish basal halves; elytral bases in males without erect setae; apical joints of maxillary palpi elongated; body length in males: 8.0-9.0mm, width: 2.8-2.83 mm; body legth in females: 7.7-9.2 mm, width: 2.6-3.0 mm.

Materials. Holotype, male with label: "Turkey E (Malatya), 30km SW Malatya, SE env. of Eskiköy vill., 1570-1620m, 30.5.2011, A.Napolov & I.Roma leg." - MD; 5 paratypes; 2 males, 3 females with same label - MD and AN.

Distribution. East Turkey, southern Malatya.

Cortodera wittmeri gevashensis ssp. n.
Figs 36-39; Map 1: 15

Type locality: Turkey, Van province at the south-east bank of Van Lake, Gevaş environs, 1800m.

Very close to the previous taxon, but seems to be more stable in color: body black, elytra light-brown, legs always black with yellowish anterior tibiae (males and a female); elytral bases in males without erect setae; elytral punctation along suture about same as in *C. w. sivasensis* **ssp. n.;** apical joints of maxillary palpi a litlle longer in males and in females; one available female is abnormally big with longer elytra, about 2.2 times longer than basal width, angulated apically; the shape of male genitals is about same; body length in males: 9.2-9.8mm, width: 3.0-3.3mm; body length in females: 8.1-12.0mm, width: 2.6-3.9mm.

Materials. Holotype, male with label: "TR - Anatolia or., Gevaş env., 12.6.1992, 1800m, S. Kadlec lgt." - NMP; 4 paratypes (1 male and 3 females) with same label - NMP.

Distribution. Only one locality is known in South-East Anatolia at the south-east bank of Van Lake, Van province, Gevaş environs.

Cortodera flavimana (Waltl, 1838)
Figs 40-59; Map 2

Leptura villosa var. *flavimana* Waltl, 1838: 471 - Turkey [Istambul env.].
Grammoptera rufipes Kraatz, 1876: 344 - "wohl bei Smyrna".
Cortodera flavimana var. *fulvipes* Reitter, 1890: 245 - "Kleinasien, Türkei" - unavailable.
Cortodera flavimana var. *brachialis* Ganglbauer, 1897: 52 - "Angora" - unavailable.
Cortodera flavimana var. *limbata* Ganglbauer, 1897: 52 - "Angora" - unavailable.
Cortodera flavimana var. *rufipes,* Ganglbauer, 1897: 53.
Cortodera flavimana var. *flavipennis* Ganglbauer, 1897: 53 - "Angora" - unavailable.
Cortodera flavimana var. *variipes* Ganglbauer, 1897: 53 - "Angora" - unavailable.
Cortodera flavimana brachialis, Demelt, 1967: 61 - "Peloponnes".
Cortodera schurmanni Sama, 1997: 107 - "apparemment propre au Péloponnèse".
Cortodera zoiai Pesarini & Sabbadini, 2009: 16 - "4 km NE Kozak (vil. Izmir)".
Cortodera flavimana corallipes Pesarini & Sabbadini, 2009: 17 - "Askale (vil. Erzurum, …)" - type locality; "Vavuk Geçidi (vil. Gümüşhane, …)"; "Zigana Geçidi (vil. Trabzon, …)"; "dint. Sud di Karagöl, 1400 m (vil. Ankara, …)"; "tra Çubuk e Karagöl, 1360m (vil. Ankara, …)".

Cortodera schurmanni, Sama & Löbl, 2010: 123, part. ("= *diversipes* Pic") - Greece.
Cortodera diversipes, Danilevsky, 2010: 225, part. ("= *schurmanni* Sama, 1997b") - Greece.
Cortodera flavimana, Danilevsky, 2012a: 703-704 (type locality - Istambul env.).

Type locality: Turkey, Istambul environs.

Cortodera flavimana (published as *Leptura villosa* var. *flavimana*) was described in the article devoted to Turkish Coleoptera, but a remark was in the original description: "Auch in Ungarn". The original description was most probably based on a single specimen, as only one size published. So, Hungary could be excluded from the type area of the taxon. All Turkish taxa mentioned in the article were collected near "Konstantinopel", so the type locality of *Cortodera flavimana* can be accepted (Danilevsky, 2012a) as Istambul environs (see a typical male of *C. f. flavimana* from European Turkey in www.cerambycidae.net - "Gallery").

The species consisted up to now of 5 subspecies:
C. f. flavimana Waltl, 1838 - NW Anatolia and Europe without Peloponnesus (Map 2: 1-16).
C. f. schurmanni Sama, 1997, **stat. n.** - Greece, Peloponnesus (Map 2: 17-18).
C. f. rufipes Kraatz, 1876 - Turkey, Izmir env. (Map 2: 23-24).
C. f. corallipes Pesarini & Sabbadini, 2009 - Turkey, Erzurum prov. (Map 2: 30-35).
C. f. zoiai Pesarini & Sabbadini, 2009, **stat. n. -** Turkey, north of Izmir prov. (Map 2: 22).

Cortodera flavimana var. *fulvipes,* Reitter, 1890e ["Kleinasien"] was introduced by Reitter as "v. *fulvipes* Kr." - so, most probably, it was wrong subsequent spelling of var. *rufipes* Kraatz, 1876b, and must be regarded as unavailable (Danilevsky, 2012a). The name by Reitter (1890) was not included by Ganglbauer (1897) in the number of *flavimana* variations.

All variations of *Cortodera flavimana* described by Ganglbauer (1897) were proposed for a single population ("Angora"): *brachialis, flavipennis, limbata, variipes*; so Ganglbauer expressly used infrasubspecific rank (Article 45.6.4 of ICZN) to each

one, and all his names are unavailable (Danilevsky, 2012a), though all were published as available by Sama & Löbl (2010: 122). "*Cortodera flavimana* ssp. *brachialis* Ganglbauer, 1897" was sometimes published as valid for Greece (Demelt, 1967; Althoff, Danilevsky, 1997) [If the name is published as valid before 1931, it becomes available - Art. 12.1].

All populations from Europe (without Peloponnesus) are here regarded as *C. f. flavimana* (Waltl, 1838).

C. flavimana rufipes Kraatz, 1876 (Map 2: 23-24) was described from "Smirna" on the base of all legs red, so the name is valid for a local subspecies. Such form seems to be unknown in Europe.

C. flavimana schurmanni Sama, 1997, **stat. n.** is a melanic Peloponnesus subspecies (Map 2: 17-18). The genital structures are inside species variations of *C. flavimana*.

C. flavimana zoiai Pesarini & Sabbadini, 2009, **stat. nov.** (north of Izmir vil., 4km NE Kozak, about 39°15'N, 27°06'E) described as a species with many specimens of all legs red is downgrated here to subspecies rank. The type locality (Map 2: 22) is situated just in between *C. flavimana rufipes* and nominative subspecies.

C. flavimana corallipes Pesarini & Sabbadini, 2009 (Map 2: 30-35) was also described on the base of all legs red (type - Ascale in Erzurum) includes (according to the paratype series) a lot of populations with rather variable color characters from very big area and definitely consists of many different subspecies not described yet. Several more populations from north-east Anatolia are identified here as *C. f. corallipes* Pesarini & Sabbadini, 2009. One is situated in about 35km north-eastwards type locality: 5 males, 8 females, Erzurum, Pašaki [40°13'N, 40°49'E], 27.5.-7.6.1916 - ZMM; another one is a little further (60km) in same direction: 16 males and 4 females, East Turkey, Ispir env., Yukariozbag vill., 1250-1780m, 40.4665N, 40.9602E, 24.V.-3.VI.2012, J.Hron, S.Murzin leg." - SM. The third is very close to the south Georgian border: 1 male and 3 females, East Turkey, Artvin, hotel Laset, 9 km E Savsat, 1600m, 41.2364N, 42.42987E, 27-28.V.2012, J.Hron, S.Murzin leg." - SM. It is only 20km southwards state border, so the population must penetrate to Georgia. One male and one female from the upper level

of Chorokh River (3-4.6.1916, A.Vinokurov - ZMM) could also belong to the population which penetrates to Georgia.

Body length of available specimens in males: 9.0-10,5 mm, in females: 8,8-11,0 mm.

Several my photos of aedeagus and parameres from different subspecies demonstrate rather different patterns, but it could be connected with individual variations and could not be used for the subspecies identification.

Cortodera flavimana flavimana (Waltl, 1838)
Fig. 40; Map 2: 1-16

Type locality: Turkey, Istambul environs.

The nominative subspecies is rather stable in color; usually only two forms are represented in each population: with yellow elytra and with black elytra; anterior legs red, other legs black; not a single specimens among available materials (100ex.) has red or partly red middle or hind legs; basal antennal joints black or reddish; abdominal apex black or red; body length of available specimens in males: 9.0-10,5 mm, in females: 8,8-11,0 mm.

Materials. Specimens from many populations were studied, including specimens from **Greece**: 2 males, 9 females, Pindos Mts., Kastanea: 5.5.2000, 1-19.5.2002 S. Kalúz and I. Rychlík leg. - SM; **Turkey:** 1 male, Europ. Turkey, Poyrali 7km E Pinarhisar, 4138N, 2736E, 5.5.2001, S. Kadlec leg. - NMP; 3 males, Zonguldak, Karadere - Egerci, 22-26.6.2003, Antonini leg. - SM; 2 males, 4 females, Abant lake, 21.5.1994, R.Hergovits leg. - MD; **Bulgaria:** 1 male, Arkutino, 24.6.1984, S. Kadlec and J.Vořišek leg. - NMP; 2 males, 2 females, Slanchev Bryag, Elenite, 12.5.1999, G.Stering leg. - MD; 2 males, 2 females. Sveti Vlas, 30.4-7.5.2013, G.Demidov leg. - MD; 1 female, Lozenetz env., 9-21.6.2003, J.Velc leg. - SM; 1 female, Byala Voda, 42°11'N, 27°29'E, 23.6.2012, T.Ljubomirov leg. - MD; 4 males, Zaimtchevo, 42°55'N, 27°19'E, 16.5.2012, T.Ljubomirov leg. - MD; 3 males, 6 females, Rakovo, 30.6.1984, S. Kadlec and J.Vořišek leg. - NMP; 26 males, 27 females, Harmanli, 9-10.5.1985, S. Kadlec and J.Vořišek leg. - NMP and MD; 1 male, 2 females, Bačkovo, 1937, Dr. Jureček leg. - NMP; 1 female, Vitosha

Mt., 6.6.2009, T.Ljubomirov leg. - MD; 1 male, 1 female, Petrič, Dr. Purkyně leg. - NMP; 1 male, Pirin, V.VI.29, Mařan et Táborský leg. - NMP; 1 female, Kresensko def., VI. Mař. Tab. - NMP; 1 female, Bessaparski Hulmove hills, 42°09'N, 24°20'E, 5.5.2007, T.Ljubomirov leg. - MD; 3 males, 1 female, Zeitinburun, Dr. Purkyně leg. - NMP; **Hungary:** 3 males, 3 females, Gyula, 21.5.1996; 4 males, Kisszállás, VI.1980, G. Rácz leg. - MD; **Macedonia:** 1 male, Mazedonien, Bitola, 22.5.1969, Dr. Schurmann leg. - NMP.

Distribution. The nominative subspecis is known from North-West Turkey including European part to about Zonguldak prov., Bulgaria, Hungary, Romania, Austria, northern and central Greece, Macedonia, Serbia.

Seven new subspecies are described bellow.

Cortodera flavimana inonuensis ssp. n.
Figs 41-42; Map 2: 19-21

Cortodera flavimana ab. *olympica* Jurecek, 1937: 69 (unavailable) - “Olymp bei Brussa in Kleinasien”.

Cortodera flavimana ab. *picea* Jurecek, 1937: 69 (unavailable) - “Olymp bei Brussa in Kleinasien”.

Cortodera flavimana ab. *mixta* Jurecek, 1937: 69 (unavailable)- “Olymp bei Brussa in Kleinasien”.

Type locality: Turkey, Eskişehir, Inonu [39°48'46"N, 30°08'49"E].

The taxon seems to be intermediate between *C. f. flavimana* known nothwards closer to Black Sea coast and *C. f. zoiai* Pesarini & Sabbadini, 2009 described from the north of Izmir province. New taxon differs from the nominative subspecies by the presence of specimens with bicolored or totally red middle and hind legs. Elytra in males and females totally black or yellow with black suture. Male elytra without erect setae. Bicolored middle and hind legs have middle and hind tibiae red with black apices; middle femora red with black apices; hind femora with red basal half and black apical half; antennae usually black with red basal joints or sometimes totally black; abdominal apex black or red. Legs of several specimens are colored similar to the nominative subspecies: anterior legs red, others

- black; body length in males: 9.2-10.2mm, width: 2.8-3.3mm;; body length in females: 9.4-11.2mm, width: 3.0-3.7mm.
Materials. Holotype, male with 2 labels: 1) "Turchia, Eskişehir, Inonu [39°48'46"N, 30°08'49"E], 26.5.1981, Leg. G.Sama"; 2) "Cortodera flavimana Waltl / G.Sama det." - MD; 18 paratypes; 1 male with same locality label - SM; 1 female with label: "TR vill. Kütahya, 10km NE of Domaniç, Uludağ (pass), 23.8.2002, Josef Mertlik lgt. - NMP; 7 males, 2 females, "Olymp. [now Uludağ] Bithyn. Asia min. V. Dr. Jureček 31" - ZMM; 3 males, 1 female, "Olymp. Brussa, Asia min. 1931, Dr. Jureček" (1 male designated as "cotypus" of *flavimana* ab. *picea* Jureček, another male with a second label: "*Cortodera flavimana* ab. *olympica* m.") - ZMM; 3 females, "Brussa V. Asia min. Dr. Jureček 31" - ZMM.
Distribution. North-west Turkey; the northern most area of Kütahya province and the western most area of Eskişehir province.

Cortodera flavimana angorensis ssp. n.
Figs 43-44; Map 2: 25-29

Cortodera flavimana corallipes Pesarini & Sabbadini, 2009: 17, part. - "Askale (vil. Erzurum, …)" - type locality; "Vavuk Geçidi (vil. Gümüşhane, …)"; "Zigana Geçidi (vil. Trabzon, …)"; "dint. Sud di Karagöl, 1400 m (vil. Ankara, …)"; "tra Çubuk e Karagöl, 1360m (vil. Ankara, …)".

Type locality: Turkey, Çamlidere northwards Ankara.

The taxon is close to *C. f. corallipes* Pesarini & Sabbadini, 2009 because of all legs red, though a big part *C. f. corallipes* specimens has middle and hind legs black, while only one female (Köroğlu Dağlari) of *C. f. angorensis* **ssp. n**. has middle and hind legs black. Two populations of the new subspecies from Ankara prov. were included in *C. f. corallipes* in the original description. *C. f. angorensis* **ssp. n.** differs from *C. f. corallipes* by red antennae, while all available *C. f. corallipes* have black antennae (or sometimes partly black with reddish basal joints); elytra in *C. f. angorensis* **ssp. n.** are yellow with black suture just as in all (17 males and 7 females from Erzurum and Artvin) available specimens of *C. f. corallipes*; pronotum and elytra in *C. f. angorensis* **ssp. n.** are usually covered with numerous long erect setae similar to *C. f. corallipes* (never in *C.*

f. flavimana); glabrous pronotal longitudinal line in *C. f. angorensis* **ssp. n.** relatively wide; abdominal apex red or black, while in all available specimens of *C. f. corallipes* abdominal apex black; body length in males: 7.9-9.2mm, width: 2.6-2.9mm; body length in females: 7.3-9.4mm, width: 2.5-3.1mm.

Materials. Holotype, male with label: "TR Anatolia b., Çamlidere, 3.6.1986, S. Kadlec leg."- MD; 11 paratypes; 1 male, 2 females with same label - MD; 1 male, 1 female with label: "Turcia N, Kursunlu [40°50'N, 33°15'38"E], 19-20.V.1994, leg. R. Hergovits - MD; 1 female, "Turkey, vill. Ankara, Köroğlu Dağlari Mts., Kizilcahamam, 13.6.1991, Bednařík and Kovařík leg." - SM; 2 males, 1 female, "Angora, Escherich 1895" - ZMM; 2 males, "Amasia" - ZMM.

The paratypes (6 males and 3 females) of *C. f. corallipes* from near Karagöl (Ankara prov.) also belong to *C. f. angorensis* **ssp. n.**

Distribution. North of West Turkey, northwards Ankara in Ankara and Camlidere provinces.

Cortodera flavimana karsensis ssp. n.
Figs 45-46; Map 2: 36-37

Type locality: Turkey, west part of Kars province, Sarykamyš environs.

Only 4 males available; all specimens are small and about same in color and morphology; antennae black with reddish basal joints; elytra and abdomen totally black; anterior legs red (with black femora bases), others - black; thoracic pubescence relatively short, hardly arranged in two ridges; elytral pubescence short, without erect setae near scutellum; maxillary palpi relatively short; body length (males): 8.0-8.8mm, body width: 2.4-2.8mm.

Materials. Holotype, male with label: "Sarykamyš et vicina 10.VI.[19]13" - ZMM; 3 paratypes; 2 males with same label - ZMM; 1 male (the longest) with label: "Ardagan, gub. Kars, 7.VII.1916" - ZMM.

Distribution. North-east Turkey, west part of Kars province (Sarykamyš environs) and probably Ardagan province (a single male is available).

Cortodera flavimana sergeyi ssp. n.
Figs 47-48; Map 2: 38

Type locality: East Turkey, north part of Tuncely province, Pulumur env., 1500-1875m.

The new subspecies demonstrates same color patterns as nominative subspecies, but forms with black elytra are not known; elytra are always yellow with black suture, but elytral pubescence in males with numerous long erect setae similar to *C. f. angorensis* **ssp. n.** Antennae usually totally black, or basal joints slightly reddish; maxillary palpi from rather wide, axe-like to more or less elongated; glabrous pronotal longitudinal line relatively wide; abdominal apex always black; body length in males: 8.5-9.5mm, width: 2.7-3.1mm; body length in females: 8.1-9.6mm, width: 2.6-3.1mm.
Materials. Holotype, male with label: "TR E, Pulumur env., 1500-1875m, 16-23.V.2011, 39.4932N, 39.9135E, J.Hron, S.Murzin leg." - MD; 13 paratypes: 7 males and 6 females with same label - MD and SM.
Distribution. East Turkey; north part of Tuncely province.
Etymology. The new taxon is dedicated to a well known Russian entomologist Sergey Murzin, who collected the type series and provided me with the specimens for study.

Cortodera flavimana oezdikmeni ssp. n.
Figs 49-54; Map 2: 39-42

Type locality: South Turkey, Kahramanmaraş province, Çağlayan env.

All available specimens are in poor condition, with brocken legs and antennae, with deformed elytra; the arrangement of pronotal setae in two rows usually indistinct; pronotal smooth line wide or narrow; the level of individual variability is very high: males and females can be with black elytra; abdomen black or with red apical segments (also in specimens with black elytra); yellow elytra always with black suture, though black stripe can be very narrow; elytral bases with several erect setae; legs often totally red with darkened

tarsi, or apical parts of middle and hind femora black, or only anterior tibiae and femora red; specimens with black elytra can be with all legs black; apical joints of maxillary palpi elongated; antennae from totally reddish (also in specimens with black elytra) to totally black, sometimes black with red 1st joint; male genitals are similar to *C.f. torosensis* **ssp. n.**; body length in males: 8.5-10.5mm, width: 2.7-3.3mm;; body length in females: 9.3-11.5mm, width: 3.0-4.0mm.

Materials. Holotype, male with label: "Türkiye 28.5.2003 / Çağlayan Cöyü 200m / kuzeydogusu / Kahramanmaraş 918m / 37°48'N, 36°39'E / A.Y. Okutaner leg." - MD; 18 paratypes; male and 2 females with same label - MD; 3 females: "Çağlayan Cöyü 200m / kuzeydogusu / K. Maraş / Türkiye / 28.5.2003 / 918m. / 37°48'N, 36°39'E / leg. A.Y. Okutaner / Özdikmen 03.54" - HO; 2 males and female with label: "Türkiye, 26.5.2003, Cardak Kasabasi / Gökun 1338m / Kahramanmaras / 38°05'N, 36°49'E / A.Y. Okutaner leg." - MD; 2 females: "Çardak Kasabasi / Gökun / K. Maraş / Türkiye / 26.5.2003 / 1338m. / 38°5'N, 36°49'E / leg. A.Y. Okutaner / Özdikmen 03.42" - HO; male and female: "Tanir Kasbasi yeşiloba / m. karasalgan mevkii / Afşin / K. Maraş / Türkiye / 25.5.2003 / 1230m. / 38°22'N, 36°54'E / leg. A.Y. Okutaner / Özdikmen 03.39" - HO; 2 males: "Küçüksu Köyünün 1 / km doğusu göcük / yalasi / Göksun / K. Maraş / Türkiye / 26.5.2003 / 1330m. / 38°3'N, 36°39'E / leg. A.Y. Okutaner / Özdikmen 03.44" - HO; 2 males (with black elytra) and female: "Kireçköy'ün / batisi / Göksun / K. Maraş / Türkiye / 28.5.2003 / 1500m. / 37°59'N, 36°30'E / leg. A.Y. Okutaner / Özdikmen 03.51" - HO.

Distribution. South Turkey, about whole territory of Kahramanmaraş province.

Etymology. The new taxon is dedicated to Hüseyin Özdikmen - a well known Turkish biologist, who collected a part of the type series and sent to me many specimens from his *Cortodera* collection for study.

Cortodera flavimana torosensis ssp. n.
Figs 55-56; Map 2: 43-44

Type locality: South Turkey, Içel, 40 km E Mut, Cornelek.

Only two males available; elytra with very long and dense pubescence, much longer, than in any other form of the species (especially in holotype), with numerous erect setae anteriorly; elytral punctation in holotype very dense, with conjugated dots; apical joints of maxillary palpi elongated; body black with totally black abdomen, elytra yellow with suture black (holotype) or dark bown (paratype); antennae black with slightly lightened basal joints; legs black with red anterior femora and tibiae; prothorax and elytral bases with numerous long erect setae; body length: 9.9mm (paratype) - 10.7mm (holotype), width: 3.3mm (paratype) - 3.4mm (holotype).
Materials. Holotype, male with label: “Turkey S, 40 km E Mut [Içel], Cornelek, 29.5.1996, leg. Marek Halada” - NMP; paratype, male with label: “Pozanti [Adana], 91-2000m” - NMP.
Distribution. Turkey, Taurus Mountains (Toros Dağları), two localities known: Içel prov., 40 km E Mut and Adana prov., Pozanti (37°25’N, 34°52’E) env., 2000m.

Cortodera flavimana sultanensis ssp. n.
Figs 57-59; Map 2: 45-46

Type locality: South Turkey, Sultandag Ridge at south and west sides of Akşehir Lake.

Three males and one female available. The subspecies is also characterized by rather long elytral pubescence, but without erect setae near scutellum; besides it differs from subspecies of southern Anatolia by strong development of temples; all available specimens with totally black elytra; 3 specimens (including holotype and female with totally red legs), 1 male with only anterior legs red; antennae black or with red anterior joints; abdomen black; body length in males: 8.2-10.3mm, width: 2.6-3.3mm; body length in female: 9.3mm, width: 3.3mm.
Materials. Holotype, male with label: “Asia Minor, Sultan Dagh, v.

Bödemeyer" - ZMM; 3 paratypes; 1 female with same label - ZMM; 2 males (one in very bad condition) with label: "Anatolia, Ak Chehir" - ZMM.
Distribution. Two localities known at south and west sides of Akşehir Lake along Sultandag Ridge (provinces Afyon and Konya).

Cortodera neali Danilevsky, 2004
Fig. 60

Cortodera neali Danilevsky, 2004: 2 - "Iran, Kurdistan, 66 km NNW Sanandadj".

Type locality: Iran, Kurdistan, 66 km NNW Sanandadj.

The species was described on the base of several males and a single female with strongly damaged prothorax. One new male very similar to the holotype was received by me from about same area. Besides two more females are available now from about type locality, but from Iraq outside Iranian territory (both without antennal apices). Both females are of just same color as paratype, but smaller, one is a little narrower, another - a little wider; body length in males: 9.5-12.2 mm; body length of a newly received male: 9.6 mm; body width in males: 2.9-3.5 mm; body length of the paratype female: 12.5 mm, width - 4.1 mm; body length of females fom Irag: 10.9-11.2mm, width (at humeri): 3.4-3.8 mm.
Materials. 1 male, Iran, Kurdistan province, Sanandaj-Saral, 25.5.2010, H.Ghobari leg. - MD; 2 females, NE Iraq, Mishaw (about 35°47'55"N, 46°18'13"E), 1750m, 6-8.6.1976, J. Macek leg. - NMP.
Distribution. Kurdistan near Iraq-Iran border.

Cortodera obscurans Pic, 1894
Figs 61-66

Cortodera semilivida var. *obscurans* Pic, 1892b: cxi (without number of specimens) - "le nord de la Syrie" (unavailable).
Cortodera rufimana [wrong spelling of *flavimana* Waltl] var. *obscurans* Pic, 1893: 415 (without number of specimens) - "Haute-Syrie" (unavailable).
Cortodera obscurans Pic, 1894: 116 - "Syrie, Akbès"; Sama & Löbl, 2010: 123 - Turkey.
Cortodera obscurans [var. - "nuance"] *flavescens* Pic, 1894: 116 - "Syrie, Akbès" (unavailable).
Cortodera obscurans var. *fulvipennis* Pic, 1898b: 50 - "Akbès" (unavailable).
Cortodera obscurans var. *flavescens,* Pic, 1898b: 50 - "Akbès" (unavailable).

Type locality: Hatay prov. in south-east Turkey.

Cortodera semilivida var. *obscurans* Pic, 1892b: cxi - ("le nord de la Syrie") was described from same area as *Cortodera semilivida* and so unavailable. The variation was later (Pic, 1893) published as a form of *C. flavimana* as: *Cortodera rufimana* [wrong spelling of *flavimana* Waltl] var. *obscurans,* Pic, 1893: 415 ("Haute-Syrie"). Then it was published (Pic, 1894) as a species name and so became available. Two more unavailable names were introduced by Pic for same area: *Cortodera obscurans* var. *flavescens* Pic, 1894: 116 - "Syrie, Akbès" and *Cortodera obscurans* var. *fulvipennis* Pic, 1898b: 50 - "Akbès".

The original description of *Cortodera obscurans* Pic, 1894 was published on the base of at least two syntypes: "Long. 9 á 10 mill". One syntype (male with label "type"; Figs 61-62) is preserved now in Plavilstshikov's collection - ZMM. It is designated here as a lectotype.

A female (Figs 63-64) of this species in Plavilstshikov's collection with 3 labels [1)"type", 2) Syrie, Amanus, C.D. 1891, 3) *Cortodera obscurans* var. *flavipennis* Pic] is most probably another syntype of *C. obscurans* Pic with wrong spelling of variation name (var. *flavescens* Pic, 1894). I don't know the publication of var. *flavipennis* Pic in that group. So, the female is designated here as paralectotype of C. *obscurans* Pic, 1894.

Another old male [ZMM] very similar to the lectotype was collected in 1895 and so can not be designated as paralectotype. Forth specimen of the species (male; Figs 65-66) in Plavilstshikov's collection was identified by E.Reitter as *Cortodera obscurans* ab. *fulvipennis.* No specimens of *C. obscurans* Pic are preserved in Pic's collection in Paris.

The species was regarded by Pic (1894) as very close to *C. colchica*: "très voisin de *colchica* Reitt.", but last joints of maxillary palpi and 2nd antennal joints more elongated, prothorax in males strongly widened basally; besides red anterior legs while other legs black are typical for *C. flavimana,* but impossible in *C. colchica.*

Body length in available males: 9.8-10.3mm, body length in available female: 10.0 mm.

Materials. Male, lectotype [present designation] of *Cortodera*

obscurans Pic, 1894 with 4 labels: 1) type, 2) Syrie, Amanus, C.D. 1891, 3) *Cortodera obscurans* Pic, 4) *obscurans* Pic - ZMM; 1 female, paralectotype [present designation] with 3 labels: 1) “type”, 2) Syrie, Amanus, C.D. 1891, 3) *Cortodera obscurans* var. *flavipennis* Pic - ZMM; 1 male (similar to the lectotype) with 2 labels: 1) Syrie, Akbes, C D. 1895, 2) *Cortodera obscurans* - ZMM; 1 male with 3 labels: 1) Syrien, Reitter, 2) *Cortodera obscurans* ab. *fulvipennis* det. Reitter, 3) 38 - ZMM.

Cortodera colchica erzurumensis ssp. n.
Fig. 67

Type locality: Turkey, Erzurum prov., 15km SW Erzurum, Palandöken Dağlari, Tekederesi village env., 39°49'-39°46.1'N, 41°08.7'-41°10.3'E.

Only three females known; relatively big, bigger than the nominative subspecies from Transcaucasia; apical joints of maxillary palpi elongated; antennae black with partly reddish basal joints; pronotal punctation regular, moderately dense; pronotal glabrous line very small or indistinct; elytra orange-yellow, sometimes darkened near scutellum, parallelsided; elytral pubescence relatively long semierect, without erect setae near base; legs black with lightened anterior tibiae or bicolored: red with black femora apices and tarsi; abdomen totally black; body length: 8.2-10.0mm, width: 2.7-3.2mm.

Remark. The nearest subspecies from Kars *C. c. aestiva* Sama & Rapuzzi, 1999 **stat. n.** described as a species is about similar size and color, but pronotal punctation much denser and smaller; pronotal glabrous line distinct; elytral punctation bigger, elytral pubescence shorter.

Materials. Holotype, female, Turkey, Erzurum prov., 15km SW Erzurum, Palandöken Dağlari, Tekederesi village env., 39°49'-39°46.1'N, 41°08.7'-41°10.3'E, 26-28.6.2004, springs, pools, steppes and meadows, margin of snow fields, scree, J.Hájek and J.Růžička leg. - NMP; 2 paratypes, females with same label - NMP.

Several specimens of *C. c. aestiva* Sama & Rapuzzi, 1999 **stat. n.** were used for comparison: 3 males, 3 females, paratypes of *C. aestiva* Sama & Rapuzzi, 1999, Kars, Sarikamis, 2000m,

21.6.1994, G.Sama leg. - MD; 1 male, 1 female, same locality, 20-21.6.1994, I.Rapuzzi leg. - MD; 2 males, 2 females, 14km SE Sarikamis, 2000m, 7.6.1998, G.Sama leg. - MD; 1 male, 2 females, dint Sarikamis, 28.6-1.7.1997, leg. Pad. Mal. - MD.
Distribution. Turkey; Erzurum environs.

Cortodera colchica aksarayensis Özdikmen & Özbek, 2012**, stat. nov.**
Cortodera aksarayensis Özdikmen & Özbek, 2012: 931 - “Turkey, Aksaray prov.: Entry of Nevşehir-Aksaray”.

Type locality: Turkey, Aksaray prov.: Entry of Nevşehir-Aksaray.

Small and relatively dark subspecies with wide range of individual variability, but legs, antennae and abdomem are usually black; holotype (male), as well as 3 males and 1 female from Malatya have red abdomen and partly red legs; males of all *C. colchica* from Transcaucasia, and about all from North Caucasus have totally black legs; in fact only two males among many hundreds known specimens have red (Psebay) or bicolored (Chegem) legs; besides the holotype has red antennal bases - quite a unique character in the species; other available specimens from type population (3 males and 1 female collected by H.Özdikmen same date 20.5.1997, but not designated as paratypes) have black legs, antennae and abdomen; elytra are usually dark-brown, often with black triangle behind scutellum; sometimes totally black, or light-brown or yellow (a single female from Buglan); elytral pubescence black and very short, without erect setae; apical joint of maxillary palpi short, triangular; sometimes antennae slightly lightened; anterior tibiae often yellowish; pronotal punctation moderately dense; pronotal glabrous line short and narrow or indistinct; body length in males: 6.4-11.0mm, width: 2.0-3.5mm;; body length in females: 7.4-11.2mm, width: 2.4-3.6mm.
Materials. 3 males, 1 female with label [type locality]: “Nevşehir - Aksaray girişi, **Aksaray**, Türkye, 20.05.1997, Özdikmen 19” - HO; 1 male Turkey, **Konya** prov., Hadim-Beyreli road 3km, 36°56'N, 32°23'E, 13.6.2007, H.Özdikmen - HO; 1 male, Turkey, **Antalya** prov., Akseki, Cevizli, 37°11'N, 31°46'E, 19.5.2008, H.Özdikmen - HO; 11 males, 5 females, Turkey E (**Muş**), Buglan Geçidi, 4km NE

Karabey vill., 1640-1700m, 26.5.2011, A.Napolov & I.Roma leg. - AN and MD; 15 males, 9 females, “Turkey E (**Malatya**), 30km SW Malatya, SE env. of Eskiköy vill., 1570-1620m, 30.5.2011, A.Napolov & I.Roma leg.” - AN and MD; 2 males, 2 females, “Turkey E (**Içel**), 6-7km NW Erdemli, 400-450m, 3.6.2011, A.Napolov & I.Roma leg.” - AN and MD; 1 male, “TR - vil. **Sivas**, Karabayir Geçidi, 1925m, 12.6.1999, S.Kadlec leg.” - NMP; 1 female, “TR - (20km N of Zara) Kurubagbeli, 1800m, 4.6.1998, S.Kadlec leg.” - NMP.
Distribution. About whole south Anatolia, definitely known from 6 provinces: Aksaray, Konya, Antalya, Muş Malatya, Içel. Sivas is represented in available materials by 2 specimens only without any peculiar characters, so that population is preliminary also included in *C. c. aksarayensis.*

Cortodera colchica porsukensis ssp. n.
Figs 68-69

Type locality: Turkey, Eskişehir, Porsuk Baraji, 39°38′08″N, 30°16′46″E.

Big subspecies; antennae and elytra totally black, as well as legs in two males, though anterior tibiae more or less lightened; legs of a single available female and in holotype bicolored: anterior legs with red tibiae and femora, tarsi black; middle and posterior legs red with black femora bases and bicolored tarsi; abdomen in holotype and in female with red apex; apical joints of maxillary palpi triangular; pronotal punctation small and very dense; pronotal glabrous line very narrow, nearly indistinct; elytral pubescence in males moderately long, semierect; elytral punctation small and dense; body length in males: 9.0-10.0mm, width: 2.8-3.3mm; body length in female: 10.3mm, width: 3.2mm.
Materials. Holotype, male with label: "Turkey CW, Eskişehir, Porsuk Baraji [39°38′08″N, 30°16′46″E], 22.5.1998, M.Snižek” - NMP; 3 paratypes, 2 males and 1 female, same locality, 23.5.1998, M.Snižek - NMP.
Distribution. Turkey, Eskişehir prov.

Cortodera kadleci sp. n.
Fig. 70

Type locality: Turkey, Erzincan, Tercan, 39°46'42"N, 40°23'2.00"E.

Only 1 female available; it looks like a very big *C. colchica* because of partly red legs and red abdominal apex; but prothorax with relatively sparce punctation with big lateral tubercles; elytra dark, reddish-brown, with very short pubescence; maxillary palpi about two times longer than wide (left maxilla) or a little longer (right maxilla); temples rounded, not angulated; antennae totally black, reaching elytral third; 3rd joint about as long as 1st, 4th - a little shorter, 5th - distinctly longer; prothorax about 1.2 times wider at base than long, angulated near middle; pronotum with shallow depression along middle and here with wide shining glabrous line posteriorly; pronotal punctation relatively small, sparse near middle; pronotal pubescence moderately long, mixed of erect and oblique setae; elytra slightly widened behind middle, about 2 times longer, than humeral width, with big strong punctation; elytral pubescence pale, very short, oblique, with several erect setae near base; all tarsi black; anterior tibiae red, others black; anterior femora red with black apices, others - red with black apical third; abdomen black with red three apical segments; body length: 12.3mm, width: 3.9mm.
Materials. Holotype, female, TR, vill. Erzincan, Tercan [39°46'42"N, 40°23'2.00"E], 24.6.1986, S. Kadlec leg. - NMP.
Distribution. Turkey, east of Erzincan province.
Etymology. The new species is dedicated to Stanislav Kadlec - a well know Czech entomologist, a creator of a big Cerambycidae collection, which is preserved now in Národní Museum, Prague.

Cortodera napolovi sp. n.
Figs 71-73

Type locality: Turkey, Muş, Buglan Geçidi, 4km NE Karabey vill., 1640-1700m.

The new species is close to *C. colchica*, but body strongly elongated, with rather long dorsal pubescence. The type series was

collected same day and in same locality as local *C. colchica aksarayensis* Özdikmen & Özbek, 2012.

Maxillary palpi elongated in males and in females; temples strongly angulated; antennae totally black, reaching elytral forth; in males 3rd joint much longer than 1st, which is about equal to 4th; 5th joint is the longest; in females 3rd joint about as long as 1st or 5th; 4th joint is the shortest; prothorax in males about 1.2 times wider at base than long, in females - 1.5 times; slightly angulated near middle in males, or strongly angulated in females; pronotum with shallow depression along middle and here with more or less shining glabrous line; pronotal punctation small and very dense; pronotal pale pubescence with long erect and short oblique setae; in females erect setae shorter, oblique setae more adpressed, with a row of dense yellow setae along base; elytra about 2.2 times longer than wide in males, or about 2.1 times in females; black or reddish-brown (one female); with moderately big, strong and very dense punctation; with sides strongly tapering posteriorly in males or about parallesided in females; elytral pubescence pale, rather long, with numerous erect setae near base in males; legs can be totally black with lightened anterior tibiae (male-paratype and female with light elytra) or bicolored; in holotype all tarsi black, all tibiae red, femora red with black apices; female with black elytra also bicolored but a little darker; abdomen totally black (male-paratype and female with light elytra), or with red apex; holotype with red last segment and red margins of 4th visible segment, female with black elytra has red last abdominal segment and red posterior half of 4th visible segment; posterior borders of apical segments in males and females rounded; body length in males: 8.5-9.2mm, width: 2.6-2.9mm; body length in females: 9.5-10.0mm, width: 8.1-8.2mm.

Materials. Holotype, male, Turkey E (Muş), Buglan Geçidi, 4km NE Karabey vill., 1640-1700m, *Ranunculus,* 26-27.5.2011, A.Napolov & I.Roma leg. - MD; 2 males, 2 females with same label - AN.

Distribution. South-east Turkey, Buglan Geçidi.

Etymology. The new species is dedicated to Lettish biologist Alexander Napolov, who collected a part of the type series and provided me with his specimens for study.

Cortodera discolor Fairmaire, 1866
Figs 74-77

Cortodera discolor Fairmaire, 1866: 277 - "Bosz-Dagh" (West Anatolia, mountains eastwards Izmir).

Type locality: West Turkey, Izmir prov., Boz-Dag.

The types are unknown, but traditional interpretation of the species allows to regard it as a vicariant close to the taxa known now as *C. differens differens* Pic, 1898a (= *steineri* Sama, 1997b) from Greece and *C. differens magdae* Danilevsky, 2012b from Bulgaria, Romania and European Turkey. All three taxa consist of rather robust, big specimens with black legs (anterior tibiae usually light), antennae and abdomen; elytra brown or black; pale elytra in eastern populations usually rather dark. Only two females [NMP] of the nominative subspecies available (Fig. 74: "W-Turkey, Manisa Dagi, 28-30.4.1994, D. Hauck leg."). Both females of *C. d. discolor* differs form the closest populations of *C. differens magdae* by: more elongated apical palpi joints; sparser, less regular pronotal punctation; wider pronotal glabrous line; bigger elytral punctation; lighter and longer elytral pubescence; body length: 10.3-11.0mm, width: 3.5-3.7mm.

Distribution. The nominative subspecies is definitely known from Izmir and Manisa environs, but could be distributed much wider. The species area seems to cover the most part of Anatolia eastwards to about Van Lake.

Cortodera discolor ankarensis ssp. n.
Fig. 75

Cortodera discolor m. *differens*, Demelt, 1967: 107 - "Kizilchahamam, 28.5.64, vereinzelt auf *Chrysanthemum*".

Type locality: Turkey, north of Ankara prov., Çamlidere.

Only 9 females available; very similar to the nominative subspecies, but epical palpal joints much longer; pronotal punctation smaller and denser; pronotal glabrous line very narrow; elytral color just same as in *C. differens magdae,* but never black; all available

specimens with distinct black area near scutellum, which is absent in known to me specimens of the nominative subspecies or in *C. differens differens*, and is very rare in *C. differens magdae*; elytral pubescence relatively long similar to the nominative subspecies; elytral punctation also about same; antennae totally black; legs black with lightened anterior tarsi; abdomen totally black; body length: 9.0-11.5mm, width: 2.7-3.7mm.

Materials. Holotype, female with two labels: 1) Turkey, Anatolia bor., Çamlidere, 3.6.1986, S.Kadlec leg.; 2) *Cortodera discolor* Fairm., S.Kadlec det. - MD; 8 paratypes; 3 females with same labels - SM; 4 females with label: "NW Turkey, Akyarma Geç., NW Kizilcahamam, 1570m, 4035N, 3232E, 31.V.2001, lgt. S.Kadlec" - NMP; 1 female with label: "Yukari Çanli, K.hamam, Ankara, Türkiye, 14.06.1997, 1540m, Akçay. 18" - HO.

Distribution. North of Ankara province.

Remark. In general *C. d. ankarensis* **ssp. n.** is closer to *C. differens magdae* Danilevsky, 2012b, than to *C. d. discolor*. Probably it would be more correct to regard all taxa of the group as a system of subspecies, including *C. discolor differens* Pic, 1898a and *C. discolor magdae* Danilevsky, 2012b.

Cortodera discolor gumushanensis ssp. n.
Fig. 76

Type locality: Turkey, Gümüşhane, Pass SW Yeniyol, 1200m.

Only 1 female available; it differs from *C. d. ankarensis* **ssp. n**. by wider body; sparser pronotal punctation, indistinct pronotal glabrous line, distinctly bigger elytral punctation; elytra about same color as in *C. d. ankarensis* **ssp. n**. - dark brown; black area behind scutellum very narrow; elytral pubescence about as long as in the previous taxa; joints of maxillary palpi elongated; antennae, legs and abdomen black; anterior tibiae lightened; body length: 10.7mm, width: 3.3mm.

Materials. Holotype, female with label: "TR - vil. Gümüşhane, Pass SW Yeniyol, 1200m, 17.6.1999, S. Kadlec lgt." - NMP.

Distribution. North-east Anatolia, south border of Gümüşhane province.

Cortodera discolor bitlisiensis ssp. n.
Fig. 77

Type locality: East Turkey, 17km W Tatvan, 38°30'N, 42°09'E,

Only 1 female available; it is similar to the previous taxon; all color patterns are same, as well as relative length of antennal joints; externally similar females of *C. cirsii* Holzschuh, 1975 have much longer antennal joints; elytral suture totally pale, elytra without black area behind scutellum, elytral pubescence rather shorter; elytral punctation a little bigger; pronotum with sparser punctation, with distinct wide shining glabrous line; body length: 10.7mm, width: 3.3mm.
Materials. Holotype, female with label: "E Turkey, 17km W Tatvan, 3830N, 4209E, 20.5.2001, S. Kadlec lgt." - NMP.
Distribution. South-east Anatolia, Bitlis province.

Cortodera alpina tatvanensis ssp. n
Figs 78-80

Type locality: East Turkey, 15km westwards Tatvan.

Body small, narrow in males and a little wider in females or in the population closer to Tatvan (11 km SW Tatvan) specimens a little bigger; elytral sides in males strongly tapering posteriorly; males black, with black shining elytra, black antennae, legs and abdomen; anterior tibiae slightly lightened; females black with yellow or black elytra, antennae black with more or less lightened basal joints; legs in females usually with yellow anterior tibiae and with or without yellow spots in the middle of anterior femora; male antennae long, nearly reaching elytral apex; apical joints of maxillary palpi in males a little longer than wide, in females - more elongated; pronotal punctation in males irregular, partly sparse; in females - denser; pronotal glabrous line relatively wide, distinct near hind pronotal margin; elytra with big, distinct, dense punctation; elytral bases with several erect setae or with numerous erect setae in the population closer to Tatvan (11 km SW Tatvan); body length in

males: 6.8-9.5mm, width: 2.1-2.9mm;; body length in females: 7.3-10.0mm, width: 2.3-3.0mm.

Materials. Holotype, male, Turkey, 15km W of Tatvan, 4.6.1992, V. Bíža and Z. Košťal leg. - NMP; 13 paratypes; 1 male, 4 females with same label - NMP; 6 males, 2 females, Turkey, 11km SW of Tatvan, 4.6.1998, G.Sama leg. - MD.

Distribution. South-east Anatolia, Bitlis province.

Acknowledgements. I am very grateful to my friends and colleagues for providing me with the specimens for study: Aleksey Gusakov (Zoological Museum of Moscow University), Jíří Hájek (Národní muzeum, Prague), Sergey Murzin (Moscow), Alexander Napolov (Riga), Hüseyin Özdikmen (Gazi University, Ankara), Pierpaolo Rapuzzi (Prepotto, Italy), Gianfranco Sama (Cesena, Italy), Azadeh Taghavian (Muséum national d'Histoire naturelle, Paris). Many specimens were presented to me by Stanislav Kadlec. I especially wish to thank Gérard Tavakilian for his constant investigations in Pic's Cerambycidae collection in Muséum national d'Histoire naturelle (Paris) in order to find type specimens and to make photos.

REFERENCES

Danilevsky M.L. 2010. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010.- Russian Entomological Journal. 19(3): 215-239.

Danilevsky M.L. 2012a. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. V. - Humanity Space. International Almanac. Vol. 1. № 3: 695-741.

Danilevsky M.L. 2012b. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. VI. - Humanity space. International almanac. Vol. 1. № 4: 900-943.

Demelt C. 1967. Beitrag zur Kenntnis der Cerambycidenfauna Griechenlands (Col.). - Entomologische Zeitschrift. 77(6): 57-66.

Fairmaire L. 1866. Notice sur les coléoptères récoltés par M. J. Lédérer sur le Bosz-Dagh (Asie Mineure). - Annales de la Société Entomologique de France. (4)6: 249-280.

Ganglbauer L. 1897. Ueber Cortodera flavimana Waltl.- Entomologische Zeitung. 58: 52-53.

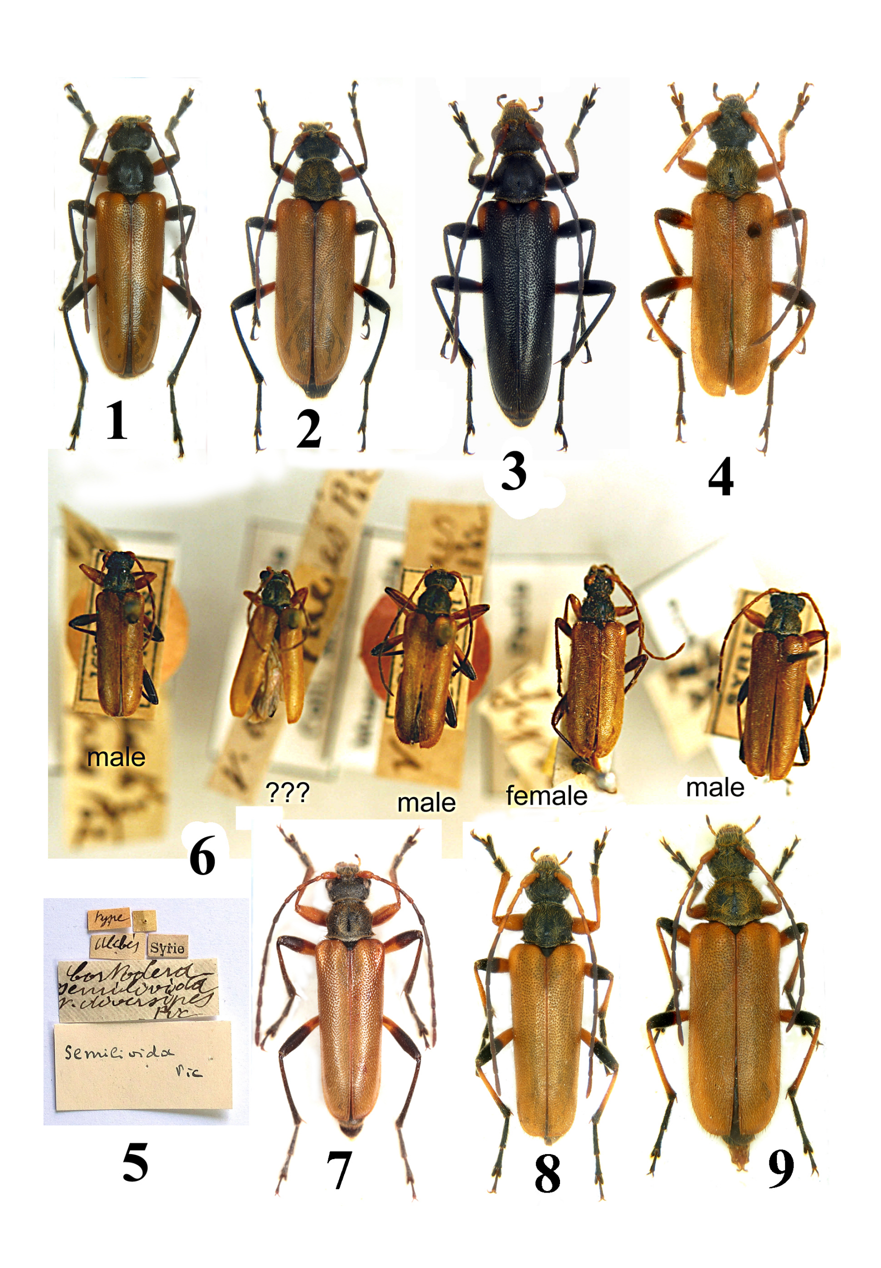
Holzschuh C. 1995. Beschreibung von 65 neuen Bockkäfern aus Europa und Asien, vorwiegend aus Thailand und China (Coleoptera, Disteniidae und Cerambycidae).- FBVA - Berichte; Schriftenreiche der Forstlichen

Bundesversuchsanstalt in Wien. 84: 1-63.
Jurecek Š. 1937. Neue Aberrationen von Cortodera flavimana Waltl. (Col. Ceramb.). - Casopis Ceské Spolecnosti Entomologické. 34(3): 69-70.
Kraatz G. 1876. Zwei neue Grammoptera-Arten. - Deutsche Entomologische Zeitschrift. 20: 344.
Müller G. [= J.] 1948. Contributo alla conoscenza dei coleotteri fitofagi (Cerambycidae e Chrysomelidae). - Atti del Museo Civico di Storia Naturale di Trieste. 17: 61-98.
Özdikmen H. 2003. Check-list of the genus Cortodera Mulsant, 1863 (Coleoptera: Cerambycidae) in Turkey with two new records. - Acta Entomologica Slovenika. 11(2): 183-188.
Özdikmen H. 2014. Turkish red list categories of longicorn beetles (Coleoptera: Cerambycidae) Part II - Subfamiliy Lepturinae: Xylosteini, Enoploderini, Rhamnusiini, Oxymirini and Rhagiini.- Munis Entomology & Zoology. 9(1), 292-312.
Özdikmen H., Mercan N. & Cihan N. 2012. A new subspecies of Cortodera pumila Ganglbauer, 1882 from Turkey (Coleoptera: Cerambycidae).- Munis Entomology & Zoology, 7 (2), 746-748.
Özdikmen H. & Özbek H. 2012. A new species of Cortodera Mulsant, 1863 from Turkey (Coleoptera: Cerambycidae).- Munis Entomology & Zoology. 7(2): 931-934.
Pesarini C. & Sabbadini A. 2009. Sei nuovi taxa di Cerambycidae della fauna turca e greca (Coleoptera). - Annali del Museo Civico di Storia Naturale di Ferrara. 12: 15-32.
Pic M. 1892a. Cortodera semilivida, n. sp. Bulletin de la Société Entomologique de France. 60(1891): cxciii-cxciv (Séance du décembre 1891).
Pic M. 1892b. [Quelques espèces et variétés nouvelles de longicornes, recueillis par M. C. Delagrange dans son voyage dans le nord de la Syrie en 1891].- Bulletin de la Société Entomologique de France. 61. cxi-cxii (Séance du 27 avril 1892).
Pic M. 1893. Voyage de M. Charles Delagrange dans la Haute-Syrie, Année 1891 (1). Longicornes. - Annales de la Société Entomologique de France. 61[1892]: 413-422.
Pic M. 1894. Notes entomologiques. - L'Échange, Revue Linnéenne. 10(117): 116.
Pic M. 1898a. Étude synoptique sur les coléoptères (longicornes) ou genre Cortodera Muls.- La Feuille des Jeunes Naturalistes. 28[1897-1898]: 77-80, 110-117.
Pic M. 1898b. Notes sur le genre Cortodera Muls. Pp. 48-50. - Matériaux pour servir à l'étude des longicornes. 2ème cahier, v + 59 pp.
Pic M. 1902. Notes diverses et diagnoses. Pp. 8-11. - Matériaux pour servir à l'étude des longicornes. 4ème cahier, 1re partie. 36 pp.
Reitter E. 1890. Uebersicht der mir bekannten Cortodera-Arten aus Europa und den angrenzenden Ländern. - Wiener Entomologische Zeitung. 9: 243-246.
Sama G. 1997. Note préliminaire pour une révision du genre Cortodera Mulsant, 1863 (Coleoptera - Cerambycidae), avec la description de deux espèces nouvelles. - Biocosme Mésogéen. 13[1996]: 107-114.
Sama G. 2002. Atlas of Cerambycidae of Europe and the Mediterranean area. Vol.

1: northern, western, central and eastern Europe, British Isles and continental Europe from France (excl. Corsica) to Scandinavia and Urals. Zlín: Kabourek. 173 p.

Sama G. & Löbl I. 2010. [Western Palaearctic taxa, eastwards to Afghanistan, excluding Oman and Yemen and the countries of the former Soviet Union], pp. 84, 96-334. - In: Catalogue of Palaearctic Coleoptera, Vol. 6. (Eds. I. Löbl & A. Smetana), Stenstrup: Apollo Books. 924 p.

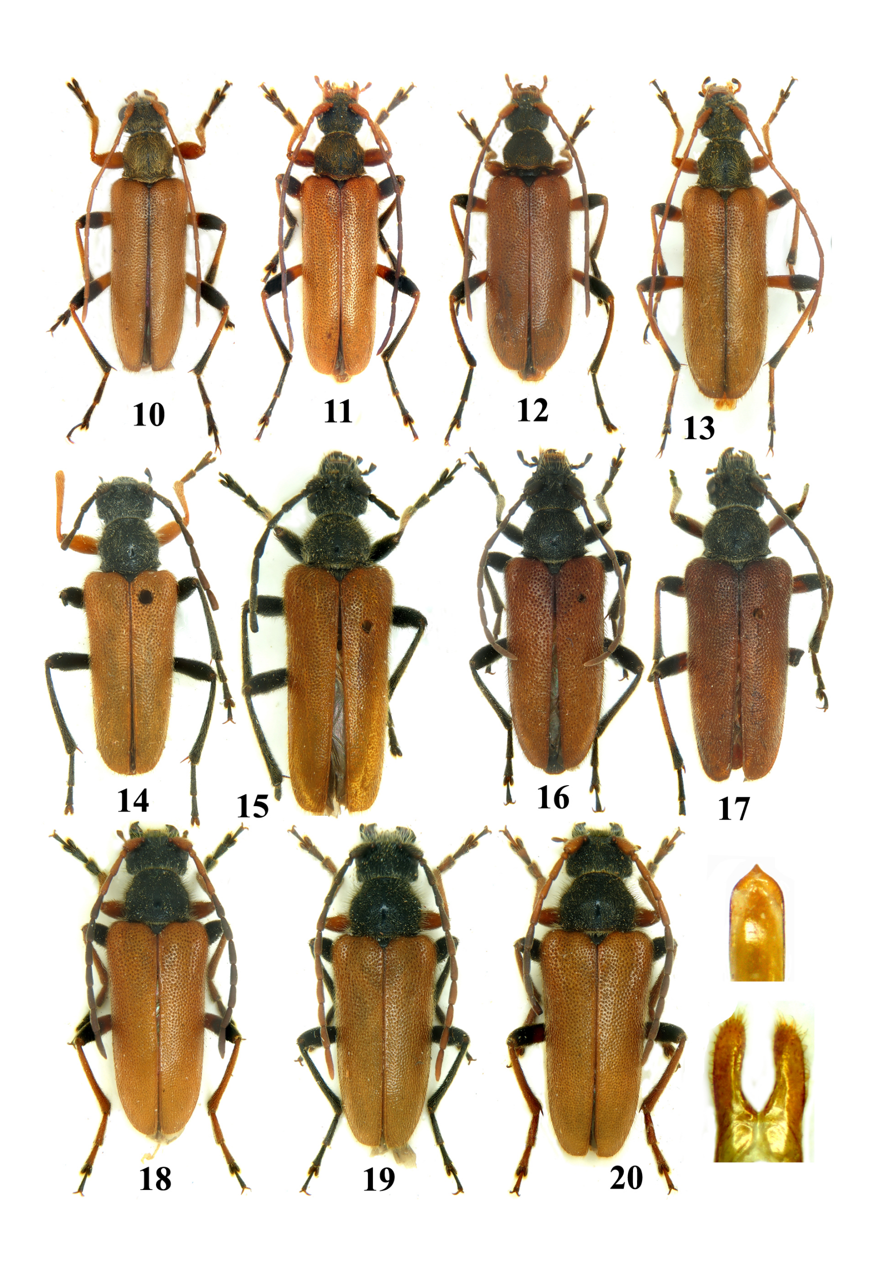
Waltl J. 1838. Beiträge zur Kenntniss der Coleopteren der Türkey.- Isis von Oken. (31) 6[1838]: 449-472.

1
2
3
4
male
???
male
female
male
6
Syrie
5
7
8
9

Figs 1-3. *C. humeralis moreensis* **ssp. n.:** 1 - holotype, male, Greece, Peloponnesus, Arkhadia, Vourvoura env., 900m, 22.5.2003, R.Hergovits leg.; 2 - paratype, female with same label; 3 - paratype, male, Greece, Peloponnesus, Arna, 13.5.2000, S. Kaluz leg.

Figs 4-6. *C. semilivida* Pic.: 4 - lectotype, male, Turkey, Hatay prov., “Akbes”; 5 - labels of the lectotype; 6 - series of *Cortodera semilivida* var. *diversipes* Pic, from Pic’s collection (Paris) - photo by G.Tavakilian.

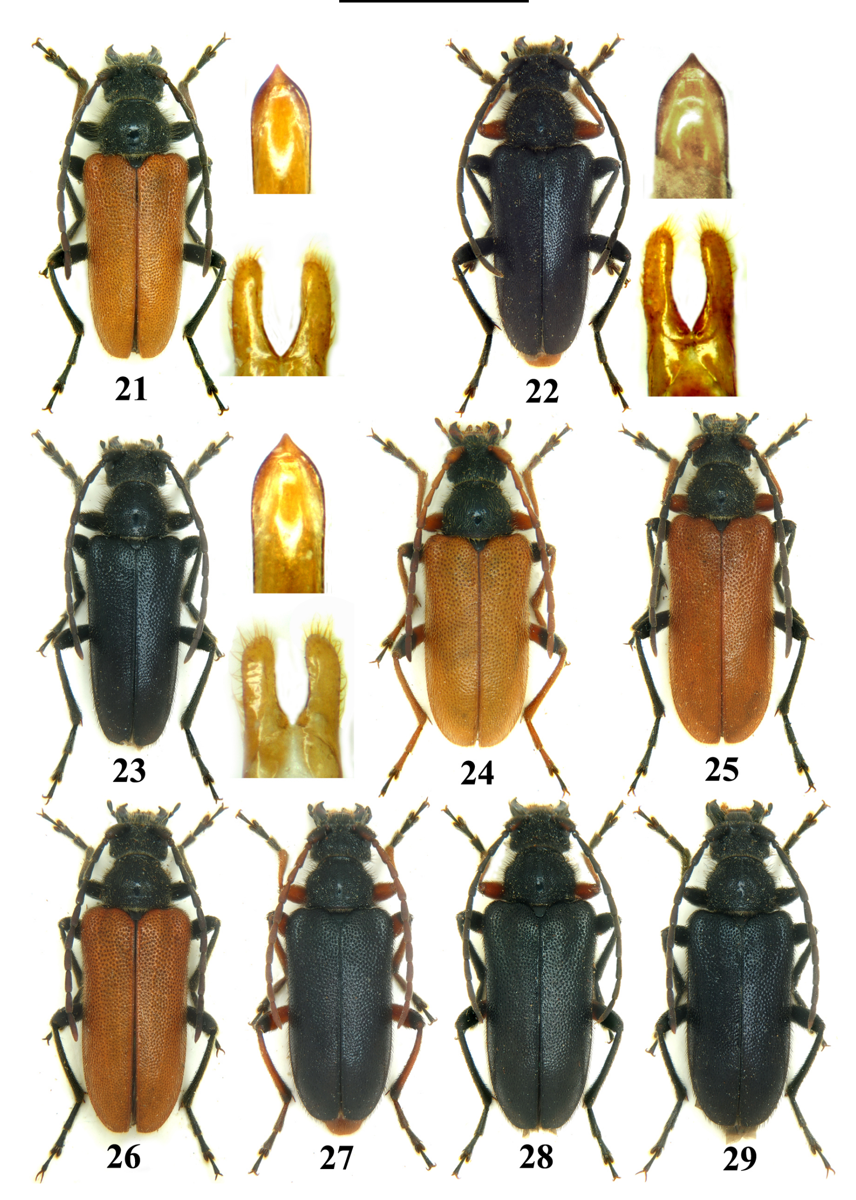
Figs 7-9. *C. orientalis* Adlbauer.: 7 - holotype, male, “Amanusgebirge, Nurdagi Geçidi” (photo by C.Adlbauer); 8 - male, Hassanbeyli env., Nurdagi Geç., 17.5.2002, Košťál & Voříšek leg.; 9 - female with same label.

10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

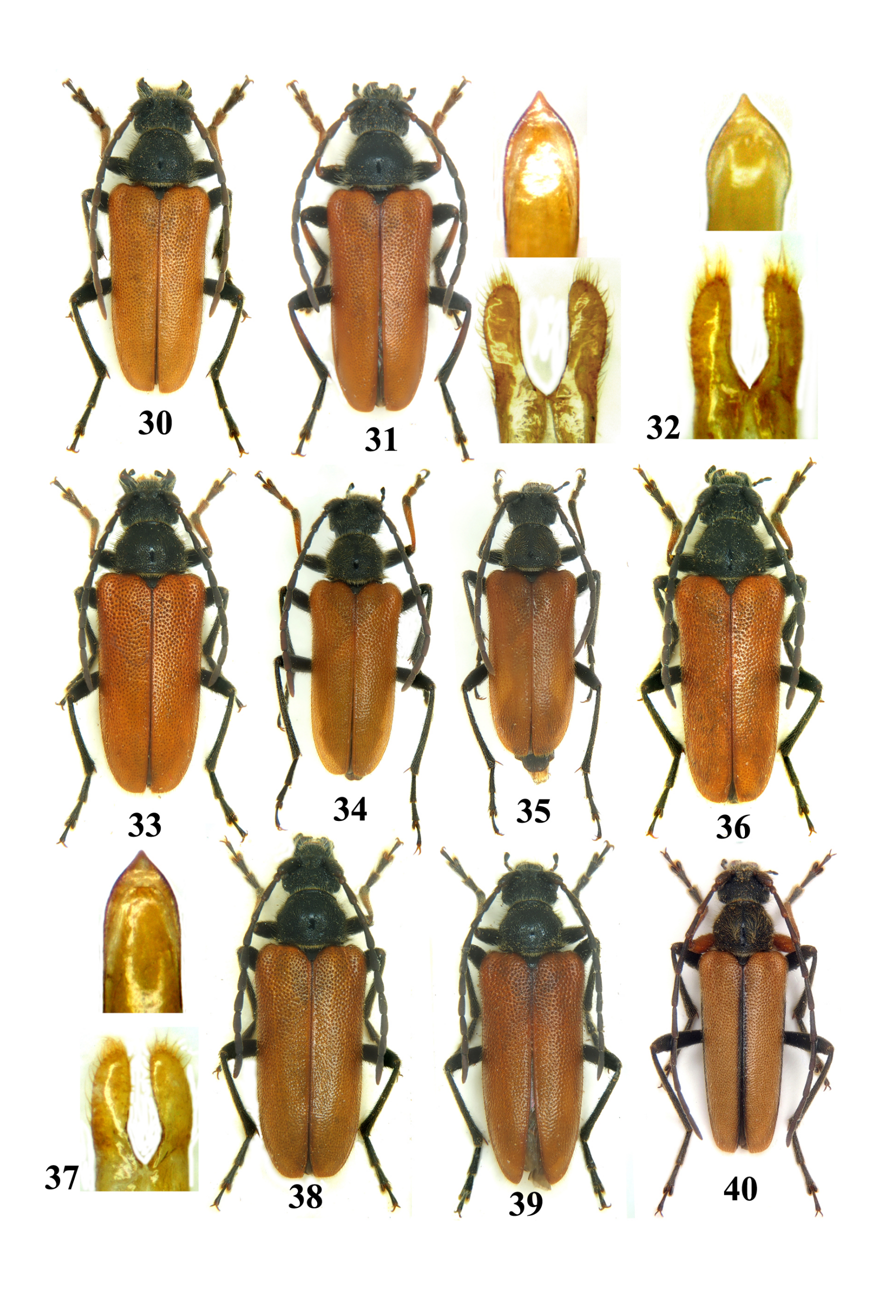
Figs 10-13. *C. pumila meltemae* Özdikmen, Mercan & Cihan, 2012.: 10-11 - males, NW Turkey, Guvem, SW Cerkes, 31.V.2001, P. Kabatek leg; 12-female, with same data, but M.Rejzek leg.; 13 - female, Kizilcahamam, Juni, 1973, L.Steiner leg.

Figs 14-17. *C. wittmeri wittmeri* Holzschuh, 1995: 14 - male, Nigde, Ulukisla, 1400m, 23.06.1997; 15 - male, Antalia, Akseki-Güzelsu, 36°59'N, 31°50'E, 1154m, 9.6.2008, H.Özdikmen leg.; 16-17 - females with same label.

Figs 18-20. *C. wittmeri akshehirensis,* **ssp. n.** 18 - holotype, male, 17km SE Akşehir, Yesilkoy env., 18.5.1998, S. Kadlec leg.; (20 - with genitals); 19-20 - paratypes, males with same data.

Figs 21-29. *C. wittmeri akshehirensis,* **ssp. n.:** 21-23 - paratypes, males with same data (21-23 - with genitals); 24-29 - paratypes, females with same data.

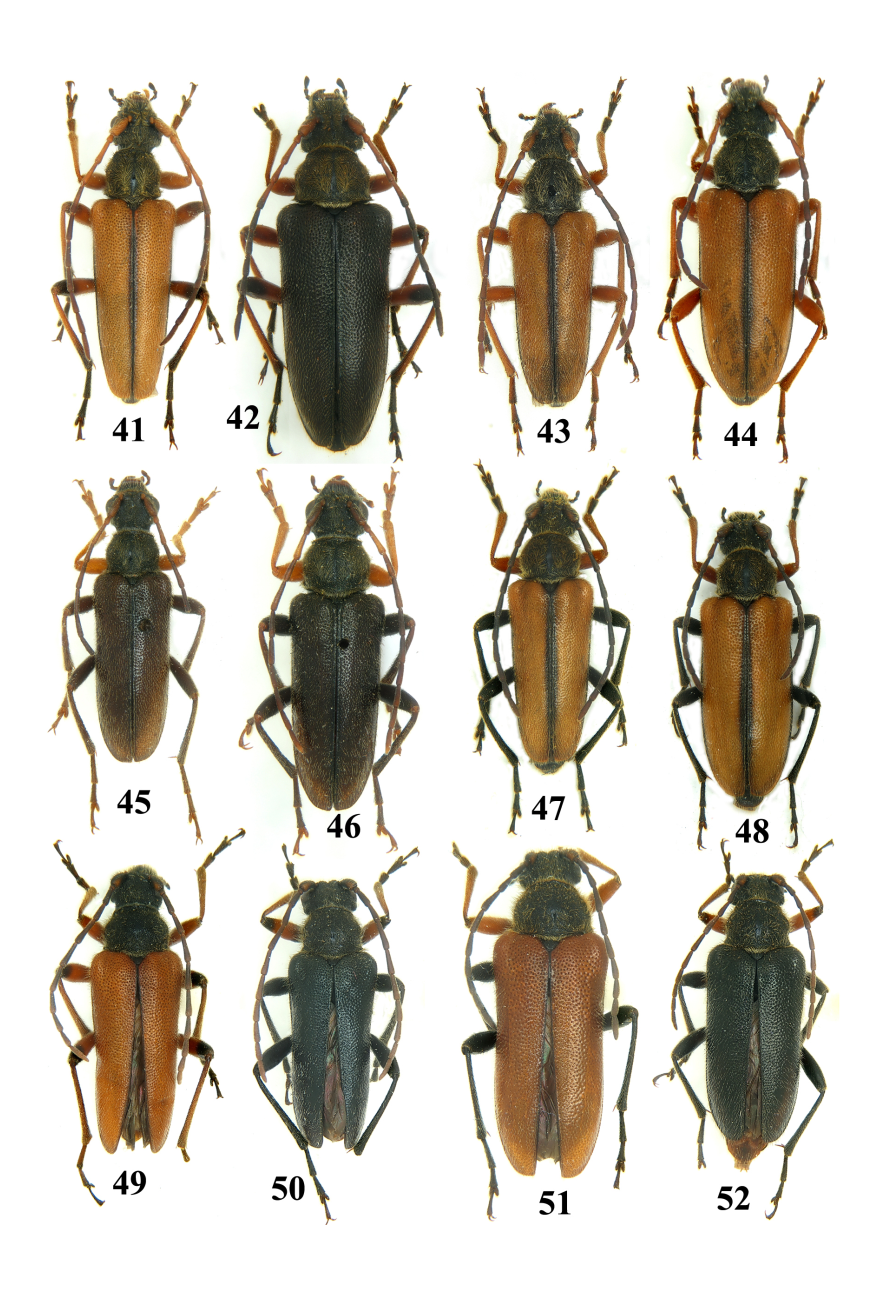

30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40

Figs 30-33. *C. wittmeri sivasensis* **ssp. n.:** 30 - holotype, male, Sivas, Karabayir Geçidi, 1925m, 12.6.1999, S. Kadlec leg.; 31 - paratype male with genitals with same label; 32 - genitals of the smallest paratype-male with same label; 33 - paratype female with same label.

Figs 34-35. *C. wittmeri malatyaensis* **ssp. n.:** 34 - holotype, male, Malatya, Eskiköy invirons, 1570-1620m, 30.5.2011, A.Napolov & I.Roma leg.; 35 - paratype, female with same label.

Figs 36-39. *C. wittmeri gevashensis,* **ssp. n.:** 36 - holotype, male, Van, Gevaş env., 12.6.1992, 1800m, S. Kadlec leg.; 37 - genitals of the paratype with same label; 38-39 - paratypes, females with same label.

Fig. 40. *C. flavimana flavimana*: male from about type locality, European Turkey, Kirklareli, Poyrali, 7km E Pinatisar 5.5.2001 S.Kadlec leg.

41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52

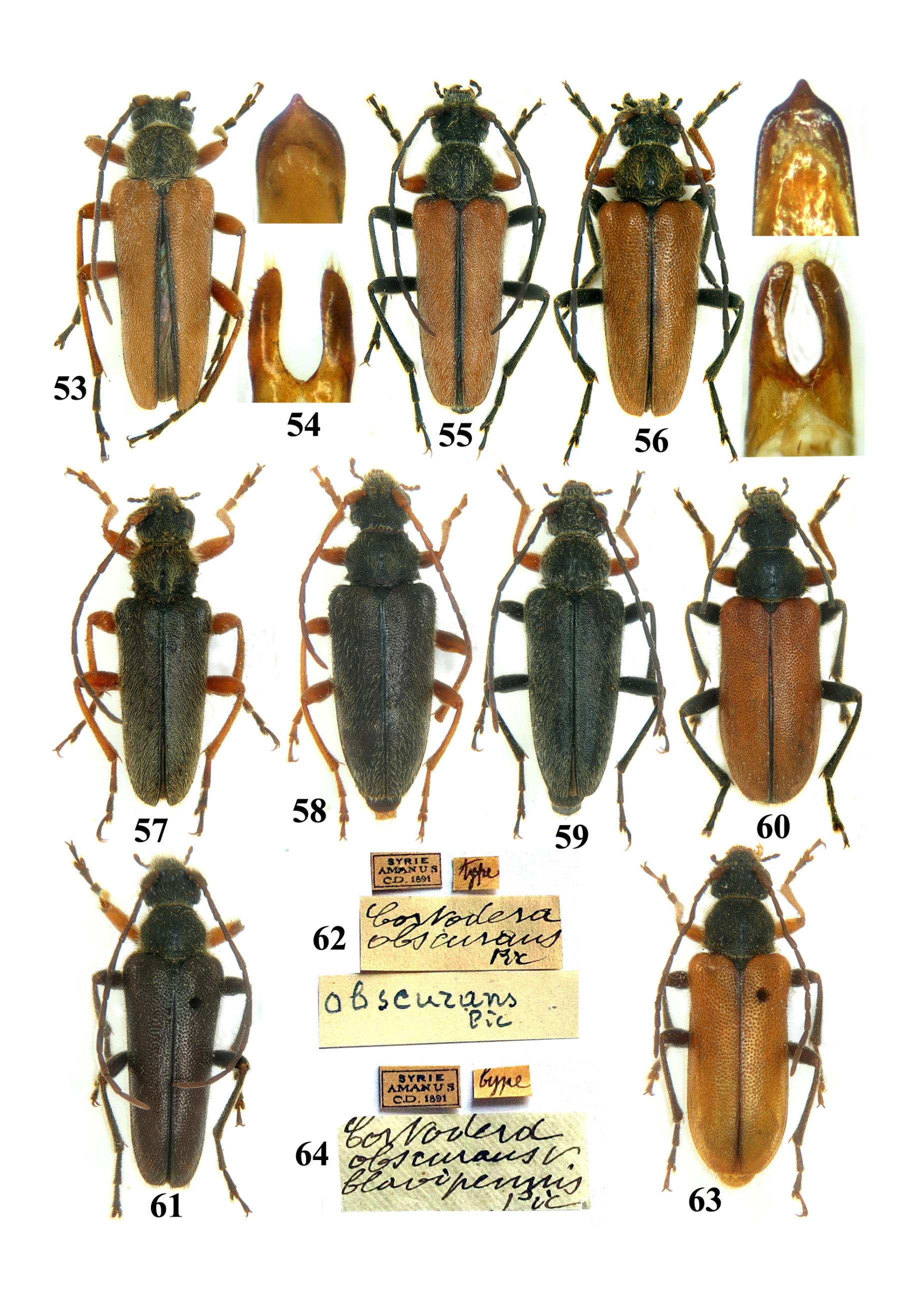
Figs 41-42. *C. flavimana inonuensis,* **ssp. n.:** 41 - holotype, male, Eskisehir, Inonu, 26.5.1981 G.Sama leg.; 42 - paratype, female, Kütahya, 10km NE of Domaniç, Uludag, 23.8.2002, J. Mertlik leg.

Figs 43-44. *C. flavimana angorensis,* **ssp. n.:** 43 - holotype, male, Çamlidere, 3.6.1986, S. Kadlec; 44 - paratype, female with same label.

Figs 45-46. *C. flavimana karsensis,* **ssp. n.:** 45 - holotype, male, Kars, Sarykamyš, 10.6.1913; 46 - paratype, male, Ardahan.

Figs 47-48. *C. flavimana sergeyi,* **ssp. n.:** 47 - holotype, male, Tunceli, Pulumur env., 1500-1875m, 16-23.5.2011, J.Hron & S.Murzin leg.; 48 - paratype, female with same label.

Figs 49-52. *C. flavimana oezdikmeni,* **ssp. n.:** 49 - holotype, male, Kahramanmaraş, Caglayan Cöyü, 28.5.2003, A.Y. Okutaner leg.; 50 - paratype, male with same label; 51-52 - paratypes, females with same label.

53
54
55
56
57
58
59
60
61
SYRIE AMANUS C.D. 1891
Type
62
Cortodera obscurans Pic
obscurans Pic
SYRIE AMANUS C.D. 1891
type
64
Cortodera obscurans v. flavipennis Pic
63

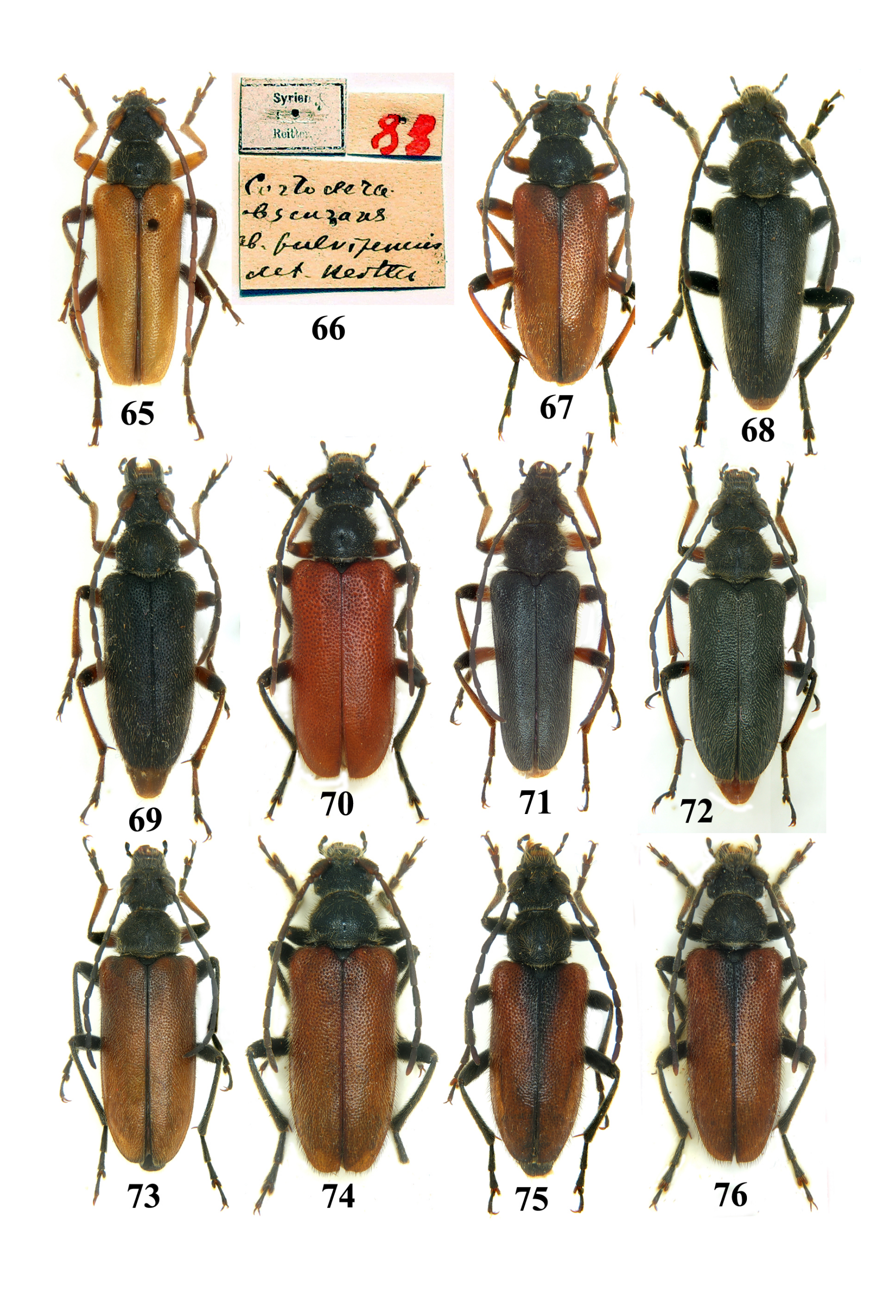
Figs 53-54. *C. flavimana oezdikmeni,* **ssp. n.:** 53 - paratype, male, Kahramanmaraş, Gökun, 26.5.2003, A.Y. Okutaner leg.; 54 - genitals of the paratype from same locality, 26.5.2003, A.Y. Okutaner & Özdikmen leg.

Figs 55-56. *C. flavimana torosensis,* **ssp. n.:** 55 - holotype, male, Içel, 40 km E Mut, Cornelek, 29.5.1996, leg. M. Halada; 56 - paratype, male with genitals, "Pozanti [Adana], 91-2000m".

Figs 57-59. *C. flavimana sultanensis,* **ssp. n.:** 57 - holotype, male, "Asia Minor, Sultan Dagh, v. Bödemeyer"; 58 - paratype, female with same label; 59 - paratype, male, "Anatolia, Ak Chehir".

Fig. 60. *C. neali* Danilevsky, 2004: female, NE Iraq, Mishaw, 1750m, 6-8.6.1976, J. Macek leg.

Figs 61-63. *C. obscurans* Pic, 1894.: 61 - Lectotype (present designation), male, "Syrie, Amanus, C.D. 1891"; 62 - labels of the lectotype; 63 - female, "Syrie, Akbes, C D. 1895".

Syrien
Reitter
88
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76

Figs 65-66. *C. obscurans* Pic, 1894.: 65 - male, “Syrien, Reitter”; 66 - its labels.

Fig. 67. *C. colchica erzurumensis,* **ssp. n.**: holotype, female, 15km SW Erzurum, Palandöken Dağlari, Tekederesi village env., 26-28.6.2004, J.Hájek & J.Růžička leg.

Figs 68-69. *C. colchica porsukensis,* **ssp. n.:** 68 - holotype, male, Eskisehir, Porsuk Baraji, 22.5.1998, M.Snižek leg.; 69 - paratype, female from same locality.

Fig. 70. *C. kadleci,* **sp. n.**: holotype, female, Erzincan, Tercan, 24.6.1986, S. Kadlec leg.

Figs 71-73. *C. napolovi,* **sp. n.:** 71 - holotype, male, Muş, Buglan Geçidi, 4km NE Karabey vill., 1640-1700m, *Ranunculus,* 26.5.2011, A.Napolov & I.Roma leg.; 72-73 - paratypes, females with same label.

Fig. 74. *C. discolor discolor* Fairmaire, 1866: female, Manisa, Manisa Dagi, 28-30.4.1994, D. Hauck leg.

Fig. 75. *C. discolor ankarensis,* **ssp. n.**: holotype, female, Anatolia bor., Çamlidere, 3.6.1986, S.Kadlec leg.

Fig. 76. *C. discolor gumushanensis,* **ssp. n.**: holotype, female, Gümüşhane, pass SW Yeniyol, 1200m, 17.6.1999, S. Kadlec leg.

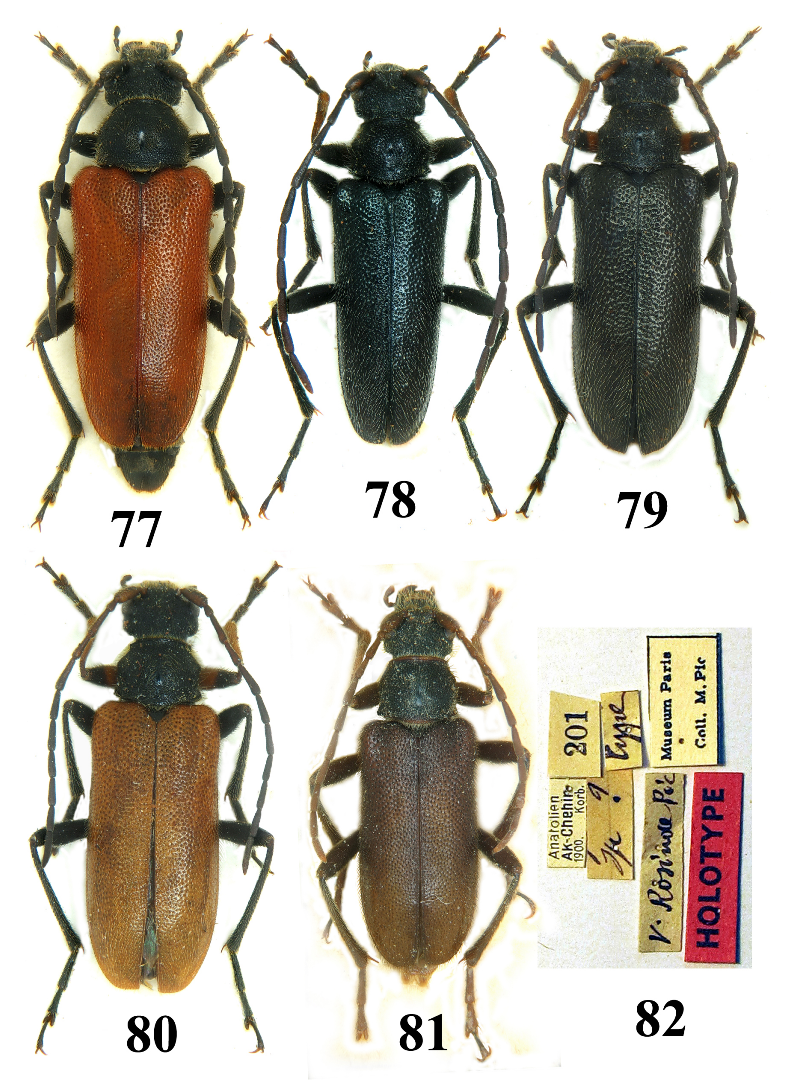

Fig. 77. *C. discolor bitlisiensis,* **ssp. n.**: holotype, female, 17km W Tatvan, 20.5.2001, S. Kadlec leg.

Fig. 78-80. *C. alpina tatvanensis* **ssp. n.:** 78 - holotype, male, 15km W of Tatvan, 4.6.1992, V. Bíža & Z. Košťal leg.; 79-80 - paratypes, females wirh same label.

Figs 81-82. *C. alpina rosinae* Pic, 1902: 1 - holotype, male; 2 - labels of the holotype.

MAP 1
GEORGIA
Tbilisi
TURKEY
Ankara
MAP 2
ARMENIA
Yerevan
IRAN
BULGARIA
Sofia
Skopje
F.Y.R.O. MACEDONIA
GREECE
Athens

Map 1. Localities of *Cortodera wittmeri* Holzschuh

C. w. wittmeri: 1-10 (1 - Niğde, Ulukişla; 2 - Içel, Kirobasi environs; 3 - Antalya, Karapinar environs; 4 - Antalya, Akseki-Guzelsu; 5 - Antalya, Teke Geçidi; 6 - Bademli Geçidi; 7 - Konya, between Hadim and Bozkır; 8 - Konya, Seydişehir; 9 - Konya, Tavsancali; 10 - Aksaray, between Aksaray and Nevşehir); *C. w. akshehirensis* **ssp. n.**: 11 (Konya, Yesilkoy); *C. w. sivasensis* **ssp. n.**: 12-13 (12 - Sivas, Karabayir Geçidi; 13 - Erzurum, Oltu); *C. w. malatyaensis* **ssp. n.**: 14 (Malatya, Eskiköy env.); *C. w. gevashensis* **ssp. n.**: 15 (Van, Gevaş env.).

Map 2. Localities of *Cortodera flavimana* (Waltl)

C. f. flavimana: 1-16 (Turkey: 1 - Turkey, Kirklareli, Poyrali, 7km E Pinatisar; 2 - Abant lake; 3 - Zoguldak, Karadere - Egerci; Bulgaria: 4 - Arkutino; 5 - Elenite; 6 - Varna; 7 - Zaimtchevo; 8 - Rakovo; 9 - Harmanli; 10 - Bachkovo; 11 - Bessaparski Hulmove hills; 12 - Vitosha Mt.; 13 - Pirin; 14 - Petrič; Macedonia: 15 - Bitola; Greece: 16 - Kastanea); *C. f. schurmanni* **stat. n.**: 17-18 (Greece: 17 - Kalavrita; 18 - Dimitsana); *C. f. inonuensis* **ssp. n.**: 19-21 (Turkey: 19 - Eskisehir, Inonu; 20 - Kütahya, 10km NE of Domaniç, Uludağ pass; 21 - Mt. Olymp); *C. f. zoiai,* **stat. n.**: 22 (Turkey, north of Izmir vil., 4km NE Kozak); *C. f. rufipes*: 23-24 (Turkey: 23 - Izmir env.; 24 - Manisa Dagi); *C. f. angorensis* **ssp. n.**: 25-29 (Turkey: 25 - Ankara environs; 26 - Ankara prov., Karagöl; 27 - Ankara prov., Çamlidere; 28 - Çankiri prov., Kursunlu; 29 - Amasya); *C. f. corallipes*: 30-35 (Turkey: 30 - Trabzon, Zigana Geçidi; 31 - Gümüşhane, Vavuk Geçidi; 32 - Erzerum, Askale; 33 - Erzerum, Pasaki; 34 - Erzerum, Ispir; 35 - Artvin, Savsat); *C. f. karsensis*: 36-37 (Turkey: 36 - Kars, Sarykamyš; 37 - Ardahan); *C. f. sergeyi* **ssp. n.**: 38 (Turkey: Tuncely, Pulumur); *C. f. oezdikmeni* **ssp. n.**: 39-42 (Turkey: 39 - Kahramanmaraş, Afşin, 40 - Kahramanmaraş, Cardak; 41 - Kahramanmaras, Goksun; 42 - Kahramanmaraş, Çağlayan); *C. f. torosensis* **ssp. n.**: 43-44 (Turkey: 43 - Adana, Pozanti; 44 - Içel , 40 km E Mut); *C. f. sultanensis* **ssp. n.**: 45-46 (Turkey: 45 - Sultan Dagh; 46 - Akşehir).

Received: 22.09.2015
Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 1085-1089

Brachyta interrogationis eitschbergeri ssp. n. (Coleoptera, Cerambycidae) - black subspecies from south-east Germany

M.L. Danilevsky[1] & H. Peks[2]

[1]A.N. Severtzov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Leninsky prospect 33, Moscow 119071 Russia
e-mail: danilevskyml@rambler.ru, danilevsky@cerambycidae.net
[2]Röthenweg Str. 7, Schwanfeld, 97523 Deutschland
e-mail: heinz.peks@googlemail.com

Key words: new subspecies, Cerambycidae, Lepturinae, Germany.
Abstract: *Brachyta interrogationis eitschbergeri* **ssp. n.** is described from near Marktleuthen (Bavaria). The new taxon is characterized by totally (or nearly totally) black elytra of males and females.

Black populations of *Brachyta interrogationis* (Linnaeus, 1758) from Bavaria were known long ago (Eitschberger & Steiniger, 1978a, 1978b).

The complex of peculiar local populations from Marktleuthen environs is described bellow as a new subspecies on the base of more than two hundred specimens.

Abbreviations of collections:
MD - collection of M.L. Danilevsky (Moscow)
SM - collection of S.V. Murzin (Moscow)
HP - collection of H. Peks (Schwanfeld)

Brachyta interrogationis eitschbergeri ssp. n.
Figs 1-6

The new subspecies is characterized by about totally black elytra in all males and females; only small lateral yellow elytral spots usually present together with narrow yellow line along suture often protruding around elytral apices; elytra without yellow areas are also known.

Body in males slightly tapering posteriorly; elytra in females nearly parallelsided; antennae in males surpassing elytral middle or just reaching elytral middle in females; 1st antennal joint a little

longer than 4th, shorter than 3rd, which is about as long as 5th; prothorax in males a little longer than basal width, in females about as long as basal width; pronotal punctation very dense with conjugated dots, but postero-middle small shining elongated area with scattered dots always present; pronotum covered with dense oblique pubescence with several longer erect setae; elytra in males about 1.9-2.0 times longer, than basal width, in female - 1.8-1.9 times; elytral punctation rather distinct and very dense, partly conjugated; elytral pubescence very dense, oblique with scattered longer erect setae, more numerous anteriorly; totally black elytra without yellow spots are very rare, but can be observed in males and in females; usually elytra with two small lateral yellow spots, yellow epipleurae and narrow yellow line along suture, sometimes only one yellow spot present and suture totally black; often lateral yellow spots larger, conjugated, sutural yellow line wider and small yellow spot can be seen near apex; legs always totally black with slightly widened anterior tarsi in males; pygidium in males with shallow emargination, postpygidum with deeper emargination; pygidium in females also slightly emarginated; last abdominal sternite in males and in females rounded; body length in males: 10.5-13.0 mm, width: 3.8 -4.7 mm; body length in females: 11.5-15.0 mm, width: 4.2-5.8 mm

Materials. Holotype, male, Germany, Bavaria, Fichtelgebirge, south suburb of Marktleuthen, 50°7'28"N, 11°59'47"E, 534 m, 16.5.2014, A.Dantchenko & U.Eitschberger leg. - MD; 237 paratypes; 6 males, 4 females with same label - MD; 1 male, 1 female from same locality, but 17.5.2014, A.Dantchenko & U.Eitschberger leg. - SM; 2 females, same locality, 7.6.1978, U.Eitschberger leg. - HP; 94 males, 51 females, about 500 m northwards Marktleuthen, Waffel, 50°8'11"N, 11°59'52"E, 535 m, 22-23.6.1977, U.Eitschberger leg. - HP; 1 male, same locality, 17.6.1974, U.Eitschberger leg. - HP; 47 males, 26 females, Germany, Bavaria, Heidelheim (about 4 km NE Marktleuthen), 50°9'10"N, 12°3'1"E, 589 m, and 50° 8'50"N, 12° 3'21"E, 577 m, 24.6.1977, U.Eitschberger leg. - HP; 1male, 3 females, Rügersgrün (about 6 km SE Marktleuthen), 50°5'15"N, 12°3'8"E, 612 m, 4.7.1977, U. Eitschberger leg. - HP.

The data of the labels written by H.Peks are not quite

coinciding with the information received by M.Danilevsky from the collector. According to U. Eitschberger (personal message, 1.10.2015): about all specimens were collected by him southwards Marktleuthen (50°7'28"N, 11°59'47"E), few - in Waffel (50°8'11"N, 11°59'52"E).

Distribution. Germany, Bavaria, Fichtelgebirge, Marktleuthen and environs; many localities are definitely known in the area after observations by Ulf Eitschberger (personal message, 1.10.2015), though most of them are not represented by available specimens: centre of Marktleuthen (522m, 50°7'48"N, 11°59'44"E), south suburb of Marktleuthen (50°7'28"N, 11°59'47"E, 534m), Waffel (about 500 m northwards Marktleuthen, 50°8'11"N, 11°59'52"E, 535 m - meadows between street and forest); Leuthenforst (536m, 50°7'53"N, 12°2'32"E - a group of hauses 1-1.5 km eastwards Marktleuthen and belonging to it); Heidelheim (about 4 km north-eastwards Marktleuthen, 50°9'10"N, 12°3'1"E, 589 m and 50°8'50"N, 12°3'21"E, 577m), Rügersgrün (about 5km south-eastwards Marktleuthen, 50°5'15"N, 12°3'8"E, 612 m), Eckenmühle (about 1 km eastwards Marktleuthen, 538 m, 50° 7'25"N, 11°58'38"E), Schützenhaus (about 1 km southwards Marktleuthen, 50°6'26"N, 11°59'36"E, 551 m), north environs of Neudes (about 2 km southwards Marktleuthen: 50°6'24"N, 12°0'6"E, 554m; 50°6'47"N, 12°0'8"E, 541 m).

According to U. Eitschberger (personal message, 2015) several localities of the taxon look now to be extinct by anthropogenic managements.

Both authors suppose a larger area of the subspecies, which could penetrate to neighbor areas of Germany and to Czechia. We’ll try to obtain more series from Bavaria and Bohemia for the next study.

Several available names of black forms of *B. interrogationis* were introduced for Italy and South France: *Leptura marginella* Fabricius, 1793: 346 - “Habitat in Italia”; *Pachyta duodecimmaculata* var. *flavonotata* Mulsant, 1839: 239 - “les Alpes”; *P. d.* var. *bimaculata* Mulsant, 1839: 240 - “les Alpes”; *P. d.* var. *ebenina* Mulsant, 1839: 240 - “les Alpes”, but the validity of each one is not clear now.

Etymology. The new taxon is dedicated to Ulf Eitschberger, who discovered the new taxon and described to the authors its area.

Acknowledgements. We are very grateful to Ulf Eitschberger for his materials and locality information. We also express our sincere gratitude to Alexander Dantchenko and Sergey Murzin who supplied us with several specimens and own data.

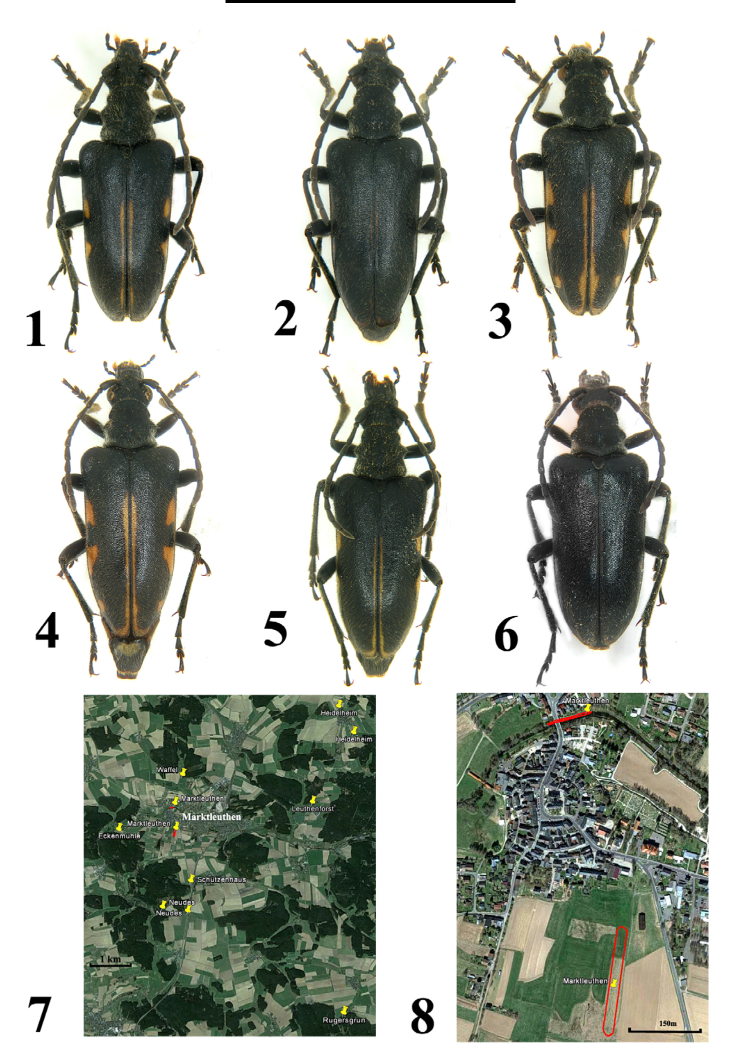
REFERENCES

Eitschberger U., Steiniger H. 1978a. Zur Variationsbreite von *Evodinus interrogationis* (Linné) im Fichtelgebirge (Coleoptera, Cerambycidae). Entomologische Zeitschrift (Stuttgart). 88(17): 189-193.

Eitschberger U., Steiniger H. 1978b. Nachtrag zum Vorkommen von *Evodinus interrogationis* im Fichtelgebirge (Coleoptera, Cerambycidae). - Entomologische Zeitschrift (Stuttgart). 88(20): 236.

Fabricius J.C. 1793. Entomologia systematica emendata et aucta, secundum classes, ordines, genera, species, adjectis, synonimis, locis, observationibus, descriptionibus. Tomus I. Pars II [1792]. Hafniae: C. G. Proft, xx + 538 pp.

Mulsant E. 1839. Histoire naturelle des Coléoptères de France. Longicornes. Maison Libraire, Paris. Imprimerie de Dumoulin, Ronet et Sibuet, Lyon. 304 pp., 3 pls.

Figs 1-6. *Brachyta interrogationis eitschbergeri* **ssp. n.:** 1. Male holotype; 2. Males, paratype, south suburb of Marktleuthen, 16.5.2014, A.Dantchenko & U.Eitschberger leg.; 3. Male, paratype, Waffel, 22-23.6.1977, U.Eitschberger leg.; 4. Female, paratype, Waffel, 22-23.6.1977, U.Eitschberger leg.; 5. Female, paratype, south suburb of Marktleuthen, 16.5.2014, A.Dantchenko & U.Eitschberger leg.; 6. Female, paratype, south suburb of Marktleuthen, 7.6.1978, U.Eitschberger leg.; 7 Area of *Brachyta interrogationis eitschbergeri* **ssp. n.** (according to U. Eitschberger data**);** 8 Localities of *Brachyta interrogationis eitschbergeri* **ssp. n.** in Marktleuthen (according to A.Dantchenko data).

Received: 11.10.2015
Accepted: 27.10.2015

On the finding of longhorn beetle *Parandra caspia* Ménétriés, 1832 (Coleoptera, Cerambycidae) in Nagorno-Karabakh

T.L. Ghredjyan[1] M.Yu. Kalashian[2]

[1-2]Scientific Center of Zoology and Hydroecology, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
P. Sevak str., 7, Yerevan, 0014, Armenia
e-mail: tkredjyan@gmail.com[1]; mkalashian1@gmail.com[2]

Key words: Coleoptera, Cerambycidae, *Parandra caspia*, Nagorno-Karabakh, new record.
Abstract: *Parandra caspia* Ménétriés, 1832 is recorded for Nagorno-Karabakh Republic (Martakert district).

Peculiar longhorn beetles *Parandra caspia* Ménétriés, 1832 (Coleoptera, Cerambycidae) till now was known only from Hyrcanian province of Irano-Turanian subregion of Sakhara-Gobian region (sensu Emeljanov, 1974). The species is rather common in Talysh, in the forests of Northern Iran; reported for South-Western Turkmenistan.

During entomological studies in Nagorno Karabakh the species was found in Martakert district of the Republic. The single male specimen was collected by A. Ughudyan on the trunk of old lime-tree (*Tilia* sp.) 23.07.2015.

This record is noticeably enlarging the species range. Newly reported locality is situated in the most South-Eastern part of the Lesser Caucasus, in Kura-Araxian province of the same sub-region.

Acknowledgement. The authors are very grateful to Andranik Ugudyan for providing us with the material for study.

REFERENCES

Danilevsky M.L. 2015. Longicorn beetles (Coleoptera, Cerambycoidea) of Russia and adjacent countries. Part 1. Moscow: HSC. 522 p. [in Russian].

Emeljanov A.F. 1974. Proposals on the classification and nomenclature of areals. - Revue Russe d'entomologie. 53(3): 497-522.

Received: 24.09.2015
Accepted: 27.10.2015

Жуки-усачи (Cerambycidae) окрестностей городов Тольятти и Жигулевск

А.В. Куленко

445036, Россия, Самарской обл., г. Тольятти, Юбилейная ул., д. 5, кв. 36
Yubileinaya str. 5-36, Togliatti, Samara reg. 445036 Russia
e-mail: alkul36@rambler.ru

Ключевые слова: жуки-усачи, Тольятти, Жигулевск, Самарская область, новые находки, Cerambycidae.
Key words: longhorn-beetles, Togliatti city, Zhigulyovsk city, Samara region, new records, Cerambycidae.
Резюме: В статье приведен аннотированный перечень видов жуков-усачей (Cerambycidae), наблюдаемых в окрестностях Тольятти и Жигулевска. Три вида впервые опубликованы для Самарской области: *Cortodera tibialis* ssp. *rossica, Alosterna ingrica,* и *Leiopus linnei*. Представленные сведения расширяют опубликованные ранее данные по биологии усачей региона.
Abstract: An annotated list of longhorn beetle species (Cerambycidae) observed in the vicinity of Togliatti and Zhigulyovsk is proposed. New records for the area include three species: *Cortodera tibialis* ssp. *rossica, Alosterna ingrica* и *Leiopus linnei*. The new data expand the biological information about local longhorn beetles.
[**Kulenko A.V.** The Longhorn beetles (Cerambycidae) of the environs of Togliatti and Zhigulyovsk]

Целью данной работы является расширение сведений о распространении жуков-усачей Самарской области.

Тольятти и Жигулевск города Самарской области, расположенные на берегах реки Волга около Жигулевской ГЭС на границе зон Заволжских степей и лесостепи. Эти два города имеют общую административную границу, которая проходит по середине плотины ГЭС. Тольятти протянулся вдоль левого берега реки на 35 км, занимая площадь 315 км^2, и состоит из трех районов, которые разделены лесопарковыми зонами (25% от общей площади города). Город окружает ряд небольших населенных пунктов (Висла, Зеленовка, Мусорка, Подстепки, Прибрежный, Ташла, Федоровка и Ягодное). Жигулевск расположен на правом берегу Волги, на северной территории Самарской Луки, занимая площадь 61 км^2. В состав города входят шесть следующих населенных пунктов, так же расположенных на правом берегу Волги: Бахилова Поляна,

Богатырь, Зольное, Солнечная Поляна, Ширяево и Яблоневый Овраг. Расстояние между его крайними пунктами 30 км. Города Тольятти, Жигулевск и совокупность окружающих их населенных пунктов образуют Самарско-Тольяттинскую агломерацию.

Климат района умеренно-континентальный с жарким летом (иногда засушливым) и холодной зимой.

Лесопарковые зоны Тольятти и окрестности Федоровки представляют собой смешанный лес с преобладанием сосны. Лесная зона между селами Ягодное и Подстепки - смешанный лес из широколиственных пород деревьев с преобладанием дуба. Лес за Жигулевском состоит из широколиственных пород с преобладанием клена и лещины, встречаются чистые дубравы и сосновые боры.

Автору удалось найти более 70 видов жуков-усачей (*Cerambycidae*), аннотированный список которых представлен. Очевидно, что фауна региона гораздо богаче и теоретически может включать до 140 видов семейства. Последние публикации (Краснобаева, 2008; Магдеев, 2003; 2007) по усачам Самарской области несколько устарели. К тому же, в основном, они описывали жуков, найденных только в Национальном парке «Самарская Лука». Данная статья расширяет сведения об ареале усачей в области, и в связи с происходящими изменениями в Самарско-Тольяттинской агломерации, будет исторически полезной. За последнее время произошли серьезные изменения ландшафтов региона в связи с расширением городского и поселкового строительства, строительством туристических и спортивно-рекреационных комплексов, а также в связи со стихийными бедствиями. Так пожар летом 2010 г. уничтожил около 700 га лесопарковой зоны в черте Тольятти, и тем самым сократил ареалы таких усачей, как *Prionus coriarius, Rhagium inquisitor, Acanthocinus aedilis* и др.

Названия таксонов приведены в соответствие с систематическим списком усачей России Данилевского (Danilevsky, 2015). Определение видов по внешним признакам осуществлялось автором с помощью изображений жуков в интернете на сайтах: http://www.cerambycidae.net, http://cerambyx.uochb.cz, http://www.zin.ru/Animalia/coleoptera и

по определителям (Исаев, 2007; Плавильщиков, 1936, 1940, 1958; Горбунов, 2008). В сомнительных случаях (специально указанных в перечне) вид определялся М.Данилевским по фотографиям автора.

Для каждого таксона в списке указаны ближайшие к его месту находки населенные пункты и точные координаты точек наблюдения. Количество наблюдавшихся экземпляров вида указано только для численности менее 10 экз. и для видов, которые ранее не публиковались для Самарской области. В остальных случаях вид многочисленный и количество жуков не указано. Для многих таксонов отмечены растения, на которых часто наблюдались жуки. Экземпляры всех видов списка сохраняются в коллекции автора. Большинство видов автору удалось сфотографировать в природе.

Сокращения:

окр. - окрестности;
п. - поселок;
пгт. - поселок городского типа;
с. - село;
экз. - экземпляр.

Результаты

Подсемейство: PRIONINAE

1. *Prionus coriarius* (Linnaeus, 1758)

окр. с. Ягодное, 10.VII.2011 (53°34'31"N, 49°01'14"E); Тольятти, 24.VII.2011 (53°29'4"N, 49°26'38"E), 03-21.VII.2012 лёт (53°29'48"N, 49°18'13"E); 08-16.VII.2015 (53°30'10"N, 49°19'10"E); около п. Лбище, 19.VII.2015 (53°10'06"N, 49°33'01"E); корневая часть *сосен*.

Подсемейство: LEPTURINAE

2. *Rhamnusium bicolor* ssp. *constans* Danilevsky, 2012

3 экз., около с. Старосемейкино, 21.VI.2014 (53°24'57"N, 50°13'11"E); на *тополях*, определен М.Данилевским по фотографиям.

3. *Rhagium inquisitor* (Linnaeus, 1758)

Тольятти, 03.V.2010, 24.IV.2011, 21.IV.2013 (53°29'57"N,

49°18'41"E); окр. пгт. Федоровка, 25.V.2013 (53°28'28"N, 49°36'53"E); окр. п. Гремячий, 13.VI.2015 (53°26'41"N, 48°10'00"E); на *соснах.*

4. *Rhagium mordax* (DeGeer, 1775)

около пгт. Солнечная Поляна, 08.V.2012 (53°24'26"N, 49°55'30"E); окр. с. Кармалы, 23.V.2015 (53°12'05"N, 49°31'09"E); около Жигулевска, 31.V.2015 (53°25'57"N, 49°33'03"E); на *кленах* и *шиповнике.*

5. *Stenocorus meridianus* (Linnaeus, 1758)

окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2014 (53°24'43"N, 49°24'57"E); около с. Бахилово, 22.VI.2014, 27.VI.2015 (53°23'12"N, 49°35'38"E); около пгт. Прибрежный, 05.VII.2014, 28.VI.2015 (53°27'59"N, 49°53'11"E); около Жигулевска, 06.VII.2014 (53°21'52"N, 49°33'13"E); около п. Веретяевка, 20.VI.2015 (53°17'15"N, 50°56'52"E); на *шиповнике* и зонтичных.

6. *Dinoptera collaris* (Linnaeus, 1758)

везде (в указанных точках наблюдения), с середины мая по середину июля, на *нивянике*, *сурепке, молочае* и зонтичных.

7. *Cortodera villosa* ssp. *magdeevi* Danilevsky, 2011

около Жигулевска, 24-31.V.2014, 31.V.2015 (53°25'52"N, 49°33'09"E), на *васильке* и зонтичных; определен М.Данилевским по фотографиям.

8. *Cortodera kiesenwetteri* ssp. *subtruncata* Pic, 1934

около Жигулевска, 23.V-31.V.2015 (53°25'52"N, 49°33'09"E); около с. Жигули, 24.V.2015 (53°24'20"N, 49°18'31"E); на *солнечнике мохнатом* и на сухой траве; определен М.Данилевским по фотографиям.

9. *Cortodera tibialis* ssp. *rossica* Danilevsky, 2001

1 экз., Тольятти, 19.V.2013 (53°30'33"N, 49°19'47"E); на *крапиве*; ранее для Самарской области не публиковался; определен М.Данилевским по фотографиям.

10. *Alosterna tabacicolor* (DeGeer, 1775)

везде (в указанных точках наблюдения), с июня по середину июля, на *молочае, нивянике* и зонтичных.

11. *Alosterna ingrica* (Baeckmann, 1902)

1 экз., окр. п. Гремячий, 13.VI.2015 (53°26'44"N, 48°09'28"E), на зонтичных, ранее для Самарской области не публиковался; определен М.Данилевским по фотографиям.

12. *Pseudovadonia livida* ssp. *bicarinata* (Arnold, 1869)

5 экз., окр. с. Бахилово, 15.VI.2013 (53°22'43"N, 49°39'30"E); на *нивянике*; определен М.Данилевским по фотографиям

13. *Anoplodera sexguttata* (Fabricius, 1775)

окр. пгт. Солнечная Поляна, 10.VI.2010, 10.VI.2012 (53°23'56"N, 49°55'29"E), 07.VI.2014 (53°26'12"N, 49°52'25"E), 12.VI.2014 (53°25'30"N, 49°55'19"E); около с. Бахилово, 15.VI.2013, 13,22.VI.2014 (53°22'43"N, 49°39'31"E), 27.VI.2015 (53°23'12"N, 49°35'38"E); окр. п. Ташла, 16.VI.2013 (53°43'11"N, 49°43'59"E); окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2014 (53°24'43"N, 49°24'57"E); окр. п. Гремячий, 13.VI.2015 (53°26'44"N, 48°09'28"E); на *нивянике* и зонтичных.

14. *Stictoleptura rubra* (Linnaeus, 1758)

около пгт. Солнечная Поляна, 17.VII.2010, 13.VII.2011 (53°23'56"N, 49°55'29"E); около п. Ташла, 12.VII.2014 (53°41'22"N, 49°48'44"E); около с. Мусорка, 13.VII.2014 (53°44'57"N, 49°42'21"E); с. Зеленовка, 30.VII.2014 (53°30'18"N, 49°37'13"E); на *нивянике* и зонтичных.

15. *Stictoleptura maculicornis* (DeGeer, 1775)

около с. Муранка, 06.VI.2015 (53°17'09"N, 48°53'19"E); окр. п. Гремячий, 13.VI.2015 (53°26'44"N, 48°09'28"E); на *герани кроваво-красной, короставнике* и зонтичных; определен М.Данилевским по фотографиям.

16. *Anastrangalia sanguinolenta* (Linnaeus, 1760)

1 экз., окр. пгт. Федоровка, 25.V.2014 (53°28'26"N, 49°36'38"E); на траве; определен М.Данилевским по фотографиям.

17. *Anastrangalia reyi* (Heyden, 1889)

Тольятти, 13.VI.2011, 08.VI.2012 (53°28'24"N, 49°22'51"E); около с. Подвалье, 25.VI.2011 (53°41'34"N, 48°49'34"E); окр. п. Ташла, 16.VI.2013 (53°43'11"N, 49°43'59"E); окр. Жигулевска, 22.VI.2013 (53°24'7"N, 49°34'40"E); пгт. Солнечная Поляна, 12.VI.2014 (53°25'30"N, 49°55'19"E); около Жигулевска, 31.V.2015 (53°25'52"N, 49°33'09"E); около с. Муранка, 06.VI.2015 (53°17'42"N, 48°58'13"E); окр. п. Гремячий, 13.VI.2015 (53°26'44"N, 48°09'28"E); на *короставнике* и зонтичных.

18. *Etorofus pubescens* (Fabricius, 1787)

окр. пгт. Солнечная Поляна, 02-17.VII.2011, 10.VI.2012, 30.VI.2013 (53°23'56"N, 49°55'29"E), 07.VI.2014 (53°26'12"N, 49°52'25"E), 12.VI.2014 (53°25'30"N, 49°55'19"E); окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2013, 08.VI.2014 (53°24'43"N, 49°24'57"E); около Жигулевска, 31.V.2014 (53°25'52"N, 49°33'09"E), 08.VI.2014 (53°23'58"N, 49°27'07"E); около с. Бахилово, 13,22.VI.2014 (53°22'43"N, 49°39'31"E), 22.VI.2014, 27.VI.2015 (53°23'12"N, 49°35'38"E), на *нивянике* и зонтичных.

19. *Pachytodes cerambyciformis* (Schrank, 1781)

окр. с. Бахилово, 15.VI.2013, 13.VI.2014 (53°22'43"N, 49°39'31"E), 22.VI.2014 (53°23'12"N, 49°35'38"E); окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2014 (53°24'43"N, 49°24'57"E); окр. п. Гремячий, 13.VI.2015 (53°26'44"N, 48°09'28"E); на зонтичных.

20. *Pachytodes erraticus* (Dalman, 1817)

около с. Мусорка, 13.VII.2014 (53°44'60"N, 49°42'51"E), 21.VI.2015 (53°44'51"N, 49°42'13"E); на *тысячелистнике* и *нивянике.*

21. *Leptura quadrifasciata* Linnaeus, 1758

с. Севрюкаево, 12.VI.2013 (53°11'10"N, 49°30'28"E); окр. Жигулевска, 22.VI.2013 (53°24'7"N, 49°34'40"E), 06.VII.2014 (53°21'52"N, 49°33'13"E); около с. Старосемейкино, 21.VI.2014 (53°24'55"N, 50°13'27"E); окр. с. Бахилово, 22.VI.2014 (53°22'51"N, 49°38'48"E); около пгт. Прибрежный, 05.VII.2014, 28.VI.2015 (53°27'59"N, 49°53'11"E); около п. Веретяевка, 20.VI.2015 (53°17'15"N, 50°56'52"E); около с. Бахилово, 27.VI.2015 (53°23'12"N, 49°35'38"E); около с. Березовый Солонец, 05.VII.2015 (53°15'10"N, 49°35'22"E); на *шиповнике* и зонтичных.

22. *Leptura annularis* Fabricius, 1801

окр. пгт. Солнечная Поляна, 17.VII.2010, 10.VI.2012, 12.VI.2014 (53°25'30"N, 49°55'19"E), 07.VI.2014 (53°26'12"N, 49°52'25"E); с. Кармалы, 12.VI.2013 (53°12'08"N, 49°30'42"E); окр. с. Бахилово, 15.VI.2013, 13,22.VI.2014 (53°22'43"N, 49°39'30"E), 22.VI.2014 (53°23'12"N, 49°35'38"E); окр. Жигулевска, 22.VI.2013 (53°24'07"N, 49°34'40"E), 08.VI.2014 (53°23'58"N, 49°27'07"E); окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2014 (53°24'43"N, 49°24'57"E); с. Зеленовка, 30.VII.2014 (53°30'12"N,

49°37'15"E); окр. п. Гремячий, 13.VI.2015 (53°26'44"N, 48°09'28"E); на *малине, нивянике* и зонтичных.

23. *Rutpela maculata* (Poda, 1761)

окр. пгт. Солнечная Поляна, 17.VII.2010, 12.VI.2014 (53°25'30"N, 49°55'19"E), 10.VI.2012 (53°24'19"N, 49°55'16"E), 07.VI.2014 (53°26'12"N, 49°52'25"E); окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2013, 08.VI.2014 (53°24'43"N, 49°24'57"E); с. Севрюкаево, 12.VI.2013 (53°11'10"N, 49°30'28"E); около с. Бахилово, 15.VI.2013, 13,22.VI.2014 (53°22’43"N, 49°39'30"E), 22.VI.2014, 27.VI.2015 (53°23'12"N, 49°35’38"E); окр. Жигулевска, 22.VI.2013 (53°24'07"N, 49°34'40"E), 08.VI.2014 (53°23'58"N, 49°27'07"E), 06.VII.2014 (53°21'52"N, 49°33'13"E); окр. п. Гремячий, 13.VI.2015 (53°26'44"N, 48°09'28"E); около с. Березовый Солонец, 05.VII.2015 (53°15'10"N, 49°35'22"E); на *малине, нивянике, сурепке* и зонтичных.

24. *Strangalia attenuata* (Linnaeus, 1758)

окр. пгт. Солнечная Поляна, 16.VII.2011, 08.VI.2012 (53°24'19"N, 49°55'16"E), 12.VI.2014 (53°25'30"N, 49°55'19"E); с. Севрюкаево, 12.VI.2013 (53°11'10"N, 49°30'28"E); окр. с. Бахилово, 15.VI.2013, 13.VI.2014 (53°22'43"N, 49°39'30"E), 22.VI.2014 (53°22'51"N, 49°38'48"E); окр. Жигулевска, 22.VI.2013 (53°24'07"N, 49°34'40"E), 08.VI.2014 (53°23'58"N, 49°27'07"E); окр. п. Висла, 29.VI.2013 (53°45'13"N, 49°04'51"E); около с. Старосемейкино, 21.VI.2014 (53°25'14"N, 50°13'51"E); около пгт. Прибрежный, 05.VII.2014, 28.VI.2015 (53°27'59"N, 49°53'11"E); около п. Ташла, 12.VII.2014 (53°41'22"N, 49°48'44"E); около с. Мусорка, 21.VI.2015 (53°44'51"N, 49°42'13"E); около с. Березовый Солонец, 05.VII.2015 (53°15'10"N, 49°35'22"E); около п. Куропаткино, 12.VII.2015 (53°08'60"N, 48°11'34"E); на *нивянике*, *короставнике, мордовнике* и зонтичных.

25. *Stenurella melanura* (Linnaeus, 1758)

везде (в указанных точках наблюдения), с июня по июль, на *нивянике*, *короставнике* и зонтичных.

26. *Stenurella bifasciata* (Müller, 1776)

около пгт. Солнечная Поляна, 08.VI.2012 (53°24'19"N, 49°55'16"E); Тольятти, 24.VI.2012 (53°28'24"N, 49°22'50"E), 16.VI.2015 (53°32'59"N, 49°16'03"E); окр. Жигулевска,

22.VI.2013 (53°24'07"N, 49°34'40"E); окр. п. Висла, 29.VI.2013 (53°45'13"N, 49°04'51"E); окр. с. Бахилово, 22.VI.2014 (53°22'51"N, 49°38'48"E); около п. Ташла, 12.VII.2014 (53°41'29"N, 49°49'03"E); около с. Мусорка, 21.VI.2015 (53°44'51"N, 49°42'13"E); около с. Березовый Солонец, 05.VII.2015 (53°15'10"N, 49°35'22"E); на *нивянике* и зонтичных.

Подсемейство: SPONDYLIDINAE

27. *Asemum striatum* (Linnaeus, 1758)

Тольятти, 18.V.2013 (53°30'16"N, 49°18'42"E); с. Зеленовка, 25.V.2013 (53°30'16"N, 49°36'56"E); пгт. Федоровка, 25.V.2013 (53°28'28"N, 49°36'53"E); окр. п. Гремячий, 13.VI.2015 (53°26'41"N, 48°10'00"E); на *соснах.*

28. *Arhopalus rusticus* (Linnaeus, 1758)

Тольятти, 03-21.VII.2012 (53°29'48"N, 49°18'13"E), 20.VI.2015 (53°32'02"N, 49°17'06"E), 08-14.VII.2015 (53°30'10"N, 49°19'10"E); на *соснах*.

29. *Spondylis buprestoides* (Linnaeus, 1758)

окр. с. Ягодное, 17.VII.2011 (53°34'43"N, 49°01'37"E); Тольятти, 21.VII.2012 (53°29'48"N, 49°18'13"E), 06.VI.2014 лёт, 23.VI-16.VII.2015 (53°30'10"N, 49°19'10"E); на корневой части *сосен.*

Подсемейство: CERAMBYCINAE

30. *Trichoferus campestris* (Faldermann, 1835)

Тольятти, 27.VII.2011 (53°32'02"N, 49°17'06"E); с. Ягодное, 18.VI.2013, 30.VI-17.VII.2014, 07.VII.2015 (53°37'14"N, 49°02'46"E); с. Верхние Белозерки, 03.VII.2014 (53°43'48"N, 49°10'16"E); на деревянных постройках.

31. *Deilus fugax* (Olivier, 1790)

окр. с. Сосновый Солонец, 10.V.2013, 11.V.2015 (53°18'20"N, 49°33'03"E); окр. с. Березовый Солонец, 11.V.2014 (53°15'29"N, 49°34'49"E); около Жигулевска, 23.V.2015 (53°25'52"N, 49°33'09"E); Тольятти, 25.V.2015 (53°30'38"N, 49°19'48"E); на *адонисе, рябине* и *молочае.*

32. *Molorchus minor* (Linnaeus, 1758)

Тольятти, 13.V.2012, 16.V.2013 (53°30'15"N, 49°18'31"E); окр. пгт. Федоровка, 25.V.2013 (53°28'50"N, 49°37'18"E); на *соснах* и *рябине*.

33. *Purpuricenus kaehleri* (Linnaeus, 1758)

окр. с. Ягодное, 27.VI.2009 (53°34'43"N, 49°01'37"E); окр. п. Ташла, 16.VI.2013 (53°43'11"N, 49°43'59"E); около с. Мусорка, 13.VII.2014 (53°44'60"N, 49°42'51"E), 21.VI.2015 (53°44'24"N, 49°42'02"E); на *дубах.*

34. *Aromia moschata* (Linnaeus, 1758)

около с. Старосемейкино, 21.VI.2014 (53°25'16"N, 50°13'46"E); около пгт. Прибрежный, 05.VII.2014, 28.VI.2015 (53°27'59"N, 49°53'11"E), 29.VII.2014 (53°27'48"N, 49°53'47"E); окр. п. Ташла, 12.VII.2014 (53°41'58"N, 49°46'34"E); на *ивах, лабазнике* и зонтичных.

35. *Rosalia alpina* (Linnaeus, 1758)

около пгт. Солнечная Поляна, 16.VII.2011, 23-27.VI.2012 (53°24'60"N, 49°55'35"E), 30.VI.2013 (53°24'26"N, 49°55'30"E); около с. Березовый Солонец 05.VII.2015 (53°15'24"N, 49°36'27"E); на *кленах.*

36. *Ropalopus macropus* (Germar, 1824)

пгт. Солнечная Поляна, 17.VII.2010 (53°25'34"N, 49°55'18"E); с. ЗеленовкаN, 25.V.2013 (53°30'16"N, 49°36'56"E); окр. пгт. Федоровка, 25.V.2013 (53°28'50"N, 49°37'18"E); с. Кармалы, 26.V.2013 (53°12'08"N, 49°30'42"E); окр. Жигулевска, 08.VI.2013 (53°23'56"N, 49°27'08"E); на *кленах.*

37. *Phymatodes testaceus* (Linnaeus, 1758)

пгт. Федоровка, 25.V-02.VI.2013 (53°28'26"N, 49°36'38"E); на *соснах.*

38. *Plagionotus arcuatus* (Linnaeus, 1758)

окр. с. Подстепки, 25.VI.2009 (53°31'20"N, 49°02'35"E); окр. Жигулевска, 08.VI.2013 (53°23'56"N, 49°27'08"E); окр. п. Красный ключ, 18.V.2014 (53°22'38"N, 50°51'27"E), на *дубах*.

39. *Plagionotus detritus* (Linnaeus, 1758)

окр. с. Подстепки, 25.VI.2009 (53°32'20"N, 49°02'35"E); окр. с. Ягодное, 12.VI.2010, 11-19.VI.2011 (53°34'43"N, 49°01'37"E); пгт. Федоровка, 25.V-02.VI.2013 (53°28'26"N, 49°36'38"E); на *дубах.*

40. *Echinocerus floralis* (Pallas, 1773)

с. Ягодное, 11.VI.2011 (53°36'07"N, 49°01'39"E); Тольятти, 28.VI.2011, 19.VI.2015 (53°32'46"N, 49°16'30"E), 02.VII.2013 (53°32'30"N, 49°16'44"E); около пгт. Солнечная

Поляна, 02.VII.2011 (53°24'19"N, 49°55'16"E); окр. п. Висла, 29.VI.2013 (53°45'13"N, 49°04'51"E); около с. Мусорка, 21.VI.2015 (53°44'51"N, 49°42'13"E); на *нивянике, тысячелистнике* и зонтичных.

41. *Chlorophorus varius* (Müller, 1766)

Тольятти, 25.VI.2012 (53°32'44"N, 49°17'06"E); с. Кармалы, 12.VI.2013 (53°12'08"N, 49°30'42"E); около п. Ташла, 12.VII.2014 (53°41'22"N, 49°48'44"E); около пгт. Прибрежный, 28.VI.2015 (53°27'59"N, 49°53'11"E); на *нивянике* и зонтичных.

42. *Chlorophorus herbstii* (Brahm, 1790)

окр. пгт. Солнечная Поляна, 17.VII.2010 (53°24'19"N, 49°55'16"E), 07.VI.2014 (53°26'12"N, 49°52'25"E), 12.VI.2014 (53°25'30"N, 49°55'19"E); окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2014 (53°24'43"N, 49°24'57"E); около Жигулевска, 08.VI.2014 (53°23'58"N, 49°27'07"E); около с. Бахилово, 22.VI.2014 (53°22'51"N, 49°38'48"E), 22.VI.2014, 27.VI.2015 (53°23'12"N, 49°35'38"E); с. Кармалы, 27.VI.2015 (53°12'08"N, 49°30'42"E); около п. Куропаткино, 12.VII.2015 (53°08'60"N, 48°11'34"E); на *нивянике, доннике, рябиннике* и зонтичных.

43. *Chlorophorus figuratus* (Scopoli, 1763)

окр. Жигулевска, 08.VI.2013 (53°23'56"N, 49°27'08"E); окр. с. Бахилово, 15.VI.2013 (53°22'43"N, 49°39'30"E); окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2014 (53°24'43"N, 49°24'57"E); окр. п. Гремячий, 13.VI.2015 (53°26'44"N, 48°09'28"E); на зонтичных.

44. *Rhaphuma gracilipes* (Faldermann, 1835)

окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2014 (53°24'43"N, 49°24'57"E); около с. Бахилово, 22.VI.2014 (53°23'12"N, 49°35'38"E); на *пустырнике* и зонтичных.

45. *Cyrtoclytus capra* (Germar, 1824)

окр. пгт. Солнечная Поляна, 10.VI.2012 (53°24'19"N, 49°55'16"E), 07.VI.2014 (53°26'12"N, 49°52'25"E), 12.VI.2014 (53°25'30"N, 49°55'19"E), (53°21'44"N, 49°52'54"E); окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2014 (53°24'43"N, 49°24'57"E); около с. Бахилово, 22.VI.2014, 27.VI.2015 (53°23'12"N, 49°35'38"E); около с. Березовый Солонец, 05.VII.2015 (53°15'10"N, 49°35'22"E); на *горошке лесном* и зонтичных.

46. *Xylotrechus antilope* (Schöeherr, 1817)

окр. с. Подстепки, 19.VI.2011 (53°32'04"N, 49°03'33"E);

около пгт. Солнечная Поляна, 17.VI.2012 (53°24'19"N, 49°55'16"E); пгт. Федоровка, 02.VI.2013 (53°28'26"N, 49°36'38"E); на *дубах*; определен М.Данилевским по фотографиям.

47. *Xylotrechus capricornus* (Gebler, 1830)

3 экз., окр. с. Бахилово, 13,22.VI.2014 (53°22'46"N, 49°39'24"E), на бревнах *березы*.

48. *Xylotrechus rusticus* (Linnaeus, 1758)

Тольятти, 13.VI.2011 (53°28'24"N, 49°22'50"E), 14-18.VI.2011, 04.VI.2013 (53°32'38"N, 49°17'06"E), 13.V.2012 (53°29'59"N, 49°18'20"E), 26.V.2014 (53°30'37"N, 49°20'06"E); с. Зеленовка, 25.V.2013 (53°30'16"N, 49°36'56"E); пгт. Федоровка, 25.V-02.VI.2013 (53°28'26"N, 49°36'38"E); окр. Жигулевска, 08.VI.2013 (53°24'09"N, 49°27'16"E); окр. пгт. Солнечная Поляна, 07.VI.2014 (53°26'29"N, 49°52'11"E); окр. с. Бахилово, 13,22.VI.2014 (53°22'46"N, 49°39'24"E); на *тополях* и *осинах*.

49. *Xylotrechus pantherinus* (Savenius, 1825)

около пгт. Прибрежный, 05.VII.2014, 28.VI.2015 (53°28'01"N, 49°53'06"E); на *ивах.*

50. *Clytus rhamni* Germar, 1817

1 экз., окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2014 (53°24'43"N, 49°24'57"E); на зонтичных.

Подсемейство: LAMIINAE

51. *Mesosa myops* (Dalman, 1817)

окр. с. Подстепки, 25.VI.2009 (53°31'20"N, 49°02'35"E); окр. с. Ягодное, 23.V-12.VI.2010, 22.V.2011, 07-09.V.2012 (53°34'42"N, 49°01'37"E); около пгт. Солнечная Поляна, 08.V.2010, 11.V.2013 (53°24'30"N, 49°55'21"E); Тольятти, 18.VI.2011, 13.V.2012 (53°29'59"N, 49°18'26"E), 11.VIII.2013 (53°30'26"N, 49°33'32"E); окр. пгт. Федоровка, 25.V-02.VI.2013 (53°28'50"N, 49°37'18"E); окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2013 (53°24'43"N, 49°24'57"E); окр. с. Жигули, 18.VIII.2013 (53°23'32"N, 49°18'29"E); окр. п. Красный ключ, 18.V.2014 (53°22'38"N, 50°51'27"E); окр. пгт. Федоровка, 25.V.2014 (53°28'25"N, 49°37'08"E); окр. с. Кармалы, 23.V.2015 (53°12'08"N, 49°31'12"E); около с. Муранка, 06.VI.2015 (53°17'49"N, 48°53'51"E); на *дубах* и *кленах*.

52. *Monochamus galloprovincialis* ssp. *pistor* (Germar, 1818)

окр. пгт. Федоровка, 11.VII.2009 (53°28'35"N, 49°43'18"E); около с. Подвалье, 25.VI.2011 (53°42'12"N, 48°50'52"E); Тольятти, 27.V-24.VI.2012 (53°28'47"N, 49°22'35"E), 11.VIII.2013 (53°30'26"N, 49°33'32"E); окр. с. Ягодное, 17.VI.2012 (53°33'36"N, 49°02'07"E); с. Кармалы, 09-12.VI.2013 (53°12'08"N, 49°30'42"E); окр. п. Висла, 29.VI.2013 (53°45'13"N, 49°04'51"E); окр. п. Гремячий, 13.VI.2015 (53°26'41"N, 48°10'00"E); на свежих бревнах *сосен.*

53. *Lamia textor* (Linnaeus, 1758)

около п. Веретяевка, 20.VI.2015 (53°17'15"N, 50°56'52"E); около пгт. Прибрежный, 28.VI.2015 (53°27'59"N, 49°53'11"E); на *ивах.*

54. *Dorcadion carinatum* (Pallas, 1771)

окр. с. Сосновый Солонец, 10.V.2013, 11.V.2014, 11.V.2015 (53°18'25"N, 49°33'07"E); с. Кармалы, 02.V-12.VI.2013, 17.V-23.V.2015 (53°11'48"N, 49°30'43"E); окр. с. Березовый Солонец, 11.V.2014 (53°14'54"N, 49°34'38"E); окр. с. Чубовка, 17.V.2014 (53°25'19"N, 50°34'46"E); окр. с. Алакаевка, 17.V.2014 (53°25'39"N, 50°44'05"E); около п. Новокашпирский, 16.V.2015 (52°58'47"N, 48°27'43"E), окр. с. Винновка, 17.V.2015 (53°12'03"N, 49°41'05"E); около с. Осиновка, 17.V.2015 (53°11'22"N, 49°36'09"E); около п. Веретяевка, 20.VI.2015 (53°17'15"N, 50°56'52"E); на обочинах степных полей.

55. *Dorcadion holosericeum* Krynicki, 1832

2 экз., около п. Новокашпирский, 16.V.2015 (52°58'47"N, 48°27'43"E); на обочинах степных полей.

56. *Pogonocherus fasciculatus* (DeGeer, 1775)

1 экз., около пгт. Солнечная Поляна, 02.V.2013 (53°24'55"N, 49°54'42"E); на *кленах.*

57. *Leiopus linnei* Wallin, Nylander & Kvamme, 2009

более 10 экз., окр. Жигулевска, 08.VI.2013 (53°24'44"N, 49°25'08"E); на *кленах*; ранее для Самарской области не публиковался; определен М.Данилевским по фотографиям.

58. *Acanthocinus griseus* (Fabricius, 1793)

Тольятти, 27.V.2012 (53°28'47"N, 49°22'35"E), 04.VI.2013 (53°35'20"N, 49°19'48"E); окр. с. Ягодное, 17.VI.2012 (53°33'36"N, 49°02'07"E), около с. Муранка, 06.VI.2015

(53°17'09"N, 48°53'19"E); на свежих бревнах *сосен.*

59. *Acanthocinus aedilis* (Linnaeus, 1758)

очень многочислен, Тольятти, 25.IV-03.V.2010, 15.IV.2012 (53°29'43"N, 49°18'27"E); около п. Рассвет 02.V.2015 (53°36'08"N, 49°36'55"E); на *соснах.*

60. *Aegomorphus clavipes* (Schrank, 1781)

Тольятти, 14-18.VI.2011 (53°32'38"N, 49°17'06"E), 11-13.VI.2013 (53°32'54"N, 49°16'20"E), 26,29.05, 06.VI.2014 (53°30'37"N, 49°20'06"E); окр. пгт. Солнечная Поляна, 07.VI.2014 (53°26'29"N, 49°52'11"E), 12.VI.2014 (53°25'15"N, 49°55'21"E); окр. с. Бахилово, 13,22.VI.2014 (53°22'46"N, 49°39'24"E); на *тополях* и *осинах*.

61. *Oplosia cinerea* (Mulsant, 1839)

1 экз., окр. Жигулевска, 08.VI.2013 (53°24'44"N, 49°25'08"E); 1 экз., окр. пгт. Солнечная Поляна, 07.VI.2014 (53°26'12"N, 49°52'25"E); 1 экз., около с. Муранка, 06.VI.2015 (53°17'49"N, 48°53'51"E); на *кленах*.

62. *Saperda perforata* (Pallas, 1773)

Тольятти, 27.V-07.VI.2013, 26-27.V.2014 (53°32'52"N, 49°16'23"E), 26.V.2014 (53°30'37"N, 49°20'06"E), 25.V.2015 (53°30'38"N, 49°19'48"E); на *тополях* и *осинах.*

63. *Saperda populnea* (Linnaeus, 1758)

1 экз., Тольятти, 13.VI.2011 (53°28'23"N, 49°22'51"E); на *кленах.*

64. *Stenostola ferrea* Dejean, 1835

окр. пгт. Федоровка, 25.V.2013 (53°28'50"N, 49°37'18"E); на *соснах.*

65. *Phytoecia cylindrica* (Linnaeus, 1758)

около пгт. Солнечная Поляна, 16.VII.2011 (53°24'19"N, 49°55'16"E); окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2013 (53°24'56"N, 49°25'57"E); около с. Бахилово, 22.VI.2014 (53°23'12"N, 49°35'38"E); на зонтичных.

66. *Phytoecia nigricornis* (Fabricius, 1781)

около пгт. Солнечная Поляна, 17.VII.2010 (53°24'19"N, 49°55'16"E); окр. пгт. Федоровка, 25.V.2013 (53°29'03"N, 49°37'03"E); окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2014 (53°24'41"N, 49°24'50"E); около Жигулевска, 23.V.2015 (53°25'56"N, 49°32'45"E); на *костёре безостом* и зонтичных.

67. *Phytoecia pustulata* (Schrank, 1776)

1 экз., окр. с. Ягодное, 27.V.2011 (53°35'23"N, 49°01'30"E); на *костёре безостом.*

68. *Phytoecia virgula* (Charpentier, 1825)

1 экз., около Жигулевска, 24.V.2014 (53°25'57"N, 49°32'59"E); на *костёре безостом* и зонтичных.

69. *Theophilea subcylindricollis* Hladil, 1988

Тольятти, 13.V.2012, 18.V-10.VI.2013, 14.V-09.VI.2014, 15.V-26.VI.2015 (53°32'54"N, 49°16'14"E), 30.V.2014 (53°30'16"N, 49°19'01"E); с. Кармалы, 02.VI.2012 (53°12'08"N, 49°30'42"E); окр. п. Ташла, 16.VI.2013 (53°43'11"N, 49°43'59"E); окр. с. Бахилово, 13.VI.2014 (53°22'43"N, 49°39'31"E); около п. Веретяевка, 20.VI.2015 (53°17'15"N, 50°56'52"E); на *костёре безостом.*

70. *Agapanthia kirbyi* (Gyllenhal, 1817)

1 экз., около Жигулевска, 31.V.2015 (53°25'52"N, 49°33'09"E); на *наголоватке*; определен М.Данилевским по фотографиям.

71. *Agapanthia dahli* (Richter, 1821)

окр. с. Ягодное, 08.VI.2010 (53°34'43"N, 49°01'37"E); с. Ширяево, 12.VI.2011 (53°25'21"N, 50°00'26"E); около Жигулевска, 24.V.2014 (53°25'55"N, 49°32'34"E); окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2014 (53°25'06"N, 49°25'22"E); Тольятти, 08-10.VII.2015 (53°32'59"N, 49°16'03"E); на *расторопше, коровяке, крапиве* и *костёре безостом.*

72. *Agapanthia villosoviridescens* (DeGeer, 1775)

окр. с. Ягодное, 06-08.VI.2010, 11.VI.2011 (53°35'23"N, 49°01'30"E); около пгт. Солнечная Поляна, 02.VII.2011, 10.VI.2012 (53°24'19"N, 49°55'16"E), 12.VI.2014 (53°21'34"N, 49°53'23"E); с. Кармалы, 02.VI.2012, 01.VI.2013 (53°12'08"N, 49°30'42"E); Тольятти, 07.VII.2012 (53°32'31"N, 49°14'54"E), 08-13.VI.2013 (53°32'54"N, 49°16'14"E); окр. пгт. Федоровка, 25.V.2014 (53°28'23"N, 49°38'50"E); около с. Жигули, 24.V.2015 (53°24'15"N, 49°18'35"E); окр. п. Гремячий, 13.VI.2015 (53°26'44"N, 48°09'28"E); на *расторопше, крапиве* и *костёре безостом.*

73. *Agapanthia violacea* (Fabricius, 1775)

Тольятти, 27.V.2011, 06-13.V.2012, 18.V-04.VI.2013, 15.V-

04.VI.2014, 02.VI.2015 (53°32'54"N, 49°16'14"E); около Жигулевска, 24.V.2014, 23-31.V.2015 (53°25'56"N, 49°33'06"E); окр. пгт. Яблоневый Овраг, 08.VI.2014 (53°24'41"N, 49°24'50"E); около с. Жигули, 24.V.2015 (53°24'20"N, 49°18'31"E); около п. Веретяевка, 20.VI.2015 (53°17'15"N, 50°56'52"E); на *доннике, горлюхе* и *костёре безостом.*

74. *Agapanthia intermedia* Ganglbauer, 1884

1 экз., окр. Жигулевска, 22.VI.2013 (53°24'07"N, 49°34'40"E), около п. Львовка, 06.VI.2015 (53°17'42"N, 48°58'13"E); на *короставнике*; определен М.Данилевским по фотографиям.

75. *Agapanthiola leucaspis* (Steven, 1817)

4 экз., около пгт. Солнечная Поляна, 12.VI.2014 (53°21'26"N, 49°53'44"E); на *васильке*; определен М.Данилевским по фотографиям.

Заключение: В работе представлено 75 видов жуков-усачей, наблюдавшихся в период с 2009 по 2015 гг. в Самарской области вблизи Тольятти (рис. 1), из них около 40 % найдено в черте города. В сравнении с ранними публикациями (Краснобаева, 2008; Магдеев, 2007) расширена информация о местах нахождения жуков и указаны ранее не опубликованные, для Самарской области, следующие три вида: *Cortodera tibialis* ssp. *rossica, Alosterna ingrica* и *Leiopus linnei*.

По результатам наблюдений к широко распространённым видам усачей можно отнести: *Dinoptera collaris, Alosterna tabacicolor, Leptura annularis, Rutpela maculata, Stenurella melanura, Mesosa myops и Agapanthia villosoviridescens.* Локально многочисленны виды: *Prionus coriarius, Plagionotus detritus, Echinocerus floralis, Monochamus galloprovincialis* ssp. *pistor, Dorcadion carinatum и Acanthocinus aedilis*. Так, в 2008 г. лесничество г. Тольятти провело очистку, в городской лесопарковой зоне, от сосен, пораженных *Acanthocinus aedilis.* Редко встречающимися видами признаны: *Rhamnusium bicolor* ssp. *constans, Cortodera villosa* ssp. *magdeevi, Cortodera kiesenwetteri* ssp. *subtruncata, Cortodera tibialis* ssp. *rossica, Pseudovadonia livida* ssp. *bicarinata, Pogonocherus fasciculatus, Leiopus linnei, Oplosia cinerea* и *Phytoecia pustulata*.

Большинство этих таксонов было собрано в единичных экземплярах, а другие - встречаются очень локально, хотя в своих биотопах могут наблюдаться в большом количестве.

За семь лет наблюдений отмечено, что ареалы видов усачей, личинки которых развиваются в деревьях, подвержены сильным изменениям, т.к. зависимы от состояния усыхающих деревьев, и жуки часто перемещаются в новые районы.

Благодарности: Автор выражает благодарность М.Л. Данилевскому за помощь в определении материала.

ЛИТЕРАТУРА

Горбунов П.Ю. 2008. Жуки Среднего Урала: Справочник-определитель. Екатеринбург: «Сократ», 384 с.

Данилевский М.Л. 2011. Новый жук-усач рода *Cortodera Mulsant,* 1863 (*Coleoptera, Cerambycidae*) из Жигулевского заповедника (Самарская область, Россия). В кн. Исследования в области естественных наук и образования: Межвузовский сборник научно-исследовательских работ. Вып. 2. Самара: ПГСГА: 24-28.

Исаев А.Ю. 2007. Определитель жесткокрылых среднего Поволжья (часть III. *Polyphaga - Phytophaga*). Серия «Природа Ульяновской области», вып. 14. Ульяновск: «Вектор-С», 256 с.

Краснобаева Т.П. 2008. Список жуков-усачей (Coleoptera: Cerambycidae) Самарской Луки.- Русский энтомологический журнал, 17 (3): 295-298.

Магдеев Д.В. 2003. Фауна жуков-усачей (Coleoptera, Cerambycidae) Самарской области. Краеведческие записки. Вып. XI. Самара: 202-208.

Магдеев Д.В. 2007. Сем. Cerambycidae (Жуки-дровосеки, или усачи), с. 173-179. В кн. Г.С. Розенберг (ред.). Кадастр беспозвоночных животных Самарской Луки: учебное пособие. Самара: ООО «Офорт», 471 с.

Плавильщиков Н.Н. 1936. Фауна СССР. Насекомые жесткокрылые, т. 21. Жуки-дровосеки, ч. 1. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР. 612с.

Плавильщиков Н.Н. 1940. Фауна СССР. Насекомые жесткокрылые, т. 22. Жуки-дровосеки, ч. 2. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР. 784с.

Плавильщиков Н.Н. 1940. Фауна СССР. Жесткокрылые, т. 23. Жуки-дровосеки, ч. 3. Подсемейство Lamiinae, ч. 1. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР. 591с.

Danilevsky M.L. 2015. A check list of the longicorn beetles (Cerambycoidae) of Russia.- www.cerambycidae.net - [Updated: 08.03.2015].

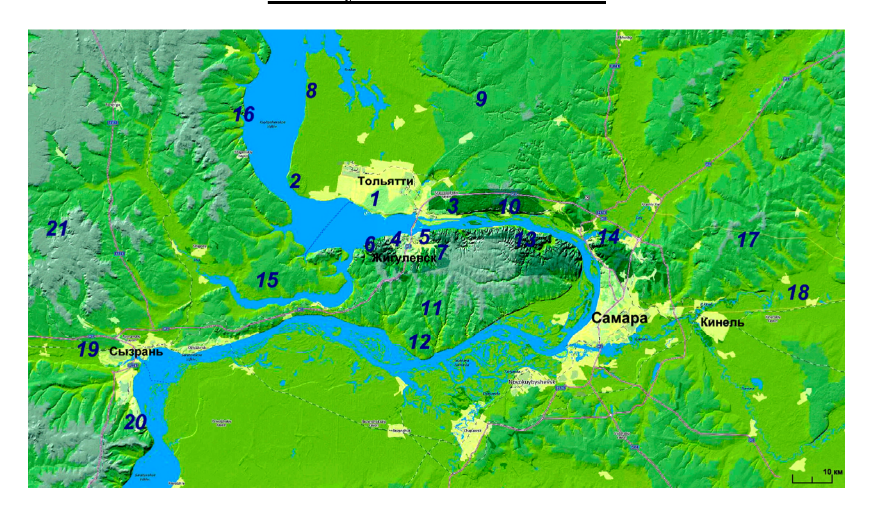

Рис. 1. Места находок усачей в окрестностях Тольятти и Жигулевска

1 - лесопарк Тольятти,
2 - Ягодинский лес между с. Подстепки и с. Ягодное,
3 - лес между с. Зеленовка и пгт. Федоровка,
4-5 - окр. Жигулевска,
6 - гора Молодецкий Курган у с. Жигули,
7 - окр. с. Бахилова Поляна,
8 - окр. п. Висла,
9 - окр. у п. Ташла и с. Мусорка,
10 - берег Волги у пгт. Прибрежный,
11 - овраги за с. Сосновый Солонец и с. Березовый Солонец,
12 - окр. с. Кармалы, п. Лбище и с. Винновка,
13 - окр. пгт. Солнечная Поляна,
14 - берег р. Сок у с. Старосемейкино,
15 - Муранский бор между с. Муранка и п. Львовка,
16 - берег Волги у с. Подвалье,
17 - окр. с. Чубовка, с. Алакаевка и п. Красный ключ,
18 - берег р. Б.Кинель у п. Веретяевка,
19 - берег р. Сызранка у п. Куропаткино,
20 - берег Волги у п. Новокашпирский,
21 - Рачейский бор у п. Гремячий.

Получена / Received: 15.10.2015
Принята / Accepted: 30.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 1108-1117

New *Dorcadion (Cribridorcadion)* (Coleoptera: Cerambycidae) from Caucasus and Iran

M.A. Lazarev

International Academy of Education
Bolshaya Filevskaya, str., 28, building 2, Moscow 121433 Russia
e-mail: cerambycidae@fromru.com

Key words: Taxonomy, zoogeography, new subspecies, Coleoptera, Cerambycidae, Dorcadionini, *Dorcadion (Cribridorcadion),* Russia, Iran
Abstract: *Dorcadion* (*Cribridorcadion*) *cinerarium novorossicum* **ssp. n.** is described from north-west Caucasus (Russia, Novorossiysk env., northwards Gayduk, 445 m, 44°48´6´´N, 37°43´26´´E). All 20 subspecies of *D. cinerarium* (Fabricius, 1787) are arranged in 5 geographical groups. *D. glaucum* (Faldermann, 1837) is redescribed; its type locality is supposed. Two new subspecies of *D. glaucum* are described from Iranian Azerbaijan (prov. East Azerbaijan - Āzarbāijān-e Sharqi): *D. g. murzinianus* **ssp. n.** - Babak-Kale environs, 2050m, 38°50'54"N, 46°59'9"E and *D. g. lassallei* **ssp. n.** - Aharchai river valley, northwards Ahar, 2000m, about 38°38'4"N, 47°2'56"E.

Abbreviations of collections:

MD - collection of M. Danilevsky (Moscow)
ML - collection of M. Lazarev (Moscow)
SM - collection of S. Murzin (Moscow)

Dorcadion cinerarium (Fabricius, 1787) is one of the most variable species in the genus. Up to now it includes 20 subspecies distributed in south-east Europe from about Volga River to the east Ukraine and Moldova borders and in North Azerbaijan. All 20 subspecies could be conditionally arranged in 4 geographical groups, which are in fact natural groups of relatives, but each one can be strongly heterogeneous morphologically. One subspecies is described bellow as new.

1. Northern group

1. *D. c. cinerarium* (Fabricius, 1787) - South of Russia and most of Ukraine
2. *D. c. macropoides* Plavilstshikov, 1932 - Kharkov Region
3. *D. c. zubovi* Lazarev, 2011 - Moldova

2. Crimean group

4. *D. c. perroudi* Pic, 1942 - Most of Crimea
5. *D. c. panticapaeum* Plavilstshikov, 1951 - Eastern Crimea
6. *D. c. bartenevi* Lazarev, 2011 - Crimea, cape Tarkhankut

3. Black Sea group

7. *D. c. demidovi* Danilevsky, 2013 - Ukraine, Odessa environs
8. *D. c. gorodinskii* Danilevsky, 1996 - South Ukraine, Kherson Region
9. *D. c. skrylniki* Lazarev, 2011 - South Ukraine, Melitopol environs
10. *D. c. azovense* Lazarev, 2011 - South Ukraine, Berdyansk environs
11. *D. c. sindorum* Lazarev, 2011 - South Russia, Anapa environs

4. Caucasian group

12. *D. c. novorossicum* Lazarev, **ssp. n.** - South Russia, Western most part of Caucasian Ridge
13. *D. c. veniamini* Lazarev, 2011 - South Russia, Markotkh Ridge above Novorossiysk
14. *D. c. papayense* Lazarev, 2014 - South Russia, West Caucasus, Papay Mt.
15. *D. c. adygorum* Lazarev, 2011 - Adygeya, Maykop environs.
16. *D. c. smetanai* Lazarev, 2011 - Karachaevo-Cherkessia, Khasaut environs
17. *D. c. terkense* Lazarev, 2011 - Chechnya, Groznyi

5. Transcaucasian group

18. *D. c. belousovi* Lazarev, 2011 - Azerbaijan, Velvechay River Valley.
19. *D. c. deniz* Lazarev, 2011 - Azerbaijan, Baku
20. *D. c. napolovi* Lazarev, 2011 - Azerbaijan, Shemakha

***Dorcadion* (*Cribridorcadion*) *cinerarium novorossicum* ssp. n.**
Figs 1-2

Type locality. Russia, Krasnodar Region: Novorossiysk env., northwards Gayduk, 445 m, 44°48´6´´N, 37°43´26´´E.

Description. Body big; antennae black with 1st joint usually dark-red or nearly black; prothorax lateral tubercles shortly angulated; pronotal longitudinal furrow usually interrupted near middle by small convexity; pronotal longitudinal white stripe moderately narrow and

often not complete, pronotum with sparse big dots (often rather scattered), with fine dense punctation, partly covered with dense black recumbent setae; elytra totally covered with dense black pubescence (only one male from near Gayduk has big glabrous elytral areas); marginal white stripes just a little wider than epipleurae; humeral white stripes in males totally absent; females are always androchromal with black dens elytral pubescence; dorsal elytral white stripes in females usually absent, but sometimes poorly pronounced; humeral white stripes in females always present; longitudinal elytral sculpture (furrows and carinae) hardly visible in males, or better developed in females; anterior part of humeral area with dense big dots disappearing before middle; apical elytral margin usually reddish; legs always dark-red; body length in males: 11.3-15.7 mm, width: 4.2-5.1 mm, in females: 13.0-16.9 mm, width: 5.3-6.5 mm.

Material. Holotype, male, "Novorossiysk, N Gayduk, 44°48´6´´N, 37°43´26´´E, 445 m, 26.3 - 30.4.2014, A. Bondarenko leg." - MD; 47 paratypes: 4 males, 6 females, same label - MD; 19 males, 15 females, Novorossiysk, N Gayduk, from 368 m (44°48'9"N, 37°43'5.30"E) to 464m (44°47'52"N, 37°43'56"E), 18-26.5.2015, M.Danilevsky leg. – MD & ML; 3 males, Krasnodar Region, Verkhnebakansky, 290 m, 44°50'14"N, 37°37'56"E, 27.05.2015, M.Danilevsky leg. - MD.

Distribution. Two localities known in the south of Krasnodar Region in the western most part of Markhotkh Ridge: Novorossiysk environs, northewards Gayduk, from 368m (44°48'9"N, 37°43'5.30"E) to 464m (44°47'52"N, 37°43'56"E); Krasnodar Region, Verkhnebakansky, 290m, 44°50'14"N, 37°37'56"E. All specimens were collected along the forest roads.

Comparative diagnosis. The subspecies is very close to the neighbor taxon *D. c. veniamini* Lazarev, 2011 known in about 13 km eastwards along Markhotkh Ridge because of similar big size. But *D. c. veniamini* always has totally glabrous male elytra. *D. c. sindorum* Lazarev, 2011 was described westwards the area of *D. c. novorossicum* ssp. n. from Anapa environs and also has totally pubescent male elytra, but that subspecies is very small, looks to be close to *D. c. panticapaeum* Plavillstshikov, 1951.

Dorcadion (*Cribridorcadion*) *glaucum glaucum* Falderman, 1837
Figs 3-5

Dorcadion glaucum Faldermann, 1837: 277 (no locality); Holzschuh, 1993: 46, part. (including "*D. glaucum descampsi* Villiers, 1967" [= *D. semiargentatum* Pic, 1905]).

Dorcadion (s. str.) *glaucum,* Plavilstshikov, 1932: 193 (Transcaucasia).

Dorcadion (Autodorcadion) glaucum, Plavilstshikov, 1948: 135, 146 (as probable for Armenia); 1958: 58, 76, 92, 249, 250, 268 (USSR: south-east Armenia, mountains of south-west Azerbaijan, Talysh. North Iran: Gilan, Iranian Talysh); Lobanov et al., 1982: 263; Danilevsky & Miroshnikov, 1985: 314, 327, 333.

Dorcadion (Pedestredorcadion) glaucum, Breuning, 1962: 488, part. (= *faldermanni* Ganglbauer, 1884) - "Persien" (as a type locality), "Talysch".

Pedestredorcadion glaucum glaucum, Villiers, 1967: 367 - "Ardebil".

Dorcadion (Cribridorcadion) glaucum, Danilevsky & Murzin, 2009b: 16 (Iran) – "The species must be very common in north Azerbajdzhan in the east part of Karadag mountain system according to numerous materials collected by W. Heinz and Th. Deuve near Kaleybar (38"52'N, 47"01'E). Another population is known nearby northwards Ahar." Danilevsky, 2010: 247 (Azerbaijan, Iran); 2012c: 115 (wrong record for Armenia).

Type locality. Iran, East Azerbaijan (Āzarbāijān-e Sharqi), the high eastern area of the Karasu River basin, about 10 km NE Kaleybar, 1900-2100 m, 38°54'55"N, 47°'58"E.

As it was properly published by Danilevsky (2012): "The original description was published without any geographical indication, but according to the title of the publication - "Fauna entomologica Trans-Caucasica" it is possible to accept Trancaucasia as the type locality. But from one side, there were several new taxa in that Faldermann's publication, which definitely absent in Trancaucasia, like Saperda mirabilis Faldermann, 1837 (now in Mallosia), or Dorcadion persicum Faldermann, 1837. From the other side, up to now no specimens of the taxon are definitely known from Transcaucasia. So, most probably the holotype was collected in the east part of Karadag mountain system in North Iran, where the species is rather common."

All populations mentioned by Danilevsky (2012) are rather different, so the designation of the type population is necessary. According to the picture by Faldermann (1837: Tab. 8, fig. 8) the male of his taxon has long acute thoracic spines and does not have

elytral black stripes near humeri. The populations from near Kaleybar are characterized exactly by those features. So, here Kaleybar environs are accepted as type locality. Other known to me populations are described bellow as new subspecies.

Description. Pronotum with well developed acute lateral spines; pronotal punctation rather regular, moderately sparse; elytra wide, regularly oval; elytral pubescence very dense, often yellowish; anterior elytral black strokes near humeri very small, often totally absent; certain males with short black strokes near elytral apices; all females with well developed black elytral stripes, which are very similar to black elytral design of *D. laeve* Faldermann, 1837: pale sutural stripe is narrow and never contacts apically with wide pale humeral stripe, dark stripe in between is always complete from anterior elytral margin to elytral apex; dark area anteriorly usually interrupted by several pale spots; dorsal pale stripes widely conjugate anteriorly and posteriorly with humeral pale stripes, so black stroke in between is very short; females with glabrous elytra unknown; body length in males: 10.5-14.0 mm, width: 3.9-5.2 mm, in females: 12.0-16.0 mm, width: 5.4-6.2 mm.

Material. 14 males, 7 females, "IR (Azarbaijan) / Pass ~ 1900 m ca. 10 km / n. Kaleybar 30.V.1998 / Heinz leg." - MD; 2 males, "E Azerb. / Kaleybar / 2100 m 25.6.2002 / Th. Deuve leg." - MD.

Distribution. Iran, East Azerbaijan (Āzarbāijān-e Sharqi), the high eastern area of the Karasu River basin, about 10 km NE Kaleybar, 1900-2100 m, 38°54'55"N, 47°'58"E.

Diagnosis. The taxon is characterized by moderately dense pronotal punctation, strong development of black elytral areas in females, glabrous form in females unknown.

***Dorcadion* (*Cribridorcadion*) *glaucum lassallei* ssp. n.**
Fig 6

Type locality. Iran, prov. East Azerbaijan (Āzarbāijān-e Sharqi), high northern area of Aharchai river valley, northwards Ahar, 2000m, about 38°38'4"N, 47°2'56"E.

Description. Only one male known; lateral spines of pronotum very short, just as small tubercles; pronotal punctation big, irregular, sparse, but partly conjugated; elytra strongly elongated, with sides

more converging posteriorly, than anteriorly; elytral pubescence very dense, light-grey; anterior elytral black strokes long and distinct; black strokes near elytral apices absent; body length: 12.9 mm, width: 4.3 mm.
Material. Holotype, male, Iran, prov. East Azerbaijan (Āzarbāijān-e Sharqi), northward Ahar, 2000 m, 38°38'4"N, 47°2'56"E, VI.2003, B.Lassale leg.- MD.
Distribution. Iranian Azerbajdzhan, Karadag, high northern area of Aharchai tiver valley, northward Ahar, 2000 m, 38°38'4"N, 47°2'56"E.
Diagnosis. The taxon is characterized by long narrow body, big and coarse pronotal punctation.
Etymology. The new taxon is dedicated to a well known French entomologist Bernard Lassale, who collected the holotype.

***Dorcadion* (*Cribridorcadion*) *glaucum murzinianus* ssp. n.**
Figs 7-11

Type locality. Iran, prov. East Azerbaijan (Āzarbāijān-e Sharqi), Babak-Kale environs, 2050 m, 38°50'54"N, 46°59'9"E.
Description. Lateral spines of pronotum a little shorter; pronotal punctation rather dense, partly conjugated; elytra more elongated, regularly oval; elytral pubescence less dense, never yellowish; anterior elytral black strokes always distinct; certain males with short black strokes near elytral apices; females usually with same elytral design as in males, without well developed black areas; very rare dorsal internal black elytral stripes nearly complete, sometimes external dorsal stroke distinct; or only anterior and posterior strokes present; females with totally glabrous black elytra are not very rare; body length in males: 10.8-14.9 mm, width: 4.2-5.7 mm, in females: 13.1-16.6 mm, width: 5.2-6.4 mm.
Material. Holotype, male, Iran, prov. East Azerbaijan (Āzarbāijān-e Sharqi), Babak-Kale environs, 2050 m, 38°50'54"N, 46°59'9"E, 29.5.2014, S. Murzin leg. - ML; 141 males, 22 females with same label - MD, ML, SM.
Distribution. NW Iran, prov. East Azerbaijan (Āzarbāijān-e Sharqi), the high western area of the Karasu River basin, Babak-Kale environs, 2050m, 38°50'54"N, 46°59'9"E.

Diagnosis. The taxon is characterized by very dense pronotal punctation, poor development of black elytral areas in females, presence of glabrous form in females.
Etymology. The new taxon is dedicated to a well known Russian entomologist Sergey Murzin, who collected the type series.

Acknowledgements. The author is very grateful to M. Danilevsky and S. Murzin for providing with the materials for study.

REFERENCES

Breuning S. 1962. Revision der Dorcadionini (Coleoptera, Cerambycidae). - Entomologische Abhandlungen und Berichte aus dem Staatlichen Museum für Tierkunde in Dresden. 27: 1-665.

Faldermann F. 1837. Fauna entomologica Trans-Caucasica. Coleoptera. Pars 2. Moscou: l'imprimerie d'Auguste Semen, Imprimeur de l'Academie Impériale Medico-Chirurgicale. 433 p., pl. 1-15.

Ganglbauer L. 1884. Bestimmungstabellen europäischer Coleopteren: VIII. Cerambycidae. Schluss. Mit Berücksichtigung der Formen Algiers und des paläarktischen Asiens, exclusive jener von Japan. Verhandlungen der Kaiserlich-Königlichen Zoologisch-Botanischen Gesellschaft in Wien 33 [1883]: 437-586.

Danilevsky M.L. 2012. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. IV. - Humanity Space. International Almanac. Vol. 1. No. 1: 86-136.

Danilevsky M.L. 2010. tribe Dorcadionini, pp. 241-264. – In I. Lobl & A. Smetana (ed.): Catalogue of Palaearctic Coleoptera, Vol. 6. Stenstrup: Apollo Books. 924 p.

Danilevsky M.L. & Murzin S. V., 2009. A revue of Dorcadion Dalman, 1817 species of "laeve-group". Part 2 (Coleoptera, Cerambycidae, Lamiinae). - Les cahiers Magellanes. 93: 1-22.

Danilevsky M.L., Miroshnikov A.I., 1985 Timber-Beetles of Caucasus (Coleoptera, Cerambycidae). Key.- Krasnodar: 419 pp. [in Russian]

Holzschuh C. 1993. Sechzig neue Bockkäfer aus Asien, vorwiegend aus China und Thailand (Col., Cerambycidae), 5-63 S. In: Neue Bockkäfer aus Europa und Asien IV. FBVA - Berichte - Schriftenreihe der Forstlichen Bundesversuchsanstalt in Wien. 75: 63 + 2.

Lazarev M.A. 2009. Armenian Dorcadion (Coleoptera: Cerambycidae) of "cinerarium-group". - Studies and reports of District Museum Prague-East. Taxonomical Series. 5(1-2): 197-220.

Lazarev M.A. 2011. A revision of the taxonomic structure of Dorcadion cinerarium (Fabricius, 1787) (Coleoptera: Cerambycidae). - Studies and reports of District Museum Prague-East. Taxonomical Series. 7 (1-2): 255-292.

Lobanov A.L., Danilevsky M.L., Murzin S.V., 1982 Systematic list of longicorn beetles (Coleoptera, Cerambycidae) of the USSR. 2. - Revue d'Entomol. 61(2): 252-277 [in Russian]
Pic M. 1905. Descriptions et notes diverses. Pp. 5-15. - Matériaux pour servir à l'étude des longicornes. 5ème cahier, 2ème partie. Saint-Amand (Cher): Imprimerie Bussière. 38 + 1 pp.
Plavilstshikov N.N. 1932. Timber-beetles - Timber Pests. Moscow: Leningrad. 200 p. [in Russian]
Plavilstshikov N.N. 1948. A Key for Longicorn Beetles of Armenia. Erevan. 232 p. [in Russian]
Plavilstshikov N.N. 1958. Faune de l'URSS. Insects Coléptères. V.23(1). Cerambycidae (P.3). Sousfamille Lamiinae, p.1. Moscou: Leningrad. 592 p. [in Russian]
Villiers A. 1967. Contribution à la faune de l´Iran. 1. Coléoptères Cérambycides. - Annales de la Société Entomologique de France. (N.S.). 3(2): 327-379.

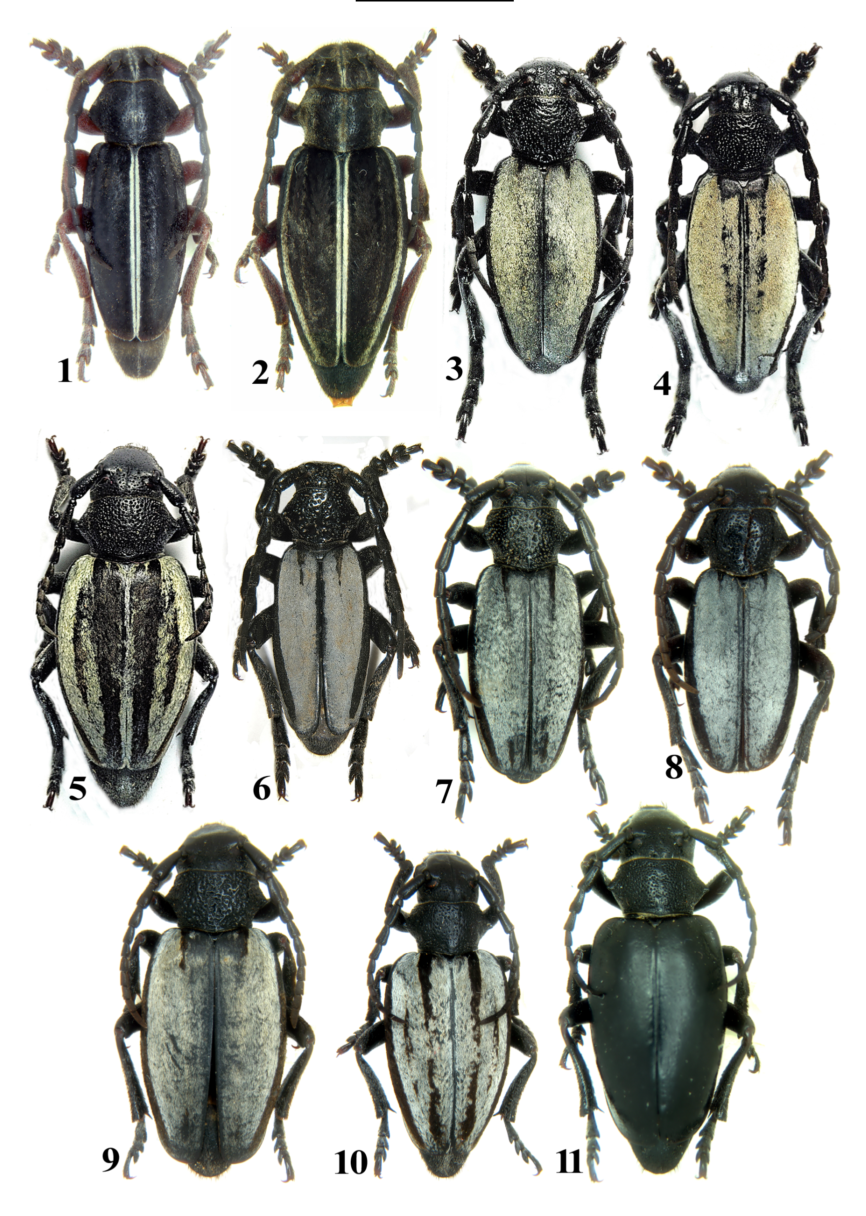

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

Fig 1-2. *Dorcadion* (*Cribridorcadion*) *cinerarium novorossicum* **ssp. n.:** 1 **-** Holotype, male, "Novorossiysk, N Gayduk, 44°48´6´´N, 37°43´26´´E, 445 m, 26.3 - 30.4.2014, A. Bondarenko leg.; 2 - Paratype, female, same label.
Fig 3-5. *Dorcadion* (*Cribridorcadion*) *glaucum glaucum* Falderman, 1837: 3 - male, E Azerb., Kaleybar, 2100 m, 25.6.2002, Th. Deuve leg.; 4 - male, IR (Azarbaijan), Pass ~ 1900 m ca. 10 km, n. Kaleybar 30.V.1998, Heinz leg.; 5 - females, with same label.
Fig 6. *Dorcadion* (*Cribridorcadion*) *glaucum lassallei* **ssp. n.:** Holotype, male, Iran, prov. East Azerbaijan (Āzarbāijān-e Sharqi), northward Ahar, 2000 m, 38°38'4"N, 47°2'56"E, VI.2003, B.Lassale leg.
Fig 7-11. *Dorcadion* (*Cribridorcadion*) *glaucum murzinianus* **ssp. n.:** 7 - Holotype, male, Iran, prov. East Azerbaijan (Āzarbāijān-e Sharqi), Babak-Kale environs, 2050 m, 38°50'54"N, 46°59'9"E, 29.5.2014, S. Murzin leg.; 7-8 - males, with same label; 9-11 - females, with same label.

Received: 20.09.2015
Accepted: 30.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 1118-1119

Redescriptions of two taxa (Coleoptera: Cerambycidae) introduced by M.Sláma (2015)

Milan Sláma

U Školské zahrady 718/3, 18200 Praha 8 - Kobylisy, Česká Republika
e-mail: m.e.f.slama@seznam.cz

Key words: taxonomy, new subspecies, France, Spain.
Abstract: Two new subspecies are described: *Stictoleptura scutellata maritima* **ssp. n.** (France, Aiguines) and *Glaphyra marmottani andalusica* **ssp. n.**

I published an article (Sláma, 2015) with two new names, which did not become available because of several formal deficiencies. Now both must be described once more.

Stictoleptura scutellata maritima ssp. n.
(Fig.3. Sláma, 2015: 42**)**

Stictoleptura scutellata maritima Sláma, 2015: 39 - not available because type materials were not published.

The taxon is characterized by 3rd antennal segment, which is shorter than 1st and 5th, in males it is usually shorter than the 6th and 7th , in females longer.
Holotype: ♂ France 83, Aiguines, 7.1978, M. Sláma lgt. - Karlsruhe Staatliche Museum für Naturkunde; all paratypes are preserved in same collection: 20 ex. with same label; 7 ex., same locality, 22.7.1976, P. Berger leg.; 6 ex. same locality, 27.7.2015, P. Berger leg.; 4 ex. same locality, 30.7.1974, P. Berger leg.; 5 ex. Sant Raphael, 26.6.1969, M. Sláma leg.; 1 ex., same locality, 17.6.1963, P. Berger leg.; 1 ex., Frejus, 7.1969, M. Sláma leg.; 1 ex., Malinfernet, 6.1969 M. Sláma leg.

Glaphyra marmottani andalusica ssp. n.
(Fig.5. Sláma, 2015: 46**)**

Glaphyra marmottani andalusica Sláma, 2015: 44 - not available because the place of the holotype preservation was not published.

Body larger than in the nominative subspecies and more

robust; antennae relatively longer; scutellum coarsely dimpled; dimples are large and touch each other nearly or completely, so that spaces between them are much narrower than the dimples; scutellum larger, finely dimpled, dimples much smaller and thinner; spaces between them are wider, so the scutellum is shinier and has predominately smooth surface; antennal punctuation much thinner; elytra 1,25 times wider than long, against 0,9 for the nominative form; width of first antennal segment is 46% of its length; 1st segment of tarsi longer, 2nd shorter, i.e. 45%, in comparison with 0,63% of the nominative taxon; pilosity of head, pronotum, elytra, body sides thicker and longer; body length 7,8 mm, length of antenna 14 mm.

Holotype, male, Spain, Andalucía, Ubrique (Cádiz) 1995, J. & M. Sláma leg. - Staatliche Museum für Naturkunde Karlsruhe.

REFERENCE

Sláma M. 2015. Taxonomic remarks on some west-palaearctic longhorn beetles (Coleoptera, Cerambycidae) and description of a new subspecies. - Biocosme mésogéen, Nice. 32(1-2): 33-50.

Received: 24.10.2015
Accepted: 27.10.2015

Humanity space *International almanac* VOL. 4, No 5, 2015: 1120-1133

Descriptions of new taxa from Europe and Southwest Asia (Coleoptera: Cerambycidae)

Milan Sláma

U Školské zahrady 718/3, 18200 Praha 8 - Kobylisy, Česká Republika
e-mail: m.e.f.slama@seznam.cz

Key words: Taxonomy, Coleoptera, Cerambycidae, Syria, Turkey, Finland, Macedonia.*Cerambyx*, *Tetropium*, *Agapanthia.*
Abstract: The text presented below comprises descriptions of new taxa of longhorn beetles from Syria, Turkey, Finland and Macedonia: *Cerambyx nodulosus hermoniacus* **ssp. n.**, *Cerambyx kodymi* **sp. n.**, *Tetropium fuscum lapponicum* **ssp. n.** and *Agapanthia kirbyi valandovensis* **ssp. n.** There is also a brief treatise on *Cerambyx dux* (Faldermann, 1837), and a discussion of possible description of further subspecies (or species) is suggested.

Introduction

In 1994, we (my wife and me) made a tour to Syria and found a number of *Cerambyx* individuals particularly in the southwest part of the country, in the Mount Hermon mountain system. Further *Cerambyx* imagines from Latakia were preserved in my collection. Several series demonstrate considerable differences, but I was unsure about their identity for years. Even 20 years of consultations and Internet discussions were not helpful and thus, now I decided to solve partially the situation by describing of two new taxa: *Cerambyx nodulosus hermoniacus* **ssp. n.**, *Cerambyx kodymi* **sp. n.** In the course of our tour to Scandinavia in 1992 we found a new subspecies of *Tetropium fuscum* (Fabricius, 1787). I also decided to describe a new taxon based on numerous extraordinarily large and different specimens of *Agapanthia kirbyi* (Gyllenhal, 1817) collected by my wife and me in Macedonia.

Material and Methods

The material of longhorn beetles studied here came from collections of the Staatliche Museum für Naturkunde in Karlsruhe (SMNK) and of the National Museum in Prague, from the collection of Zdeněk Černý and from my collection. The observations were first

performed with the naked eye or by using a magnifying glass. The Wild microscope with circular and spot illumination was used for more detailed examinations. An ocular grid was employed for accurate measurements, for example of antennomeres. Photographs were taken with the help of the Nikon 7000 camera with objectives 35, 40 and 105 mm. The following literature was used for the consideration of the genus *Cerambyx*: Demelt (1976), Löbl & Smetana (2010), Özdikmen & Turgut (2009), Plavilstshikov (1940), Rapuzzi & Sama (2012).

Cerambyx nodulosus hermoniacus ssp. n.
Figs 1-2

I hesitated about describing the subspecies. The imagines were considerably different as well as their body size and shape. It was obviously a new, still undescribed taxon, but there was a possibility that it is either a new subspecies or a new species closely related to *Cerambyx nodulosus* Germar, 1817 (Figs 3-4). I describe the taxon as a subspecies *C. n. hermoniacus* **ssp. n.**, but there is a possibility that in the future it will be established as a valid species. *C. nodulosus* was described from Europe. Thus, for comparison, I used material collected in Croatia, Greece and Bulgaria.

C. n. hermoniacus **ssp. n.** is markedly different from the nominotypical form. The imagines are considerably larger and stouter. In males antennae are considerably longer than the body; they exceed elytral apex by 2/3 to 3/4 elytral length. In the nominotypical form antennae exceed body by 1/5 to 1/2. There is a considerable difference in antennomere width-to-length ratios, particularly in antennomeres 3, 4 and 5. The difference is quite obvious in antennomere 5, which is distinctly slimmer and longer. In the new subspecies antennomere 3 is 1.19-1.36x longer than wide, antennomere 4 is 1,50-1,53x, antennomere 5 is 2,64-2,92x, antennomere 6 is 4,18-4,57x, antennomere 7 is 5,68-6,11x, antennomere 8 is 6,23-8,08x, antennomere 9 is7,26-9,63x. In the nominotypical form the ratio is different: antennomere 3 is 1.00-1.08x longer than wide, , antennomere 4 is1,12-1,20x, antennomere 55 is1,85-1,88x, antennomere 6 is 3,79-3,80x, antennomere 7 is 5,24-5,38x, antennomere 8 is 6,14-6,43x, antennomere 9 is 7,51-8,51x. In

males the width of antennomere 5 is of 34-38% of its length; in the nominotypical form it is 52-53 %. In females of the new taxon antennomere 3 is 1.61-1.77x longer than wide, antennomere 4 is 1,76-1,77x, antennomere 5 is 2,32-2,45x, antennomere 6 is 2,88-3,04x, antennomere 7 is 3,40-3,43x, antennomere 8 is 3,19-3,20x, antennomere 9 is 3,21-3,50x. In the nominotypical subspecies antennomere 3 is 1.07-1.42 times longer than wide, antennomere 4 is 1,36-1,45x, antennomere 5 is 1,50-1,76x, antennomere 6 is 2,31-2,60x, antennomere 7 is 3,00-3,09x, antennomere 8 is 3,00-3,12x, antennomere 9 is 3,19-4,09x. In females the thickness of antennomere 5 makes 40-43 % of its length; in the nominotypical form it is 57-67 %. There is an irregular shining, smooth central area on the pronotum surface of nominotypical form. In the new subspecies central shining area of pronotum is mostly coarsely wrinkled. The sculpture of male and female elytra is distinctly coarser. In both subspecies, the granulation becomes stepwise finer toward the elytral apex. In the nominotypical form the surface of elytral apex is considerably finer and brighter. In the new subspecies elytra are very dark, piceous-black at base; dark colour continues almost to the elytral apex and only in about posterior fifth it is stepwise brown, but still dark; elytra are matter. In the nominotypical subspecies elytra are brighter, also dark from their base to about two fifths, but their colour then turns paler brown. The change in the colour from dark to brown is rather abrupt. Sixteen specimens from Croatia, Greece and Bulgaria were used for comparison. Body length: ♂♂ 37-42 mm, ♀♀ 40-48 mm, length of antennae: ♂♂ 49-65 mm, ♀♀ 32-36 mm.

Material. Holotype (♂) and 7 paratypes (3 ♂♂ and 4 ♀♀) - Syria, Mount Hermon, Jandal, 29.6.1994. J. & M. Sláma lgt.; all types are preserved in SMNK.

Cerambyx kodymi sp. n.
Figs 5-6

The new species was found in Syria, in the surroundings of the city Latakia. We also found an individual north of this location, in Turkey, at Iskenderun. *C. kodymi* **sp. n.** is probably closest to *Cerambyx carinatus* (Küster, 1845) (Figs 7-8), from which it is,

however, different in a number of characters.

Eyes are smaller compared to *C. carinatus*, the interval between them is larger on the dorsal and ventral sides. When measuring external dimensions of the head together with eyes (=100 %), then the interval between eyes on the dorsal side is of 20-22% in ♂♂ and 24% in ♀♀ (In *C. carinatus* it is of 16% and 11%, respectively). On the underside, the interval between eyes is of 21-22% in ♂♂ and 23-24% in ♀♀ (in *C. carinatus* it is of 9% and 10%, respectively). The interval on the dorsal side is about 1.5-2 times larger than the eye width (in *C. carinatus* it is about as large as the eye width). The frons - a split area between antennae with an elevated arcuate ridge ending by a point on its outer posterior side. In *C. carinatus* the split area is rather straight and points on the outer posterior side are obtusely rounded. Male antennae are moderately longer than the body and female antennae reach about middle of the elytra. Antennomeres, particularly antennomeres 3-5 in both males and females are, in relation to the body, stronger compared to *C. carinatus*. The difference can be seen on the common photograph of males and females. In males, antennomere 6 is 1.65 longer than antennomere 5 (in *C. carinatus* it is 1.37 times longer); the difference is not very distinct in females. Antennomeres 3-5 are considerably dilated compared to other ones. In males the ratio of antennomere 3 length to width is 1.31; antennomere 4 is 1,28-1,37x, antennomere 5 is 1,61-1,76x, antennomere 6 is 3,10-3,30x, antennomere 7 is 4,40-4,62x. In females the ratio of antennomere 3 length to width is 1.67-1.78, antennomere 4 is 1,28-1,37x, antennomere 5 is 1,61-1,76x, antennomere 6 is 3,10-3,30x, antennomere 7 is 4,40-4,62x. In males of *C. carinatus* antennomere 3 is 1.26-1.45x, antennomere 4 is 1,29-1,56x, antennomere 5 is 1,50-1,63x, antennomere 6 is 2,73-2,78x, antennomere 7 is 3,92-3,90x longer than wide, in females antennomere 3 is 2.22, antennomere 4 is 1,93x, antennomere 5 is 2,10x, antennomere 6 is 2,50x, antennomere 7 is 2,80x longer than wide. Antennomere 1 is very densely, coarsely punctated, the other antennomeres being also very densely, but much more finely punctated. There are also deeper pits on all the antennomeres, coarser on antennomere 1 and stepwise finer on next antennomeres. All antennomeres bear short, decumbent, grey setae, sparse on antennomeres 1 and 2, but very dense on the other antennomeres.

Male antennae have a ridge on antennomere 6, which is widened backward; the ridge is widest in its apex**.** The apex of antennomere 7 is very round, and it can be terminated by a rather sharp denticle in antennomere 10. In the new species the dilation is more distinct just from the base of antennomeres. The pronotum is irregularly wrinkled throughout its surface. There is an elevated, narrow, smooth longitudinal ridge in the middle part. Anteriorly pronotum is wider than posteriorly. Shorter body shape occurs less frequently in other *Cerambyx.* The ratio of forebody (head and pronotum) length to elytra length is 1.80-1.84 in males and 1.80-1.87 in females, the posterior part of the body is shorter. In *C. carinatus* the ratio of forebody (head and pronotum) length to elytra length is 2.12 in males and 2.38 in females, the posterior part of the body is longer. End of elytra at the suture is terminated by a distinct tooth or obtuse or finely rounded angle. Elytral sculpture (granulation) is relatively fine at the base, finer backward and very fine on the elytral apex. Elytra from the middle backward, including posterior fifth, with very fine, grey setae. The whole body is evenly dark brown. Protarsites 2 and 3 are wider than long. Metatarsi are also wider compared to *C. carinatus*. The basimetatarsite is 1.46-1.60x times longer than wide at its end. On the underside, the basimetatarsite is divided by a fine furrow extending from its base to its middle. Body length: ♂♂ 36-39 mm, ♀♀ 35-40 mm.

Material. Holotype (♂) and 5 paratypes; 1 ♂ and 3 ♀♀, Syria, Latakia, 18.-29.6.1987, lgt. Odolen Kodym; 1 ♀, Turkey, Iskenderun, 24.6.1993, J. & M. Sláma lgt. All types are preserved in SMNK.

Cerambyx prope *dux* (Faldermann, 1837) [sp. n., ssp. n. ?]
Figs 9-10

Cerambyx dux was described without exact locality (from Transcaucasia to Iran). I collected imagines, usually identified as *Cerambyx dux,* in southern Europe as well as in Turkey and Syria. I accumulated relatively numerous material, but I was unable to provide their exact identification, since there were certain differences among the imagines and it was thus impossible to accumulate more complex and more numerous material. We found relatively different

individuals in the Mount Hermon mountain system. I kept them for years in my collection, separately from other species. The colour of their whole body is dark piceous-reddish brown, and they also exert a coarser sculpture on elytra. In *Cerambyx dux* (Figs 11-12) colour of elytra is usually dark brown, and from the half or from the posterior fourth, it is usually stepwise paler. Body shape is different, the imagines are shorter and less slim. Elytra are shorter, more finely granulate, almost smooth in about posterior third. In male of *C. dux* antennomere 5 more or less exceeds beyond the elytral base. In a male from Jandal antennomere 5 does not reach elytral base and antennomeres 1-5 are shorter. In male the ratio of antennomere 3 length to antennomere 4 length is of 1:1.03, to antennomere 5 is 1,38x, to antennomere 6 is 1,65x, to antennomere 7 is 2,20x, to antennomere 8 is 2,10x, to antennomere 9 is 2,00x, to antennomere 10 is 1,95x, to antennomere 11 is 2,95x. In females the ratio of the antennomere 3 length to antennomere 4 length is 0.85, to antennomere 5 is 0,90x, to antennomere 6 is 1,05x, to antennomere 7 is 1,20x, to antennomere 8 is 1,15x, to antennomere 9 is 1,10x, to antennomere 10 is 0,95x, to antennomere 11 is 1,10. Male antennomeres are moderately flat axe-like dilated outward and are ending only in their last part by a distinct sharp, backward directed process (tooth). This ending is different from common *C. dux*. Certain differences can be seen in photos. Body length: ♂♂ 33-47 mm, ♀♀ 43-49 mm.

Materials. 1 ♂ and 3 ♀♀, Syria, Mount Hermon, Jandal, 29. 6. 1994, J. & M. Sláma lgt. - SMNK.

Trichoferus prope *griseus* (Fabricius, 1793)
Figs 13-14

I reared this species from a branch of *Ficus* from Andalusia, Spain. I was unable to identify exactly the imagines and thus, I addressed to S. Kadlec, who stated that they are actually surprising, but they can belong to *Tr. griseus* (Fabricius, 1792) only because of erect setae of elytra. In my opinion, they are considerably different, and I transferred them to Rapuzzi, who equipped them with his identification label *Tr. griseus*. I am presenting a number of photos, including two of *Trichoferus griseus* from North Africa (Figs 15-16),

where the species was described from. I believe that the imagines from Spain are distinctly different. I also reared *Trichoferus holosericeus* Rossi, 1790 from same locality also from *Ficus*. I have certain problems with the identification of species within the genus *Trichoferus* and thus, I would prefer to find somebody, who is able to examine the specimens and possibly to present the appropriate descriptions. In my opinion, this is an undescribed taxon (species or subspecies).

The larvae developed under the bark and in the wood of a quite dead *Ficus* plant. The branch was 4-7 cm thick.

Studied specimens were collected by J. & M. Sláma in España, Andalusia, Nerja, 1991; material is preserved in SMNK.

***Tetropium fuscum lapponicum* ssp. n.**
Figs 17-18

I collected imagines with my wife Jarmila in Finland far north from the Arctic Circle in the light of the night sun being low above the horizon one hour before midnight. They occurred on the bottom part of a dead spruce tree (*Picea*). Some imagines were running on the bark and some others still resided under the bark. There were also several larvae under and inside very thick bark. We stripped the bark from a part of the trunk and transferred it home. A number of imagines hatched from this bark next year. The larvae were fairly large, but I do not know their age and the length of their development period. I do not know whether the eggs were deposited in the preceding year (1991) or earlier, but the total duration of the *Tetropium fuscum* development should have been at least two years under these cold northern conditions. We also found *Tetropium aquilonium* Plavilsthikov, 1940 and *Tetropium castaneum* (Linnaeus, 1758) together with *Tetropium fuscum* (Fabricius, 1787) on the same tree.

A new subspecies differs markedly from the nominal subspecies (Figs 19-20) especially by the bodily structure, shorter and wider elytrae. On average, elytrae are 2,17 - 2,4 times longer with respect to males than at the wide base, exceptionally 2,44. Regarding females, elytrae are 2,16 - 2,36x longer than at the base wide, exceptionally 2,38. With respect to the nominotypical form it

is 2,43 -3,14, for males and 2,3 - 2,6 times longer than at the base wide for females. In comparison with the nominotypical subspecies, the 5th link of antenna of females is longer, especially the front tarses of males is thinner, the 1st link of rear tarses is longer in comparison with the 2nd link. These differences are not significant, but they are visible. The colour of elytrae is darker, dark brown, villosity of the front part of elytrae is very significant, the difference is very distinctive as opposed to the nominotypical.
Materials. Holotype (♂ - SMNK) and 46 paratypes (♂♂ and♀♀), Finnland, Ivallo, 15.7.1992, J. & M. Sláma lgt. - SMNK (31 paratypes) and coll. M. Sláma (15 paratypes). Several imagos rose from *Picea* at home.

Agapanthia kirbyi valandovensis ssp. n.
Figs 21-22

In 1981, together with my wife, we found a very small location in Macedonia, closely covered with mullei plants *Verbascum* sp., and on them, there were numerous individuals of *Agapanthia kirbyi*. Several imagines were present on each plant and all the plants were damaged by females feeding on them and laying eggs. We collected several tens of individuals, but their total number was enormous. They evenly exerted differences in the body size and colour compared to those we collected anywhere else in the Balkans, even in a not very distant (about 80 km) location near the city Veles (that time Titov Veles). After I made public a photography of the box from my former collection containing *Agapanthia kirbyi* via the Internet, a number of specialists were surprised at different characteristics of the imagines. Due to this, I decided to describe these remarkable imagines.

The new subspecies is striking at the first sight as to its body size and colour, which is less green and has an ochre tinge. The body is stouter, wider and shorter. The elytra are shorter in average by 12-16% as compared to the nominotypical form (Figs 23-24). The first antennomere has on its outer side a stripe not all 2 mm wide of yellow setae extending from base to ½-⅔. This stripe is absent in the nominotypical subspecies. On the elytra, there are shallow and sparse punctures (pits), intervals between them being larger than the

puncture diameter. In the nominotypical species, there are coarse punctures (pits), intervals between them being smaller than the puncture diameter or absent, the elytra are sometimes rather coarsely wrinkled. Eyes are also different. Most imagines have eyes vertically more elongate (1.18x) compared to the nominotypical ssp. (1.04x), but this does not hold in general.

Agapanthia kirbyi was described from Portugal. I had no imagine from there for comparison and thus, I compared the specimens concerned with imagines from Southwest France (Hérault, 12 specimens); I had 49 specimens from Valandovo. In the future, it is to expect descriptions of further subspecies, for example from Turkey (see the first row on the left side in the photo). Body length: 20-24 mm.

Materials. Holotype (♂) and 29 paratypes (11 ♂♂ and 18 ♀♀), Macedonia, Valandovo, 28.5.1981, J. & M. Sláma lgt. - SMNK.

Derivatio nominis

Cerambyx nodulosus hermoniacus **ssp. n.** refers to the mountain system Mount Hermon in Syria. *Cerambyx kodymi* **sp. n.** was named in honor of its collector Odolen Kodym, a known Czech geologist - a son of the geologist and entomologist Odolen Kodym. *Tetropium fuscum lapponicum* **ssp. n.** was named after the name of its native land - Scandinavian part of Lapland. *Agapanthia kirbyi valandovensis* **ssp. n.** was also named after the name of its locality - village Valandovo in Macedonia.

Discussion

Taxonomy of the genus *Cerambyx* is rather complex and frequently unclear. Imagines of the genus *Cerambyx* (subg. *Cerambyx*) are collected by all entomologists, but frequently pose problems in the course of their identification. According to different quotations, a number of authors dealt with the genus. The main problem results from the fact that most imagines are scattered in many private as well as institutional collections and it is impossible to accumulate large, complete material. With the good will and less fragmented opinions concerning subspecies, it would be certainly

possible to clarify the situation in most species. This is mostly no problem for Europe, but unclear facts are particularly encountered in the area of Southwest Asia. I have seen a number of *Cerambyx* individuals (including specimens from Armenia), which were difficult to identify, particularly those similar to *C. apiceplicatus*, *C. dux* (Faldermann), *C. heinzianus* Demelt, 1976 and *C. nodulosus* Germar, 1817, and I believe that their descriptions as new subspecies will be likely and justified in the future. For example, females of cf. *C. apiceplicatus* Pic, 1941 (?, sp.?) from Syria with a thorn at the elytral apex exerted a sculpture of elytra quite different from the published photo of a male (Rapuzzi, Sama 2012). In the same work, the female depicted together with the male, obviously does not belong to *C. apiceplicatus* based on antennomere 2, but it rather belongs to *cerdo - velensii* group. In Cyprus, I found an elytron of *Cerambyx* sp. having a thorn at the end of the elytral suture. In Turkey, at the Lake Van, I found a female of *C. heinzianus* (?), which was, however, very different by its wider body and longer antennae length. I have seen a male specimen and a female specimen of *C. nodulosus* from Bulgaria; they were both wide and short and obviously belonged to a local geographic form. The biggest problem is probably with *Cerambyx dux*, which occurs in a large area particularly on orchard trees and exerts more or less different forms. The situation will obviously be complicated and confusing due to the fact that in many cases, the species was formerly locally introduced by the transfer of the wood, particularly of the firewood via the ship transportation. In the Mediterranean, this way of the propagation was frequent for example in species of the genera *Trichoferus, Plagionotus, Phymatodes*, etc. Mixing of introduced species will be confused with the species variability. In the present work, in the paragraph entitled *Cerambyx* prope *dux,* I mentioned characters of imagines from the mountain system Mount Hermon, which were considerably different from the European ones. However, I also considered differences from European specimens in imagines we collected in Turkey (Nemrut Dag and Halfeti), in which all males have moderately longer antennomere 3. Turkish entomologists having larger materials will certainly have more appropriate chance to perform entomological studies in this respect. The last taxon described here is *Agapanthia kirbyi valandovensis* **ssp. n.** More new

species and subspecies have been recently described within the genus.

Large species of the genus *Cerambyx* (subg. *Cerambyx*) occurring in Europe and Southwest Asia can be divided into several groups particularly differing by simple and frequently mentioned characters as follows:

A) - According to longer antennomere 2. The antennomere is almost as long as wide. In other species, the length equals to about half the width. (*C. cerdo* Linnaeus, 1758 and *C. wellensii* (Küster, 1845))

B) - According to the shape of male antennomeres 3-5. These antennomeres are strongly widened. The elytra end by a more or less distinct thorn or callus. (*C. carinatus* (Küster, 1845), *C. apiceplicatus* Pic, 1941, *C. kodymi* **sp. n.**)

C) - According to the shape of male antennomeres 3-5. These antennomeres are strongly widened. The elytra do not end by a thorn, but are more or less rounded. Metatarsomere 1 is about twice longer than wide at apex. (*C. miles* (Bonelli, 1812), *C. nodulosus nodulosus* Germar, 1817)

D) - According to the shape of male antennomeres 3-5. These antennomeres are also strongly widened. Metatarsomere 1 is very short. The elytra do not end by a thorn, but are more or less rounded. (*C. dux* (Faldermann, 1837))

E) - According to the shape of widened male antennomeres 3-4, and shape of longer, attenuated antennomere 5. Metatarsomere 1, measured from the tibia apex, is twice as long as wide. The elytra do not end by a thorn, but are more or less rounded. (*C. nodulosus hermoniacus* **ssp. n.**)

F) - According to the shape of male antennomeres 3-5; the antennomeres are not as widened as in preceding 3 groups. Antennomere 3 is twice longer than wide at apex. Metatarsomere 1, measured from the metatibia apex, is twice as long as wide. The elytra do not end by a thorn, but are more or less rounded. (*C. heinzianus* Demelt, 1976)

Acknowledgements. I am indebted to Dr. Riedel from the Museum in Karlsruhe and to Mgr. Hájek and Z. Černý from Prague for loans of material.

REFERENCES

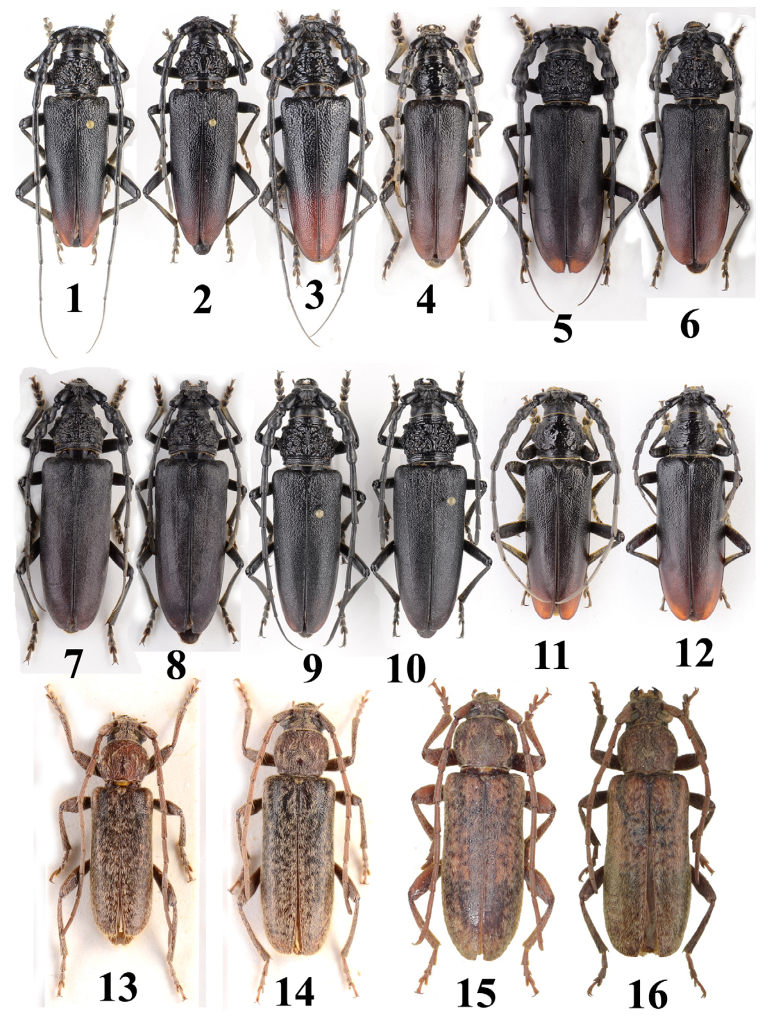
Demelt C. von. 1976. Eine neue Cerambyx-Art aus Ost-Anatolien. - Zeitschrift der Arbeitsgemeinschaft Österreichischer Entomologen. 28: 65-67.

Löbl I. & Smetana A. 2010. Cataloque of Palaearctic Coleoptera. V. 6 Chrysomeloidea, Stenstrup: Apollo Books. 924 p.

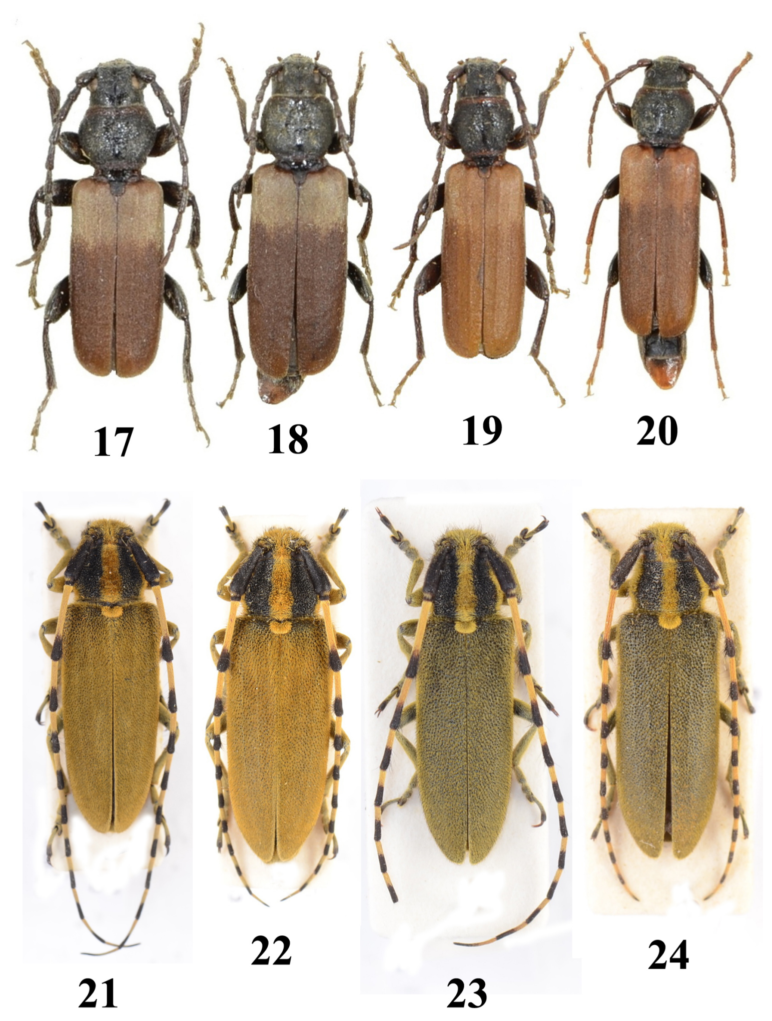
Özdikmen H. & Turgut S. 2009. On Turkish Cerambyx Linnaeus, 1758 with zoogeogrephical remarks (Coleoptera: Cerambycidae: Cerambycinae). - Munis Entomology & Zoology. 4(2): 301-319.

Plavilstshikov N.N. 1940. Fauna SSSR. Nasekomye zhestokrylye. T. XXII. Zhuki-drovoseki (ch. 2). Moskva - Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 784 + [3].

Rapuzzi P. & Sama G. 2012. New taxa and new records of longhorn-beetles from eastern Mediterranean region (Coleoptera, Cerambycidae). - Munis Entomology & Zoology. 7(2): 663-690.

Figs 1-2.*Cerambyx nodulosus hermoniacus* **ssp. n**.: 1 - male, holotype; 2 - female, paratype. **Figs 3-4.** *Cerambyx nodulosus nodulosus* Germar, 1817 - Bulgaria, Slančev Brjag: 2 - male; 3 - female. **Figs 5-6.** *Cerambyx kodymi* **ssp. n**.: 5 - male, holotype; 6- female, paratype. **Figs 7-8.** *Cerambyx carinatus* Küster, 1846: 7 - male, Monte Negro, Bar; 8 - female, Croatia, Senj. **Figs 9-10**. *Cerambyx* prope *dux* (Faldermann, 1837) **[sp. n., ssp. n. ?]** - Syria, Mount Hermon, Jandal: 9 - male; 10 - female. **Figs 11-12.** *Cerambyx dux* (Faldermann, 1837) - Dalmatia: 11 - male; 12 - female. **Figs 13-14.** *Trichoferus* prope *griseus* **(**Fabricius, 1793) - España, Andalusia, Nerja: 13 - male; 14 - female. **Figs 15-16.** *Trichoferus griseus* (Fabricius, 1793): 15 - male, Tunisia; 16 - female - Algeria.

Figs 17-18. *Tetropium fuscum lapponicum* **ssp. n.:** 17 - male, holotype; 18 - female, paratype. **Figs 19-20.** *Tetropium fuscum fuscum* (Fabricius, 1787)**:** 19 - male, Czechia, Protivín; 20 - female. Czechia, Slapy nad Vltavou. **Figs 21-22.** *Agapanthia kirbyi valandovensis* **ssp. n.:** 21 - male, holotype; 22- female, paratype. **Figs. 23-24.** *Agapanthia kirbyi kirbyi* (Gyllenhal, 1817): 23 - male, France, Hérault, Martin Londre; 24 - female, France, Hérault, Argeliers.

Received: 24.10.2015
Accepted: 27.10.2015

О ЖУРНАЛЕ

Журнал "Гуманитарное пространство" Международный альманах (Journal "Humanity space" International almanac) издается с 2012 года. Публикует статьи, являющиеся результатом научных исследований. К печати принимаются оригинальные исследования, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты; обзоры, аналитические и концептуальные разработки по конкретным проблемам гуманитарных, естественнонаучных и медицинских наук.

Издание зарегистрировано в Международном Центре ISSN в Париже (идентификационный номер печатной версии: ISSN 2226-0773).

Выходит 4 номера в год, а так же дополнения в виде приложения к журналу.

Нашими партнерами являются: институт Российской Академии Образования ФГБНУ «Институт художественного образования и культурологии», Чеховский Механико-Технологический Техникум Молочной Промышленности, Музыкальный обозреватель, Даугавпилсский университет (Латвия), разные кафедры университетов (Московский Педагогический Государственный Институт, Московский Государственный Институт Культуры, Российский Государственный Социальный Университет) и др.

Альманах представлен во многих базах данных и каталогах: ISI Master Journal List (Thomson Reuters), ISI Zoological Record (Thomson Reuters), Genamics JournalSeek, Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и др.

В связи с Федеральным законом от 29 декабря 1994 г. No 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов», экземпляры сдаются в «Российскую книжную палату / филиал ИТАР-ТАСС». Один экземпляр, остается в «РКП / филиал ИТАР-ТАСС», который является единственным источником Государственной регистрации отечественных произведений печати и отражения их в государственных библиографических указателях.

Издание поступает в основные фондодержатели РФ, перечень которых утвержден в законодательном порядке в соответствии с приказом Министерства культуры Российской Федерации от 29

сентября 2009 г. No 675 г. Москва «Об утверждении перечней библиотечно-информационных организаций, получающих обязательный федеральный экземпляр документов».

Национальное фондохранилище отечественных печатных изданий Российской книжной палаты:

- Российская государственная библиотека (Москва)
- Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
- Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск)
- Дальневосточная государственная научная библиотека (Хабаровск)
- Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- Парламентская библиотека Государственной Думы и Федерального собрания
- Администрация Президента Российской Федерации Библиотека (Москва)
- Научная библиотека Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- Государственная публичная научно-техническая библиотека (Москва)
- Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского. Научная музыкальная библиотека им. С.И. Танеева
- Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино (Москва)
- Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва)
- Библиотека по естественным наукам Российской академии наук, Москва
- Государственная публичная историческая библиотека, Москва
- Всероссийский Институт научной и технической информации Российской академии наук, Москва
- Государственная общественно-политическая библиотека, Москва
- Центральная научная сельскохозяйственная библиотека Российской академии сельскохозяйственных наук (Москва)
- Политехнический музей, Центральная политехническая библиотека (Москва)
- Центральная научная медицинская библиотека Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова, Москва
- Другие библиотеки

Осуществляется дополнительная адресная рассылка по территории РФ и Зарубежью.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал “Гуманитарное пространство” Международный альманах (Journal “Humanity space” International almanac) публикует статьи, являющиеся результатом научных исследований. К печати принимаются оригинальные исследования, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты; обзоры, аналитические и концептуальные разработки по конкретным проблемам гуманитарных, естественнонаучных и медицинских наук.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

Редакция журнала оставляет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописей.

В случае несоответствия статьи настоящим правилам и требованиям рукопись возвращается без регистрации.

Редакция не несет ответственности за полноту содержания и достоверность информации, материалов.

Авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации

Статья присылается одним файлом, названным фамилией автора или первого автора (соавторов). Пример: Ivanov_2011.doc

Оформление рукописи должно соответствовать следующим требованиям:

– статья должна быть ясно и логично структурирована
– название (на английском и русском языках)
– фамилия, имя, отчество [полностью] (на английском и русском языках)
– звание, степень, должность (на английском и русском языках)
– место работы [полностью, включая индекс, e-mail] (на английском и русском языках)
– ключевые слова (на английском и русском языках)
– резюме (на английском и русском языках)
– краткое введение с постановкой задачи и проблемой исследования
– материал и методы
– описание и анализ результатов
– обсуждение и заключение
– благодарности и ссылки на номера грантов

– список литературы
– таблицы черно-белые без графики и полутанов (каждая на отдельной странице)

объем присланного материала не должен превышать 10000 знаков включая пробелы (6 машинописных страниц)
размер листа: А4
редактор: Microsoft Word [Word for Windows 2003]
формат: *.doc
шрифт: Times New Roman
кегль: 14 обычный – без уплотнения
текст без переносов
междустрочный интервал - полуторный (компьютерный)
выравнивание по ширине
поля: верхнее, нижнее, правое, левое - не менее 2 см
номера страниц внизу по центру
абзацный отступ 1,2 см
сноски отсутствуют
ссылки на литературу приводятся по тексту в круглых скобках
список литературы располагается в конце текста (входит в общий объем статьи)

Рукописи не должны содержать диаграмм, схем, фотографий, рисунков

Авторы получают оттиск своей статьи в виде PDF-файлов.

Образец оформление статьи:

Иванова Екатерина Павловна
доктор философских наук, профессор философского факультета
Ph.D., professor of the Faculty of Philosophy

Методологические аспекты перехода от парадигм обучения к парадигме самообразования

Е.П. Иванова

Московский Педагогический Государственный Университет
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1
Moscow State Pedagogical University

Malaya Pirogovskaya str. 1, Moscow, 119991 Russia; e-mail: info@info.com
Ключевые слова: виды парадигм, парадигма обучения, парадигма самообразования, особенности парадигмы профессионального самообразования в вузе, дидактический комплекс самообразования.
Key words: kinds of paradigms, training paradigm, self-education paradigm, peculiarity of self-education paradigm at a higher school, didactical complex of selfeducation.
Резюме: В статье обосновывается парадигма самообразования в сопоставлении с частными и локальными педагогическими парадигмами. В качестве методологических основ парадигмы самообразования рассматриваются ее историческая преемственность, информационная направленность и реализация в атрибутах обучения.
Abstrct: The article settles the self-education paradigm in comparison with particular and local pedagogical paradigms. Historical succession, information trend and realization in attributes of training are considered as a methodological basis of self-education paradigm.
[Ivanova E.P. Methodological aspects of transition from training to selfeducation paradigms**]**

[Текст статьи]

ЛИТЕРАТУРА

Баткин Л.М. 1989. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука. 272 с.
Лихачев Д.С. 1969. Внутренний мир художественного произведения. - Вопросы литературы. 8: 29-33.
Лотман Ю.М. 1992. Культура и взрыв. М.: Гнозис. 272 с.
Лурье С., 1994. Антропологи ищут национальный характер. - Знание-сила. 3: 48-56.
Хайдеггер М. 1993. Время картины мира. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика. 447 с.
Bedini S.A. 1965. The evolution of science museums. - Technology and .culture. 5: 1-29.
Boettiger C. 1808. Uber Museen and Antikensammlungen. Leipzig: Behr. 31 s.

ABOUT THE JOURNAL

Journal “Humanity space” International almanac has been published since 2012. In it there are published the articles that are the scientific researches' results. Texts could be original research, containing new, previously unpublished results, surveys, analytical and conceptual manuscripts on specific issues of the humanities, natural and medical sciences.

Publication is registered in the ISSN International Centre in Paris (identification number printed version: ISSN 2226-0773).

The journal is published 4 issues per year, as well as additions to an annex to the journal.

Our partners are: Federal State Budget Research Institution of the Russian Academy of Education «Institute of Art Education and Culture», Chekhov Mechanics and Technology College Dairy Industry, Musical reviewer**,** Daugavpils University (Latvia), various departments of the Universities (Moscow State Pedagogical Institute, Moscow State Institute of Culture, Russian State Social University), etc.

Almanac is presented in many databases and directories: ISI Master Journal List (Thomson Reuters), ISI Zoological Record (Thomson Reuters), Genamics JournalSeek, Russian Science Citation Index (RSCI) etc.

In connection with the Federal Law of December 29, 1994 N 77-FZ “On Obligatory Copy of Documents”, copies shall be in “Russian Book Chamber / Branch ITAR-TASS”. One copy remains in " Russian Book Chamber / Branch ITAR-TASS" which is the only source of state registration of Russian printed publications, and their reflection in the state bibliographies.

The publication goes to major holders of the Russian Federation, the list of which is approved by law in accordance with the order of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated 29 September 2009 Moscow N 675 “On approval of the lists of library and information organizations receiving federal mandatory copy of the documents”.

National Storage Facility local publications by the Russian Book Chamber:

- Russian State Library (Moscow)
- National Library of Russia (Saint Petersburg)

- State Public Scientific-Technological Library of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)
- Far Eastern State Research Library (Khabarovsk)
- Library of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)
- Parliamentary Library of the State Duma and Federal Assembly
- Library of President's Administration of Russian Federation (Moscow)
- Scientific Library of the Moscow State University named after MV Lomonosov
- Russian National Public Library for Science and Technology (Moscow)
- S.I. Taneev Scientific Music Library of the P.I. Tchaikovsky Moscow State Conservatory
- M.I.Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature (Moscow)
- Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
- Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
- State Public Historical Library (Moscow)
- All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of Russian Academy of Sciences (Moscow)
- State Socio-Political Library (Moscow)
- Russian Agricultural Sciences Academy Central Scientific Agricultural Library (Moscow)
- Polytechnical Museum. Central Polytechnical Library (Moscow)
- Central Scientific Library of Medicine. I.M. Sechenov First Moscow State Medical University
- Other Libraries

It is performed additional mailing in the Russian Federation and abroad.

INSTRUCTIONS TO AUTHORS

Journal "Humanity space" International almanac publishes research articles. Texts could be original research, containing new, previously unpublished results, reviews, analysis and conceptual manuscripts on the specific problems of the humanities, natural and medical sciences.

The decision for publishing is accepted by the journal's editorial board.

The editorial staff reserves the right to make reduction and edits manuscripts.

In the case of non-compliance with these Regulations and Article requirements manuscript will send back without registration.

The editorial is not responsible for the completeness and accuracy of the manuscripts' information content.

Authors take personal responsibility for the content, accuracy of the translation, annotation citation and bibliographic information.

Article had to be sent in one file, called the author's name or the first author (coauthors). Example: Ivanov_2011.doc

The manuscript had to be corresponded to the following requirements:

- Article had to be clearly and logically structured
- Name (in English and Russian)
- Surname, first name [full] (in English and Russian)
- The title, degree, position (in English and Russian)
- Place of work [including a full index, e-mail] (in English and Russian)
- Key words (in English and Russian)
- Abstract (in English and Russian)
- A brief introduction to the issue's problem
- Methods
- Description and analysis of research results
- Discussion and conclusion
- Gratitudes and links to the numbers of grants
- A list of references
- A table in black and white with no graphics and semitones (each on separate page)
- Manuscript's volume should not exceed 10 000 characters including spaces (6 pages)
- Paper size: A4

- Editor: Microsoft Word [Word for Windows 2003]
- Format: *. Doc
- Font: Times New Roman a size 14 regular
- Seal text without hyphenation Line spacing - one and a half (computer)
- Full justification margins: top, bottom, right, left - at least 2 cm
- Page numbers at the bottom of the center
- Indent 1.2 cm
- There are no footnotes
- References are given in the text in parentheses

-references located at the end of the text (included in the total amount of the article)

Manuscripts should not contain charts, diagrams, photographs, drawings

Authors will receive a reprint of his article as a PDF-file.

The sample design of the article:

Ivanova Ekaterina Pavlovna
Ph.D., professor of the Faculty of Philosophy

Methodological aspects of transition from training to selfeducation paradigms

E.P. Ivanova

Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str. 1, Moscow, 119991 Russia
E-mail: info@info.com

Key words: kinds of paradigms, training paradigm, self-education paradigm, peculiarity of self-education paradigm at a higher school, didactical complex of selfeducation.
Abstrct: The article settles the self-education paradigm in comparison with particular and local pedagogical paradigms. Historical succession, information trend and realization in attributes of training are considered as a methodological basis of self-education paradigm.

[Text of article]

REFERENCES

Batkin, L.M. 1989. The Italian Renaissance in search of individuality. M.: Nauka. 272 p. [In Russian]
Bedini S.A. 1965. The evolution of science museums. - Technology and culture. 5: 1-29.
Boettiger C. 1808. Uber Museen and Antikensammlungen. Leipzig: Behr. 31 s.
Heidegger M. 1993. Time and Life: Articles and Speeches. M.: TheRepublic. 447 p.
Lotman Yu.M. 1992.Culture and explosion. M.: Gnozis. 272 p. [In Russian]

Содержание // Contents

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ THE FAMOUS PEOPLE LIFE

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGICAL SCIENCES

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTUROLOGY

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGICAL SCIENCES

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY SCIENCES
ТЕОЛОГИЯ / THEOLOGY

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / BIOLOGICAL SCIENCES
ЭНТОМОЛОГИЯ / ENTOMOLOGY